

Н. Р. Салихова

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ**

Казань
Казанский государственный университет
2010

УДК 159.9
ББК 88
С 16

*Печатается по решению Ученого Совета
факультета психологии Казанского университета*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор **В.Е.Клочко**,
доктор психологических наук, профессор **Л.М.Попов**,
доктор психологических наук, профессор **З.И.Рябкина**

Салихова Н. Р.

С 16 Ценностно-смысловая организация жизненного пространства личности /Н. Р. Салихова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 452 с.

Работа посвящена теоретическому и экспериментальному исследованию ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности. Предложена контекстуально-уровневая модель его описания, которая позволяет систематизировать различные направления исследований регуляции, саморегуляции и самоорганизации, и включенных в них режимов работы сознания – переживания, осознания и рефлексии. Предложено представление о ценностно-смысловом рельефе жизненного пространства и конструкте барьерности-реализуемости личностных ценностей как функционально-динамическом механизме его организации в рамках контекста жизни в целом, отражающем фазы развития человека в экзистенциальном цикле взаимодействия с миром. Данный конструкт рассматривается и типологически как относительно устойчивая характеристика личности. Представлены данные о его взаимосвязях с инструментальными проявлениями личности, механизмами структурирования образа мира, составляющими стратегии жизни. Раскрывается социо-, возрастнo-, гендерно-, профессионально-обусловленная специфика ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности.

Адресуется психологам и всем интересующимся фундаментальными проблемами психологии личности.

УДК 159.9
ББК 88

ISBN – 978-5-98180-769-5

© Салихова Н. Р., 2010

© Казанский университет, 2010

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в психологии происходит переход от преимущественного изучения локальных, частных процессов и явлений к интегративным, сопоставимым по масштабу с человеческой жизнью. Именно с этим можно связать появление значительного числа работ, в которых описываются новые интегративные феномены и понятия или заново переосмысливаются на новой глубине некоторые прежние, имеющие давнюю традицию изучения в качестве отдельных, частных процессов или свойств. В рамках данной тенденции развития науки произошло возрождение интереса к понятиям жизненного мира (Э. Гуссерль) и жизненного пространства (К. Левин), которые были почти одновременно введены в психологию в первой половине XX в., но интерес к ним многократно возрос в последнее время, и их эвристический потенциал еще далеко не исчерпан. Растет число работ и теорий, оперирующих данными категориями, возникает много новых понятий, по своему содержанию близких или охватывающих какой-то аспект описываемой ими реальности. Цикл авторских исследований, изложенных в данной работе, также находится в ряду попыток раскрыть закономерности становления и функционирования жизненного мира человека.

Прежде чем перейти к раскрытию темы на строгом языке научной монографии, хотелось бы передать ее основную идею через одно жизненное наблюдение, которое можно рассматривать в качестве своеобразной метафоры, близкой по общему смыслу тому, что получено в исследованиях, изложенных в книге.

Еще задолго до возникновения их замысла мне встретилась молодая супружеская пара. Эту встречу никак нельзя назвать той Встречей, которую имеют в виду, говоря о некоторых поворотных или знаковых событиях жизни. Она была мимолетна, кратковременна, ее можно охарактеризовать скорее как небольшое дорожное наблюдение, но была связана с впечатлением, которое удивило и запало в память, и стало почему-то вспоминаться тем чаще, чем дальше продвигалось исследование, начатое много позже. Было это в середине 90-х годов ушедшего века. В то время я работала наездами в одном из городов нашей республики, читая лекции в разных аудиториях, в том числе и для тех, кто проходил переподготовку по специальности «Психология». Поскольку во время командировки мой рабочий режим был плотно сжат между временем приезда и отъезда и надо было успеть очень многое, то консультации со слушателями могли проходить в самых нетипичных и даже спартанских условиях, в том числе и по пути на вокзал или автостанцию, куда они меня иногда подвози-

ли. Бывало, что когда оставалось время, разговор переходил от обсуждения материала курсовой или дипломной работы к жизненным темам. Это был один из таких случаев. В силу обстоятельств часть дороги я ехала с мужем слушательницы курсов переподготовки и беседовала с ним. Он рассказывал мне о своем небольшом бизнесе, о том, как удачно расположился тот небольшой город, в котором они живут: через него проходят основные трассы, соединяющие Запад нашей страны с ее юго-восточными областями и Казахстаном, а дальше и со всеми другими государствами Средней Азии. Соответственно, все транспортные и товарные потоки идут именно через это место. Особенно удачно были расположены те небольшие торговые точки, которыми он владел в отдаленном пригороде. Они находились в самом центре того мира, картину которого он мне разворачивал, и вокруг них бурлила и неслась жизнь – от западных границ нашей страны и до восточных, и далее за рубеж, в восточные республики бывшего СССР, захватывая все в свой водоворот. Какой периферией в этой карте мира казалась Казань, столица республики, отстоящая от этих потоков, еще незаметнее, совсем крошечной, почти не существующей точкой была представлена Москва. Этот человек ощущал себя в центре того мира, в котором он жил, и весь мир расстилался перед ним огромным количеством очень конкретных возможностей и перспектив – выбирай и реализуй любую. В тот момент ощущение этого устройства мира передалось и мне, и лишь несколько позже у меня возникло сопоставление этой картины с теми трудностями, которые тогда представляла для меня поездка в этот город: нет прямых железнодорожных путей, которые связывали бы его с Казанью, вокзал был в соседнем селении, и поезд там останавливался только на минутку, ходил редко и делал большой, почти на сутки, круг, приблизительно так же, по большому кругу из-за отсутствия в то время моста через Каму ездили автобусы. Насколько описание, данное этим человеком, представляло фантастически иную карту мира, нежели была у меня! Но различие наших с ним представлений об устройстве мира было так естественно и объяснимо всей разницей нашего с ним уклада жизни, рода занятий, образования, места жительства и многого другого.

Однако несколько позже в тот же день, после обсуждения необходимых вопросов по замыслу дипломной работы с его женой и по совместительству моей студенткой, в беседе с ней у меня вдруг стало постепенно возникать совершенно другое, полярное впечатление от этого же городка. Выяснилось, что место, в котором они оба живут, являет собой абсолютное захолустье: всего один небольшой и затхлый театр, в котором смотреть совершенно нечего, один технический

вуз и два филиала столичных, совсем нет художественных музеев и галерей, да и крупных торговых центров и мест развлечений, куда можно было бы пойти отдохнуть и развеяться вечером, тоже нет. И, конечно, это не Казань, в которой столько возможностей для бурно кипящей и насыщенной событиями жизни: и театры, и музеи, и вузы, и крупные развлекательные центры, и дома творчества для детей. И поток этой настоящей жизни, ее основное русло очень далеки от этого городка, который находится на самой периферии. Надо сказать, что Казань, где я, собственно, в это время и жила, не очень напоминала мне картины, очертания которых невольно возникали у меня во время беседы со слушательницей курсов переподготовки. Где эти массы непрестанно повышающих свой культурный уровень людей, постоянно посещающих музеи, библиотеки, выбирающих лучшие товары из того огромного разнообразия, которое имеется в торговых центрах, развлекающихся в клубах, участвующих в праздничных мероприятиях? По ходу беседы с ней, уже по пути на вокзал, мне вспоминалась и та квартира, куда мы заглянули перед отъездом на несколько минут, и которую эти молодые супруги совсем недавно приобрели, расширив площадь и улучшив местоположение своего семейного очага, с удовольствием обставляя ее красивой мебелью, приобретая новую бытовую технику, которую мне та же студентка недавно с восторгом демонстрировала, двух очаровательных маленьких детишек, которых оба очень любили, теплые, одновременно романтические и дружеские, отношения между ними, и планы на отпуск, и многое другое, что тоже пришлось мимолетно и случайно узнать или заметить. Это была молодая семья на взлете своей жизни, с общими перспективами, судьбой, жизненными планами, общим местом жительства в этом небольшом городке. Но устройство жизненного мира каждого было таким разным: он жил в самом его центре, в потоке жизни, а она была выброшена на периферию и могла только издали наблюдать, как жизнь несется где-то там, далеко, совсем не там, где находится она.

Конечно, в первую очередь бросилось в глаза различие тех ценностно-смысловых осей, относительно которых выстраивалось описание жизненного мира каждым из них. Но что-то мне интуитивно подсказывало, что живи она в Казани, – возможно, центр мира оказался бы где-нибудь в Москве, да и Москвы могло бы не хватить, поскольку еще больше интересного и совершенно необходимого для общего культурного и образовательного развития находится в Париже или, к примеру, в Лондоне, или еще где-то, но точно не там, где находится она сама... Вспомнились и другие люди с очень большой степенью укорененности в своем жизненном мире (почему-то это

всегда были мужчины), жившие с ощущением себя как центра Вселенной, в которой есть все, что нужно, а если чего-то в этой Вселенной нет – то это совсем ненужные, неважные и практически бесполезные для жизни явления и вещи. Надо сказать, часто это были жители совсем небольших поселений.

В связи с этим наблюдением и тогда, и сейчас возникло много вопросов. Что это за феномен, с которым я столкнулась и который так ярко проявился в различиях устройства жизненного пространства каждого из супругов? Что за ним стоит? Существует ли психологический центр мира или жизни? Как и чем определяется место, где он находится? Как это назвать – центрация Я или центрация мира, или, может быть, дистанцией от Я до центра мира? С этим впечатлением, в общем семантическом облаке как поддерживающие ощущение сущности замеченного, много позже связались и невроз отложенной жизни (НОЖ), смысл которого так точно передан в режущей фоносемантической символике его обозначения (Серкин, 2005), и пронзительная метафора старости как обочины большого шоссе, по которой идут старики, а мимо на огромной скорости проносятся молодые, прочитанная когда-то в статье Л.И. Анциферовой (1994). И сразу вопрос о том, имеет ли это отношение и если имеет, то какое, к хорошо известному со студенчества феномену эгоцентризма Ж. Пиаже. И небольшое замечание Н. Носова в его книге «Виртуальная психология» о том, что человек должен быть в центре своего мира: «Кем бы человек ни был, чтобы он ни делал, где бы он ни жил, в силу виртуальности он должен чувствовать себя в центре мира. <...> Человек может жить своей жизнью и умереть своей смертью только там, где жизнь его виртуальна, т. е. там, где все центрировано на нем, там, где он сам может строить свою жизнь, – это и будет его родиной» (Носов, 2000, с. 52). Поиск в книге еще чего-нибудь о том же результатов не дал. И остался вопрос: может, человек и должен, но всегда ли он находится там, в центре своего мира? И как мои молодые супруги так по-разному собрали каждый свой мир, что, живя в одном общем доме, оказались в диаметрально противоположных его областях? И, конечно же, вспомнилась в связи с этим и знаменитая «точка сборки» К. Кастанеды – завораживающая идея и оставшийся после прочтения вопрос: как собирается этот совсем другой мир, где пропасть становится ровным местом, и где искать технологию сборки?

Описывают ли в чем-то родственные понятия – вовлеченность (С. Мадди), опыт потока (М. Чиксентмихайи), отчуждение – то, что стоит за этими разными способами строить свой жизненный мир? Сложно сказать, с каким результатом слушательница курсов переподготовки могла бы тогда ответить на вопросы шкалы «Вовлеченность»

опросника жизнестойкости или на пункты теста отчужденности (их тогда еще не было в русскоязычной психологии), но производила она впечатление человека включенного в процесс своей жизни, тех дел, которые занимали ее с утра до вечера. Не думаю, что состояние отчужденности – это то, что она испытывала, или это просто его слабая степень? Или, может быть, подмеченный мною феномен – совсем иной природы?

Получены ли сейчас ответы на эти вопросы? Стало ли мне самой более ясно то, с чем столкнулась тогда? И да, и нет. И замысел исследования, излагаемого в книге, изначально не был сформулирован как поиск ответов именно на эти вопросы, потому что было совсем непонятно, как же все это можно исследовать обычными психологическими методами. И если строить исследование при помощи метода интервью, то какие задавать вопросы, о чем они могут быть, чтобы были понятны отвечающему и при этом были именно об этом? Экзистенциальные вопросы о центрации жизненного мира казались мне скорее моментами личного опыта, нежели профессиональными задачами, а научные исследования, казалось, шли в другом русле и были о чем-то ином. Но в ходе анализа и обобщения результатов очень разных серий исследования почему-то все чаще вспоминался этот эпизод из прошлого, помогая иногда складывать общую картину из разрозненных кусочков эмпирических данных.

Вариант сборки основных полученных результатов, который удалось уложить в логическую последовательность, чего требует формат научного издания, представлен в данной книге. Полученные из разных источников – жизненных наблюдений, исследований, теорий и концепций, прочитанных книг, художественных и научных, детских и взрослых, – основные обобщения даны только в том их срезе, который может опираться на теоретические аргументы или эмпирически полученные факты. Не скрою, очень многие вопросы остались открытыми. Есть планы и замыслы как дальнейших исследований, так и варианты сборки оставшегося, не вошедшего в эту книгу материала. Ощущение самого начала большого пути исследований не покидает.

Логика изложения следует тому, как поэтапно разворачивался весь цикл исследований. Поэтому в первой главе обсуждаются лишь те наиболее общие теоретические вопросы, которые служат исходными для начала изложения исследований, задавая для них максимально общую рамку. Концептуальный каркас, который задействован и необходим в конкретном исследовании, представлен в начале каждой главы в связи с решаемыми в ней задачами эмпирического исследования. В последней главе – в ее первом разделе – кратко представлена вся последовательность исследований со сжатым изложением

основных принципиальных результатов, где в небольшом объеме текста достаточно полно представлена их общая картина. Второй раздел данной главы является теоретическим обобщением полученных результатов в виде модели работы функционального механизма барьерности-реализуемости ценностей в организации жизненного пространства личности. Поэтому для удобства и быстроты ознакомления с основными результатами и выводами можно от введения перейти сразу к последней главе, по мере интереса и необходимости обращаясь к развернутому в каждой части изложению отдельного исследования.

Завершая вступительную часть, приношу огромную благодарность моим учителям, студентам, родным и друзьям, руководителям и коллегам – всем, без кого эта работа не могла бы состояться. Благодаря вашей искренней заинтересованности, поддержке и пониманию мне удавалось двигаться как по пути самого исследования, так и его оформления в данной монографии. Каждый из вас был очень важен на том или ином этапе работы, и поэтому хочу выразить всем вам свою искреннюю признательность. Наиболее плотное и постоянное участие в работе принимали мои студенты, соискатели и аспиранты, имена каждого приведены в соответствующих разделах монографии. Спасибо вам за интерес, проявленный к данному научному направлению, добросовестную работу по планированию исследований, сбору и обработке эмпирического материала, увлеченные и продуктивные диалоги при обсуждении результатов. Спасибо моим учителям – преподавателям факультета психологии МГУ, чье незримое, но постоянное присутствие ощущалось благодаря совершенным когда-то личностным вкладам, а труды многих стали маяками в моем самостоятельном движении. Особенную благодарность приношу Борису Сергеевичу Братусю, заронившему у меня интерес к понятию жизненного пространства на семинарах по психологии личности, за ту глубокую и очень человечную психологию, в которую он вводит студентов, и Игорю Александровичу Васильеву за истинно роджерсианский стиль научного руководства. Огромное спасибо замечательным ученым – Дмитрию Алексеевичу Леонтьеву, Елене Евгеньевне Сапоговой, Елене Алексеевне Сергиенко, Виктору Владимировичу Знакову, Виталию Евгеньевичу Ключко: содержательный диалог с вами, ваше внимание и понимание стали важными стимулами и опорой в моей работе. Слова самой искренней и горячей благодарности за совершенно особую роль в инициации данного цикла исследований и за постоянную содержательную и личную поддержку на всех ее этапах адресую Александру Октябрьевичу Прохорову.

ЧАСТЬ I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Понятие *жизненного пространства* и практически одновременно с ним возникшее понятие *жизненного мира* относятся к тем интегральным категориям, которые охватывают наиболее широкую рамку исследования психического как целостности. Одно из исторически первых в данном контексте понятий – «жизненное пространство» Курта Левина – обозначало специфическое *единство личности и среды*, не сводимое ни к одной из своих составляющих в отдельности, которое подчиняется психологическим законам и характеризуется психологическим пространством/временем, отличным от физического [Левин К., 2001]. Понятие *жизненного мира* было введено Э. Гуссерлем (2000) для описания того, что имеет бытийность, значимость и фиксируется сознанием в самовыстраиваемом, переживаемом, воспринимаемом, проговариваемом мире, феноменологии «той уникальной реальности, в которой обнаруживает себя каждый человек» [Леонтьев Д.А., 2004, с. 114]. Одним из первых среди отечественных психологов философско-методологическое представление о том новом онтологическом статусе, который приобретает мир в его соотношении с человеком, заложившее основы «онтологии человеческого бытия», сформулировал С.Л. Рубинштейн в работе «Человек и мир» (1997). Ф.Е. Василюк (1984) разрабатывает понятие *жизненного мира* в целях анализа переживания в рамках неклассической онтологии, обозначенной им как «жизнь-человека-в-мире». Позднее данное понятие было определено им как предельно обобщенная методологическая

категория, по отношению к которой категории *деятельность, общение, отношение* и *установка*, синтезированные в теоретической модели «интегральной психологической единицы жизненного мира человека» [Василюк, 2007, с. 22], выступают как частные аспекты единой общепсихологической системы.

В настоящее время помимо понятий «жизненный мир» и «жизненное пространство» создано множество терминов, обозначающих аналогичную психологическую реальность: «малая среда» [Чудновский, 1993], «субъективный мир» [Слободчиков, Исаев, 1998], «метаиндивидуальный мир» [Дорфман, 1997 б], «Я-среда» [Кондратова, 1997], «психологическое пространство личности» [Нартова-Бочавер, 2003], «ментальное пространство личности» и «жизненный мир человека» [Клочко, 2005; Некрасова, 2005], «бытийное пространство» [Рябикина, 2005, 2007], «социально-психологическое пространство» и «психологический мир субъекта» [Журавлев, Купрейченко, 2007, 2009] и др.

Возрождение интереса к данному понятию в современной психологии А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко (2007) объясняют ее общим парадигмальным сдвигом в направлении исследований человека как субъекта самоопределения, поскольку оно отражает «в высокой степени избирательное и, в то же время, преобразующее отношение субъекта к внутренним и внешним условиям своей жизнедеятельности» [Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 8]. Этот сдвиг сопровождается возникновением новых подходов и появлением новых терминов. В ситуации, когда предметное поле исследований бурно развивается, терминологическое разнообразие, по всей видимости, необходимо: авторы для означивания новых сторон явлений, которые открываются в исследованиях, создают соответствующие им обозначения, используя уже имеющиеся термины, создавая новые или вводя их разнообразные сочетания. Практика применения понятий со временем оставит наиболее точные и необходимые. В этих условиях актуальной становится задача сопоставительного анализа концепций и терминов данного направления для выделения некоторых базовых оснований исследования жизненного мира, задающих основные конструктивные оси его теоретического описания. Это необходимо как для очерчивания общего предметного поля исследований, так и систематизации и координации основных теоретических подходов, а также определения перспективных направлений дальнейшего развития психологии в рамках онтологии жизненного мира человека.

Одним из способов осуществления данной работы может быть экспликация явных и неявных *понятийных оппозиций*, выступающих в качестве *теоретических координат*, с помощью которых в современной психологии строится понятие жизненного мира и близких

ему по смыслу понятий, обозначаемых схожими терминами. Их выявление в результате сопоставления имеющихся подходов и стало *целью* проведенного теоретического анализа, изложению результатов которого посвящена *первая глава*. Тем самым была продолжена работа по систематизации различных теоретических и эмпирических реализаций понятия жизненного мира^{*}, уже начатая рядом авторов [Журавлев, Купрейченко, 2007, 2009; Нартова-Бочавер, 2008; Психология личности, 2007 и др.]. При этом мы не останавливались на подробном изложении каждого из подходов – в настоящее время широко доступны как работы, в которых они изложены самими авторами, так и обзорно-аналитические публикации, освещающие также и историю вопроса.

Поскольку содержательное наполнение жизненного мира в большинстве современных концепций раскрывается через понятия *смысла* и *ценности*, обозначающих пристрастность позиции человека в мире, а также аналогичных им по функциональной роли понятий потребности, мотива, значимости и некоторых других, то во *второй главе* рассматриваются основные подходы к соотношению этих ключевых для проблемы ценностно-смысловой организации жизненного мира понятий. Особое внимание уделено различным уровневым моделям в систематизации содержания смысловых образований, которые, соответствуя некоторым понятийным оппозициям описания жизненного мира, стали основанием для разработки контекстуально-уровневой модели жизненного пространства личности, обоснованию которой посвящена *третья глава*. Поскольку в качестве конституирующих содержание жизненного мира взрослого человека выступают высшие, ценностные формы смысловых образований, то в целях исследования динамических закономерностей его организации в *четвертой главе* ставится и анализируется проблема динамических аспектов функционирования личностных ценностей.

* В контексте поиска пересечений между подходами, базирующимися на онтологии, обозначенной как «жизнь-человека-в-мире» (Василюк, 1984), в качестве основного, наиболее обобщенного термина, позволяющего обозначить и охватить все их многообразие, в этом разделе будет использоваться термин «жизненный мир».

ГЛАВА 1. ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА И ПОНЯТИЙНЫЕ ОППОЗИЦИИ ЕГО ОПИСАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Выявление ключевых понятийных оппозиций описания жизненного мира, отражающих его различные размерности и создающих поле вариативности имеющихся подходов, осуществлялось посредством сопоставления между собой тех из них, которые по критерию фокусировки фактически реализуемых исследовательских программ можно условно разместить на противоположных полюсах той или иной понятийной оппозиции. Этим же определялся и выбор рассматриваемых в настоящей работе подходов, который не исчерпывает всего поля исследований и концепций. Некоторую условность проведенного противопоставления мы оговариваем изначально, так как нельзя утверждать, что какой-либо подход целиком и полностью сводится к одному из полюсов. Каждый из авторов обратился к понятию *мира* или *пространства* с целью подчеркнуть целостность изучаемой реальности. Чаще всего на общетеоретическом уровне в концепциях рассматриваются оба полюса представляемой ими понятийной оппозиции, но все-таки один из них развернут более детально, в то время как другой остается в тени. По всей видимости, это связано с тем, что ни один исследователь не может в одинаковой мере охватить, особенно на конкретном эмпирическом уровне, все составляющие этой многогранной и сложной реальности. Поэтому каждый из подходов представляет собой сокращающую размерность проекцию многомерной целостности в менее объемную реальность, при этом его терминологическое оформление соответствует тем сторонам жизненного мира, которые оказались в фокусе его внимания и отличаются наиболее полным и выпуклым представлением. Конфигурация разных подходов позволяет выявить основные оси теоретического пространства познания жизненного мира, в котором получают свои координаты созданные и развивающиеся направления исследований.

Сквозной для всех подходов является понятийная оппозиция **внешнего и внутреннего**, возникающая как в ракурсе рассмотрения источников детерминации, так и в качестве основания структурно-топологического анализа жизненного мира. Это не случайно, так как понятие жизненного мира и возникло для обозначения той третьей реальности, в которой противопоставление внешнего и внутреннего должно сниматься. Следующее различие связано с **позицией описания** жизненного мира: *изнутри*, с точки зрения самого человека, или *извне*, с позиции внешнего по отношению к нему наблюдателя.

Оно имплицитно вкладывается в то или иное понимание жизненного мира, становясь точкой фундаментального расхождения основных научных парадигм в психологии, однако в современных концепциях чаще всего присутствует в неявном, неэксплицированном виде. Важным основанием вариативности подходов являются иногда пересекающиеся между собой понятийные оппозиции **ситуативное – тотальное, общее – частное, целое – часть**. Рассмотрим представления о жизненном мире сквозь призму этих оппозиций и на материале разработанных к настоящему времени в ряде концепций теоретических конструкторов.

Внешнее – внутреннее. В силу того, что различие внешнего и внутреннего является центральным для понятия жизненного мира, снимающего существующую между ними полярность, в разных подходах наблюдается много разных вариаций понимания их синтеза.

Жизненное пространство в понимании К. Левина задается двумя границами: *внешняя* отделяет его от реальных – физического и социального – макромиров, *внутренняя* в рамках самого жизненного пространства отделяет внутренний мир личности от ее психологической среды посредством сенсомоторной области [Левин К., 2001]. Тем самым выделяются зоны жизненного пространства, отличающиеся между собой соотношением внутреннего и внешнего. Во-первых, это абсолютное внешнее, которое не входит в жизненное пространство человека, оставаясь чуждой ему «вещью в себе», о существовании которой он даже не догадывается. Во-вторых, существует внешнее, которое входит в жизненное пространство, представляя объекты и явления, соответствующие внутренним областям и связанные с ними векторами напряжений, но для самого субъекта они выступают в качестве внешних. И, в-третьих, существуют внутренние области, имеющие свою топологическую структуру, так что одни зоны могут выходить к внешнему (сенсомоторная область), другие не имеют туда непосредственного выхода. Внутренние зоны также характеризуются векторами и динамикой напряжений. К различению внешнего и внутреннего у К. Левина относится и представление о реальном – и ирреальном, существующем только в плане фантазий, уровнях жизненного пространства. Уровень реального отражает внешнее, присутствующее в рамках жизненного пространства, а ирреальное – только внутренние области.

В теории К. Левина присутствует также представление о пространстве свободного движения, определяемом степенью осведомленности человека о той или иной сфере жизни. Соответственно во внешнем, входящем в жизненное пространство, разделяются между собой зона, в которой отсутствует возможность свободного движе-

ния, и зона, где такая возможность есть. Это вносит в разделение зон жизненного пространства по соотношению внешнего и внутреннего более тонкий критерий *освоенности – неосвоенности*.

Как видим, уже в концепции К. Левина заложено представление о соотношении внешнего – внутреннего скорее как континуальном, в противовес традиционному дихотомическому. Континуум начинается с абсолютного внешнего, не существующего для жизненного пространства субъекта, продолжается входящим в него, но неосвоенным внешним, затем выделяются освоенные зоны внешнего (пространство свободного движения), следом идут сенсомоторные области внутреннего, имеющие выход вовне, а затем внутренние области.

Анализ современных подходов также позволяет заметить подобный континуум, на изучении разных сегментов которого сфокусированы те или иные концепции*. При этом некоторые авторы создают теоретические схемы и терминологию, позволяющие в максимальной степени удерживать внешне-внутренние соотношения как неразрывное единство, ухватывая синтетическую середину данного континуума в месте существования «третьей реальности», другие же смещены к одному из его полюсов.

Единство внешнего и внутреннего в жизненном мире в концепции Ф.Е. Василюка означает, что в психологическом мире нет ничего непсихологического, относящегося к иной природе, «нечто трансцендентное ему, нечто "оттуда"», заглядывает в мир уже «в маске чего-то психологического», например, трудности и боли [Василюк, 1984, с. 91]. Являясь полностью психологическими, они принадлежат только жизненной реальности и лишь своей обратной стороной намекают на существование иного бытия, не подчиняющегося законам данного жизненного мира, конституируя тем самым его внешние аспекты (сравните с заданным К. Левиным различием абсолютно внешних и входящих в жизненное пространство внешних областей). При этом в рамках жизненного мира автор различает внешний и внутренний миры, имеющие специфические характеристики своей пространственно-временной организации. В описании хронотопа внешнего мира говорится о протяженности как пространственной удаленности и временной длительности, а в описании внутреннего – о структурированности как сопряженности, субъективной «связанности между собой различных жизненных отношений во внутреннем пространстве», наличии «субъективных связей *последовательности* между реализацией

* В данном контексте мы не рассматриваем направления психологии, для которых внешнее и внутреннее разделены дихотомически и безотносительны друг к другу, а потому могут взаимодействовать как абсолютно разделенные сущности, и останавливаемся лишь на тех, авторы которых работают в парадигме жизненного мира, где они составляют единство, а их разделение относительно.

отдельных отношений» [Василюк, 1984, с. 93–94]. Предельные теоретические рамки типологии жизненных миров, созданные для описания переживания разных типов критических ситуаций, задаются сочетанием параметра трудности или легкости *внешнего* мира с параметром простоты или сложности *внутреннего* мира. Дальнейшая разработка категории жизненного мира, характеризующего взрослого человека, т. е. трудного внешне и сложного внутренне, проводится в направлении создания типологии критических ситуаций и переживания, а также определения уровней и регистров работы сознания с целью построения основы психотехнической системы понимающей психотерапии [Василюк, 1995 а, б, 2007].

Идея единства внешнего и внутреннего разрабатывается на методологическом уровне в теории психологических систем В.Е. Ключко (2005). Жизненный мир человека предстает в ней как «превращенная форма» сложнейшей, находящейся в состоянии непрерывного становления динамической субъективно-объективной реальности, в рамках которой противоположности (внутреннее и внешнее, субъективное и объективное) сосуществуют в сложном и упорядоченном системном единстве: «...многомерный мир человека есть то, что располагается между субъективной и объективной реальностями, между "духом и материей" <...> Этот мир не рождается вместе с человеком – он им создается, конструируется, и, в конечном счете, человек таков, каков его мир» [Ключко, 2005, с. 140]. При этом жизненный мир человека порождается не им, не его сознанием, а целостной психологической системой, центром которой он является. Целостная психологическая система понимается как человек, взятый в единстве с той частью объективного мира, которая составляет его (человека) действительность. Именно **человек как открытая самоорганизующаяся психологическая система** задает «особую психологическую онтологию», «психологическое пространство», в котором совершается взаимопереход внешнего и внутреннего, субъективного и объективного и обеспечивается возможность рождения сознания. Причем психологическое пространство детерминируется не совокупностью «завязанных в систему элементов объективной действительности» и не «произволом системообразования, осуществляемым человеком», в нем снимаются как «объективная логика среды, так и субъективная логика человека, подчиняясь одной логике – логике самоорганизации человека как открытой системы» [там же, с. 126]. Под внутренним здесь понимается целостный человек в единстве природных и системных качеств, упорядоченных как *уровни его организации*, а жизненный мир человека является частью его самого, его «истинным телом».

Становление жизненного мира (которое автор отличает от разви-

тия) совершается как последовательное появление его новых измерений, задающих *многомерность* очеловеченного пространства. Сначала «объективная реальность» (мир без человека) превращается в категоризованный значениями *предметный мир*, который становится затем *смысловой реальностью*, и далее – *ценностной действительностью*, делающей человека соизмеримым с другими людьми и с самим собой еще не ставшим, возможным. *Смыслы* и *ценности* понимаются как субъективные сверхчувственные, порождаемые открытой психологической системой качества предметов, фиксирующие факт *соответствия* определенных секторов предметного мира человека его *потребностям* и *возможностям*, соответственно.

Хотя в данном подходе также используются понятия внутреннего и внешнего, но предметом, на котором сфокусирована концепция, является та психологическая реальность, в ходе порождения и самоорганизации которой возникает взаимопревращение противоположностей, интеграция детерминационных потоков, берущих начало во внешнем, во внутреннем, в самой деятельности.

Несколько иная рамка рассмотрения жизненного мира индивидуальности через ее соотношение с другими системами предложена в концепции *метаиндивидуального мира* Л.Я. Дорфмана (1997 б, 2006). Он определяет *индивидуальность* как самость и *мир* в его собственном бытии *целостными равновеликими системами*, которые одновременно могут выступать подсистемами друг друга. В метаиндивидуальном мире существуют две базовые системы отношений: от индивидуальности к миру и от мира к индивидуальности. Мир определяется как совокупность значимых людей, предметов культуры, объектов живой и неживой природы, соотнесенных и соизмеримых с индивидуальностью, масштабом ее жизни. Индивидуальность существует в мире, проникает в него, совершает выборы людей и объектов, производит в них изменения, создавая *экстракорпоральные* формы своего существования. Мир также проникает в индивидуальность, подчиняет ее своим требованиям и нормам, ожиданиям, вследствие чего в индивидуальности появляются производные от мира *интракорпоральные* образования. Соответственно в метаиндивидуальном мире выделяются разные типы детерминационных потоков [Дорфман, 1997 а]. Первый восходит к системам, которым принадлежит человек, являясь их элементом (общество, культура, природа), и которые шире рамок его жизненного мира. Вторым обусловлен тем, что объективная действительность воздействует на человека не прямо, непосредственно, а опосредуется его собственной активностью в рамках его индивидуальных особенностей адаптации к социуму. Третий поток – это имманентная детерминация, которая присуща чело-

веку как сложной, саморегулируемой системе, одновременно автономной и открытой другим системам, преобразующей их в соответствии с логикой собственного бытия. В последнем случае структурирование жизненного мира человека задается самодеятельностью, в которой человек созидает свое инобытие в объективной реальности, воплощая себя в мире. Эти потоки, сосуществуя и взаимодействуя друг с другом, определяют своеобразие жизненного мира человека, в котором выделяются разные области. В области *авторства* действует самоопределение и самопричинение индивидуальности, их следствия, выходящие в мир, задают область *обладания*; в области *принятия* источником детерминации является мир, в области *зависимости* индивидуальность не принадлежит самой себе, являясь следствием, воспроизведением детерминации от системы мир. Данные области, сочетающиеся в той или иной конфигурации, задают разнообразные конкретные варианты отношений человека и мира.

В решении онтологической проблемы локализации психического, его топологии полагается, что психическое существует как внутренне (интракорпорально), так и внешне (экстракорпорально), при этом особый класс явлений, в которых интра- и экстракорпоральные формы психического существуют в неразрывном единстве, и составляет предметность исследований метаиндивидуального мира. Последнее, заметим, подразумевает наличие и таких форм психического, которые существуют только интракорпорально или экстракорпорально. Как видим, отталкиваясь от проблемы соотношения разных источников детерминации, Л.Я. Дорфман формирует представление об индивидуальности и ее мире как едином потоке, в котором индивидуальность и мир, объект и субъект, идеальное и материальное плавно «перетекают» друг в друга, образуя неразрывные совокупности, причем также подразумевается некоторый континуум разных соотношений в них внешнего и внутреннего.

Рассмотренные выше подходы создают наиболее общие теоретические модели, понятийно ухватывающие то единство внешнего и внутреннего, которое и составляет жизненный мир. При этом концепция Ф.Е. Василюка и теория психологических систем В.Е. Ключко в большей степени сконцентрированы на человеке как центре своего жизненного мира, тогда как в концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана, реализующей полисистемный подход, в качестве его центра рассматривается как сама индивидуальность, так и мир.

Более полярны по направлению исследовательских программ в континууме внешнего и внутреннего подходы, сфокусированные на *экстракорпоральных*, по терминологии Л.Я. Дорфмана, формах жизненного мира, с одной стороны, и его *интракорпоральных* формах – с

другой. Первые представлены бытийным подходом к личности [Рябикина, 2005, 2007] и концепцией ее суверенности [Нартова-Бочавер, 2008], тогда как вторые обращаются к понятию экзистенциального пространства [Абульханова, Березина, 2001; Сапогова, 2007 а].

В качестве особого предмета исследования З.И. Рябикина вводит в психологию понятие **бытийного пространства**, которое включает преобразованные в соответствии с личностными смыслами телесность, предметно-пространственную среду, организованное в соответствии со структурой ценностного отношения время, индивидуальный стиль деятельности, пространство межличностных отношений, имидж личности и др. Бытие личности определяется как неповторимая «целостность взаимообусловленных феноменов внутреннего мира человека, его организмических состояний, поведенческих моделей и событий внешнего мира, в котором он претворил свою субъектность (объективировал субъективное)» [Рябикина, 2007, с. 152]. Развитие личности понимается как *расширение ее бытийности* и связывается с ростом субъектности, которая «реализуется в стремлении личности "экстериоризовать" себя в среду, привнося в нее свое, преобразуя ее в соответствии с собственными смыслами» [там же], трансформируя при этом *три пространства* явлений: *среду* своей жизни, свой *организм* во всей сложности его процессов и свое *поведение*. Образуя бытийный слой психики, эти пространства, с одной стороны, непосредственно включаются в организацию личности, а с другой – имеют продолжение в объективно фиксируемых событиях человеческого бытия, поэтому предстают как явления одновременно психологической и внепсихологической природы. В психологическом пространстве им поставлены в соответствие мотивационно-потребностная сфера, планы и структуры поведения и образ мира, причем «в структуре личности системно организованное пространство смыслов занимает позицию над феноменами бытийного слоя психики и объективными пространствами ее бытийности» [там же, с. 149]. Конкретно-экспериментальные исследования в рамках данного подхода направлены преимущественно на изучение многочисленных форм экстериоризации смысловых структур личности вовне: феноменов имиджа, средовой персонологии, предметно-пространственной среды в форме домашнего дизайна и т. п.

Близким к предыдущему является подход к исследованию личностного пространства, развиваемый в рамках концепции *суверенности личности* С.К. Нартовой-Бочавер (2008). Она определяет **психологическое пространство личности** как «субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека», включающий «комплекс физических, социаль-

ных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет» [Нартова-Бочавер, 2008, с. 136]. Его структура анализируется через разные *языки бытия*, образующие шесть измерений: собственное тело, территория, личные вещи, временной режим, социальные связи, вкусы (ценности). Психологическое пространство обладает устойчивостью, человек ощущает его как *свое*, присвоенное или созданное им самим, имеет возможность *контролировать* и защищать все находящееся и возникающее внутри пространства, реализуя свое чувство *авторства*. В пространстве выделяются его объем, количество измерений, сохранность (устойчивость-подвижность границ). Данная концепция, также фокусируясь преимущественно на экстракорпоральных формах жизненного мира, исследует его в первую очередь через границы, поскольку, как считает автор, пространство обычно прозрачно для субъекта, не рефлексивируется им без возникновения проблемных ситуаций и проявляет себя в ответ на его искажение или нарушение границ, вызывая оборонительную активность. Отмечается подвижность психологического пространства и его зависимость от осмысленности жизнедеятельности человека. Расширение происходит при наличии «рыхлых» и неопределенных перспектив, что соответствует стадии жизненного поиска, стабильное состояние устанавливается при обретении ответа, сужение – при возникновении сверхценной идеи, в состоянии влюбленности.

Подчеркивая смешанную природу психологического пространства, его центром С.К. Нартова-Бочавер считает интракорпоральные образования: личную идентичность человека, переживания «Я» и «свое – чужое», причем «свое» – это то, с чем человек *идентифицируется*, и то, что *контролирует*. Однако понятие суверенности строится как привязанное к *средовым языкам бытия*, поскольку, как указывает автор, психологическое пространство и суверенность могут быть изучены только через соотнесение со средовыми явлениями. В связи с этим созданный инструмент диагностики суверенности зондирует ее преимущественно через экстракорпоральные формы.

Данный подход вносит в континуум «внешнее – внутреннее» различие, связанное с понятиями контроля и идентификации, мера которых может служить критерием еще более тонкой дифференциации областей жизненного мира по соотношению в них внешнего и внутреннего. Так, в рамках освоенной зоны жизненного пространства можно выделить зону «Мое», в которую входит все то, с чем человек идентифицируется, и/или то, что ощущает контролируемым, и которая, имея вполне конкретное внешнее и часто даже вещественное выражение, наиболее тесно связана с внутренними областями. Это отличает ее от зоны освоенного мира, т. е. понятного, прогнозируемого

и, возможно, частично контролируемого, куда простирается «зона свободного движения» [Левин К., 2001], но с которым человек не обязательно идентифицируется.

Некоторые аналогичные приведенным выше понятия, фиксирующие *экстракорпоральные* формы существования жизненного мира, сформулированы и другими авторами. Очень близко им понятие "малая среда", предложенное В.Э. Чудновским (1993), которая, «в отличие от "большой среды", является скорее проявлением внутреннего, чем внешнего, т. е. постоянно воспроизводится самим человеком» [Чудновский, 1993, с. 10]. Н.А. Кондратовой (1997) предложено понятие *Я-среда*, которая представляет собой «буферную промежуточную область между личностью и обществом, в которой не существует однозначной границы между внешним и внутренним» [Кондратова, 1997, с. 86]. Этот термин автор считает более конкретным по сравнению с аналогичными понятиями жизненного мира или жизненного пространства, поскольку он «определенно указывает на внешнее пространство» [там же]. В отличие от понятия «микросреда» он фиксирует то внешнее, которое «создается и определяется внутренним, в котором внутреннее не просто живет, но с которым оно срослось и представляет нерасторжимое целое» [там же]. В *Я-среде* внутреннее выступает как причина, а внешнее – как условия, обстоятельства.

Позднее в аналогичном понимании Н.А. Кондратова (2009) применяет термин «жизненное пространство личности», определяя его как субъективный (феноменологический и деятельностный) аспект некоторой сферы жизненного мира человека, который наиболее тесно связан с его ценностями, интересами, всем тем, что создает у человека чувство «свойственного» ему. Жизненное пространство личности конституируется активностью субъекта в реализации им собственных стремлений и определяется как часть жизненного пространства индивида, где он выступает преимущественно как субъект самостоятельной активности, а не объект чьих-то влияний (сравните с областью авторства в концепции Л.Я. Дорфмана). Объекты, входящие в него, образуют зону расширения Я человека, связаны с его автономностью и самостоятельностью и поддерживают его субъектность и индивидуальность. В структурной психологической модели жизненного пространства личности выделены центр (ядро), периферия и граница. Центр образован объектами, наиболее ценными для субъекта, с которыми он идентифицируется и которые ощущает как часть себя, они становятся искусственным физическим расширением его личности и представляют сферу максимальной эго-вовлеченности, на периферии находятся менее значимые объекты. В качестве основных составляющих жизненного пространства личности выделены: значимые ме-

ста, значимые другие, значимая деятельность и значимые идеальные объекты. Н.А. Кондратовой исследована и связь жизненного пространства с образом мира, в котором оно представлено посредством смыслового конструкта «свое – чужое». Жизненное пространство личности сопрягается с полюсом «свой», в качестве существенных характеристик которого также выступают отождествление с ним субъекта и возможность контроля с его стороны. За счет применения психосемантического анализа предложено еще более дифференцированное представление о зоне «своего»: различены объекты, которые входят в жизненное пространство и переживаются как «свои» (т. е. соответствуют зоне, обозначенной выше как «Мое»), и те, которые переживаются как «часть себя».

Подходы, сфокусированные на *интракорпоральных* формах существования жизненного мира, пытаются схватить самое ядро субъективности в его переживании и данности субъекту через понятие *экзистенциального пространства*. Экзистенциальность понимается как способ единения человека с миром, «соединения всех модальностей бытия человека» [Абульханова, Березина, 2001, с. 250], душевно-чувственное воспроизводство, в котором существует композиция личностно-экзистенциального, психического времени-пространства субъекта и которое есть одновременно и внутренняя, и реальная жизнь. Экзистенциальное пространство создается осуществлением личности во времени и пространстве своей жизни, при этом экзистенциальность связывается с ее интуитивной, образно-метафорической, эмоционально-смысловой интерпретацией, осуществляемой человеком по логике доминанты обобщенных жизненных чувств [Рубинштейн, 1997]. Близким ему по смыслу является предложенное М.Ш. Магомед-Эминовым (2007) понятие *экзистенциального мира*, который соотносится с предельными смыслами бытия человека и открывается в горизонте единства человека с миром.

Центрированность экзистенциального пространства на субъекте, его явленности самому себе и переживании истинности своего «Я», подчеркивается Е.Е. Сапоговой. Экзистенциальное пространство определяется автором как «совокупность насыщенных индивидуальной ценностью семантических зон (концептов и связанных с ними переживаний), образованных вокруг "сильных", значимых точек индивидуального бытия человека, без которых он не мыслит самого себя подлинным, аутентичным, "реальным"» [Сапогова, 2007 а, с. 107]. Подчеркивается внутренняя локализация этого пространства, задаваемая его субъективно переживаемыми пределами. Автор пишет о нем как своеобразной «экзистенциальной собственности» человека, включающей все то, что из «большого» бытия стало для него «своим»

и оформило границы «Я – не-Я», очертило привычную форму существования человека, создало индивидуальную ценностную разметку реальности для осуществления жизни, закрепило и наполнило ценностью и переживанием истинности индивидуально найденные личностью способы взаимодействия с реальностью, особенности внесения в реальность своей собственной самости. С точки зрения структуры в нём предлагается выделить нелинейно организованные *информационные «узлы»*, содержащие сведения, значимые для самоописания, являющиеся результатом некоего понятного лишь самому субъекту *нелинейного упорядочивания опытов о себе*.

Релевантно понятию экзистенциального пространства и представление об *экзистенциальном центре личности*, который может быть обнаружен посредством особого, максимального по интенсивности, но происходящего на фоне полной расслабленности *переживания мира** [Салихова А.Ж., 2007].

Другим понятием, также фиксирующим интракорпоральные формы жизненного мира, является понятие *внутреннего мира*, которое, несмотря на то, что довольно широко используется, тем не менее, остается довольно расплывчатым. Раскрывая содержание внутреннего мира, авторы обычно описывают явления, традиционно изучаемые психологией и обозначаемые широким спектром существующих в ее тезаурусе понятий. Вариации подходов касаются чаще всего объема относимых к внутреннему миру психических явлений. Так, одни авторы в понятие внутреннего мира включают почти все известные в психологии феномены, структуры и механизмы, делая его практически эквивалентным человеческой психике как таковой [Шадриков, 2006]. Другие понимают более узко, относя к внутреннему миру глубинные и самые иерархически высокие этажи личности, например, ценностно-смысловую сферу, отвечающую за стратегический уровень регуляции [Леонтьев Д.А., 1999]. Использование понятия внутреннего мира не обязательно сопряжено с онтологией жизненного мира, где внешнее и внутреннее мыслятся как неразрывное единство, оно применяется и в концепциях, в которых они противопоставляются.

Итак, на уровне методологических и теоретических обобщений понятие жизненного мира описывается как «третья реальность», где существует единство внутреннего и внешнего. При этом исследователи, утверждая это единство, не могут избежать необходимости ис-

* Интересно, что самый первый фундаментальный аспект одного из наиболее глубинных образований человека (Эго-идентичности) – доверие или недоверие – Э. Эриксон описывает как раннее эмоциональное переживание мира – дружелюбен он или опасен, и лишь потом, на более поздних стадиях, его содержанием становится переживание аспектов Я – самостоятельности, умелости и пр.

пользования самих этих терминов и пишут о *внешних* и *внутренних* аспектах или мирах в рамках единого жизненного мира, что постоянно воспроизводит разделение внешнего и внутреннего: чтобы сказать о единстве чего-то, приходится назвать его составляющие, а значит, воспроизвести и само расчленение. По всей видимости, в этом проявляется фундаментальное различие сознания, заданное способом его работы, разделяющим внешнее и внутреннее*, что вольно или невольно связывает и мышление исследователей. В еще большей мере это прослеживается на уровне конкретно-экспериментальных разработок, поскольку в них так или иначе понимаемые формы единства внешнего и внутреннего должны быть операционализированы в эмпирических индикаторах. В зависимости от направления в выборе таких средств, что определяется в первую очередь применяемыми методами и методиками исследования, отмечается фокусировка на изучении преимущественно внутренних (интракорпоральных) или внешних (экстракорпоральных) форм жизненного мира. В первом случае чаще всего рассматривается идентичность, ценностно-смысловая сфера и пространство чувств и переживаний, во втором – связываемые с ними и имеющие объективированную форму предметы, явления, процессы внешнего мира, а также доступные объективированному наблюдению организм и поведение.

В психологической науке язык описания внешне-внутренних целостностей еще только создается. Но даже наиболее проработанные их варианты часто «считываются» и употребляются при распространении в широкой аудитории в рамках дихотомического разделения внешнего и внутреннего. Примером этому может быть понятие деятельности, которое А.Н. Леонтьевым (1972, 1977) разрабатывалось, в первую очередь, как категория, обозначающая молярную, неаддитивную единицу жизни, позволяющую преодолеть постулат непосредственности и дихотомию внешнего и внутреннего, т. е. задающая онтологию жизненного мира как их единства. Субъект и объект рассматриваются здесь как полюсы одной цельной системы, системы деятельности, внутри которой они только и обретают присущие им системные качества: «деятельность – это вовсе не то, что просто "вставляется" между двумя другими звеньями (субъектом и объектом), а то, что объединяет их в единое целое» [Соколова Е.Е., 2007, с. 299]. Однако чаще всего оперируют ее другим значением – особенной деятельности, т. е. сводят к частному виду активности человека и нередко с акцентом на внешних формах ее проявления, что лишает данную категорию самого важного, первоначально заложенного в ней мето-

* В.Е. Ключко предлагает даже понимать сознание «не более как способность человека видеть мир в его отделенности от себя» (Ключко, 2005, с. 152).

логического смысла.

Однако необходимость и актуальность создания языка, отражающего единство внешнего и внутреннего, назрела, все больше описывается понятий и феноменов, имеющих двойной – внешний и внутренний статус. Многие ученые разрабатывают эту проблему, используя другие понятия, не обязательно прибегая к рассмотренным выше понятиям пространств или миров.

Я.А. Пономарев, исследуя творчество, писал о том, что внешнее и внутреннее, объективное и субъективное надо взять в одной системе, так как «интересующее нас явление следует искать не в тех измерениях, которые обнаруживаются в изолированно взятых компонентах взаимодействующей системы, а в самом их взаимодействии» [Пономарев, 1976, с. 57]. Связующим звеном между предметом и человеком он считал некоторую функциональную систему – динамическую модель окружающего и внутренних состояний живого существа, то, в чем сливаются внутренние состояния и окружающий мир.

Близки к этим позициям некоторые исследования рефлексии. Так, выделенная В.И. Слободчиковым и Е.И. Исаевым (1998) синтезирующая форма рефлексии, возникающая вслед за появлением полагающей, сравнивающей и определяющей ее форм, становится, с точки зрения авторов, первым шагом на пути снятия структурного противостояния субъекта и объекта. Синтезирующая рефлексия «рассекречивая многие структуры Я как не-Я, как чуждое, наведенное <...> обнаруживает в то же время в каждом определенном <...> Я свечение не-Я, где Я оказывается моей реализованной действительностью, а не-Я – еще не ставшей, но становящейся действительностью» [Слободчиков, Исаев, 1998, с. 204]. В результате объектная реальность теряет свою обособленность и независимость существования от сознания человека. Именно эта форма рефлексии позволяет человеку обнаружить свою укорененность в мире, открывая ему становящуюся действительность как действительность своего Я.

Итак, совокупность рассмотренных выше подходов позволяет предварительно наметить континуальное, в отличие от традиционного дихотомического, представление о соотношении внутреннего и внешнего, Я и не-Я. Данный континуум представляется нам следующим: абсолютное внешнее, не существующее для жизненного мира субъекта, – внешнее, входящее в жизненный мир, но не освоенное субъектом (не-Я), – освоенное внешнее (пространство свободного движения) – внешнее, с которым субъект идентифицируется (Мое), – внешнее, которое субъект считает частью себя (Я-вовне), – внутреннее, с которым субъект идентифицируется (Я-внутри), – внутреннее (Я) – экзистенциальный центр. Заметим, что в средней части полу-

чившегося континуума отношение внутреннего и внешнего трансформируется в отношение свое – чужое.

С привлечением к обсуждению данной проблемы предложенного А.Ш. Тхостовым (1994) представления об относительности границы субъекта и объекта деление внешнего и внутреннего в жизненном мире предстает как подвижное, функциональное и деятельностно-опосредованное, а не изначально заданное. Это иллюстрируется и данными об измененных состояниях сознания [Гордеева, 2009], а также о возникающих в опыте переживания потока [Csikszentmihalyi, 1991] или виртуала [Носов, 2000] состояниях. Столь же относительной является и локализация границ, разделяющих вышеперечисленные зоны данного континуума, которая становится еще неопределенней в свете следующей понятийной оппозиции описания жизненного мира.

Позиция описания. Следующая важная координата, по которой различаются теоретические подходы к понятию жизненного мира, – это позиция его описания: *изнутри*, с точки зрения самого человека, или *извне*, с позиции внешнего по отношению к нему наблюдателя. Она задает фундаментальное различие двух научных парадигм с принципиально разной методологией познания: естественнонаучной и гуманистической, сосуществующих с самых истоков возникновения психологии как самостоятельной науки. Так, К. Левин, исследуя жизненное пространство на основе естественно-научной методологии, описывал его лишь с позиции внешнего наблюдателя. И хотя им введены почти все основные различия, сквозь призму которых современная наука описывает понятие жизненного мира, противопоставление позиций описания как внешняя по отношению к его методологии рамка в его теории отсутствует. Именно по позиции описания противоположна ему феноменология Э. Гуссерля (2000), которая постулирует принципиальную необходимость познания жизненного мира человека *изнутри*, с позиции самого субъекта.

Различение позиций описания просматривается еще в предложенном К. Коффкой (1998) разделении понятий психологии на два класса: функциональные и описательные. *Первые* используются для характеристики поведения человека с точки зрения внешнего наблюдателя, *вторые* – им самим для описания собственных переживаний. Полностью эксплицировано и доведено до уровня психотехнических приемов различение позиций описания в нейро-лингвистическом программировании, где выделяют не две, а три позиции восприятия [Dilts, Grinder, Bandler, DeLozier, 1980]: собственную позицию самого человека, позицию *Другого*, включенного в контекст межличностного взаимодействия с ним, и позицию стороннего наблюдателя. На важ-

ность позиции восприятия в качестве фактора, задающего существенные характеристики воспринимаемой человеком реальности, указывает Н.А. Носов (2000). Он пишет о смене позиции как детерминанте возникновения виртуальной реальности: с точки зрения человека, находящегося в виртуале, последний воспринимается как реальность, хотя с внешней точки зрения (виртуал другого человека или свой в прошлом) воспринимается как особое событие, особое состояние. Вопрос о позиции описания поднимается и в исследованиях рефлексии [Карпов, 2004], где также выделяются указанные выше позиции: *извне* и *изнутри*.

Описание жизненного мира из данных диаметрально противоположных позиций требует в корне отличающихся методов исследования. Феноменологический подход, ориентированный на познание жизненного мира *изнутри*, апеллирует к рефлексивным, осуществляемым через интуитивное, непредубежденное, аналитическое приведение к ясности и максимально точное и всестороннее отражение в языке феноменов сознательной жизни [Улановский, 2007]. Он предполагает также герменевтические методы, включающие эмпатическое слушание и сопереживание другому человеку, которые позволяют проникнуть в его жизненный мир. Здесь мир, как он существует для субъекта, предстает в первую очередь как мир переживаемый, при этом акцентируется его уникальность и неповторимость. Тем не менее обобщения, которые делает исследователь с использованием данной стратегии, обнаруживают также и типичное, повторяющееся, а значит, закономерное и всеобщее. Результатом обобщения становятся качественные – классификационные или таксономические – схемы, характерные и для описательных стратегий других наук, в том числе естественных [там же]. Исследования жизненного мира из *внешней* позиции тяготеют к естественно-научной методологии экспериментирования, апеллирующей к фиксации внешне объективируемых фактов и направленной на вскрытие причинно-следственных связей.

Хотя в последнее время в направлениях психологии, традиционно пользующихся объективными методами, появились продуктивные способы реконструкции жизненного мира, приближающиеся к взгляду *изнутри* (например, некоторые варианты психосемантических методик), а феноменологическая стратегия исследования стала использовать схемы и процедуры сбора и анализа данных, направленные на повышение их объективности [Улановский, 2007], тем не менее это не означает стирания принципиальной разницы между данными позициями описания. Возможно, сближение методов приведет в перспективе к утверждению традиции двухпозиционного описания жизненного мира с обязательным различением описаний из каждой позиции не

только в практических, но и в исследовательских технологиях по аналогии с принципом дополнительности Н. Бора.

Необходимо отметить также существующую закономерную связь между фокусировкой на внешних или внутренних аспектах жизненного мира, выбором позиции его описания и предпочтением используемых методов. Так, внешние аспекты жизненного мира поддаются изучению в большей степени в рамках естественнонаучной методологии и тяготеют к позиции описания *извне*, тогда как в исследовании внутренних областей преимущественно используется феноменологическая стратегия исследования, связанная с постижением жизненного мира человека *изнутри*. Тем не менее это не означает тождества данных координат в описании жизненного мира. Оба полюса континуума внешнее – внутреннее могут быть исследованы из каждой обозначенной выше позиции описания. Однако сочетание разных – *извне* и *изнутри* – позиций описания жизненного мира, так же как и идеографических и номотетических методов психологии в рамках одного исследования, порождает целый веер весьма непростых, но интересных и перспективных для дальнейших исследований вопросов, которые – в общих чертах – следующие.

Первый вопрос – о том, насколько совпадает граница разделения внешнего и внутреннего, определенная из разных позиций описания. В классической психологии, исходившей всегда из позиции наблюдателя, объясняющего психические явления *извне*, граница внешнего и внутреннего проводилась по поверхности кожи или границе замкнутого в себе индивидуального сознания, что воспринималось как данность, которая не подвергалась обсуждению или исследованию. В современной психологии существуют и другие суждения по этому вопросу, показывающие неоднозначность и неопределенность такой границы. Приведем лишь некоторые из них.

В соответствии с «онтологическим парадоксом психики», сформулированным Л.М. Веккером (1974), то, что «реально (онтологически) представлено в содержании психики – например, перцептивный образ, – субъективно вынесено за ее пределы и локализуется там, где расположен объект» [Карнов, 2007, с. 322]. В этом же ключе звучит утверждение Е.В. Клочко о том, что «граница между человеком и предметом устанавливается на предмете, и это является важнейшим условием для того, чтобы стало возможным его восприятие» [Клочко, 2005, с. 145]. Причем граница между человеком и миром смещается от органа чувств к предмету в первые три года жизни ребенка, порождая феномен предметности и предметного сознания. Однако сам человек не локализует ее на предмете, при описании границы внешнего и внутреннего из позиции *изнутри* он, скорее всего, будет лока-

лизовать ее так же, как и вся классическая психология сознания, – на границе тела или содержаний своего сознания.

Неопределенность границы внешнего и внутреннего и вопрос о том, где она проходит, весьма непросто решить относительно феномена рефлексии. В соответствии с метасистемным принципом функциональной организации психики, разрабатываемым А.В. Карповым (2007), метасистемный по отношению к самой психике уровень имеет «двойную локализацию»: он одновременно является уровнем, причем высшим, в рамках самой психической системы, т. е. ее частью, и одновременно выходит за ее пределы, лежит вне ее границ. Это и создает предпосылки возникновения качественно новых механизмов функционирования и организации психики, связанных с возможностью «объективации» системой самой себя в качестве предмета организации и управления», феноменологическим индикатором чего является вся совокупность «рефлексивных явлений» [Карпов, 2007, с. 323]. Как при двойной локализации можно решать вопрос о том, где проходит граница внешнего и внутреннего как для самого человека, так и для внешнего по отношению к нему наблюдателя?

Ярким примером неопределенности границы внешнего и внутреннего является представление о ее функциональной подвижности [Тхостов, 1994], определяемой ходом текущей деятельности. Так средства или условия деятельности могут включаться в границы внутреннего, если полностью контролируются и управляются субъектом (орудия-зонды). В то же время части своего организма или его функции могут восприниматься как внешние, выходя из-под контроля. Именно *контроль* у многих авторов является критерием, определяющим границы Я, другой критерий задается *идентификацией* [Клочко, 2005; Некрасова, 2005; Нартова-Бочавер, 2008; Кондратова, 2009 и др.].

Остается открытым вопрос, насколько совпадают результаты работы этих двух критериев – контроля и идентификации, всегда ли они сходятся в одном месте на одних и тех же объектах, явлениях, предметах, процессах. По всей видимости, в каких-то случаях они совпадают, но поскольку это два независимых критерия, то возможны и несовпадения. В ряде случаев то, с чем человек идентифицируется, не контролируется им, хотя возмущения, которые происходят в пространстве идентификации, он может воспринимать и переживать как непосредственно его касающиеся. Это ярко проявляется в межличностных отношениях, в которых наблюдаются феномены сопричастности, эмпатии, детско-родительского или группового (командного) «Мы» и др. При этом идентификация может носить как устойчивый во времени характер, так и возникать ситуативно (при просмотре

фильма, например), сужая, отодвигая или возобновляя пределы расширения Я. Вероятно, возможны случаи, когда человек контролирует то, с чем не идентифицируется. Это могут быть какие-то автоматизмы, выполняющиеся на неосознаваемом уровне, используемые орудия-зонды, функционально вошедшие в рамки внутреннего, а также сферы влияния, в которых человек обладает властью для контроля, но не идентифицируется с контролируемыми им областями межличностных отношений или отдельных видов деятельности.

Следующая трудность, возникающая при ответе на вопрос о границе внешнего и внутреннего сквозь призму альтернативных позиций описания жизненного мира, связана с преобразованием сути самого вопроса при переходе от одной позиции к другой. То, что при описании жизненного мира *извне*, выступает как отношение внешнее-внутреннее, для самого человека, т. е. при описании *изнутри*, может трансформироваться и выступать в форме свое – чужое. Ключевая роль шкалы «свое – чужое» в структурировании областей жизненного пространства личности от периферийной к центральной показана в исследованиях его субъективной репрезентации, реконструирующих видение мира *изнутри* методами психосемантического анализа [Кондратова, 2009]. Это отношение может также быть выражено другими, но аналогичными по содержанию терминами близкое – далекое, т. е. принимать форму психологической дистанции. Показано, что именно она выступает основным измерением, или координатной осью, социально-психологического пространства [Журавлев, Купрейченко, 2007, 2009].

Большинство исследователей жизненного пространства фокусируются на анализе полюса «свой». В последнее время развиваются исследования и противоположного полюса [Скарабис, 2004; Schäfer, Schlöder, 1994 и др.]. Но парадоксальность выстраиваемых континуумов «близость – отдаленность» или «свое – чужое» заключается в неоднозначности смысла дистанции до чужого. Фактически даже самое чужое для человека принадлежит его жизненному миру, и может являться частью, расширением его Я, поскольку существует для него, задает границы его действительности, присутствует для него в мире. Более того, по аналогии с архетипом Тени [Юнг, 1991], отвергаемое, отрицаемое, не признаваемое человеком содержание, от которого он дистанцируется и которое считает чужим и далеким, очень точно характеризует именно его самого, а значит, входит в его жизненный мир. И в этом смысле данное содержание ему ближе, по сравнению с тем, что вообще не входит в его жизненный мир. Нечто, вообще не существующее для жизненного мира человека, может быть только абсолютно нейтральным. Поэтому границы жизненного мира определяются не только тем, что человек включает в зону своего, но и тем,

что относит к зоне чужого. Сам факт наличия дистанции может иметь разный смысл. Так, большая дистанция может означать, во-первых, практическое отсутствие чего-либо в жизненном мире, во-вторых, отсутствие идентификации человека с тем или иным содержанием и, в-третьих, его отвержение, отрицание, что сродни скорее близости, нежели отдаленности.

Вопрос о том, насколько совпадают отношения «свое – чужое» и «далекое – близкое», также не имеет однозначного ответа, поскольку оценки по этим критериям даются человеком из позиции *изнутри*, т. е. через переживание, которое может быть амбивалентным. Человек может переживать «свое» как «далекое», что присутствует, например, в феноменологии переживания возрастных кризисов или отчуждения. Формула «Свой среди чужих и чужой среди своих» также близка по смыслу этому кругу феноменов.

В измерении «свое – чужое», используемом при описании жизненного мира, «свое» обычно выступает как расширение Я вовне. Другой способ понимания «своего» – *свое как целое*, частью которого человек себя переживает, причастность чему-то большему – природе, социальным группам, идеям. Такое «свое» отвечает критерию идентификации и не соответствует критерию контроля. Человек, вкладываясь своим участием, делами или просто переживанием сопричастности жизни объемлющих систем – исторических, общественных, духовных, тем не менее их не контролирует. Скорее, напротив, добровольно подчиняется законам существования и развития этих систем. Такова характеристика стадии универсализации, когда человек, чувствуя себя призванным служению чему-то высшему и большему, посвящает этому свою жизнь [Слободчиков, Цукерман, 1996]. Очевидно, что такое «свое» выходит за пределы возможностей контроля и управления отдельного человека. И это еще один пример несовпадения областей контроля и идентификации.

Критерий определения полюса «свой» в жизненном мире можно связать не только с контролем, но и знакомостью, предсказуемостью того, чему человек принадлежит как часть, но не контролирует. Не случайно в современных исследованиях феномена чужого его содержание задается, с одной стороны, расхождением с идентичностью, а с другой – неполной известностью и испытанностью [Schäfer, Schlöder, 1994].

В целом, отношение «внешнее – внутреннее» можно в большей степени связать с критерием контроля (не случайно и конструкт *интернальности – экстернальности* обозначен именно как локус *контроля*), тогда как «свой – чужой» – с критерием идентификации. Причем под контролем можно понимать как возможность воздействия человека на явление, так и его более мягкую или слабую форму

– возможность прогнозировать и предсказывать, что является следствием известности или испытанности.

Третий круг вопросов возникает в связи с многозначностью самих позиций описания – *извне* и *изнутри*, которые определяются во все не столь однозначно, как это может показаться на первый взгляд.

Так, неоднозначность позиции *изнутри* можно проиллюстрировать двумя способами осознания той или иной жизненной ситуации, обнаруженными в практике консультирования. Первый, ассоциированный, полностью соответствует описанию опыта *изнутри*, второй, диссоциированный – особый режим его осознания с некоторым отстранением, при котором человек видит себя со стороны, вследствие чего изменяются переживаемые при этом чувства. Подобное отстранение нельзя считать рефлексивным выходом из ситуации, оно до него не «дотягивает», поскольку образ ситуации остается на чувственном уровне, не осуществляется характерное для рефлексии ее объективирование в значениях и разотождествление человека с самим собой. Это некоторое промежуточное состояние между рефлексивным выходом и полной погруженностью в ситуацию.

Разнообразный спектр возможностей возникает и при определении позиции описания *извне*. Многозначность этой позиции задается неопределенностью фигуры внешнего наблюдателя. Во-первых, это может быть классический случай позиции описания *извне*, представленный неким абсолютно нейтральным внешним наблюдателем. Но даже в этом случае возникает вопрос о влиянии наблюдателя на наблюдаемое, который актуален не только для психологии, но имеет значение и для естественных наук. Во-вторых, в качестве внешнего наблюдателя может выступать другой человек, вовлеченный в те или иные отношения с наблюдаемым или включенный в совместную с ним деятельность. В-третьих, сам человек может выйти в позицию наблюдателя, причем в одном случае этот выход может быть осуществлен им в некую безразличную объективную позицию, в другом – в самого себя как *Другого* с раздвоением целостного Я на Я-наблюдающее и Я-наблюдаемое [Леонтьев Д.А., 2009]. В гештальт-терапии и нейро-лингвистическом программировании используется выход в позицию конкретного, включенного в отношения с ним другого человека.

Описания из указанных разных позиций будут существенно различаться, что отмечается, например, и Д.А. Леонтьевым (2009), который выделил три точки зрения, с которых человек может воспринимать и относиться к своей жизни. С точки зрения внешнего наблюдателя в фокус внимания попадает объективный рисунок жизни, сюжет, ее следствия, ее причины. С интроспективной позиции, с субъективной точки зрения на первый план выступают внутренние проявления:

непосредственное ощущение и восприятие собственной жизни, собственные переживания, эмоции, чувства, а в более рациональном и сложном варианте субъективного осмысления жизни – субъективная картина жизненного пути. С позиции системной или философской рефлексии, определяемой как взгляд на себя со стороны, жизнь видится не в виде отдельных фрагментов, а как целое, и человек воспринимает себя в контексте жизни, а жизнь в контексте чего-то более общего. Яркой иллюстрацией кардинальной разницы содержания описаний жизненной истории из разных позиций является фильм знаменитого французского режиссера К. Лелуша «Мужчина и женщина», построенного как поочередное воспоминание каждого из супругов. При этом различаются не только интерпретации событий совместной жизни, данные каждым из них, но даже сходство общей сюжетно-событийной линии едва угадывается.

Д.Г. Трунов (2009), на основе анализа феноменологического подхода Э. Гуссерля, также пишет о наличии различных *интерсубъективных* рефлексивных позиций с точки зрения внешнего наблюдателя, прикрепленных к конкретным персоналиям, социальным, этническим, религиозным и другим культурным общностям, а также о возможности «чистой» трансцендентной позиции, нейтрализующей какие-либо групповые ценностные и нормативные оценки. В.Г. Аникина (2009) выделяет такие рефлексивные позиции как «Другой», «Я-Другой», «Не-Я».

В рефлексивном выходе человека принципиальное преобразование характера и содержания описания жизненного мира, конечно же, связано с самим актом остановки той или иной активности, паузы в течении жизни, выходом в позицию наблюдения. В такой же степени результат этого преобразования зависит от способа его осуществления, который определяется *позицией рефлексивного выхода, масштабом его контекста, содержанием этого контекста*.

В современных психологических исследованиях рефлексии (за небольшими исключениями) она традиционно изучается как выход вовне без уточнения, в какую позицию этот выход осуществляется. Обычно полагается, что человек осуществляет системную рефлекссию – видит самого себя и объект или другого субъекта из позиции собственного Я-наблюдающего. Так ли это на самом деле и посредством каких других фигур осуществляет этот выход, чьими глазами человек на себя смотрит на самом деле, становится неучтенной в исследованиях переменной. На наш взгляд, конкретизация позиции выхода необходима в исследованиях рефлексии, поскольку содержание того, что человек заметит со стороны, очень зависит от позиции рефлексивного выхода, тех интериоризованных им образов *Других*, которые

могут стать средством взгляда на себя со стороны. Но пока это не стало предметом широких научных исследований, хотя уже достаточно давно используется в практике (гештальт-терапия, психодрама, НЛП и т. п.).

В осуществлении рефлексивного выхода кроме его направления – куда, в какую позицию он осуществляется – важен также *масштаб* и *содержание контекста*, в который такой выход совершен. Фактически часто имплицитно предполагается, что это ближайший контекст, но его масштаб и содержание не становятся исследуемыми переменными, хотя они по аналогии с эффектом эмоционального обрамления при принятии решений [Канеман, Тверски, 2003] могут быть также очень существенными, определяя его результат. Если человек рефлексивует способ своего действия, то, по всей видимости, минимальным контекстом рефлексивного выхода является пространство других возможных способов действия. Однако контекст может быть и крупнее, определяясь всей деятельностью в целом или теми отношениями с другими людьми, которые складываются в связи с ней, что не раз демонстрировали исследования решения разнообразных задач в экспериментальной ситуации. Если осуществляется личностная рефлексия, то масштаб контекста выхода однозначно определить еще сложнее – это может быть и актуальная ситуация текущей деятельности или общения, и система отношений человека в конкретной жизненной сфере, вся его жизнь в целом. В последнем случае говорят о философской или системной рефлексии. По всей видимости, может быть правомерной постановка вопроса о некотором оптимальном масштабе контекста, рефлексивный выход в который будет полезен для человека и его деятельности, а излишняя детализация или, напротив, укрупнение могут оказаться малопродуктивными.

Указанные факторы могут становиться существенными и даже ключевыми в определении тех эффектов, которые возникают в результате осуществления рефлексивного выхода. Разработка способов их выявления и учета влияния, а также координации описаний в случае, если использовались несколько позиций, пока можно обозначить лишь в качестве интересного и перспективного направления исследований.

Ситуативность – тотальность*. Во всех рассмотренных выше подходах понятие жизненного мира (или пространства) выступает в качестве предельно обобщенной, масштабной, соотносимой с контекстом жизни и всей системы отношений человека категории, охваты-

* В соответствии с различием ситуативности и ситуационности (Магомед-Эминов, 1987) необходимо уточнить, что имеется в виду ситуативность как фиксация актуального момента жизненного мира, связанная с ограничением его временных рамок, а не ситуационность, соотносимая с внешними аспектами мотивации, ее объектным полюсом.

вающей целостность его бытия в мире. В психологии существует и другое направление теоретических поисков, которое изначально отталкивалось от понятия *ситуации*, вкладывая в него во многом родственное содержание [Филиппов, Ковалев, 1986; Бурлачук, Коржова, 1998; Трифонова, 1999; Корнилов, 2000 а и др.]. Оно противостоит бихевиоральной традиции подхода к ситуации как объективной совокупности элементов (событий, условий, обстоятельств и т. п.), оказывающих разнообразные воздействия на субъекта, где ситуация фактически является аналогом расширенного, никак не зависящего от субъекта внешнего стимула. Во вновь формируемое понятие ситуации авторы данного направления включают и субъекта, действующего в том или ином ситуационном пространстве и выступающего его организующим началом. Как пишет Ю.К. Корнилов, если «ситуация отразилась нашей психикой, значит, она стала явлением психологическим, а до тех пор она просто не существовала <...> Ситуация – это не весь объективный мир, а лишь та его часть, которая отражается субъектом на фоне его актуальной потребности» [Корнилов, 2000 а, с. 9]. Т. е. ситуация связывается с имеющей потребностный характер психологической готовностью со стороны субъекта, благодаря которой элементы и связи, образующие ее целостность, выделены и сосредоточены относительно этого субъекта. Дальнейшая разработка понятия ситуации С.А. Трифоновой (1999) расширила перечень детерминант ее возникновения: кроме отдельной потребности в этом качестве рассматриваются актуальная позиция субъекта, его мотивы, цели и задачи.

Г. Томэ, изучая феномены субъективного отражения ситуаций жизни, переживаемых человеком в различных жизненных сферах, использует понятие «субъективное жизненное пространство» для обозначения совокупности всех когнитивных репрезентаций, актуализируемых человеком *в данный момент* [Thomae, 1996]. Когнитивные репрезентации, занимая место «после восприятия», но до «поведения», создают субъективное жизненное пространство человека и определяют его поведение в той или иной *конкретной ситуации*.

Ф.Е. Василюк (1984) использует термин «критическая ситуация» для обозначения ситуаций особого класса, тем не менее понятие ситуации как таковое фактически в его концепции также присутствует. Предложенное им представление о *практическом сознании*, основная функция которого – сблизать надситуативность (характерную для ценностного мира) и ситуативность, доводя первую до формы второй (конкретизируя идеальные цели) и, наоборот, изобличая в ситуативной данности надситуативный смысл и ценность, предполагает различение жизненного мира и ситуации. Критерий ситуативности оказался включенным и в параметры легкости – трудности и простоты –

сложности, лежащие в основе разработанной автором типологии жизненных миров, где единичная потребность в случае простого мира предельно ситуативна, а ценностное отношение в случае сложного мира является обобщенным внеситуативным образованием.

Нельзя не заметить внутреннего родства понятия *ситуации*, также фиксирующего реальность, возникающую в единстве внешнего и внутреннего, с рассмотренными выше понятиями, иногда их даже употребляют в качестве синонимов [см. *Барабанищikov, 2007*]. Л.Ф. Бурлачук и Л.Ф. Михайлова (2002) при построении теории ситуации также проводят содержательные параллели между понятиями субъективной ситуации и жизненного пространства. Тем не менее понятие ситуации не выводится на уровень масштабных жизненных контекстов: и на теоретическом уровне, и в экспериментально-исследовательской практике оно обозначает конкретизированный в определенном *месте* и *времени* фрагмент жизненного мира. Кратковременность, ограничение временными границами является существенным признаком понятия *ситуации* [*Бурлачук, Коржова, 1998*], который и отличает ее от понятия *жизненного мира*. Необходимо отметить, что некоторые авторы наряду с понятием жизненного мира или пространства разрабатывали понятия, представляющие также и их ситуативные срезы. Так, К. Левин (2001) наряду с понятием жизненного пространства использовал понятие *психологического поля*, В.Е. Ключко (2005) – *ценностно-смысловой структуры ситуации*, широко известно понятие *смыслового поля* [*Самухин, Биренбаум, Выготский, 1934; Биренбаум, Зейгарник, 1935*].

Если понятия жизненного мира и ситуации (последняя часто уточнялась – психологическая или субъективная ситуация, чтобы отличить от более традиционного ее понимания) можно рассматривать как находящиеся на противоположных полюсах по обозначенному пространственно-временному критерию, то понятие «социальная ситуация развития», введенное Л.С. Выготским (1984), по данному критерию является промежуточным. Оно отражает целостность жизненного мира развивающегося субъекта, взятую в совокупности всех его отношений, но ограниченных достаточно широкими временными рамками определенного возраста.

Обобщая круг работ, использующих понятие ситуации, Л.Ф. Бурлачук и Л.Ф. Михайлова (2002) указывают, что ситуация может пониматься авторами в широком и узком смысле. Ситуация в узком смысле связывается с конкретными событиями жизни или экспериментальными моделями ситуаций, а в широком смысле – с общей ситуацией жизни человека, что аналогично понятию «жизненное положение» [*Schott, 1991; Thomae, 1996*]. Заметим, в данном различении

варьирует лишь параметр масштаба контекста ситуации, поскольку широта означает здесь полноту охвата всех жизненных отношений, а узость – ограниченность каким-то одним, но при этом остается ограничение временными рамками определенного момента.

Именно в изучении категории ситуации возникли модели ее анализа через масштабирование контекста ее определения, которые можно обозначить как контекстуально-уровневые. Так, Д. Магнуссон предложил выделять пять уровней – от микро- к макро-, на которых может быть определена ситуация [Magnusson, 1981]. Первый уровень составляют *стимулы* – отдельные объекты или действия, второй – *эпизоды*, понимаемые как особые значимые события, имеющие причину и следствие. На третьем уровне находятся собственно *ситуации* как физические, временные и психологические параметры, определяемые внешними условиями, причем восприятие и интерпретация ситуации придает значение стимулам и эпизодам. На следующем, четвертом уровне, находится *окружение* – обобщающее понятие, характеризующее типы ситуаций. И, наконец, на последнем – пятом уровне – говорится о *среде* как совокупности физических и социальных переменных внешнего мира. Как видим, принцип, который положен в основу выделения уровней определения ситуаций, аналогичен обсуждаемому параметру ситуативности – тотальности в описании жизненного мира. Хотя представленная автором линия исследований в теоретическом понимании ситуации ставит акцент на ее внешнем характере и определяет ее как совокупность элементов среды или фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта, тем не менее сам заложенный в ней подход, выделяющий уровни в соответствии с масштабом контекста определения ситуации, представляется нам эвристичным.

Итак, понятийная оппозиция ситуативности – тотальности в описании жизненного мира также задает континуум, на одном полюсе которого располагается жизненный мир в полноте охвата всей жизни человека, т. е. тотальности, и отдельная ситуация как заданная в рамках определенного места и времени (здесь и сейчас) точка его схождения (воплощения). При этом возможны разные градации в рамках этого континуума, определяемые в зависимости от охватываемого каждым его делением пространственно-временного контекста.

Общее – конкретное. В современной психологии понятие жизненного мира или пространства часто сочетается с указаниями на ту или иную специализированную *сферу* жизни человека и общества, что задает еще одну координатную ось описания жизненного мира в соответствии с логикой родо-видовых отношений. Систематизируя существующие подходы, А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко (2007)

предложили разделять *общие*, базовые, универсальные пространства существования человека, такие как ментальное, жизненное и т. п., а также целый веер более *частных*, специализированных, связанных с конкретными сферами его жизнедеятельности, которыми оперируют как различные отрасли психологии, так и другие науки: профессиональный мир, образовательное пространство, пространство коммуникации, экономическое и правовое пространства и т. д.

В концепции Ф.Е. Василюка (2007) кроме уже указанной предельно обобщенной методологической категории жизненного мира вводится представление об *отдельном жизненном мире*, который задается через определение его пространства и времени, субъекта и *Другого*, предметного наполнения и атмосферы, языка и мифа. Постулируется множественность сосуществующих или вложенных друг в друга жизненных миров, в которых феноменологически пребывает человек, последовательно актуализируемых или порождаемых, например, в процессе беседы с психологом. Аналогичное понимание характерно и для концепции трансформации личности М.Ш. Магомед-Эминова (2007). В ней утверждается существование большого количества разных жизненных миров (понимаемых в каком-то смысле как отдельные, относительно независимые), в переходе между которыми совершается бытие человека, что требует от него личностной работы различения и связывания собственной идентичности; это легло в основу онтологии транзитного, переходного человека.

Иной вариант отношений между понятиями в соответствии с разделением общее – конкретное предлагает Н.А. Кондратова (2009). *Жизненное пространство личности* определяется ею как более частное по отношению к понятию *жизненное пространство* [Левин К., 2001), которое, как считает автор, соотносится с философской категорией жизненного мира, представляя его феноменологический и деятельностный аспекты. При этом жизненное пространство личности является частью жизненного пространства индивида, формируясь только в круге значимых объектов и явлений последнего.

Вариантами конкретизации от рода к виду могут выступать уже рассмотренные нами выше понятия бытийного и экзистенциального пространств, а также упоминавшееся выше понятие социально-психологического пространства [Журавлев, Купрейченко, 2007].

Следуя логике родовидовых отношений А.Л. Журавлев и А.Б. Купрейченко (2009) задают место понятия «психологическое пространство» в соотношении с более общими понятиями, в которые оно включено, и рядоположенными, наряду с ним также входящими в некоторую более широкую категорию. В качестве рядоположенного предлагается рассматривать понятие «психологическое время», а в

качестве более общей категории предлагается понятие *психологического мира субъекта*, который, представляя собой результат освоения, осознания и осмысления объективной реальности в ходе взаимодействия с ней, отличается от нее тем, что эта объективная реальность субъективизируется.

Фактически значение предлагаемого понятия *психологического мира субъекта* во многом идентично значению понятия «жизненный мир». В целом, считая правомерной данную логику научного анализа, мы предпочитаем оставить для обозначения этой реальности термин «жизненный мир», поскольку в его формулировке прямо указывается на то, чем этот мир задается, – это мир, в котором осуществляется жизнь человека в целостном масштабе ее времени и пространства, тогда как термин «психологический мир субъекта» в этом отношении менее определен. Кроме этого, рядоположенность понятий психологического времени и психологического пространства заключается не в том, что они являются частными видами психологического мира, а скорее в том, что психологическое время и пространство представляют собой его взаимосвязанные измерения.

Целое – часть. Понятие жизненного мира или пространства при указании на ту или иную специализированную *сферу* жизни человека и общества, рассматривалось выше в логике родовидовых отношений. Однако необходимо заметить, что этот способ конкретизации является родовидовым только в одном ракурсе, в другом же, при рассмотрении частных пространств в их отношении к целостности бытия в мире отдельного человека, он скорее соответствует отношению целое – часть, поскольку в жизненном мире человека выделяются отдельные области, сферы жизнедеятельности – пространство его профессии, семьи, общения и пр. Поэтому при определении типа логического отношения между общими и частными пространствами необходимо определить его субъекта – это отдельный индивид, социальная группа или общество в целом, что осуществлено, например, в схеме анализа структуры социально-психологического пространства А.Л. Журавлевым и А.Б. Купрейченко (2007).

При анализе жизненного мира в соответствии с логикой отношений целое – часть возникает вопрос о том, можно ли в принципе выделить в жизненном мире его часть как органическую, а не искусственно вычлененную составляющую. Возможно, жизненный мир принципиально голографичен, так что любая его часть несет в себе всю его целостность, в каждой присутствует он весь и может быть развернут из нее целиком, и не случайно для обозначения его как целостного и неделимого используется слово «мир». Это близко данной А.В. Карповым трактовке системы не как состоящей из компонентов,

а как «реализующейся через них», так что «вся система практически полностью включается в каждую из своих основных функций и тем самым транспонирует на процесс ее реализации всю свою исходную сложность» [Карпов, 2004, с. 261]. Если все же искать возможности выделения его органических составляющих, то анализу жизненного мира больше соответствует системный подход, подразумевающий возможность выделения подсистем – относительно автономных и целостных, обладающих своими отдельными функциями (в рамках целого) частей системы, а это значит, что оппозиция целое – часть должна быть рассмотрена и как отношение **система – подсистема**. В этом контексте существенным становится вопрос о принципах выделения подсистем в рамках жизненного мира, рассматриваемого как система. В качестве основы здесь могут послужить некоторые принципы уровневой дифференциации систем, разработанные по отношению к анализу деятельности А.В. Карповым (2004), а также идеи полисистемного подхода в психологии [Ломов, 1984; Дорфман, 1997 б]. К рассмотрению возможностей их применения к исследованию жизненного мира мы обратимся далее (глава 3), а пока подведем *итог* проведенному анализу.

Итак, на основе созданных на настоящий момент подходов, работающих в рамках парадигмы жизненного мира, можно выделить следующие *понятийные оппозиции описания*, задающие координатные оси теоретического пространства его познания.

Во-первых, понятийная оппозиция «внешнее – внутреннее» является центральной в описании жизненного мира и сквозной для всех подходов, в которых, несмотря на указания о единстве внешнего и внутреннего, постоянно воспроизводится их противопоставление. В отличие от ставшего традиционным дихотомического представления о соотношении внешнего и внутреннего проанализированные подходы в совокупности дают основания для введения *континуального* представления о нем, предварительный вариант которого был намечен в самом первом приближении. Формы существования единства внешнего и внутреннего в ряде подходов раскрываются через преимущественное изучение его экстракорпоральных или интракорпоральных форм. Исходя из этого, *первую координатную ось* теоретического пространства описания жизненного мира можно задать в континууме бытийного и экзистенциального пространств.

Бытийное пространство задает объективированный вовне полюс жизненного мира, его элементами выступают предметы, явления, территория, люди, места, идеи, имидж и т. п., с которыми человек отождествляется, считает их своими. Все они имеют кроме глубинного личностного смысла еще и объектную форму существования,

находятся в зоне экстериоризации смысловых структур, их воплощения в той или иной предметности. Наличие экстериоризованных форм ведет к тому, что они продолжают существовать в качестве объектов, даже если перестают входить в жизненный мир того или иного человека. *Экзистенциальное пространство* задает субъективизированный полюс жизненного мира – область глубинных переживаний, в которых соединяются различные сущностные пласты личности. Они выступают на поверхности сознания как неразрывный сплав чувственной ткани образа и личностного смысла, модулирующего субмодальные признаки образа, через который экзистенциальное пространство феноменально репрезентируется человеку. Они также проецируются человеком в мир, конструируя его, воплощаясь в своих многочисленных внешних конкретизациях, однако не существуют в своей целостности ни для кого другого и не остаются в мире после ухода автора.

В качестве иллюстрации различения двух указанных полюсов можно привести следующую аналогию. Если бытийный мир – это сюжет литературного произведения, его герои, их действия и цепочки взаимодействий, то экзистенциальное пространство – это общая атмосфера и настрой, тембр и тональность, которые, несомненно, присутствуют в каждом произведении, но не указываются автором прямо, а создаются всей его целостностью. Но именно они и являются главными, отражающими основной смысл произведения, ради которого оно и создается. Неразрывное единство сюжета и общего смысла произведения демонстрирует аналогичную неразрывность бытийного и экзистенциального пространств, которые в качестве полюсов возникают лишь в теоретическом анализе, методах исследования и формах языка, описывающих его результаты.

Отношение «внутреннее – внешнее» в исследованиях жизненного мира изучается часто в своей трансформированной форме как отношение «свое – чужое», что связано с изменением позиции его описания исследователями: переходом из позиции описания *извне* в позицию описания *изнутри*. В целом, отношение «внешнее – внутреннее» в большей степени связано с критерием контроля, тогда как отношение «свое – чужое» – с критерием идентификации. Причем под контролем можно понимать как возможность воздействия человека на явление, так и более слабую форму контроля – прогнозируемость на основе известности или испытанности.

Во-вторых, достаточно широко используемыми и представленными в разнообразных вариантах своей реализации являются оппозиции тотального и ситуативного, общего и конкретного, целого и части, которые также можно представить в форме континуумов. Отно-

нительно этих оппозиций необходимо отметить, что их разделение между собой относительно, они могут «склеиваться» друг с другом, особенно на уровне конкретно-эмпирических исследований. В связи с чем возникает проблема различения как самих этих оппозиций между собой, так и степени возможной и необходимой дифференциации задаваемого каждой из них континуума.

На обобщенном уровне в континууме ситуативность – тотальность можно обозначить *вторую координатную ось*, задаваемую в паре понятий «жизненный мир – ситуация», в которой в зависимости от тех теоретических или практических задач, которые ставит исследователь, можно выделять различные по пространственно-временному масштабу его единицы.

Определение способа градации данной оси может быть осуществлено через создание контекстуально-уровневой модели жизненного мира по аналогии с предложенной выше Д. Магнуссоном по отношению к понятию ситуации. Такая модель позволила бы систематизировать исследования различных срезов жизненного мира и свести в единое поле данные, полученные при изучении аналогичных явлений в разных отраслях психологии – социальной, возрастной, психологии труда, психологии управления. Для создания обобщенной модели важно обоснованно выбрать адекватный именно категории жизненного мира критерий его сегментации, соответствующий органичным, естественным единицам его функционирования.

В-третьих, наименее эксплицированным в исследованиях жизненного мира является различие позиций его описания – *изнутри* или *извне*, которые, являясь линией водораздела принципиально разных исследовательских парадигм в психологии, не соединяются практически в рамках ни одной из концепций. Поскольку методы исследования, язык описания, топологическая структура жизненного мира, получаемые в каждой из позиций, кардинально различаются, возникает методологическая, теоретическая и методическая проблема их координации и совмещения между собой.

Данная оппозиция при координации подходов не образует континуума. Однако есть основания говорить о неоднозначности как позиции *изнутри*, так и позиции *извне*, необходимости их более тонкой дифференциации. В связи с этим можно поставить теоретическую задачу разработки представлений о множественности и качественной определенности возможных позиций описания жизненного мира.

Обозначенные понятийные оппозиции являются существенными для построения теоретического пространства познания жизненного мира. Полученные при анализе уже имеющихся концепций, они помогают в решении задачи их систематизации и сопоставления раз-

личных подходов, однако, вероятно, не исчерпывают всех возможных и необходимых для полноты анализа жизненного мира человека направлений, что позволяет считать данный перечень открытым.

* * *

Понятие *жизненного мира человека*, имеющее методологический статус, на общетеоретическом уровне часто трансформируется в понятие *жизненного пространства личности*, выступающее в качестве способа его научной конкретизации в психологии. Значение пространства в психической организации столь фундаментально, что пронизывает все уровни психических явлений. Л.М. Веккер пишет, что «пространственная форма – есть форма обобщенного генерализованного представления любого вида отношений» [Веккер, 1998, с. 176]. Поэтому в дальнейшем *от* понятия *жизненного мира*, которое послужило единой рамкой для систематизации и интеграции теоретически разных направлений и представлений, мы перейдем к понятию *жизненного пространства личности*, соглашаясь с Н.А. Кондратовой (2009) в том, что оно отражает деятельностный и феноменологический аспекты жизненного мира и потому больше соответствует уровню конкретно-научного знания.

Понятие пространства, в свою очередь, своей семантикой апеллирует к его наполнению тем или иным содержанием, формы которого могут быть весьма различными: от экстерииоризованных в объектах проявлений субъектности до потаенных внутренних чувств или переживаний человека. В качестве того, что определяет *содержание жизненного мира*, наполняет то или иное его пространство, независимо от степени обобщенности – конкретности, внешней или внутренней локализации, ситуативности – тотальности, все рассмотренные подходы признают *пристрастность* позиции человека в мире. Именно она создает пространство его жизни, позволяя ему высоко избирательно отфильтровывать материал объективной реальности, превращая окружающую среду в свое жизненное пространство. В связи с этим в следующей главе будут освещены основные подходы к соотношению понятий смысла и ценности – ключевых для проблемы ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности.

ГЛАВА 2. ЦЕННОСТИ И СМЫСЛЫ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

В разные периоды развития психологии и в разных концепциях сущность пристрастности позиции человека в мире раскрывалась разнообразным кругом терминов, среди которых общеупотребительны понятия *аффекта, потребности, мотива, значимости, ценности, смысла* и др. Понятия «смысл» и «ценность» описывают наиболее общие фундаментальные источники и механизмы регуляции взаимодействия человека с миром. Многими авторами именно через понятия смысла и ценности как наиболее соответствующими по масштабу целостности жизни человека раскрывается содержательное наполнение жизненного мира, его качественная определенность, через них создается связка, преодолевающая противопоставление внутреннего и внешнего. Как пишет В.Е. Ключко, человек, понимаемый как целостная психологическая система, «выступает не в противопоставлении объективному миру, а в единстве с ним, в своей продленности в ту часть этого мира, которая им "освоена", т. е. имеет для него значение, смысл, ценность» [Ключко, 1995, с. 109].

Г.Л. Тульчинский (2005) отмечает, что понятие «смысл» стало одним из наиболее актуальных в современной науке и в последнее время распространено в различных контекстах гуманитарного познания. Плодотворные направления его разработки существуют в целом ряде наук: в философии, языкознании, логике, психологии и др., что свидетельствует о его междисциплинарном характере.

Уже на философском уровне анализа проблемы смысла в дискурсе используются категории, которые являются центральными и в поле предметности психологической науки, поскольку «источником, средством, "механизмом" динамики осмысления и смыслообразования выступает личность. Именно она – то поле, на котором разворачивается эта динамика, и именно ее энергетика порождает эту динамику, потенцируя бытие» [Тульчинский, 2005, с. 14]. Наиболее общие истоки возникновения феномена смысла связываются с попытками конечного существа, каковым является человек, постичь бесконечное: «Смысл – порождение конечной системы, пытающейся понять бесконечное. Но тогда условием осмысления является "выход в контекст" своего бытия» [там же, с. 19]. Процессы осмысления и смыслообразования оказываются укорененными в самоопределении личности, поскольку постичь бесконечное можно только с какой-то определенной позиции: «Осмысление, как прорыв к трансцендентному, оказы-

вается всегда связанным с динамикой самоорганизации личности, направленной к базовым ценностным установкам, к центру собирания личности, ее самосознания» [там же, с. 14].

В психологии понятие «смысл» также нельзя отнести только к одной из ее предметных областей: оно является сквозным, интегративным для очень разных направлений, существует на стыке сознания и личности, познания и эмоций. Как пишет Д.А. Леонтьев, понятие смысл «воплощает принцип единства деятельности, сознания и личности, находясь на пересечении всех трех фундаментальных психологических категорий» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 109]. Возможно, поэтому в психологии существует множество вариантов его понимания, оно часто «склеивается» в один конструкт с другими понятиями, и в первую очередь с понятием ценности. Высокая связанность между собой данных понятий выражается, в частности, в появлении в категориальном аппарате психологии их терминологических синтезов: ценностно-смысловая сфера, ценностно-смысловая позиция, ценностно-смысловая структура ситуации и др. В некоторых концепциях они иногда перекрестно замещают друг друга, обозначая одно и то же предметное содержание.

В последнее время по проблеме смысла и ценности в психологии появился целый ряд фундаментальных работ, в которых представлены как аналитические обзоры, так и собственные оригинальные концепции авторов [см. Леонтьев Д.А., 1999; Шаров, 2000; Яницкий, 2000; Алишев, 2001; Шакуров, 2003; Серый, 2004 и др.]. В данной главе мы остановимся на подходах, которые содержат различные варианты теоретического понимания соотношения этих понятий. При сопоставлении некоторых из них между собой возникают продуктивные теоретические противоречия, которые послужили источником замысла отдельных теоретических и эмпирических исследований, изложенных в данной монографии. Кроме того, в фокусе внимания будут находиться имеющиеся в некоторых из концепций уровневые модели ценностно-смысловой сферы, где уровни различаются по критериям, корреспондирующим отдельным понятийным оппозициям описания жизненного мира. Эти разработки можно рассматривать в качестве исходных для построения контекстуально-уровневой модели ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности.

Критерием разделения всего многообразия различных теоретических позиций в понимании соотношения понятий *смысла* и *ценности* в психологии стало заложенное в каждой из них представление о том, какая из этих категорий является более фундаментальной и задает общую теоретическую рамку, а какая – производной от нее, вводимой как более частная в более широком контексте первой. При этом оче-

видно, что более фундаментальная категория шире по логическому объему понятия и, соответственно, более абстрактна по содержательной спецификации, которую она получает только при разворачивании через ряд других, более конкретных понятий.

В современной психологии можно выделить *три варианта* понимания соотношения рассматриваемых понятий, за каждым из которых лежит определенная научная традиция. Первый вариант в качестве фундаментальной полагает категорию смысла, второй, полярный ему, напротив, в основание теоретических моделей закладывает понятие ценности. В соответствии с третьим понятия ценности и смысла выступают в теоретической систематизации как однопорядковые, представляя конкретизацию другой, более фундаментальной категории. Сторонники каждой из традиций употребляют в своих построениях одни и те же термины, но, в силу взаимообратного понимания соотношения исходных понятий, часто в столь же обратных значениях. Это касается и других вовлекаемых в теоретические модели связанных с ними понятий: «мотив», «потребность», «значение» и др.

Первая из теоретических позиций берет начало в рамках культурно-исторической парадигмы, в которой возникло понятие «динамическая смысловая система» [Выготский, 1983 б]. Необходимость введения этого понятия изначально была продиктована стремлением Л.С. Выготского сконструировать научную категорию, интегрирующее в себе традиционно противопоставляемые в психологии аффективное и интеллектуальное начала психики. Затем в концепции А.Н. Леонтьева (1972), понятие «смысл» стало фундаментальным в объяснении причин возникновения и развития психического отражения. Именно чувствительность живых организмов к абиотическим стимулам, т. е. стимулам, не имеющим непосредственного биологического *смысла*, считается критерием возникновения психического отражения. Позже понятие «смысл» стало использоваться и для фиксации тех отношений, которые возникают между структурными составляющими деятельности: «личностный смысл» как проявление в сознании отношения мотива деятельности к цели действия [Леонтьев А.Н., 1977], «операциональный смысл», возникающий в связке действие – операция и регулирующий осуществление деятельности на операциональном уровне [Тихомиров, 1984].

Продолжая развитие идей, заложенных А.Н. Леонтьевым, исследователи в области психологии личности развивали понятие *смысла*, отталкиваясь в первую очередь от введенного им представления о личностном смысле. Б.С. Братусь (1988), анализируя определение, данное А.Н. Леонтьевым, подчеркивает особую природу смысловых образований: смысл понимается не как непосредственно предмет,

«вещь», а как сущность отношения между «вещами». Расширяя масштаб рассмотрения смысловой реальности, Б.С. Братусь различает личностный смысл замкнутой на себе деятельности, порождаемый отношением мотива к цели, и более общие смыслы или целостные системы смысловых образований, которые задаются не самими по себе конкретными мотивами, а плоскостью отношений между ними, отношениями внутри «пучка» мотивов.

Говоря о рождении смысловых образований, динамических смысловых систем, несущих в себе особое отражение действительности и пристрастное отношение к ней, автор пишет, что «психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким контекстам жизни» [Братусь, 1988, с. 86]. Смысл той или иной деятельности, с его точки зрения, также порождается не самим мотивом более общей вышележащей деятельности, а «в многочисленных и сложных связях, принципах, соотношениях, противоречиях, которые возникают вокруг этих предметов, составляя как бы кристаллическую решетку, внутреннюю психологическую структуру смыслового образования» [там же, с. 85]. Заметим, конкретно-психологическое исследование соотношений меньшего к большему, отдельных ситуаций к более широким контекстам жизни предполагает определение содержания и масштаба этих больших контекстов, в рамках которых происходят соотношения, рождающие смысл. Б.С. Братусь решает этот вопрос через введенное им представление о *смысловой вертикали*, в соответствии с которым выделяются следующие уровни смысловой сферы личности: 1 – уровень ситуационных, или прагматических, смыслов, 2 – уровень эгоцентрических смыслов, 3 – уровень группоцентрических смыслов, 4 – уровень общечеловеческих смыслов, 5 – смыслы, определяющие «субъективные отношения человека с беспредельным» [Братусь, 1999, с. 293]. Преобладание того или иного уровня является важной характеристикой личности как инструмента приобщения к родовой человеческой сущности. Как видим, здесь уровень смысловых образований задан масштабом социальных общностей (для уровней от 2 до 4), частью которых человек является и из принадлежности к которым исходит в регуляции своего поведения.

Понятие «смысл» Б.С. Братусь использует как средство построения теоретического взгляда на личность. Он различает две формы существования смысла: как процесса, порождаемого и существующего в деятельности, и как структуры личности: «Смысловые отношения, будучи порождены в деятельности, не остаются к ней приписанными, а образуют особую сферу, самостоятельный план отражения.

Именно смысловое строение, смысловое поле и составляет особую психологическую субстанцию личности» [Братусь, 1988, с. 89]. Две основные функции смысловых образований: создание образа будущего, задающего перспективы развития личности, и нравственная оценка и регуляция через задание внеситуативных опор, общих принципов соотнесения мотивов, целей и средств деятельности – также обеспечивают решение задач именно личностного уровня регуляции поведения и деятельности.

В качестве характеристики конкретного смыслового образования Б.С. Братусь помимо уровневой отнесенности выделяет его интенсивность, степень генерализованности и присвоенности личностью. По степени генерализованности различаются неустойчивые (эпизодические), устойчивые и личностно-ценностные, как наиболее общие и генерализованные, определяющие главные и относительно постоянные отношения человека к основным сферам жизни – к миру, к другим, к себе.

Б.С. Братусь вводит и понятие личностной ценности, которым обозначаются «осознанные и принятые человеком общие смыслы его жизни» [там же, с. 99]. Т. е. личностная ценность является венцом развития смыслового образования, когда оно осознается и принимается самим человеком в качестве одного из основных смыслов его жизни. Ее существенными признаками становятся осознанность и предельный уровень обобщенности. Заметим, масштаб того контекста, в соотнесении с которым смысловое образование становится личностной ценностью, – это максимально широкий контекст жизни в целом, ее смысла. Следовательно, личностными ценностями становятся не любые интериоризованные человеком ценности, участвующие в регуляции его поведения и деятельности, а только те, которые можно соотнести со смыслом жизни.

Фундаментальная разработка целостной системы психологических понятий, в основу которой также положено понятие *смысла*, осуществлена Д.А. Леонтьевым. Смысл понимается как «отношение между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 114].

Определяются три аспекта существования смысла. *Онтологический* аспект – это *жизненный* смысл, который характеризует объективное место и роль объектов, явлений и событий действительности и действий субъекта в контексте его жизни и не зависит от его осознания. В *феноменологическом* аспекте смысл существует как

личностный, являясь формой представленности в сознании субъекта его жизненных смыслов. В *деятельностном*, или *субстратном*, аспекте смысл предстает в форме *смысловых структур личности*, образующих целостную систему и обеспечивающих регуляцию жизнедеятельности субъекта в соответствии со специфической смысловой логикой – логикой жизненной необходимости. Только при рассмотрении в двух последних аспектах – феноменологическом и деятельностном (субстратном) – смысл становится собственно психологической реальностью.

Вместо понятия смыслового образования, которым оперирует Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев вводит представление о *смысловой структуре* и *смысловой системе*.

Смысловые структуры определяются как превращенные формы жизненных отношений субъекта. Различаются шесть видов смысловых структур, составляющих три иерархических уровня смысловой регуляции жизнедеятельности личности. Первый уровень образуют *личностные смыслы* и *смысловые установки* конкретной деятельности, которые оказывают эмпирически регистрируемые воздействия на сознание и деятельность. *Мотивы*, *смысловые конструкты* и *смысловые диспозиции* образуют второй иерархический уровень смысловой регуляции. Высший уровень систем смысловой регуляции образуют *личностные ценности*, выступающие источниками смыслообразования по отношению ко всем остальным структурам. Понятием *смысловых систем* обозначаются особым образом организованные целостные многоуровневые системы, включающие в себя целый ряд различных смысловых структур.

Кроме данных понятий вводится термин «смысловые ориентации». К уровню самых общих смысловых ориентаций относятся потребности, личностные ценности, мировоззрение, смысл жизни и самоотношение. Соотношение смысловых систем и смысловых ориентаций не раскрывается, так же как и соотношение всей совокупности общих смысловых ориентаций между собой. Можно только предположить, что и остальные члены ряда общих смысловых ориентаций относятся к тем же самым иерархически высоким смысловым структурам, выступающим в качестве смыслообразующих инстанций по отношению к двум нижележащим уровням смысловой регуляции жизнедеятельности, что и личностные ценности.

Для обозначения места смысловой сферы в целостной системе психики Д.А. Леонтьев соотносит ее с категорией личности, пониманием ее сущности и структурной организации. Личность определяется им как психологическое образование и регуляторная система, которая «конституируется функциями выделения субъектом себя из

окружающего мира, выделения, презентации и структурирования им своих отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений, в противовес сиюминутным импульсам и внешним стимулам» [там же, с. 154]. В структурной организации личности выделяются три уровня. Во-первых, *уровень ядерных механизмов личности*, которые образуют несущий психологический каркас, на который впоследствии нанизывается все остальное. К таковым относятся *свобода* и *ответственность*, которые, не являясь элементами или подструктурами личности, как, например, способности, потребности, роли или отношения, определяются как способы или формы существования и самоосуществления личности, действующие через содержание нижележащих уровней. Они отвечают за критические процессы изменения смысловых ориентаций путем свободного выбора или направленной на себя рефлексии и определяют линии развития смысловой сферы. Во-вторых, *смысловой уровень* – это пласт смысловых структур личности, в которых кристаллизованы конкретные содержательные отношения человека с миром и которые регулируют его жизнедеятельность, то, что обозначается понятием «внутренний мир человека». Здесь осуществляется «производство смысловых ориентаций» в процессе реальной жизнедеятельности человека, реализации его отношений с миром. И третий, *экспрессивно-инструментальный уровень*, включает структуры, характеризующие типичные для личности формы или способы взаимодействия с миром, ее внешнюю оболочку: черты характера, способности, роли, включенные человеком в свой репертуар.

Систему функций личности, а именно ориентировку в отношениях, связывающих субъекта с объективной действительностью, и подчинение деятельности иерархии этих отношений осуществляет главная подструктура личности – ее смысловая сфера. Смысловая сфера личности определяется как особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах. Личностная ценность – это смысловая структура, занимающая верхний иерархический уровень в смысловой сфере личности.

Для того чтобы психологическую предметность в исследовании ценности дифференцировать от подходов, существующих в других науках (философии, социологии, культурологии и др.), предлагается различать разные формы существования ценностей [Леонтьев Д.А., 1996]. Так, в общественном сознании ценность, являясь продуктом жизнедеятельности общества и социальных групп, т. е. социальным явлением, существует в форме *общественных идеалов*. Объективиро-

ванной формой существования ценности являются предметные воплощения этих идеалов в виде *человеческих деяний и творений*. Интериоризованные индивидуальным субъектом ценности социальной общности, отражающие опыт ее жизнедеятельности, включаются в структуру личности как *личностные ценности*, которые, являясь центральной структурой смысловой сферы личности, существуют «в форме идеалов, т. е. моделей должного» [там же, с. 24]. Ценность, существующая в форме личностной ценности, и является той предметностью, которую изучает психология. Различение понятий «ценность» и «личностная ценность» позволяет отделить психологическую рамку исследования ценности от всех остальных.

Личностные ценности указывают человеку направление желаемого преобразования действительности, определяют общий подход человека к миру, к себе, придают смысл и направление его жизнедеятельности и выступают основными источниками процессов смыслообразования и источником жизненных смыслов, которые объекты и явления действительности приобретают в контексте должного. При этом осознанность не считается их необходимым признаком, что существенно отличает их понимание от позиции Б.С. Братуся.

В сознании личностные ценности отражаются в форме *ценностных ориентаций*. Д.А. Леонтьев (1996, 1999) концептуально разводит понятия «личностные ценности» и «ценностные ориентации» по критерию «реально действующее – представленное в сознании», предлагая использовать термин «ценностные ориентации» для обозначения *ценностных представлений сознания*, то есть представлений личности о собственных ценностях. Признается психологическая реальность как реально действующих ценностей, интегрированных в мотивационную структуру личности – *личностных ценностей*, – так и ценностных представлений сознания, частным видом которых являются *ценностные ориентации*. По мнению автора, существует достаточно причин, по которым декларируемые ценностные конструкты сознания могут отличаться от реально побуждающих деятельность человека личностных ценностей. В их числе плохо структурированная и недостаточно устоявшаяся система личностных ценностей, недостаточно развитая рефлексия, действие механизмов стабилизации самооценки и психологической защиты, интерференция в сознании ценностных представлений самого разного рода, включая ценностные стереотипы и ценностные идеалы. Все это затрудняет адекватную вербальную репрезентацию личностных ценностей в сознании.

Несколько иной способ построения целостного представления о смысловой системе и соотношении понятий «смысл» и «ценность» в рамках первого варианта его понимания представлен концепцией

А.В. Серого (2004). Смысл понимается им как системное качество, приобретаемое индивидом в его жизненном пространстве, которое определяет личность человека и его жизнь. Это понятие описывает широкий спектр функционирования человека, поэтому по критерию уровня обобщенности выделяются *ситуативный смысл*, *жизненный смысл* (жизненная необходимость), *смысл жизни* (развитие и стремление), *смысл бытия* (сверхсмысл или космический смысл). Смысловое отношение человека к окружающей действительности обусловлено неразрывным единством идентичности, когнитивной сложности и временной перспективы. Личностный смысл рассматривается, прежде всего, как феномен сознания. Разработано представление о *системе личностных смыслов*, критерием уровневой организации которой стала когнитивная сложность взаимоотношений человека и окружающей действительности, понимаемая как дифференцированность индивидуального смыслового поля. Каждому уровню поставлены в соответствие определенная ступень развития идентичности и временной перспективы.

Первый уровень – *биологически обусловленные смыслы*, возникающие на базе ощущений, обуславливают функционирование организма и его реакции на физическое воздействие окружающей действительности, являясь базовыми для возникновения потребностей, драйвов, мотивов и ощущения реальности. Они относятся к доличностному уровню, обуславливая первичное разделение Я и не-Я. На этом уровне отсутствует когнитивная сложность и временная перспектива.

Второй *индивидный уровень смыслов* отражает удовлетворение потребностей, адаптируя индивида к окружающим условиям социальной действительности. Смыслы исключительно *ситуативны*, локализуясь либо в настоящем, либо в недалеком прошлом. Смысловые связи постепенно генерализуются, в отдельных ситуациях отношения индивида и действительности приобретают характер *значимости*, что позволяет ему дифференцировать себя от окружающей действительности и чувствовать себя субъектом этих отношений.

Третий уровень – *собственно личностные смыслы*, опосредующие всю жизнедеятельность человека, интегрируют личность в новые условия социальной жизни и выступают в виде *ценностных ориентаций*. Интеграция предполагает активное, осознанное поддержание определенного напряжения для творческой реализации в условиях социального взаимодействия, высокий уровень сформированности Я-концепции, осмысленное отношение к своим способностям и социальным ролям, другим людям и миру в целом. Временная перспектива включает долгосрочное планирование, а личностные конструкты носят системный характер, предполагающий способность обобщения, основанную на различении процесса и результата деятельности.

Четвертый уровень – *смысложизненные отношения человека*, обеспечивающие целостное восприятие человеком своей жизни как *значимости*. Отношение человека к себе, его Я-концепция определяются осознанием себя как субъекта жизни, за которую он несет ответственность. Когнитивная сложность характеризуется возрастающей концептуализацией, терпимостью к противоречиям и неопределенности, объективностью, а временная перспектива охватывает широкий спектр событий прошлого, настоящего и будущего.

А.В. Серый считает, что в разных жизненных ситуациях человек может функционировать на различных уровнях этой системы. Смыслы нижележащих уровней не исчезают при переходе человека на более высокий уровень развития, а входят в более сложные смысловые образования, синхронизируя временные локусы и расширяя границы субъективной реальности.

Итак, авторы рассмотренных выше концепций, исходя из понятия «смысл» как наиболее общего и фундаментального, предлагают различные варианты разворачивания на его основе ряда более конкретных понятий, в том числе и понятий «ценность», «личностная ценность», «ценностная ориентация».

Вторая, альтернативная теоретическая традиция, долгое время бывшая наиболее распространенной в психологии, в основание фундамента теоретической системы кладет понятие *ценности*. Все остальные понятия, отражающие пристрастность позиции человека в мире и источники его активности, в том числе и понятие смысла, оказываются производными от него. Данная традиция исходит в первую очередь из философской, социологической и социально-психологической практик разработки понятия «ценность» [Дилигенский, 1976, 1977; Здравомыслов, 1986; Жуков, 1976; Рогов, 1998; Хащенко, 1999; Ядов, 1975 и др.]. Согласно ей ценности понимаются как явления общественного сознания, означающие те или иные блага, и понятие ценности тесно связывается с понятием потребности. Личность лишь ориентируется на ценности общества, поэтому ей присущи *ценностные ориентации*, система которых и задает ее общую направленность. В сопряжении с проблемой смысла данная традиция концептуально проработана и представлена в работах Р.Х. Шакурова (2001, 2003 а, б) и Б.С. Алишева (2001, 2002).

В теории преодоления, разрабатываемой Р.Х. Шакуровым, понятие ценности выступает как базовое, фундаментальное по отношению к понятию смысла, который произведен от ценности. Ценность рассматривается как один из модусов понятия «значение», в котором отражается специфика процесса взаимодействия человека с различными барьерами. Под барьерами имеются в виду воздействия на человека

(экзогенные и эндогенные), которые «ограничивают свободу проявлений его активности, жизнедеятельности, прежде всего свободу в удовлетворении потребностей, устремлений, в реализации установок» [Шакуров, 2003 а, с. 20]. Барьер является источником противодействия и, соответственно, негативного значения, а снятие барьера и его преодоление имеет позитивное значение, само же понятие «значение» выражает меру ограничения или свободного протекания жизнедеятельности субъекта, организма и личности. Ценность возникает при всяком взаимодействии человека с любыми барьерами на пути удовлетворения его потребностей, а потому понятие ценности является максимально широким, объемлющим более частные понятия смысла, потребности, мотива, цели, устремления и т. п. Заметим, что понятие «значение» здесь близко по обозначаемому им предметному содержанию понятию жизненного смысла в концепции Д.А. Леонтьева (1999).

С точки зрения Р.Х. Шакурова, ценности являются источником смыслов в той мере, в какой они дефицитны: «Смыслообразующий потенциал ценностей определяется в первую очередь их дефицитностью, обусловленной барьером» [там же, с. 30]. При удовлетворении потребности происходит потеря ценности тем предметом, который способен ее удовлетворить. Существенным моментом данной теории является рассмотрение ценности в процессуально-динамическом плане, который также во многом задает понимание ее сущности: «Ценностное отношение <...> всегда процессуально <...> оно сводится к двум процессам: к появлению барьера и его снятию <...> ценность – не сам предмет, а процесс взаимодействия с ним» [там же, с. 20]. Тем самым барьеры включаются в понимание сущности ценности.

В системно-функциональном подходе к построению психологической теории ценности, разрабатываемом Б.С. Алишевым, ценность определяется как «представленная в психике и сознании функциональная связь между субъектом и объектом, которая характеризуется специфическим содержанием, субъективной интерпретацией этого содержания и мерой интенсивности, проявляющей себя в отношении с функциональными связями другого содержания» [Алишев, 2002, с. 20]. Эти связи в системе «субъект – объект» объективны, их содержание обусловлено либо биологически, либо социокультурно. Однако, будучи представленными в психике, эти связи приобретают субъективное истолкование и приоритетность и становятся *ценностями* – конечными основаниями определения значений (смыслов) и формирования мотивов. Они являются фундаментальными регуляторами взаимодействий субъекта со средой, глубинным и априорным основанием психики, составляя содержание как аффективных, так и ко-

гнитивных процессов. Это некоторые иррационально и бездоказательно принимаемые субъектом исходные положения, на основе которых разворачиваются и организуются все другие процессы: «Ценности личности не наблюдаются непосредственно, но проявляют себя во всех без исключения формах психической жизни, образуя основу целостной модели взаимодействия с окружающей природной и социальной действительностью» [Алишев, 2001, с. 93]. Они имеют «выход» в каждую из трех – эмоциональную, когнитивную и конотативную – составляющих психики и являются основными критериями определения значения объектов, явлений, ситуаций субъектом, формирования его отношения к ним и выбора им варианта действия.

Ценности также рассматриваются во взаимосвязи с понятием «личность», выступая в качестве ее центрального образования: «... система ценностей личности является ядром, стержнем ее "Я" <...> ценности обеспечивают целостность ее внутреннего мира, позволяют ей объединить свое прошлое, настоящее, будущее в едином образе "Я"» [там же, с. 94]. Они обеспечивают наиболее глубокий уровень психологической и социально-психологической саморегуляции человека.

Как видим, в данной традиции понятие «ценность» определяется почти так же и обозначает тот же круг феноменов, что и понятие «смысл» в ранее рассмотренных концепциях. Однако разница в исходном пункте построения теоретической системы приводит к существенной разнице в определении всех других ее звеньев.

При сопоставлении между собой двух рассмотренных выше противоположных теоретических традиций становится очевидно, что основное расхождение между ними связано даже не с различиями в понимании соотношения понятий «смысл» и «ценность», а во взгляде на соотношение понятий «потребность» и «ценность». Поскольку именно в этой плоскости, через призму разных взглядов на соотношение данных понятий прорисовывается проблема *динамических аспектов* смыслообразования в контексте личностных ценностей, остановимся более подробно на сути данных расхождений, с тем чтобы обозначить продуктивные противоречия, задающие направления дальнейших исследований в данной предметной области.

Общим для всех подходов является близкое понимание функции ценностей и потребностей. Так, Б.С. Алишев считает, что системы ценностей конкретной личности занимают такое же место в системе психики человека, выполняют такую же роль, как и базовые инстинкты [там же, с. 92]. Д.А. Леонтьев (1999) рассматривает личностные ценности наряду с потребностями в качестве устойчивых и внеситуа-

тивных источников мотивации. Однако в дальнейшем анализе взгляды на соотношение данных понятий расходятся.

Понимание соотношения потребностей и ценностей в подходе Р.Х. Шакурова и Б.С. Алишева задается местом в данной теоретической системе понятия «ценность». Оно, вбирая в себя в полном объеме все источники человеческой пристрастности и побуждающие человеческую активность факторы, включает в качестве частного случая и потребности: «Взаимодействие же человека с окружающим миром осуществляется как на уровне биологически и биосоциально заданных потребностей, так и на уровне функциональных связей, далеко выходящих за их рамки. Вся совокупность этих связей и формирующиеся в ней приоритеты и образуют систему ценностей. Потребности также становятся у человека составными элементами системы ценностей» [Алишев, 2002, с. 21].

Поскольку здесь ценности тесно связываются с потребностями, это позволяет перенести все динамические закономерности функционирования потребностей на функционирование ценностей. При этом отходит на задний план специфика ценностей как обобщенных и кристаллизованных форм хранения и фиксации общечеловеческого опыта взаимодействия с миром, которые интериоризируются человеком при включении его в социальный мир, а не просто выявляются им самим в опыте непосредственного индивидуального взаимодействия с миром. Последнее совершенно обоснованно при рассмотрении вопроса о происхождении ценностей в истории развития человечества, культуры. Действительно, и здесь можно целиком присоединиться к позиции Б.С. Алишева, ценности кристаллизировались вокруг некоторых универсальных точек взаимодействия человека с миром, которые определялись в том числе и его индивидуальными потребностями, и обобщались затем в культурных универсалиях. Данное понимание категории ценности как фундаментальной при описании взаимодействия человека с миром характерно, скорее, для философской или культурологической плоскости ее анализа. Но в рамке психологического анализа необходимо учитывать, что ценности человек встречает в обществе в готовом виде, в то же время он рождается с имеющимися у него предпосылками возникновения и развития некоторых потребностей, регулирующих его отношения с миром. Линии развития потребностей и ценностей каким-то образом встречаются и переплетаются, в итоге порождаются новые психологические образования, что остается за рамками теории, рассматривающей человека скорее как изолированного индивида, в одиночку преодолевающего неопределенность в ходе взаимодействия с миром.

Иной подход основывается скорее на противопоставлении ценностей и потребностей. Так, в концепции Б.С. Братуся (1988) ценности являются результатом осознания и принятия человеком своих собственных наиболее обобщенных смысловых образований, которые изначально возникают при его включении в практические формы общественно разделенной деятельности. Развитие смысловых образований, по всей видимости, подразумевает их опосредствование ценностями и включение в их состав ценностного содержания, которое открывается и осваивается ребенком в ходе совместной деятельности со взрослым, в результате которой общественное и индивидуальное содержание оказываются сплавлены в едином и неповторимом синтезе. В этом процессе и возникают источники мотивации, которые по своему происхождению и природе включают в себя ценностное содержание, но еще недостаточно обобщены, кристаллизованы, приняты и осознаны человеком, чтобы стать его личностными ценностями. Осознание ценности и принятие ее как своей сущностной составляющей требует особой рефлексивной внутренней деятельности, смысловой работы, которая может запускаться в особых ситуациях, например, угрозы ценности, в ситуации личностного выбора, при столкновении с другой системой ценностей. Не всем смысловым образованиям человека, даже глубоко ценностно опосредованным, с точки зрения Б.С. Братуся, суждено стать осознанными. При этом с ценностями сопоставимы не любые взаимодействия человека с миром, а лишь наиболее масштабные и обобщенные их уровни, соответствующие смыслу жизни в целом.

В данном подходе между ценностью и потребностью лежит длинный путь развития смысловых образований и смысловой сферы в целом, где потребности можно рассматривать только в качестве одной из начальных предпосылок этого пути, необходимой для включения ребенка в общественно разделенную деятельность на ранних этапах его онтогенеза. Развивая в основных принципиальных моментах эту же теоретическую традицию, Д.А. Леонтьев (1999) подробно останавливается на анализе соотношения понятий потребности и личностной ценности, детально прописывая как общие моменты, так и существенные различия между ними. Подробнее мы остановимся на этом при обсуждении проблемы динамических аспектов функционирования личностных ценностей (глава 4).

Третий, последний из логически возможных вариантов понимания соотношения понятий «ценность» и «смысл», также представлен в некоторых существующих концепциях, где оба эти понятия рассматриваются в качестве конкретизации другой, более фундаментальной категории. В качестве таковой выступает понятие «значимость», ко-

торое использовал С.Л. Рубинштейн (1989). Оно стало одним из центральных в теории динамических сторон мотивации В.Г. Асеева (1976), а применительно к анализу ценностно-смысловой сферы применяется А.С. Шаровым (2004).

В качестве единицы анализа ценностно-смысловой сферы человека А.С. Шаров предлагает понятие *о-граниченной значимости*, понимаемой им как целостный энергетически о-граниченный ансамбль, отражающий внутренне присущую человеку пристрастность к миру. О-граниченная значимость трансформируется в *мотив*, *смысл* или *ценность* в зависимости от условий проявления и функции в жизнедеятельности человека. Последние находят отражение в трех критериях, частично перекрывающихся с оппозициями описания жизненного мира, выделенными в предыдущем разделе. Это, во-первых, хронотоп как пространственно-временная составляющая жизнедеятельности, определяемый рамками контекста рассмотрения значимости – ситуативным, социальным или культурным. Во-вторых, обобщенность, универсальность о-граниченной значимости по отношению к жизнедеятельности человека, в соответствии с которой выделяются следующие ее градации: вся жизнедеятельность (ценности), целостная деятельность человека и большие промежутки времени (смысл) и конкретные поступки, действия, ситуации (мотив). В-третьих, локализация о-граниченной значимости как энергетического, побудительного, воздействующего на человека начала, где различаются внешние и внутренние по отношению к нему источники, так что мотив и смысл относятся к источникам, имеющим внутренне-внешнюю локализацию, а ценности – внешне-внутреннюю.

В соответствии с данными критериями *мотив* определяется как «реальное проявление в конкретной ситуации о-граниченной направленно-протяженной субъектной активности» [Шаров, 2004, с. 220]. *Смысл* отражает по-граничную направленность человека на определенную линию поведения и деятельности в тех или иных *целостных областях жизнедеятельности*. Являясь обоснованием мотива, который о-граничен ситуацией, смысл задан целостной деятельностью. Предельная, прежде всего хронотопически, значимость чего-то для человека – это ценности, которые выводят человека в самый широкий контекст его жизнедеятельности – культурный, очерчивая, оформляя, о-граничивая пространство культуры, в котором бытийствует человек. Психологический смысл индивидуальных ценностей человека заключается в о-граничении индивидуального пространства его жизнедеятельности, которое они оформляют, направляют, структурируют и определяют.

Соответственно выделяются три уровня регуляции человеком поведения и жизнедеятельности. *Операционный уровень* связан с регуляцией поступков, поведения в конкретной ситуации и соотносится с мотивами, *тактический уровень* заключается в постановке целей, планировании собственной деятельности с учетом конкретных условий жизнедеятельности и соотносится с личностью человека, его смысловой сферой, а *стратегический* определяется ориентацией на дальнюю временную перспективу и принятые человеком ценности и соотносится с понятием «жизнь». Человек осуществляет регуляцию сразу на всех уровнях, но при этом один из уровней может доминировать, все вместе они образуют интегративное единство, которое автор называет стратегией жизнедеятельности.

Между главными элементами ценностно-смысловой сферы возможны взаимопереходы. В мотивах проявляют себя ценности и смыслы человека, а ценности включают в себя мотивы и смыслы в снятом виде и способствуют образованию целостной системы ценностно-смысловых образований личности человека. Ценности в большей степени, чем мотивы и смыслы, задают общую временную архитектуру внешней и внутренней жизни человека, общую направленность его жизни, тогда как мотивы и смыслы наполняют её временным содержанием, которое может вступать в противоречия с главным временем жизни. По мнению автора, чем больше человек в своей жизнедеятельности руководствуется ценностями, тем больше событий оказываются ценностно значимыми, раздвигая временные границы существования, и тем больше человек переносит себя в бесконечность.

Вопрос о соотношении с понятием потребности обсуждается при его сопоставлении с понятием значимости, а не ценности. А.С. Шаров полагает «значимость» в качестве понятия, более широкого по объему и универсального, нежели «потребность». Значимость обозначает все то, что для человека важно и ценно в жизни, характеризует его сущность как представителя культуры, а также зависимость от мира. Значимость, так же как и потребность, имеет в основе своей энергетическую составляющую, которая выступает как система напряжения – напряженная направленность. Сущностное различие между данными понятиями связывается с пониманием потребности как биологического источника активности, ее ситуативности и внутренней локализации, динамичности и насыщаемости, тогда как значимость является более устойчивым образованием, которое принципиально не насыщаемо и несет в себе разнообразную локализацию и контекст. В целом понятие значимости здесь близко по значению понятию смысла в концепции Д.А. Леонтьева (1999), пересекаясь в чем-то и с его пониманием личностной ценности.

Особый случай разграничения понятий ценности и смысла представляет позиция В.Е. Ключко (1998), разделяемая и развиваемая О.Н. Краснорядцевой (1996), Э.В. Галажинским (2002), Н.Е. Некрасовой (2005) и др. Ценности и смыслы рассматриваются как системные интегральные сверхчувственные качества, возникающие при самоорганизации человека как сложной открытой психологической системы, составляя качественно разные измерения жизненного мира человека (см. главу 1). Смыслы не принадлежат ни объектам, ни системе, в которую они включаются, но производятся в актах взаимодействия двух систем – человека и мира. Ценности носят системно-интегративный, наиндивидуальный характер. При этом смыслы соответствуют потребностям, а ценности – возможностям человека, и те, и другие выполняют функции, аналогичные параметрам порядка в самоорганизующихся системах [Хакен, 1991; Пригожин, Стенгерс, 1986; Степин, 2000], и не включены в какую-либо другую более объемную психологическую категорию в качестве ее видовой конкретизации.

Невзирая на существующее многообразие трактовок соотношения рассматриваемых понятий, можно выделить и то общее, что позволяет подчеркнуть инвариантные и существенные для анализа ценностно-смыслового содержания жизненного пространства личности моменты.

В большинстве концепций ценности, личностные ценности, индивидуальные ценности или ценностные ориентации (термины авторы используют разные) относятся к вершинным (или самым фундаментальным) уровням ценностно-смысловой системы, связанным с культурой как источником родовой сущности человека. Наиболее специфичным по содержанию и узким по объему понятие ценности является в концепции Б.С. Братуся, где личностные ценности понимаются как обязательно осознанные и сознательно принятые смыслы жизни. Наиболее широким по объему понятие ценности является в подходе Р.Х. Шакурова и Б.С. Алишева, являясь основным функциональным звеном всех побуждающих человеческую активность факторов, в том числе и потребностей. Позиция Д.А. Леонтьева является промежуточной по объему понятия: ценности не охватывают все поле побудителей поведения и деятельности, но и не сводятся только к некоторому кругу осознанных и предельно обобщенных смысловых образований. В этом ей близки концепции А.С. Шарова и А.В. Серого.

Мотив у большинства авторов, продолжающих в основном традицию, заложенную А.Н. Леонтьевым (1949), соответствует отдельной деятельности. Соответственно, мотив всегда более конкретен по сравнению с ценностями и локализован в определенном сегменте активности человека, тогда как ценность – предельно обобщена и уни-

версальна для разных по масштабу контекстов. Тем самым соотношение в паре понятий «ценность – мотив» различается по критерию обобщенности-конкретности, что аналогично некоторым из выделенных выше понятийных оппозиций описания жизненного мира.

Наибольшее количество вариантов понимания в психологии обнаруживает понятие «смысл», которое рассматривается и как родовое для всех остальных понятий, и в качестве производного от других видового понятия. Большинство авторов подчеркивают преемственность и отношения взаимоперехода между смысловыми, мотивационно-потребностными и ценностными образованиями, а также задают иерархические отношения между ними. В ряде концепций разработаны модели уровневой организации смысловой сферы, в которых присутствуют параметры конкретности-обобщенности и масштаба контекста функционирования смысловых образований.

Итак, проведенный анализ продемонстрировал, что в понимании понятий ценности и смысла, а также более широкой связанной с ними системе понятий психологии, включающей понятия мотива, потребности, значимости, «в товарищах единства нет». Авторы очень автономно строят свои системы понятий, охотно обращаясь к трудам предшественников и практически не вступая в дискуссию с современниками, параллельно занимающимися построением своей системы понятий в рассматриваемой предметной области, причем посредством одних и тех же терминов. Как уже отмечалось, это может свидетельствовать о бурном развитии данного предметного направления, когда одновременно возникают и разрабатываются сразу несколько теоретических моделей. Но зафиксированная выше ситуация в науке создает необходимость выбора некоторой исходной сетки теоретических понятий и соответствующего ей «языка» в исследуемой области.

В качестве основы в данной работе выбрана теоретическая система понятий, разработанная Д.А. Леонтьевым (1999), которая изначально создавалась на фундаменте неклассической парадигмы психологии (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), в рамках онтологии жизненного мира, преодолевающих дихотомию внешнего и внутреннего, и в разработке интересующих нас понятий исходила именно из нее. Представление о смысле, снимающее дихотомию «отражения» и «конструкции» [Соколова Е.Е., 2007, с. 305], включено в ней в детально проработанную и целостную модель смысловой сферы личности, ее строения и динамики. Через ее призму ассимилирован очень широкий спектр разнообразных психологических явлений из разных предметных областей психологии, что позволило охватить большой круг релевантных исследуемому предметному содержанию фактов. Кроме того, весьма продуктивным является различение ценностей и

личностных ценностей, что сразу разводит психологическую плоскость анализа и другие возможные подходы (философский, социологический, экономический, культурологический и др.) и перспективно для исследования ценностей как внутриличностных образований, которые, в отличие от ценностных ориентаций, не обязательно полно представлены в сознании. Исходя из основных теоретических положений указанной концепции, мы тем не менее поставим и обсудим некоторые дискуссионные вопросы по ее отдельным аспектам, в частности в вопросе о динамических сторонах функционирования личностных ценностей.

Однако ограничиться только фиксацией некоторых разночтений или даже противоречий в понимании ценностей и их соотношения с понятиями смысла и потребности, а также определением исходной теоретической системы было бы недостаточно. Для постановки проблем и дальнейших шагов в развитии этой предметной области необходимо включить в анализ все рассмотренные выше позиции. Так, многие из концепций содержат уровневые модели смысловых образований, которые могут лечь в основу *контекстуально-уровневой модели описания жизненного мира*, обоснованию которой посвящена следующая глава. Кроме того, координация их друг с другом выявляет некоторые противоречия, позволяющие поставить *проблему динамических аспектов функционирования личностных ценностей*, рассмотрение которой необходимо для исследования динамических аспектов ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности (глава 4).

ГЛАВА 3. КОНТЕКСТУАЛЬНО-УРОВНЕВАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Теоретические представления о ценности и смысле, как это показано в предыдущем разделе, содержат уровневые модели строения ценностно-смысловой сферы личности. Некоторые критерии разделения уровней в них во многом аналогичны соответствующим понятийным оппозициям описания жизненного мира, в частности, обобщенности – конкретности и ситуативности – тотальности, определяемых *содержанием* и *масштабом контекста* функционирования *смысловых образований* разного уровня. Это дает возможность отталкиваться от них при выборе критерия сегментации континуума «жизненный мир – ситуация» и определении качественно отличных по масштабу контекстов жизнедеятельности, образующих разные уровни организации жизненного мира. Однако прежде чем осуществить такой перенос, необходимо различить два способа выделения уровней – генетический и функциональный, которые реализуются в разнообразных уровневых моделях в психологии, в том числе и применительно к смысловой сфере.

При *функциональном* фокусе анализа уровни изучаются как относительно автономные структуры, выполняющие определенные функции, включенные в некоторую общую иерархически организованную систему. Поскольку каждый уровень находится в функциональных взаимосвязях с другими выше- и/или нижележащими уровнями, в исследованиях раскрываются те горизонтальные и вертикальные связи, которые обеспечивают функционирование структуры в целом. При фокусировке на *генетическом* принципе уровни выделяются в соответствии с последовательностью стадий или этапов возникновения и развития явления в фило- или онтогенезе. Кроме отношений последовательности возникновения, задающих преемственность уровней, прослеживаются качественные отличия между ними, а также способ включения нижележащего уровня в структуры вышележащего.

Разделение генетического и функционального принципа в выделении уровней относительно, поскольку часто новые уровни функциональной организации возникают последовательно в ходе генезиса как той или иной психической структуры, так и психической организации человека в целом. В наиболее теоретически оформленном виде связь генетического и функционального принципов выделения уровней выражена Я.А. Пономаревым (1983) в законе трансформации этапов развития системы в структурные уровни ее организации, которые становятся затем функциональными ступенями дальнейших раз-

взаимодействий. Еще одним вариантом ее теоретического осмысления является функционально-генетический принцип, сформулированный В.Д. Шадриковым (1994). Однако из факта наличия связи этих принципов не следует их полной тождественности, при выделении уровней они не обязательно приводят к одному и тому же результату, поэтому в одних моделях такое соответствие можно проследить, в других же оно отсутствует. Дело в том, что не все генетически предшествующие уровни сохраняют значение в анализе функционирования последующих, более сложных структур. Кроме того, функциональные структуры могут возникать и складываться ситуативно для выполнения определенной задачи и затем распадаться, возможны разные способы их объединения в зависимости от вида решаемой ими задачи или выполняемой функции.

В целом вопрос о том, насколько генетически выделенные уровни необходимы при анализе функционирования и развития сложноорганизованной системы, представляет методологическую проблему, решение которой в науке не однозначно. Одним из принципиальных моментов является вопрос о том, как и в какой форме генетически раннее и, соответственно, более простое присутствует и проявляется в высшем и сложном.

При конкретизации существующих в рамках культурно-исторической парадигмы общетеоретических представлений в отношении разных психических явлений возникают и различные варианты их интерпретации. С одной стороны, общефилософский принцип снятия свойств простого в сложном подразумевает, что генетически поздние вышележащие образования включают в себя простые и ранние, преобразуя и подчиняя их. Они и определяют основные свойства и закономерности функционирования всей системы, тогда как свойства включенных в нее нижележащих уровней не проявляются. Эта логика реализована Л.С. Выготским (1983 а) в решении вопроса о присутствии натуральных психических функций в «теле» высших. Принцип «снятия» не означает уничтожения натуральных функций с возникновением высших, но закономерности функционирования теперь полностью определяются вновь приобретенными свойствами более высокого уровня. Необходимость учета свойств натуральных функций возникает лишь в рамках исследования закономерностей становления на их основе функциональной структуры высших, например, в целях решения задачи их формирования, а также в особых обстоятельствах и условиях, при разрушении, деструкции высших уровней, обнажающих свойства нижележащих, что широко исследуется в клинической психологии. В обычных же условиях функционирования более развитые уровни, действуя через механизмы нижележащих, поглощают их,

включая в более сложные структуры и механизмы, тем самым «снимая» их свойства новыми, соответствующими системе более высокого уровня. Это значит, что при функциональном анализе ставшего явления роль нижележащих уровней в качестве самостоятельных детерминант функционирования зрелой структуры высшего уровня становится незначимой. С другой стороны, существует позиция, представленная, например, теорией поэтапного формирования умственных действий [Гальперин, 1966; Лидерс, Фролов, 1991], в соответствии с которой генетически предшествующие этапы задают скрытую сущность явления, которая ушла вовнутрь, но продолжает определять функционирование возникшей структуры.

Для разрешения противоречия между этими позициями, возникшими в рамках единой культурно-исторической парадигмы, требуется различить разные способы возникновения сложных высших функций на основе простых, элементарных. По всей видимости, в первом случае отношение генетически последовательно возникших уровней можно трактовать как отношение *материала*, в качестве которого выступает натуральная функция, и *конструкции*, составляющей высший уровень культурной функции, в которую этот материал включается. Во втором случае генетические уровни соотносятся существенно иным образом: это отношение развернутой функциональной структуры и ее свернутой формы, закономерно сменяющих друг друга при формировании высшей функции. Хотя и в том, и другом случае присутствует отношение генетической преемственности и последовательности в их возникновении, но есть и существенные отличия отношений между ними. В первом случае низшая структура представляет собой лишь материал, который включается в сложные связи с другими структурами, вследствие чего проявление его свойств как отдельных, самостоятельных становится невозможным (по аналогии с известным различием Л.С. Выготским единиц и элементов, проиллюстрированным примером со связыванием атомов в молекуле). Тогда как во втором – в первичной развернутой структуре присутствует и материал, и новые элементы и возникающие связи между ними, которые полностью переходят в свернутую функциональную структуру. Соответственно, возврат к генетически первичным уровням носит функциональный характер, не означая разрушения сложных вторичных функций и изменяя лишь их форму. В первом же случае они, полностью войдя в качестве материала в вышележащий уровень, могут проявиться в своих свойствах только при его разрушении. Это, по всей видимости, и может быть наиболее дифференцирующим критерием разделения моделей, созданных по функциональному принципу, от тех, в которых реализуется преимущественно генетический.

Однако этот критерий, применимый к отдельным психическим функциям, требует своего уточнения и развития в отношении еще более сложных интегративных психических образований, которыми являются, например, характер и личность. Так, при обсуждении вопроса о «снятии» характера личностью Б.С. Братусь (1997) подчеркивает, что «снятие» здесь означает не уничтожение и даже не нивелирование характера, а скорее его подчинение личности, в результате того, что он входит в иные системные отношения. Как это происходит и что изменяется в связи с этим в характере, а что остается неизменным, что из характерологических особенностей продолжает проявляться в поведении, а что не проявляется вовне, остается до сих пор мало исследованным на конкретно-психологическом уровне вопросом, так же как и в целом проблема межуровневых взаимоотношений в столь сложных многоуровневых системах, которые стоят за большинством психических явлений.

Вероятно, поэтому возникла метафора сплава, смеси работы всех уровней, результатом которой и становится то или иное психическое явление. Так, Б.М. Величковский пишет, что «субъективный образ ситуации в общем случае есть амальгама вкладов разноуровневых механизмов» [Величковский, 2006, с. 273], а относительно явное выделение ведущего уровня происходит только тогда, когда возникает некоторая проблемная ситуация, явно принимаемая человеком в качестве требующей решения задачи.

Несколько иное решение вопроса предлагается в синергетическом подходе [Хакен, 1991; Пригожин, Стенгерс 1986; Степин, 2000]. С возникновением параметров порядка в сложноорганизованных системах именно они начинают определять закономерности функционирования системы в целом. Их появление сокращает размерность сложной системы, преобразуя ее в более компактную структуру, позволяющую исследовать закономерности ее функционирования без учета большого количества параметров более низкого уровня. В психологии закономерности такого типа обнаружены в исследованиях когнитивных стилей, где показано, что весьма когнитивно сложные субъекты могут применять в практических ситуациях менее сложную систему конструкторов, и это в целом делает ориентировку в ситуации и принимаемые решения более эффективными, поскольку соответствует их собственным ценностным ориентирам [Серегина, 2001; Лузаков, 2008].

По всей видимости, в межуровневых отношениях существуют многообразные виды соотношений высшего и низшего уровня, зависящие от типа конкретных психических структур и явлений, закономерностей и условий их формирования и функционирования и много-

го другого. Какой из приведенных выше позиций эти отношения соответствуют, необходимо определять в каждом отдельном случае в конкретно-психологическом исследовании и в зависимости от тех задач, которые перед ним ставятся.

По отношению к жизненному пространству личности можно ставить задачу как исследования его генеза и выделения этапов становления или развития, так и функционального анализа ставшего, развитого в полноте всех своих генетически возможных форм и уровней. Одно из решений предложено в работе Е.В. Некрасовой (2005), в которой картина становления жизненного мира человека раскрывается как последовательное возникновение его новых измерений, в качестве которых выступают рассматриваемые по аналогии с параметрами порядка в синергетических моделях значение, смысл и ценность [Клочко, 1998, 2005]. Однако автор не ставила задачу исследовать механизмы и закономерности его преобразования, происходящие в течение всей жизни человека после появления последнего ценностного измерения, остановившись лишь на описании его деструкции при суициде.

Исследованию жизненного мира в качестве ставшего, в полноте всех своих измерений, но при этом динамически изменяющегося и развивающегося на разных этапах жизни взрослого человека релевантна логика его *функционального* анализа. В соответствии с ней Д.А. Леонтьевым (1999) проведен глубокий и разносторонний анализ динамики смысловой реальности, представляющей деятельностный аспект жизненного мира. Раскрыты такие виды смысловой динамики, как смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство, и описаны механизмы каждого из них. Функциональный принцип должен быть применен и при выделении уровней, раскрывающих разные модусы существования жизненного мира. Один из возможных путей его реализации – через дифференциацию *контекстов разного масштаба* в рамках континуума «тотальность – ситуативность» с последующим определением специфики функционирования каждого и межуровневых отношений между ними.

Рассматривая в этих целях существующие уровневые модели ценностно-смысловой сферы личности, мы будем ориентироваться на те из них, в которых реализован именно функциональный принцип выделения уровней. Кроме того, уровневые модели разработаны и в ряде других предметных областей психологии, в которых систематизация и описание разных сторон активности человека также осуществлены по критериям, включающим параметр масштаба контекста, и которые также могут послужить примером функциональной дифференциации уровней. Необходимо оговорить, что критерий масштаба контекста активности не свободен от генетической состав-

ляющей, поскольку, как отмечал еще Ж. Пиаже (1969), развитие психической деятельности является функцией от всё увеличивающихся масштабов взаимодействий, и, соответственно, чем выше уровень функции, тем большим масштабам взаимодействий она соответствует. Однако в этом случае первичные низшие уровни не поглощаются высшими в качестве материала, продолжая свое развитие и возможность автономного функционирования как, например, сенсомоторные структуры интеллекта, и поэтому могут быть функционально автономны.

Многие разработанные в психологии уровневые модели создаются по аналогии с моделью регуляции движений Н.А. Бернштейна (1966), соединяющей в себе генетический и функциональный принципы. Она основана на реализованных в теории функциональных систем П.К. Анохина (1968) общесистемных идеях организации кибернетической системы. Каждый уровень относительно автономен, имеет свои механизмы реализации через определенный ансамбль мозговых структур, различающихся по времени своего возникновения в филогенезе, и включает специфический для него программатор, задающий модель потребного будущего, и контур обратной связи.

Еще в 70-е г. XX в. В.А. Ядов (1975), ориентируясь на общую логику построения модели уровней Н.А. Бернштейна, создал социально-психологическую концепцию диспозиционной регуляции поведения, в которой выделялись три уровня диспозиций личности, представляющие собой продукт столкновения *потребностей* и *ситуаций*. *Потребности* иерархизированы по критерию последовательного расширения границ активности личности. На низшем уровне расположены потребности первичного включения человека в ближайшее (семейное) окружение, далее – включение в различного рода контактные группы и, наконец, в целостную социальную систему. Можно заметить, что в выделении этих уровней присутствует критерий контекста, заданный здесь расширяющимся масштабом социальных общностей, в которые включается человек. *Ситуации* как условия деятельности, в которых могут быть реализованы те или иные потребности личности, иерархизированы по критерию степени *стабильности*. В качестве наименее устойчивых выступают предметные ситуации, более устойчивы ситуации группового общения в семье, трудовом коллективе, которые могут долго оставаться неизменными, и максимально стабильными являются общие социальные, экономические, политические, культурные условия, задающие образ жизни.

Диспозиции, понимаемые как *единство потребности* и *ситуации*, в которой она может быть удовлетворена, закрепляются в личностной структуре, образуя иерархию диспозиций. На ее низшем

уровне находятся *элементарные, фиксированные установки*, формирующиеся на основе потребностей физического существования и в простейших ситуациях. На среднем – *социальные установки* как результат столкновения предметных потребностей человека с соответствующими социальными ситуациями, определяемыми его включенностью в контактные группы. Высший – образует *система ценностных ориентаций* на цели жизнедеятельности и средства их достижения, включающая основные жизненные принципы человека и концепцию жизни, основанные на социальных потребностях личности в саморазвитии и самовыражении.

Соответственно иерархии диспозиций выделяются и уровни поведения: поведенческие акты, далее – поступок, как привычное действие в социальной ситуации, наивысший уровень охватывает целостность поведения в различных сферах, где целеполагание представляет собой некий жизненный план, а его элементами являются отдельные жизненные цели, ориентиры человека на будущее.

В структуре диспозиций доминирует высший уровень – общая направленность интересов или субъективная вовлеченность личности в различные сферы деятельности. Она организует систему ориентаций личности в социальной действительности, воздействуя тем самым на диспозиции нижележащих уровней. Однако зависимость низших уровней от высшего не жесткая, ситуативные установки обладают относительной самостоятельностью, адаптируя личность к меняющимся условиям деятельности. В каждой конкретной ситуации и в зависимости от цели ведущая роль принадлежит определённому уровню диспозиций или конкретному диспозиционному образованию. Высшие диспозиции больше подвержены влиянию общих социальных условий, а низшие – частных обстоятельств повседневной деятельности, за счет чего возможно гибкое ситуативное поведение.

Заметим, что В.А. Ядов следует общей логике введенного Д.Н. Узнадзе понятия *установки* – как категории, преодолевающей постулат непосредственности и конституирующей собой единство внешнего и внутреннего как исходного соответствия потребности и ситуации*. Необходимо отметить, что данной категории в учении Д.Н. Узнадзе предшествовало понятие транссубъективного пространства [Узнадзе, 1923], для которого «противоположные полюсы субъективного и объективного совершенно чужды и в котором мы имеем дело с фактом их внутреннего, нерасчлененного единства» [Цит. по:

* Отметим, что это то самое единство внешнего и внутреннего, совмещенная субъект-объектная реальность, которая современными авторами фиксируется в целом веере других понятий, частично рассмотренных в первой главе.

Иосебадзе, 1985]. Затем в этом же смысле он использовал понятие «ситуация», а позже данное содержание и было вложено им в понятие установки. Соответственно, уровневая модель, которую разработал В.А. Ядов, различив формы этого единства в соответствии с *критериями содержания и масштаба контекста активности и степени его устойчивости*, может также рассматриваться в качестве одной из исходных для разработки контекстуально-уровневой модели жизненного пространства личности. Отметим, что имеющийся в модели уровней регуляции движений Н.А. Бернштейна генетический принцип в модели В.А. Ядова уже не присутствует, она носит ярко выраженный функциональный характер, при этом по исходным понятиям, на которых основывается, близка парадигме жизненного мира.

Реализуется функциональный принцип и в предложенном Д.А. Леонтьевым (1999) представлении об организации смысловой сферы личности, в качестве единицы которой выступает *динамическая смысловая система* (ДСС). Она определяется как «относительно устойчивая и автономная иерархически организованная система, включающая в себя ряд разноуровневых смысловых структур и функционирующая как единое целое» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 235]. ДСС рассматривается в двух ипостасях: ДСС как целостность смысловой регуляции конкретной деятельности (деятельностная ДСС) и как единица относительно устойчивой личностной структуры (личностная ДСС). Первые – неустойчивые, складываются внутри актуально разворачивающейся деятельности, вторые – устойчивые, их функция заключается в структурировании отношений субъекта с миром. К последним относятся и ДСС отдельных сфер жизни, которые, представляя собой относительно ограниченные друг от друга подсистемы, обслуживают ту или иную сферу жизнедеятельности. В качестве наиболее стержневой и обобщенной ДСС, ответственной за общую направленность жизни субъекта как целого, выступает ДСС смысла жизни. Как видим, в предлагаемую градацию видов ДСС вложен принцип масштаба контекста, в котором ДСС возникает и выполняет регулятивную функцию: отдельная деятельность, сфера жизни, жизнь в целом.

В концепции Ф.Е. Василюка (1995 а, б, 2007) одним из критериев выделения типов критических ситуаций является вид *онтологического поля*. Различены *витальность*, задаваемая рамками жизнедеятельности организма, *отдельное жизненное отношение*, ограниченное рамками деятельности и реализации мотива, *внутренний мир*, заданный в рамках сознания, обеспечивающего его внутреннюю согласованность, и *жизнь как целое*, направленная на реализацию жизненного замысла, требующая воли. Первый вид, совпадающий с таковым в

модели уровневой организации системы личностных смыслов, предложенной А.В. Серым (2004), отвечает только генетическому принципу, поскольку входит затем в состав отдельных жизненных отношений. Остальные же три вида содержат в себе критерий масштаба контекста. Это очевидно по отношению ко второму и четвертому видам онтологического поля, но и третий логично занимает промежуточное между ними положение, так как осуществляет координацию и согласование разных жизненных отношений между собой.

К аналогичным по составу выделенных уровней моделям, разработанным по функциональному критерию, можно отнести уровневые представления, возникшие в рамках исследований феномена стиля. Они содержательно соответствуют моделям смысловой сферы по составу выделенных уровней, и в них также присутствует контекстуальный критерий, связанный с сегментацией масштаба активности человека. Так, И.П. Шкуратова (1998), указывая на перепад, существующий между когнитивными стилями и стилем жизни, пишет, что он должен быть заполнен стилями деятельности и общения. А.В. Либин (1998), выстраивая иерархическую структуру стиля человека, также выделяет аналогичные уровни *модуса жизнедеятельности*, которому соответствует стиль жизни, *видов поведения* как стилей общения и деятельности, три остальных отражают специфику *когнитивных процессов*, структурирующих информацию на разных уровнях операционного поля.

Итак, можно заметить, что рассмотренные в предыдущей и данной главе уровневые модели включают *критерий масштаба контекста*, который неявно входит в состав различных других критериев, с которыми органично связан. Можно утверждать, что он носит сквозной характер и является универсальным, присутствуя при выделении уровня диспозиций и стилей, определении вида динамической смысловой системы, онтологического поля критической ситуации и т. д. Однако только в уровневой модели определения ситуации, предложенной Д. Магнуссоном [*Magnusson, 1981*], данный критерий эксплицитирован и становится основным и явным, определяющим тот или иной уровень. Но автор сегментирует по масштабу не то единство внешнего и внутреннего, которое отражено в понятии жизненного мира, а масштаб внешних по отношению к человеку средовых объектов.

Необходимо подчеркнуть, что именно применительно к понятию смысла критерий контекста приобретает особое значение. Цитируем еще раз Б.С. Братуся: «... психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных *соотнесениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким контекстам жизни*» [*Братусь, 1988, с. 86 – выделено нами*]. Оче-

видно, что смысл, порождаемый соотношением меньшего к большему, не может не зависеть как от содержания, так и от масштаба того контекста, с которым соотношение осуществляется. Поэтому представляется обоснованным выделить критерий масштаба и содержания контекста из состава других, в которые он оказался имплицитно включен, и, придав ему самостоятельное значение, предложить в качестве существенного критерия в определении уровней описания жизненного мира.

Значение масштаба в осмыслении зафиксировано и в народных поговорках («большое видится на расстоянии», «делать из мухи слона» и пр.), а в искусстве игра масштабами соотношения выступает как один из эффективных и ярких художественных приемов, необходимых для создания и высвечивания новых смыслов. Проблема содержания контекста смыслообразования, связанного с его масштабом, не нова и в психологии, она поднималась и изучалась в исследованиях мышления, в клинической психологии.

В исследованиях мыслительной деятельности была выявлена содержательная специфика процесса смыслообразования, определяемая рамками его контекста. В стандартной ситуации, когда участнику эксперимента предлагали решить задачу, предполагающую разворачивание мыслительной деятельности, процесс ее решения мог происходить в совершенно разных смысловых полях. Кто-то действительно разворачивал деятельность только в рамках предметного содержания задачи. Для других эта ситуация выступала как испытание себя, и возникающие смыслы часто связывались не столько с содержанием задачи, которая становилась фоном, сколько концентрировались вокруг самооценочных Я-переживаний. Часть испытуемых выводила эту ситуацию в план общения с экспериментатором, и смысловое поле включало помимо предметного содержания задачи еще и смыслы, образующиеся в контексте динамики межличностных отношений [Хусаинова, 1989]. Смысловое поле и соответствующие ему по содержанию процессы смыслообразования являлись производными от позиции испытуемого, которая, в свою очередь, была связана с некоторыми особенностями его личности. От того, какое смысловое поле порождалось в экспериментальной ситуации, зависели и ход решения задачи, и содержание высказываний, и эмоциональная динамика. И.А. Васильев (1998) объясняет это тем, что в условиях внешней и внутренней по отношению к задаче мотивации, определяемой в данном случае личностью, складываются две различные ДСС регуляции мыслительной деятельности, что влечёт за собой различия в мотивационно-эмоциональной регуляции. Один источник порождения эмоций, являющийся ведущим при внутренней мотивации, – это процесс смыслового развития предметного содержания проблемной ситуации

через его целостно-интуитивную переработку. Второй возникает при внешней по отношению к задаче мотивации и представляет гностический конфликт между уровнем организации конкретной мыслительной деятельности и требованиями проблемной ситуации, в этих случаях при неудачах преобладают конфликтные эмоции. Все это демонстрирует, что возникающие в рамках отдельной деятельности динамические смысловые системы имеют существенные отличия в зависимости от *содержания и масштаба контекста*, в котором они разворачиваются.

Аналогичные факты, ярко демонстрирующие различия смысловых полей, в которых протекают процессы смыслообразования при выполнении пациентом различных заданий в ходе клинического интервью, получены в исследованиях людей с выраженными отклонениями от нормы психического здоровья той или иной нозологии [Самухин, Биренбаум, Выготский, 1934; Зейгарник, 1986; Зарецкий, Холмогорова, 1983; Холмогорова, 1981, 1983 и др.].

Роль масштаба контекста подчеркивается А.С. Шаровым через роль границ, задающих ту или иную качественную определенность. Он пишет, что «...человек за счет расширения или сужения границ событий имеет возможность как увеличивать, так и уменьшать их энергетическую составляющую <...> циклическая (ритмическая) динамика изменения границ приводит к переоформлению содержания ценностно-смысловых образований, для которых граница является сущностной характеристикой» [Шаров, 2000, с. 217].

Масштаб контекста смыслообразования влияет и на его механизмы. Например, при переходе от изучения частных к изучению общих смыслов, как пишет Б.С. Братусь, возникают иные условия порождения смысла, включающие в себя работу веры: «В сложных формах активности человек действует не ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива, по А.Н. Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет. И в этот образ (вспомним – сугубо вероятный на деле) человек должен поверить, принять его как уже существующий, влияющий, сопровождающий сегодняшнюю жизнь. Продвижение требует принятия того, чего нет, как того, что есть. Это внутреннее принятие – сугубая продукция, работа веры» [Братусь, 1997, с. 10]. Градация контекстов, в рамках которых происходят соотнесения, рождающие смысл, в концепции Б.С. Братуся (1999) задается через представление о *смысловой вертикали*, позволяющей дифференцировать качественно разные источники осмысления человеком явлений и событий его жизни, самого себя. Она предстает как восходящий ряд различных человеческих общностей, из ценностей которых личность исходит: от

ценностей эгоцентрического уровня через всеобщие человеческие к трансцендентным, выводящим за пределы человеческой жизни к духовной реальности (см. главу 2).

Параметр масштаба является существенным и для многих других психических процессов и явлений. Л.М. Веккер, характеризуя пространственные характеристики мысли, указывает, что «одновременное, связанное видение, необходимое для понимания целого <...> воплощает в себе тот аспект структуры мысли, который <...> содержится в понятии пространственного поля» [Веккер, 1998, с. 188–189]. Связывая различие высших и низших уровней с увеличением параметра масштаба, он пишет, что «при переходе через сечение «образ – мысль» происходит принципиальное преобразование <...> макрограней поля», а на уровне высших процессов осуществляется «целостная ассимиляция больших пространственных масштабов» [там же].

А. Лэнгле, описывая переход от эмоционального восприятия к ценностному, тоже использует пространственные градации. Он выделяет две ступени «восприятия ценности». Первая определяется близостью человека к воспринимаемому объекту, при этом схватывается качество объекта – хороший он или плохой, а воспринимаемая ценность соотносится исключительно с настоящей ситуацией и текущим моментом. Вторая ступень переживания ценности – это интеграция первичной эмоциональности в *эмоциональную целостность*, которую осуществляет Person. Воспринимаемое спонтанно как «благо для жизни» теперь помещается на ширину всего жизненного горизонта человека <...> переживаемое уходит из непосредственной близости и отодвигается на некоторую дистанцию» [Лэнгле, 2004, с. 14].

Итак, созданные в разных областях психологии модели дают основание для выделения масштаба контекста в качестве самостоятельного, а для смысловой реальности – и сущностного критерия, определяющего не только количественную, но и качественную специфику уровней жизненного мира. Увеличение масштаба связывается с увеличением объема соотносимых между собой систем и подсистем активности человека, различных единиц его жизнедеятельности, за которыми стоят и разные содержания, что влечет усложнение их общей картины. Сужение масштаба концентрирует в рамках моносодержаний, не требующих столь сложных соотношений.

Однако перенести в неизменном виде какую-либо из уже имеющихся моделей, в целях создания контекстуально-уровневой модели жизненного пространства личности, не представляется возможным, поскольку прослеживается четкая зависимость созданных моделей от тех задач, которые решал исследователь. Одним из следствий этого является наличие в ряде уровневых построений генетически ранних

ступеней смысловых образований, которые в жизненном пространстве взрослого человека присутствуют в составе более сложных генетически поздних форм и потому неприменимы в рамках функционального анализа. Кроме того, каждая из моделей центрирована на одном из уровней, который положен в качестве основного, все другие возникают как производные от него, что определяет как критерии их определения, так и конкретный состав. Задача выделения уровней-контекстов жизненного пространства не ставилась, а большинство имеющихся уровневых построений деятельностно центрированы, т. е. в центре модели находится деятельность. Понятие жизненного пространства соотносимо не с отдельной деятельностью, а системой жизнедеятельности в целом, интегрирующей в себе всю совокупность разнообразных видов деятельностей и систем отношений человека. Поэтому для определения уровней его организации необходимо сместить центр модели от деятельности к *жизни как целостности*, положив в основу именно ее в качестве системного целого, задающего центральный исходный уровень.

В определении жизни в психологии большинство авторов придерживаются сформулированного Ш. Бюлер (*Buhler, 1933*) ее понимания как процесса самоосуществления или самоисполнения человека, всесторонней реализации им самого себя, единого процесса становления и бытия человека. Д.А. Леонтьев (2009) обозначил подход к жизни как единству ее двух равно важных и взаимодополняющих сторон. Первая, обозначаемая понятием *жизнедеятельность*, – управляемая сторона жизни, предстающей как ресурс. В этом ее ракурсе она требует развития системы саморегуляции – системы управления жизнедеятельностью, связывающей все ее аспекты воедино и направляемой единым смыслом. Вторая ее сторона, обозначаемая понятием *бытие*, связывается с принятием тайны и непредсказуемости жизни, смирением и благоговением перед ней. В этом ее ракурсе она не требует саморегуляции и предполагает присутствие, открытость бытию.

Жизнь человека в ее целостности как отдельный уровень присутствует в целом ряде моделей и составляет в иерархии обычно наиболее высокий из них. Этому уровню ставятся в соответствие столь же обобщенные и масштабные психологические реалии. В исследованиях смысловой сферы это – смысловые образования, существующие в максимально широком контексте: смысл жизни [*Франкл, 1990*], смысл жизни и стиль жизни [*Адлер, 1995*], наиболее масштабная и широкая динамическая смысловая система, заданная *смыслом жизни* [*Леонтьев Д.А., 1999*], уровень *смысложизненных отношений* человека, определяемый целостным восприятием своей жизни как значимо-

сти [Серый, 2004], уровень ценностей, задающий общую направленность и временную архитектуру внешней и внутренней жизни человека, образующий *стратегический* уровень регуляции [Шаров, 2004]. В стилевом направлении психологии также выделяется уровень, соотносимый с жизнью в целом, – стиль жизни [Либин, 1998; Шкуратова, 1998]. Данному уровню релевантны понятия *образа жизни* и *образа мира* [Смирнов, 2007; Клочко, 2005; Серкин, 2005 и др.].

При определении качественно разных по масштабу контекстов смыслообразования, релевантных естественным и органичным для человека единицам организации им жизнедеятельности, кроме уровня жизни в целом во всех существующих моделях авторы, опирающиеся на традицию деятельностного подхода А.Н. Леонтьева (1972, 1977), выделяют уровень *деятельности*. В соответствие ему ставятся *мотив*, конституирующий деятельность и возникающая на основе мотива динамическая смысловая система отдельной деятельности [Васильев, 1998; Леонтьев Д.А., 1999], *тактический уровень* регуляции [Шаров, 2004], *стиль деятельности* [Либин, 1998; Шкуратова, 1998], *отдельное жизненное отношение* [Васильев, 2007]. Имея в виду высказываемое многими положение о том, что в формах индивидуальной деятельности всегда присутствуют в снятом виде следы совместной деятельности, а любое общение всегда опосредовано деятельностным отношением человека как к миру, так и *Другому*, в этот уровень наряду с деятельностью необходимо включить и *общение*. Данные категории размещаются на одном уровне в стилевых подходах, обе они включены в качестве составляющих интегральной единицы жизненного мира человека Ф.Е. Василюком (2007). Не включаясь в дискуссию о соотношении категорий общения и деятельности, поскольку имеется много аргументов и в пользу понимания общения как деятельности, и против него, а в данном контексте присоединение к той или иной позиции непринципиально, можно определить этот уровень посредством обеих категорий.

Между уровнями деятельности и общения, с одной стороны, и уровнем жизни в целом, с другой, возникает большой разрыв, который ряд авторов заполняет представлением о *сфере жизни*. Сфера жизни по отношению к жизни как целостности представляет собой автономно функционирующую подсистему, отграниченную от других аналогичных подсистем деятельностей и отношений [Леонтьев Д.А., 1999]. Она не может быть сведена к отдельной деятельности, поскольку включает в себя разные композиции связанных друг с другом деятельностей и отношений, состав, масштаб и степень сложности которых могут быть очень разными. Выделение сфер жизни человека как отдельных подсистем является следствием усложнения жиз-

ни общества и высокой степени дифференциации в нем разных отношений человека. Если в условиях натурального хозяйства семья являлась и местом воспроизводства населения, и производственной единицей, и институтом социализации, и многим другим, и все эти составляющие жизни человека находились в едином целостном пространстве его отношений и совместной деятельности, то в современном обществе вследствие усложнения форм общественной жизни произошла их дифференциация в разные сферы со своими специфическими способами организации. Это поставило перед каждым человеком задачу координации между собой многих разных сфер своих отношений и деятельностей в рамках индивидуальной жизни.

Отражением существования сфер жизни в качестве отдельных ее подсистем является и наличие во многих классификациях терминальных ценностей отдельного их вида, которые обозначаются как ценности сфер жизни [Алишев, 2002; Фанталова, 1992]. Выделение той или иной сферы в жизни человека помимо социально заданных стандартов определяется его личностными ценностями, которые и конституируют ее существование как подсистемы жизни. Так, для одного человека профессиональная деятельность является отдельной сферой жизни, конституируясь соответствующими ей ценностями, для другого труд на том или ином рабочем месте не образует отдельной профессиональной сферы жизни, выполняя только инструментальную функцию обеспечения материальными благами себя и своей семьи.

Однако градация «жизнь – сфера жизни – деятельность» нам представляется недостаточной. В соответствии с принципами и критериями уровневой дифференциации систем, разработанными А.В. Карповым (2004), в структуре сложного целого необходимо дифференцировать как минимум пять интегративных уровней, наиболее различающихся качественными измерениями: элементный, компонентный, субсистемный, системный и метасистемный. При их приложении к анализу управленческой деятельности была создана более дифференцированная, нежели введенная А.Н. Леонтьевым (1972), схема структурно-уровневой организации деятельности, содержащая пять основных макроуровней: метадеятельностный, уровень автономной деятельности, инфрадеятельностный, уровень действий и уровень операций. К известной схеме *деятельность – действие – операция* А.Н. Леонтьева добавлены два новых уровня – *метадеятельностный* и *инфрадеятельностный*, способ дифференциации которых применим и к определению уровней организации жизненного пространства.

Метасистемный уровень раскрывается системами более общего плана, в составе которых «то или иное явление (процесс) вообще

только и может существовать <...> как онтологическое образование», и приобретает свое «внутрисистемное бытие» [Карпов, 2004, с. 99]. Он считается принципиально открытым, именно через него целостность взаимодействует с системами более высоких порядков и тем самым развивается, качественно трансформируется. Если исходить из целостности жизни как исходной системы, занимающей центральное место в уровне модели жизненного мира, встает задача определения содержания *метасистемного* по отношению к ней уровня. Исходя из того, что метасистема является более широкой системой, в которую жизнь отдельного человека включена в качестве ее подсистемы, в наиболее общем плане и с объективной точки зрения такой системой является человечество, однако в рамках психологического анализа данное ее определение является слишком общим и абстрактным. Кроме того, в рамках анализа организации жизненного пространства важна скорее не объективная включенность человека в ту или иную метасистему, а то, как она представлена в его жизни.

Передать реальную действенную связь жизни человека с теми или иными метасистемами в наибольшей степени позволяет предложенное В.И. Слободчиковым (1996) понятие со-бытийной общности. На ранних этапах онтогенеза человека в качестве таковой обычно выступает семья, в которой ребенок родился, затем выбор общностей зависит от взрослых, которые о нем заботятся. Однако уже начиная со ступени персонализации [Слободчиков, Цукерман, 1996] включение в те или иные социальные общности все в большей степени, начиная с выбора круга друзей, становится результатом собственного жизненного выбора субъекта. И этот выбор, являясь сознательным, совершается не только и не столько рационально, сколько «по велению сердца» или «зову души» в соответствии со своей идентичностью, интенциями ее развития, как следование чувству сопричастности этим общностям.

Сообщество, выступающее в качестве метасистемы, может быть конкретизировано через различные по своему размеру и составу группы, как самые узкие – семья, коллеги, круг друзей, так и максимально широкие – семейный род, народ, человечество. В качестве метасистемы может выступать не только сообщество современников, но и общности, возникающие в пространстве культуры, науки, истории, и в пределе – универсум, беспредельное. Однако необходимо оговорить, что в случае узких групп – это не просто группы членства, в которые человек входит, выступая в качестве их элемента или подсистемы, и которые оказывают на него то или иное влияние. Этот уровень не сводится и к частным социально-психологическим пространствам, связанным с определенной профессиональной, семейной или

иной сферой жизни человека. Не любая живая связь человека с событийной общностью выводит ее на метасистемный по отношению к его жизни уровень – он задается только через те из них, в отношении которых человек занимает позицию ответственного за их развитие и судьбу субъекта и в отношении к которым определяет смысл своей жизни. Как известно, с философской точки зрения смысл жизни человека не слагается из мелких «смыслов» повседневных действий и эмоциональных связей, поступков и взаимоотношений с другими людьми и не заключается даже в «плодах своих трудов», он должен неизбежно находиться за пределами этой жизни [Херсонский, 2008].

Определение метасистемы содержится в ответе на вопрос «Где живет человек?», но не в географическом смысле этого вопроса. Для прояснения можно привести следующий пример. Когда кого-то из близкого круга выдающегося пианиста Святослава Рихтера в трудные для музыкантов нашей страны 90-е годы спросили, почему он не уезжает из России, то последовал приблизительно такой ответ: «Зачем ему уезжать из России, он живет в музыке, а не в России». Аналогичные реалии имеет в виду В.К. Зарецкий, когда пишет о *деле* всей жизни, которому «человек предан по жизни» и которое «выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю» [Зарецкий, 2004, с. 39].

Метасистема задает ту большую по отношению к жизни отдельного человека объемлющую систему, в рамках которой он определяет ее смысл. Общности, составляющие метасистемный уровень жизненного пространства человека, развиваются по своим законам и имеют свое предназначение – миссию, выступающую в качестве аналога смысла жизни человека. Однако только люди, включенные в них, могут быть носителями этих надличностных смыслов. Человек сознательно выбирает или принимает как данность, что через его жизнь живет та или иная метасистема. Смысл существования и развития объемлющей системы, составляющий смысл жизни человека, включенного в нее, живущий и развивающийся через его жизнь, задает другое устройство и его жизненного пространства, представляя уровеньную характеристику последнего. Можно возразить, что это не метасистемный уровень жизненного пространства, а особый смысл жизни отдельного человека. Это действительно так, поскольку носителем «смысла жизни» метасистемы может быть только смысл жизни отдельного человека. Но одновременно это и другой, более сложный уровень в организации его собственного жизненного пространства. В этом случае все оно будет и центрировано по-другому, нежели центрированные относительно жизни только одного конкретного человека жизненные пространства, и по другим основаниям в нем будут вы-

деляться те или иные области. Поскольку смысл жизни человека является отношением, возникающим в соотнесении с метасистемой, то он зависит от ее содержательных характеристик и масштаба.

По способу присутствия в жизненном мире метасистема соответствует периоду универсализации в развитии субъектности [Слободчиков, Цукермен, 1996]. Однако если только отдельные люди достигают стадии универсализации, то метасистемный уровень присутствует в жизни всех достигших периода взрослости. Он задается не тем или иным масштабом и характеристиками со-бытийной общности, а ее ролью и местом в жизненном пространстве человека. Этот уровень представляет собой пространство многих подуровней и принципиально открыт вверх. Дифференциация метасистемного уровня может быть осуществлена, например, в соответствии с уровнями смысловой вертикали [Братусь, 1999], венчаемой уровнем трансцендентных, сверхчеловеческих ценностей.

Представление о двойной локализации смысла жизни – и в системе жизни отдельного человека, и в метасистеме – методологически основывается на метасистемном подходе [Карпов, 2007]. В соответствии с ним сущность психического такова, что в ее собственном содержании получает свое существование та метасистема, которая является по отношению к ней исходно «внешнеположенной» и в которую она объективно включена. Метасистема оказывается встроена в саму систему, что создает предпосылки для возникновения качественно новых механизмов и принципов структурной организации и функционирования психики. Двойная локализация смысла жизни в данном случае представляет частный случай данного принципа. В исследованиях жизненного мира метасистемному подходу близок вариант реализации полисистемного подхода, созданный Л.Я. Дорфманом (1999) для рассмотрения отношений индивидуальности и мира.

Кроме метасистемного, В.А. Карпов (2004) выделил инфрадеятельностный уровень, соответствующий *субсистемному* уровню в организации системы. Заполняя огромный диапазон качественно различных форм организации деятельности, он располагается между крайними полюсами ее сложности – между деятельностью как сложной системой и действием как ее единицей. Субсистемный уровень принципиально гетерогенен, он состоит из множества подсистем разной меры сложности, различного характера организации и фиксирует такие декомпозиции системы деятельности и складывающиеся в ней подсистемы, которые, выступая ее составляющими, одновременно являются сложными, внутренне структурированными образованиями. Они не могут быть отнесены к компонентному уровню, т. е. отдельным действиям, так как выступают продуктами организации и инте-

грации этих компонентов, но «не могут быть и "возвышены" до системного уровня, поскольку ... сохраняют свой подчиненный по отношению к ней статус, включены в нее и реализуются как средство ее функционирования» [Карпов, 2004, с. 305]. И если деятельности соответствует мотив, а действию – цель, то инфрадеятельностному уровню А.В. Карпов ставит в соответствие *ситуацию*, которая «является непосредственной конкретизацией деятельности в целом на любом интервале ее осуществления» [там же, с. 297]. Способы выхода из ситуации не могут быть представлены в виде локального, единичного действия, так как обычно презентуются как соорганизованные совокупности нескольких действий, но и не строятся по типу автономной деятельности, т. е. не имеют своего самостоятельного мотива.

В целом, логика вычленения инфрадеятельностного уровня крайне интересна и перспективна для функционального анализа жизненного мира, тем более что в соответствие этому уровню ставится ситуация. Среди понятийных оппозиций описания жизненного мира понятие ситуации также выступало в качестве конкретизации жизненного мира в определенном пространственно-временном интервале и наименьшей единицы континуума, задаваемого оппозицией ситуативности – тотальности. Однако размещение ситуации как промежуточного между мотивом и целью образования дискуссионно, поскольку ситуация не является аналогичным им «векторным» образованием, задающим направление активности, а скорее определяется совокупностью выделенных субъектом из среды и значимых для него условий ее осуществления.

Кроме этого, необходимо заметить, что понятие действия как единицы деятельности в концепции А.Н. Леонтьева задается целью как образом потребного будущего, а вовсе не его простотой или сложностью, много- или односоставностью. Как показали исследования процессов целеобразования в мыслительной деятельности [Тихомиров, 1984], в процессе достижения одной цели может возникать много промежуточных целей, в свою очередь также разбиваемых на ряд подцелей. В результате возникают разветвленные целевые структуры и образуются сложные системы, включающие множество координированных между собой действий, которые, в свою очередь, также могут быть многосоставными. В разворачивающемся контуре деятельности, которая сама преобразует и на каждом своем шаге создает для себя новые условия, происходят переходы действий в операции и наоборот, возникают их сложные композиции, в которых между ними не всегда возможно провести четкую грань. Такие целевые структуры также представляют собой непосредственную конкретизацию дея-

тельности на определенном интервале ее осуществления и, по сути, совпадают с представлением об инфрадеятельном уровне.

Поэтому нижний уровень жизненного мира, составляющий его минимальный контекст, на наш взгляд, необходимо задать направленным на цель *действием*. Этот уровень не связан с определенной степенью его сложности – простоты, одно- или многосоставности. Он может наполняться как весьма простыми действиями, так и их сложными композициями. Более того, он является открытым «вниз», что определяется степенью возможной детализации в сознании как действия, так и составляющих его операций и даже входящих в ее состав отдельных движений. Нижний предел здесь задается возможностью дифференциации этих составляющих действия в сознании в связи с постановкой относительно их исполнения тех или иных подцелей. В применении к понятию жизненного мира вычленение в нем отдельного уровня, соответствующего операциям, нерелевантно, поскольку они подчинены действию и, не имея самостоятельного статуса, не могут задать системную целостность. Если же относительно них появляются цели (отточить технику выполнения, преобразовать, выполнить с определенной степенью тщательности и т. п.), то граница, разделяющая действия и операции, сдвигается вниз, при этом сами эти составляющие действия на этот момент возвышаются в своем психологическом статусе, становясь действиями. Данному уровню релевантны все возникающие в контексте целостного смыслового поля действия смысловые образования: операциональные смыслы, смысл условий выполнения действия, его отдельных элементов, средств, способов и т. п., а также личностный смысл в классическом его понимании А.Н. Леонтьевым как отношение цели к мотиву.

Суммируя все вышеизложенное, можно обозначить следующий состав контекстуально-уровневой модели жизненного пространства (рис. 3.1), в качестве центрального исходного уровня которой выступает жизнь человека как целостность в единстве ее деятельностной и бытийной сторон. Этому уровню соответствует смысл жизни. Выше него находится метасистемный уровень, образованный теми событийными общностями, в соотношении с которыми определяется смысл жизни человека. Это самые масштабные крупные планы жизненного мира – в масштабе всей жизни и при соотношении с контекстами, выходящими за ее рамки. Ниже центрального уровня жизни располагается уровень сфер жизни как ее подсистем, представляющих единство деятельностей и систем отношений человека, смысл и место которых в жизни определяется в соотношении с жизнью в целом. Ему соответствуют личностные ценности. Следующий уровень составляют деятельность и общение, являющиеся единицами анализа

активности человека, которым соответствует мотив. Нижний уровень образован направленным на цель действием.

Необходимо подчеркнуть принципиальную открытость системы уровней как вверх, так и вниз. Вверх уровни могут мультиплицироваться в соответствии с увеличением масштаба и возвышением по смысловой вертикали уровня метасистемы: от эгоцентрического уровня и ближайшего окружения до беспредельного. Вниз уровни могут дифференцироваться в зависимости от содержания, образующего и наполняющего нижний уровень – смысловое поле действия. Формирование его гетерогенных композиций может происходить как на уровне координации достаточно крупных, состоящих из ряда других действий структурных уровней деятельности, так и на уровне ее самых детальных составляющих, которые могут быть заданы операциональным составом действия, отдельной операцией и даже составляющими ее движениями в случае, если последние стали предметом осознания и целенаправленной регуляции.

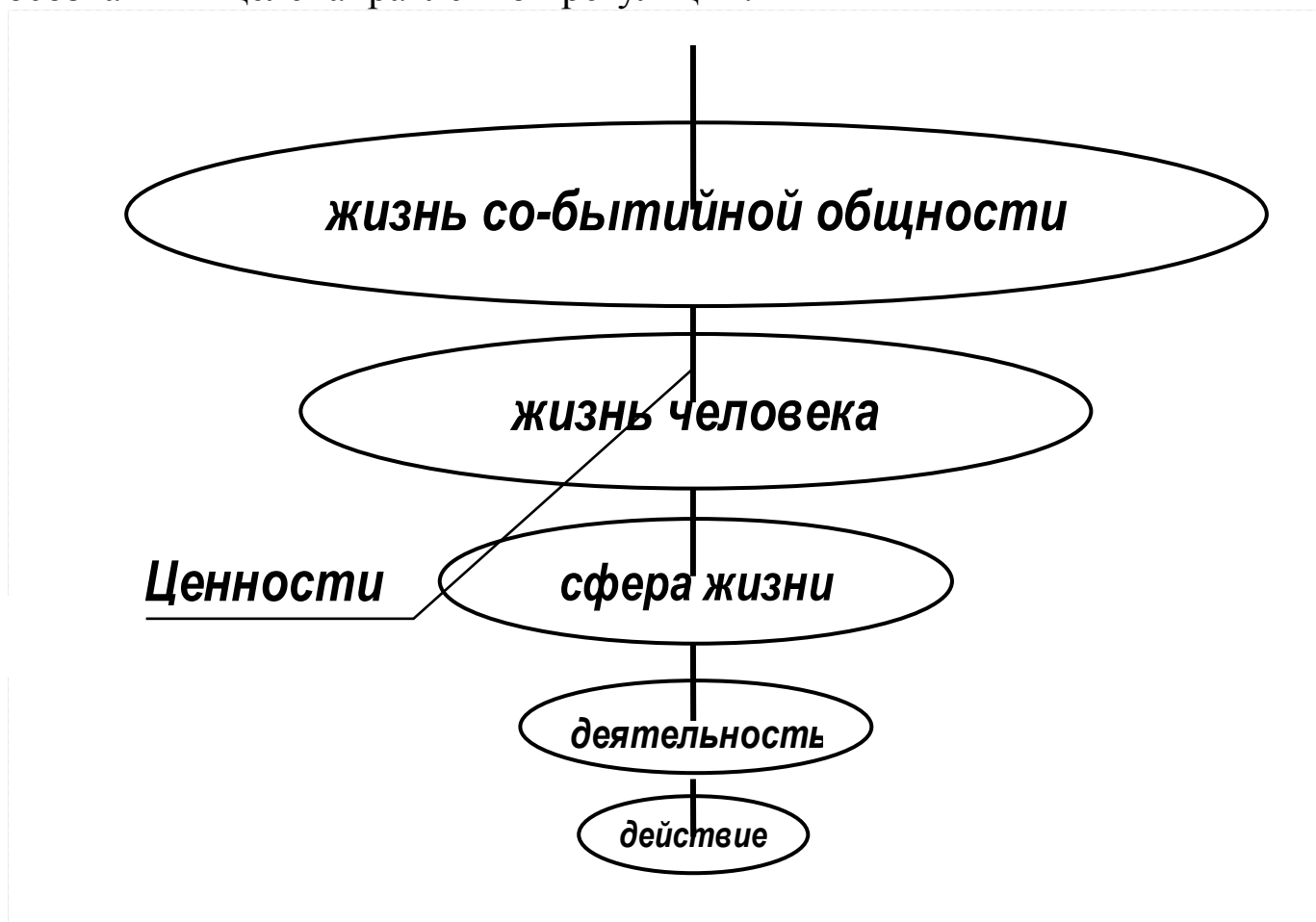

Рис. 3.1. Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства

Каждый из обозначенных уровней задает *пространственную развертку* жизненного мира определенного масштаба и, за исключением центрального, состоит из ряда отличающихся друг от друга по

содержанию пространств. Так, уровень сферы жизни включает ряд пространств, составляющих различные сферы жизни конкретного человека. Каждая сфера, в свою очередь, включает в себя ряд разнообразных деятельностей и т. д. Межуровневые отношения в данной модели можно представить по аналогии с тем, как они были заданы и в модели Н.А. Бернштейна (1966), в которой верхние уровни задают цели (мотивы) для работы нижележащих. Система всех уровней образует целостную *многоуровневую организацию жизненного пространства личности*.

Таблица 1.1

Контекстуально-уровневая модель жизненного мира

	МИССИЯ	
жизнь со-бытийной общности		пространство со-бытийной общности (род, профессия, наука, страна)
	СМЫСЛ ЖИЗНИ	
жизнь человека в целом как жизнедеятельность и бытие		жизненное пространство
	ценность	
сфера жизни как система деятельностей и отношений		частные пространства сфер жизни (профессиональное, семейное и др.)
	МОТИВ	
деятельность (совместная деятельность, общение)		пространство деятельности и общения
	цель	
действие		смысловое поле действия

Итак, в результате обобщения ряда уровневых моделей и следуя общей пространственной логике при выделении разномасштабных контекстов жизни, на нижнем уровне модели мы получили уровень смыслового поля действия, а вовсе не ситуацию. Это требует еще раз вернуться к вопросу о критериях, различающих понятия ситуации и жизненного мира.

В поисках места для очень важного в данном контексте понятия ситуации вспомним, что ситуация фиксирует процессы, протекающие

на каждом из уровней в определенном временном промежутке, т. е. задается срезом жизненного мира, производимым *во временном измерении*. Проведенное же нами выделение его контекстов соответствует сегментации жизненного мира в пространственном измерении. Соответственно, ситуация может быть определена на каждом из них: на уровне жизни в целом, на уровне сфер жизни, отдельных деятельностей и соорганизованных между собой действий, что конкретизирует различие понимание ситуации в широком и узком смысле, предложенное Л.Ф. Бурлачук, Л.Ф. Михайловой (2002) (см. главу 1). Ситуация может быть зафиксирована и как композиция срезов множества разноуровневых процессов, а смысловое поле ситуации вобрать в себя, как в фокусе линзы, как смыслы жизненных контекстов разного уровня, так и ряда одноуровневых, различающихся по своему содержательному наполнению. Как пишет В.А. Барабанщиков, ситуация – это «всегда клубок событий разного уровня, разного времени жизни, разного содержательного и смыслового наполнения» [Барабанщиков, 2007, с. 277]. Фактически, понятие ситуации безразлично к уровневым характеристикам, поэтому говорят о жизненных ситуациях, ситуации складываются на работе и в семье, возникают по ходу деятельности или при выполнении действия или операции (например, аварийные). В зависимости от того, как выделена ситуация, она обычно сопровождается определяющим ее термином. Некоторые из таких уточнений отражают и ее контекстуально-уровневые характеристики: жизненная, семейная, ситуация в отношениях, в делах и т. п. Ситуация представляет то пространство, в котором сходятся разнообразные ценности, мотивы, цели, представляющие множество контекстов как внутри одного уровня, так и принадлежащих разным уровням. Именно поэтому ситуации и соответствуют подвижные гетерогенные композиции, динамично организующиеся и включающие разнородные и разномасштабные образования, весьма отличающиеся по своему структурно-содержательному составу [Карпов, 2004].

Ситуация как мысленная фиксация потока текущих жизненных процессов возникает вследствие определенных причин. В качестве таковых могут быть фиксируемые в сознании несоответствия, противоречия, возникающие в том или ином контуре препятствия и необходимость их преодоления. Другой причиной может быть инициированный самим человеком или в связи с какими-нибудь иными целями, например, в коммуникации, выход человека в рефлексивную по отношению к тому или иному жизненному процессу позицию для оценки его хода, направления, эффективности.

В ситуации фиксируются многоуровневые композиции жизненного пространства, поскольку ее выделение из потока жизни часто и

возникает в связи с необходимостью учитывать и соотносить друг с другом различные смысловые содержания как внутри одного, так и между разными уровнями. Поэтому ситуации соответствует не только инфрадеятельностный уровень организации деятельности, но инфражизненный уровень организации жизни и другие подобные ему гетерогенные композиции различных как по содержанию, так и по масштабу единиц активности, образующихся на различных уровнях организации жизнедеятельности.

Ситуация является функциональной призмой жизненного мира, формой его представления в определенный фиксированный промежуток времени. Можно сказать, что в ситуации воплощается весь жизненный мир, тем самым «транспонируя» на нее «всю свою исходную сложность» [Карпов, 2004, с. 261]. Это то, через что представлены все его уровни, именно в веере разных ситуаций жизненный мир обычно дан человеку, «жизнь человека соткана из ситуаций» [Барabanщиков, 2007, с. 277]. В.А. Барabanщиков относит ситуацию, так же как и мир, к категории *объекта жизнедеятельности* и ставит проблему описания его в качестве системы. Однако очевидно, что данный объект невозможно исследовать как кантовскую «вещь-в-себе», независимую от субъекта, поскольку необходимо ухватить его парадоксальность, когда «ситуация (мир) оказывается и сложнейшей системой детерминант активности субъекта, и, одновременно, результатом этой активности» [там же, с. 276]. Снимающей противопоставление субъекта и объекта выступает категория деятельности, имманентное содержание которой означает единство субъекта и объекта, воплощенное в принципе предметности деятельности. Данный принцип правомерно распространить и на более широкие метадеятельностные контексты жизни, образованные системами деятельностей, в том числе и на понятие жизнедеятельности. Именно из этого мы исходили в поиске разномасштабных единиц того, что обозначено В.А. Барabanщиковым как *объект жизнедеятельности*, но представлено в формах его единства с субъектом, в отличие от его анализа в терминах внешней среды [Магнуссон, 1981], исключающих субъекта. Выделенные в контекстуально-уровневой модели контуры и представляют собой разномасштабные формы данного единства, возникающие на разных уровнях жизненного пространства.

В качестве аналогичных ситуации разноуровневых структурно-функциональных образований жизненного мира выступают такие категории жизни как *события* и *дела*. Категории жизни, как пишет В.В. Архангельская, излагая мысли В. Дильтея, вырастают из самой жизни, «оказываются встроенными в ее осуществление» и постижение, являясь его органами или инструментами [Архангельская, 2005,

с. 100]. Понятием «дело», как пишет В.В. Знаков (2007), полнее и адекватнее описывается целостная жизнь субъекта, нежели категорией «деятельность». В данном случае, вслед за В.К. Зарецким (2004), автор имеет в виду дело всей жизни, которому человек служит и которое составляет смысл его жизни. Однако понятие «дело» может отражать не только такое с большой буквы Дело, оно является инструментом выделения людьми единиц своей жизнедеятельности, и именно этим словом обозначаются естественные для них способы ее сегментации. Мы говорим «у меня много дел», «это неотложное дело» или «это ненужные дела» и пр. Дела могут быть крупными и мелкими, важными и не очень, срочными и допускающими возможность повременить с ними.

Различие понятий *дела* и *деятельности* лежит не в принадлежности их разным уровням, а в плоскости заключенных в них различий позиции описания жизненного мира. Понятие деятельности соответствует способу анализа из позиции объективного научного изучения, т. е. *извне*, тогда как понятие дела отражает способ структурирования жизнедеятельности самим человеком, т. е. соответствует описанию жизнедеятельности в позиции *изнутри*. Поэтому способы дифференциации дел и степень сложности композиций, стоящих за этим словом, могут быть очень разнообразными. Дела могут соответствовать некоторым структурным уровням деятельности, но могут представлять собой их сложные гетерогенные композиции, принадлежащие к разным уровням и контекстам, а также сквозные по отношению к различным сферам жизни. В психологическом анализе они аналогичны структурам инфрадеятельностного типа и соответствуют сложным мотивационно-целевым связкам, соотносимым с комплексом тех или иных условий. Дело является тем феноменологически данным образованием, на котором по аналогии с ситуацией «сходятся» жизненные контексты разного содержания и разных уровней, поэтому они часто полимотивированны и многоцелевы. Противоположение понятий дела и деятельности – это следствие сочетания двухпозиционного описания, в котором сами эти позиции еще не различены.

Более разработанным в психологии является понятие *события*, которое рассматривается как единица жизненного пути личности. Традиционно термином событие обычно обозначается некоторый узловый момент и поворотный этап жизненного пути личности [Ананьев, 1977; Логинова, 1978; Головаха, Кроник, 1984; Buhler, 1933], именно поэтому события и позволяют разделить жизненный путь на некоторые «кванты», или фазы. В этом понимании событие относится только к центральному контуру контекстуально-уровневой модели – жизни как целостности. И хотя событийный анализ чаще всего ис-

пользуется в исследованиях жизненного пути и потому выделяемые в нем события обычно принадлежат уровню жизни в целом, это не является необходимым признаком события как такового. События могут быть и более частными, локальными, происходящими в рамках меньших по масштабу контекстов. В классификациях событий, а также в практике употребления этого термина есть основания для того, чтобы дифференцировать события в соответствии с каждым из уровней предложенной модели. Так, Н.А. Логинова (1978) различает биографические события, события среды, события поведения, события внутренней жизни и события-впечатления. Пожалуй, только первое из них соотносится с жизнью в целом, все остальные можно рассматривать как существующие в различных по масштабу контекстах.

Интерес к построению целостной системы понятий описания жизненного мира *изнутри*, с использованием адекватных ей понятий *дела, ситуации, события* и, возможно, каких-то еще, которые являются общими для многих людей, возникает в психологии. Например, появился широкий круг понятий, представляющих собой различные мотивационные и целевые конструкты, которые люди используют в своей обыденной жизни, – текущие интересы [Klinger, 1977], жизненные задачи [Cantor, 1990], личные стремления [Эммонс, 2004], личные проекты [Little, 1989], личные цели [Brunstein, 1993].

Вовлечение в психологию понятий, описывающих разнообразие различных форм репрезентации жизненных отношений в сознании человека из позиции *изнутри*, происходит в различных отраслях психологии и представляет, по всей видимости, объективную тенденцию ее развития. Однако их разработка не означает отказа от традиционных схем анализа, хотя соединение с уже существующими является отдельной концептуальной задачей. Так, категория поступка как полимотивированного личностного действия, необходимая для анализа личности как наиболее высшего уровня развития человека [Соколова Е.Е., 1999], не отменяет необходимости его анализа сквозь призму представлений о структуре деятельности. Напротив, как отмечает Е.Е. Соколова (2007), каждый из ее компонентов, включая и психофизиологические механизмы его реализации, является необходимой отдельной призмой анализа поступка. Поэтому будем следовать уже разработанной в деятельностном подходе системе понятий, исходящих из объективированной позиции описания *извне* и ставших основой для стратификации уровней жизненного пространства.

При понимании жизни как жизнедеятельности выделенные уровни предстают как разные по масштабу жизнедеятельностные контуры, тогда как в ракурсе ее понимания как бытия в аналогичном смысле употребляется понятие горизонта, и говорят о горизонте жизни

или бытия. В этом случае каждый уровень представляет собой определенную широту горизонта жизненного мира. Он может то расширяться до Универсума, то сжиматься до деталей выполнения конкретной операции или движения в смысловом поле действия.

Структура уровней является подвижной и динамичной, а актуальный жизненный мир может разворачиваться как на одном уровне, так и на нескольких сразу, а также в полноте всех уровней.

Индивидуальные различия жизненного пространства сквозь призму данной модели можно связать с преимущественным преобладанием в жизни человека того или иного уровня или даже свертке всей системы жизни к одному из них. Различия могут быть связаны с характеристиками тех метасистем, которые образуют высший уровень жизненного пространства, их масштабом, содержанием. Кроме того, люди могут отличаться между собой степенью открытости и закрытости каждого из уровней.

Поскольку любая теоретическая модель создается для решения определенных задач, то, соответственно, она работает в ограниченных ими рамках. Обозначим некоторые направления, в которых предложенная контекстуально-уровневая модель может иметь свои приложения и быть продуктивна. Среди них как систематизация уже полученных данных, так и возможность поставить новые вопросы и задачи исследований.

Контекстуально-уровневая модель и представления о саморегуляции и самоорганизации в психологии

Предложенная модель служит в первую очередь способом сегментации разных по масштабу жизнедеятельностных контуров*, каждый из которых представляет собой структурно-функциональную систему. Принципиальным является тезис о том, что на каждом уровне могут разворачиваться процессы как адаптивной, так и неадаптивной природы, т. е. существует единство гомеостаза и гетеростаза, осуществляемое во взаимосвязи процессов регуляции (саморегуляции) и самоорганизации.

В разных областях психологии идея необходимости всех этих процессов для раскрытия закономерностей функционирования и развития психики становится все более общепринятой. Принцип сочетания адаптивного и неадаптивного типов активности в качестве существенной характеристики деятельности человека и методологический принцип ее самодвижения являются фундаментальными в деятельностном подходе [Леонтьев А.Н., 1977; Петровский В.А., 1996; Асмо-

* В аналогичном смысле о «контуре активности» писал А.Н. Леонтьев (1977), термин «деятельностный контур» применял В.А. Карпов (2004), описывая феномен его удвоения при выполнении руководителем исполнительских функций.

лов, 2007 и др.]. Аналогичные представления развиваются и зарубежными авторами. Так, Р. Стенберг, разрабатывая модель структуры интеллекта, содержащую наряду с исполнительскими и «познавательными» структурами уровень метакомпонентов, регулирующих процессы переработки информации, выделил три типа отношений индивида со средой: адаптация, внутренний выбор и конструирование реальности [Sternberg, 1994]. Он считает, что устойчивое и эффективное взаимодействие человека и среды возможно при развертывании всех трех типов отношений. Сформулированные для отдельной области психологии, эти положения, как отмечает А.В. Карпов (2004), уже приобрели общепсихологический характер.

В настоящее время как в общей психологии, так и в отдельных ее отраслях наиболее исследованным в этом отношении является уровень деятельности и ее структурных уровней, т. е. внутридеятельностные контуры. В то же время аналогичные механизмы и закономерности, существующие в более широких жизненных контекстах, которые располагаются выше уровня деятельности, исследованы в гораздо меньшей степени. Представляется необходимым распространить и конкретизировать методологические представления о стабилизации и самодвижении деятельности и для более масштабных и обобщенных контуров жизнедеятельности, представляющих собой сложные системы деятельностей. Описание отдельных конкретных фактов и закономерностей можно найти в психологии труда, возрастной психологии, психологии семьи. Их сопоставление в рамках одной модели позволит систематизировать, обобщить и, возможно, обнаружить как некоторые общие закономерности, так и специфику, а также обозначить белые пятна, ждущие своих исследователей. При этом открытым остается вопрос о том, правомерно ли закономерности, полученные на материале исследования отдельной деятельности, переносить на понимание процессов вышележащих уровней, существует ли и какова специфика данных процессов, их механизмов и закономерностей на каждом из них.

Итак, контуры жизнедеятельности на каждом из уровней жизненного пространства можно исследовать с точки зрения реализуемых в их рамках процессов регуляции и саморегуляции. В этом случае центральным определяющим всю активность звеном является некоторое целевое состояние, вокруг которого строится система всех необходимых механизмов регуляции и саморегуляции, обеспечивающих гомеостазический, т. е. адаптивный, режим функционирования. С точки зрения А.Г. Асмолова и В.А. Петровского, *«подчиненность активности какой-либо заранее данной норме или цели и составляет суще-*

ственную особенность поведения субъекта, характеризуемого как адаптивное» [Асмолов, 2007, с. 137].

К регуляционным относятся и установочные механизмы стабилизации контура активности на каждом из уровней. По отношению к деятельности и ее структурным составляющим представление об иерархии установок разработано А.Г. Асмоловым (1979). Содержательным детерминантам деятельности – мотиву, цели и условиям осуществления действия поставлены в соответствие уровни смысловой, целевой, операциональной установок и уровень психофизиологических механизмов – реализаторов установки. Имеется достаточно оснований говорить о том, что установочные механизмы должны существовать и в более интегративных контекстах целостной системы жизнедеятельности. К ним, например, можно отнести диспозиции высшего уровня в регуляции поведения личности [Ядов, 1975; Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности, 1979], которые образованы ценностными ориентациями личности, составляющими целевой блок контура саморегуляции. Однако раскрытие закономерностей функционирования полного регуляционного контура на уровнях выше деятельностного – жизни в целом и ее отдельных сфер – еще только предстоит. Представляется, что это возможно только в единстве с описанием закономерностей самоорганизации на этих же уровнях.

Каждый уровень может быть представлен и как контур процессов самоорганизации, надстраивающихся над процессами регуляции.

Самоорганизация рассматривается как общенаучная конкретизация философского принципа саморазвития. Под самоорганизацией понимается способность системы к стабилизации некоторых параметров посредством направленного упорядочения ее структурных и функциональных отношений, с тем чтобы противостоять энтропийным факторам среды. Процессы самоорганизации характеризуются при этом возрастанием упорядоченности системы, энергоинформационным взаимодействием со средой и процессами самоуправления [Пригожин, Стенгерс, 1986; Хакен, 1991; Синергетическая парадигма, 2000]. Их появление означает изменение типа саморегуляции, переход от одного типа гомеостазиса к другому, что связано с переходом через состояния динамического хаоса, появление точек бифуркации, в каждой из которых возникает спектр потенциально возможных направлений развития системы [Синергетика: перспективы, проблемы, трудности, 2006].

Самоорганизующая активность базируется на оптимальном сочетании стабилизирующих форм самоорганизации (с преобладанием отрицательных обратных связей) с целенаправленной трансформаци-

ей систем (на основе положительной обратной связи). Она выступает как необходимое и существенное внутреннее свойство самоуправляемой и саморегулируемой системы, проявляющееся не только в ее относительной самостоятельности, независимости от изменения внешних условий, но и в преодолении возмущающих воздействий среды и в подчинении последней своим внутренним целям.

В психологии выявлено много фактов, показывающих недостаточность регуляционной парадигмы. Возник также корпус теоретических идей, обосновывающих необходимость рассмотрения психического в парадигме самоорганизации открытых систем. К ним относятся феномены неадаптивной активности в рамках отдельной деятельности, которые зафиксированы в понятиях сверхнормативной активности, введенного В.И. Асниным [см.: *Асмолов, 2007*], бескорыстного риска и надситуативной активности [*Петровский В.А., 1996*], интеллектуальной инициативы [*Богоявленская, 1983*], инициации мыслительной деятельности в рамках тривиальной [*Клочко, 1991*]. Их обобщение на теоретическом уровне осуществлено в теории субъектности личности В.А. Петровским (1996). Самодвижение деятельности, представляющее собой проявление гетеростазических закономерностей, свидетельствует об открытости как системы деятельности в целом, так и ее отдельных подсистем. В.А. Петровский (1996) указал на наличие мотивационных, целевых, операциональных и ориентировочных моментов надситуативности, означающих присутствие гетеростазических тенденций на каждом из структурных уровней организации деятельности. В теории психологических систем В.Е. Клочко (2005) обосновал целостное представление о человеке как открытой самоорганизующейся психологической системе. Развивая положения данных подходов необходимо констатировать, что человек открыт миру на каждом из обозначенных выше контекстуальных уровней жизненного мира, а не только на его метасистемном уровне организации [*Карпов, 2004*]. Однако на каждом из них это открытость тому содержанию, которое соответствует тому или иному уровню.

На уровне действия, конкретизируемого как гетерогенные композиции действий или операций, человек открыт новым способам совершения действий, новым появляющимся в операционально-действенном поле условиям, средствам, материалу. Его открытость выражается в появлении неосознаваемых новых принципов и способов осуществления действия, возникающих даже на уровне моторных обобщений, что, в частности, может становиться источником появления побочных продуктов деятельности, способствующих ее преобразованию [*Пономарев, 1976*]. Проявлением открытости является и стремление к сверхнормативному совершенствованию качества ис-

полнения и отточенности отдельных операций, избыточной для достижения поставленной цели.

Открытость новым условиям, создающимся в ходе выполнения действия, может привести к усмотрению новых возможностей, в связи с которыми возникают и новые цели, иногда совершенно преобразующие исходное действие, в рамках которого операция совершалась. Начальный образ цели часто не охватывает все детали желаемого результата, в ней тем более не представлены возникающие иногда в ходе ее достижения новые условия, поэтому при выполнении действия цель может уточняться и изменяться, поскольку изменяются и условия, и материал, над которым оно совершается, иногда «подсказывая» дальнейшие преобразования действия. Сюда относятся случаи, когда платье «само себя шьет», а стихи «сами себя пишут», диктуя изменения фасона или формы отдельных деталей, общей композиции или конкретной рифмы в соответствии с законами «поля» – Pregnantности, хорошей линии, звукосочетания или ритма и т. д. Каждому, кто что-то создавал, знакомо иногда возникающее чувство неожиданной новизны для самого автора созданного им продукта. Оно возникает именно потому, что в образе будущего, в цели не содержались абсолютно все детали желаемого результата, а некоторые его моменты и вовсе не планировались. По ходу достижения цели могут вмешаться незапланированные обстоятельства, возникнуть неожиданные ограничения, измениться условия (которые меняются и самим ходом деятельности), появиться новые возможности. В преодолении возникающих ограничений и использовании возможностей и возникает нечто, что неожиданно и для самого создателя и иногда даже лучше, чем он мог себе представить изначально.

Направление подобных преобразований действия и незапланированных ходов задается личностными ценностями, именно они, резонируя с теми новыми возможностями, которые потенциально могут стать другими целями или свойствами конечного результата, выделяют их и «метят» как значимые. Поскольку цель не является точным образом будущего, то соответствие результата действия цели иногда только еще должно быть обнаружено в том, что получается, доопределено в этой открытости новому продукту. В.А. Петровский (1996), описывая эту открытость, также замечает, что человек, ставя цель, часто уже заранее предполагает, что достигнутый результат будет отличаться от запланированного, т. е. принимая цель, одновременно принимает факт достижения чего-либо другого. Эти явления невозможно уложить в рамки представлений о регуляции и саморегуляции, которые методологически недостаточны для раскрытия механизмов и

закономерностей их возникновения, так как по определению ориентированы на вполне определенный целевой образ.

Открытость уровня действия связана и с открытостью его самых нижележащих подуровней – психофизиологических механизмов реализации. Как показал Н.А. Бернштейн (1966), движение не может быть стереотипным повторением одних и тех же схем, а каждый раз очень гибко и пластично строится заново в соответствии с новыми внешними и внутренними условиями, что и было зафиксировано В.П. Зинченко (1998) в понятии *живого движения*.

Итак, в рамках процессов, регулирующих действие, направленное на цель, возникают новообразования, которые преобразовывают его *изнутри*, трансформируя процессы саморегуляции в процессы самоорганизации.

На уровне деятельности наличие в ней наряду с процессами регуляции процессов самоорганизации задано самим способом определения деятельности, подразумевающим как ее инициацию человеком, так и самодвижение в ходе разворачивания реализующей ее активности. Однако существующая традиция изучения процессов регуляции и саморегуляции на уровне деятельности исследует ее чаще всего в некоторых нормативно заданных и ограниченных рамках, где она моделируется в ситуации эксперимента, поэтому самые существенные для нее моменты инициации и трансформации обычно остаются за рамками исследования. Более того, исследователи не всегда имеют дело с той деятельностью, которой обозначают возникающую или регистрируемую в экспериментах активность. Нормативно или ситуативно «сверху» заданная деятельность часто не становится деятельностью в собственном смысле этого понятия или перестает ею быть, вырождаясь и превращаясь в замещающую или суррогатную активность, поскольку искажается конституирующий ее мотив [Леонтьев А.Н., 1977]. Те же эксперименты, которые организуются таким образом, что в лабораторных условиях дают возможность и даже подразумевают инициацию новой деятельности [Клочко, 1991; Петровский, 1996], часто сталкиваются с феноменом выхода человека за ее пределы, поэтому они и составили основу формирующейся самоорганизационной парадигмы в психологии.

Открытость системы деятельности, конституируемой мотивом, реализуется в первую очередь через открытость ее мотивации, которая также является развивающимся процессом, и соответственно в ходе деятельности могут происходить разнообразные смещения, иногда трансформирующие саму ее суть. Порождение одной деятельности в рамках другой зафиксировано в понятии сдвига мотива на цель [Леонтьев А.Н., 1977], доказано закономерностями возникновения но-

вых видов деятельности в рамках ведущей в том или ином возрасте деятельности [Эльконин, 1971]. Возможности трансформации мотивации заложены в процессах ситуативного развития мотивации [Виллюнас, 1983; Патяева, 1983], в содержательной разработке мотива [Васильев, Магомед-Эминов, 1991; Магомед-Эминов, 1987; Леонтьев Д.А., 1999]. Различие гомеостатических и гетеростатических тенденций в образовании системы мотивации получило теоретическое оформление в модели мотивационного строения самоопределяемых и заданных действий [Патяева, 2010].

Процессы самоорганизации на уровне деятельности подчеркиваются понятием *самодеятельности* [Рубинштейн, 1989; Попов, 1992]. Она также является видом особенной деятельности, обозначение термином «самодеятельность» подчеркивает ее инициативный по отношению к нормативным для социального статуса и ролей человека характер. Она может быть сверхнормативна и избыточна и с точки зрения уклада жизни отдельных групп и сообществ, являясь видом социального творчества, вносящего в жизнь общества определенную долю необходимого для существования и развития культуры разнообразия [Иванченко, 1999]. Она может быть избыточна и по отношению к устоявшейся индивидуальной системе деятельностей отдельного человека, возникая сверх нормативно и жизненно необходимых видов его активности, но будучи при этом абсолютно необходимой ему для реализации тех возможностей, которые не были востребованы на путях социализации [Сапогова, 2006, 2007 б].

В психологии процессы самоорганизации обычно исследуют по отношению к особым видам деятельности, чаще всего учебной [Граф, Ильясов, Ляудис, 1981]. Однако в них, особенно на уровне конкретно-психологических и педагогических исследований, понятие самоорганизации понимается узко, а именно как организация человеком самого себя в какой-либо изначально заданной деятельности. Изучается она в основном или с точки зрения ее операционно-технических сторон – как умение или способность к самоорганизации [Попова, 1999; Устинова, 2000; Филоненко, 2008], или как свойство личности [Копеева, 1988], исследуется также влияние и того, и другого на эффективность деятельности [Трофимова, 1983].

В рамках же философского осмысления и системного подхода самоорганизация является понятием иного, гораздо более высокого уровня, раскрывающим особый тип закономерностей функционирования и развития сложных систем, условием существования которых является их открытость и постоянный обмен с внешней по отношению к ним средой. К исследованиям закономерностей самоорганизации в таком ее понимании гораздо ближе направления психологии,

занимающиеся исследованиями процессов смысло- и целеполагания, личностного выбора и самоопределения личности, даже если они не используют сам этот термин, а продолжают трактовать эти процессы в рамках саморегуляции.

Преобладание в современной психологии регуляционной парадигмы при большом корпусе данных, не соответствующих ей, можно объяснить хорошей теоретической проработанностью реализующих ее кибернетических моделей по сравнению с теоретическими моделями самоорганизации. Будучи достаточно дифференцированными и сложными, обладающими значительным объяснительным потенциалом, они маскируют факт редукции в них еще более сложных процессов. Так, парадигма саморегуляции не имеет объяснительных возможностей для описания механизмов и закономерностей процесса преодоления человеком неопределенности в создании и изменении целей, самоопределения в новых жизненных ситуациях и обстоятельствах.

Именно поэтому, хотя функция целеполагания и соответствующее ей звено *цели* присутствует в регуляционных моделях, и в том числе в одной из наиболее разработанных на сегодняшний день – структурно-функциональной модели осознанной саморегуляции деятельности человека [Конопкин, 1980, 1995], но, как указывает В.М. Моросанова (2002), при исследовании на ее основе общих закономерностей саморегуляции деятельности все внимание принципиально было направлено на описание закономерностей достижения уже принятых субъектом целей. Процесс выдвижения и принятия субъектом цели деятельности или поведения остается мало изученным. В своих исследованиях личностных аспектов саморегуляции автор раскрывает индивидуальные особенности функции осознанного планирования целей поведения с точки зрения его развитости, реалистичности, действительности, иерархичности этапных целей и их детерминации некоторыми устойчивыми свойствами личности [Моросанова, 2002]. Однако перевод вопроса в рамку исследования спектра индивидуальных различий и стилевых особенностей целеполагания не позволяет на обобщенном теоретическом уровне создать принципиальную теоретическую модель, которая бы не просто показывала причины вариативности и индивидуального своеобразия в постановке целей, а раскрывала как механизмы целеполагания, так и изменения целей, возникновения новых в рамках прежних. Хотя полученные в них данные могут лечь в основу такой модели, но требуются еще и исследования включенного в жизненные контексты реального целеполагания как процесса, что затруднено методически и, вероятно, осуществимо лишь косвенными средствами нарративного подхода. При чем полу-

ченные с его помощью тексты, будучи лишь первичным материалом, потребуют последующей реконструкции из них самого процесса.

Саморегуляционные схемы при их применении к личностному выбору или самоопределению остаются без своего самого главного компонента – целевого блока, задающего точные критерии целевого состояния, необходимые для осуществления любых регулятивных процессов, даже если они направлены человеком на самого себя, что и фиксирует добавление к термину «регуляция» добавочного «само-». Это делает совершенно необходимым обращение к понятию самоорганизации, поскольку невозможно регулировать что-либо, не имея изначально признаков требуемого результата.

Теоретические схемы регуляции не могут раскрыть закономерности процессов, связанных с нечеткими, размытыми целями и критериями, которые должны доопределяться в зависимости от ситуации, т. е. вероятностными целями. Таких процессов немало, и даже на уровне опознания образов, как пишет А.Г. Асмолов, человек часто имеет дело с «плохо сформулированными задачами», похожими на сказочную формулу «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что», а в широких жизненных контекстах это является скорее правилом, чем исключением [Асмолов, 2007, с. 133]. Самое интересное, что это нечто потом обязательно где-то находится, но доопределяется оно в момент встречи с ним человека в определенном пространстве-времени, а до этого ему неизвестно, хотя, надо сказать, это особенная – известная – неизвестность. Психология фактически давно уже описывает аналогичную феноменологию, однако, как указывает В.Е. Ключко (2005), не всегда рефлектирует другой, более высокий уровень системности данных явлений.

Парадигма самоорганизации в психологии развивалась в трудах Н.М. Пейсахова, разработавшего представление о целостной системе самоуправления. Самоуправление рассматривается автором как умственная деятельность, структура которой содержит следующие компоненты: анализ противоречий, прогнозирование, целеполагание, планирование, принятие решения, критерии оценки, самоконтроль и коррекция. Указывается, что, в отличие от процессов регуляции и саморегуляции, необходимость в самоуправлении возникает в ситуации неопределенности [Пейсахов, Шевцов, 1991]. Конкретно-психологические исследования в рамках данного подхода осуществлялись применительно к учебной деятельности студентов и профессиональной деятельности преподавателей вуза и не выходили за рамки уровня отдельной деятельности.

Представления о том, что социальное поведение личности регулируется взаимодействующими между собой процессами саморегу-

ляции и самоорганизации, развивается и в социальной психологии [Ярушкин, 1998]. Выявлено, что саморегуляция, обеспечивающая социально-психологическую адаптацию личности, опирается на принципы совместимости, сосредоточения и нейтрализации дисфункций, а самоорганизация, дающая относительную автономность, независимость и самореализацию – на принципы актуализации и лабилизации функций.

Однако пока все эти исследования слишком разрозненны и не привели к созданию общетеоретической модели процесса самоорганизации в психологии. Схема самоорганизационных процессов контура выстраивается в основном по аналогии с моделью саморегуляционных, и, вероятно, поэтому многие ученые не видят оснований для их различения как принципиально разных. Тем более что, как указывает В.С. Степин (2003), сложные саморазвивающиеся системы в качестве своего аспекта включают процессы саморегуляции.

Самоорганизация человека в наддеятельностных контурах жизненного мира столь же очевидна, сколь мало изучена. На уровне сферы жизни ее проявления раскрываются в исследованиях человека как субъекта профессиональной деятельности и семейных отношений. В современном обществе жизнь человека в этих сферах невозможна без актов самоопределения и личностного выбора, которыми человек постоянно определяет и себя, и свои отношения, и мир. Они осуществляются в условиях и обстоятельствах, которые не предскажешь и не задашь никакими сценариями. Часто использование новых возможностей, учет обстоятельств и даже борьба с ними сходятся в некоем синтетическом итоге, в результате чего складывается уникальная линия жизни человека.

Открытость уровня жизни в целом также не вызывает сомнений, поскольку жизненные цели, за исключением некоторых, связанных с ближайшим будущим, не имеют той степени определенности, которая может обеспечить конкретные критерии для процесса регуляции. Они определяются скорее своим ценностным стержнем, нежели конкретно-предметным воплощением. Это, как указывает Е.И. Головаха (1988), определенная сфера жизнедеятельности или линия поведения, соответствующие сложившейся иерархии ценностей, рассчитанные на период времени, который трудно установить заранее. В современном быстро изменяющемся мире, где не только сам человек меняется в ходе достижения им же поставленных целей, но на протяжении одной человеческой жизни неузнаваемо меняется и мир, в который эти цели проецируются, ставить цели как определенные раз и навсегда данные, просто невозможно. При этом, с одной стороны, жизненные цели абсолютно необходимы, чтобы направлять и оформлять актив-

ность человека, а с другой – могут быть только крайне общими, задавая скорее вектор движения, нежели представляют образ конкретного результата, потому постоянно доопределяются в ходе жизнеосуществления человека. Как пишет Л.И. Анцыферова, исследование «деятельности, направленной на достижение жизненных целей личности – всегда неопределенных, не замкнутых в жесткий контур конкретности, обнаруживает, что деятельность, организованная целью, обогащает, развивает, амплифицирует эту последнюю, повышает ее масштабность и мотивационный потенциал», и при этом «... любые жизненные задачи <...> никогда не имеют одного единственного решения, и недорешенность – их основная особенность» [Анцыферова, 1990, с. 10–11].

Большинство же конкретно-психологических исследований саморегуляции исходят из заранее заданных целевых состояний, а блок целеполагания как творения своих жизненных целей взрослым человеком продолжает оставаться самым загадочным в психологии с точки зрения понимания его механизмов и закономерностей. Еще большую проблему в этих условиях представляет раскрытие закономерностей работы механизма оценки человеком степени реализации собственных жизненных ценностей и хода самореализации или жизнеосуществления. Поэтому по отношению к регуляции жизни авторы пишут о «чувстве пути» [Леонтьев Д.А., 2006], которое не задает направление движения в целом и не дает образа конечной цели, а позволяет лишь ощущать «правильность» конкретных шагов, решений, критерием которых становится их соответствие своему Я, заметим, также изменяющемуся в ходе жизни. Не случайно в качестве одной из задач развития личности в период молодости выступает задача увязать мечту с реальностью [Levinson, 1986]. Феномен своевременности как составляющей стратегии жизни человека [Абульханова, 1991] можно отнести к классу явлений этого же рода. Его существование возможно только в единстве процессов самодвижения в развитии человека и его мира, взаимонастроенности и соответствии их друг другу. Органом такой настройки и является открытый себе и миру человек.

При переходе к представлению о жизни как самоорганизации человека и его мира возникшее в рамках регуляционной парадигмы разделение жизни на жизнедеятельность как управляемый ресурс и бытие как открытость жизни и ее принятие снимается. Самоорганизация не отрицает регуляционные процессы, а включает в качестве частного случая и, кроме того, подразумевает схватываемую понятием бытия открытость человека миру. Тем не менее регуляционные представления продолжают доминировать в современной психоло-

гии, хотя необходимость перехода к парадигме самоорганизации в тех ее областях, где требуется учитывать саморазвитие, его интегральные характеристики и закономерности, уже назрела. Отсутствие хорошо проработанной методологии таких исследований и универсальных теоретических схем, подобных кибернетической модели, тормозит этот непростой переход.

С этим связан и тот факт, что многими психологами синергетические понятия используются пока в качестве метафоры, применяются по отношению к отдельным явлениям, не схватывая полностью теоретических схем всю целостность изучаемого предмета. При этом сам метафорический этап в приложении научных понятий к новым областям знания, по мнению экспертов в области развития науки, является совершенно необходимым, но всего лишь первым шагом и пока очень далеким от развивающегося аппарата «строгой синергетики», оперирующей математическими моделями [*Синергетика: перспективы, проблемы, трудности*, 2006].

Итак, предложенная контекстуально-уровневая модель позволяет систематизировать имеющиеся сведения о процессах регуляции и самоорганизации на разных уровнях жизненного пространства личности, а также поставить некоторые новые исследовательские задачи. Можно констатировать, что в настоящее время при относительно большой исследованности процессов, протекающих на уровне деятельности и внутридеятельностных уровнях организации, обнаруживается гораздо больше белых пятен в познании более масштабных жизненных контуров. Отдельной задачей является выявление того, насколько одни и те же закономерности характерны для контуров разных уровней, в чем специфика их функционирования, каковы механизмы регуляции и самоорганизации в них человека.

Контекстуально-уровневая модель может быть применена к изучению некоторых процессов *сознания*. В модели многоуровневого строения переживания Ф.Е. Василюк (1988, 2007) выделил следующие уровни функционирования сознания: *бессознательное, непосредственное переживание, сознавание и рефлексия*. Каждый из них является ведущим в той или иной фазе деятельности по преодолению критической ситуации, и на каждом сознание функционирует в особом режиме и проявляется по-разному. К уровню *бессознательного* относятся психические процессы, не прослеживаемые внутренним наблюдением. Эта «тайная работа души», никак феноменологически не представленная, проявляется при ее переводе на другие уровни в виде результата. Уровень *непосредственного переживания*, присутствующий во всех психических процессах, наиболее ярко обнаруживает себя в грёзах, эмоциональных состояниях и чувствованиях. В

преодолении критической ситуации он выступает в виде ее эмоционального проживания, проявляющегося в «ноющих воспоминаниях», ассоциативном кружении мысли вокруг болезненных тем. Уровень *сознавания* заключается в целенаправленной работе и сознательном поиске путей решения встающих задач. *Рефлексия* связывается с активным отношением к собственной психической активности, когда субъект осознает свою деятельность переживания как таковую, рефлексивно переосмысливает ее условия, свои убеждения и ценности, позиции и цели, тем самым создается возможность для творческой переориентации направления и способа переживания.

Описанные режимы функционирования сознания, выделенные по критерию степени осознанности, достаточно универсальны, их можно отнести не только к случаям преодоления критических ситуаций, но и к работе механизмов сознания как в процессах регуляции, так и самоорганизации. В соответствии с контекстуально-уровневой моделью можно дифференцировать содержание их работы, что дает возможность построить уровневые модели *переживания*, *сознавания* и *рефлексии* в зависимости от того, относительно каких жизнедеятельностных контуров они осуществляются. Поскольку этими терминами в психологии часто называют весьма разнородные явления, то разграничение их по масштабу с целью систематизации назрело как теоретически актуальная проблема.

Переживание в призме контекстуально-уровневой модели. Подход к переживанию как простейшей единице, представляющей единство личности и среды, заложен Л.С. Выготским: «Переживание <...> есть что-то, находящееся между личностью и средой, означающее отношение личности к среде, показывающее, чем данный момент среды является для личности» [Выготский, 1984, с. 384]. Аналогичное понимание характерно для С.Л. Рубинштейна (1989), который трактовал переживание как способ данности субъекту его бытия: «Переживание это первично, <...> кусок собственной жизни индивида в плоти и крови его» [Рубинштейн, 1989, с. 14]. Он писал также, что «переживание определяется контекстом жизни индивида», «личностным контекстом», который выступает «как связь целей и мотивов» [там же]. Оба автора подчеркивают предметность переживания: даже если человек еще не осознал, что он переживает, он всегда переживает *что-то*. Данность бытия сознанию, так же как и единство человека и среды, присутствует как в самом частном психическом акте, так и в масштабе, объемлющем всю его жизнь. Это привело к тому, что термин «переживание» в психологии часто употребляется в отношении, на первый взгляд, совершенно несопоставимых явлений – от мнемических переживаний до деятельности смысло-

строительства. Контекстуально-уровневая модель позволяет упорядочить различные его содержания в соответствии с тем, в каком из жизнедеятельностных контуров локализуется предмет переживания, тем самым создавая разметку разных масштабов того «единства среды и личности» или личностных контекстов бытия, которые даны человеку в переживании.

Мнемические переживания, сопровождающие воспроизведение материала из памяти, феноменально знакомы многим как ощущение, что «слово вертится на кончике языка». Показано, что они играют важную роль в самом процессе припоминания, направляя сознательные усилия в то или иное русло, служат основой для сознательной регуляции при обращении к памяти, указывая на необходимость дополнительной верификации актуализируемого содержания или, наоборот, на ее ненужность [Еременко, Нуркова, 2007]. Этот уровень переживания в рамках выполнения задачи посредством отдельной психической функции относится к уровню смыслового поля действия. Богатый материал об аналогичных по уровню и по функции эмоциональных переживаниях получен в смысловой теории мышления, где доказана роль эмоций в качестве эвристик и открыт феномен эмоционального решения задачи, которое возникает до осознания самого решения и также дано человеку в непосредственном переживании [Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980].

Можно выделить содержание переживания, осуществляемого в контексте текущей деятельности, связывающее в чувственно данное единство ее отдельные звенья. Система напряжения, открытая и описанная в школе К. Левина, возникающая при принятии намерения, кроме объективно фиксируемых форм поведения, связанных с реализацией намерения, также часто бывает дана человеку в ткани его переживания. Именно это и дает возможность обнаружить эти «застывшие» напряженные системы намерения и, вытащив их в план осознания и поведения, избавиться от них, например, посредством психотехник гештальт-терапии.

Существует еще менее уловимая для осознания работа переживания на уровне контуров сферы жизни, жизни в целом и того, что человек считает своим предназначением, т. е. на уровне метасистемы. Данная работа осознается и, значит, выступает в качестве ведущего уровня редко, так как задачи на этом уровне возникают не каждый день, они связаны с осознанием процессов, протекающих в рамках крупных пространственно-временных интервалов жизни. Ее неосознаваемый характер не означает, что работа в этих контурах отсутствует, в ежедневной жизни она создает фон для других, менее масштабных процессов, образуя основу некоторых обобщенных миро-

воззренческих чувств [Рубинштейн, 1997]. К исследованию этих явлений можно отнести направления психологии, изучающие феномены удовлетворенности жизнью [Аргайл, 2004; Куликов, 2000; Реан, 1988 и др.], субъективного благополучия [Шамионов, 2004], настроения [Куликов, 2008], перманентные психические состояния [Прохоров, 1998], фиксируемые интроспективно в основном при их целенаправленном осознании или рефлексии.

Исследователи обозначают столь качественно разные явления одним термином – переживание – не случайно, поскольку во всех этих случаях подчеркивается некоторая не подделываемая специальными произвольными усилиями данность сознанию того, что происходит в любом из контекстов жизни, будь это попытка вспомнить слово, которое «вертится на языке», или сложнейшая работа по осознанию и связыванию собственных глубинных смыслов в поисках новой смысловой перспективы в трудной жизненной ситуации. Именно в малоосознаваемых формах переживания на уровне «темного мышечного чувства» [Сеченов, 1952] человеку даны его самые сущностные и глубинные структуры, обозначаемые как самость, Эго-идентичность, которые именно в силу этого с таким трудом поддаются исследованию. Только отдельные ипостаси этих структур удается иногда извлечь на свет сознания, найдя им точное обозначение, а чаще метафору, и в этом случае они могут стать предметом терапевтической работы по их изменению. Как свидетельствуют многие авторы, смысл жизни также чаще всего присутствует в форме ощущения, переживания его наличия, нежели в форме ясно осознанной вербальной формулировки [Франкл, 1990; Леонтьев Д.А., 1999 и др.]. Как пишет Б.Г. Херсонский (2008), смысл жизни является такой же данностью, как и сама жизнь, и жить – это значит в той или иной мере переживать осмысленность как таковую, без доказательств и обсуждения.

Предложенная контекстуально-уровневая модель позволяет дифференцировать все эти различные ипостаси непосредственного переживания через уровневые представления о масштабе тех смысловых контекстов, в рамках которых разворачивается и развивается та или иная динамическая смысловая система, формой проявления которой в сознании переживание становится. В этом случае различные противоречащие друг другу определения переживания – и в качестве самого элементарного, и самого сложного процесса [см. Фахрутдинова, 2009] – выступают как оправданные и взаимодополняющие. Они описывают реальность разных по содержанию и качеству смысловых процессов, поэтому столь разнятся и их наполнение. Предметом переживания могут стать любой жизненный контекст и любые сочета-

ния контекстов. Смысловое поле возникает здесь и сейчас, интегрируя в себе как разные уровни, так и разные содержания контекстов одного уровня. Но при этом в качестве того общего, что объединяет их все, остается их непосредственная данность человеку, через которую он открывает для себя реальность как существования той действительности, в которой он себя обнаруживает, – реальность своей жизни, так и собственных психических процессов, мыслей, чувств, убеждений, смыслов, своей Эго-идентичности.

Переживание, как феноменально данный в сознании сплав личностного смысла и преобразованной им чувственной ткани образа, существуя в смысловых контекстах разного масштаба, непрерывно обеспечивает функцию слияния разнокачественных и разномасштабных психических явлений и процессов: от самочувствия как отражения состояния организма до Эго-идентичности как ощущения тождества с самим собой. Проявляя в сознании чувственную основу, интегрирующую все уровни, переживание тем самым обеспечивает связность и целостность психической жизни человека, разных уровней жизненного мира, их взаимопроникновение, реализуя те механизмы слияния [Виллюнас, 1990], без которых невозможно единство психической жизни. В режиме осознания и тем более рефлексии это единство может и разрываться, и более сложным и опосредованным образом соединяться именно потому, что опирается на данное в переживании чувственное единство. Как пишет С.Л. Рубинштейн, «сознание конкретной живой личности <...> всегда погружено в динамическое, не вполне осознанное переживание, которое образует более или менее смутно освещенный, изменчивый, неопределенный в своих контурах фон, из которого сознание выступает, никогда, однако, не отрываясь от него» [Рубинштейн. 1989, с. 17].

Будучи связано с наиболее сущностными пластами человека, суммирующими в себе опыт его жизни, переживание представляет собой ту форму, в которой человеку подаются разнообразные сигналы глубинной малоосознаваемой внутренней работы. В регуляторных процессах оно выступает формой существования отрицательной обратной связи, а в самоорганизационных – положительной, направляющей дальнейшее становление жизненного мира на каждом из уровней [Клочко, 2005]. Близкие мысли высказаны А.С. Шаровым (2005), считающим, что в переживании осуществляется соотнесение самости человека, которую он определяет через его ценностно-смысловые образования, и его мифа жизнедеятельности, понимаемого им как их проективная развертка в реальной жизни*. Упоминается

* Понятие мифа жизни здесь фактически идентично по значению понятию жизненного мира или пространства, которые рассматривались в первой главе.

также и о контекстах переживания, таких как «организм, жизнедеятельность, миф жизни, отдельная сторона жизни или просто возможная ситуация» [Шаров, 2005, с. 123].

Сигналы переживания становятся более сильными и осознаваемыми в те моменты, когда в том или ином жизнедеятельностном контексте требуется сознательная работа, и становятся малозаметными, фоновыми при обычном течении жизни. Причиной их усиления являются как горизонтальные, возникающие в рамках одного уровня, так и вертикальные, между уровнями, рассогласования. Последние происходят в случае, если происходящее на нижнем уровне нарушает что-либо в работе ведущего либо противоречит ей. В этом случае возникают напряжения, данные человеку посредством переживания, которые и выводят то или иное содержание в план осознания. Понимание этих сигналов требует особой обращенности к ним и отдельной работы самопонимания субъекта [Знаков, 2005], требующей уже других, более осознанных режимов функционирования сознания. Причиной осознания также может стать специально и свободно направленное на тот или иной жизненный контекст внимание.

Сознавание и осмысление в призме контекстуально-уровневой модели. В целостной работе по преодолению критической ситуации *сознавание* связывается Ф.Е. Василюком (2007) с целенаправленной работой и сознательными поисками путей решения встающих задач. Однако ее осуществление подразумевает сначала собственно осознание человеком факта возникновения самой задачи, затем ее осмысление в определенном смысловом контексте, и лишь на его основе возможен собственно поиск путей решения.

Проблема осознания и принятия решения об осознании в настоящее время как в теоретическом, так и экспериментальном планах интенсивно исследуется В.М. Аллахвердовым (2003). Однако характер того материала, который используется в экспериментах, и соответствующие ему типы задач относятся к уровню сенсорно-перцептивного поля и являются для испытуемых чаще всего личностно-нейтральными, что не позволяет прямо распространить полученные результаты на понимание закономерностей осознания жизненных задач, встающих перед человеком в разных контекстах его жизни.

Вопрос об осознании в регуляции движений человека решался и Н.А. Бернштейном (1966). В соответствии с его точкой зрения человек осознает содержание работы *ведущего для решения конкретной задачи* уровня. Данную закономерность, по всей видимости, можно считать универсальной. Поэтому, хотя все уровни жизненного пространства существуют одновременно, актуальное смысловое поле

строится на одном или нескольких из них, и сознанию феноменально представлено содержание того, который связан с решаемой человеком текущей задачей.

По мнению Н.А. Бернштейна степень отчетливости сознания увеличивается при движении от низших к высшим уровням. Заметим, что его модель была ориентирована на анализ построения движений и даже ее высшие уровни относятся лишь к регуляции произвольных действий и движений, т. е. уровню действия в нашей модели. Вероятно, этот уровень осознается чаще и наиболее отчетливо дан в сознании, поскольку связан с представленной в сознании целью и наиболее привычными, ежедневными и насущными задачами жизни. С продвижением же к еще более высоким уровням, связанным с широкими контекстами жизни, эта закономерность может изменяться. По всей видимости, степень осознанности по мере продвижения вверх к более широким жизненным контекстам уменьшается, так как задачи, возникающие на уровне сферы жизни или ее смысла, возникают не каждый день, они не столь привычны, процесс их решения обычно растянут во времени, в течение которого они то осознаются повторно, то опять уходят в план непосредственного переживания или в неосознаваемые режимы работы сознания.

В случае же если то или иное содержание осознается, то происходит это в жизненном контексте определенного масштаба и содержания. Контекстуально-уровневая модель жизненного мира позволяет дифференцировать смысловые контексты, с которыми соотносится осознаваемое содержание. Каждый уровень задает определенный горизонт жизненного мира, в пределах которого человеком осмысливается и осознается любой частный объект, явление, событие и пр. и который может быть более или менее масштабным. Смысл того, что происходит в каждом жизненном контуре, определяется через отношение к объемлющему его контуру. Смысл операции определяется целью действия, смысл действия – мотивом, мотива – ценностями сфер жизни, смысл сферы жизни – ее местом в жизни, а жизни – метасистемой, в которую она включена. Более обобщенные смыслы объемлющих контуров пронизывают внутренние, воплощаясь в конкретные формы материала этих контекстов.

Кроме прямого вертикального путь осмысления может быть и перекрестным, когда, например, действие осмысливается не только в рамках «своей» деятельности или сферы жизни, но и в рамках других деятельностей и сфер жизни. Возможно и поликонтекстуальное осмысление, когда оно совершается в фокусе разных жизнедеятельностных контекстов. Если оно производится целенаправленно, то обеспечивает стереоскопичный взгляд человека на любую ситуацию,

что используется во многих направлениях психотерапии. Но это может быть и причиной спутанности в сознании человека разных систем его жизненных отношений, тогда задачей психологического консультирования становится помощь в распутывании и разведении разных жизненных контекстов.

Изменение горизонта осмысления как в сторону его сужения, так и расширения может резко изменить смысл осознаваемого явления или события. Так, с определенной точки зрения религиозные ритуалы – это простые действия, совершаемые в великих контекстах, но и великое событие, осмысленное в рамках технических деталей его осуществления, может быть низведено до уровня обыденности. Сужение горизонта осмысления жизненно важного масштабного события до его частных, операционально-технических деталей может работать на принижение или даже уничтожение его действительного смысла. Поместив отдельное действие или операцию в более широкий контекст, можно его возвысить, что часто используется в практике консультирования, религиозных обрядах, является мощным приемом внушения. Известен пример В. Франкла (1990) о том, что заключенным в нацистских концлагерях помогали выживать самые обыденные ежедневные действия, которые совершались в соответствии с их собственной волей, выражая сопротивление установленному нацистами порядку жизни. Заметим, эти простые действия существовали для них в гораздо более масштабном смысловом контексте жизни, нежели тот, который эти действия задают сами по себе. Во многих религиозных системах существует практика перевода человека в предельно расширенное жизненное пространство, включающее в себя беспредельное, через обыденные дела. Их ежедневное совершение с особым смыслом, в не присутствием им самим другом, беспредельном, горизонте, укореняет само присутствие этого горизонта в обыденной жизни человека, так что каждое свое большое и маленькое дело он начинает соотносить с этими максимально широкими рамками*.

Смена горизонта осознания преобразует смысл, но эффект такого изменения может быть разным, он зависит и от масштаба, и от содержания контекста, в рамках которого происходит соотнесение. Частная ошибка может восприниматься в горизонте жизни и как ничтожная и ничего не значащая, и как символ жизненной катастрофы или собственной глобальной неудачливости. Осмысление простых действий в более широких рамках также не обязательно их возвыша-

* Тибетские монахи, проповедующие ценность жизни и принцип невмешательства, не могут просто идти лесу, они осторожно сметают с дорожки, по которой идут, всех насекомых, поскольку важна жизнь всего сотворенного.

ет. Изменение смысла может произойти как в направлении обогащения смыслом, так и в направлении обесмысливания, так что это еще и способ создавать бессмыслицу. Очень многие аргументы тех, кто доказывает отсутствие смысла жизни, строятся на обрамлении ежедневных дел и отношений чрезмерно широкими рамками горизонта бытия, без установления связей с промежуточными уровнями, и потому это работа – со знаком минус смысл. Однако минус смысл – это не обязательно плохо, иногда это даже необходимо, например, чтобы не тратить силы по пустякам или избавиться от вредной привычки или страха. Следовательно, изменение смысла при смене горизонта осознания происходит обязательно, но его знак определяется некоторыми дополнительными факторами. В качестве одного из них по отношению к смыслу отдельных событий жизни может выступать «Да!», которое человек говорит жизни в целом [Лэнгле, 2004].

Осознание человеком простого действия и даже операции в предельном жизненном горизонте способно изменить всю его организацию, по сути, оно становится другим действием. Это аналогично изменению внешне одного и того же движения при изменении уровня его регуляции, о котором писал Н.А. Бернштейн (1966). Так, иногда более простые движения регулируются лишь низшими уровнями, но при включении их в решение определенных задач в его совершении могут принимать участие и структуры высших уровней. При этом данное движение не будет «одним и тем же», изменение его смысла для человека изменяет и характер протекания движения, и те анатомо-физиологические структуры, которые участвуют в его реализации.

Значение смыслового контекста деятельности, заданного разными по содержанию мотивами, и его влияние на процесс выполнения отдельных действий и их эффективность доказана в многочисленных экспериментах. Что же касается эффектов изменения смысла именно в связи с масштабом контекста осмысления, то их обнаружение и экспериментальное изучение может стать еще одним ракурсом исследования влияния смыслового контекста на осознание.

Рефлексия в призме контекстуально-уровневой модели. В психологии создано довольно много классификаций видов и уровней рефлексии, в том числе и в соответствии с различием ее предмета – того, на что она направлена. Так, различают интеллектуальную, личностную, коммуникативную и кооперативную рефлексии [Семёнов, 2004]. *Интеллектуальная* рефлексия направлена на интеллектуальные акты, познавательные стратегии, предметные действия, *личностная* – на эмоциональные состояния, ценности, моральные нормы, убеждения, мотивы, намерения, образ «Я», *коммуникативная* – на процесс общения, а *кооперативная* – на способы организации

субъектов в деятельности. Эти виды частично соответствуют некоторым из обозначенных нами контекстов. Так, интеллектуальная рефлексия разворачивается в рамках отдельной деятельности, и в этом случае рефлексиируются как способы отдельных действий, так и способы связывания, координации их между собой, устойчивые композиции и последовательности которых называются стратегией. Личностная рефлексия обычно выходит в более широкий смысловой контекст, в котором обобщаются многие разные ситуации и деятельности. Некоторые исследователи выделяют и *философскую* рефлексиию, которая соответствует наиболее широкому, на уровне жизни в целом, в единстве ее прошлого, настоящего и будущего, смысловым контекстам бытия или на уровне тех метасистем, в рамках которых определяется смысл жизни человека.

Предложенная модель позволяет дифференцировать виды рефлексии еще детальнее. Продолжая и развивая различие видов рефлексии по критерию того, на что она направлена, необходимо выделить *два* параллельных и взаимосвязанных, но качественно различных ряда предметов рефлексии, каждый из которых можно разбить на уровни в соответствии с контекстуально-уровневой моделью.

Первый ряд – *предметно-содержательная рефлексия*, в фокусе которой находится то, *что* и *как* *делает* человек. Она получила название интеллектуальной, хотя эти же вопросы могут ставиться как к способам кооперации, так и коммуникации. Ответы на них могут касаться рефлексии совершаемых человеком действий и их способов в предметной деятельности, его поведения и способов коммуникации в межличностных отношениях и общении, способов кооперации в совместной деятельности. Содержание такой рефлексии можно и полезно различать в соответствии с жизнедеятельностным контуром определенного масштаба.

На уровне действия – это фиксация того, какие цели человек ставит, насколько его действия им соответствуют? Что и как он делает? Каким способом совершает то или иное действие? Как обращается к собеседнику? Что является предметом обсуждений с ним? Как соотносятся способы действия или коммуникации с целью и теми результатами, к которым они приводят? и т. п.

На уровне деятельности и общения – это фиксация того, ради чего совершается деятельность или происходит общение, осознание их мотивов, соответствия мотивов способам инициации, поддержания и завершения деятельности, а также реально выполняемым действиям или способам коммуникации и кооперации.

На уровне сферы жизни – это осознание того, как и что человек делает в отдельной сфере жизни, какие у него существуют в ней си-

стемы отношений, какова в них его позиция, линия поведения, раскрываемая через повторяющиеся устойчивые способы поведения и деятельности. Насколько все это соответствует его представлениям, желаниям, целям? Вкладывает ли человек всего себя в ту или иную сферу деятельности или отношений, насколько он ими управляет или плывет по течению, ищет сферу приложения активности или уже определил ее и пр. Как можно оценить положение дел в этой сфере жизни или системе отношений?

На уровне жизни – это осознание способа жизни в целом посредством фиксации того, как человек строит свою жизнь, осознание ее стратегии, способов принятия жизненных решений и совершения личностных выборов. Это вопросы о направленности своей жизни, определении ее реального содержания, о достигнутых результатах и их последствиях, а также об общей удовлетворенности жизнью.

На уровне метасистемы – осознание роли, места, вклада своей деятельности в жизнь и развитие той или иной метасистемы.

Осуществление предметно-содержательной рефлексии может происходить как внутри уровня, без расширения контекста, так и с позиции объемлющих его других уровней, т. е. с расширением такого контекста. Так, способ действия можно рефлексировать в контексте других способов действия, т. е. на уровне действия, а можно с уровня деятельности, сферы жизни и, кроме того, в контексте других значимых жизненных отношений, деятельностей, сфер жизни и т. д. Тогда можно различить рефлексивный выход в ближайший контекст и в более дальние – как по вертикали, так и по горизонтали, прямые и перекрестные.

Второй рефлексивный ряд – личностная рефлексия – сфокусирован на собственной личности действующего и живущего человека. Это обращение не к тому, что и как я делаю, а *какой Я*, когда я делаю *это* и делаю это *таким способом*. Он является обобщением, выводом из фиксаций, полученных в рамках первого рефлексивного ряда. Его также можно выстроить в соответствии с уровнями контекстов, тогда разные качества, свойства, способности личности как субъекта активности того или иного масштаба можно поставить в соответствие каждому из них. Осознание себя на уровне обобщения опыта совершения действий и операций можно зафиксировать в таких качествах, как умелый, находчивый, внимательный, сосредоточенный, целенаправленный, решительный, сомневающийся и т. д. В описаниях себя в соответствии с уровнем деятельности и общения будут присутствовать мотивационные характеристики: активный, любопытный, замкнутый, общительный и пр. На уровне сферы жизни человек может зафиксировать свои свойства как профессионала, родителя, друга и

пр. На уровне жизни будут присутствовать интегративные характеристики, выражающие особенности стиля и стратегии жизни: самореализующийся, любящий полнокровную жизнь, весь в делах, прячущийся от жизни, плывущий по течению и т.д. На уровне метасистемы характеристики отражают роль человека по отношению к данной общности – незаменимый, создатель, хранитель, винтик и пр.

Наблюдаемые в жизни и описываемые исследователями случаи непродуктивности людей с повышенной склонностью к рефлексии объясняются, по всей видимости, не только ее количественными характеристиками. Очень важным моментом продуктивности рефлексивного выхода является соответствие его масштаба и содержания решаемой жизненной задаче. В некоторых случаях непродуктивность рефлексии можно объяснить неадекватным масштабом и содержанием контекста рефлексивного выхода. Кроме того, крайне непродуктивна может быть подмена предметно-содержательной рефлексии личностной, когда рефлексия своих действий, поступков, соответствия их способам целям и задачам подменяется осознанием себя: какой Я, переключая человека на негативные переживания по поводу падения своей самооценки. Хотя в некоторых случаях выход в личностную рефлексию может стать и эффективным ресурсом, придавая силы и уверенность в преодолении ситуации и поиске новых способов действия в предметно-содержательном поле.

Контекст рефлексивного выхода может рассматриваться как элемент его стратегии. В настоящее время разные *стратегии рефлексивного выхода* [Карпов, Скитяева, 2000; Плигин, 2009] изучаются преимущественно на материале ситуаций, находящихся в рамках деятельностного контура или даже на уровне отдельных действий, например, структурирование видимого поля в ситуации неопределенности или учебных действиях. С этим связаны и критерии их выделения: это отдельные способы мыслительных действий, способы актуализации прошлого опыта. Пожалуй, только выделенные авторами стратегии децентрации в чем-то близки предлагаемым контекстам рефлексивного выхода, поскольку описываются через привлечение каких-то иных содержательных контекстов – Я-концепции, имплицитных теорий личности или общения.

Применительно к более широким по масштабу контекстам обнаруживаются и другие стратегии. Эмпирическим подтверждением существования рефлексии в разных контекстах являются обнаруженные в исследовании Н.А. Деевой (2007) виды рефлексивных механизмов переживания кризиса, характерные для разных групп людей. При *ситуативно-фрагментарном* механизме внутреннее напряжение разряжается в ситуативной внешней активности, выражающейся в ее избе-

гании. *Деятельностно-согласующий* связан с осмыслением происходящего в рамках отдельной деятельности, при этом несколько линий жизни могут не согласовываться между собой. *Обобщенно-проектирующий* означает выход на широкие жизненные контексты осмысления действительности с обоснованием причин произошедшего и прогнозированием дальнейшей жизни, изменением наиболее важных ценностей. Здесь происходит стратегическое планирование жизни, очерчиваются ее глобальные цели, но иногда не замечаются нюансы, детали. Как видим, индивидуальные различия рефлексивных механизмов переживания кризиса выражаются в тех изменениях, которые человек производит в разных по масштабу контекстах.

Итак, к упомянутой в первой главе позиции рефлексивного выхода можно добавить критерий содержания и масштаба его контекста, который можно сегментировать посредством контекстуально-уровневой модели жизненного пространства личности.

* * *

Как уже указывалось, в психологии исследованы преимущественно контуры регуляции на уровне действия и деятельности в ее технологическом понимании, которые могут изучаться в динамике их осуществления в лабораторном эксперименте. По аналогии с ними обычно представляют и закономерности регуляции на более высоких уровнях, моделирование которых в эксперименте представляет значительную сложность в силу их большой протяженности во времени. Несомненно, существуют общие для процессов всех уровней закономерности, но регуляция в более широких контекстах не может не иметь своей специфики, которая задается, в первую очередь, системообразующим компонентом регуляционного кольца – целью.

Чем масштабнее смысловой контекст, тем в большей степени исследователь имеет дело не с конкретной целью, а с некоторым обобщенным и потому расплывчатым образом, полное содержание которого обычно не схватывается одним или несколькими вербальными обозначениями и человек зачастую не осознает все его составляющие. Фактически в широких жизненных контекстах действуют не цели, а сложные связки цель – ценность, создающие целостный образ желаемого будущего. При достижении таких целей возникает необходимость верификации результата, т. е. перед человеком встает вопрос о соответствии достигнутого результата исходной цели – действительно ли это то, к чему он стремился, или что-то другое. При этом у человека есть возможность признать цель в достигнутом результате, обнаружив ее связь с теми ценностями, выражением и конкретизацией которых была исходная цель, так как чаще всего в реализации обеих имеется некоторый общий вектор, обеспечивающий

более или менее инвариантное направление самоосуществления. Не менее важно для принятия полученного результата как целевого и то, что достигнутая цель вобрала в себя все те усилия и время жизни, которые человек ей посвятил, и в соответствии с закономерностями, выявленными В.Г.Асеевым (2005), в силу этого обладает для него определенной личностной значимостью. Кроме этого, человек изменялся сам в процессе движения к полученному результату соответствию с тем, что реально осуществлял в жизни, а потому у него много шансов «опознать» достигнутый им результат как целевой.

Однако цель, которая определяется в момент ее достижения или даже после него – уже не совсем цель, поскольку по определению цели она является образом будущего, а не настоящего или прошлого. И это ставит множество вопросов о специфике процессов, протекающих в высших жизнедеятельностных контурах. Они не вмещаются в узкое прокрустово ложе процессов регуляции и саморегуляции, требуя взгляда на себя как на процессы самоорганизации, принципиально открытые, но при этом чем-то направляемые. В более частном плане возникают вопросы о механизмах обратной связи – отрицательной, связанной с процессами регуляции, и особенно положительной, обеспечивающей самоорганизацию на уровне высших жизненных контуров. Их работа загадочна, поскольку отсутствует точный целевой образ для их осуществления. Когда в качестве целей подобного рода называют самоактуализацию или самоосуществление человека, то это не снимает, а скорее, напротив, еще острее ставит вопрос о механизмах верификации человеком того, что данные процессы в его жизни действительно происходят. Одной из ключевых в этом контексте становится проблема опознания ценностей в реальных жизненных ситуациях, оценки их присутствия в жизни, что является частью более широкой темы динамических аспектов функционирования ценностей, обсуждению которых посвящена следующая глава.

ГЛАВА 4. ПРОБЛЕМА ДИНАМИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Предложенная контекстуально-уровневая модель организации жизненного пространства личности основана на дифференциации его *содержательных* аспектов – ценностно-смысловых контекстов разного масштаба. Кроме содержательных сторон жизненного пространства, задаваемых его ценностно-смысловыми осями, существуют *динамические* аспекты, в значительно меньшей степени представленные в теоретических моделях.

Понятие *динамический* употребляется в психологии в разных значениях. Одно понимание термина, так же как и в естественных науках, связывает его с изменениями, происходящими с объектом во времени. В этом ракурсе к раскрывающим *содержательную динамику* ценностного измерения жизненного пространства личности могут быть отнесены довольно широко представленные в современной психологии исследования изменений в иерархии ценностей в связи с возрастными, профессиональными и многими другими факторами, связанными с пересмотром человеком основных приоритетов своей жизни, что некоторыми авторами уже и осмысливается не как смена ценностных ориентаций личности, а как преобразование ценностного мира человека. Обогащают представление о данном аспекте динамики и создаваемые новые подходы к классификации ценностей, в рамках которых описываются их новые виды, что также позволяет описать многообразие и вариативность порождаемых в культуре и осваиваемых человеком ценностных миров.

К содержательной динамике жизненного пространства личности относятся различаемые рядом авторов [Асмолов, Братусь и др., 1979; Леонтьев Д.А., 1999] «большая» и «малая» динамика смысловых образований. *Большая динамика* соотносится с развитием смысловых образований, их рождением, развитием и *изменением в ходе жизни человека* при смене различных видов деятельности, а *малая* – с процессами порождения и трансформации смысловых образований *в ходе движения той или иной особенной деятельности*. К малой смысловой динамике Д.А. Леонтьев (1999) относит три класса процессов: смыслообразование, смыслоосознание и смыслостроительство.

Смыслообразование определяется как «процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих "ядерных" смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 255]. Исходное смысловое содержание находит для себя новые

превращенные формы, и в результате происходит расширение сети смысловых связей за счет подключения к ней новых элементов. При этом новые конкретные объекты, явления и действия осмысливаются в контексте более общих исходных смыслов.

Смыслостроительство, в отличие от смыслообразования, при котором не происходит содержательная трансформация смыслов, – особое движение сознания, заключающееся во внутренней деятельности по трансформации смысловых структур и смысловой перестройке личности в критической ситуации или при встрече с иной смысловой моделью мира.

Роль изменения контекста в процессах смысловой динамики наиболее подчеркнута в процессах *смыслоосознания*, которые заключаются в осознании смысловых связей и, в отличие от интроспективной фиксации наличия у себя тех или иных смысловых структур, являются направленной на мир рефлексивной работой сознания, необходимой для решения особой задачи «на смысл» [Леонтьев А.Н., 1977]. Благодаря расширению контекста осмысления, выступающему в качестве *механизма* осознания смысла, происходит более полное осознание смысловых связей определенного объекта, явления или действия и определение их места в жизнедеятельности субъекта. Обозначается два разных направления расширения контекста осмысления: осознание всей протяженности смысловых связей от частного к целому и подключение новых смысловых контекстов. В качестве возможных широких контекстов указываются *контекст жизнедеятельности субъекта* в целом и *жизнедеятельности социума и человечества*.

Указанные виды смысловой динамики трудно отнести к малым, происходящим только в рамках одной деятельности изменениям. В равной степени они могут происходить и в более крупных, нежели особенная деятельность, масштабах.

Другое понимание динамики в психологии, лежащее в основе данной работы, восходит к психоаналитической традиции, а также принятому в гештальт-психологии понятию поля, где оно обозначает возникающие в нем динамические силы и напряжения. В аналогичном понимании понятие «динамический» использует Б.С. Братусь (1988), выделивший в смысловых образованиях содержательные и динамические стороны, относя к динамической стороне напряженность, способы осуществления, соотношение реальных и идеальных целей. Близко по значению и понятие о динамической стороне значимости, которое отражает отношение побуждения к возможностям его реализации, предложенное В.Г. Асеевым (2005). Как пишет Л.И. Анцыферова, смысл понятия «динамика» раскрывается по-разному в разных концептуальных традициях, но у них есть «общий знамена-

тель – они акцентируют непрерывность, динамичность, изменчивость, напряженность, противоречивость, постоянное движение душевной жизни человека» [Анцыферова, 2006, с. 54].

В отношении целостного жизненного пространства личности динамические аспекты подобного рода задаются линиями или зонами его напряжения, возникающими при соотнесении экзистенциальных ожиданий личности [Сапогова, 2006, 2007 б] и актуальной жизненной ситуации, значимости ценностей и возможностей их реализации в жизни – всего того, что и определяет содержание коллизий развития человека в периоды взрослости [Сапогова, 2001; Buhler, Allen, 1972].

Если изменения в содержательном наполнении ценностно-смыслового измерения жизненного пространства личности можно отнести к процессам его *макродинамики*, то напряжения и коллизии, связанные с реализацией ценностей в жизни, можно обозначить как *микродинамические*. Именно в связи с динамическими аспектами жизненного пространства в этом последнем понимании его динамики и возникает *проблема динамических сторон функционирования ценностей*. В подходах к ее решению обнаруживаются несовпадающие и порой противоречащие друг другу теоретические воззрения, свидетельствующие о сложности и многозначности данного предмета. Тем не менее они позволяют поставить некоторые фундаментальные теоретические вопросы и наметить определенные шаги в их решении

Различие во взглядах на динамические стороны функционирования личностных ценностей является следствием противоположного понимания их соотношения с понятием потребности. Представим возникшее теоретическое противоречие на примере полярных по этому вопросу концепций Д.А. Леонтьева (1999) и Р.Х. Шакурова (2003 а, б).

Д.А. Леонтьев, раскрывая соотношение понятий потребности и личностной ценности, указывает как на общие моменты, так и на существенные различия между ними. Они оказываются тождественны с точки зрения выполняемой функции. Личностные ценности, так же как и потребности, по функциональному месту и роли в структуре мотивации относятся к классу устойчивых мотивационных образований, которые соотносятся с жизнедеятельностью человека в целом, обладают высокой степенью стабильности, их мотивирующее действие не ограничивается конкретной деятельностью или ситуацией. В качестве устойчивых мотивационных образований и те, и другие влияют на возникновение мотивов. Они проявляются как на этапе порождения конкретно-ситуативных мотивов, то есть «мотивообразования» в отдельной деятельности, так и в процессе осуществления той или иной деятельности. И те, и другие обладают эффектом «смещения» деятельности в соответствии с некоторыми

устойчивыми внеситуативными принципами поведения (так, например, устойчивая склонность к риску или высокий уровень притязаний проявляются в различных ситуациях и в различных конкретных мотивах).

Однако обозначаются и весьма существенные структурные, генетические и психологические различия между потребностями и личностными ценностями. Важный спектр различий касается именно динамических аспектов их функционирования. Потребности и берущие от них начало побудительные и смыслообразующие процессы отражают текущее состояние динамичных и постоянно меняющихся непосредственных жизненных отношений индивида с миром, тогда как личностные ценности представляют собой «консервированные» отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы, вследствие чего в своем функционировании они практически не зависят от ситуативных факторов. Соответственно, потребности представляют в структуре мотивации динамичное, ситуативно изменчивое, а ценности – стабильное, «вечное», не зависящее от внешних обстоятельств, абсолютное.

Различия по критерию динамичности – стабильности касаются и иерархии потребностей и ценностей: побудительная сила потребностей постоянно меняется, их система характеризуется «динамической иерархией», а иерархия личностных ценностей стабильна, и ее изменение означает кризис в развитии личности. Вследствие этого механизмы функционирования личностных ценностей и потребностей во многом противопоставляются, и в первую очередь – в плане возможности их насыщения и дезактуализации в процессе деятельности. Реализация потребности и осуществление релевантной ей деятельности приводят к временному насыщению и дезактуализации потребности. Ценности же принципиально ненасыщаемы, ни одно из релевантных любой ценности деяний и произведений «не может насытить и дезактуализировать ценность даже на короткое время» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 227]. Это ведет к различиям в характере регулирующих действий потребностей и ценностей: первые задают некоторое целевое состояние, которое в принципе достижимо, а вторые – вектор деятельности, направленный в бесконечность.

Другая группа различий в понимании механизмов функционирования потребностей и личностных ценностей Д.А. Леонтьев связывает с формой переживания и субъективной репрезентации. Потребности переживаются непосредственно как связи с миром, какие-то зависимости или взаимозависимости, нужды или желания, требующие усилий, направленных в мир, чтобы адаптироваться к этим напряжениям или, напротив, приспособить мир к своим желаниям. Ценности

переживаются как идеалы – конечные ориентиры желательного состояния дел.

В итоге автор приходит к выводу, что личностные ценности нельзя свести к разновидности или форме проявления потребностей и что понятию потребности придется потесниться, поделив с личностными ценностями функцию устойчивых внеситуативных источников мотивации. При этом они противопоставляются друг другу по критерию биологическое – социальное (рис. 4.1).

Рис. 4.1. Соотношение потребностей и личностных ценностей в структуре побуждений по Д.А. Леонтьеву (1999)

Поскольку потребности и личностные ценности в структуре мотивации и смысловой регуляции деятельности занимают одно и то же функциональное место, то по их соотношению в структуре индивидуальной мотивации каждый человек характеризуется удельным весом потребностного и ценностного компонента. На одном полюсе оказываются случаи, когда источники мотивации сводятся целиком к потребностям при полном отсутствии ценностей, на противоположном – только к ценностям при полном отсутствии потребностей.

Динамика ценностей, как наиболее стабильных образований смысловой сферы, рассматривается Д.А. Леонтьевым в двух формах. Во-первых, она проявляется в изменении иерархии ценностей, происходящей в результате жизненного кризиса. Во-вторых, динамика ценностной регуляции прослеживается в онтогенетическом развитии. У новорожденного младенца источники мотивации сводятся целиком к потребностям при полном отсутствии ценностей; по мере развития происходит постепенное усвоение ценностей, которые начинают конкурировать с потребностями в качестве источников мотивации. Поскольку новые ценности усваиваются более быстрыми темпами, чем возникают новые потребности, удельный вес потребностей в структуре мотивации снижается, и происходит перераспределение функций в пользу ценностей. Иначе говоря, процесс социализации представляет собой постепенное замещение потребностей как биологиче-

ской составляющей мотивации личностными ценностями, имеющими социальную природу.

В соответствии с диаметрально противоположной точкой зрения Р.Х. Шакурова (2003 а, б), динамические аспекты функционирования ценностей являются не просто одним из возможных ракурсов их рассмотрения и не чем-то исключительным в жизни человека, но имманентно присущи ценностям и включаются в понимание их сущности. Такая трактовка вытекает из традиционного, разделяемого многими авторами [Алишев, 2002; Балл, 2004; Додонов, 1978 и др.] и наиболее распространенного широкого толкования ценности как универсальной характеристики, связанной со всем контуром взаимодействий человека с миром. Здесь ценности неразрывно связываются с потребностями – предметы обладают ценностью, если от них зависит удовлетворение потребностей человека. Соответственно, при удовлетворении потребности предмет, который способен ее удовлетворить, может терять ценность. В результате к ценности оказывается применимо большинство описанных в психологии закономерностей, собственных динамике актуализации и удовлетворения потребностей и ситуативному развитию мотивации.

Более того, смысл ценностей ставится Р.Х. Шакуровым в зависимость, во-первых, от того, в какой мере они выступают условиями жизни и эмоционального благополучия человека, а во-вторых, от степени их доступности. Если они недоступны, закрыты непреодолимыми барьерами, то они не имеют смысла. Если овладение предметами, имеющими ценность, доставляет удовлетворение и радость, они обретают смысл: «В смыслообразовании важна не просто доступность, а мера доступности желанных ценностей. Если они <...> достаются беспрепятственно, их привлекательность резко падает. А если же барьеры вообще отсутствуют и появляется неограниченный доступ к желанным благам, человек быстро насыщается ими и становится к ним равнодушен» [Шакуров, 2003а, с. 128]. Следовательно, барьеры являются обязательным условием смыслообразования: важно наличие препятствия, затрудняющего доступ к ценности и превращающего ее в дефицит. Причем играют роль и количественные параметры барьера, которые располагаются в диапазоне между двумя крайними ситуациями: когда преграды слишком велики и когда они отсутствуют вообще. Так, «кризисные переживания, приводящие к депрессии и утрате смысла жизни, часто возникают под влиянием необратимого ценностного барьера – лишения человека очень важной ценности. Но аналогичный эффект – тоска, депрессия – наблюдается и при отсутствии барьеров, когда для человека открывается неограниченный до-

ступ к желанным ценностям. Если нет никаких препятствий, ценности девальвируются» [*там же*, с. 129].

Совершенно противоположный взгляд на смысл дистанции между важностью ценности и мерой ее доступности сформулирован Е.Б. Фанталовой (1992, 2001), которой введен новый методический подход к исследованию ценностей через сопоставление этих параметров. Она, как и Р.Х. Шакуров, считает, что процессы смыслообразования в контексте ценностей различных жизненных сфер во многом зависят от типа соотношения важности ценности и оценки ее доступности в жизни. Но наиболее оптимальным психологическим состоянием, с ее точки зрения, является их совпадение, обозначаемое как состояние гармонии, или небольшая степень расхождения между ценностью и доступностью в основных жизненно важных сферах, так как в этом случае не возникает ни «стойких внутренних конфликтов», ни «тормозящей общую мотивацию внутренней пустоты» [Фанталова, 1992, с. 108]. Противоречие данных позиций в еще большей степени подчеркивает неоднозначность и противоречивость взглядов на динамические аспекты функционирования ценностей.

Отражение динамических сторон функционирования ценностей нашло выражение и в предложенном Р.Х. Шакуровым делении ценностей на статичные и динамичные, отличающиеся по смыслообразующему потенциалу, который выше у дефицитных и динамичных ценностей, поскольку эмоциональная адаптация к ним затруднена, тогда как чрезмерная статика убивает самое главное в ценности – ее эмоционально-притягательную силу. Более статичные ценности (материальные блага) обладают небольшими смыслообразующими возможностями, а динамичные ценности (творческая деятельность, эстетические, аффилиативные, духовные ценности) отличаются разнообразием и потому сохраняют свою привлекательность долгое время. Кроме того, привлекательность ценностей выше, если они позволяют человеку реализовывать стремление удовлетворять свои потребности на все более высоком уровне. Значимая роль в смыслообразовании придается также ожидаемым, «завтрашним ценностям», а то, что достигнуто, «превращается в отработанный материал» и теряет свою привлекательность.

Итак, в концепции Р.Х. Шакурова динамическая составляющая ценностей, рассматриваемая в плоскости реализации ценностей или наличия барьера на пути к ним, вносится в понимание сущности ценности, и происходит фактическое отождествление ценности с оценкой привлекательности предмета потребности. При этом абсолютизация динамических сторон функционирования ценности оттесняет то, что составляет ее специфическое содержание и всегда традиционно

относилось к понятию ценности, – ее общественно-историческую природу, понимание ценности как устойчивой формы существования общечеловеческого опыта, которая раскрывается и присваивается индивидом в процессе интериоризации, составляя устойчивый фундамент его личности. В истории человечества ценности, вероятно, возникали в первую очередь в контексте тех или иных органических потребностей [*Здравомыслов*, 1986; *Лобок*, 1997; *Чавчавадзе*, 1984 и др.], а затем и как обобщение специфически человеческих потребностей, которые порождались социумом через создание новых общественных предметов и способов общественно разделенной деятельности. Развитие системы ценностей той или иной культуры в историческом ракурсе, несомненно, связано и с барьерами в удовлетворении потребностей, а также способами их преодоления.

Однако в структуре индивидуальной психики и в процессе онтогенетического развития связь потребностей и ценностей более сложна и опосредована. Систему ценностей индивид застает в обществе уже готовой, какую-то часть этой системы он интериоризирует на разных этапах своего развития и в разной степени. Эти процессы идут одновременно с развитием его потребностей. Поэтому теоретическое осмысление сложного и многослойного процесса формирования ценностей как внутриличностных образований, выполняющих регуляторные функции, требует учета, с одной стороны, природы ценностей как возникающих в ходе развития человечества форм кристаллизации его общественно-исторического опыта, а с другой – истории встраивания ценностей в индивидуальные структуры личности как опосредующих потребности в ходе ее онтогенетического развития.

Отрицание связи потребностей и ценностей, на наш взгляд, так же неправомерно, как и ее абсолютизация. В целом не разделяя мнение о том, что динамические моменты определяют сущность ценности, мы считаем продуктивной мыслью об участии барьеров в процессах смыслообразования в плоскости соотнесения ценности со степенью ее реализации в жизни. И в этом контексте позиция Р.Х. Шакурова, акцентирующая внимание на динамических аспектах функционирования ценностей, схватывает важные процессуальные закономерности работы механизмов, осуществляющих регуляторные влияния личностных ценностей на жизнедеятельность человека.

Роль преград, барьеров как в процессах смыслообразования, так и в других формах смысловой динамики фактически отмечают многие авторы, но часто об этом говорится не прямо, в первую очередь упоминается в примерах, иллюстрациях, демонстрирующих, например, специфику личностного смысла – в отличие от значения – или его изменение в зависимости от ситуации [*Леонтьев А.Н.*, 1977]. В каче-

стве причин, изменяющих личностный смысл или запускающих работу по поиску смысла, его созданию или даже трансформации ценностно-смысловой сферы человека в целом, часто описываются ситуации потерь или просто угрозы тому, что важно и ценно для человека. Эта плоскость отношений, отражаемая в примерах, отсутствует в большинстве теоретических моделей процессов смыслообразования в контексте личностных ценностей.

Смысловая функция барьера была обозначена еще К. Левиным (2001), однако в его исследованиях не затрагивались устойчивые источники смысла, к которым относятся личностные ценности. Некоторое теоретическое оформление эти факты получили в представлениях о стресс-индуцированном росте и исследованиях процессов совладания при утратах и невзгодах [Эммонс, 2004; *Schaefer, Moos, 1992; Tedeschi., Park, Calhoun, 1998*], представлении Ф.Е.Василюка (1984) о жизненном кризисе и смысловой работе переживания как порождения смысла. Р. Эммонс пишет о несчастье, которое, являясь «пробуждающим зовом», несет в себе потенциал реорганизации и рефокусировки целей, ценностей и приоритетов [Эммонс, 2004]. Сопоставляя такие стратегии совладания в ситуациях угрозы или утраты, как консервация и трансформация, он отмечает, что в случае консервации целей, тем не менее, происходят изменения в интенсивности устремлений – усиление включенности, сфокусированности и целенаправленности. Эти динамические аспекты изменения более типичны, чем изменения в содержании целей. Однако проводимые исследования в большей степени касаются личных целей и устремлений, т. е. вариантов конкретизации ценностей в определенной жизненной ситуации, нежели собственно ценностей.

Только в последнее время эти явления стали основой теоретической модели трансформационной онтологии личности, разделяющей модусы бытия человека на повседневный (ординарный) и неповседневный (трансординарный, экстремальный) [Магомед-Эминов, 1998, 2007, 2009]. Это позволило рассмотреть экстремальность не в негативных рамках медицинской парадигмы расстройства, биологической или узко-психологической аффективно-когнитивной моделей стресса, а как неповседневный, предельный модус бытия личности, конституирующийся в горизонте бытия и небытия, жизни и смерти.

При обсуждении вопроса о соотношении ценностей и потребностей в ракурсе различий механизмов и динамических сторон их функционирования нельзя не вспомнить мало упоминаемое в современных работах, но имеющее давние корни в рамках культурно-исторической парадигмы отечественной психологии понятие об органических потребностях. Представление о них как о прижизненно

формируемых образованиях, связанных с усвоением общественно-исторических способов удовлетворения природных нужд организма посредством общественно же выработанных предметов и способов деятельности и поведения, прямо вытекает из идеи А.Н. Леонтьева об опредмечивании потребностей в деятельности [Леонтьев А.Н., 1971]. В результате даже те из них, которые непосредственно связаны с функционированием организма, значительно изменяются, преобразуются, становятся по сути социальными. Для обозначения этого нового качества биологических потребностей был введен и использовался многими российскими психологами [Леонтьев А.Н., 1971; Гальперин, 1976; Асмолов, 2007 и др.] другой термин – «органические потребности». Применительно к личности взрослого человека вообще вряд ли оправданно говорить о его непосредственных связях с миром. Преобразование биологических потребностей в органические, конечно, связано и с трансформацией механизмов и процессуальных сторон их функционирования, для которых становятся возможны мотивирование идеаторными образами, отвязанность от потребностных состояний, отсроченное удовлетворение витальных нужд организма, появление устойчивой иерархии по критериям, не связанным с его насущными состояниями.

Все это ставит под вопрос проведение демаркационной линии между личностными ценностями и потребностями по критерию биологического и социального и, соответственно, требует определения того, как соотносятся между собой личностные ценности и специфически человеческие потребности. На наш взгляд, существует много оснований для проведения границы социального и биологического не между личностными ценностями и потребностями, а внутри каждого из источников побуждений и мотивации человека. Как уже упоминалось выше, в истории развития человечества культура возникала в первую очередь в сфере регуляции основных базовых инстинктов. Именно к ним было максимально приковано внимание сообщества, они в первую очередь нормировались, окультуривались. В удовлетворение потребностей культура через предметы потребностей, способы их удовлетворения, в том числе сопровождающиеся и ритуалами, «вплавляла» моменты общечеловеческого, в том числе и ценностного. Это значит, что нормы и ценности включаются в саму потребность, которая в результате этого трансформируется и преобразуется. Кроме того, создавая новые предметы, человечество создает и новые потребности в определенных предметах или видах деятельности, что отражено в таких понятиях, как высшие потребности [Божович, 1972; Вилюнас, 1990], социогенные потребности [Сарджвеладзе, 1981]. Сложность разведения ценностей и потребностей, как указыва-

ет Г.А. Балл (2004), связана и с тем, что личность испытывает *потребность* в реализации *ценности*, с которой она в высокой степени идентифицировалась. Теоретическое пересечение этих понятий заложено и в представлении о *метапотребности* [Маслоу, 1999], предполагающей не владение теми или иными ресурсами и не их потребление, а свободное осуществление деятельности, реализующей принятые личностью *ценности*.

В некоторых представлениях о начальных ступенях онтогенеза также находит свое воплощение идея проникновения социального вглубь органического. Так, взгляд на ребенка как изначально социальное существо Л.С. Выготским (1984) обосновывается тем, что новорожденный ребенок сам, без взрослого, не может удовлетворить ни одну свою органическую потребность, и тогда каждая его органическая потребность становится потребностью в другом человеке. Эта идея была развита А. Валлоном (1968), детально описавшим, как происходит проникновение социального вглубь самых базовых физиологических процессов организма новорожденного на первой стадии развития в рамках функционального ансамбля аффективности.

В результате синтеза потребности организма с социальными способами и средствами ее удовлетворения получается некоторое новое образование, или качество потребности: ее содержание включает в себя и социальное, и природное, и ценностное, и потребностное. Сплавленность социального и органического вообще характерна для человеческой психики, где общественно выработанные формы создаются из материала и на почве природных. В качестве аналогии можно привести пример понимания Л.С. Выготским (1983а) соотношения культурных и натуральных психических функций, а также открытый им закон развития высших психических функций. В соответствии с ним ребенок, наделенный от рождения натуральными психическими функциями, включаясь в социальное взаимодействие, овладевает своими натуральными функциями за счет их социального знакового опосредования. В результате возникают высшие психические функции, которые включают их в качестве материала, при этом в них «снимаются» биологические свойства последних. Идея о возможности применения данного закона к пониманию процесса развития побудительных сил человеческого поведения в свое время высказывалась Л.И. Божович (1972), о возможности ее распространения на процессы мотивационного опосредствования писал также В.К. Вилюнас (1990). В отношении мотивов или намерений как конкретных и привязанных к определенной жизненной ситуации мотивационных образований, как совершенно справедливо указывает В.К. Вилюнас, прямой перенос данного закона действительно едва ли возможен. Но его

распространение на обобщенные и устойчивые источники побуждений, к которым относятся личностные ценности, является вполне оправданным. Применяя данный закон к пониманию соотношения потребностей и ценностей, можно предложить понимать соотношение личностной ценности и потребности как отношение высшей психической функции и натуральной. Это означает, что *личностные ценности – как высшие психические функции – возникают при опосредовании натуральных функций, то есть потребностей, ценностями как общественными идеалами.*

В этом случае личностные ценности могут быть поняты как превращенные формы потребностей, которые прошли путь развития через опосредование натуральных потребностей общественно выработанными предметами и способами удовлетворения, в процессе которого произошло как порождение новых потребностей через произведенные обществом предметы, так и полная трансформация исходных, натуральных. Означивание знаками-орудиями позволяет осознавать потребности, которые приобретают идеаторные формы репрезентации в сознании, что позволяет человеку регулировать собственные побуждения в процессах порождения активности в соответствии с иерархизированной системой личностных ценностей. Это не отменяет необходимости в термине «потребность», так как содержание потребности в качестве материала встраивается в состав образования более высокого уровня, составляя своего рода «чувственную ткань» личностной ценности в противовес ее значению как общественно выработанной идее. Личностная ценность интегрирует эти составляющие, являясь двухполюсным смысловым образованием, в содержании которого чувственная ткань и идея могут находиться в разных соотношениях. Потребности в качестве чувственного компонента укореняют личностную ценность в телесной организации человека, идеальное содержание объединяет индивида с обществом [Василюк, 1984]. Каждое из них является источником «энергии» своего типа, побуждающей и поддерживающей активность.

Предложенное понимание во многом соответствует представлению о потребностях как жизненных задачах, введенному В.А. Иванниковым. С его точки зрения, потребности характеризуют не столько живое существо само по себе, сколько его *отношения с миром*, которые «складываются на нескольких уровнях: организм – среда, вид – экологическая ниша, природный субъект – поле его действий, социальный субъект – общество, личность – другие личности» [Иванников, 1997, с. 15]. При этом часть потребностей нижележащих уровней имеют свои превращенные формы на более высоких. Поднимаясь на новый уровень, потребность разбивается на ряд подзадач, порождая

целый ряд более частных потребностей, в итоге одна и та же потребность представлена на нескольких уровнях одновременно, в разных пространствах бытия человека. Например: потребность организма в строительных материалах – потребность природного субъекта в пище – потребность социального субъекта в разных объектах как предметах потребностей, регулируемая культурными и нравственными нормами.

Автор не обсуждает вопрос о межуровневых отношениях, существующих между разными превращенными формами потребности. Однако, в соответствии с общей логикой и принципами их понимания, для анализа жизненного пространства личности важны лишь представленные в нем превращенные верхние уровни этих отношений. Уже при анализе потребностей новорожденных показано, что они не даются природой в готовом виде, а для появления так называемых природных потребностей необходимо взаимодействие ребенка с соответствующими потенциально возможным потребностям сторонами мира. Существует большое количество примеров мощного воздействия вышележащих уровней на нижние. Это и знаменитый пример с феноменом «не до еды», и случаи неблагоприятной для организма трансформации пищевой потребности при заболевании нервной анорексией, и преобразованные формы сексуальной потребности [Кон, 1988; Леонтьев Д.А., 1992а], когда сменить физиологический пол оказывается легче, чем изменить половое самосознание. Нижележащие уровни проявляют свои свойства в случае разрушения верхних или в крайних ситуациях витальной угрозы вследствие экстремальности, а также при возникновении таких преобразованных их форм на высших уровнях, которые входят в противоречие с нижними.

Другой ракурс в понимании соотношения потребностей и личностных ценностей, а также в решении вопроса о сходстве и различии в механизмах их функционирования связан с такой особенностью личностной ценности, как *обобщенность*. Особая природа ценностей как обобщений отмечается многими авторами [Алишев, 2001; Балл, 2004; Братусь, 1988; Додонов, 1978; Здравомыслов, 1986 и др.] и очень многое в функционировании личностных ценностей можно объяснить этим их свойством. Значимость континуума конкретности – обобщенности мотивационных образований для решения вопросов полимотивации поведения и деятельности отмечает В.К. Вилюнас (1990), в связи с выявлением закономерностей когнитивной разработки потребностей этот вопрос освещает Ж. Нюттен (2004), в качестве отдельного параметра в модели мотивации, характеризующей предметное содержание мотива, рассматривает М.Ш. Магомед-Эминов (1987). В применении к ценностям как общественным идеалам свойство обобщенности их содержания вытекает

из определения. Но если речь идет о ценностях как внутриличностных образованиях, то есть личностных ценностях, то понимание ценностей как обобщенных содержаний требует прояснения того, как они возникают, функционируют и что в механизмах функционирования зависит от этой их характеристики, а также особых свойств того материала, на котором такое обобщение сформировано.

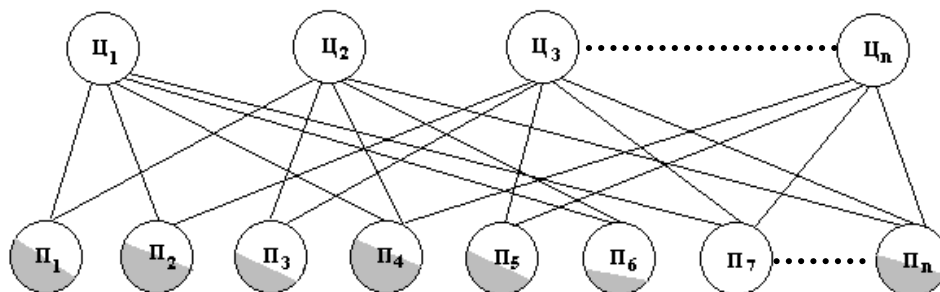
В контексте обозначенной выше генетической связи потребностей и ценностей закономерно предположить, что ценности являются формой обобщения и вычленения из предметов собственно человеческих потребностей некоторой абстрагированной идеи, фиксирующей опыт взаимодействия с данным предметом и его функциональное значение [Алишев, 2001, 2002]. Из этого следует, что ценности могут становиться важными регуляторами деятельности и поведения при довольно высоком уровне развития мышления и должны в своем функционировании зависеть от уровня его развития. Это подтверждается совпадением процесса активного усвоения ценностей и возможности регулировать ими свое поведение в подростковом возрасте и становлением в этот же период формально-логических структур интеллекта [Пиаже, 1969]. Это дает основание взглянуть на соотношение ценностей и потребностей через призму другой идеи Л.С. Выготского (1983б), а именно представлений об уровнях развития понятий и о встречном движении друг к другу в процессе развития житейских и научных понятий. В соответствии с этим в развитии личностных ценностей в онтогенезе, наверное, должны также существовать два встречных движения. Одно движение осуществляется от общественно заданных ценностей как интериоризируемых значений (пустых, не заполненных еще опытом собственной жизнедеятельности форм) к наполненным жизненным опытом и на вершине своего развития осознанным и сознательно принятым личностным ценностям. Другое движение осуществляется от конкретных переживаемых на чувственном уровне ситуаций, связанных с функционированием первичных потребностей ребенка, к их опосредствованию общественно выработанным значением, затем обобщению и, в некоторых случаях, осознанию в качестве личностной ценности.

Свойство обобщенности ценностей вовсе не означает, что они в сознании каждого человека обязательно являются собственно понятийным обобщением, то есть истинным понятием. Личностные ценности могут находиться на разных уровнях их развития в качестве понятий. Наверное, какая-то их часть является наиболее осознанной и действительно может существовать в форме истинных понятий, тогда как другие могут находиться на иных уровнях развития понятийных форм, в том числе и в синкретичной форме эмоциональных обобще-

ний. Необходимо также отметить, что регуляторная роль ценностей не обязательно требует их выражения в слове и осознания, описаны и другие альтернативные виды существования понятий, например в форме образов, символов, схематизмов сознания или способов действия [Давыдов, 1986; Стеценко, 1983], причем именно они становятся эффективными орудиями исследования сложной динамической реальности [Поддьяков, 2006]. При этом сложность ценностной регуляции поведения и поступков человека в некоторых случаях заключается в том, что возникает необходимость переводить значение ценности с языка высоких обобщений на язык конкретной ситуации, отдельных поведенческих актов или оценок, что и обозначено Ф.Е. Василюком (1984) как работа практического сознания. Это также создает особые условия при оценке человеком того, как его личностные ценности реализуются в жизни, на чем подробнее остановимся ниже.

Итак, потребности и ценности связаны между собой сложными, опосредованными связями. Можно предположить, что эти связи имеют не только генетический характер, но продолжают проявляться в функционировании зрелых форм личностных ценностей.

Исходя из вышесказанного, можно наметить следующую модель соотношения личностных ценностей и потребностей. В ней каждой ценности соответствует целый класс разных потребностей, с которыми она связана. Любая ценность является вершиной в обобщении множества разных предметов потребностей, средств и способов их удовлетворения, при этом данные классы не разделены между собой, они одновременно входят в зону действия самых разных ценностей (рис. 4.2). Именно поэтому конкретизация ценности может происходить в самых разных ее воплощениях, целом спектре реальных конкретных предметов, явлений, событий, собственных психических состояний и эмоций (об эмоции как ценности писал Б.И. Додонов (1978)).

Условные обозначения: Ц – личностная ценность; П – предмет потребности и способы ее удовлетворения; ● – биологическая составляющая потребности; ○ – социальная составляющая потребности

Рис. 4.2. Соотношение личностных ценностей и потребностей

Понимание соотношения и взаимосвязи потребностей с другими источниками и формами побуждений, аналогичное предложенной модели, обсуждалось в основном в рамках проблемы полимотивированности любой человеческой деятельности, дискуссия по которой в 1980-е г. была инициирована В.С. Имедадзе (1984). В ней данный вопрос решался в плоскости анализа мотивов отдельной деятельности или поведения, но не устойчивых и обобщенных источников мотивов и смыслообразования, каковыми являются личностные ценности. Полипотребностное происхождение намерения отмечали еще К. Левин (2001) и Л.И. Божович (1972), на факт детерминированности поведения несколькими или всеми базовыми потребностями одновременно указывал А. Маслоу (1999); Б.И. Додонов писал, что «каждая конкретная деятельность <...> мотивируется не одним запредельным мотивом, а <...> целой их связкой» [Додонов, 1978, с. 127]. Некоторые решения вопросов о формах, видах и механизмах взаимодействия побуждений в феноменах полимотивации намечены В.К. Вилюнасом (1990).

Наиболее близкими предлагаемой модели являются сформулированное В.С. Магуном (1983) представление о поливалентности большинства инструментальных ценностей и предложенное Б.И. Додоновым понятие о проникающих ценностных ориентациях, которые могут «выражать себя, проникая в очень разные сферы материальных и духовных объектов и деятельностей» [там же, с. 20]. Однако, на наш взгляд, проникающими могут быть любые личностные ценности, а не только их отдельные классы или типы.

Связка таких признаков ценности, как обобщенность (связь с сознанием) и включенность в потребности (связь с телом), и обеспечивает уникальные регулятивные свойства ценностей. Связь личностной ценности с большим количеством разнообразных потребностей, может быть одним (правда, не единственным) из объяснений того энергетического заряда, который многие из ценностей несут в себе. Ведь фактически каждая из них «обобщает», впитывает и несет в себе энергетику огромного количества разных потребностных состояний и побуждающей силы очень разных предметов потребностей. И потому каждая ценность может «рекрутировать» энергетику очень разных других ценностей и потребностей.

И мощь пиковых переживаний, связанных с ценностями, и высокая степень фрустрации и сопротивления человека при противодействии им можно объяснить тем, что актуализация ценности одновременно задействует и интегрирует очень разные пласты и стороны человека. Этим же можно объяснить и интенсивность переживания ценности, и скорость перехода от высот абстрактного обобщения, характерного для ценности как идеи, к полноте ее чувственной пред-

ставленности, а также высокую степень интегрируемости самих ценностей, которая отмечается в практике психотерапевтической работы и схватывается в таких понятиях, как, например, сущностное состояние, достижение которого возможно через объединение разных ценностных переживаний [Андреас К., Андреас Т., 1999]. Именно эта особенность ценностей обуславливает подмеченное В.И. Кабриным (2008) их свойство вездесущности и реверсивности как бесконечного отзеркаливания в разных явлениях и друг в друге.

Другое следствие, вытекающее из данной модели, заключается в том, что сами ценности могут замыкаться на конкретных предметах, соответствующих тем потребностям, которые в тот или иной момент наиболее актуализированы, и тогда к переживанию по поводу удовлетворения или фрустрации конкретной потребности может подключиться энергетический потенциал очень большого спектра разных ценностей. Вследствие этого прием связывания ценностей с конкретными вещами, действиями, явлениями успешно используется и в рекламе (когда «продают», фактически, не конкретные предметы, а здоровье, красоту, комфорт и пр., «покупать» которые можно бесконечно), и в техниках убеждения, и в идеологической пропаганде, и в проповеди. Поэтому идеями можно «зажигать» массы, примеров чему немало знает история человечества. Связано это с тем, что каждая ценность, являясь гиперобобщением, может быть «обнаружена» практически в чем угодно. Все зависит от способа ее конкретизации и связывания с конкретными объектами, поэтому ценности могут оказаться присутствующими в очень разнообразных, иногда даже противоположных явлениях. С этой их особенностью, наверное, можно связать и пути экспериментирования в современном искусстве, например, с эстетикой уродливого, грязного или очень бытового и житейского. Для того чтобы отделить зерна от плевел и проследить путь соединения идеи с навязываемым (в случае рекламы или пропаганды) ее конкретным воплощением, понять, что данное воплощение ценности может противоречить самой ее сущности, и иметь возможность противостоять этому, человеку необходимы высокий уровень развития мышления и рефлексии, который позволит заметить, подвергнуть сомнению или отвергнуть навязываемую связь.

Обобщенность ведет к тому, что регулирующая роль ценностей пронизывает всю вертикаль как отдельной деятельности, так и всей жизнедеятельности в целом. Конечно, ценности релевантны в первую очередь масштабным планам анализа жизнедеятельности, выполняя функции основных источников смыслов и жизненных целей. Тем не менее регулирующая роль ценностей проявляется на разных иерархических уровнях деятельности, в том числе и на операциональных.

Например, ценности могут проявляться в форме некоторых индивидуальных требований к стилю, способам, технике выполнения тех или иных отдельных действий или операций и критериев, которые применяются к оценке их результатов.

Предлагаемый взгляд на соотношение личностных ценностей и потребностей через обозначение их генетической и функциональной взаимосвязи ставит в новом ракурсе проблему специфики динамических сторон функционирования личностных ценностей, которая может быть конкретизирована в ряде более частных вопросов. Как ценности реализуются в жизни и в какой форме их реализация репрезентируется человеку? Можно ли говорить о разных способах их реализации? Насколько правомерно говорить о возможности «насыщения» ценностей и, соответственно, об их актуализации и дезактуализации? Обсудим эти вопросы поочередно.

Ключевым является вопрос о том, каким образом *реализация ценностей*, их воплощение, присутствие в жизни фиксируется человеком, *репрезентируется* ему. Основную роль в этом играет феномен *переживания*. Связь ценности и переживания является внутренней, сущностной, для переживания как феномена в целом характерна тесная связь с ценностями или «значимостями», о чем пишут многие авторы. Именно через переживания заявляют о себе человеку структуры ценностной направленности, занимающие центральное место в душевной жизни человека. Ф. Крюгер (1984), анализируя эмоциональные переживания, пришел к выводу, что за ними лежат длительно существующие ценностные образования и степень связи с ними задает глубину переживания. Об эмоционально испытываемом понимании смыслов и ценностей культуры как особом образовании, которое и составляет ядро переживания, писал Б.М. Теплов [см. *Ярошевский*, 1997]. Н.О. Лосский (2000) считал переживание входящим в состав ценности, при этом ценность указывается как условие определенных чувств и желаний, а не их следствие. К. Роджерс [*Rogers*, 1964], напротив, утверждал, что для каждого индивида и человечества в целом ценности возникают в процессе переживания. О необходимости соединения ценности с переживанием, которое, собственно, и создает ценность как личностную, говорит Б.С. Братусь, отличая личностные ценности от декларируемых, назывных ценностей, которые не обеспечены «золотым запасом соответствующего смыслового, эмоционально-переживаемого, задевающего личность отношения к жизни» [*Братусь*, 1988, с. 89]. По всей видимости, эти точки зрения являются скорее взаимно дополняющими друг друга, нежели взаимоисключающими. С точки зрения А.С. Шарова (2004), любое пережива-

ние возвращает нас к тому, что ценно и важно для нас, а ценностное присутствует в любом переживании.

Именно переживания и «сообщают» человеку о присутствии или отсутствии ценности в жизни. Как пишет О.Е. Хухлаев (2005), целью переживания является установление взаимосоответствия в следующей круговой структуре: конкретный момент бытия – личностный смысл – смысловые образования личности – бытие в целом – конкретный момент бытия. Поэтому в переживании и возникает ощущение реального присутствия ценности в жизни, наполненности жизненного мира ее содержанием. Осуществляется это за счет того, что в процессе переживания, как это описывает А.С. Шаров, изменяются горизонты сознания и психики, «происходит или сужение сознания, или его предельное, но только в одном аспекте, расширение» и, в итоге, «преувеличение одних ценностей за счет других». Это возможно потому, что «переживание выступает системообразующим психологическим механизмом, который центрирует в себе другие психические процессы» [Шаров, 2004, с. 220–221].

Переживание соединяет человека с ценностным содержанием и дает ему ощущение того, что ценность – это не что-то весьма далекое и недостижимое, а то, что реально присутствует в его жизни, то, к чему можно, говоря словами Л. Лэнгле (2004), «прикоснуться». В единстве и целостности переживания преодолевается и двойственность природы ценностей как психической структуры, интегрирующей в себе надличное, общечеловеческое содержание и полноту соединенных между собой в чувственно-аффективно-витальный комплекс внутренних, индивидуальных ощущений. В нем ценность обнаруживает свою укорененность как в ментальном мире человека, так и в его телесности, витальности.

Ответ на второй вопрос – о способах реализации ценностей в какой-то мере присутствует в предложенной Д.А. Леонтьевым (1999) модели соотношения разных смысловых структур. В ней раскрывается, как и через какие другие смысловые структуры, посредством каких превращенных форм личностные ценности проявляются и действуют. Эта модель требует некоторого дополнения, в первую очередь, конкретизации зависимости способов реализации ценностей от их содержания и от того, в какие макроструктуры личности они входят. И здесь, на самый первый взгляд, можно выделить следующие разные возможности.

Если ценности понимать как наиболее глубинные пласты личности, составляющие ее ядро, то в этом случае система ценностей – это то, чем личность в сущности и является. Данное понимание ценностей созвучно позиции Б.С. Братуся (1988), определяющего личностные

ценности как осознанные принципы жизни, которые человек сам воплощает в своих реальных деяниях и поступках. Они являются важной составляющей эго-идентичности в ее понимании Э. Эриксоном (1996аб). В этом случае ценности переживаются как свое собственное основание (На том стою и не могу иначе!), как неотъемлемая часть себя. Тогда через переживание ценности человек соприкасается с самим собой, своей внутренней сущностью. И это, казалось бы, снимает вопрос о реализации ценности: нельзя ставить задачу прийти в то место, в котором уже находишься. Ценности, являясь постоянным критерием и мерилем всех действий, поступков, событий, частью самого человека, всегда присутствуют в его жизни, имманентно присущи ей. Однако в психологии, и особенно в психотерапевтической и консультативной практике, по этому поводу уже давно поднята проблема соответствия конкретных действий, поступков и даже чувств человека его самости, сущности, собственным глубинным смысловым структурам, к числу которых относятся и личностные ценности. Для обозначения такого соответствия разнообразных проявлений личности ее ценностному ядру возник особый термин – конгруэнтность. Это переводит вопрос о реализации личностных ценностей в плоскость проблемы механизмов работы практического сознания [Василюк, 1984], решающего задачи нахождения воплощения ценности в каждой конкретной жизненной ситуации, частном действии и поступке. Важной стороной проблемы является вопрос о мотивации человека к такой работе сознания, ее источниках.

Ценности могут быть представлены в сознании человека и как идеальные цели, задающие направление его движения, к которым он стремится, или в форме принципов, на которые ориентируется. То, в какой мере человек воспринимает свои действия, поступки как соответствующие выбранному направлению или принципам, приближающие его к представленному в сознании идеальному образцу, по определению недостижимому, может стать для него мерилем реализации ценности, хотя остается вопрос об адекватности этого восприятия.

Ценности могут выступать как некоторые модели «правильного» устройства мира и жизни, образующие слой неосознаваемых фоновых ожиданий к тому, что должно присутствовать них в качестве обязательных или естественных компонентов, как, например, земное притяжение или здоровье. Часто в обычных обстоятельствах такие ценности не осознаются в силу своей самоочевидности и лишь в ситуациях столкновения с другими, альтернативными ценностными мирами (например, в межкультурном взаимодействии) или реальной угрозы им могут открыться человеку. Аналогичную закономерность в понятиях мотивационных векторов избегания и сохранения выразил

Г.А. Мюррей, выделив ряд потребностей, актуализация которых связана с изменениями и отклонениями от сохраняемого состояния [см. *Виллюнас*, 1990]. Отдельные ценности могут сохранять на себе печать механизмов действия данных векторов, так что их опознание осуществляется только при отклонении от некоторой имплицитной модели нормативного состояния.

Специфика обнаружения ценностей в жизни может быть связана и с особым характером заключенного в некоторых из них обобщения. Так, содержание понятия, позволяющее человеку действовать в реальности и преобразовывать ее, задается, кроме обобщения, как выделение общего и сходного, еще и полюсом несходного, с которым содержание, включенное в понятие, различено [*Громыко*, 1996]. Если применить это к анализу личностной ценности, то полная реконструкция ее содержания возможна только в соотнесении двух полюсов. Это значит, что кроме «модели должного» каждая ценность обязательно включает в себя и «модель недолжного». Так, например, выделенная Б.С. Алишевым (2002) ценность покоя будет одной по содержанию в случае, если на ее неявном противоположном полюсе подразумевается активная деятельная жизнь, и существенно иной, если покою противопоставляется беспокойство, тревога или паника. Соответственно, при восприятии присутствия тех или иных ценностей в реальности возможны два разных способа: замечать то, что присутствует в мире (что стакан наполовину полон), или то, что отсутствует (что стакан наполовину пуст). Так, для целого ряда ценностей полюс «недолжного» осознается даже в большей степени, чем полюс «должного», как, например, у упоминавшейся уже ценности здоровья. В предпочтении того или иного полюса могут проявляться личностные способы и стратегии оценки присутствия ценностей в жизни, связанные со способом восприятия соотношения должного и возможного, что также определяет индивидуальные вариации динамических аспектов их функционирования.

Ценности можно представлять и как нечто такое, что человек сам привносит в мир, не обязательно прикладывая специальные усилия. Присутствие каких-то ценностей в жизни задается иногда просто направленностью внимания: их можно просто замечать, выделять в мире. Тогда ценности – это линзы, через которые человек смотрит на мир и которые что-то не пропускают вовсе, а что-то усиливают или даже создают. Так, очень высокая степень важности эстетической ценности приведет к тому, что в самой убогой обстановке человек заметит прекрасное: былинку в укатанном асфальтом городе, необычную окраску неба на закате в узком проеме двора-колодца. Д.А. Леонтьевым (1999) это отражено в понятии смыслового кон-

структа, являющегося одной из смысловых структур, интроспективно не представленных в сознании, но задающих способ видения мира.

В целом во всех рассмотренных случаях регулятивная роль ценностей в жизнедеятельности человека сопряжена с необходимостью опознания содержания ценности в реальной действительности при соотнесении обобщенной идеи с чувственно-конкретными характеристиками реальных ситуаций и объектов. Соответственно, ценности не всегда однозначно и прямо могут быть соотнесены с конкретной жизненной ситуацией и «обнаружены» в ней, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Некая объективная оценка их реализации в жизни, пожалуй, принципиально невозможна. Субъективная репрезентация результата реализации ценностей, ее воплощения в окружающих объектах и явлениях, собственных действиях и поступках, в каждом из вышеописанных случаев будет существенно трансформироваться в зависимости от способа, которым человек, структурируя восприятие собственной жизненной ситуации, находит или не находит в ней признаки соответствия идее, содержащейся в ценности.

На этой особенности ценностей, связанной с неопределенностью при оценке их присутствия в жизни, основывается возможность психотерапевтического воздействия на человека, расширяющего его опыт «прикосновения к ценности» [Лэнгле, 2004, с. 8]. Л. Лэнгле пишет о том, что трудности, связанные с восприятием ценностей, часто становятся причиной душевных страданий, поэтому задачей психотерапии, в частности, является необходимость пробудить и развить способность человека «к распознаванию и переживанию ценностей<...> научить его открываться новым ценностям, расширять свои ценностные горизонты и, благодаря этому, свое жизненное пространство» [там же, с. 4].

Последний из поставленных вопросов в рассмотрении процессуально-динамических аспектов функционирования ценностей касается соображений о возможности *насыщения ценности*. В широко известных экспериментах школы К. Левина (2001) были показаны динамические закономерности функционирования квазипотребностей – психических образований, которые в строгом смысле не являются потребностями, понимаемыми как внеситуативные источники мотивации, связанные с решением тех или иных жизненных задач. Но, тем не менее, эти квазипотребности способны зарядить систему высокого напряжения, которая требует своего выполнения. Выявленные факты убедительно показывают универсальность динамических закономерностей и механизмов мотивации, их включенность в очень разные пласты психического. Роль динамических закономерностей мотива-

ции глубоко раскрыта в трудах В.В. Асеева (1976, 2005). Однако отсутствуют аналогичные исследования, которые касались бы уровня ценностных структур личности, за исключением описанных Р.Х. Шакуровым (2003 а, б), в отношении ценностей динамических тенденций (тенденции к экономии ресурсов, к динамизации, к ценностному восхождению и закреплению, стабилизации), которые по своей сути близки к описанным К. Левиным закономерностям функционирования квазипотребностей.

Решение вопроса о возможности «насыщения» ценности, с одной стороны, зависит от того, как представлять способы ее реализации и воплощения, а с другой стороны, связано с необходимостью учитывать общие базовые пространственно-временные характеристики существования человека в мире. Так, переживание ценности, дающее человеку ощущение ее присутствия, реализации в жизни, имеет ограничения во времени, которые связаны с временными границами самого переживания и сохранения памяти о нем как актуальном, пока оно не переходит в субъективное прошлое. Но даже если определить ценность в ее самой несовместимой с возможностью «насыщения» форме как идеал или идеальную цель, то и это, на наш взгляд, не отменяет возможности ситуативной динамики насыщения ценностей. Например, ценность дружбы как идеала ненасыщаема по определению идеала, но можно устать от общения с друзьями и стремиться к уединению или переключиться на другие виды активности. Это не дезактуализирует ценность как таковую и не изменит ее место в иерархии, но на какое-то время данная ценность может перестать быть активным источником мотивообразования. Нельзя достичь или насытить ценность красоты, но можно перестать ее замечать в связи с другими насущными жизненными заботами. Нельзя насытить ценность творчества, но можно истощиться творчески. Можно ценить покой, но в результате длительного покоя можно и заскучать. Причиной временной дезактуализации ценностей как источников побуждений являются многогранность и многоплановость процессов жизни, наличие в ней разных линий и сфер жизнедеятельности, а также ограничения ее пространственно-временных ресурсов. Поэтому неизбежны и некоторые закономерности их динамики, допускающие возможность временной дезактуализации ценностей в актуальном жизненном пространстве личности.

Эти проявления динамики не отличают ценности от потребностей, а наоборот, являются моментом их схождения. Так, Д.А. Леонтьев (1999), обсуждая вопрос о дезактуализации потребности, говорит о возможности временного насыщения и, как следствие этого, дезактуализации потребности. Но это вовсе не означает, что сама потреб-

ность исчезает при этом как устойчивый и внеситуативный источник мотивации. Место удовлетворенной потребности в динамической иерархии на данный момент времени изменится, но сама потребность останется в своей функции потенциального побудителя активности. Невозможно удовлетворить ни одну потребность на всю жизнь вперед. К ценностям также можно приложить это рассуждение: сама ценность может продолжать оставаться на своем месте в иерархии, но в определенный момент времени в динамике жизни вполне может быть дезактуализирована, что проявится в ее меньшей смыслообразующей и мотивообразующей активности. Те динамические стороны функционирования потребностей, которые связаны с особенностями материального носителя, являющегося реализатором любой человеческой активности, – организма, также могут остаться и в механизмах функционирования ценностей, несмотря на преобразованное содержание. Поэтому в функционировании личностных ценностей могут проявляться динамические закономерности, которые вполне сопоставимы с аналогичными закономерностями функционирования потребностей. Подобное сходство механизмов действия потребностей и личностных ценностей отмечается и Г.А. Баллом (2004).

В целом есть основания утверждать, что в отношении ценностей, как и в отношении потребностей проявляются эффекты актуализации и дезактуализации, насыщения и пресыщения, имея свою, характерную только для ценностей специфику, выявление которой является нерешенной пока исследовательской задачей.

Таким образом, анализ основных теоретических позиций по проблеме динамических механизмов и закономерностей функционирования личностных ценностей показал, что существующие в науке противоречия являются следствием полярного решения разными авторами вопроса о соотношении понятий личностной ценности и потребности. На основе культурно-исторической парадигмы отечественной психологии предложена модель их соотношения как высшей психической функции и натуральной. Личностная ценность рассматривается как двухполюсное смысловое образование, обобщающее целый ряд различных по содержанию потребностей и интегрирующее в себе содержание потребности в функции «чувственной ткани» и содержание ценности как общественного идеала в функции значения. Выделены качественно разные, связанные с феноменом переживания способы реализации личностных ценностей в жизни, задающие характеристики динамических аспектов в их функционировании. Наличие динамических сторон функционирования ценностей, которые могут проявляться в их временной дезактуализации, можно связать, во-первых, с многомерностью процессов жизни, наличием в ней разных

линий жизнедеятельности и разных ее сфер, а во-вторых, с природой человека и всех психических процессов, заданных их существованием в рамках пространственно-временных ограничений.

* * *

Итак, поставленная проблема процесса осуществления обратной связи и ее механизмов и закономерностей на уровне целостной жизнедеятельности, где отсутствуют однозначные целевые образы, трансформируется в вопрос о динамических аспектах функционирования ценностей. Решение последнего подразумевает исследование форм реализации ценностей и способов фиксации этого самим человеком. Масштаб данных процессов соответствует целостности бытия человека в мире, а форма существования – экзистенциальному пространству, описываемому как преломленное через призму своего жизнеосуществления обобщенное переживание человеком мира и себя в нем. В таком, предельном для жизни человека масштабе, ставит и решает вопросы бытия человека экзистенциальная психология.

Аналогичные переживания, касающиеся целостности бытия человека в мире, С.Л. Рубинштейн (1997) обозначал как обобщенные жизненные чувства. Их сложно обозначить одним словом, обычно они описываются через метафорические образы – широкая дорога жизни или узкая извилистая тропа, бег с препятствиями, тупик или свободное плавание. Представляется, что данные обобщенные жизненные переживания интегрируют в себе различные частные переживания, возникающие в разных контурах жизнедеятельности, соответственно, за ними стоит сложная кумулирующая работа ряда механизмов, выполняющих функции обратной связи на разных уровнях жизненного пространства. Ее итогом становится не только некоторый общий чувственный жизненный фон, но и сопряженный с ним определенный способ ценностно-смысловой организации жизненного пространства, которое в зависимости от модальности этих обобщенных переживаний приобретает те или иные характеристики своего рельефа, передаваемые в метафорах. Более аналитический способ описания такого рельефа может быть связан с раскрытием реализационной динамики ценностей, определяемой соотношением воспринимаемой человеком степени реализации ценностей с важностью для него каждой из них.

В целом, ценностно-смысловая организация жизненного пространства определяется *содержательными* характеристиками, заданными иерархией ценностей, и *динамическими* закономерностями, связанными, во-первых, с изменениями иерархии ценностей, образующими его *макродинамику*, и, во-вторых, со смысловыми коллизиями, которые порождаются при соотнесении ценимого и реализуемого,

определяющими *микродинамику*. Если система личностных ценностей задает, **что** человек выделяет в мире и, соответственно, включает в жизненное пространство, т. е. его содержательное наполнение, *макродинамические* определяют изменения данного наполнения, то *микродинамические трансформации*, связанные с восприятием реализации личностных ценностей в жизни, задают характеристики его рельефа, определяемые соотношением в нем зон разного напряжения, общей фигуρο-фоновой конфигурации.

В предметном поле, связанном с *микродинамическими* закономерностями жизненного пространства, возникает ряд более частных вопросов, последовательное решение которых привело к представлению о функциональном механизме барьерности-реализуемости личностных ценностей как модераторе обратной связи на уровне жизни в целом и его роли в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности. На его раскрытие нацелен ряд конкретных эмпирических исследований, изложенных в следующей части книги.

ЧАСТЬ II.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

ГЛАВА 5. ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ РЕЛЬЕФ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

5.1. Смысл рассогласования важности и доступности личностных ценностей: конфликт или побуждение?

Как это следует из некоторых рассмотренных в первой части концепций, одним из существенных динамических аспектов в функционировании ценностей является разрыв, или дистанция, между значимостью, важностью ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее доступности. Независимо от того, включаются или не включаются данные динамические параметры функционирования ценностей в понимание их сущности, признается зависимость от них процессов смыслообразования в контексте личностных ценностей. Поэтому их исследование важно и существенно для раскрытия тех реальных коллизий, напряжений, которые возникают при восприятии человеком своей жизненной ситуации [Асеев, 1982; Братусь, 1988; Леонтьев Д.А., 1999; Фанталова, 1992; Шакуров, 2003 а, б и др.].

Однако роль в смыслообразовании разрывов между степенью субъективной значимости ценности и оценкой ее доступности в науке интерпретируется неоднозначно и в данном вопросе существуют диаметрально противоположные позиции. Так, с точки зрения Р.Х. Шакурова (2003), собственно само расхождение желаемого и доступного и создает ценность как таковую. Совершенно противоположным образом осмысливается соотношение ценности и меры ее реализуемости в жизни в подходе, предложенном Е.Б. Фанталовой (1992). Опишем более детально ее позицию в понимании значения субъективно воспринимаемой дистанции до ценности, поскольку позиция Р.Х. Шакурова уже была освещена во второй главе.

В исследовании ценностно-мотивационной сферы Е.Б. Фанталова (1992) предложила новый методический подход к диагностике ценности разных жизненных сфер за счет введения такого параметра как доступность ценности. За основу была взята методика ранжирования терминальных ценностей М. Рокича, список ценностей которой был сокращен, и предложено их попарное сравнение между собой не

только по критерию их важности, но и доступности. Это позволило не только диагностировать иерархию ценностей, но и получить ранг каждой ценности по критерию доступности, а также определить степень их расхождения в той или иной сфере жизни. Последнее может рассматриваться в качестве индикатора обратной связи в процессе жизнеосуществления человека, представляющем обобщенную оценку им своей жизненной ситуации в целом.

В соответствии с позицией Е.Б. Фанталовой, процессы смыслообразования в разных жизненных сферах будут во многом зависеть от характера соотношения параметров важности ценности и ее доступности. В ее работах нашли обоснование психометрический показатель расхождения «ценность – доступность», который характеризует ценность отдельной жизненной сферы, а также совокупный общий показатель суммы таких расхождений для ценностей всех жизненных сфер, отражающий состояние ценностно-смысловой сферы личности в целом. Он отражает «степень внутреннего дискомфорта и блокады функционирующих в мотивационной сфере ценностно-смысловых образований» [Фанталова, 1992, с. 108]. Рассматривается несколько возможных сочетаний этих показателей – от полного совпадения ценности и доступности до вариантов их полного расхождения. Положение, когда та или иная жизненная сфера обладает большой ценностью, но при этом человек оценивает ее как недоступную для себя, определяется как состояние наличия внутреннего конфликта и психологической неудовлетворенности. Для него характерен разрыв между «потребностью в достижении внутренне значимых ценностных объектов и возможностью такого достижения в реальности» [там же], что отражает наличие разрыва в системе «сознание – бытие». Положение, когда какая-либо жизненная сфера является очень доступной и при этом не является очень ценной, предлагается оценивать как состояние внутреннего психологического вакуума, душевной пустоты, отсутствия побуждений.

При этом Е.Б. Фанталова пишет о том, что состояние превышения ценности над доступностью «отражает наиболее аффективно заряженную часть самосознания личности» [там же]. Низкая доступность рассматривается ею как атрибут настоящего, а высокая ценность – как атрибут будущего по отношению к нереализованному желанию, нерешенной проблеме. Недостижимая в настоящий момент ценность продолжает сохранять за собой свой побудительный характер лишь благодаря наличию временной жизненной перспективы (будущего), поскольку именно в будущем потенциально существуют возможности для достижения желаемого. В условиях «внутреннего вакуума» (при низкой ценности и высокой доступности) в определен-

ной жизненной сфере и доступность, и ценность являются атрибутами настоящего, поскольку низкая ценность не обладает побудительной силой. Наиболее оптимальным психологическим состоянием является небольшая степень расхождения между ценностью и доступностью по основным жизненно важным сферам, так как тогда не возникает ни «стойких внутренних конфликтов», ни «тормозящей общую мотивацию внутренней пустоты» [там же]. Положение, когда расхождение ценности и доступности близко к нулю, обозначается как состояние гармонии.

При всей эвристической роли введения в исследование ценностей параметра их доступности и особенно психометрического показателя его расхождения с оценкой важности предлагаемая интерпретация этого соотношения, на наш взгляд, не является единственно возможной. Теоретически, состояние превышения ценности над доступностью может иметь разный смысл и само по себе не обязательно является конфликтом, тем более конфликтом, который носит «стойкий, глубокий, необратимый внутренний» характер [там же]. Это расхождение может создавать и некоторый вектор активности личности в направлении важной ценности, мотивируя к активным действиям по ее реализации, придавая дополнительный смысл самой ценности. Такая интерпретация смысла данного расхождения более согласуется с позицией Р.Х. Шакурова.

Поскольку в практике применения методики, измеряющей выраженность внутренних конфликтов и вакуумов, было выявлено, что не всегда расхождение меры важности ценности и меры ее доступности сопровождается субъективным ощущением внутреннего дискомфорта, в более поздней работе Е.Б. Фанталова (2001) уточняет и во многом смягчает первоначальную интерпретацию. Констатируется, что расхождение мер важности и доступности ценности может иметь неоднозначный смысл, и задается конкретная количественная мера их расхождения, превышение которой указывает на наличие внутреннего конфликта, а зона совпадения или небольшого расхождения называется нейтральной. В систему клинической диагностики внутреннего конфликта включаются методики, определяющие индивидуальную специфику эмоционального переживания конфликта и степени субъективно переживаемого дискомфорта [Фанталова, 2001]. Это позволяет зафиксировать не только сам факт расхождения параметров важности и доступности ценности, но и способ его эмоциональной переработки человеком, степень осознания или вытеснения из сознания, вовлеченность в эти процессы защитных механизмов.

Тем не менее сам способ категоризации получаемого в результате применения методики явления не претерпел значительных измене-

ний, поскольку сохранилось обозначение его как внутреннего конфликта, что отражено и в названии диагностической батареи. Понимание превышения (даже очень значительного) важности ценности над ее доступностью как внутреннего конфликта позволяет отнести к этой категории весьма широкий круг явлений. Внутренним конфликтом в этом случае можно обозначить и все самые страстно желаемые и заветные планы и мечты человека, выполнение которых сознательно или в соответствии с обстоятельствами жизни отложено им на будущее, а также любой мотивационный процесс на его начальных стадиях. Как известно любому исследователю, вопрос о выборе оптимального обозначения для найденных фактов и феноменов решается часто далеко не просто, в связи с чем возникают дискуссии о границах употребления терминов и понятий, в которых у каждой позиции находятся свои убедительные аргументы. Но именно обозначение явления наиболее концентрированно передает его интерпретацию исследователем. Сохраненный способ обозначения расхождения мер важности и доступности ценности как внутреннего конфликта свидетельствует о том, что собственно теоретическая позиция в его понимании осталась неизменной. Интерпретация отсутствия субъективно переживаемого дискомфорта и неудовлетворенности при высоких значениях расхождения важности и доступности ценностей включением неосознаваемого механизма психологических защит это только подтверждает.

Итак, сопоставление альтернативных теоретических позиций, сформулированных Р.Х. Шакуровым и Е.Б. Фанталовой, позволяет зафиксировать существующее в психологии противоречие в интерпретации смысла расхождения параметров важности и доступности ценности. Так как каждая из позиций имеет свои веские теоретические основания, то вопрос о правомерности той или иной из них может быть решен в эмпирическом исследовании.

Поскольку обозначение Е.Б. Фанталовой разницы между показателями ценности и доступности как внутренней конфликтности или вакуумности сразу придает этим показателям конкретный оценочный смысл с некоторым негативным оттенком, то мы обозначаем его более нейтрально – как *рассогласованность*, полагая, что ее наличие не обязательно имеет отрицательный смысл для личности. При этом расхождение ценности и доступности, когда ценность превышает доступность и связана с дефицитом ее реализованности, обозначим как *дефицитарную рассогласованность*, а расхождение при превышении доступности над ценностью – как *профицитарную рассогласованность*, заимствуя соответствующие термины из экономических наук. Состояние, когда ценность и доступность одинаковы или близки по

значению, а разница между ними близка к нулевым значениям, обозначим как *согласованность* ценности. Параметр суммы рассогласований всех ценностей обозначим как *общую рассогласованность*.

Целью эмпирического исследования стало подтвердить или опровергнуть одну из этих альтернативных позиций: позицию Р.Х. Шакурова, который рассматривает такое рассогласование как смыслопорождающее, или позицию Е.Б. Фанталовой, которая рассматривает это рассогласование как фрустрирующее или опустошающее.

5.1.1. Соотношение рассогласования важности и доступности ценностей и степени осмысленности жизни

Для выявления психологического смысла рассогласования ценностей показатели рассогласования отдельных конкретных ценностей и общей суммарной их рассогласованности были соотнесены с показателями теста смысложизненных ориентаций [Леонтьев Д.А., 1992 в], который оценивает наиболее общие параметры удовлетворенности жизнью. Наличие в этом тесте разграничения шкал удовлетворенности прошлым, настоящим и будущим соответствует предложенному Е.Б. Фанталовой (2001) соотнесению психометрических показателей ценности, доступности и их расхождения с параметрами временной перспективы, а именно – удовлетворенностью настоящим и наличием перспектив в будущем. Поэтому анализ наличия и характера связей между показателями данных методик, на наш взгляд, может прояснить психологический смысл параметра рассогласования в ценностно-смысловой сфере личности.

Организация и методы исследования. В исследовании были использованы следующие методики.

1. Методика попарного сравнения ценности жизненных сфер по критериям ценности и доступности, которая позволила выявить следующие параметры: 1) ценность жизненной сферы; 2) ее доступность; 3) индекс расхождения между ценностью и доступностью жизненной сферы; 4) суммарный показатель расхождений по всем жизненным сферам [Фанталова, 2001].

2. Тест смысложизненных ориентаций [Леонтьев Д.А., 1992 в], где определялись следующие стандартные параметры: цели в жизни как характеристика ощущения осмысленности будущего; процесс, или эмоциональная насыщенность жизни, как характеристика осмысленности жизни в настоящем; результативность или удовлетворенность самореализацией, отражающая оценку осмысленности прошлого; локус контроля – Я; управляемость жизни; общая осмысленность жизни как суммарный показатель по пяти факторам, указывающий на общее сознательное отношение к жизни, стремление сделать ее управляемой и целенаправленной.

В исследовании приняли участие 341 человек в возрасте от 15 до 40 лет, которые анализировались и как совокупная выборка, и как разделенная на группы по возрастному и половому признакам.

Для обработки данных использовались методы описательной статистики, t-критерий Стьюдента для несвязанных выборок, а также корреляционный анализ по формуле Пирсона.

Результаты. Сопоставление показателей рассогласованности ценности и доступности основных жизненных сфер с оценкой осмысленности жизни показал, что в выборке в целом взаимосвязи между суммарными параметрами рассогласования и показателями теста СЖО отсутствуют. Это означает, что и при высоких значениях суммарного расхождения между ценностью и доступностью основных жизненных сфер, и при их низких значениях удовлетворенность жизнью, смысловая наполненность настоящего, будущего и прошлого могут принимать любые значения от минимальных до максимальных. А значит, является верным и обратное утверждение: при любых значениях оценки удовлетворенности жизнью значения общего рассогласования могут также принимать любые значения.

Но, может быть, не так важен суммарный балл рассогласования ценности и доступности по всем жизненным сферам, как показатель рассогласования по жизненным сферам, занимающим самые высокие позиции в иерархии ценностей, которые определяют основные направления активности личности? Для проверки этого утверждения был проведен статистический анализ взаимосвязи показателей теста СЖО с рассогласованием ценности и доступности жизненных сфер, занимающих самое высокое положение в иерархии ценностей. Для этого у каждого испытуемого определялись три наиболее высокоранговые ценности и подсчитывался показатель рассогласованности каждой из них. Было замечено, что для высокоранговых ценностей характерно превышение ценности над доступностью, поэтому их разница всегда являлась положительным числом и для характеристики высокоранговых ценностей достаточно было рассматривать только дефицитарную рассогласованность. Поэтому в анализ были введены следующие три дополнительных показателя. Первый показатель отражал дефицитарную рассогласованность ценности, занимающей первое место в иерархии ценностей, второй вычислялся как сумма показателей рассогласованности ценностей, занимающих первое и второе места в иерархии, а третий показатель суммировал показатели рассогласованности для первых трех ценностей в иерархии. Затем эти новые показатели также прошли статистическую проверку на взаимосвязь с показателями осмысленности жизни в соответствии с критерием Пирсона. Не было получено ни одного значимого коэффициента

корреляции! Даже рассогласованность ценностей, стоящих на вершине иерархии, также оказалась не связанной с параметрами общей удовлетворенности жизнью, определяемыми по тесту СЖО.

Дополнительным и убедительным подтверждением этого являются результаты исследования, проведенного К.И. Насибулловым (2002), где при сравнении выборки здоровых людей с выборкой тех, кто предпринимал суицидальные попытки и характеризовался внутренней ситуацией разрушения ценности собственной жизни, было выявлено значимое превышение параметров рассогласования у здоровой части выборки. Причем уменьшение расхождения между важностью ценности и ее доступностью в данном исследовании было связано с усилением тенденции к суицидальному риску. Это также позволяет констатировать, что недоступность значимых ценностей не обязательно создает внутренний конфликт, возможно, именно она насыщает жизнь смыслом, что, скорее, соответствует позиции Р.Х. Шакурова.

Таким образом, анализ данных по генеральной выборке действительно свидетельствует, что рассогласование ценностей как по дефицитарному, так и по профицитарному типу не связано со степенью осмысленности жизни.

Продолжая анализ данных, мы разбили выборку на группы по возрастному и гендерному признакам и для каждой из этих групп провели статистический анализ взаимосвязи параметров теста смысло-жизненных ориентаций с показателями рассогласования как по сумме ценностей всех жизненных сфер (табл. 5.1), так и для каждой из них в отдельности.

В результате в разных группах испытуемых действительно появились отдельные, весьма немногочисленные корреляции шкал теста СЖО как с показателями важности и доступности ценностей, так и с индексом их расхождения для *конкретных жизненных сфер*. Причем эти взаимосвязи весьма логично увязываются с возрастными типичными особенностями жизненных задач и трудностей или с изменениями конкретной социальной ситуации тех или иных экспериментальных групп.

Так, например, для юношей, проходящих период адаптации в суворовском училище, характерны взаимосвязи отдельных шкал теста СЖО с рассогласованностью ценности и доступности сфер «Счастливая семейная жизнь» и «Творчество». Это отражает характерную для них ситуацию отрыва от семьи и необходимости принятия стереотипных дисциплинарных требований военного учебного заведения, блокирующих доступность творчества. На последнем курсе обучения в том же училище появляются уже совсем другие взаимосвязи шкал теста СЖО с показателями важности и доступности ценности «Здо-

ровье», что также легко объяснить в свете предстоящего юношам самоопределения в рамках военной профессии, в которой хорошее состояние здоровье является весьма существенным требованием.

Таблица 5.1

Взаимосвязь общей рассогласованности ценностей со шкалами теста СЖО

Параметры Группы	Шкалы теста СЖО \bar{a} (σ)					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общий балл
Общая выборка (n=341)	-0,4	-0,06	0,02	-0,09	-0,09	-0,05
Юноши 15-17 лет (n=75)	-0,01	-0,03	-0,07	-0,09	-0,06	0,02
Студенты 19-20 лет (n=50)	-0,02	-0,16	0,05	-0,09	-0,09	-0,04
Выборка 22-28 лет (n=36)	-0,20	-0,16	-0,02	-0,12	-0,18	-0,10
Женщины 22-30 лет (n=55)	-0,07	-0,15	-0,16	-0,04	-0,11	-0,13
Женщины 31-40 лет (n=45)	-0,08	-0,08	-0,05	-0,10	-0,09	-0,06
Мужчины 22-30 лет (n=35)	0,32*	0,35*	0,08	0,13	0,15	0,21
Мужчины 31-40 лет (n=45)	0,06	-0,11	0,11	0,00	0,05	0,03

Условные обозначения: (*) – звездочкой отмечены коэффициенты корреляции, достигшие уровня статистической значимости $p < 0,05$.

Обнаружились отдельные взаимосвязи показателей шкал теста СЖО с рассогласованностью ценностей «Здоровье», «Материальная обеспеченность», «Уверенность в себе» и «Свобода» у молодых женщин 22–30 лет и ценностей «Интересная работа» и «Познание» – у более взрослых женщин 31–40 лет. Это также можно связать с возрастной спецификой в постановке жизненных задач и выборе направления активности у данных групп испытуемых. В выборке мужчин 31–40 лет всего две взаимосвязи с рассогласованностью ценностей «Любовь» и «Активная, деятельная жизнь» выявились у шкалы эмоциональной насыщенности и удовлетворенности настоящим. И только в одной группе молодых (от 22 до 30 лет) мужчин некоторые шкалы теста СЖО показали статистически значимые ($p < 0,05$) взаимосвя-

зи с суммарным показателем рассогласованности ценностей. При этом данная группа статистически значимо отличалась от остальных групп более низкими показателями по шкалам теста СЖО. По всей видимости, именно в отношении данной группы испытуемых можно говорить о том, что разрыв между ценностью различных жизненных сфер и их доступностью является внутренне конфликтным и связан с неудовлетворенностью жизнью. Этот результат является исключением из общей картины полученных результатов и, скорее всего, своеобразной особенностью данной группы, требующей своего исследования и объяснения через анализ дополнительных ее характеристик.

Итак, отсутствие корреляций между исследуемыми параметрами в целом показало, что сама по себе количественная оценка рассогласования не имеет психологически однозначного содержательного толкования, а состояние превышения меры ценности над ее доступностью не обязательно ведет к однозначным последствиям: не повышает, но и не понижает степень удовлетворенности жизнью и насыщенность ее смыслами. Смысл этого рассогласования может быть разным. В одних случаях его наличие может создавать некоторый вектор активности личности в направлении важной ценности, создавая мотивацию к активным действиям по ее реализации. Это значит, что воспринимаемая недоступность ценности придает ей дополнительный смысловой потенциал, увеличивая ее желательность и значимость, что соответствует представлениям Р.Х. Шакурова (2003 а, б). Рассогласование может приводить и к фиксации на его негативном значении, и тогда оно приобретает другой смысл, может переживаться как внутренний конфликт, вызывая состояние фрустрации и не побуждая к действию, что соответствует позиции Е.Б. Фанталовой (1992; 2001). Возможны, вероятно, и случаи, когда рассогласование является нейтральным, личностно незначимым, не приводящим к появлению в контексте той или иной ценности дополнительных смыслов. Наличие таких разных процессов переработки рассогласования нивелирует взаимосвязи общего показателя рассогласования по сумме всех ценностей и показателей удовлетворенности жизнью, определяемых тестом СЖО.

Более информативными с точки зрения оценки степени удовлетворенности жизнью оказались параметры рассогласования ценности конкретных жизненных сфер, которые связаны с решением определенных возрастных или ситуативно-обусловленных жизненных задач. При этом ценности тех жизненных сфер, согласованность которых связывается с ощущением удовлетворенности жизнью, не обязательно занимают первые ранги в иерархии ценностей. Параметр доступности ценностей оказался гораздо более тесно связан с удовлетво-

ностью жизнью, чем параметр их важности. Эти данные позволяют выдвинуть предположение о том, что показатели доступности и рас-согласования ценности являются чувствительными индикаторами, которые способны отражать как возрастную динамику ценностно-смысловой сферы личности, так и те ее особенности, которые связа-ны с изменением социальной ситуации развития в рамках одного воз-растного периода.

Таким образом, результаты данного исследования не подтверди-ли ни одну из рассмотренных выше взаимоисключающих позиций, что дает основание для утверждения, что в отношении обобщенных и устойчивых личностных ценностей происходят *разнонаправленные* процессы внутренней переработки разрывов между должным (желае-мым) и возможным. Рассогласование ценности может иметь разный смысл и порождать различные типы смыслообразования. Не сам факт расхождения или совпадения показателей ценности и доступности создает внутренний конфликт, вакуум или придает ценность объек-там, а отношение субъекта к этому рассогласованию, характер его внутренней переработки в процессах осмысления, выработки отно-шения, а значит, в процессах смыслообразования.

5.1.2. Исследование проявления рассогласования ценностей в психических состояниях*

Более полное понимание смыслообразования в контексте лич-ностных ценностей, связанное с рассогласованием меры их ценности с оценкой доступности, может дать их соотнесение с психическими состояниями, выполняющими интегрирующую функцию в системе психики человека [Прохоров, 1994].

Результаты предыдущего исследования привели нас к выводу, что наличие рассогласования может как задавать потенциал активност-и и побуждения к действиям, так и являться фактором фрустрации, поэтому правомерно их сопоставление с характеристиками психиче-ского состояния.

В психологии утвердилось и является общепринятым положение о связи смысла с эмоциональными явлениями и состояниями. А.Н. Леонтьевым (1971) было предложено представление о соотно-шении эмоции и личностного смысла, в соответствии с которым лич-ностный смысл презентуется в сознании в форме эмоции, а эмоции являются сигналами личностного смысла объектов и явлений внеш-него мира в сознании.

Б.С. Братусь (1988) пишет о том, что смысловые образования представляют собой сплав сознательных и эмоциональных процессов,

* Исследование выполнено совместно с С.А. Соловьевой.

и также выделяет в структуре смыслового образования, наряду с вербализированным, эмоционально-непосредственный смысл. Именно такой сплавленностью этих процессов он объясняет сложность адекватного осознания смыслового образования.

Выразительную характеристику единства эмоций и смысла дает Ф.Е. Василюк (1993), предлагая характеризовать эмоции как чувственную ткань смысла.

Тесная связь этих явлений выразилась и в существующем в науке стремлении к их отождествлению. Эмоциональная и смысловая реальности, с точки зрения В.К. Вилюнаса, описывают в психологии одни и те же явления и поэтому взаимозаменяемы: «... между смысловыми и эмоциональными явлениями не может быть прослежена отчетливая различительная грань, <...> эмоциональные отношения составляют основу смысловых образований, а понятие смысла служит лишь для специфической концептуальной интерпретации этих отношений, интерпретации, подчеркивающей прежде всего то особое развитие, которое явления эмоциональной природы получают в системе сознания» [Вилюнас, 1990, с. 199]. Различия между ними заключаются лишь в меньшей обобщенности и большей описательности понятия «эмоция».

Эту позицию разделяет Р.Х. Шакуров (2003 а, б), распространяя на понимание соотношения ценностей и эмоций. Он также считает природу ценности во многом эмоциональной и придает большое значение эмоциям как источнику ценности. С его точки зрения, важной характеристикой ценности является способность вызывать положительно-эмоциональное отношение. Ценности – источники удовлетворения, наслаждения, радостей, пользы. И, более того, сами ценности вырастают из эмоциональных реакций и становятся ценностями как таковыми только в результате того удовольствия, которое они могут доставить. Понимание Р.Х. Шакуровым категории смысла также подчеркивает тесную связь смысла с эмоциями, причем обязательно положительными: «Смыслы возникают на основе ценностей, обладающих жизнеутверждающим, эмоциогенным потенциалом» [Шакуров, 2003 а, с. 21].

Д.А. Леонтьев, указывая на очевидную связь эмоциональных и смысловых явлений, напротив, доказывает тезис о принципиальном несовпадении эмоциональной и смысловой реальности. Он рассматривает их соотношение по аналогии с представлением о соотношении мотива и эмоций, обоснованным А.Н. Леонтьевым (1971). С его точки зрения, «эмоции выполняют вспомогательную функцию презентации личностного смысла на осознаваемом уровне, не столько содержательно отображая его (это невозможно, поскольку смысл гораздо

сложнее и глубже эмоции), сколько привлекая к нему внимание и ставя задачу на его содержательное раскрытие» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 165].

Однако если говорить о таких наиболее обобщенных, стабильных и соотносимых с масштабными жизненными отношениями смысловых образованиях, как система личностных ценностей или смысл жизни, то отдельные эмоции не соразмерны и потому не релевантны им. Они должны презентироваться и проявляться в сознании в таких же интегративных, устойчивых, пролонгированных во времени характеристиках психики, организующих ее общий настрой. На их фоне, конечно, могут происходить и более скоротечные и ситуативно-обусловленные эмоциональные процессы, однако они, как рябь на воде, не меняют ее основного течения. Поэтому таким смысловым образованиям более соответствуют *психические состояния* как интегративные психические явления, которые и могут быть индикаторами состояния ценностно-смысловой сферы личности, связанного с динамическими характеристиками функционирования ценностей.

В разработанной А.О. Прохоровым (1994; 1998) функционально-структурной теории психических состояний выделены три уровня функциональных структур психических состояний, критерием различения которых являются временные рамки функционирования. Среди них описаны «перманентные состояния», существующие и функционирующие «в границах длительного (месяц–год и более) времени, связанного с жизнедеятельностью и образом жизни» [Прохоров, 1998, с. 55]. Эти состояния характеризуются как «полисостояния со сложным многокомпонентным содержанием» [там же, с. 57]. Именно они и могут быть связаны, с нашей точки зрения, с наиболее обобщенными смысловыми структурами личности. В исследованиях, осуществленных в рамках данного подхода, уже имеются свидетельства связи психических состояний с личностным смыслом, создана модель смысловой регуляции психических состояний и получены доказательства ее эффективности [Прохоров, 2004, 2008]. Поэтому обращение к категории психического состояния для изучения динамических сторон функционирования личностных ценностей представляется вполне обоснованным. Именно эти интегративные явления и могут быть индикаторами более обобщенных смысловых образований, соотносимых с масштабными жизненными отношениями, личностными ценностями и смыслом жизни.

Отсутствие взаимосвязи оценки осмысленности собственной жизни и суммарной рассогласованности ценностей, выявленное в предыдущем исследовании, означает, что они являются независимыми характеристиками ценностно-смысловой сферы личности. Это дает возможность рассматривать их в качестве ортогональных осей ко-

ординатной плоскости, в соответствии с квадрантами которой можно выделить четыре исходно полярных сочетания крайних вариантов данных характеристик, а именно: 1) сочетание высоких значений оценки осмысленности жизни и высокой рассогласованности; 2) высоких значений оценки осмысленности жизни и низкой рассогласованности; 3) низких значений оценки осмысленности жизни и высокой рассогласованности; 4) низких значений оценки осмысленности жизни и низкой рассогласованности. Мы предполагаем, что каждое из них отражает качественно своеобразное состояние ценностно-смысловой сферы личности, индикатором которого могут стать психические состояния. В качестве зондов, отражающих глубокие и не обязательно осознаваемые процессы ценностно-смысловой сферы, и при этом представленные в сознании, а потому эмпирически регистрируемые, психические состояния были использованы в исследовании, направленном на раскрытие особенностей смыслообразования, связанных с переработкой разрывов ценного и доступного.

Перед эмпирическим исследованием были поставлена задача проверить предположение о том, что описанные выше четыре сочетания степени осмысленности жизни и ценностной рассогласованности действительно представляют собой качественно разнородные синдромы, и выявить их специфику через особенности психического состояния. В качестве дополнительной решалась задача описания проявления в психических состояниях степени осмысленности жизни с тем, чтобы определить релевантность используемого нами метода фиксации психических состояний обобщенным смысловым образованиям.

Организация и методы исследования. Для сбора эмпирического материала использовались методика *попарного* сравнения ценностей жизненных сфер по критериям их важности и доступности в варианте Е.Б. Фанталовой [Фанталова, 2001], тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [Леонтьев Д.А., 1992 в] и методика самооценки психических состояний Г. Айзенка [Практикум по психологии состояний, 2004]. Описание первых двух методик и измеряемых ими параметров содержится в предыдущем параграфе. В тесте самооценки психических состояний выявлялись следующие стандартные параметры: 1) ригидность; 2) фрустрация; 3) агрессия; 4) тревога. Данная методика направлена на выявление психических состояний, существующих в границах длительного, по терминологии А.О. Прохорова (1998), времени. Это соответствует характеристике исследуемых показателей осмысленности жизни и общей рассогласованности ценностей, которые также носят обобщенный, надситуативный характер.

В исследовании приняли участие 187 человек (98 мужчин и 89 женщин) в возрасте от 22 до 40 лет.

Для обработки данных использовались методы описательной статистики, *t*-критерий Стьюдента для несвязанных выборок, корреляционный анализ по формуле Пирсона, дивергентный анализ для проверки значимости различий корреляционных матриц.

Результаты. На первом этапе анализа результатов было проведено сравнение психических состояний у групп испытуемых, различающихся по оценке осмысленности собственной жизни. Это позволило нам убедиться в правомерности применяемой методики измерения психических состояний в контексте поставленных задач, выявив различия психических состояний человека при разном уровне осмысленности жизни. С другой стороны, эти результаты послужили фоном для последующего сравнения экспериментальных групп, разделенных уже по двум признакам. На втором этапе анализировалось проявление в психических состояниях качественно своеобразного сочетания показателей осмысленности жизни и общей рассогласованности ценностей.

Результаты первого этапа анализа показали, что в группах, различающихся степенью осмысленности собственной жизни, исследуемые психические состояния отличаются как по степени выраженности отдельных составляющих (табл. 5.2), так и по структуре взаимосвязей между ними (рис. 5.1). Можно заметить, что между данными группами обнаруживаются весьма значительные различия, которые особенно выражены в группе с низкими показателями по тесту СЖО. Для последних характерна высокая оценка состояния тревожности на фоне пониженных оценок по шкалам состояния ригидности и агрессии, что резко отличает их от группы, характеризующейся высокими показателями СЖО. Такие же отличия выявляются и при их сравнении с группой, характеризующейся средними значениями по тесту СЖО, с той лишь разницей, что различия в оценке состояния агрессии между ними немного не доходят до уровня статистически достоверных. Эти результаты вполне согласуются с полученными ранее при валидации теста СЖО, которые обнаружили достоверные различия по всем его шкалам между здоровыми людьми и людьми, больными неврозом, наркоманией и алкоголизмом [Леонтьев Д.А., 1992 в]. Между группами с высокими и средними показателями теста СЖО каких-либо статистически достоверных различий в оценке психических состояний не обнаружено. Это означает, что в психических состояниях ярко проявляются лишь низкие значения СЖО, а уровни средних и высоких показателей СЖО не имеют специфических проявлений в исследованных психических состояниях.

Данный вывод подкрепляется также анализом корреляционных взаимосвязей всех исследуемых показателей в выделенных группах.

Полученные результаты показывают как количественные различия в выраженности исследуемого круга психических состояний, так и специфику синдрома психических состояний, т.е. полисостояний, характерных для разных уровней степени осмысленности жизни.

Таблица 5.2

Выраженность психических состояний в группах с разными уровнями осмысленности жизни

Группы	Шкалы теста самооценки психических состояний			
	ригидность	фрустрация	агрессия	тревожность
1. Высокий уровень	7,23	6,75	7,16	7,02
2. Средний уровень	6,85	6,62	6,54	6,79
3. Низкий уровень	3,95	7,32	5,95	10,21

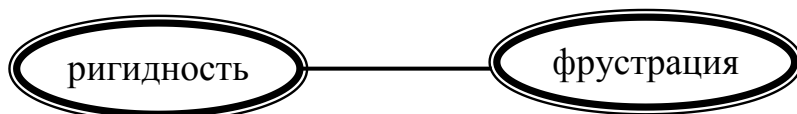
Условные обозначения: жирным шрифтом выделены наибольшие среди всех групп значения оценки каждого психического состояния.

Наибольший интерес представляет сравнение характера взаимосвязи психических состояний в группах с разным уровнем суммарного балла теста СЖО, которое представлено на рис. 5.1.

Группа 1. Высокий уровень осмысленности жизни.

Группа 2. Средний уровень осмысленности жизни.

Группа 3. Низкий уровень осмысленности жизни.

Условные обозначения корреляционных связей:

— положительная ($p < 0,001$) — положительная ($p < 0,01$) отрицательная ($p < 0,01$)
 — показатели, статистическая значимость различий связи с которыми выявлена только в дивергентном анализе.

Рис. 5.1. Взаимосвязи психических состояний в группах с разным уровнем осмысленности жизни

Как видно из данного рисунка, для первых двух групп характерна положительная связь состояний фрустрации и агрессии, тогда как в третьей группе, с низкими показателями СЖО, данная связь носит обратный характер. Кроме этого, в первой группе состояние фрустрации имеет прямую связь с состоянием агрессии, в итоге формируется связный синдром данных состояний, целостное полисостояние, в центре которого находится состояние фрустрации. Дивергентный анализ обнаруживает, что подобный синдром характерен и для третьей группы, но с противоположным знаком корреляционных связей.

В первой группе данная связка состояний ригидность–фрустрация–агрессия показывает нарастание ригидности и агрессии при нарастании фрустрации, что можно интерпретировать как состояние большей мобилизации и активизации в состоянии фрустрации: более высокий энергетический уровень проявляется в росте состояния агрессии, а большая фиксированность на цели – в росте оценки состояния ригидности. В третьей группе выявляется противоположное соотношение внутри синдрома ригидность–фрустрация–агрессия, когда высокие уровни фрустрации связаны с понижением агрессии и ригидности, т.е. меньшей энергетизацией состояния и отсутствием фиксированности на цели, что в целом ассоциируется с меньшей внутренней возможностью противостоять фрустратору.

Количественный анализ общей картины взаимосвязей показал, что в группе с высокими и средними показателями СЖО практически отсутствуют взаимосвязи исследуемых показателей между методиками (всего 2 и 1 связи, соответственно), тогда как в группе с низкими показателями СЖО существует гораздо больше различных взаимосвязей между методиками (всего 8). Именно в третьей группе выявляются прямые статистически достоверные взаимосвязи между показателями всех шкал теста СЖО и выраженностью состояния фрустрации. Появление этих взаимосвязей в данной группе свидетельствует о неустойчивости целостной функциональной структуры состояний у данной группы испытуемых, ее чувствительности даже к небольшим (внутри зоны низких значений шкал теста СЖО) понижениям показателей осмысленности жизни. Обнаруживаются также взаимосвязи показателей общей рассогласованности с состоянием агрессии. Это свидетельствует о том, что на фоне низкой степени осмысленности жизни общая рассогласованность ценностей проявляется в характеристиках психических состояний, а на фоне ее высоких и средних значений такие зависимости отсутствуют.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что степень осмысленности жизни проявляется в психических состояниях, а ис-

пользованный метод фиксации психических состояний релевантен устойчивым обобщенным смысловым образованиям личности.

На втором этапе анализа результатов для определения с помощью характеристики психических состояний качественной специфики, образуемой своеобразным сочетанием показателей осмысленности жизни и общей рассогласованности ценностей, все испытуемые были разделены на четыре группы. В первую группу вошли испытуемые с высоким показателем СЖО и высокой рассогласованностью. Во вторую – с высоким показателем СЖО и низкими показателями рассогласованности. В третью – испытуемые с низким показателем СЖО и высокой рассогласованностью. В четвертую – с низким показателем СЖО и низким показателем рассогласованности.

Сопоставление средних показателей самооценки психических состояний в этих группах (табл. 5.3) показывает, что между данными группами обнаруживаются весьма значительные различия.

Таблица 5.3

Выраженность психических состояний в группах с разным сочетанием характеристик ценностно-смысловой сферы

Группы			Показатели самооценки психических состояний			
№	СЖО	(В–Д)	ригидность	фрустрация	агрессия	тревожность
1	высокий	высокая	6,52	6,14	7,10	7,24
2	высокий	низкая	7,55	6,96	6,94	6,49
3	низкий	высокая	5,04	7,08	5,64	8,16
4	низкий	низкая	4,43	7,61	6,61	10,43

Условные обозначения: жирным шрифтом выделены наибольшие среди всех групп значения оценки каждого психического состояния.

Наименее благоприятным можно назвать психическое состояние испытуемых 4-й группы, которое характеризуется наиболее высокими значениями фрустрации и тревожности, причем показатели тревожности статистически значимо отличают данную группу от всех остальных групп ($p < 0,01$), а показатели состояния фрустрации значимо отличают ее от первой группы ($p < 0,01$). Такая картина свидетельствует о том, что низкая рассогласованность в данной группе вовсе не связана с переживанием гармонии и душевного равновесия. Это еще более подчеркивается сравнением этой группы с третьей, в которой при тех же средних значениях теста СЖО, но высокой общей рассогласованности ценностей показатели как фрустрации, так и тревоги ниже. Значит, при низких значениях СЖО более высокая рассогласованность связана с более позитивным психическим состоянием.

Отличительной характеристикой 1-й группы является наибольший показатель агрессии при самом низком среди всех групп показателе состояния фрустрации, невысоких оценках состояния тревожности и более значительной выраженности состояния ригидности. Если взять во внимание такие позитивные стороны состояния агрессии, как его высокий энергетический уровень, связанный с активизацией по отношению к препятствиям на пути к целям, то в целом можно говорить о том, что сочетание высоких значений СЖО и высокой общей рассогласованности ценностей является вполне благоприятным.

Сравнение 1-й и 2-й групп, различающихся между собой только значениями общей рассогласованности ценностей, показывает, что в психических состояниях этих групп отсутствуют достоверные различия. Это значит, что общая рассогласованность ценностей имеет меньшее значение для выраженности исследуемых психических состояний на фоне высоких значений осмысленности жизни, нежели при их низких значениях.

Дополнительным свидетельством позитивных последствий высоких показателей суммарной рассогласованности ценностей является наличие статистически значимых различий между первой и второй группами по шкале «цели жизни» теста СЖО. Оценка осмысленности жизни по данной шкале достоверно выше в первой группе. Это подтверждает предположение, что расхождения между параметрами важности и доступности ценностей могут быть следствием насыщенности ценностно-смысловой сферы человека целями, придающими смысл его будущему, и свидетельствует о правомерности именно такого варианта осмысления рассогласования ценностей. Однако аналогичного отличия не наблюдается между третьей и четвертой группами, также различающимися между собой только по степени общей рассогласованности ценностей. Это значит, что внутренний смысл рассогласования ценностей зависит от степени общей осмысленности жизни.

Для более точной характеристики каждого из исследуемых сочетаний характеристик ценностно-смысловой сферы были проанализированы взаимосвязи всех исследуемых параметров посредством корреляционного и дивергентного анализов.

Было выявлено, что в 1-й группе очень мало каких-либо взаимосвязей между всеми исследуемыми показателями. Отсутствуют связи как между показателями теста СЖО и оценками психических состояний, так и внутри теста оценки состояний. Не выявлено достоверных связей даже между шкалами теста СЖО, что очень нетипично для данной очень высоко согласованной методики. При этом проявилась только одна достоверная обратная связь между показателем общей рассогласованности ценностей и состоянием фрустрации: чем выше

показатель рассогласования, тем ниже оценка состояния по шкале фрустрации. Это опять-таки свидетельствует в пользу большей позитивности наличия рассогласованности ценностей, чем их согласованности по параметрам важности и доступности при высокой степени общей осмысленности жизни.

Во 2-й группе обнаружено несколько большее количество взаимосвязей между методиками. Обнаружена прямая связь между показателем «Результативность жизни» теста СЖО и оценкой состояния фрустрации. Также проявилась прямая связь между показателем общей рассогласованности ценностей и оценкой состояния тревоги, т.е. чем выше показатель рассогласования, тем выше оценка по шкале тревожности, при этом связь этого показателя с оценкой состояния фрустрации нулевая. Сравнение этих данных с полученными в первой группе также свидетельствует о наличии качественно своеобразных закономерностей сочетания показателя общей рассогласованности ценностей с психическими состояниями. В диапазоне высокой общей рассогласованности ценностей его повышение связано с уменьшением состояния фрустрации и никак не связано с состоянием тревожности, а в диапазоне низкой рассогласованности ее повышение увеличивает состояние тревожности и никак не изменяет состояние фрустрации. При этом подобная картина не наблюдается при сопоставлении третьей и четвертой групп, где при одинаковой степени осмысленности жизни имеется аналогичная разная степень общей рассогласованности ценностей. Кроме этого, во второй группе, по контрасту как с первой, так и со всеми остальными, обнаруживаются многочисленные связи внутри теста самооценки психических состояний (всего 4 из 6 возможных). Состояния ригидности, фрустрации и агрессии образуют кольцо прямых взаимосвязей между собой, состояние тревожности прямо связано с состоянием фрустрации, а его связь с состоянием ригидности немного не достигает уровня статистической достоверности. Однако в дивергентном анализе именно направление этой связи достоверно отличает первую группу от второй. В соответствии с концепцией А.О. Прохорова (1998), большое количество корреляций между отдельными показателями психического состояния является признаком его неравновесности в целом. Это значит, что отличающий вторую группу от первой более низкий показатель общей рассогласованности ценностей на фоне высоких значений показателей осмысленности жизни вместо гармонии и устойчивости порождает неравновесное, неустойчивое психическое состояние.

В 3-й группе обнаружены положительные связи практически между всеми показателями теста СЖО и отдельными шкалами теста самооценки психических состояний. Так, показатели «Цели в жизни»,

«Эмоциональная насыщенность настоящего», «Локус-Я» теста СЖО и его общий балл прямо связаны с состоянием ригидности. Показатели «Локус-жизнь», «Локус-Я» теста СЖО и его общий балл прямо связаны с состоянием фрустрации, а показатели «Цели в жизни», «Эмоциональная насыщенность настоящего», «Результативность жизни», «Локус-Я» и общий балл обратно связаны с состоянием тревожности. Также обнаружены связи внутри теста оценки состояний. Так, состояние ригидности прямо связано с показателем агрессии и обратно – с состоянием тревожности. Дивергентный анализ показал статистическую значимость отличий в характере этих взаимосвязей от первой группы, кроме того, он позволил выявить противоположно направленный характер взаимосвязей между агрессией и фрустрацией и агрессией и тревожностью, которые не достигли уровня статистической значимости в каждой из групп отдельно. Так, если в первой группе фрустрация связывается с агрессией, скорее, прямой связью, то в третьей – обратной; а с тревогой, наоборот, в первой группе существует обратная зависимость, а в третьей – прямая с состоянием фрустрации. Связи между показателями общей рассогласованности и оценкой психических состояний ригидности и агрессии не достигают уровня статистической достоверности, а с другими состояниями – отсутствуют. В целом, характеризуя качественное своеобразие ценностно-смысловой сферы в данной группе, необходимо отметить наибольшую взаимосвязанность между показателями оценки ценностно-смысловой сферы и психических состояний (всего 19 значимых корреляций по сравнению с 3-мя связями в первой и 8-ю связями во второй группе). Этот факт, по всей видимости, также говорит о том, что сочетание параметров ценностно-смысловой сферы, характеризующее третью группу, определяет неустойчивость психического состояния и большую его зависимость от колебаний любых отдельных составляющих как ценностно-смысловой сферы, так и самого психического состояния.

В 4-й группе обнаружено всего 7 взаимосвязей между показателями методик. Выявлены прямые связи между шкалами «Цели в жизни» теста СЖО и его общим баллом с оценкой состояния фрустрации. Взаимосвязи показателей «Цели в жизни», «Эмоциональная насыщенность настоящего», «Локус-Я», «Локус-жизнь» теста СЖО и его общего балла с показателем ригидности не достигли уровня статистической значимости, однако в дивергентном анализе проявилось статистически значимое различие этих взаимосвязей со второй группой, в которой эти связи отсутствуют. А обратные взаимосвязи шкал «Эмоциональная насыщенность настоящего» теста СЖО и его общего балла с оценкой состояния агрессии, не достигая уровня статисти-

ческой значимости, показывают статистически достоверные различия с третьей группой. Обнаружена обратная связь фрустрации и агрессии между собой, что подобно связям между ними в третьей группе и достоверно отличает их от первых двух. Обнаружена прямая связь между показателем общей рассогласованности ценностей и состоянием фрустрации: чем выше рассогласование, тем выше оценка состояния по шкале фрустрации. Это достоверно отличает четвертую группу как от первой, где данная взаимосвязь носит противоположный характер, так и от второй и третьей групп, в которых данная взаимосвязь не обнаружена. Также проявилась обратная связь между показателем рассогласованности и состоянием тревожности: чем выше рассогласование, тем ниже тревожность, – что достоверно отличает эту группу от второй группы, где наблюдается скорее положительный характер связи, и от первой, и от третьей групп, где эта взаимосвязь отсутствует. В целом, характеризуя структуру психического состояния данной группы, можно сказать, что оно более устойчиво, чем у третьей группы, но эта устойчивость достигнута в диапазоне низко-энергетических отрицательных состояний, характеризующихся высокими значениями фрустрации и тревожности. Это еще раз подтверждает вывод о более позитивной роли рассогласованности ценностей по сравнению с их согласованностью и для диапазона низких показателей оценки осмысленности жизни. Кроме того, характер взаимосвязей всех исследуемых показателей в данной группе обладает качественной спецификой, которая не встречается в других группах.

Сопоставляя все четыре группы, можно утверждать, что каждая из них имеет свою качественно своеобразную структуру психического состояния, которая отражает специфику ценностно-смысловой сферы личности, задаваемую как степенью общей осмысленности жизни, так и мерой общего рассогласования степени важности ценностей с субъективно оцениваемой доступностью. Как показывают полученные результаты, последствия для психического состояния человека таких рассогласований могут быть разными: от депрессивно окрашенного состояния фрустрированности до мобилизации. В первую очередь, смысловая переработка рассогласования важности и доступности ценностей зависит от степени общей осмысленности жизни, что является мощным фактором, в свете которого само рассогласование приобретает совершенно разный смысл. При высоких оценках осмысленности жизни и высоких же значениях рассогласования ценностей психическое состояние является устойчивым, а рассогласование важности и доступности ценностей имеет скорее побудительный, энергетизирующий смысл, связанный с фиксацией на целях в будущем. Та же степень рассогласования при низкой оценке

осмысленности жизни приводит к устойчивому негативному состоянию, характеризующемуся преобладанием тревожности в сопровождении фрустрации. Сочетание высокой осмысленности жизни с низкой рассогласованностью параметров важности и доступности ценностей создает более неустойчивое психическое состояние, в котором несколько преобладает ригидность. Наиболее неустойчивое состояние, в котором преобладает тревожность в сочетании с фрустрацией, возникает при низких значениях осмысленности жизни и высокой степени рассогласования параметров важности и доступности ценностей. Это подтверждает гипотезу о качественно-своеобразной специфике каждого из рассмотренных сочетаний характеристик ценностно-смысловой сферы личности. В итоге можно сделать вывод о том, что рассогласование ценностей является в целом несколько более оптимальным для психического состояния, чем согласование, что в целом согласуется с его интерпретацией Р.Х. Шакуровым.

Для характеристики ценностно-смысловой сферы, действительно, важны все исследованные независимые параметры (как показатель оценки осмысленности жизни, так и показатель рассогласования ценностей), каждый из которых вносит свой особенный вклад, образуя в конфигурации с другим параметром своеобразную качественно-специфическую характеристику ценностно-смысловой сферы, отличающуюся своей собственной структурой и проявляющуюся в особой структуре психических состояний.

Итак, исследование психологического смысла общей рассогласованности важности и доступности ценностей через соотнесение этого параметра со степенью общей осмысленности жизни и оценкой психического состояния показало, что количественная оценка общего рассогласования не имеет психологически однозначного содержательного толкования. Рассогласование может задавать вектор активности личности в направлении важной ценности, создавая мотивацию к действиям по реализации ценностного отношения, в этом случае дистанция до ценности придает ей дополнительный смысловой потенциал. Но рассогласование может вызывать и фиксацию на его негативном значении, и тогда оно приобретает другой смысл, может переживаться как внутренний конфликт, вызывая состояние фрустрации. Вероятно, рассогласование может являться нейтральным и не приводить к появлению в контексте той или иной ценности дополнительных смыслов. Это значит, что в отношении личностных ценностей происходят *разнонаправленные* процессы внутренней переработки разрывов между должным (желаемым) и возможным. Рассогласование ценности может иметь разный смысл и порождать различные типы смыслообразования.

Более информативными с точки зрения оценки степени удовлетворенности жизнью являются параметры *рассогласования ценности конкретных жизненных сфер*, которые связаны с решением определенных возрастных или ситуативно обусловленных жизненных задач. Ценности тех жизненных сфер, степень согласованности которых связывается с осмысленностью жизни, не обязательно занимают первые ранги в иерархии ценностей, а параметр доступности ценностей гораздо более тесно связан с оценкой ее осмысленности, чем параметр их важности.

Установлено, что *осмысленность жизни и общая рассогласованность* важности ценностей и субъективно оцениваемой доступности являются *независимыми и качественно разнородными характеристиками ценностно-смысловой сферы* личности, образующими в конфигурации друг с другом ее своеобразную качественно-своеобразную специфику, отличающуюся своей собственной структурой и проявляющуюся в особой структуре психических состояний.

Смысл, который приобретает суммарное рассогласование важности и доступности ценностей, *зависит от степени общей осмысленности жизни*, что проявляется в характеристике психического состояния. При высоких оценках осмысленности жизни психическое состояние является устойчивым, что придает рассогласованию скорее побудительный, энергетизирующий смысл. Та же степень рассогласования при низкой оценке осмысленности жизни проявляется в неустойчивом психическом состоянии, которое, однако, благоприятнее, чем характеризующееся максимальными показателями тревожности и фрустрации состояние, возникающее при сочетании низкой осмысленности жизни и небольшой рассогласованности ценностей. В целом по результатам данного исследования можно сделать вывод, что *рассогласование параметров важности и доступности ценностей* связано с *более оптимальными психическими состояниями, чем их согласование*.

5.2. Динамические критерии типов смыслообразования в контексте личностных ценностей

Теоретический анализ и результаты проведенных исследований показали, что параметры доступности ценности и рассогласования степени ее важности с доступностью являются не менее значимыми для описания ценностно-смысловой сферы личности, чем иерархия ценностей человека и место в ней той или иной ценности. Существуют также основания предположить, что для выявления происходящих *разнонаправленных* процессов внутренней переработки разрывов между должным (желаемым) и возможным более информативным

может стать исследование *взаимосвязи* данных параметров. Фиксация только дистанции между важностью ценности и ее доступностью не раскрывает характера взаимодействия между этими параметрами, тогда как многочисленные научные данные и наблюдения обыденной жизни свидетельствуют о том, что они часто находятся или, по крайней мере, могут находиться в отношениях взаимосвязи и взаимовлияния.

Факты, свидетельствующие о закономерностях взаимосвязи параметров, аналогичных важности и доступности ценностей, можно найти в целом ряде направлений психологии и отдельных психологических концепциях. Это и когнитивные теории мотивации и принятия решений [Васильев, Магомед-Эминов, 1991; Канеман, Тверски, 2003; Хекхаузен, 1986], и представление о защитных механизмах личности [Фрейд, 1989], и некоторые другие. Так, Н. Миллером показано [см. Хекхаузен, 1986], что тенденция стремления к цели тем сильнее, чем ближе расстояние до цели. При этом расстояние до цели не обязательно является пространственным, это может быть и временной промежуток, что отражено и в русской народной поговорке: «Ближе к дому и конь резвее бежит». Параметр доступности ценности в этой аналогии может быть поставлен в соответствие дистанции до мотивирующего объекта, тогда как параметр важности ценности – силе мотива. В соответствии с теорией когнитивного диссонанса [Фестингер, 1999], существует стремление к гармонии, согласованности когнитивных репрезентаций внешнего мира и себя; когда между содержанием элементов появляется противоречие – возникают мотивационные эффекты, порождаемые тенденцией к их согласованию. Так, Дж. Аткинсон [см. Гордеева, 2002] показал, что после неудачи у одних индивидов притягательность цели возрастает, а у других – снижается.

И хотя приведенные примеры касаются ситуативных изменений мотивации в отдельных экспериментальных ситуациях, не связываемых авторами с ценностными и смысловыми структурами личности, все же возможно провести некоторые параллели. Человек не только оценивает важность или доступность той или иной жизненной сферы, но и развивает внутреннюю активность по изменению их соотношения, стремясь или к сокращению разрыва между ценностью и доступностью в реальной жизни, или преодолевая его в плане внутренней смысловой переработки. Недоступность жизненной сферы, обладающей высокой ценностью, может повлечь за собой снижение ее ценности за счет внутренних процессов ценностно-смысловой перестройки. Возможны также обратные случаи, когда понижение доступности (в ситуации жизненных потерь, например) приводит к увеличению ценности. Народная мудрость также содержит аналогичные

обобщения, выраженные, например, в таком высказывании: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Релевантны выдвинутому предположению и данные исследований, касающихся субъективного отражения значимости и вероятности событий в индивидуальной картине мира, в которых было показано, что субъективная значимость и субъективная вероятность не являются независимыми друг от друга [Котик, 1981]. При оценке вероятности события человек ориентируется не только на объективную частоту его появления, но и на субъективную значимость: чем значимее событие, тем при меньшей вероятности его появления оно оценивается как «частое». При этом человек практически не ожидает малозначимые и маловероятные события и, напротив, ожидает высокозначимые или высоковероятные [Асеев, 1982]. В своем обобщении В.Г. Асеев исходил из анализа закономерностей, которые касаются конкретных событий, имеющих разную вероятность осуществления, и при этом убедительно доказал, что не только в оценке ожидаемой вероятности, но и в оценке значимости событий параметры значимости и вероятности также взаимодействуют между собой и часто оказываются взаимозависимыми.

Приведенные факты и примеры дают основания для выдвижения предположения о том, что параметры важности и доступности ценности могут влиять друг на друга и взаимодействовать, что требует эмпирической проверки.

5.2.1. Обоснование критериев и типы смыслообразования в контексте личностных ценностей

Внешним проявлением существования взаимозависимости параметров важности и доступности ценностей может выступать наличие или отсутствие корреляционной связи между ними, так как коэффициент корреляции отражает именно степень взаимосогласованности в изменении величин. Тогда индикатором согласования между собой параметров важности (В) и доступности (Д) ценности будет являться их прямая корреляция, которая означает, что параметры важности и доступности изменяются в одном направлении. Это происходит и в случае, если высокая важность ценности порождает активность в направлении ее реализации, в результате которой она становится более доступной, и в случае, когда при невозможности реализации ценности в жизни человек понижает степень ее важности для себя. Когда коэффициент корреляции параметров важности (В) и доступности (Д) ценности становится отрицательным, можно говорить о проявлении противоположной закономерности – тенденции рассогласования, выражаемой в поляризации данных. В этом случае человек оценивает в качестве наиболее важных именно те ценности, которые ему недо-

ступны, при этом все то, что реализуется, теряет для него свою ценность. В качестве более мягкого выражения второй тенденции можно рассматривать прямую взаимосвязь важности ценности (В) с разницей между параметрами ее важности и доступности (В-Д), которая означает, что с увеличением дистанции между данными параметрами выше оценивается важность ценности, и наоборот.

Итак, мы предполагаем, что параметр важности ценности может быть взаимосвязан как с параметром доступности ценности, так и с показателем меры их расхождения.

Для проверки данного предположения мы использовали эмпирический материал, собранный в предыдущих исследованиях. В ходе его дополнительного статистического анализа для каждой из экспериментальных выборок по формуле Пирсона вычислялись коэффициенты корреляции между параметром важности ценности (В) и оценкой ее доступности (Д), а также между параметром важности ценности (В) и мерой расхождения ее с доступностью, т.е. с (В-Д).

Результаты для разных групп испытуемых приведены в таблицах 5.6 и 5.7. Можно заметить, что у ценностей некоторых жизненных сфер параметр их важности связан с доступностью на статистически достоверном уровне, у других – абсолютно не связан, коэффициенты корреляции близки нулевым значениям. Есть также такие ценности, важность которых прямо связана с показателем расхождения важности и доступности (В-Д), но не связана с доступностью. Оказалось, что возможно также сочетание связей первого и второго типа у одной и той же ценности. Причем у разных групп испытуемых сочетание и количественная степень выраженности этих связей у одной и той же ценности также могут существенно различаться. Все это подтверждает наше предположение: параметры важности и доступности ценностей и степень их расхождения могут быть взаимосвязаны.

В целом полученные результаты свидетельствуют, что параметр важности ценностей может быть взаимосвязан как с оценкой ее доступности, так и с мерой расхождения важности и доступности, характер этих взаимосвязей имеет довольно широкий разброс вариантов: от статистически значимых отрицательных взаимосвязей до статистически значимых положительных. При этом обнаружено несколько типов разнородных, отличающихся друг от друга специфическим сочетанием выраженности обеих взаимосвязей, корреляционных структур (см. табл. 5.4).

Выявленные взаимосвязи отражают взаимодействие оценок важности и доступности ценностей, и они имеют отношение не столько к их содержательным аспектам, сколько к осмыслению субъектом своей жизненной ситуации, осуществляемому сквозь призму представ-

лений о той или иной степени реализации в ней его ценностей. Такое осмысление возникает на стыке устойчивых ценностных структур личности, задающих ее направленность, и целого ряда представлений и убеждений человека о возможностях реализации ценностей в жизни. Последние интегрируют в себе и общие представления о доступности реализации тех или иных ценностей в принципе, в соответствии с которыми какие-то из ценностей могут восприниматься как легко реализуемые и доступные, другие – как малодоступные, на пути к которым обычно существуют внешние и внутренние препятствия. Они зависят и от представлений человека о своих возможностях, определяемых как его собственными свойствами (способностями, характером, исходными природными и социальными данными), так и условиями и обстоятельствами его конкретной жизненной ситуации, определенного периода жизни.

Таблица 5.4

Типы смыслообразования в зависимости от конфигурации корреляционных структур

Достоверная взаимосвязь параметров В и Д	Достоверная взаимосвязь параметров В и (В–Д)	Тип смыслообразования
прямая	отсутствует	свободно-реализуемый
прямая	прямая	барьерно-реализуемый
отсутствует	прямая	барьерный
обратная	прямая	барьерно-проблемный
отсутствует	отсутствует	нейтральный
прямая	обратная	<i>профицитно-реализуемый</i>
отсутствует	обратная	<i>профицитный</i>
обратная	обратная	теоретически невозможен
обратная	отсутствует	теоретически невозможен

Условные обозначения: В – важность ценности; Д – доступность ценности. Курсивом выделены типы, возможные теоретически, но не обнаруженные в эмпирическом материале.

В зависимости от этих представлений в контексте той или иной личностной ценности порождается некоторый новый смысл, связанный с представлением о ее реализуемости. В связи с этим ценность приобретает дополнительную смысловую окраску, которая не вытекает из ее содержания, а кумулирует в себе все связанные с ней представления и убеждения о возможностях ее реализации в определен-

ный период жизни и внутренней работы по выработке отношения к той или иной степени расхождения реальной доступности ценности со степенью ее важности. Это значит, что полученные в анализе разнородные сочетания корреляционных взаимосвязей исследуемых параметров являются внешним проявлением качественно различных смысловых процессов, которые порождаются вокруг той или иной ценности и в которых происходят разнонаправленная переработка и формирование отношения личности к рассогласованиям, возникающим при оценке соотношения важности и доступности ценности. Выявленные структуры корреляционных взаимосвязей можно интерпретировать как проявление различных *типов смыслообразования в контексте личностных ценностей* и использовать их в качестве критерия выделения данных типов.

Понимание термина «смыслообразование» несколько отличается у разных авторов, поэтому необходимо пояснить его использование в данном контексте. Б.С. Братусь, говоря о рождении смысловых образований, т. е. о смыслообразовании, пишет, что «психологические смысловые системы рождаются в сложных, многогранных соотношениях меньшего к большему, отдельных ситуаций, актов поведения к более широким (собственно смыслообразующим) контекстам жизни» [Братусь, 1988, с. 86]. На наш взгляд, одним из таких контекстов, в плоскости которого происходит смыслообразование, может выступать и воспринимаемая человеком степень реализации его ценностей в жизни, а также представление о препятствиях на этом пути в конкретной жизненной ситуации или более масштабном временном отрезке. Это созвучно и данной Ф.Е. Василюком характеристике смысла как пограничного образования, в котором «сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» [Василюк, 1984, с. 129].

В более дифференцированной системе терминов, описывающих процессы смысловой динамики, предложенной Д.А. Леонтьевым (1999), различаются процессы смыслообразования, смыслоосознания и смыслопорождения. Понятие «смыслообразование» описывает динамику саморазвития смысла в форме переходов от одного носителя к другому. В его основе лежит понятие смысловой связи, которая отражает «объективное отношение между двумя объектами или явлениями, в силу которого если один (одно) из них (или какая-либо грань его) имеет отношение к реализации какой-либо потребности субъекта, то и второй объект или явление также становится безразличным к реализации этой потребности, включается в цепь ее реализации» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 122]. Существенным моментом в понимании смыслообразования является заданность смыслообразующих источни-

ков; в процессах смыслообразования не возникают новые смыслы, а уже существующий смысл переходит в новую форму существования или на новый носитель. В процессах же смыслопорождения, в отличие от процессов смыслообразования, новый смысл возникает в непосредственном взаимодействии с миром.

И хотя при анализе рассмотренных выше взаимосвязей мы говорим о том, что их разные сочетания свидетельствуют о появлении нового смысла в контексте данной ценности, все же есть основания для отнесения этих процессов к смыслообразованию, а не смыслопорождению. Конечно, субъективное представление о важной ценности как недоступной для реализации в жизни, несомненно, запускает процессы смысловой динамики, так как у ценности появляется новый, связанный с этим представлением о препятствиях смысл, и сам факт его появления, безусловно, можно считать явлением смыслопорождения. Смысл самой ценности при этом за счет вновь появившегося смысла приобретает лишь некий новый оттенок, который соединяется в единый сплав с другими смысловыми процессами, возникающими при многогранных и сложных ее соотношениях с различными жизненными контекстами, но не становится качественно иным по содержанию. Можно говорить о том, что новый смысловой оттенок трансформирует смысл ценности и задает некоторое смещение тех процессов смыслообразования, источником которых она является. Тем не менее эти процессы происходят в рамках постоянного источника смыслообразования, их ядром выступает личностная ценность. Эти соображения и позволяют отнести выявленные феномены к разряду проявления именно смыслообразования.

Необходимо также отдельно оговорить использование термина "тип" для обозначения полученных вариантов сочетания корреляционных взаимосвязей. Отличительной чертой типологических систем, по мысли Б.М. Теплова (1985), является то, что в них категории являются взаимоисключающими: чем больше объект похож на один тип, тем меньше будет его сходство с другими типами, и типология является, по сути, способом качественного упорядочивания объектов. Долгое время считалось, что типологический подход несовместим с количественными градациями, получаемыми при измерении любых свойств человека. Но в настоящее время отмечается не только сближение типологического и измерительного подходов в психологии, но и говорится о *необходимости* их сочетания в исследовании индивидуальности [Голубева, 1995]. Поэтому, несмотря на то, что признаки, разграничивающие полученные варианты корреляционных структур между собой, имеют в своей основе количественные показатели, а значит, и весьма относительные границы, мы считаем правомерным

говорить именно о *типах смыслообразования*, поскольку выполняется указанный Б.М. Тепловым критерий взаимоисключения категорий.

Итак, в соответствии с качественно разнородными вариантами корреляционных структур эмпирически были выявлены следующие **типы смыслообразования**.

Тип смыслообразования, который характеризуется прямой статистически значимой взаимосвязью показателей ценности и доступности и взаимообусловленным их изменением, был назван **свободно-реализуемым**. Для личностных ценностей, в контексте которых возникает данный тип смыслообразования, характерно следующее: чем выше важность ценности жизненной сферы, тем в большей степени человек в ней *реализуется* и поэтому выше оценивает и ее доступность. Если же ценность каких-либо жизненных сфер невелика, то человек не разворачивает активности в данном направлении, и ценность воспринимается им как малодоступная. Справедливо и обратное: в силу невозможности реализации ценности в жизни человек понижает степень ее важности для себя. В целом, мера доступности ценности определяется мерой ее важности, и наоборот, мера ее важности – доступностью. Существенным признаком данного типа является также отсутствие прямой статистически значимой взаимосвязи параметров (В) и (В–Д), что свидетельствует о полном отсутствии зависимости важности ценности от расхождения в оценках ее важности и доступности.

Следующий тип смыслообразования характеризуется противоположным типом взаимозависимостей, где важность ценности не связана с ее доступностью, но при этом имеется прямая взаимосвязь ценности со степенью расхождения меры ее важности и доступности. Здесь проявляется следующая закономерность: чем важнее ценность, тем больше превышение ее важности над доступностью. Если же важность ценности невысока, то и степень расхождения данных параметров также понижается. Возможно и обратное: именно большая разница между оценками важности ценности и доступности повышает оценку ее важности, а отсутствие разницы между ними или когда эта разница принимает отрицательные значения, свидетельствующие о превышении доступности ценности над ее важностью, – понижает. Такой тип смыслообразования, по всей видимости, как раз соответствует представлению о барьерной природе ценности, предложенному Р.Х. Шакуровым (2003 б): именно восприятие ценности как недоступной в реальной жизни повышает ее важность для человека, придавая ей дополнительный, связанный с представляемыми на пути к ее реализации *барьерами*, смысл. Поэтому такой тип смыслообразования был обозначен как **барьерный**. Он соответствует отраженному в

известной пословице механизму повышения ценности предмета при его потере: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

Тип смыслообразования, которому присущи обе взаимосвязи, характерные для предыдущих двух типов, был обозначен как **барьерно-реализуемый**. В данном случае увеличение меры важности ценности связано с однонаправленным изменением как доступности, так и разницы между ее важностью и доступностью. Значит, по мере реализации ценности в жизни повышается оценка ее доступности, так как мера ценности возрастает однонаправленно с мерой доступности. Но, с другой стороны, важность ценности растет быстрее, чем степень ее доступности, поэтому увеличивается и рассогласование по типу превышения меры ценности над доступностью, что отражает ту составляющую ее смысла, которая задается представляемыми на пути к ее реализации барьерами.

Тип смыслообразования, характеризующийся наличием обратной взаимосвязи между мерами важности и доступности, был обозначен как **барьерно-проблемный**. Обратная взаимосвязь параметров важности и доступности ценности означает, что доступные ценности, реализация которых возможна, обесцениваются, их важность понижается, а понижение степени доступности, напротив, повышает оценку их важности. При этом повышение меры важности ценности, по всей видимости, блокирует возможности ее реализации человеком. Поэтому смысл, возникающий в нарастающем расхождении параметров важности и доступности ценности, был обозначен как проблемный, что отразилось в названии типа. Данный тип смыслообразования проявляет собой тенденцию рассогласования параметров важности и доступности ценности в ее ярко выраженном варианте. Как и у предыдущих двух типов, в данном случае присутствует прямая статистически значимая корреляционная взаимосвязь между мерой важности ценности и расхождением важности с доступностью, которая, являясь более мягким проявлением тенденции рассогласования, в данном случае достигает высоких уровней статистической значимости. Сочетание обратной связи параметров важности и доступности ценности и прямой связи важности с расхождением (важность–доступность) означает более сильную по сравнению с барьерным типом смыслообразования выраженность барьерной составляющей смысла ценности.

Тип смыслообразования, при котором все три параметра – важность ценности, оценка ее доступности и расхождение между ними – не связаны друг с другом статистически значимыми связями, был обозначен как **нейтральный**. Исследуемые параметры в данном случае варьируют свободно и независимо друг от друга, возможны их самые разнообразные сочетания, поэтому и коэффициенты корреля-

ции между ними близки к нулевым. Смыслообразование в контексте ценности с таким вариантом корреляционной структуры протекает в иной плоскости, не связанной с соотношением параметров важности и доступности ценности.

Существование описанных выше качественно различных типов смыслообразования в контексте личностных ценностей свидетельствует, что ценности различных сфер жизни по-разному входят в ценностно-смысловую сферу человека – в зависимости от тех смещений, которые зависят от соотношения параметров их важности и доступности и расхождения между ними. Тип смыслообразования отражает то, насколько в той или иной сфере жизни человек ощущает свою способность свободно и произвольно реализовывать свои ценности. Относительно одних личностных ценностей тип смыслообразования свидетельствует о преобладании тенденции ценить имеющееся, достигнутое, в отношении других работает противоположная «логика чувств» – ценить отсутствующее.

Данные типы смыслообразования были выявлены эмпирически на том материале, который получен в исследовании. Наличие качественно специфичных структур корреляционных связей между исследуемыми параметрами подтверждает наше предположение о существовании и неслучайном характере их взаимосвязи, тем более что некоторые из них прямо соответствуют описанию некоторых защитных механизмов личности. Например, одно из выражений действия защитного механизма рационализации, в котором уменьшается ценность недоступного объекта («Виноград-то зелен!»), частично соответствует механизму действия свободно-реализуемого типа смыслообразования, где параметры важности и доступности также взаимосогласуются друг с другом.

Однако описанные конкретные типы не исчерпывают всех возможных вариантов корреляционных структур, отражающих разный характер взаимосвязи исходных параметров. Полученные нами данные ограничены характеристиками того контингента испытуемых, которые приняли участие в исследовании. И хотя он достаточно разнообразен, вовлечение в исследование качественно иных выборок может выявить наличие и других корреляционных структур зависимостей исследуемых параметров, что потребует расширения списка типов смыслообразования. Взяв за основу исходные критерии их выделения, можно определить все варианты их возможных комбинаций. Так, определяющими показателями типов смыслообразования стали, во-первых, характер взаимосвязи важности (В) и доступности (Д) ценности, во-вторых, характер взаимосвязи важности с дистанцией между параметрами ценности и доступности (В–Д). Возможны

следующие качественные уровни вариаций каждой из этих взаимосвязей: положительная, отрицательная, взаимосвязь отсутствует. Чтобы выявить все возможные сочетания типов взаимосвязей воспользуемся приемом типологического умножения и получим 9 возможных сочетаний (табл. 5.4).

В данной модели, полученной комбинаторным способом, нашли свое место сочетания взаимосвязей, которые уже были эмпирически обнаружены и описаны выше. Появились и те, что не были выявлены эмпирически в данном исследовании, поэтому их существование можно лишь предполагать. Необходимость этих сочетаний может быть проверена только в исследовательской практике, предварительно мы лишь наметим возможность их существования и возможный психологический смысл.

Корреляционная структура, которая характеризуется одновременно как прямой взаимосвязью ценности и доступности, так и обратной связью меры важности ценности с расхождением (В–Д), может означать следующее: чем выше ценность жизненной сферы, тем в большей степени человек в ней *реализуется* и поэтому выше оценивает ее доступность, однако мера доступности растет быстрее меры важности, обгоняет ее, что и проявляется в отрицательных взаимосвязях параметров В и (В–Д). Значит, степень реализации данной ценности человеком не соответствует ее актуальной мере важности, она избыточна. Используя ранее предложенные нами термины для обозначения вида рассогласования, когда доступность ценности превышает ее важность, данный тип смыслообразования можно обозначить как **профицитно-реализуемый**.

Другой тип представляет корреляционная структура, в которой отсутствие связи параметров важности и доступности ценности, означающее, что они изменяются независимо друг от друга, сочетается с обратной связью меры важности ценности с расхождением (В–Д) – связью, которая означает более быстрый рост меры важности над доступностью. Как и в предыдущем случае, степень реализации данной ценности человеком не соответствует ее актуальной мере важности, она избыточна. В этом случае связь важности и доступности может все-таки существовать, но быть слабо выраженной и потому не достигать уровня статистической значимости. Этот тип смыслообразования можно обозначить как **профицитный**.

Данные варианты корреляционных структур в последующих исследованиях обнаружались, хотя и встречались очень редко.

Следующие две оставшиеся комбинации корреляционных взаимосвязей представляют собой сочетание обратной связи параметров важности и доступности ценности, означающей сильную выражен-

ность тенденции рассогласования, или с отсутствием связи между мерой важности ценности с расхождением (В–Д), улавливающей более слабые проявления той же тенденции рассогласования, или и с обратной связью между ними. Поскольку при сильной выраженности тенденции рассогласования параметров важности и доступности индикатор, который улавливает даже ее слабую степень, должен быть также сильно выражен, то данные сочетания возможны лишь умозрительно, в плане комбинаторного перебора всех вариантов, но не могут иметь содержательного смысла. Именно эти два сочетания полностью отсутствовали и в эмпирическом материале, полученном в дальнейших исследованиях.

Сущность описанных типов смыслообразования задается не столько содержанием самих ценностей, сколько изменяющимися в процессе жизни соотношениями оценок важности и доступности ценности. Они, интегрируя в себе представления человека о состоянии реализации ценностей в жизни, находятся на пересечении устойчивых ценностных структур личности, ее оценки собственных способностей и усилий с восприятием конкретных обстоятельств жизни, тех возможностей, которые в них существуют, того, что реально человек делает в этих обстоятельствах. Поэтому данные критерии выделения типов можно отнести к динамической составляющей смыслообразования, в отличие от содержательной, по аналогии с тем, как предложил различать содержательную и динамическую стороны значимости событий В.Г. Асеев (1982). Исходя из того, что «для человека значимы не только то или иное состояние действительности, выраженное в цели, но и возможности его реализации, выраженные в необходимых средствах, в уровне мобилизации, затрат» [Асеев, 1982, с. 236], ученый отнес оценку события или побуждения как желательного к содержательной стороне значимости, а оценку необходимых затрат и их отношение к возможности тех или иных событий или побуждений – к динамической стороне значимости.

Итак, выявленные разнородные структуры взаимосвязей важности ценности с ее доступностью и дистанцией между параметрами ценности и доступности являются проявлением различных типов смыслообразования в контексте личностных ценностей, критерии выделения которых являются *динамическими*.

5.2.2. Соотношение смыслового типа ценности с ее положением в ценностной иерархии

Представление о разных типах смыслообразования позволяет говорить о *смысловых типах личностных ценностей*, которые будут соответствовать одноименному типу смыслообразования, выявлен-

ному у данной ценности. Следовательно, по смысловому типу можно выделить нейтральные, свободно-реализуемые, барьерно-реализуемые, барьерные и барьерно-проблемные ценности. Использование данных обозначений позволяет избежать громоздких формулировок в дальнейшем изложении.

Поскольку при выделении типов смыслообразования в контексте личностных ценностей одним из ключевых параметров стала мера важности ценности, необходимо выяснить, не зависит ли определенный тип смыслообразования от ранга личностной ценности в общей иерархии. Если действительно существует зависимость смыслового типа ценности от ее положения в иерархии, тогда ценности высоких иерархических уровней должны быть барьерными и среди них не может быть свободно-реализуемых, а низкоранговые ценности по типу смыслообразования должны относиться только к свободным или свободно-реализуемым и среди них не может быть, например, барьерных. В этом случае выявленные типы смыслообразования могут рассматриваться как следствие позиционного эффекта расположения ценности в иерархии. Теоретически же это будет означать полное соответствие позиции Р.Х. Шакурова (2003 б) в понимании природы ценностей. Если же смысловой тип ценности имеет свою собственную природу, прямо не выводимую из положения ценности в иерархии ценностей, тогда картина распределения типов смыслообразования в структуре иерархии ценностей будет иной.

Для того чтобы исключить действие позиционного эффекта, было проведено сопоставление типа смыслообразования в контексте определенной ценности с ее положением в общей иерархии ценностей.

Таблица 5.5

Частота встречаемости смысловых типов ценностей в зависимости от положения в иерархии ценностей в разных по возрасту выборках

Тип смыслообразования	высокоранговые ценности			низкоранговые ценности		
	20–30	30–40	Всего	20–30	30–40	Всего
Барьерно-проблемный	0	0	0	0	0	0
Барьерный	5	4	9	0	2	2
Барьерно-реализуемый	1	1	2	4	2	6
Свободно-реализуемый	2	3	5	3	2	5
Нейтральный	0	0	0	1	2	3

Количественная картина распределения ценностей по данным типам смыслообразования показала (табл. 5.5), что, несмотря на пре-

обладание среди высокоранговых ценностей барьерных типов смыслообразования, для некоторых из них характерны и свободно-реализуемые его типы. А в группе ценностей низкого ранга присутствуют и барьерные типы смыслообразования, преобладают же ценности с барьерно-реализуемым типом смыслообразования. Количество ценностей свободно-реализуемого смыслового типа одинаково у высокоранговых и низкоранговых ценностей.

В целом на вершине иерархии, действительно, суммарно несколько больше ценностей, тип которых связан с большей выраженностью барьерной составляющей ее смысла. Однако вряд ли можно говорить об этом как о закономерности, так как среди ценностей самых высоких рангов встречаются и ценности свободно-реализуемого типа. Например, ценность «Счастливой семейной жизни» у мужчин 30-40 лет занимает первое место в иерархии и при этом относится в этой же выборке к свободно-реализуемому типу. К тому же свободно-реализуемому типу относится смыслообразование в контексте высокоранговых ценностей «Любовь» (третья в иерархии у женщин) и «Наличие друзей» (вторая в иерархии у мужчин 20–30 лет и третья – у мужчин 30–40 лет).

Таким образом, выявленные типы смыслообразования в контексте личностных ценностей не являются следствием их положения в иерархии ценностей, а имеют свою собственную природу, теоретическому осмыслению которой будет посвящен следующий параграф.

5.2.3. Барьерность и реализуемость как динамические тенденции смыслообразования в контексте личностных ценностей

При анализе механизмов ценностной регуляции жизнедеятельности **в первой части** был сделан вывод о том, что ценности представляют собой явления двойственной – аффективной и интеллектуальной – природы, которые релевантны целым комплексам самых разных потребностей. С одной стороны, они существуют в специфической форме обобщенных идей, кристаллизирующих культурно-исторический опыт человечества. С другой стороны, будучи присвоенной человеком в ходе его онтогенетического развития, идея структурирует и опосредует основные источники его побуждений. Это соединяет ее с явлениями аффективно-потребностной природы, обобщением и средством означивания которых она становится. Возможность возникновения полученных типов смыслообразования мы связываем с этой особой природой личностных ценностей как аффективно-интеллектуальных образований, в которых как одна, так и другая составляющие действуют в качестве своего рода гиперобобщения.

В силу высокого уровня обобщенности ценностей дать некую однозначную оценку их реализованности в жизни, пожалуй, принципиально невозможно. Это ведет к тому, что регулятивная роль ценностей в жизнедеятельности сопряжена с необходимостью обнаружения и опознания содержания ценности в реальной действительности при соотнесении содержания идеи с чувственно-конкретными характеристиками реальных ситуаций, событий, явлений и объектов, т.е. различных форм ее предметного воплощения.

Поэтому ценности не всегда могут быть однозначно и прямо соотнесены с конкретной жизненной ситуацией и «обнаружены» в ней, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Оно может отражаться или в форме ценностных переживаний, когда ценность и осознается, и переживается, или в менее осознаваемой или совсем неосознаваемой форме некоторого фонового ощущения, которое, наверное, можно выразить словами «Все в порядке, все в жизни идет так, как оно должно быть». Однако именно на этой особенности ценностей основывается возможность психотерапевтического воздействия на человека, расширяющего его опыт «прикосновения к ценности» [Лэнгле, 2004], который обычно достигается в переживании ценности, а также обуславливает тонко подмеченное В.И. Кабриным (2008) свойство вездесущности и реверсивности ценностей как бесконечного их отзеркаливания в разных явлениях и друг в друге.

Оценка человеком доступности ценности в реальной жизни определяется тем способом, которым он, структурируя восприятие собственной жизненной ситуации, находит в ней признаки соответствия идее, содержащейся в ценности. При этом сама по себе данная оценка не имеет каких-либо объективных критериев верификации ее истинности или правильности, а, скорее, отражает некоторую субъективную позицию в восприятии реальной жизненной ситуации человеком и тот общий смысл, который она для него имеет. Поэтому в восприятии соотношения важности и доступности личностных ценностей в полной мере проявляет себя тот «кентаврический» синтез объективного и субъективного, о котором писали В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили (1977). Существование различных типов смыслообразования выступает как еще одна конкретизация мысли С.Л. Рубинштейна (1997) о том, что границы между человеком и миром весьма условны, человек самоопределяет себя и свое отношение к миру, доопределяет мир собой, своей деятельностью, познанием, сознанием и совестью. Степень присутствия или реализуемости той или иной ценности в жизни также является продуктом личностного самоопределения человека, его позиции и способа строить свой жизненный мир.

Она определяется инициируемыми им самим деятельностью, направляемыми в соответствии с ценностными векторами, субъективным способом восприятия и структурирования образа мира, каждой конкретной жизненной ситуации, своей жизни, самого себя.

Обобщая полученные в эмпирическом исследовании взаимосвязи важности ценности с ее доступностью и расхождением между ними, можно утверждать, что они отражают работу одного из механизмов организации жизненного мира. Данный механизм задается двумя качественно разнородными *динамическими тенденциями*, представляющими собой оппонентные стратегии внутренней переработки рассогласований, возникающих при оценке человеком степени важности собственных ценностей, осуществляемой сквозь призму восприятия меры их реализации.

Первая из них – тенденция к **согласованию** мер важности ценности и ее доступности, когда человек реализует то, что может осуществить в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно. Это может происходить как за счет внешних активных действий по реализации ценностей, так и за счет внутренних, например, компенсаторных, действий по типу защитных механизмов, ведущих к понижению меры ценности при невозможности ее реализации. Метафорически это выражено в хорошо известной поговорке: «Лучше синица в руках, чем журавль в небе». Данная стратегия в каких-то чертах соответствует описанному в психоанализе принципу функционирования инстанции Эго: она направлена на реальность и действия в зоне возможного [Фрейд, 1989]. С одной стороны, подразумевается такое полное использование собственных ресурсов, которое связано с доведением их до соприкосновения с границами невозможного для себя, а с другой – ограниченность данными рамками, отсутствие стремления желать и ценить то, что выходит за их пределы в область малодоступного. Поскольку прямая корреляция параметров важности и доступности ценности отражает однонаправленный характер их изменений, она стала эмпирическим индикатором тенденции рассогласования. Обозначим ее как *индекс реализуемости* ценности.

Вторая – тенденция к **рассогласованию** или даже поляризации мер важности ценности и ее доступности, когда они изменяются разнонаправленно: недоступность ценности увеличивает, а высокая доступность понижает ее важность, соответственно, реализуемое и доступное обесценивается, а недоступное кажется еще более ценным и важным. Т.е. невозможность реализации ценности становится фактором, увеличивающим ее значимость. В данном случае «журавль в небе» будет намного ценнее «синицы в руках» именно потому, что

«не пойман», а все, что находится в зоне доступного, теряет ценность: трудно ценить песок в Сахаре и лед в Антарктиде. Это также нашло отражение в русских народных пословицах: «Хорошо там, где нас нет», «Что имеем – не храним, потерявши – плачем». Данная тенденция соответствует скорее способу функционирования инстанции Ид и динамике потребностей, где именно дефицит объектов, способных удовлетворить потребность, повышает их валентность, побудительную силу, а удовлетворенная потребность дезактуализируется и потому ценность объектов, способных удовлетворить ее, понижается. Генетические истоки такой стратегии можно найти и в древних инстинктах охоты (бежать за тем, что убегает), и в провокативных стратегиях побуждения ребенка к определенному желательному поведению (если сам не съешь, придет бука, другой мальчик и пр. и все заберет себе), когда побуждает именно уменьшение (реальное или воображаемое) доступности того или иного объекта. Здесь недоступность или градиент ее изменения является повышающим ценность фактором, что и соответствует пониманию природы ценности с позиций Р.Х. Шакурова (2003 а, б). Отрицательная взаимосвязь между параметрами важности и доступности, отражающая разнонаправленный характер их изменения, стала эмпирическим индикатором этой тенденции. Обозначим ее как *индекс проблемности* ценности.

Кроме прямой или обратной взаимосвязи параметров важности и доступности между собой, указанных выше, были выявлены положительные корреляционные взаимосвязи важности ценности и дистанции между ее важностью и доступностью, т.е. показателями (В) и (В-Д). Поскольку эти взаимосвязи показывают, что при увеличении разницы между важностью и доступностью ценности оценка ее важности увеличивается и, наоборот, при уменьшении разницы между ними она уменьшается, то они также проявляют тенденцию рассогласования в ее более мягком, количественно менее выраженном варианте. Связи такого рода обозначим как *индекс барьерности* ценности.

Индексы проблемности и барьерности, являясь проявлениями одной и той же тенденции рассогласования параметров важности ценности и ее доступности, различаются по количественной степени ее выраженности, их значения тесно взаимосвязаны между собой. Индексы же реализуемости и барьерности, проявляя качественно различные тенденции – согласования и рассогласования, могут принимать разные значения относительно независимо друг от друга. Поскольку эмпирически выявлены самые разнообразные сочетания степени их выраженности, то, значит, они не исключают друг друга и могут действовать параллельно и одновременно: появление при высоких значениях индекса реализуемости столь же высоких значений

индекса барьерности означает, что одновременно с тенденцией согласования действует и тенденция рассогласования.

Описанные тенденции противоположны друг другу и в совокупности задают континуум барьерности-реализуемости личностных ценностей. Основной количественный показатель данного континуума задается коэффициентом корреляционной связи оценок важности и доступности ценности, его теоретически возможные вариации находятся в пределах от -1 до $+1$. Он объединяет в одну количественную шкалу два индекса: реализуемости и проблемности, представляющих собой противоположно направленные векторы, разделенные нейтральной зоной, в которой значение коэффициента корреляции оценок важности и доступности ценности находится на нулевом уровне. Поскольку процедуры вычисления обоих индексов идентичны, для удобства дальнейшего изложения имеет смысл объединить их одним общим названием – *индекс реализуемости/проблемности*, или, в более коротком варианте, просто *индекс реализуемости*, имея в виду, что данное название именуется всю шкалу континуума барьерности-реализуемости личностных ценностей. Индекс барьерности выступает в качестве дополнительного параметра, улавливающего более слабые проявления тенденции рассогласования. Он позволяет зафиксировать большее количество различных вариаций соотношения тенденций согласования и рассогласования и особенно информативен тогда, когда величина основного индекса находится в зоне нейтральных значений.

Преобладание одной из этих тенденций, а также их качественно своеобразное сочетание отражает появление дополнительного инвариантного по отношению к содержанию ценности смысла, кумулирующего в себе эффект оценки рассогласования между мерой важности и доступности ценности и внутренней переработки этого рассогласования, в результате которой личностная ценность приобретает дополнительную смысловую окраску. Это позволило отнести их к смыслообразующим. О трансформации смысла ценностей в ситуации жизненных потерь пишут многие исследователи [Леонтьев Д.А., 1999; Лэнгле, 2004; Шакуров, 2003; Эммонс, 2004; Nuttin, 1984 и др.]. Аналогичные закономерности изменений смысла могут проявляться и при менее значительных реальных или воображаемых преградах и барьерах, возникающих относительно тех или иных ценностей.

Разные типы сочетаний выраженности выявленных тенденций могут быть выделены на основе количественного соотношения индекса реализуемости и индекса барьерности ценности, которые являются индикаторами меры присутствия данных тенденций в процессах смыслообразования в контексте личностных ценностей и задают его тип.

Предложенная типология смыслообразования в контексте личностных ценностей не зависит от их содержания, тем не менее необходимо выяснить, является ли отнесенность той или иной личностной ценности к определенному смысловому типу жесткой и постоянной для каждой ценности. Возможно, ценности тех или иных жизненных сфер имеют устойчивый характер взаимосвязей важности ценности с ее доступностью и с мерой расхождения важности и доступности (В–Д). В таком случае выявленный смысловой тип раскроет некоторую имманентно присущую личностной ценности закономерность функционирования в ценностно-смысловой сфере личности, которая является следствием ее содержательной специфики. Такая специфика может быть следствием проявления на ценностном уровне мотивационных «векторов» сохранения или избегания, описанных Г.А. Мюрреем при исследовании факторов актуализации мотивации на основе различных потребностей. Так, им был выделен особый класс потребностей, «общая особенность которых состоит в том, что активность человека обычно вызывается констатацией изменений, отклонений от сохраняемого состояния» [см. *Вилюнас*, 1990, с. 190]. Мотивационный вектор сохранения характеризует отношение человека к весьма широкому кругу явлений – «от общественного строя до освещенности рабочего места, от здоровья до нужного количества пуговиц на одежде» (*там же*). Выявление устойчивости присущего ценностям смыслового типа и поиск соответствия закономерностям функционирования потребностей, корреспондирующим им в нижележащих пространствах отношений человека с миром, может показать, что некоторые свойства функционирования, характеризующие базовые уровни бытия, сохраняются и в производных, превращенных ценностных формах в обозначенной В.А. Иванниковым (1997) вертикали потребностей. Кроме того, устойчивость может стать основанием для нового функционально-психологического критерия классификации ценностей.

Но возможно и противоположное: смысловой тип ценности изменяется в процессе жизнедеятельности человека, отражая целостные изменения его сознания и самосознания в процессе развития. Тогда обнаружатся особенности типов смыслообразования в контексте личностных ценностей в зависимости как от объективных характеристик человека: хронологического возраста, гендерных особенностей, – так и в зависимости от субъективных, связанных с системой его отношений в определенной социальной ситуации развития. В этом случае исследование частоты встречаемости разных типов смыслообразования в контексте каждой из личностных ценностей в разных группах людей позволит выявить ее типичный смысловой профиль. А исследование взаимосвязи особенностей типов смыслообразования с этими

характеристиками дополнит представления о закономерностях развития ценностно-смысловой сферы личности, позволит глубже проникнуть во внутренний мир человека на разных возрастных этапах его развития и в разных жизненных сферах.

Для ответа на поставленные вопросы проведены исследования типов смыслообразования в контексте личностных ценностей на разных этапах возрастного развития человека и при изменении социальной ситуации развития в рамках одного возрастного этапа, которые освещены в последующих разделах данной главы.

5.3. Гендерные и возрастные особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности

Реальные процессы присвоения ценностей человеком и трансформации их в личностные ценности, их особый состав и иерархия, а также способы реализации в жизни неизбежно обладают гендерной спецификой, так как пути социализации, сохраняя общечеловеческие универсалии, имеют также и специфические для мужчин и женщин особенности [Берн, 2002; Бендас, 2005]. Развитие личности происходит в обществе, в котором мужчины и женщины осваивают социальные роли, соответствующие их биологическому полу, к ним предъявляются существенно разные требования и ожидания общества. Поэтому векторы личностного развития на каждом возрастном этапе связаны и с различными для мужчин и женщин задачами, и с различиями в характере профессиональной деятельности и образа жизни в целом. Наиболее фундаментальная и не сводимая к частным свойствам и характеристикам сущность гендерного своеобразия хорошо схватывается введенным Е.Е. Сапоговой в контексте данной проблематики понятием концепта: «внутреннее переживание себя мужчиной или женщиной ... обнаруживается в системе особых гиперсмысловых паттернов (концептов), влияющих на структуру и категоризацию восприятия мира, себя и своих действий в мире ...» [Сапогова, 2004, с. 169]. Мы считаем, что оценка степени присутствия или реализуемости той или иной ценности в жизни является одним из проявлений структурирования и категоризации в восприятии мира в целом, каждой конкретной жизненной ситуации, самого себя, т.е. является в том числе и проявлением позиции человека как мужчины или женщины.

В психологии существует довольно много исследований, раскрывающих и подтверждающих наличие гендерной специфики системы ценностей мужчин и женщин, которая связана с содержательными характеристиками последней (состав системы ценностей, ее структура и иерархия), задающими общую направленность личности. Но гендерная специфика может проявляться не только в содержательных, но и

в динамических особенностях системы ценностей, проявляющихся в механизмах оценки и осмысления рассогласований между важностью ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее доступности.

Можно предположить, что существует гендерная специфика смыслообразования в контексте личностных ценностей, характеризующаяся своеобразным сочетанием тенденций согласования и рассогласования параметров важности и доступности ценностей, выявление которой раскроет еще один ракурс «вечной проблемы» специфики мужского и женского.

Необходимо обосновать использование нами термина «гендерная специфика», а не «половая». Кроме тех соображений, что ряд авторов в психологических исследованиях и учебных пособиях использует термин «гендер» как синоним для обозначения половой принадлежности человека [Бендас, 2005; Семенова, 2002 и др.], есть еще более существенные основания для использования именно его в контексте данной работы. Как известно, понятие «гендер» используется для определения отличительных особенностей мужчин и женщин с акцентом в первую очередь на социальных факторах, иногда его даже кратко определяют как социальный пол человека, тогда как понятие «пол» обозначает биологически заданные анатомические и физиологические различия между мужчинами и женщинами [Best, Williams, 1993]. В культурно-исторической парадигме психологии давно утвердилось представление о социокультурной природе психики человека, сущность которой задается прижизненно усваиваемыми идеальными формами, которые вычерпываются из культуры. Поэтому использование термина «гендер» при исследовании высших регуляторных структур личности, имеющих социально обусловленную природу, задаваемую включенностью мужчин и женщин в систему социальных отношений, представляется нам гораздо более оправданным, нежели использование термина «половые особенности», которое, на наш взгляд, даже неуместно в данном контексте. Кроме этого, исследования, проведенные с применением созданных для измерения степени мужественности и женственности инструментов, показали, что в подавляющем большинстве случаев (около 85 %) как у мужчин, так и у женщин гендерная и половая принадлежность совпадают. Это позволяет нам не обращаться в данном исследовании к определению параметров мужественности и женственности у привлекаемых к исследованию респондентов, считая, что принадлежность человека к полу с небольшой погрешностью свидетельствует о его гендере.

Кроме гендерных особенностей в многочисленных исследованиях ценностных ориентаций выявлено, что иерархия ценностей имеет свои характерные для людей разных возрастов особенности. Соотно-

шение параметров важности и доступности ценностей может зависеть от возрастных изменений человека в не меньшей степени. Поэтому важно выявить и возрастную специфику смыслообразования в контексте личностных ценностей. Решение поставленных вопросов осуществлялось в следующем эмпирическом исследовании.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 167 человек (мужчины и женщины) в возрасте от 22 до 40 лет; применялась предложенная Е.Б. Фанталовой модификация методики М. Рокича (процедура предполагает попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям важности и доступности ценности). Полученные данные сопоставлялись между группами женщин и мужчин в целом, а также анализировались в 4 возрастных группах, которые были условно обозначены как: 1) молодые женщины (возраст от 22 до 30 лет); 2) молодые мужчины (возраст от 22 до 30 лет); 3) женщины среднего возраста (возраст от 31 до 40 лет); 4) мужчины среднего возраста (возраст от 31 до 40 лет). В каждой группе высчитывался индекс реализуемости (положительная статистически значимая корреляция параметров важности ценности и ее доступности) и индекс барьерности (положительная статистически значимая корреляция параметров важности ценности и рассогласования ее важности и доступности) каждой ценности, в соответствии с соотношением которых определялся смысловой тип ценности.

Результаты. Сводные данные исследования представлены в таблицах 5.6 и 5.7. Сопоставление типов смыслообразования для конкретных ценностей в различных экспериментальных выборках выявило ценности, которые устойчиво относятся к одному типу смыслообразования, не имеют гендерной специфики и не изменяются с возрастом. Так, барьерной ценностью для всех групп является ценность «Здоровье», что можно напрямую соотнести с существующей и распространенной в нашей культуре практикой обострения внимания к здоровью именно в периоды нездоровья и сравнительно небольшой заботой о нем в периоды хорошего самочувствия, а также представлением о здоровье как о чем-то, не очень зависящем от самого человека. Барьерно-реализуемой для всех групп является ценность «Познание», что свидетельствует о проявлении в отношении этой ценности обеих тенденций – как согласования, так и рассогласования важности и доступности – приблизительно в равной мере.

Однако большинство ценностей обнаруживает гендерную специфику типа смыслообразования, а у некоторых ценностей можно проследить гендерно обусловленную же специфику возрастного изменения типа смыслообразования, которая содержательно вполне соотносится как с возрастными-типическими изменениями социальной ситуации развития, так и с возрастными изменениями сознания и самосознания. Рассмотрим подробнее эти различия.

Таблица 5.6

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей
в выборке мужчин

№	Ценности	22–30 лет (n=32)		31–40 лет (n=39)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,35	0,15	0,07	0,57
2	Здоровье	-0,28	0,72	0,25	0,58
3	Интересная работа	0,18	0,25	0,24	0,55
4	Красота природы и искусства	0,47	-0,08	0,26	0,22
5	Любовь	0,17	0,55	0,44	0,35
6	Материально обеспеч. жизнь	0,12	0,64	0,42	0,23
7	Наличие хороших друзей	0,55	0,01	0,67	0,14
8	Уверенность в себе	0,41	0,68	0,13	0,42
9	Познание	0,46	0,53	0,41	0,43
10	Свобода	0,83	0,33	0,27	0,56
11	Счастливая семейная жизнь	-0,10	0,68	0,38	0,06
12	Творчество	0,59	0,35	0,61	0,22

Условные обозначения: ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности. Жирным шрифтом выделены статистически значимые показатели корреляции.

Таблица 5.7

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей
в выборке женщин

№	Ценности	22–30 лет (n=54)		31–40 лет (n=42)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,37	0,46	0,21	0,40
2	Здоровье	0,10	0,54	0,04	0,60
3	Интересная работа	0,24	0,46	0,04	0,57
4	Красота природы и искусства	0,31	0,41	0,30	0,18
5	Любовь	0,36	0,20	0,48	0,03
6	Материально обеспеч. жизнь	0,42	0,44	-0,13	0,66
7	Наличие хороших друзей	0,45	0,48	0,50	0,45
8	Уверенность в себе	-0,08	0,69	-0,10	0,70
9	Познание	0,25	0,48	0,43	0,39
10	Свобода	0,22	0,54	0,24	0,46
11	Счастливая семейная жизнь	0,02	0,49	-0,01	0,53
12	Творчество	0,51	0,22	0,73	0,38

Условные обозначения: ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности. Жирным шрифтом выделены статистически значимые показатели корреляции.

Сравнение мужчин и женщин показывает кардинальное различие типов смыслообразования в отношении такой ценности, как «Любовь». Для женщин обеих возрастных групп любовь является свободно-реализуемой ценностью, тогда как для молодых мужчин она является барьерной, а для мужчин от 31 до 40 лет – барьерно-реализуемой.

Особенно интересно сопоставить это с тем, какие типы смыслообразования возникают в контексте ценности «Счастливая семейная жизнь». Занимая высокие (первый или второй) ранги в иерархии ценностей как мужчин, так и женщин, ценность счастливой семейной жизни не меняет своего смыслового типа в зависимости от возраста в женской выборке и характеризуется как барьерная. В мужской выборке она является барьерной у молодых мужчин и становится свободно-реализуемой для мужчин от 31 до 40 лет. Обе ценности в своей реализации подразумевают взаимодействие со значимым другим (другими) и не находятся в зоне полного контроля только одного человека, а зависят от партнера, однако противонаправленное изменение типа смыслообразования этих ценностей в группах мужчин и женщин вполне согласуется с некоторыми социо-культурными традициями и стереотипами. Так, различия в социализации мужчин и женщин связаны с более выраженным развитием навыков близкого, психологически интимного общения в период юности именно у девушек, что в сочетании с менее выраженной у них по сравнению с молодыми мужчинами силой полового влечения, по всей видимости, и дает им ощущение большей свободы в отношениях любви. Тогда как большая выраженность сексуального влечения, свойственная молодым мужчинам по сравнению с женщинами, создает у них ощущение зависимости от женщины, меньшей свободы, что в сочетании с меньшей оснащенностью средствами и меньшей практикой интимно-личностного общения и порождает, вероятно, восприятие сферы взаимоотношений с женщиной в любви и семье как барьерной. И только в следующем десятилетии жизни для мужчин эти сферы становятся более освоенными и в большей степени попадают в зону тенденции к согласованию. Что же касается ценности «Счастливая семейная жизнь», то можно отметить заданную культурой и традицией небольшую зависимость женщин от мужского выбора в создании семьи, поскольку социокультурный стереотип связан с тем, что все-таки от мужчины ожидается решительный шаг в направлении создания семьи, именно он традиционно делает предложение женщине, а не наоборот. Это, вероятно, и придает смысл барьерности данной ценности у молодых женщин. Сохранение же смысла барьерности данной ценности у более старших женщин в ситуации, когда семья уже со-

здана, по всей видимости, связано с большей значимостью и погруженностью женщины в эту сферу жизни и большими по сравнению с мужчинами ожиданиями в отношении семьи, которые оцениваются ими как не слишком реализуемые. У мужчин этой же возрастной группы ценность «Счастливая семейная жизнь» попадает в сферу преобладания тенденции согласования и становится свободно-реализуемой, так как основной сферой реализации мужчин традиционно является профессия.

Не меньшие гендерные отличия связаны с ценностью «Материально обеспеченная жизнь», которая также по-разному меняет тип смыслообразования у мужчин и женщин в зависимости от периода жизни. Для молодых мужчин она является барьерной, а для мужчин постарше – свободно-реализуемой, что отражает смену у мужчин тенденции рассогласования на тенденцию согласования в отношении данной ценности. Это вполне соотносится с возрастнo-типической характеристикой этих периодов жизни у мужчин: в молодости – начало карьеры и небольшие заработки в сопоставлении с высоким уровнем затрат в начале самостоятельной жизни и возлагаемой социокультурными стереотипами ответственностью в этой сфере; в более старшей группе у мужчин, по всей видимости, происходит подстройка притязаний под достигнутый уровень доходов, тем более что при упрочении карьеры в этом возрасте они стабилизируются на определенном уровне достатка. Для молодых женщин данная ценность является барьерно-реализуемой, а для женщин от 31 до 40 лет – барьерной, что отражает преобладание и нарастание с возрастом тенденции рассогласования, что прямо противоположно тенденции изменения у мужчин. Возможно, это отражает как социотипичное отставание женщин от мужчин в карьерном росте и, соответственно, росте доходов, так и, вероятно, нежелание «мириться» с тем, что достигнуто.

Такая ценность, как «Наличие хороших и верных друзей», характеризуется только гендерными различиями и не меняет тип смыслообразования в исследуемых возрастных периодах. Для мужчин она является свободно-реализуемой, т.е. отражает преобладание тенденции к согласованию, тогда как для женщин она является барьерно-реализуемой, что отражает кроме тенденции согласования еще и присутствие тенденции к рассогласованию. Здесь также можно проследить действие некоторых социокультурно обусловленных гендерных стереотипов. Так, в нашем обществе эталоном дружбы скорее является «настоящая мужская дружба», тогда как отношения женщин в этой сфере часто воспринимаются как более сложные, многослойные и иногда даже амбивалентные. Кроме того, образ жизни женщины, ее большая по сравнению с мужчинами занятость в семейных делах и

хозяйстве чаще ассоциируются с женскими субботниками и воскресниками в доме, когда в промежутках между буднями можно «подчистить хвосты» в домашних делах, чем с «уикэндом» на рыбалке или «традиционном воскресном футболе», что более характерно для мужчин. Эти различия в традиционных занятиях «на досуге» не способствуют освобождению как временных, так и душевных ресурсов для отношений дружбы у женщин и вполне совмещаются – конечно, в той мере, в которой это важно для них – с общением и развитием отношений в дружеской компании у мужчин.

Перекрестное изменение смыслового типа претерпевает ценность «Творчество»: в мужской выборке из барьерно-реализуемой в молодости она становится свободно-реализуемой в последующем, тогда как у женщин, наоборот, она из свободно-реализуемой с возрастом становится барьерно-реализуемой. И у мужчин, и у женщин тенденции рассогласования и согласования здесь проявляются в равной мере, но в разные периоды жизни.

У женщин не претерпевают возрастных изменений типа смыслообразования такие ценности, как «Здоровье» (барьерная), «Интересная работа» (барьерная), «Любовь» (свободно-реализуемая), «Наличие хороших и верных друзей» (барьерно-реализуемая), «Уверенность в себе» (барьерная), «Свобода» (барьерная), «Счастливая семейная жизнь» (барьерная), «Познание» (барьерно-реализуемая). У мужчин сохраняют тип смыслообразования независимо от возраста ценности «Здоровье» (барьерная), «Наличие хороших и верных друзей» (свободно-реализуемая), «Познание» (барьерно-реализуемая). Как можно заметить, в группе женщин гораздо больше ценностей не меняют типа смыслообразования (67 %), тогда как в группе мужчин лишь 25 % ценностей из использованного списка не изменяют типа смыслообразования. Так что и в данном контексте на материале таких обобщенных смысловых реалий, как личностные ценности, проявляется все та же хорошо знакомая закономерность большей вариативности и изменчивости мужского и большего постоянства и консервативности женского начал.

Количественное соотношение отдельных смысловых типов ценностей у мужчин и женщин в целом показывает (табл. 5.8), что и у мужчин, и у женщин наибольший процент ценностей относится к *барьерному* типу и наименьший процент ценностей относится к *свободному* типу. Тем не менее между ними обнаруживаются и существенные различия в процентном соотношении ценностей разного смыслового типа, связанные при этом и конкретными возрастными особенностями, что заметно при сравнении экспериментальных выборок.

Таблица 5.8

Распределение смысловых типов ценностей в выборках мужчин и женщин разных возрастов (в %)

Смысловой тип ценности	Мужчины (n=71)			Женщины (n=96)			Всего
	22–30	31–40	22–40	22–30	31–40	22–40	
Барьерный	33	42	38	42	58	50	44
Барьерно-реализуемый	25	17	21	42	25	33	27
Свободно-реализуемый	34	33	33	16	17	17	25
Свободный	8	8	8	0	0	0	4

Так, у мужчин количество ценностей, в отношении которых проявляется тенденция согласования, больше по сравнению с женщинами: у них выше процент *свободно-реализуемых* и *свободных* ценностей, т.е. ценностей, важность которых в меньшей степени зависит от оценки их доступности. У женщин количество ценностей, в отношении которых проявляется тенденция рассогласования, больше по сравнению с мужчинами: у них выше процент *барьерных* и *барьерно-реализуемых* ценностей, т.е. ценностей, в наименовании смыслового типа которых присутствует термин «барьер», что означает существование зависимости важности ценности от оценки ее доступности.

Таким образом, можно говорить о гендерной асимметрии особенностей смыслообразования у женщин в сторону барьерности, преобладания тенденции к рассогласованию, а у мужчин – в направлении согласования и большей свободы. Здесь уместно вспомнить «извечную мужскую идею, что женщина недостаточна, ей всегда принципиально чего-то не хватает» [Берн, 2002, с. 172], а также мысль А.М. Лобок о «первопричине» возникновения культуры. Он усматривает ее в исходной асимметричности женского и мужского начал именно в аспекте достаточности природных механизмов достижения удовлетворения у мужчин и их недостаточности у женщин, вследствие чего у женщин и возникает «инициатива культуры»: «... феномен культуры возникает по женской инициативе, но <...> осуществляется при этом руками мужчин» [Лобок, 1997, с. 257]. Относя это изначально к области исключительно сексуальной сферы, он распространяет эту идею применительно «к любой высокоразвитой форме культуры» [там же].

Возрастные изменения смыслового типа ценностей и у мужчин, и у женщин характеризуются ростом процента *барьерных* ценностей и уменьшением *барьерно-реализуемых*, что свидетельствует о выраженности к росту тенденции рассогласования в исследованных воз-

растных периодах. При этом общее количество *свободно-реализуемых* и *свободных* ценностей и у мужчин, и у женщин не меняется с возрастом, оставаясь постоянным.

Таким образом, в нашем исследовании тех аспектов смыслообразования в контексте личностных ценностей, которые зависят от восприятия соотношения важности – доступности ценностей, мы обнаружили как общие для мужчин и женщин закономерности, так и проявления определенной гендерной специфики. Она проявляется в преобладании тенденции к согласованию параметров важности и доступности ценности у мужчин и тенденции к рассогласованию, а иногда и поляризации этих параметров у женщин. Проявление гендерной специфики смыслообразования тесно связано с возрастными процессами изменения характера смыслообразования. Можно сказать, что гендерные и возрастные особенности взаимоопосредованно влияют на специфику смыслообразования в контексте личностных ценностей.

5.4. Особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности в зависимости от внутривозрастных изменений социальной ситуации развития

Понятие социальной ситуации развития, введенное Л.С. Выготским (1984), отражает систему уникальных и неповторимых отношений человека с миром, которая зависит от его позиции в этих отношениях и определяет то содержание, которое человек «вычерпывает» из социального окружения, формируя и структурируя свой жизненный мир. В определении социальной ситуации развития, данном Л.С. Выготским, подчеркивается в первую очередь момент ее уникальности и индивидуальной неповторимости для каждого субъекта. Однако в нем присутствует представление и о возрастнo-типических особенностях, присущих социальной ситуации развития на каждом возрастном этапе, которые зависят как от характерного для определенного возраста уровня развития личности и ее сознания, так и от задаваемой возрастом позиции ребенка в макро- и микросоциальных отношениях.

В исследованиях, выполненных в рамках возрастной психологии, рассматриваются в первую очередь качественные изменения социальной ситуации развития при переходе из одного возрастного периода в другой, в меньшей степени эмпирически исследованы и описаны неповторимые, уникальные индивидуальные особенности социальной ситуации развития, а также ее изменения в рамках одного возрастного периода. Некоторые теоретические представления о том, что социальная ситуация развития имеет не только межвозрастную, но и внутривозрастную качественную динамику, заложены в концепции

персонализации А.В. Петровского [см. *Психология развивающейся личности*, 1987] и в интегративной периодизации психического развития, предложенной В.И. Слободчиковым и Г.А. Цукерман (1996).

А.В. Петровский (1987) в социально-психологической концепции развития личности выделяет два типа качественно отличающихся по своим детерминантам и механизмам закономерностей возрастного развития личности. Одни действуют при изменении социальной среды и связаны с вхождением личности в новые группы, выступающие в качестве институтов ее социализации, или же порождаются вследствие задаваемого внешними обстоятельствами изменения социальной позиции личности внутри группы. Они не являются моментами самодвижения развивающейся личности, детерминированы объективно. Другие, действующие в рамках стабильной социальной среды, связаны с внутренними психологическими закономерностями, определяемыми внутренними противоречиями в системе тех внутригрупповых или межгрупповых отношений, субъектом которых является личность. В рамках относительно стабильной социальной общности личность проходит такие закономерные фазы своего развития как, *адаптация, индивидуализация и интеграция*, которые отражают разную степень ее представленности в межличностных отношениях. Если в первой фазе личность, усваивая действующие в общности нормы и овладевая соответствующими формами и средствами деятельности, субъективно переживает утрату некоторых своих индивидуальных отличий, то во второй фазе она ищет и создает средства и способы для обозначения своей индивидуальности, а в третьей закрепляет те новообразования, которые приняты группой, осуществляя личностный «вклад» в ее жизнь. Тем самым в данной периодизации раскрываются те существенные качественные изменения социальной ситуации развития, которые происходят в рамках одного возрастного периода.

В интегративной периодизации психического развития и описании ступеней развития субъектности В.И. Слободчиков и Г.А. Цукерман (1996) также выделяют качественно отличающиеся друг от друга периоды внутри одной ступени развития: это периоды *становления событийности* субъекта и *становления его самобытности*. В период становления событийности происходит кризис рождения, вхождение в новую событийную общность – как качественное преобразование в системе отношений субъекта с миром и принятие партнерами друг друга в новых обстоятельствах своей совместности. Качественно отличается от него период становления самобытности, где происходит кризис развития созданной событийной общности, субъект осуществляет поиск новых способов самоопределения в ней и осваивает собственную отдельность и единичную самость внутри нее. В рамках

данного периода происходит вызревание новых способностей человека, являющихся моментом качественного преобразования его субъектности, что дает ему потенциальную возможность к вхождению в новые общности, делает готовым к построению новых форм события.

Содержание предложенных А.В. Петровским, а также В.И. Слободчиковым и Г.А. Цукерман критериев внутривозрастного качественного изменения социальной ситуации развития во многом задается степенью *освоенности* жизненного мира на разных этапах развития. В периодизации В.И. Слободчикова и Г.А. Цукерман освоение новой общности выделено явно в качестве отдельной стадии, имеющейся на каждой ступени становления субъекта. В периодизации А.В. Петровского фазы развития личности в рамках стабильной социальной общности также фактически отражают разную, характерную для каждой из них, степень ее освоенности. Так, фаза адаптации связана с началом освоения, но еще не освоенностью норм, ценностей и правил той социальной группы, в которую человек входит. Она во многом соответствует фазе рождения человека для новой событийной общности, в терминологии В.И. Слободчикова. На следующих фазах степень освоенности социальной общности, в рамках которой происходит развитие, увеличивается, вплоть до того, что личность способна влиять на группу, привнося в нее что-то свое, изменяя ее нормы и ценности.

Параметр освоенности социальной общности с необходимостью должен быть связан с определенными качественными сдвигами в ценностно-смысловой сфере личности, и в первую очередь в ее динамических аспектах. В то же время исследование качественных изменений социальной ситуации развития в аспекте ее внутривозрастной динамики невозможно без изучения особенностей смысловой регуляции, исходящей из наиболее высоких уровней собственно человеческих побудителей активности, к которым относятся личностные ценности.

Ранее уже обосновывалось, что субъективная оценка реализованности ценностей задается позицией человека в мире, которая является как проявлением его субъектности, так и важным компонентом и системообразующим фактором социальной ситуации развития. Поэтому специфика последней должна проявляться, в частности, и в том, как человек оценивает степень доступности ценностей, и в преобладающих механизмах переработки и осмысления дистанции между мерой значимости, важности ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее доступности. Мы исходим из того, что в онтогенезе неизбежно существует опережающее усвоение ценностей, так как именно ценности дают представление о том, к чему следует стремиться, а

иерархия ценностей человека в какой-то мере содержит в себе свернутый проект его собственной жизни. Поэтому иерархия ценностей неизбежно складывается раньше, чем возникает реальная необходимость и условия для реализации ценностей в реальности. В связи с этим субъективная оценка степени реализуемости и доступности и связанные с этой стороной личностных ценностей процессы смыслообразования определяются скорее теми характеристиками социальной ситуации развития, которые отражают позицию человека в системе отношений и влияют на его представления о собственных возможностях в реализации ценностей, чем собственно самими реальными возможностями.

Выделенные ранее динамические тенденции согласования и рассогласования, выражающиеся в степени реализуемости и барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей, также сопрягаются с параметром освоенности – неосвоенности мира, что обсуждалось в *разделе 5.2*. При этом тенденция согласования соотносится с переживанием освоенности жизненного мира, а рассогласования – с переживанием его неосвоенности. Это дает основание предположить, что на тех этапах развития, когда человек находится в границах освоенной социальной ситуации, будет преобладать тенденция согласования, тогда как тенденция рассогласования преобладает тогда, когда происходит ориентация и адаптация в еще не освоенной социальной ситуации. Это значит, что по мере увеличения степени освоенности социальной ситуации должны уменьшаться показатели индекса барьерности и увеличиваться показатели индекса реализуемости ценностей.

Для проверки данного предположения было проведено исследование, направленное на раскрытие взаимосвязи степени барьерности–реализуемости ценностей с особенностями социальной ситуации развития субъекта и ее типичными изменениями в рамках одного возрастного периода жизни.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 75 человек (юноши) в возрасте от 15 до 17 лет – курсанты суворовского училища 1, 2 и 3 курсов (по 25 человек с каждого). Суворовское училище и прохождение обучения в нем от момента поступления до момента выпуска являются модельной ситуацией, в которой ожидаемые нами закономерности могут проявиться достаточно ярко. Так, поступление в данное учебное заведение связано с резкими изменениями в системе социальных отношений и социальной ситуации развития, отрывом человека от привычных социальных общностей и вступлением в новую общность, которая является совершенно неосвоенной. По мере обучения и перехода с курса на курс курсант, овладевая средствами и способами деятельности, включаясь в систему межличностных отношений, открывая нормы и ценности новой социальной общности, осваивает данную социаль-

ную реальность и развивается сам. Поэтому можно ожидать, что при сравнении курсантов разных курсов проявятся закономерности развития человека в рамках стабильной социальной общности, описанные А.В. Петровским и В.И. Слободчиковым.

Применялась предложенная Е.Б. Фанталовой модификация методики М. Рокича (процедура предполагает попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям важности и доступности ценности). В каждой группе курсантов, обучающихся на разных курсах, для каждой ценности определялся индекс барьерности и индекс реализуемости (см. *раздел 5.2*). Затем данные, полученные в разных группах, сопоставлялись между собой методами количественного (сравнение значений средних арифметических показателей данных индексов для каждого курса по всему списку ценностей) и качественного анализом (определение смыслового типа ценностей).

Результаты. Полученные результаты показали, что на первом году обучения в суворовском училище в процессах смыслообразования в контексте личностных ценностей, как и ожидалось, преобладает тенденция рассогласования. Это проявляется в высоких значениях индексов барьерности и более низких по сравнению с ними значениях индексов реализуемости (табл. 5.9). Частота встречаемости различных типов смыслообразования представлена в таблице 5.10.

Таблица 5.9

Средние показатели (а) индексов барьерности и реализуемости ценностей курсантов суворовского училища

Параметры	1 курс	2 курс	3 курс
Индекс реализуемости (а)	0,13	0,32	0,14
Индекс барьерности (а)	0,53	0,36	0,54

Таблица 5.10

Частота встречаемости типов смыслообразования в контексте личностных ценностей у курсантов суворовского училища

Тип смыслообразования	1 курс		2 курс		3 курс	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Барьерно-проблемный	3	25	0	0	1	8
Барьерный	6	50	3	25	7	59
Барьерно-реализуемый	0	0	2	17	1	8
Свободно-реализуемый	1	8	4	33	0	0
Свободный	2	17	3	25	3	25

Действительно, на первом курсе сразу после поступления в училище курсанты впервые в своей жизни переходят жить в казарму, резко меняется привычный образ жизни и круг общения, что задает необходимость адаптации к новой социальной ситуации, которая является для них неосвоенной. В группе второкурсников тенденции рассогласования и согласования уравниваются, что проявляется в приблизительно одинаковых индексах барьерности и реализуемости. В группе третьекурсников наблюдается несколько неожиданный результат: опять преобладает тенденция рассогласования (высокие значения индекса барьерности) и уменьшается тенденция к согласованию (падение индекса реализуемости). Такое повышение индекса барьерности в конце обучения на выпускном курсе требует объяснения. Мы связываем его с тем, что, несмотря на большую степень освоенности третьекурсниками социальной ситуации развития, в которой они находятся, и на то, что фактически они еще остаются в рамках освоенного ими мира суворовского училища, – третий курс является уже выпускным, и потому возникают объективная необходимость выхода из этого освоенного мира и соответствующий ей внутренний настрой.

Повышение барьерной составляющей в смыслообразовании на третьем году обучения означает, что курсанты внутренне уже заранее переориентировались на освоение новой реальности, настроены на переход в новые социальные общности, для которых они еще «не родились» и степень освоенности которых еще минимальна. Такая ориентация на будущее, когда оно присутствует в настоящем и воспринимается как совершающееся, соответствует описанному в школе Курта Левина феномену несовпадения внутренних представлений о временной перспективе с реальным ходом времени, что ярко проиллюстрировано примером сбежавших из тюрьмы за несколько дней до своего освобождения подростков (они не стали дожидаться момента выхода на свободу, так как внутренне уже ощущали себя освобожденными). Курсанты 3 курса аналогично данным подросткам в своем внутреннем переживании уже ориентированы на будущую перспективу, что и проявляется в преобладании барьерной и понижении реализуемой составляющей в процессах смыслообразования. Это и обусловило сходство индексов барьерности и реализуемости у курсантов первого и третьего курсов.

Итак, выдвинутое предположение подтвердилось: действительно, на этапе вхождения в новую социальную общность и в фазе адаптации преобладает барьерная составляющая смыслообразования, в условиях освоенности преобладает тенденция к реализуемости цен-

ностей, на этапе выхода из освоенной социальной общности вновь преобладает барьерная составляющая. Индексы барьерности и реализуемости оказались чувствительны к изменениям социальной ситуации развития по параметру ее освоенности в рамках одного возрастного периода. Следовательно, выделенные типы смыслообразования в контексте личностных ценностей позволяют проследить внутреннюю динамику развития субъектности человека в разных сферах его жизни.

Для получения качественной картины того, какие ценности в наибольшей степени оказались связаны с выявленной динамикой смыслообразования в ситуации обучения в суворовском училище, было проведено сопоставление смыслового типа разных ценностей в экспериментальных группах (табл. 5.11). Оно показало, что смысловой тип многих ценностей зависит от года обучения в училище, причем происходящие изменения содержательно соответствуют характерным особенностям социальной ситуации развития, возникающим на разных этапах обучения в суворовском училище, и отражают закономерные изменения возрастного сознания и самосознания курсантов.

Таблица 5.11

Индексы реализуемости и барьерности ценностей жизненных сфер
в выборке курсантов суворовского училища

№	Ценности	1 курс (n=25)		2 курс (n=25)		3 курс (n=25)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,18	0,41	0,33	0,43	0,19	0,67
2	Здоровье	0,05	0,61	0,06	0,59	-0,45	0,78
3	Интересная работа	-0,35	0,78	0,61	-0,03	0,23	0,62
4	Красота природы и искусства	0,11	0,55	0,37	0,24	0,22	0,34
5	Любовь	-0,30	0,77	0,60	0,37	0,04	0,64
6	Материально обеспеч. жизнь	-0,28	0,83	0,24	0,33	0,28	0,58
7	Наличие хороших друзей	0,26	0,60	0,20	0,30	0,19	0,43
8	Уверенность в себе	0,44	0,28	0,37	0,60	0,28	0,51
9	Познание	0,31	0,59	0,40	0,59	-0,15	0,80
10	Свобода	0,23	0,64	0,47	0,07	0,40	0,64
11	Счастливая семейная жизнь	0,32	0,05	0,07	0,55	0,17	0,36
12	Творчество	0,36	0,20	0,12	0,23	0,26	0,14

Условные обозначения: ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности. Жирным шрифтом выделены статистически значимые показатели корреляции.

Очень ярко проявилась эта закономерность в отношении ценности «Здоровье», так как от состояния здоровья во многом зависит выбор дальнейшего профессионального пути. Так, барьерный тип смыслообразования в контексте ценности «Здоровье», характерный для первокурсников и второкурсников, у курсантов третьего курса переходит в разряд барьерно-проблемных, что свидетельствует о нарастающей тенденции к рассогласованию вплоть до проявления поляризации параметров важности и доступности данной ценности. Это можно напрямую соотнести с существующей в данной профессиональной сфере значимостью здоровья и его влиянием на саму возможность выбора дальнейшего профессионального пути в рамках военной профессии. Именно состояние здоровья является одним из важных критериев отбора курсантов как в само училище, так и для рекомендации к продолжению военной карьеры, что в сочетании с существующими в нашей культуре представлениями о слабой возможности контролировать свое здоровье и ведет к увеличению барьерности данной ценности.

У некоторых других ценностей также выявилась тенденция к нарастанию степени барьерности от первого к третьему курсу. Увеличивается индекс барьерности у ценности «Уверенность в себе». Если на первом курсе в ее контексте выявляется свободно-реализуемый тип смыслообразования (т.е. преобладает тенденция согласования), то на втором курсе тип смыслообразования становится уже барьерно-реализуемым, а на третьем – барьерным. Этот факт также можно объяснить конкретными изменениями в социальной ситуации развития: преодоление конкурсного барьера при поступлении в училище повышает ощущение собственной уверенности, и относительно этой ценности преобладает тенденция согласования важности и доступности, а на третьем курсе неопределенность в возможности реализовать свои планы в будущем и необходимость выдержать новый переход в новую социальную общность, на пути к которой также необходимо преодолеть новые внешние преграды, ведут к росту индекса барьерности.

Обнаружилась также ценность, относительно которой выявилась прямо противоположная тенденция нарастания степени реализуемости и уменьшения индекса барьерности от первого к третьему курсу. Так, барьерный тип смыслообразования в контексте ценности «Красота природы и искусства», характерный для первокурсников, у курсантов второго и третьего курса переходит в разряд свободных, что свидетельствует об уменьшении тенденции рассогласования. Это, по всей видимости, можно соотнести с изменением образа жизни при поступлении в суворовское училище и переходом к жизни в казарме,

воспринимаемой поначалу как несовместимой с данной ценностью, впоследствии же, очевидно, находятся какие-то формы ее реализации.

У целого ряда ценностей выявилась тенденция U-образной динамики степени барьерности от первого к третьему курсу. Так, у первокурсников индекс барьерности ценностей «Интересная работа», «Любовь» и «Материально обеспеченная жизнь» отличается очень высокими значениями, что в сочетании с появившейся отрицательной связью параметров важности и доступности этих ценностей (свидетельство тенденции к поляризации) характеризует тип смыслообразования в контексте данных ценностей как проблемно-барьерный. На втором курсе индекс барьерности данных ценностей понижается, а индекс реализуемости приобретает положительные значения, что выявляет свободно-реализуемый тип смыслообразования в контексте ценностей «Интересная работа» и «Любовь» и свободный – у ценности «Материально обеспеченная жизнь». Но к третьему курсу тип смыслообразования в контексте этих ценностей становится барьерным в силу повышения индекса барьерности до статистически значимых величин. В контексте таких ценностей, как «Наличие хороших и верных друзей» и «Свобода», также выявляется U-образная динамика степени барьерности от первого к третьему курсу, но на первом курсе отмечаются более низкие значения барьерности, относящие тип смыслообразования к барьерному типу. На втором и третьем курсах динамика аналогична трем описанным выше ценностям. Такая динамика также может быть соотнесена с параметрами социальной ситуации развития, существующей в данной сфере профессионального образования, и образом жизни юных курсантов в казарме.

Обратная U-образному характеру динамика степени барьерности от первого к третьему курсу выявилась у таких ценностей, как «Счастливая семейная жизнь» и «Познание». Индекс барьерности данных ценностей закономерно увеличивается на втором курсе и понижается к третьему.

Также выявились и те ценности, в контексте которых тип смыслообразования не изменяется в связи с изменением социальной ситуации развития. Так, барьерно-реализуемый тип смыслообразования во всех группах характерен для ценности «Активная деятельная жизнь», что свидетельствует о проявлении в отношении этой ценности обеих тенденций, как согласования, так и рассогласования, приблизительно в равной мере. В контексте ценности «Творчество» у всех групп проявился свободный тип смыслообразования.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что существуют особенности смыслообразования на разных фазах развития в рамках стабильной социальной общности внутри одного

возрастного периода. Те аспекты смыслообразования в контексте личностных ценностей, которые зависят от соотношения оценок важности и доступности ценностей, проявляют определенную специфику, зависящую от изменений социальной ситуации развития. Это преобладание тенденции к согласованию параметров важности и доступности ценности в периоды стабильного развития в рамках одной социальной общности и тенденции к рассогласованию, доходящей до поляризации параметров, при вхождении в новую социальную общность или при выходе из освоенной и подготовке к вхождению в новую социальную общность. На этапе вхождения в новую социальную общность в фазе адаптации в смыслообразовании преобладает барьерная составляющая, в условиях освоенной социальной ситуации развития преобладает тенденция к реализуемости, на этапе выхода из социальной общности вновь преобладает барьерная составляющая. Ценности конкретных жизненных сфер также меняют свой смысловой тип, что содержательно соотносится с особенностями внутривозрастного изменения социальной ситуации развития и отражает целостные изменения сознания и самосознания в процессе развития. Это означает, что параметры барьерности – реализуемости, характеризующие тип смыслообразования в контексте личностных ценностей, чувствительны к внутривозрастным изменениям социальной ситуации развития.

Сопоставление между собой данных, полученных в последних двух исследованиях, позволяет еще более полно очертить возрастную динамику соотношения тенденций согласования (реализуемости) и рассогласования (барьерности) в смысловых типах личностных ценностей (табл. 5.12).

Таблица 5.12

Распределение смысловых типов ценностей в выборках юношей и мужчин разных возрастов (в %)

Смысловой тип ценности	Мужчины (n=71)			Юноши (n=75)			
	22–30	31–40	22–40	15	16	17	15–17
Барьерно-проблемный	0	0	0	25	0	8	16
Барьерный	33	42	38	50	25	59	30
Барьерно-реализуемый	25	17	21	0	17	8	12
Свободно-реализуемый	34	33	33	8	33	0	20
Свободный	8	8	8	17	25	25	22

Сравнение типов смыслообразования мужских выборок и юношеской показывает, что в период юности преобладают его барьерные

типы, когда обесцениваются доступные, а наиболее важными представляются ценности, оцениваемые как недоступные.

При переходе к взрослости снижается уровень барьерной составляющей в смыслообразовании и повышается реализуемость ценностей. В периоды взрослости количественное соотношение ценностей с преимущественно барьерным или реализуемым типом смыслообразования остается в целом постоянным. Однако происходят качественные изменения типов смыслообразования в контексте конкретных ценностей при переходе из периода ранней взрослости в период средней взрослости: некоторые ценности переходят из разряда барьерных и барьерно-реализуемых в разряд свободно-реализуемых и свободных, другие – изменяются противоположным образом.

* * *

Итак, в данной главе в качестве *динамических* факторов трансформации смысла ценности были рассмотрены соотношение параметров *важности* личностной ценности (определяется местом в иерархии ценностей), *доступности* (оценка актуальной реализуемости ценности в жизни) и степени их расхождения, определяемой как разница мер ее важности и доступности.

Исследование психологического смысла рассогласования важности и доступности ценностей через его соотнесение с общей осмысленностью жизни и оценкой психического состояния показало, что количественная оценка данного рассогласования не имеет психологически однозначного толкования. Уровень смысловой наполненности жизни и рассогласование важности ценностей и субъективно оцениваемой доступности являются независимыми и качественно различными характеристиками ценностно-смысловой сферы личности, образующими в конфигурации друг с другом ее качественно-специфичную характеристику, проявляющуюся в особой структуре психических состояний. При высоких оценках осмысленности жизни рассогласование имеет побудительный, энергетизирующий смысл, что проявляется в устойчивости и более позитивной модальности психических состояний. Та же степень рассогласования при низкой оценке осмысленности жизни проявляется в неустойчивом психическом состоянии, которое, тем не менее, более благоприятно, чем характеризующееся максимальными показателями тревожности и фрустрации состояние, связанное с согласованностью важности и доступности ценностей при низких показателях осмысленности жизни. Рассогласование этих параметров может иметь различный смысл: недоступность ценности может придавать ей дополнительный смысловой потенциал, но может переживаться и как внутренний конфликт,

вызывая состояние фрустрации, а также может быть нейтральной, не приводя к появлению ее дополнительных смысловых трансформаций.

На основе некоторых положений когнитивных теорий мотивации, представлений о защитных механизмах личности и взаимосвязи субъективного отражения значимости и вероятности событий было сделано предположение, что параметры важности, доступности ценности и их рассогласования могут быть взаимосвязаны между собой. Эмпирически действительно были обнаружены несколько типов корреляционных структур, отличающихся специфическим сочетанием взаимосвязей данных параметров. Выявленные структуры корреляционных взаимосвязей стали основанием выделения различных *типов смыслообразования в контексте личностных ценностей*.

Обобщение результатов привело к описанию качественно разнородных динамических тенденций, связанных с восприятием и оценкой важности и доступности ценности. Первая *тенденция* действует в направлении *согласования* мер важности ценности и ее доступности, когда человек реализует то, что может осуществить в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно. Вторая *тенденция* действует в направлении *рассогласования* или даже поляризации мер важности ценности и ее доступности: недоступность ценности увеличивает, а высокая доступность понижает важность ценности, и наоборот.

Эти крайние противоположные друг другу тенденции, возникая в контексте личностных ценностей, проявляют дополнительный, инвариантный по отношению к содержанию ценности смысл, кумулирующий в себе эффект оценки рассогласования между мерой важности и доступности ценности и внутренней переработки этого рассогласования, в результате которой личностная ценность приобретает дополнительную смысловую окраску. В совокупности данные тенденции составляют континуум барьерности – реализуемости личностной ценности. Основной количественный показатель данного континуума – *индекс реализуемости* – задается коэффициентом корреляционной связи оценок важности и доступности ценности, обозначая весь диапазон его вариаций: от максимального положительного значения данной взаимосвязи (+1) до минимального отрицательного (-1). Дополнительным индексом, улавливающим более слабые проявления тенденции рассогласования, стал *индекс барьерности* – прямая корреляционная взаимосвязь важности ценности и разницы между ее важностью и доступностью.

На основе различных сочетаний выраженности тенденций согласования (реализуемости) и рассогласования (барьерности) были описаны такие *смысловые типы* личностных ценностей, как *свободно-*

реализуемый, барьерно-реализуемый, барьерный, барьерно-проблемный, нейтральный. Эмпирически было доказано, что смысловой тип не является следствием положения ценности в иерархии ценностей: как барьерными, так и свободно-реализуемыми могут быть как высококоранговые, так и низкоранговые ценности.

У большинства личностных ценностей преобладает **барьерная составляющая смыслообразования**, однако отсутствует жесткая привязанность отдельных ценностей к конкретному **смысловому** типу. Соотношение тенденций согласования и рассогласования в разных сферах жизни изменяется в процессе жизнедеятельности человека, проявляя чувствительность как к возрастным, так и внутривозрастным изменениям социальной ситуации развития, отражая целостные изменения сознания и самосознания человека в процессе его развития.

Обнаружены **особенности типов смыслообразования** в контексте личностных ценностей в зависимости как от **объективных** характеристик человека (**хронологический возраст, гендерная специфика**), так и от **субъективных**, связанных с системой его отношений в определенной **социальной ситуации развития**.

Возрастная специфика смыслообразования проявляется в преобладании барьерных его типов в период юности, снижении уровня барьерной составляющей в смыслообразовании и повышении его реализуемости при переходе к взрослости. В рамках периодов взрослости количественное соотношение ценностей с преимущественно барьерным или реализуемым типом смыслообразования остается в целом постоянным. Однако происходят качественные изменения типов смыслообразования в контексте конкретных ценностей при переходе из периода ранней взрослости в период средней взрослости: некоторые ценности переходят из разряда барьерных и барьерно-реализуемых в разряд свободно-реализуемых и свободных, другие – изменяются противоположным образом.

Гендерная специфика проявилась в преобладании тенденции к согласованию параметров важности и доступности ценности у мужчин, тогда как тенденция к рассогласованию более выражена у женщин. Впрочем, **гендерная специфика** смыслообразования тесно связана с возрастными задачами личности и наиболее ярко проявляется в конкретных жизненных сферах, при этом ряд ценностей по своему смысловому типу не отличаются у мужчин и женщин одного возраста и по-разному изменяются у них в другие возрастные периоды. Следовательно, гендерные и возрастные факторы взаимопосредованно влияют на специфику смыслообразования в контексте личностных ценностей.

Обнаружены также *особенности смыслообразования* на разных фазах развития личности *в рамках стабильной социальной общности* внутри одного возрастного периода. Они проявились в *преобладании тенденции к рассогласованию* параметров важности и доступности ценности, доходящему до их *поляризации*, при *вхождении* в новую социальную общность или *подготовке к выходу* из освоенной социальной общности и в *преобладании тенденции к согласованию*, когда развитие проходит в рамках *освоенной* социальной общности.

Выявленные тенденции можно рассматривать в качестве проявления работы механизмов организации жизненного пространства [Левин К., 2001]. В ценностно-смысловом содержании жизненного пространства личности в зависимости от смысловых типов ценностей можно выделить различные *ценностно-смысловые зоны*, конфигурация которых задает его *ценностно-смысловой рельеф*. Содержание ценностно-смысловой зоны определяется содержанием ценности, а динамическая составляющая – ее смысловым типом.

Если гипотетически смоделировать ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства человека, у которого существует или полностью доминирует только одна из выявленных тенденций – согласования или рассогласования, – то получаются следующие полярные варианты жизненного пространства, носящие пока предварительный, гипотетический характер и требующие своей верификации в дальнейших исследованиях.

Преобладание тенденции к согласованию выражается в такой организации жизненного пространства человека, в соответствии с которой в него включается только то, что рядом, доступно, освоено и потому является важным. То, что не доступно, просто не присутствует в жизненном пространстве, так как оно выносится за его пределы и просто не попадает в поле восприятия. Гипертрофированное выражение данной тенденции хорошо иллюстрируется ворчанием кота из известного детского мультфильма: «Таити, Таити! ... Нас и здесь неплохо кормят!». Такое жизненное пространство субъективно, из позиции человека, находящегося внутри этого пространства, переживается, по всей видимости, как просторное, освоенное, человек психологически пребывает в центре него, живет «здесь и сейчас». Но при этом оно как будто очерчено невидимой границей, и человек не стремится к его расширению. Поэтому в описание этого жизненного пространства из позиции извне, наверное, можно включить такие его характеристики, как центростремительное, статичное, закрытое.

Преобладание тенденции рассогласования, в свою очередь, выражается в другой организации жизненного пространства человека, когда в него включается то, что далеко, недоступно и потому являет-

ся важным. То, что доступно, находится рядом и освоено, просто не попадает в поле восприятия, не замечается и не ценится, так как все внимание человека направлено за его пределы. Человеку кажется, что все основное в жизни и в мире находится не там, где находится он сам, а где-то в «прекрасном далеко». Такое жизненное пространство субъективно, из позиции человека, находящегося внутри этого пространства, вероятно, переживается как тесное, замкнутое, а человек ощущает себя на периферии своего жизненного пространства, живет «там и тогда». При его описании с позиции извне можно говорить о нем как центробежном, направленном на расширение, ориентированном на все то, что лежит за пределами области освоенного и доступного.

В рамках уже описанных исследований выделение типов смыслообразования в контексте личностных ценностей было осуществлено на материале перечня терминальных ценностей различных жизненных сфер, предложенного М. Рокичем и сокращенного при модификации методики Е.Б. Фанталовой. Однако принцип выделения данных типов может быть перенесен на любые другие, отличающиеся по содержательному составу перечни ценностей. Это ставит вопрос о существовании специфики типов смыслообразования в зависимости от содержательных характеристик ценностей. Для проверки этого предположения необходимо исследовать типы смыслообразования с применением разных по содержанию их перечней: не только терминальных, но и инструментальных, а также ценностей, специфичных для человека как представителя определенной социальной группы, и индивидуальных ценностей конкретного человека.

Можно предположить, что существуют особенности возникновения определенных типов смыслообразования в контексте личностных ценностей, характеризующие *индивидуально-своеобразный способ осмысления* человеком своего жизненного пространства, выражающийся в степени рассогласования параметров важности и доступности личностных ценностей. Для решения этого вопроса необходимо выявить степень устойчивости индексов континуума реализуемости – барьерности ценностей конкретного человека. Устойчивость данных параметров смыслообразования как во времени, так и при их определении для отличающихся по содержательному составу перечней ценностей будет свидетельствовать о реализуемости и барьерности ценностно-смысловой сферы как индивидуальной характеристике личности.

Исследованию вопроса о возможности использования индивидуальных индексов реализуемости и барьерности в качестве психометрически обоснованных и валидных переменных, отражающих разные способы организации жизненного пространства личности, посвящена следующая глава.

ГЛАВА 6. РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК УСТОЙЧИВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

В предыдущей главе было показано, что в контексте личностных ценностей могут возникать разные типы смыслообразования, характеризующие разнонаправленные процессы соотношения параметров важности ценности, ее доступности и рассогласования между ними. Выявленные типы смыслообразования позволили ввести понятие ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства человека, которое раскрывает ценностно-смысловой мир человека в совокупности его содержательных и динамических аспектов. Были обнаружены особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства в зависимости от возрастных, гендерных характеристик человека, его принадлежности к определенной группе и изменений социальной ситуации развития. Однако пока за рамками исследований оставался вопрос о том, может ли преобладание одной из выше описанных тенденций – реализуемости или барьерности ценностей – и их качественно своеобразное сочетание быть *устойчивой индивидуальной особенностью* личности, которая характеризует ее специфический способ смыслообразования в контексте личностных ценностей.

Мы предполагаем, что преобладание одной из вышеописанных тенденций (согласования или рассогласования) может быть устойчивой особенностью личности, характеризующей индивидуально-своеобразный стиль восприятия и смысловой переработки человеком рассогласований важности и доступности личностных ценностей. Для доказательства данного предположения необходимо выявить степень устойчивости индексов реализуемости и барьерности во времени (ретестовую надежность) и доказать факт их устойчивости при определении с помощью разных по содержанию списков ценностей.

Эмпирическая проверка данного предположения требует применения процедуры подсчета индексов реализуемости и барьерности не к групповым данным совокупной выборки, а к первичным данным оценки параметров важности и доступности ценностей отдельным человеком. При этом мы не получим данных о реализуемости той или иной отдельной ценности, но можем получить величины данных индексов, характеризующих систему ценностей в целом. В дальнейшем будем называть их *индивидуальными* индексами реализуемости и барьерности. В качестве меры корреляционной связи параметров важности и доступности ценностей (индекс реализуемости) и параметров важности ценности и дистанции между ее важностью и доступностью (индекс барьерности) использовались коэффициенты ранговой корреляции.

ляции Спирмена и линейной корреляции Пирсона. Применение того или иного коэффициента зависело от способа получения сырых данных. Первый использовался в случае, когда они были получены в результате прямого ранжирования ценностей, второй – в случае, когда применялась процедура попарного сравнения ценностей.

Решение вопроса об устойчивости индивидуальных индексов реализуемости и барьерности конкретного человека в практическом отношении может быть важно для их использования в качестве психометрической характеристики ценностно-смысловой сферы личности. В теоретическом плане это является необходимым условием для их дальнейшего рассмотрения в системе стилевых особенностей человека, характеризующих типичные способы его взаимодействия с миром на уровне стиля жизни.

6.1. Устойчивость индексов реализуемости и барьерности относительно ценностей разного содержания

В современной психологии много работ, в которых исследуются содержательные стороны ценностей: обосновывается необходимость введения новых видов ценностей, предлагаются новые подходы к их классификации [Алишев, 2001; Бубнова, 1999; Карандашев, 2004 и др.]. Все это создает большое разнообразие в выборе различных по содержанию списков ценностей, которые необходимы нам для решения поставленных задач. Описанные выше типы смыслообразования были выявлены на материале одного из наиболее ранних и распространенных в исследованиях списков общечеловеческих ценностей, которые М. Рокич обозначил как терминальные, представляющие собой предельные цели человеческой жизни. Кроме терминальных ценностей, или ценностей-целей, которые он определяет как убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования достойна того, чтобы к ней стремиться, им также были описаны ценности-средства, или инструментальные ценности. Инструментальные ценности являются убеждениями в том, что определенный образ действий с личной и общественной точек зрения является предпочтительным в любых ситуациях [см.: Леонтьев Д.А., 1992 б].

Данные классы ценностей значительно отличаются по содержанию. Список терминальных ценностей отражает разные сферы жизни человека, тогда как список инструментальных ценностей по составу включенных в него терминов фактически представляет собой список личностных качеств. Поэтому для проверки выдвинутой гипотезы была поставлена задача сопоставления индексов реализуемости и барьерности, полученных с применением перечней терминальных и инструментальных ценностей.

Существенные содержательные различия ценностей определяются также принадлежностью человека к той или иной социальной группе. В исследованиях, проведенных в социальной психологии, выявлено, что для каждой большой социальной группы, выделение которых производится по профессиональным, социально-ролевым и многим другим критериям, характерен свой типичный состав как терминальных, так и инструментальных ценностей [Рогов, 1998]. Ценности той или иной группы, к которой принадлежит человек, часто имеют значительные содержательные различия как между собой, так и с разработанными М. Рокичем универсальными списками терминальных и инструментальных ценностей. Соответственно была поставлена задача сопоставления индексов реализуемости и барьерности, полученных с помощью универсального перечня общечеловеческих ценностей М. Рокича и с помощью списка ценностей, характеризующих человека как члена большой социальной группы.

Принадлежность к той или иной социальной группе не в полной мере определяет содержательные различия в составе ценностей, наблюдаемые между людьми, существует и индивидуальная специфика его состава ценностей, регулирующих жизнедеятельность конкретного человека [Леонтьев Д.А., 1999]. Поэтому была поставлена задача сопоставления индексов реализуемости и барьерности, полученных с помощью стандартных (общечеловеческих и групповых) перечней с теми, которые получены на материале индивидуального списка ценностей, составленных самим человеком.

Итак, для проверки гипотезы об устойчивости индивидуальных особенностей смыслообразования, характеризующихся выраженностью тенденций согласования или рассогласования, были проведены три серии исследований, описанные в последующих разделах данного параграфа. В первой серии были сопоставлены индексы реализуемости и барьерности, полученные на материале общечеловеческих ценностей, с индексами реализуемости и барьерности, полученными на материале списка ценностей, присущих человеку как представителю большой социальной группы, а также на материале его индивидуального списка ценностей. Во второй – сопоставлялись индексы реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей. В третьей проверялась ретестовая устойчивость данных индексов.

6.1.1. Сопоставление индексов реализуемости и барьерности общечеловеческих, групповых и индивидуальных ценностей

Целью данной серии исследования стала проверка устойчивости индивидуальных индексов реализуемости и барьерности к смене конкретного состава терминальных ценностей. В соответствии с целью

были использованы три списка терминальных ценностей: список общечеловеческих ценностей (М. Рокич), список ценностей, характерных для человека как представителя большой социальной группы (М.Г. Рогов), и список, составленный человеком на основании его индивидуального выбора. Для каждого из списков рассчитывались индивидуальные индексы барьерности и реализуемости, которые затем сопоставлялись между собой*.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 166 человек, разделенных на группы по половому и возрастному признакам. Привлечение к исследованию разнополых и разновозрастных выборок необходимо для обеспечения широкой репрезентативности получаемых результатов. Между группами имели место также некоторые различия в методической процедуре исследования, вызванные необходимостью оптимизировать нагрузку испытуемых с целью предотвращения эффектов демотивирования при заполнении однообразных методик и при этом решить все поставленные задачи.

Первая группа состояла из 50 студенток факультета психологии КГУ и АСО (г. Казань) в возрасте от 18 до 21 года, которым предъявлялся список общечеловеческих терминальных ценностей М. Рокича [Леонтьев Д.А., 1992 б] и список терминальных ценностей, характерных для студенчества как большой социальной группы [Рогов, 1998]. Списки содержали по 12 ценностей в соответствии с модификацией данной методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992), ранжирование ценностей производилось методом *парного* сравнения.

Вторая группа состояла из 30 студентов КГУ физического и филологического факультетов в равных долях. Им предъявлялся список общечеловеческих терминальных ценностей М. Рокича [см. Леонтьев Д.А., 1992 б], список терминальных ценностей, характерных для студенчества как большой социальной группы [Рогов, 1998]. Кроме этого они составляли индивидуальный перечень ценностей по своему собственному выбору. Все списки содержали по 12 ценностей, ранжирование проводилось методом *прямого* сравнения.

Третья группа включала 86 человек (в равных соотношениях мужчины и женщины, имеющие высшее образование) в возрасте от 35 до 50 лет. Им предъявлялся список общечеловеческих терминальных ценностей М. Рокича в сокращенном (12 ценностей) варианте в соответствии с модификацией данной методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992), и предлагалось дополнительно составить индивидуальный список из 12 ценностей по своему выбору. Ранжирование ценностей проводилось методом *парного* сравнения.

Все ценности оценивались участниками исследования по критериям важности и доступности для себя в настоящее время. При обработке полученных данных для каждого испытуемого отдельно по каждому классу ценностей вы-

* Материал данного параграфа был собран и проанализирован совместно со студентками факультета психологии КГУ Г.Р. Закиевой, Е.Ю. Лисицыной, Ю.Н. Устиной в рамках дипломных работ, выполненных под нашим руководством.

числялся индивидуальный *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности) и индивидуальный *индекс барьерности* (корреляция параметров важности и разницы важность – доступность). Затем для каждой из групп по каждому списку ценностей вычислялись средние арифметические значения индивидуальных индексов барьерности и реализуемости, и производилось статистическая проверка достоверности различий между средними по t-критерию Стьюдента. Также был проведен анализ взаимосвязей индексов реализуемости и барьерности, полученных на разных списках ценностей с использованием коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты. В первой группе сравнение средних показателей индексов реализуемости и барьерности показало, что они в каждом из списков ценностей – общечеловеческих и групповых – почти равны (табл. 6.1), что подтвердил и t-критерий Стьюдента. Проверка корреляционной взаимосвязи индексов реализуемости и барьерности в этих списках ценностей выявила положительную связь между ними на высоких ($p < 0,001$ и $p < 0,01$) уровнях значимости.

Таблица 6.1

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных общечеловеческих и терминальных групповых ценностей
(группа студенток-психологов, $n=50$)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Общечеловеческие ценности	0,13 (0,34)	0,64 (0,14)
Ценности студенчества	0,15 (0,33)	0,64 (0,14)
T-критерий Стьюдента	0,31 t-крит.=2,01 ($p < 0,05$)	0,16 t-крит.=2,01 ($p < 0,05$)
Коэффициент корреляции	0,46 ($p < 0,01$)	0,49 ($p < 0,001$)

Во второй группе по всем спискам ценностей средние значения индексов барьерности и реализуемости также в основном совпадают, чуть выше индекс реализуемости в индивидуальном списке ценностей (табл. 6.2). Статистическая проверка достоверности различий между средними по t-критерию Стьюдента, проведенная попарно по всем спискам ценностей, подтвердила отсутствие значимых различий. Проверка корреляционной взаимосвязи индексов реализуемости общечеловеческих, групповых и индивидуальных ценностей, а также индексов барьерности в этих же списках показала, что они статистически значимо положительно связаны между собой на уровне $p < 0,05$.

В третьей группе средние показатели данных индексов в разных списках ценностей несколько отличаются друг от друга (табл. 6.3).

Таблица 6.2

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных общечеловеческих, групповых и индивидуальных ценностей (группа студентов КГУ, n=30)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
1. Общечеловеческие ценности	0,19 (0,35)	0,61 (0,14)
2. Ценности студенчества	0,19 (0,36)	0,60 (0,19)
3. Индивидуальные ценности	0,22 (0,34)	0,61 (0,15)
Значения критерия Стьюдента при (1–2); (1–3); (2–3)	0,08; -0,37; -0,45 t-крит.=2,05 (p<0,05)	0,30; -0,02; -0,28 t-крит.=2,05 (p<0,05)
Коэффициенты корреляции между (1–2); (1–3); (2–3)	0,36; 0,38; 0,39 (p<0,05)	0,37; 0,39; 0,37 (p<0,05)

Таблица 6.3

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных общечеловеческих и индивидуальных ценностей (группа «взрослые», n=86)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Общечеловеческие ценности	0,19 (0,44)	0,61 (0,20)
Индивидуальные ценности	0,23 (0,62)	0,59 (0,19)
T – критерий Стьюдента	-1,34 t-крит.=1,99 (p<0,05)	-0,50 t-крит.=1,99 (p<0,05)
Коэффициент корреляции	0,39 (p<0,01)	0,37 (p<0,01)

В списке общечеловеческих ценностей реализуемость несколько ниже, а барьерность чуть выше, чем в индивидуально составленном списке ценностей. Но статистическая проверка выявила, что различия не достигают достоверного уровня значимости. Проверка корреляционной взаимосвязи между соответствующими индексами реализуемости общечеловеческих и индивидуальных ценностей показала положительную статистически значимую связь между ними на достаточно высоком ($p<0,01$) уровне достоверности.

Подводя общие итоги по всем группам, необходимо заметить, что результаты в целом согласуются между собой, ни одна из групп не выбивается из общей картины, что позволяет констатировать следующее. Во-первых, индексы реализуемости и барьерности, полученные на различных по содержанию списках ценностей, не имеют ста-

статистически значимых отличий между собой, а в большинстве случаев практически совпадают по числовым значениям. Во-вторых, индексы реализуемости, полученные на материале различных по содержанию списков ценностей, обнаруживают положительные корреляционные связи между собой также во всех группах испытуемых. То же самое относится и к индексам барьерности.

Эти результаты свидетельствуют о том, что в отношении терминальных ценностей разного содержания действительно существует устойчивый индивидуальный способ оценки соотношения должного и возможного. Он выражается в преобладании или тенденции рассогласования, или тенденции согласования в переработке и осмыслении разрывов между параметрами важности и доступности ценности. При высокой реализуемости общечеловеческих ценностей наблюдается высокая реализуемость и индивидуальных ценностей, то же можно утверждать и относительно индекса барьерности.

Таким образом, полученные результаты подтверждают наше начальное предположение. Преобладание у человека тенденции рассогласования или тенденции согласования в осмыслении человеком дистанции между мерой значимости, важности ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее реализованности, задающее тип смыслообразования в контексте терминальных ценностей, не зависит от их содержательных характеристик и является устойчивым к смене конкретного состава ценностей данного типа.

6.1.2. Сопоставление индексов реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей

Целью данной серии исследования стала проверка устойчивости индивидуальных индексов реализуемости и барьерности при сопоставлении терминальных и инструментальных ценностей. В нем также решался вопрос о наличии специфики проявления тенденций к согласованию и рассогласованию параметров важности и доступности ценностей в контексте инструментальных ценностей по отношению к терминальным.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 148 человек, разделенных на группы, к которым, так же как и в предыдущей серии, с целью оптимизации нагрузки испытуемых в решении поставленных задач применялись несколько различные в методическом плане процедуры исследования.

Первая группа включала 44 студентки географического факультета КГУ в возрасте от 18 до 20 лет. Им предъявлялись полные (т.е. содержащие все 18 ценностей) списки общечеловеческих терминальных и инструментальных цен-

ностей М. Рокича. Ранжирование ценностей производилось методом *попарного* сравнения по критериям важности и доступности в ситуации группового опроса.

Вторая группа включала 78 студентов разных вузов г. Казани в возрасте от 17 до 19 лет (18 девушек и 61 юноша). Им также предъявлялись полные (т.е. содержащие все 18 ценностей) списки общечеловеческих терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича. В процедуре *попарного* сравнения они оценивали терминальные и инструментальные ценности по критериям важности и доступности в ситуации индивидуального опроса.

Третья группа включала 70 студентов географического факультета КГУ в возрасте от 18 до 20 лет (45 девушек и 25 юношей). Им предъявлялись списки 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей, характерных для студенчества как большой социальной группы, разработанные М.Г. Роговым (1998). Ранжирование ценностей производилось методом попарного сравнения по критериям важности и доступности в ситуации группового опроса.

По каждому классу ценностей вычислялись индивидуальные индексы реализуемости (корреляция параметров важности и доступности) и барьерности (корреляция параметров важности и рассогласованности). Средние арифметические значения индексов барьерности и реализуемости каждой из групп по каждому списку ценностей сравнивались по t-критерию Стьюдента. Проводился анализ взаимосвязей индексов терминальных и инструментальных ценностей с помощью коэффициента корреляции Пирсона.

Результаты. В первой группе сравнение средних показателей индексов реализуемости и барьерности (табл. 6.4) показало, что индекс реализуемости терминальных ценностей меньше, чем у инструментальных (различия достоверны на уровне $p < 0,01$). Индексы барьерности по двум спискам ценностей также значительно отличаются – индекс барьерности выше у терминальных ценностей ($p < 0,001$).

Таблица 6.4

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей в первой группе (n=44)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Терминальные ценности	0,14 (0,47)	0,65 (0,25)
Инструментальные ценности	0,29 (0,49)	0,59 (0,26)
T-критерий Стьюдента	-2,22 t-крит.=2,02 ($p < 0,05$)	2,12 t-крит.=2,02 ($p < 0,05$)
Коэффициент корреляции	0,57 ($p < 0,01$)	0,74 ($p < 0,001$)

Анализ взаимосвязи индексов реализуемости терминальных и инструментальных ценностей показал положительную статистически достоверную связь ($p < 0,01$) между ними, индексы барьерности этих ценностей оказались связаны еще более плотно ($p < 0,001$).

Во второй группе сравнение средних показателей индексов реализуемости и барьерности (табл. 6.5) показало, что индекс реализуемости терминальных ценностей, как и в первой группе, меньше, чем индекс реализуемости инструментальных ($p < 0,001$). Индексы барьерности по двум спискам ценностей также отличаются между собой: индекс барьерности выше у терминальных ценностей по сравнению с инструментальными. Однако статистическая проверка в данном случае не подтвердила наличия значимых различий.

Анализ взаимосвязи индексов реализуемости терминальных и инструментальных ценностей, как и в первой группе, показал, что они положительно связаны между собой ($p < 0,001$), так же как и индексы барьерности ($p < 0,01$).

Таблица 6.5

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей во второй группе ($n=78$)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Терминальные ценности	0,28 (0,37)	0,59 (0,28)
Инструментальные ценности	0,40 (0,36)	0,54 (0,26)
T-критерий Стьюдента	-2,14 t-крит. =2,01 ($p < 0,05$)	0,87 t-крит. =2,01 ($p < 0,05$)
Коэффициент корреляции	0,36 ($p < 0,001$)	0,28 ($p < 0,01$)

Таблица 6.6

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей (по М.Г. Рогову) в третьей группе ($n=70$)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Терминальные ценности	0,33 (0,36)	0,54 (0,23)
Инструментальные ценности	0,38 (0,42)	0,54 (0,26)
T-критерий Стьюдента	-0,66 t-крит.=1,98 ($p < 0,05$)	0,19 t-крит.=1,98 ($p < 0,05$)
Коэффициент корреляции	0,52 ($p < 0,001$)	0,41 ($p < 0,01$)

В третьей группе сравнение средних показателей индексов реализуемости и барьерности (табл. 6.6) выявило, что индекс реализуемости терминальных ценностей, как и в предыдущих группах, меньше, чем индекс реализуемости инструментальных ценностей, однако эти различия не достигают уровня статистически значимых. Индексы барьерности в этой группе также не имеют достоверных различий.

Корреляционный анализ индексов реализуемости терминальных и инструментальных ценностей, как и в первой группе, показал, что они прямо связаны между собой (при $p < 0,001$); индексы барьерности также показали чуть менее плотную значимую прямую связь ($p < 0,01$).

Сопоставляя данные всех групп испытуемых, можно заметить, что их результаты при сравнении средних показателей индексов реализуемости и барьерности несколько отличаются друг от друга. При том, что значения индексов реализуемости инструментальных ценностей во всех группах оказались больше, чем индексы реализуемости терминальных, только в первой и второй группах различия оказались значимыми. Индексы барьерности инструментальных ценностей в этих же двух группах меньше, чем у терминальных ценностей, но только в первой это различие достигает уровня статистической достоверности, тогда как в третьей группе значения индексов барьерности терминальных и инструментальных ценностей совпадают по абсолютному значению. В целом различия между инструментальными и терминальными ценностями больше проявляются в отношении индексов реализуемости, тогда как различия индексов барьерности инструментальных и терминальных ценностей выражены в меньшей степени.

В отличие от сравнения средних, результаты анализа корреляционных взаимосвязей индексов реализуемости и барьерности в различных группах полностью согласуются друг с другом. Индексы реализуемости, полученные на материале терминальных и инструментальных ценностей, обнаруживают положительные, на высоких уровнях статистической значимости корреляционные связи во всех группах испытуемых. Индексы барьерности также плотно связаны положительными корреляционными связями во всех группах испытуемых. Это означает, что при высокой реализуемости смыслообразования в контексте терминальных ценностей наблюдается высокий уровень реализуемости и в контексте инструментальных, то же можно утверждать и относительно индекса барьерности.

В целом можно констатировать следующее: инструментальные ценности характеризуются несколько большей по сравнению с терминальными ценностями реализуемостью, т.е. согласованием параметров важности и доступности ценностей. Выявленное преоблада-

ние тенденции к согласованию в отношении инструментальных ценностей по сравнению с терминальными можно объяснить тем, что инструментальные ценности соотносятся с собственными свойствами и качествами человека (именно их перечень содержательно наполняет список инструментальных ценностей), поэтому инструментальные ценности проецируются человеком и обнаруживаются не во внешнем мире, как терминальные, а в самом себе. Вследствие этого они воспринимаются как более освоенные, в большей степени поддающиеся контролю со стороны самого человека, и повышение их важности ведет к повышению доступности. В то же время в отношении терминальных ценностей, проецируемых во внешний мир, действует в большей мере эффект рассогласования параметров важности и доступности ценности, так как они в большей степени релевантны тем жизненным целям, которые человек ставит перед собой, а значит, их достижение еще только предстоит, они еще не присутствуют в жизни в качестве наличного, имеющегося, соответственно и возникает эффект их большей барьерности. С одной стороны, это показывает наличие некоторой специфики процессов смыслообразования в контексте инструментальных ценностей, но, с другой стороны, не означает их абсолютно противоположного характера относительно рассматриваемых двух классов ценностей. Поскольку корреляционный анализ показал, что высокая реализуемость терминальных ценностей означает и более высокую реализуемость инструментальных, и наоборот, можно утверждать, что гипотеза о существовании устойчивой индивидуальной стратегии в оценке соотношения должного и возможного, выражающейся в преобладании тенденций рассогласования или согласования в переработке и осмыслении разрывов между ними, в данном случае также подтвердилась. При высоком уровне реализуемости ценностей-«целей» наблюдается высокий уровень реализуемости и в отношении ценностей-«средств». Факт несовпадения их абсолютных величин означает, что в эмпирическом исследовании индексы, вычисленные на этих двух классах ценностей, не взаимозаменяемы, и, если стоит задача определить реализуемость инструментальных ценностей, необходимо собирать и соответствующий эмпирический материал.

6.1.3. Ретестовая устойчивость индексов реализуемости и барьерности личностных ценностей

Целью данной серии исследования стала проверка устойчивости индивидуальных индексов реализуемости и барьерности при повторном тестировании.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие 50 человек – студенты факультета психологии и физического факультетов КГУ в возрасте от 18 до 21 года. Список общечеловеческих терминальных ценностей М. Рокича, состоящий из 12 ценностей в соответствии с модификацией данной методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992), оценивался участниками исследования по критериям важности и доступности для себя в настоящее время. Ранжирование ценностей производилось методом *попарного* сравнения. Повторное тестирование проводилось через две недели.

При обработке полученных данных для каждого испытуемого отдельно по каждому классу ценностей вычислялся индивидуальный *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности) и индивидуальный *индекс барьерности* (корреляция параметров важности и разницы важность – доступность). Затем по данным первого и второго тестирования вычислялись средние арифметические значения индивидуальных индексов барьерности и реализуемости и производилась статистическая проверка достоверности различий между ними по t-критерию Стьюдента. Для анализа взаимосвязей соответствующих индексов, полученных в обоих тестированиях, использовался коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты. Сравнение средних показателей индексов реализуемости и барьерности показало, что и в первом и повторном тестировании они почти равны (табл. 6.7), что подтверждено и t-критерием Стьюдента.

Таблица 6.7

Сравнение индексов реализуемости и барьерности терминальных общечеловеческих и групповых ценностей (n=50)

Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Индекс барьерности \bar{a} (σ)
Первый тест	0,13 (0,34)	0,64 (0,14)
Повторный тест	0,14 (0,33)	0,64 (0,14)
T-критерий Стьюдента	0,24 t-крит.=2,01 (p<0,05)	0,16 t-крит.=2,01 (p<0,05)
Коэффициент корреляции	0,51 (p<0,001)	0,54 (p<0,001)

Проверка корреляционной взаимосвязи индексов реализуемости и барьерности в этих списках ценностей выявила положительную связь между ними на высоких (p<0,001 и p<0,01) уровнях значимости.

Таким образом, эти результаты также свидетельствуют о том, что индексы барьерности и реализуемости устойчивы во времени и что действительно существует постоянный индивидуальный способ

оценки соотношения должного и возможного, выражающийся в преобладании тенденции рассогласования или согласования в переработке и осмыслении разрывов между параметрами важности и доступности ценности.

* * *

Итак, в целом *индексы реализуемости и барьерности* оказались *устойчивыми индивидуальными характеристиками* человека, отражающими способ восприятия и внутренней переработки рассогласований при соотнесении должного и желаемого с возможным и доступным в отношении личностных ценностей. Наибольшая консистентность результатов обнаружена в отношении терминальных (общечеловеческих, групповых и индивидуальных) ценностей. Изменение состава и содержания списка терминальных ценностей практически не изменяет меры выраженности реализуемости и барьерности данных ценностей. Вариации этих составляющих смыслообразования проявляются в большей степени между терминальными и инструментальными ценностями: в отношении инструментальных ценностей по сравнению с терминальными в большей мере действует тенденция к согласованию параметров важности и доступности. Тем не менее показатели реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей оказались так же тесно взаимосвязаны между собой, как и аналогичные показатели общечеловеческих, групповых и индивидуальных ценностей.

Резюмируя итоги исследования, направленного на доказательство устойчивости способа смыслообразования в контексте разных по содержанию ценностей, можно утверждать, что выдвинутая гипотеза подтвердилась. **Выраженность** таких качественно разнородных тенденций, как **тенденция к согласованию** параметров важности и доступности ценностей **и тенденция к их рассогласованию**, может рассматриваться в качестве **устойчивой индивидуальной особенности** в восприятии человеком дистанции между мерой значимости, важности ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее реализованности, **не зависящей от содержательных характеристик** ценностей.

Соответственно, была поставлена задача дальнейшего психометрического описания индивидуальных индексов реализуемости и барьерности, включившего в себя несколько этапов. Во-первых, их анализ методами описательной статистики с проверкой наличия возрастной и половой специфики степени выраженности (раздел 6.2). Во-вторых, обоснование содержательной валидности для раскрытия сущности тех реалий, которые стоят за данными индексами. Для этого было проведено исследование, в котором индивидуальные индексы реализуемости и барьерности людей, пребывающих в обычной по-

вседневной жизненной ситуации, сравнивались с аналогичными индексами тех, кто находился на момент исследования в ситуации жизненного кризиса (раздел 6.3). В-третьих, для дальнейшего уточнения психологического содержания конструкта барьерности – реализуемости ценностей было проведено его сопоставление с рядом других устойчивых мотивационных и инструментальных характеристик личности (раздел 6.4).

6.2. Психометрические параметры индивидуальных индексов барьерности и реализуемости

Для выявления психометрических характеристик индивидуальных параметров барьерности и реализуемости ценностей была проведена процедура их диагностики на выборке общей численностью 778 человек, в которую вошли группы, различающиеся по возрастному и половому составу. Описание выборки стандартизации дано в табл. 6.8.

Таблица 6.8

Количественный состав выборки стандартизации индивидуальных индексов реализуемости и барьерности

Возраст (лет)	17–22	23–30	31–40	41–50	51–59
Мужчины	64	82	80	81	4
Женщины	98	164	105	97	10

Для определения барьерности и реализуемости личностных ценностей использовалась модификация методики М. Рокича, предложенная Е.Б. Фанталовой. Процедура диагностики предполагает попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям их важности и доступности, что позволяет получить для каждого испытуемого значения показателя важности, доступности и согласованности, определяемой как разница показателей важности и доступности для каждой из ценностей, включенных в список. Затем для каждого участника высчитывались индивидуальные *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности) и *индекс барьерности* (корреляция параметра важности и разницы важность – доступность).

Для всей группы в целом, а затем для подгрупп мужчин и женщин были определены основные показатели описательной статистики, которые приведены в табл. 6.9 и 6.10.

Как видим, показатели эксцесса и асимметрии свидетельствуют, что вариативность индексов реализуемости и барьерности имеет распределение, близкое к нормальному. Следовательно, они, отражая

меру выраженности тенденций согласования и рассогласования, могут быть использованы для вычисления корреляционных взаимосвязей с другими нормально распределенными переменными методами параметрической статистики.

Таблица 6.9

Показатели описательной статистики индивидуальных индексов реализуемости и барьерности ценностей в совокупной выборке (n=778)

Параметры	Индекс реализуемости	Индекс барьерности
Среднее	0,195	0,606
Стандартная ошибка	0,016	0,007
Стандартное отклонение	0,45	0,21
Эксцесс	-0,95	0,48
Асимметричность	-0,23	-0,73

Таблица 6.10

Показатели описательной статистики индивидуальных индексов реализуемости и барьерности ценностей в выборках мужчин (n=312) и женщин (n=465)

Параметры	Индекс реализуемости		Индекс барьерности	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Среднее	0,22	0,18	0,59	0,61
Стандартная ошибка	0,026	0,020	0,013	0,009
Стандартное отклонение	0,46	0,44	0,23	0,20
Эксцесс	-1,05	-0,92	-0,22	0,67
Асимметричность	-0,23	-0,22	-0,71	-0,83

Было проверено также, существует ли зависимость выраженности индивидуальных индексов реализуемости и барьерности ценностей от пола, для чего были сопоставлены их значения в выборках мужчин и женщин с помощью t-критерия Стьюдента (табл. 6.11). Результаты показали, что имеющиеся различия не являются достоверными, следовательно, можно говорить об отсутствии различий между ними в выраженности данных параметров. Показатели вариативности в мужской и женской выборке также очень близки по значениям, что позволяет конструировать для них одну общую шкалу значений.

Анализ взаимосвязи параметров реализуемости и барьерности с возрастом (табл. 6.12) по критерию Пирсона показала, что значения коэффициентов корреляции близки к нулевым. Это означает отсутствие зависимости индивидуальных индексов реализуемости и барьерности ценностей от возраста.

Таблица 6.11

Сравнение индексов реализуемости и барьерности
у мужчин и женщин

Параметры	Мужчины \bar{a} (σ)	Женщины \bar{a} (σ)	t-факт.	Достоверность различий
Индекс реализуемости	0,22 (0,46)	0,18 (0,44)	1,14	–
Индекс барьерности	0,59 (0,23)	0,61 (0,20)	-1,37	–

t-крит.=1,96

Таблица 6.12

Взаимосвязь индивидуальных индексов барьерности и
реализуемости ценностей с возрастом

Параметры	Выборка		
	Общая (n=778)	Мужчины (n=312)	Женщины (n=465)
Индекс реализуемости	0,04	0,05	0,03
Индекс барьерности	-0,05	-0,02	-0,07

Таблица 6.13

Взаимосвязь индивидуальных индексов барьерности и
реализуемости ценностей между собой

Параметры	Выборка		
	Общая (n=778)	Мужчины (n=312)	Женщины (n=465)
Коэффициент корреляции	0,99***	0,99***	0,99***

Условные обозначения: звездочками (***) отмечены коэффициенты, достигшие уровня статистической значимости $p < 0,001$; n – численность выборки.

В ходе корреляционного анализа было обнаружено, что индивидуальные индексы реализуемости и барьерности очень тесно взаимосвязаны между собой (табл. 6.13).

Показатели взаимосвязи индивидуальных индексов реализуемости и барьерности достигают таких величин, что можно считать их фактически одной переменной. Для упрощения процедур статистического анализа данных в дальнейших исследованиях, в которых не столь существенны индивидуальные количественные показатели каж-

дого из индексов, можно применять только один, более простой в процедуре подсчета *индекс реализуемости*, распространяя результаты и на индекс барьерности.

6.3. Реализуемость личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса

В предыдущей главе было показано, что сдвиг процессов смыслообразования в континууме барьерности – реализуемости в сторону того или иного его полюса зависит от состояния жизненных отношений и жизнедеятельности человека, представленных в ценностно-смысловой сфере его личности. В них отражаются основные линии силового напряжения жизненного пространства в связи с теми задачами, которые человек решает на том или ином этапе своей жизни. Параметры барьерности и реализуемости ценностей конкретных жизненных сфер оказались чувствительны как к возрастным, так и внутривозрастным изменениям социальной ситуации развития, характеризую некоторые социотипические закономерности изменения смыслового типа различных ценностей в зависимости как от объективных характеристик человека (хронологический возраст, гендерная принадлежность), так и от субъективных, связанных с целостной системой отношений человека в определенной социальной ситуации развития. Сопоставление данных параметров с уже раскрытыми и описанными в психологии возрастными закономерностями изменений системы отношений, условий и образа жизни подтвердило их содержательную валидность как задающих определенный тип смыслообразования относительно *ценностей конкретных жизненных сфер*.

Что же касается *индивидуальных индексов реализуемости и барьерности* ценностей, то в предыдущем параграфе была доказана их устойчивость как инвариантность по отношению к содержательному наполнению списка ранжируемых терминальных ценностей, ретестовая устойчивость, а также несводимость к другим свойствам личности. Однако осталась нерешенной *задача* доказательства их содержательной валидности, что и стало *целью* дальнейших исследований, описываемых в данном параграфе.

Мы полагаем, что индивидуальные индексы континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей отражают состояние системы жизненных отношений человека и те преобразования образа мира и жизненного пространства, которые возникают в зависимости от специфики актуальной жизненной ситуации. В отличие от аналогичных индексов, характеризующих ценность конкретных жизненных сфер, индивидуальные индексы позволяют использовать более строгие количественные методы проверки гипотез на основе стати-

стических процедур, не ограничиваясь проведением качественных содержательных параллелей.

Для решения поставленной задачи мы использовали прием сравнения контрастных групп, в соответствии с которым индексы барьерности и реализуемости сопоставлялись у групп людей, преобразование образа мира и жизненного пространства которых в сторону субъективного восприятия его как барьерного является известным фактом. Как следует из многих источников, наиболее сильные качественные изменения образа мира происходят при жизненном кризисе, который обычно связан с переживанием тупика, ощущением сужения жизненного пространства. В.В. Николаевой [Соколова, Николаева, 1995] был обоснован подход к анализу социальной ситуации развития в условиях тяжелого соматического заболевания как кризисного периода жизни. Поэтому в качестве модельной для нашего исследования стала ситуация жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием.

Соматические заболевания являются одними из наиболее частых драматических событий, сопровождающих человека на протяжении всей его жизни. Особенно это относится к категории опасных для жизни (с высокой вероятностью летального исхода) и тяжелых хронических, значительно ограничивающих жизнедеятельность человека соматических заболеваний. Описывая новую жизненную ситуацию, возникающую в условиях болезни, и ее роль в судьбе человека, В.В. Николаева пишет: «Соматическое заболевание (в особенности с тяжелым хроническим течением) качественно изменяет всю социальную ситуацию развития человека: изменяет уровень его психических возможностей, ведет к ограничению контактов с людьми, т. е. оно меняет объективное место, занимаемое человеком в жизни, а также — его «внутреннюю позицию» по отношению к самому себе и к жизни в целом» [Соколова, Николаева, 1995, с. 239]. Если говорить о тех пластах психики, на которых ситуация заболевания отражается, то зачастую изменяются биологические условия протекания деятельности больного, т.е. ограниченными могут оказаться операциональные и энергетические возможности осуществления деятельности. Однако наиболее затронутыми, имеющими самое непосредственное отношение к ситуации болезни становятся те структуры личности, которые связаны с регуляцией жизнедеятельности человека в целом, а это в первую очередь ее ценностно-смысловая сфера: «Сам факт болезни, преломляясь сквозь призму уже сформированных ценностей и мотивов, приобретает различный по своему индивидуальному наполнению личностный смысл», болезнь «оказывается включенной, встро-

енной в сложную иерархическую систему смысловой сферы личности» [там же, с. 229].

Наиболее сильное воздействие опасной для жизни болезни В.В. Николаева связывает с тем, что она может изменить перспективу человеческой жизни в целом. Поскольку всякое истинное развитие предполагает направленность в будущее, открытость перспективы движения, то изменение эскиза будущего – одна из наиболее существенных характеристик новой, складывающейся в условиях болезни социальной ситуации развития. Будущее больного человека становится неопределенным, оскудевает, перестает соответствовать жизненным целям и ожиданиям, сложившимся до болезни, это и задает «одно из наиболее драматичных для заболевшего противоречий новой жизненной ситуации» [там же, с. 240].

Заболевание обычно связано с отрывом человека от привычных социальных общностей, что вызывает резкие изменения в системе социальных отношений, а также требует смены образа жизни, так как сопровождается затруднениями и ограничениями в осуществлении привычных сложившихся способов жизнедеятельности. Поэтому до того, как будет сформирован новый образ жизни, можно говорить о субъективном сужении жизненного пространства [Рогачева, 2004] в связи с ограничениями собственных возможностей «локомоции» (термин К. Левина) в нем, иногда необходимостью адаптации к новым социальным общностям. Новая социальная ситуация в условиях болезни требует от человека активной внутренней работы, вследствие которой должна сформироваться его новая жизненная позиция, «содержание и динамика которой отражают основные смысловые изменения в структуре личности» [Рогачева, 2004, с. 240]. Факт болезни, угрожающей жизни и благополучию человека, ставит перед ним задачи на «смысл», которые наполняют элементы социальной ситуации развития «чрезвычайно напряженным эмоциональным зарядом, способным ограничить жизненную активность человека рамками одного этого поиска» [там же, с. 237]. Все это и дает основания утверждать, что социальная ситуация развития в условиях болезни может быть квалифицирована как кризисная.

Как видим, имеющиеся в психологии представления о психологических последствиях болезни для человека свидетельствуют, что в ситуации заболевания серьезным соматическим недугом появляется много барьеров для осуществления как отдельных деятельностей (из-за ограничений операциональных и энергетических возможностей), так и жизнедеятельности в целом (из-за препятствий в реализации жизненного замысла). Это приводит к субъективно переживаемому сужению жизненного пространства, появлению ощущения его огра-

ниченности и появления в нем многих барьеров и препятствий. Индексы континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей по своему содержанию также отражают восприятие жизненного пространства со стороны присутствия в нем субъективных барьеров и препятствий к важным для человека ценностям. Причем полюс реализуемости связан с освоенностью жизненного пространства и большей свободой человека в нем, отсутствием препятствий на пути реализации наиболее важных жизненных ценностей. Полюс барьерности, напротив, соответствует состоянию неосвоенности жизненного пространства вследствие необходимости его изменения, а затем и последующего освоения новой смысловой реальности, что связывается с наличием субъективных препятствий к реализации ценностей.

На этом основании можно конкретизировать выдвинутое выше предположение в виде следующей гипотезы исследования.

Гипотеза. В ситуации жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием, индивидуальные индексы континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей будут сдвинуты в зону полюса барьерности по сравнению с обычной жизненной ситуацией. Можно также предположить, что будут обнаружены различия в степени такого сдвига в зависимости от характера заболевания.

Выдвинутое предположение проверялось эмпирически в исследовании, спланированном в соответствии со схемой квазиэкспериментального сравнения зависимой переменной в специально созданных контрастных группах. Степень реализуемости личностных ценностей сопоставлялась в экспериментальных выборках, различающихся типом заболеваний и соответствующих им изменений социальной ситуации развития, а также в группах здоровых людей, уравненных с ними по основным социальным, возрастным и образовательным параметрам.

В первой серии исследования приняли участие люди, получившие информацию о своем ВИЧ-положительном статусе, которые при этом не испытывали актуальных соматических страданий (раздел 6.3.1). Во второй серии исследования принимали участие больные, перенесшие ситуацию острой опасности для жизни, связанную с интенсивными болевыми ощущениями и на момент проведения исследования имеющие болевую симптоматику, – это больные после операции удаления аппендикса и больные, госпитализированные с инфарктом миокарда (раздел 6.3.2). Поскольку кроме некоторых общих моментов каждое из заболеваний характеризуется своей ярко выраженной спецификой как в его течении, так и в своих ближайших и отдаленных последствиях, в начале каждого раздела будет приведена краткая характеристика тех сторон данных заболеваний, которые

наиболее тесно связаны с их психологическими аспектами, а затем изложены ход и результаты каждой серии исследования. В завершение будет проведено сопоставление между собой результатов, полученных во всех сериях данного исследования.

6.3.1. Реализуемость личностных ценностей в условиях ВИЧ-инфицирования

Инфекция, вызываемая вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция), в финале которой развивается смертельный синдром приобретенного иммунного дефицита (СПИД), является одним из опаснейших инфекционных заболеваний человека. В настоящее время ВИЧ-инфекция относится к категории неизлечимых болезней, при этом отсутствует как возможность ее излечения, так и предупреждения путем вакцинации. В современном мире заболеваемость ВИЧ-инфекцией, распространенная в начале своего возникновения в основном в странах Центральной Африки, носит характер пандемии, и проблема приобрела глобальный характер.

Выделяют две основные группы психологических трудностей, связанных с наличием ВИЧ–положительного статуса [Покровский, Ермак, Беляева, 2003]. К первой группе относятся страдания, связанные с собственно соматическими проявлениями заболевания, выраженность которых напрямую зависит от стадии заболевания. Вторая группа психологических проблем связывается со всей системой жизненных отношений человека, которые вследствие заболевания оказываются под угрозой, степень их выраженности и особенности зависят от жизненной позиции, мыслей, чувств человека, его взаимоотношений с близкими людьми и т. п.

В протекании самого заболевания различают несколько стадий его развития, длительность каждой из которых может значительно варьировать. Начальные стадии часто практически не имеют болезненных симптомов и в соматическом плане никак не мешают обычному течению жизни. Так, *первая* стадия (инкубационный период от 2–6 недель до нескольких месяцев) протекает без симптомов, и современными методами болезнь не выявляется. *Вторая* стадия, длительностью около одного года (острая инфекция или стадия первичных проявлений), может быть связана с возникновением первых клинических проявлений болезни или же протекать без симптомов, хотя с обнаружением антител. На *третьей* стадии (период латентной инфекции) замедляется скорость размножения ВИЧ, что связано с избыточным воспроизводством защитных клеток. Длительность этой стадии значительно варьирует в диапазоне от 2–3 до 20 лет, что связано как с общим состоянием иммунной системы организма, так и с качеством поддерживающей симптоматической терапии, в среднем же

она составляет 6–7 лет. *Четвертая* стадия (стадия вторичных заболеваний) связана с появлением некоторых инфекционных и неинфекционных болезней, часто вызываемых условно-патогенными микроорганизмами (т. е. такими, которые обычно не вызывают болезни). Только на этой стадии и могут возникнуть те последствия заболевания, которые связаны с собственно соматическими страданиями и их непосредственным влиянием на психику и личность человека. Продолжительность данной стадии варьирует в зависимости от эффективности предпринимаемого лечения, однако на нынешнем этапе развития медицины все же рано или поздно заканчивается летально.

Следовательно, большую часть течения болезни состояние человека не связано с тяжестью ее клинических проявлений, которые заявляют о себе только на последней фазе заболевания. В значительной степени страдания ВИЧ-инфицированного человека связаны с самим фактом осознания себя заболевшим болезнью, которая не только ускоряет смерть и в неопределенной степени ограничивает время жизни, но и предъявляет существенные требования к ее преобразованию. А значит, в течение продолжительного времени развития данной болезни наиболее выраженной является вторая группа психологических проблем.

Безотносительно к выделенным критическим периодам в процессе адаптации к новой жизни, связанной с ВИЧ-положительным статусом, всем инфицированным приходится самостоятельно разрешать целый комплекс психосоциальных проблем. К их числу исследователи и практики относят следующие:

- возникновение новых моральных и правовых форм ответственности (в том числе и уголовной), в первую очередь за заражение другого человека;

- стигматизация, которая определяется как отвержение лиц с определенными нежелательными признаками, являющаяся следствием возникшего в обществе предубеждения по отношению к ВИЧ-инфицированным людям, выражающегося в представлении, что этой инфекцией поражается наименее «благонадежная» часть общества и люди с недостойным поведением;

- изменение жизненных перспектив в связи с осознанием летальности заболевания и высокой степенью неопределенности в прогнозировании продолжительности своей жизни;

- изменение самооценки, системы личностных смыслов и ценностей, самосознания в целом и, как следствие, системы взаимоотношений с окружающими, а также целый ряд других проблем.

Как видим, во многом проблемы ВИЧ-инфицированных больных относятся к сфере их психосоциальной адаптации и выражаются, в

первую очередь, в необходимости установления или преобразования контактов с окружающими на основе знания о своем ВИЧ–положительном статусе. В процессе социально-психологической адаптации пациентов, инфицированных ВИЧ, выделены периоды, которые являются наиболее рискованными в отношении развития дезадаптивных феноменов [Беляева, Ручкина, 1995]. Один из критических периодов – это время после установления диагноза ВИЧ-инфекции и сообщения о нем инфицированному человеку. Это известие является чрезвычайным событием в жизни, приводящим к возникновению постоянного стресса, связанного с физической, психологической, юридической незащищенностью и неопределенностью, степень которого квалифицируется как чрезмерно сильная. Среди наиболее распространенных в это время исследователи фиксируют реакцию страха смерти, заражения близких, потери работы в связи с возможным разглашением диагноза, что ведет к повышению тревоги, которая прослеживается в снижении продуктивности деятельности, утрате планов на будущее, чувстве вины по отношению к людям, которые могли быть заражены пациентом, угрызениях совести из-за своего поведения, приведшего к инфицированию, агрессивности в отношении предполагаемого источника заражения (Беляева, Ручкина, Покровский, 1994; 1996). Часто встречаются и крайние степени социально-психологической дезадаптации пациентов в виде суицидального поведения. Среди механизмов психологической защиты преобладают наименее адаптивные, такие как отрицание, проекция и реактивные образования, которые не зависят от вида получаемой антиретровирусной терапии [Улюкин, 2004].

Описанный выше ряд ярко выраженных симптомов, наблюдаемый на начальных стадиях заболевания, связан как с тревогами и страхами за происходящее в настоящем времени, требующее преобразования наличной социальной ситуации развития, так и в еще большей степени с необходимостью переосмысления своей жизненной перспективы, планов на будущее, коррекции жизненного замысла. Осознание летальности заболевания предъявляет значительные требования к психологической устойчивости и еще в большей мере к жизнестойкости личности. Все это усложняет процессы ценностно-смысловой регуляции и ставит во главу угла проблемы поиска и построения смысла собственной жизни. При этом практически полностью отсутствуют ограничения операциональных возможностей человека в деятельности, физические страдания и симптомы.

Таким образом, постановка диагноза ВИЧ-инфекции ведет к возникновению неразрешимого конфликта между правом на жизнь и неизлечимым заболеванием, что провоцирует ситуацию жизненного

кризиса, а сам факт болезни становится огромным барьером на пути построения жизненных планов, реализации большинства важных ценностей. Это дает основания полагать, что смыслообразование в такой ситуации будет смещено в зону барьерности ценностей. Данное предположение было проверено в эмпирическом исследовании*.

Организация и методы исследования. *Экспериментальную группу* составили 30 человек в возрасте от 25 до 27 лет (50 % женщин и 50 % мужчин), имеющих ВИЧ-положительный статус, которые узнали о своей инфицированности за 6–9 месяцев до исследования. У пациентов отсутствовали какие-либо соматические симптомы, что типично для первого этапа развития данного заболевания, который обычно характеризуется только психологической симптоматикой вследствие переживания первого критического периода после установления диагноза ВИЧ-инфекции. Среди них не было лиц, употребляющих наркотические вещества, и способ их инфицирования не был связан с наркоманией. В *контрольную группу* вошли 30 здоровых, на момент обследования, человек. По своим социально-экономическим характеристикам испытуемые экспериментальной и контрольной групп не различаются: у всех есть высшее образование и постоянное место работы. Возраст тех, кто принял участие в исследовании, представляет собой раннюю взрослость – период, когда произошло осознание себя как субъекта собственной жизни, начинают осознанно реализовываться жизненные планы, формируется свой собственный жизненный стиль. Это время поиска своего способа бытия в мире, когда вся жизнь еще впереди. Соответственно, люди данной возрастной группы наиболее подвержены воздействию информации о данной болезни, которая ставит под угрозу именно будущее, укорачивая в неопределенной степени временную перспективу жизни.

Методический инструментарий включал модификацию методики М. Рокича, предложенную Е.Б. Фанталовой (1992), предполагающую попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям их важности и доступности, на основе данных которой для каждого участника исследования рассчитывался индивидуальный *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности по всему списку ценностей). В каждой группе и подгруппе вычислялись его средние арифметические значения и производилось их статистическое сравнение *t*-критерием Стьюдента. В качестве дополнительных были использованы тест смысловых ориентаций (СЖО) в разработке Д.А. Леонтьева (1992 в) и тест уровня субъективного контроля (УСК) Дж. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (1984). Необходимость применения последнего связана с существенным для характеристики системы жизненных отношений в ситуации постановки диагноза ВИЧ-инфекции ощущением потери контроля над своей жизнью [Беляева, Ручкина, Покровский, 1994].

*Материал собран студенткой факультета психологии КГУ А.М. Гафиуллиной в рамках дипломной работы, выполненной под нашим руководством.

Результаты. Сопоставление экспериментальной и контрольной групп по показателям тестов СЖО и УСК выявило большое количество различий между ними. В экспериментальной группе ВИЧ-инфицированных достоверно (при $p < 0,001$) ниже, чем у группы здоровых, показатели общей осмысленности жизни, наличия целей жизни, удовлетворенности ее результативностью, уверенности в значимости собственной роли в своей жизни и контролируемости жизни в целом (табл. 6.14).

Таблица 6.14

Сравнение показателей теста смысложизненных ориентаций в группах ВИЧ-инфицированных и здоровых людей

Группа	Шкалы теста СЖО \bar{a} (σ)					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общий балл
ВИЧ+ (n=30)	21,8 (6,2)	19,8 (5,7)	17,1 (5,3)	13,2 (3,5)	20,3 (7,9)	92,2 (13,6)
Здоровые (n=30)	34,8 (5,2)	21,0 (5,5)	27,3 (3,1)	22,5 (2,9)	32,8 (4,7)	138 (11,2)
Т-факт.	8,80	0,81	9,20	11,15	7,45	14,35
Уровень значимости различий	$p < 0,001$	–	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$

t-крит.=2,01 ($p < 0,05$), t-крит.=3,64 ($p < 0,001$).

Таблица 6.15

Сравнение показателей теста уровня субъективного контроля в группах ВИЧ-инфицированных и здоровых людей

Группа	Шкалы теста УСК \bar{a} (σ)						
	О	Д	Н	П	С	З	М
ВИЧ+ (n=30)	26,4 (19,2)	9,9 (6,6)	17,0 (5,4)	7,9 (4,3)	9,3 (4,7)	4,0 (2,5)	3,9 (2,4)
Здоровые (n=30)	39,4 (23,5)	19,2 (5,0)	10,0 (5,6)	15,6 (4,2)	11,5 (4,0)	7,7 (1,9)	8,0 (1,7)
Т-факт.	2,34	6,14	4,95	7,03	1,93	6,50	7,81
Уровень значимости различий	$p < 0,05$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	$p < 0,001$	–	$p < 0,001$	$p < 0,001$

t-крит.=2,01 ($p < 0,05$), t-крит.=3,64 при $p < 0,001$.

Условные обозначения: интернальность общая – О, в области достижений – Д, неудач – Н, производственных отношений – П, семейных отношений – С, здоровья – З, межличностных отношений – М.

В группах отличаются и показатели уровня субъективного контроля – в большинстве сфер жизни они сдвинуты в сторону полюса экстернальности по сравнению со здоровыми людьми (табл. 6.15), при этом по шкале локуса контроля в сфере неудач ВИЧ-инфицированные, напротив, более интернальны ($p < 0,01$).

В целом картина, полученная по результатам дополнительных методик, и установленные различия свидетельствуют о наличии симптомов жизненного кризиса в экспериментальной группе ВИЧ-инфицированных не только по объективным показателям жизненной ситуации, но и по субъективному ее переживанию.

Сравнение индексов реализуемости в экспериментальной и контрольной группах показало, что в группе ВИЧ-инфицированных его значения достоверно ниже по сравнению с контрольной группой (табл. 6.16). Более того, у больных корреляция параметров важности и доступности принимает отрицательные значения, а значит, становится индексом проблемности, что свидетельствует о преобладании в процессах смыслообразования в контексте личностных ценностей тенденции рассогласования в ее крайней степени поляризации.

Таблица 6.16

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах ВИЧ-инфицированных ($n=30$) и здоровых ($n=30$) людей

Группы Параметры	ВИЧ+ \bar{a} (σ)	ВИЧ- \bar{a} (σ)	t-факт.	t-крит.	Достоверность различий
Индекс реализуемости	-0,26 (0,24)	0,27 (0,28)	-7,86	3,63 ($p < 0,001$)	$p < 0,001$

Раздельный анализ результатов в группах мужчин и женщин (табл. 6.17) выявил, что и у мужчин, и у женщин, инфицированных ВИЧ, наблюдается та же достоверная, статистически значимая разница в степени реализуемости личностных ценностей.

Таблица 6.17

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах ВИЧ-инфицированных и здоровых женщин и мужчин

Группы	ВИЧ+	Здоровые	T-критерий Стьюдента	Достоверность различий
Женщины ($n=15$)	-0,31 (0,21)	0,30 (0,31)	-6,22	$p < 0,001$ t-крит.=3,66 ($p < 0,001$)
Мужчины ($n=15$)	-0,21 (0,26)	0,25 (0,26)	-4,81	

Однако у женщин по сравнению с мужчинами различие между больными и здоровыми выражено более резко: показатели t-критерия при сравнении здоровых и инфицированных подгрупп женщин выше, чем при сравнении аналогичных подгрупп мужчин между собой.

В целом полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу: показатели параметра барьерности – реализуемости ценностей характеризуют индивидуальный тип смыслообразования в условиях ВИЧ-инфицирования как проблемно-барьерный, что проявляется в преобладании тенденции к рассогласованию параметров важности и доступности ценностей, доходящей до их поляризации.

6.3.2. Реализуемость личностных ценностей в условиях внезапного опасного для жизни заболевания (на примере острого приступа инфаркта миокарда и аппендицита)

Вторая серия исследования проводилась на материале более привычных заболеваний, имеющих ярко выраженные соматические симптомы. Это, во-первых, острый приступ воспаления аппендикса с последующей операцией по его удалению и, во-вторых, инфаркт миокарда. По сравнению с ВИЧ-инфицированием оба эти заболевания с самого начала их возникновения характеризуются симптомами физического страдания, внезапными и сильными болевыми ощущениями и представляют реальную угрозу жизни человека. Но при этом они имеют отличия между собой по отдаленным последствиям и требованиям к преобразованию образа жизни в будущем.

Ситуация приступа острого воспаления аппендикса с последующей операцией по его удалению сопровождается ярко выраженными симптомами боли. Как при самом приступе, так и в первые дни после операции человек попадает в ситуацию внезапной угрозы для собственной жизни, переживает достаточно интенсивные болевые симптомы, неудобства в связи с временными ограничениями жизнедеятельности, а также возможным прерыванием привычного или планируемого хода жизни вследствие болезни и госпитализации. Но при своевременном оказании медицинской помощи заболевание не влечет за собой долгосрочных последствий и не связывается с уменьшением продолжительности жизни. Среди психологических последствий данного заболевания можно предполагать наличие воспоминаний о пережитом страхе и боли из-за представляющих внезапную угрозу для жизни симптомов, о негативных психических состояниях вследствие как физических страданий после операции, так и нарушения краткосрочных жизненных планов. При стандартном, без осложнений течении данного заболевания чаще всего совершенно отсутствует необходимость переосмысления перспектив своей жизни, перестройки средне- и долгосрочных жизненных планов и образа жизни. Посколь-

ку последствия операции по удалению аппендикса обычно недолговременны, болезнь не входит в число тех, которые привлекают внимание психологов. Наверное, поэтому мы не обнаружили исследований и описаний ее психологических аспектов в литературе.

Острый приступ инфаркта миокарда также характеризуется внезапностью, реальной угрозой для жизни, наличием ярко выраженных физических страданий, последующей госпитализацией и разрывом в привычном течении жизни, что позволяет найти общие черты по психологическим последствиям с ситуацией заболевания острым аппендицитом. Но, в отличие от него, инфаркт миокарда оставляет постоянную угрозу непредсказуемой заранее, но ограничивающей жизненную перспективу витальной угрозы, влечет за собой необходимость перестраивать свой образ жизни и пересматривать жизненные планы. В настоящее время в обширном списке источников раскрываются психические осложнения и психологические проблемы, как возникающие вследствие непосредственно перенесенного приступа, так и связанные с изменением важных ценностно-смысловых аспектов бытия человека, задающие специфику психологических аспектов переживания данной ситуации как критической.

В качестве наиболее часто возникающих в клинике инфаркта миокарда психических нарушений многие исследователи описывают эмоциональные расстройства и выделяют эмоциональное переживание как основной компонент бытия личности в болезни. Самыми распространенными и выраженными из них являются тревога и депрессия – это обычно астено-депрессивные или тревожно-депрессивные состояния со сверхценными ипохондрическими представлениями и уходом в болезнь. Они выражены приблизительно у двух третей больных, большая часть которых внешне может казаться благополучной. Л.Г. Урсова (1989) указывает на то, что очевидный для окружающих «уход в болезнь» с гиперболически-пессимистической оценкой своего состояния оказывается основным типом реакции на патологический процесс в остром периоде инфаркта миокарда. Д.М. Аронов (2000) регистрирует астено-невротический синдром, доминирующий в клинической картине у 79 % лиц, перенесших инфаркт миокарда в молодом возрасте. А.К. Полуянскене (1986) выделяет группы людей, перенесших инфаркт миокарда, по принципу наличия и выраженности тревожности, указывая, что декомпенсированные лица с очень высоко выраженной тревожностью и с признаками депрессивности составляют до 60% от общего числа перенесших инфаркт. У половины больных наблюдается интенсификация невротических черт, так что «даже самая оптимистическая картина заболевания и благоприятный с точки зрения терапевта прогноз

не исключают возможности социальной инвалидизации вследствие невротизации личности» [Тополянский, Струковская, 1986, с. 110].

А. Сельвини, К. Дженкинс считают главным психологическим фактором в этой ситуации постоянную аффективную напряженность, составляющими которой являются подавленность и печаль, чувство укороченной перспективы, безысходности и беспомощности, что обозначается ими как недостаточность «личного запаса надежды» [см. Рогачева, 2004]. Особое значение приобретают при этом возникающие эпизодически колебания настроения, обусловленные страхом «за сердце» без выраженной интеллектуальной обработки. По крайней мере у одной пятой больных был выявлен специфический для лиц, страдающих ишемической болезнью сердца, витальный страх – безотчетное, немотивированное чувство неотвратимой катастрофы. Главной его причиной считаются боязнь повторения нового приступа [Тополянский, Струковская, 1986] и ощущения боли, напоминающие человеку о неполном выздоровлении и угрозе для жизни [Смолко, Зяблов, Бейдер, 1987].

По мнению Т.В. Рогачевой (2004), тревога является наиболее типичным для данной нозологии психопатологическим синдромом, который лежит в основе всех других психических нарушений, развивающихся после инфаркта миокарда, в частности, кардиофобии и депрессии. Сферы жизни, где тревога максимальна, – это возвращение к работе, проведение досуга и продолжение прежних социальных контактов. Возникновение эмоциональных реакций связывается со страхом смерти, потерей самоидентичности, чувства «Я». По данным В.В. Николаевой (1996), тревожные реакции преобладают в период госпитализации, а депрессивные – после возвращения домой. Многие авторы указывают также на психогенную депрессию как психологическое последствие перенесенного инфаркта миокарда [Смулевич, 2000]. Считается, что депрессивность вызывается разными потерями в жизни, а тревожность – страхом смерти и влиянием инфаркта миокарда на сексуальную функцию.

К факторам понижения качества жизни, вызывающим неприятные переживания, относят необходимость избегать эмоционального напряжения, ограничение физических усилий, необходимость выполнения врачебных рекомендаций: «Больной вынужден ограничивать свое поведение, отказываться от принятия ответственных решений, менять жизненную позицию» [Соколов, Заев и др., 1991, с. 103].

Несмотря на то, что диапазон индивидуальных различий в реагировании на болезнь достаточно разнообразен и В.П. Зайцевым (1975) даже предложена классификация психологических реакций на инфаркт миокарда и прослежена их зависимость от личностных черт больного, тем не менее инвариантом этой ситуации является необхо-

димось глубинной смысловой переработки данного события [Николаева, 1996; Рогачева, 2004].

Смысловые аспекты переживания ситуации заболевания выразительно описывает Д. Хелл, считающий депрессивную тревогу пациента, перенесшего инфаркт, выражением ощущения ограниченности его человеческих возможностей, его отделенности от будущего. Жизненное пространство воспринимается таким пациентом как сузившееся. Именно эти изменения пугают и тревожат больного, приводя к «бушующей блокаде» и «судорожным попыткам найти выход» [Хелл, 1999, с. 43]. Другим часто встречающимся проявлением депрессии является переживание тяжести и скованности. Чтобы описать свои ощущения, больные используют метафоричные выражения, например, «свинцовая тяжесть в руках и ногах», «пудовый груз на плечах» При чем, как указывают авторы, «переживания тяжести и скованности воспринимаются депрессивными больными, как правило, не столько как "судьбоносные", а скорее как проявление истощенности» [там же, с. 46].

Психологические механизмы встречи заболевшего инфарктом миокарда человека и мира и ее переживание им, основания выбора личностью моделей и способов взаимодействия с миром в болезни раскрываются Т.В. Рогачевой. В результате анализа разнообразных психологических последствий инфаркта миокарда она делает вывод, что данное заболевание становится критической ситуацией, «вносящей в жизнь человека противоречия между желаемым и возможным, обостряющей чувство страха собственной смерти, создающей ситуацию неопределенности» [Рогачева, 2004, с. 214]. По ее мнению, ее преодоление требует анализа с экзистенциальных позиций «целостного жизненного пути, поиска психологических механизмов, выступающих в качестве регуляторов жизнедеятельности, средств разрешения противоречий, которые предполагают исследование механизма смыслогенеза» [там же, с. 215].

Кроме описания негативных последствий перенесенного инфаркта миокарда, есть ряд исследований, в которых выявлены различные способы личностно-смысловой регуляции и их влияние на успешность преодоления критической ситуации [Соколова, Николаева, 1995]. Обнаружены также и некоторые позитивные изменения в направлении личностного роста, возникшие вследствие заболевания. Так, А.П. Попогребский (1998), исследуя влияние перенесенного инфаркта миокарда на ценностно-смысловую сферу человека, выявил большую разветвленность и связность мировоззренческих представлений, более сложную их структуру и более высокую степень децентрации и рефлексивности у людей, перенесших инфаркт миокарда, по сравнению с больными, не перенесшими в жизни ситуаций, чреватых летальным

исходом. Однако все эти изменения были зафиксированы не в период внезапной госпитализации, а значительное время спустя после приступа.

Итак, имеющиеся в психологии данные о психологических последствиях инфаркта миокарда свидетельствуют, что это заболевание несет серьезную угрозу жизни и создает перед жизнью человека самый большой барьер – барьер собственной смерти. Кроме этого возникает ряд более частных барьеров, связанных с текущими ограничениями жизнедеятельности и сокращением операциональных возможностей. Существенны для нас и сведения об ограничении жизненного пространства, возникающие при переживании данной ситуации. Все это вместе дает убедительные основания предполагать, что барьерность личностных ценностей в ситуации такого заболевания действительно окажется очень высокой.

Отличие кризисной ситуации, возникшей вследствие острого инфаркта миокарда, от госпитализации вследствие приступа аппендицита связано с абсолютно разными последствиями для планирования собственных жизненных перспектив и образа жизни. Поэтому, конкретизируя нашу основную *гипотезу*, мы полагаем, что оба заболевания должны иметь своим следствием понижение реализуемости и, соответственно, повышение барьерности личностных ценностей, но степень барьерности при инфаркте должна быть выражена больше, чем при остром аппендиците. Данное предположение было проверено эмпирически.

Организация и методы исследования. *Экспериментальную* группу составили 40 человек в возрасте от 35 до 45 лет (средний возраст испытуемых 40 лет). Из них половина (10 мужчин и 10 женщин) были госпитализированы в связи с обострением аппендицита и прооперированы (обозначим ее условно «подгруппа аппендицита»), а вторая половина (10 мужчин и 10 женщин) – в связи с инфарктом миокарда (обозначим ее условно «подгруппа инфаркта»). Обследование заболевших проводилось на 5–7 день после госпитализации. *Контрольная* группа состояла из 30 человек, не имеющих на момент исследования проблем со здоровьем. По своим социально-экономическим характеристикам испытуемые экспериментальной и контрольной групп не различаются: все участники исследования имеют высшее или техническое профессиональное образование, семью и постоянное место работы.

Необходимо отметить некоторые различия в актуальном состоянии больных разных подгрупп на момент проведения исследования. Пациенты, перенесшие полостную операцию по удалению аппендикса, имели довольно интенсивные болевые ощущения и ограничения в осуществлении физической активности и физиологических отправлениях, так как постоянно проводились перевязки, и раны еще не зажили, доставляя целый ряд соматических страданий. Пациенты, перенесшие инфаркт, после проведения курса интенсивной терапии

имели гораздо более стертую и неявно выраженную болевую симптоматику и меньшее количество физических ограничений по сравнению с «подгруппой аппендицита».

Методический инструментарий включал модификацию методики М. Рокича, предложенную Е.Б. Фанталовой (1992), предполагающую *попарное* сравнение 12 терминальных ценностей по критериям их важности и доступности на основе данных которой для каждого участника исследования рассчитывался индивидуальный *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности по всему списку ценностей). В каждой группе и подгруппе вычислялись его средние арифметические значения и производилось их статистическое сравнение с помощью *t*-критерия Стьюдента. В качестве дополнительного был использован тест смысловых ориентаций (СЖО) в разработке Д.А. Леонтьева (1992) и опросник ЛОБИ – клинический тест, разработанный специально для выявления отношения к соматическому заболеванию [Кабанов и др., 1983].

Результаты. Сопоставление экспериментальной и контрольной групп по шкалам теста СЖО выявило, что у заболевших такие его показатели, как общая осмысленность жизни, удовлетворенность ее процессом, уверенность в значимости собственной роли в своей жизни и оценка контролируемости жизни в целом – достоверно ниже по сравнению со здоровыми людьми (табл. 6.18). При этом уровень представленности целей жизни и удовлетворенность ее результативностью не имеют значимых отличий. В целом выявленные различия свидетельствуют о наличии ситуации жизненного кризиса в экспериментальной группе не только по объективным характеристикам жизненной ситуации, но и по субъективному ее переживанию.

Таблица 6.18

Сравнение показателей теста СЖО в группах больных и здоровых людей

Группа	Шкалы теста СЖО \bar{a} (σ)					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общий балл
Больные (n=40)	35,6 (4,8)	27,8 (6,5)	26,7 (5,2)	20,4 (3,1)	25,0 (7,5)	98,6 (14,7)
Здоровые (n=40)	35,8 (5,1)	32,8 (4,1)	27,8 (4,0)	22,9 (3,9)	33,1 (5,8)	111,2 (12,7)
T-критерий Стьюдента	0,20	-3,71	-1,03	-3,19	-5,42	-4,05
Значимость различий	–	p<0,001	–	p<0,01	p<0,001	p<0,001

Значение t-крит. составляет 1,66 при p<0,05, 2,38 при p<0,01 и 3,20 при p<0,001

Внутри экспериментальной группы между «подгруппой аппендицита» и «подгруппой инфаркта» различия обнаружены по двум шкалам, и они носят разнонаправленный характер: показатели шкалы эмоциональной насыщенности настоящего несколько выше в «подгруппе инфаркта» ($p < 0,05$), а показатели шкалы результативности жизни – в «подгруппе аппендицита» ($p < 0,05$) (табл. 6.19). Заметим при этом, что уровень достоверности этих различий намного ниже, чем при сравнении контрольной и экспериментальной групп.

Таблица 6.19

Сравнение показателей теста СЖО в подгруппах аппендицита и инфаркта

Подгруппа	Шкалы теста СЖО \bar{a} (σ)					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общий балл
«аппендицит» (n=20)	35,2 (3,9)	25,4 (7,2)	28,2 (4,1)	19,7 (3,1)	25,2 (7,1)	96,4 (15,2)
«инфаркт» (n=20)	35,9 (5,0)	29,6 (4,9)	25,4 (5,7)	20,9 (3,0)	24,9 (7,9)	100,4 (14,3)
T-критерий Стьюдента	0,56	-2,17	2,20	-0,69	0,13	-0,82
Значимость различий	–	$p < 0,05$	$p < 0,05$	–	–	–

Значение t-крит. составляет 2,02 при $p < 0,05$

Следовательно, состояние обеих экспериментальных подгрупп в равной мере характеризуется признаками жизненного кризиса, связанного с внезапным представляющим угрозу для жизни заболеванием, сопровождающимся болевыми ощущениями и ограничениями жизнедеятельности.

Таблица 6.20

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах больных (n=40) и здоровых (n=30) людей

Группы	Больные	Здоровые	t-факт.	t-крит.	Достоверность различий
Параметры	\bar{a} (σ)	\bar{a} (σ)			
Индекс реализуемости	-0,37 (0,18)	0,23 (0,42)	-7,22	3,76 ($p < 0,001$)	$p < 0,001$

Сопоставление индивидуальных индексов реализуемости личностных ценностей в экспериментальной и контрольной группах (табл. 6.20) показывает наличие статистически достоверного (на уровне $p < 0,001$) их сдвига в направлении полюса барьерности у группы госпитализированных пациентов. Более того, у больных корреляция параметров важности и доступности принимает отрицательные

значения, что свидетельствует о преобладании в процессах смыслообразования в контексте личностных ценностей тенденции рассогласования в ее крайней степени поляризации.

Поскольку ситуация заболевания аппендицитом довольно резко отличается от ситуации заболевания инфарктом миокарда в жизненно-стратегическом плане, то значения индивидуальных индексов барьерности и реализуемости личностных ценностей были сопоставлены между собой в экспериментальных подгруппах больных (табл. 6.21).

Таблица 6.21

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в подгруппах аппендицита (n=20) и инфаркта (n=20)

Группы Параметры	Аппендицит \bar{a} (σ)	Инфаркт \bar{a} (σ)	t-факт.	t-крит.	Достоверность различий
Индекс реализуемости	-0,26 (0,15)	-0,48 (0,11)	5,35	3,59 ($p < 0,001$)	$p < 0,001$

Как можно заметить, различия параметров реализуемости личностных ценностей между подгруппами «аппендицита» и «инфаркта» достоверны в той же мере, что и отличие совокупной экспериментальной группы от контрольной группы здоровых. В «подгруппе инфаркта» значение индекса реализуемости свидетельствуют о весьма достоверном сдвиге в направлении полюса барьерности (различия на уровне $p < 0,001$) по сравнению с «подгруппой аппендицита», хотя у последних после перенесенной полостной операции соматическое состояние на момент обследования было более тяжелым. Это выразилось в показателях шкалы гармоничного отношения к болезни (по результатам методики ЛОБИ): у «подгруппы инфаркта» оно достоверно выше ($p < 0,001$), т.е. гармоничнее, чем у подгруппы пациентов, перенесших операцию по удалению аппендикса, по остальным шкалам опросника ЛОБИ существенных отличий между ними не выявлено.

Анализ, проведенный отдельно для подгрупп мужчин и женщин, показал, что степень сдвига в сторону полюса барьерности в целом больше в группе женщин: так индекс реализуемости у них достоверно меньше, чем у мужчин. При этом более ярко это выражено у женщин подгруппы инфаркта по сравнению с подгруппой аппендицита.

Итак, гипотеза о том, что в ситуации жизненного кризиса, вызванного серьезным соматическим заболеванием, связанным с угрозой для жизни, происходит сдвиг в континууме барьерности – реализуемости ценностей в сторону полюса барьерности, подтвердилась и в случае заболеваний, имеющих выраженную соматическую симптоматику (аппендицит и инфаркт). Причем более выраженная

барьерность личностных ценностей проявилась у больных, перенесших инфаркт миокарда, тогда как у перенесших операцию вследствие острого воспаления аппендикса, несмотря на более тяжелое на момент обследования соматическое состояние, степень реализуемости ценностей была выше, а барьерности, соответственно, меньше. Это свидетельствует о том, что параметры континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей отражают как актуальные барьеры, возникающие в ходе актуальной жизнедеятельности, так и барьеры, связанные с реализацией жизненного замысла и стратегическими аспектами жизни.

* * *

Соотношение вклада барьеров разного типа в выраженность параметров континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей можно оценить, сопоставив данные, полученные в двух сериях исследования, и сравнив между собой все группы заболевших.

Сопоставительный анализ данных первого и второго исследования, несмотря на то, что группы, принявшие участие в эксперименте, относятся к разным возрастным категориям, тем не менее приемлем, так как ранее (см. выше) было показано, что индивидуальные индексы барьерности и реализуемости ценностей не зависят от возраста и не имеют возрастной специфики (в отличие от показателей барьерности и реализуемости ценностей конкретных жизненных сфер, обнаруживших существенные различия в зависимости от возраста человека).

Сравнение показало, что в группах ВИЧ-инфицированных и «аппендицита» средние арифметические показатели индексов реализуемости почти равны (табл. 6.22), а проверка достоверности различий по t-критерию Стьюдента подтвердила отсутствие различий.

Таблица 6.22

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах
ВИЧ-инфицированных и «аппендицита»

Группы Параметры	Аппендицит (n=20)	ВИЧ+ (n=30)	T-критерий Стьюдента	Достоверность различий
Индекс реализуемости	-0,26 (0,15)	-0,26 (0,24)	-0,07	– t-крит.=2,02 (p<0,05)

Сравнение группы ВИЧ-инфицированных с группой больных, перенесших инфаркт миокарда, показало, что индексы реализуемости ценностей имеют достоверные различия: в группе инфаркта степень реализуемости ценностей значительно ниже, а, соответственно, барьерности – выше, чем в группе ВИЧ-инфицированных (табл. 6.23),

статистическая проверка по *t*-критерию Стьюдента подтвердила высокий уровень достоверности ($p < 0,001$) этих различий.

Таблица 6.23

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах ВИЧ+ и «инфаркта»

Группы Параметры	Инфаркт (n=20)	ВИЧ+ (n=30)	<i>T</i> -критерий Стьюдента	Достоверность различий
Индекс реализуемости	-0,48 (0,11)	-0,26 (0,24)	4,46	$p < 0,001$ t -крит.=3,53 ($p < 0,001$)

Таблица 6.24

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости во всех группах заболевших

Группы Параметры	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	Достоверность различий по <i>t</i> -критерию Стьюдента
1. Аппендицит	-0,26 (0,15)	(1-2) – отсутствуют
2. ВИЧ+	-0,26 (0,24)	(1-3) – $p < 0,001$
3. Инфаркт	-0,48 (0,11)	(2-3) – $p < 0,001$

Итак, сопоставительный анализ данных всех групп заболевших между собой, итог которого приводится в табл. 6.24, выявил, что в группе ВИЧ+ и подгруппе «аппендицита» показатели индексов реализуемости почти равны, тогда как сравнение группы ВИЧ-инфицированных с подгруппой «инфаркта», показало, что и индексы реализуемости ценностей имеют существенные отличия: в подгруппе «инфаркта» степень реализуемости ценностей значительно ниже, а значит, барьерности – выше, чем в группе ВИЧ-инфицированных.

В целом гипотеза о том, что в ситуации жизненного кризиса, вызванного серьезным соматическим заболеванием, связанным с угрозой для жизни, происходит сдвиг в континууме барьерности – реализуемости ценностей в сторону полюса барьерности, подтвердилась как в случае заболеваний, имеющих выраженную соматическую симптоматику (аппендицит и инфаркт миокарда), так и в случае заболеваний, ее не имеющих (ВИЧ-инфицирование). Сравнение всех экспериментальных групп показало, что наибольшая степень барьерности личностных ценностей выявлена в подгруппе больных, перенесших инфаркт миокарда, а группа ВИЧ-инфицированных и подгруппа больных, перенесших операцию по удалению аппендикса, демон-

стрируют приблизительно равную между собой и меньшую по сравнению с «подгруппой инфаркта» барьерность ценностей.

Эти результаты очевидным образом соотносятся с теми типами барьеров и ограничений жизнедеятельности, которые возникают вследствие каждого из заболеваний. Фактически при их сравнении можно выделить два содержательно разнородных и независимых друг от друга типа барьеров, определяющих психологические последствия заболевания, которые описаны и другими авторами. Первый обуславливается тяжестью актуального физического состояния, т.е. выраженностью болезненных ощущений, наличием физических ограничений в реализации жизнедеятельности в настоящем времени. Второй тип барьера определяется ограничениями в отношении жизненных перспектив в будущем, реализации жизненного замысла, т.е. представлен в сознании как необходимость учитывать при построении и планировании своего будущего реальность заболевания, которое сокращает временную перспективу жизни и задает ситуацию неопределенности вследствие вероятности неожиданного развития болезни вплоть до летального исхода. Исследованные нами три группы заболевших отличаются друг от друга разным сочетанием этих типов барьеров.

В «подгруппе аппендицита» максимально представлен первый барьер и полностью отсутствует второй. У пациентов после операции удаления аппендикса наиболее выражены физические страдания: как при самом приступе, так и в первые дни после операции достаточно интенсивны болевые симптомы и актуальные ограничения жизнедеятельности. Но при своевременном оказании медицинской помощи операция не имеет долгосрочных последствий, поэтому барьер, связанный с влиянием болезни на планирование будущего и пересмотр жизненных перспектив, практически отсутствует, нет необходимости переосмысления будущего и перестройки образа жизни в целом. Данная болезнь является преходящим событием и не вносит значительных изменений в жизненные планы.

Абсолютно противоположной по сочетанию ограничивающих барьеров является ситуация заболевания в группе ВИЧ-инфицированных: здесь максимально представлен второй тип барьера и полностью отсутствует первый. Как известно, на первых стадиях ВИЧ-инфицирования нет каких-либо болезненных симптомов, отсутствуют физические, телесные страдания, практически нет ограничений актуальных процессов жизнедеятельности (см. раздел 6.3.1). Основной удар болезни приходится на масштабные жизненные планы и перспективы, а также систему значимых отношений, образ жизни, т.е.

возникают существенные последствия заболевания как для ближайшего, так и для отдаленного будущего.

С точки зрения психологических последствий совершенно иной случай представляет такая опасная, сопровождающаяся приступом боли и серьезной угрозой для жизни болезнь как острый приступ инфаркта миокарда. Здесь присутствуют оба ограничивающих барьера. С одной стороны, внезапность опасного для жизни болевого приступа, реальная угроза для жизни, наличие ярко выраженных физических страданий, болевых симптомов и ограничений жизнедеятельности в настоящем времени позволяет найти общие моменты, аналогичные ситуации острого приступа аппендицита и операции по его удалению. С другой стороны, эта болезнь не является временным и преходящим событием, она служит сигналом необходимости серьезного пересмотра жизненных планов, предъявляет большие требования к изменению образа жизни в будущем. Болезнь вводит в сознание смерть как возможную в обозримом будущем реальность, которая ставит под угрозу реализацию основных жизненных ценностей и смыслов, иногда и самого жизненного замысла. И это сближает ее по психологическим последствиям с ситуацией ВИЧ-инфицирования.

Факты, полученные в исследовании, соответствуют этой модели ограничивающих барьеров. Именно в группе больных, перенесших инфаркт миокарда, барьерность личностных ценностей наибольшая, поскольку присутствуют оба ограничивающих барьера. В двух других группах присутствует лишь один из них, и хотя эти группы очень отличаются между собой по характеру заболевания, результаты их сравнения по критерию барьерности – реализуемости ценностей близки. Следовательно, степень барьерности – реализуемости личностных ценностей количественно зависит от специфики заболевания с точки зрения его психологических последствий – тех переживаемых человеком барьеров и ограничений, которые в его жизнь привносит та или иная болезнь, а индексы континуума барьерности – реализуемости аддитивно кумулируют в себе действие и тех, и других барьеров.

Итак, в целом все полученные результаты подтверждают гипотезу. Резюмируя итоги исследования, направленного на доказательство содержательной валидности индивидуальных параметров барьерности и реализуемости личностных ценностей, можно сделать следующие **выводы**:

1. В ситуации жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием, индексы континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей сдвинуты в зону проблемности данного континуума. Они отражают состояние жизненных отношений

субъекта и те ограничения жизнедеятельности, которые возникают в ситуации болезни.

2. В параметрах барьерности и реализуемости ценностей проявляются как актуальные барьеры и ограничения жизнедеятельности, так и барьеры и ограничения в отношении долгосрочных жизненных перспектив, которые являются следствием заболевания, а индексы континуума барьерности – реализуемости количественно кумулируют в себе действие и тех, и других. Наибольший сдвиг в зону барьерности личностных ценностей выявлен у пациентов, перенесших инфаркт миокарда, данное заболевание сочетает оба типа барьеров. В группе ВИЧ-инфицированных и подгруппе больных, перенесших операцию по удалению аппендикса, обнаружена приблизительно равная между собой и меньшая по сравнению с «подгруппой инфаркта» степень барьерности личностных ценностей, что связано с возникновением только одного типа барьера в результате заболевания.

3. Чувствительность индивидуальных индексов континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей к изменениям жизненной ситуации доказывает их содержательную валидность как индикаторов работы функционального механизма структурирования образа мира в его ядерном, амодальном слое, задающем организацию жизненного пространства человека. В условиях жизненного кризиса возникает и соответствующий образ мира как полного ограничений в реализации личностных ценностей, что приводит к субъективно переживаемому сужению жизненного пространства.

4. Сдвиг индивидуальных индексов континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей в зону проблемности данного континуума может рассматриваться как индикатор состояния психологического кризиса.

6.4. Соотношение реализуемости личностных ценностей с устойчивыми свойствами личности

Для более объемного и разностороннего описания феномена реализуемости личностных ценностей и выявления содержания стоящего за ним механизма смыслообразования необходимо соотнести параметры реализуемости и барьерности с уже известными в психологии свойствами личности, чтобы выявить те, которые сопряжены с ними. Кроме более точного описания данного конструкта это необходимо еще и для того, чтобы определить степень содержательной самостоятельности обнаруженного явления, его нетождественности другим характерологическим, мотивационным или интеллектуальным свойствам личности. В связи с этим была поставлена задача выявления возможных связей параметра барьерности – реализуемости личност-

ных ценностей с различными устойчивыми личностными характеристиками.

Среди них мы остановили свой выбор в первую очередь на характерологических особенностях личности, наиболее полно представленных факторами личности широко распространенного и известного опросника Кеттелла. Поскольку параметры барьерности – реализуемости содержательно соответствуют механизмам, связанным с побудительной силой ценностей, то выявлялись их взаимосвязи с интегральными мотивационными характеристиками личности, представленными полярными тенденциями стремления к достижению (мотивация достижения) и избеганию неудачи (мотивация избегания). И, кроме этого, было исследовано соотношение параметров барьерности – реализуемости с уровнем развития интеллекта, в первую очередь вербального, поскольку связываем процесс оценки доступности ценности с обнаружением признаков отвлеченного мыслительного содержания в чувственно-конкретном образе жизненных ситуаций, что задействует процессы мышления. В соответствии с поставленными задачами было проведено три серии исследований, результаты которых последовательно изложены в разделах данного параграфа.

6.4.1. Соотношение реализуемости ценностей с характерологическими особенностями личности

Для исследования соотношения реализуемости личностных ценностей с характерологическими особенностями личности, отражающими ее инструментальные проявления, был использован тест Кеттелла как наиболее полно представляющий различные устойчивые черты личности.

Организация и методы исследования. Общая выборка исследования составила 59 студентов КГУ в возрасте от 18 до 20 лет (37 девушек и 22 юноши).

Для сбора эмпирических данных применялись следующие методики.

1) Ранжирование 18 терминальных ценностей (М. Рокич) по критериям важности и доступности производилось методом их попарного сравнения в соответствии с модификацией методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). На его основе для каждого испытуемого рассчитывался индекс реализуемости.

2) Шестнадцатифакторный личностный опросник Кеттелла (форма С, содержащая 105 вопросов) за исключением фактора В, отражающего уровень развития интеллекта, поскольку выяснению соотношения интеллекта с изучаемыми параметрами было посвящено отдельное исследование.

Для определения взаимосвязи индекса реализуемости со стандартными факторами 1-го и 2-го порядков, перечень которых имеется в табл. 6.25, приме-

нялся коэффициент корреляции Пирсона. Результаты анализировались как в общей выборке, так и отдельно для групп юношей и девушек.

Таблица 6.25

Взаимосвязь индивидуального индекса реализуемости со шкалами теста Кеттелла

Шкалы теста Кеттелла	Группы	общая (n=59)	юноши (n=22)	девушки (n=37)
A / Отзывчивость – отчужденность		-0,16	-0,27	-0,09
C / Эмоциональная устойчивость – неустойчивость		-0,01	0,22	-0,12
E / Доминантность – подчиненность		0,18	0,10	0,29
F / Рассудительность – беспечность		0,05	0,33	-0,23
G / Сознательность – безответственность		-0,03	0,18	-0,15
H / Смелость – робость		0,25*	0,45*	0,05
I / Жесткость – мягкость		0,00	-0,03	-0,05
L / Доверчивость – подозрительность		0,16	0,14	0,19
M / Мечтательность – практичность		-0,08	-0,17	-0,03
N / Дипломатичность – прямолинейность		0,08	0,19	-0,01
O / Склонность к опасениям – спокойствие		0,05	0,10	-0,01
Q1 / Радикализм – консерватизм		-0,49**	-0,63**	-0,37*
Q2 / Самодостаточность – конформизм		-0,04	-0,11	0,05
Q3 / Недисциплинированность – контролируемость		-0,06	-0,06	-0,04
Q4 / Расслабленность – напряженность		-0,14	0,00	-0,28
F1 / Приспособленность в отличие от тревоги		-0,06	-0,14	-0,05
F2 / Интроверсия – экстраверсия		0,18	0,40	-0,03
F3 / Хрупкая эмоциональность – реактивная уравновешенность		0,16	0,37	0,05
F4 / Подчиненность – независимость		-0,13	-0,33	-0,06

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,01$ (**); n – численность выборки.

Результаты. Анализ результатов, полученных в совокупной выборке, выявил наличие двух взаимосвязей индивидуального индекса реализуемости с выраженностью шкал теста Кеттелла (табл. 6.25).

Во-первых, индекс реализуемости плотно коррелирует с фактором Q1 «Радикализм – консерватизм», причем связан с ним обратной связью. Это означает, что для людей с преобладанием тенденции к согласованию параметров важности и доступности ценностей, характерна ригидность, нежелание менять старое, и у них отсутствует стремление к чему-то новому, ниже критичность и радикализм. Те же, кто характеризуется преобладанием тенденции рассогласования, более критичны, радикальны, желают что-то поменять в жизни и стремятся к чему-то новому.

Во-вторых, выявлена прямая взаимосвязь индекса реализуемости с фактором Н «Смелость – робость». Это означает, что преобладание реализуемости связано с такими чертами характера, как предприимчивость и раскованность, а барьерности – с неуверенностью и замкнутостью в себе. Это может интерпретироваться и как снижение реализуемости и повышения барьерности при неуверенности в себе.

По всем остальным факторам первого и второго порядка в тесте Кеттелла взаимосвязи отсутствуют, причем в большинстве случаев коэффициенты корреляции принимают значения, близкие к нулевым.

Анализ результатов, проведенный отдельно в выборках девушек и юношей, выявил, что картина корреляционных связей шкал теста Кеттелла и индекса реализуемости в выборках, разделенных по половому составу практически идентична. И у девушек, и у юношей присутствует уже описанная выше взаимосвязь индекса реализуемости с фактором Q1 «Радикализм – консерватизм». Однако в группе девушек отсутствует взаимосвязь с фактором Н «Смелость – робость», которая в группе юношей имеется.

Таким образом, общая картина результатов показывает отсутствие включенности параметра барьерности-реализуемости в констелляции с устойчивыми инструментальными проявлениями личности. Обнаружена достаточно плотная и устойчивая связь только с фактором радикализма – консерватизма, и менее плотная – с фактором робости – смелости только в выборке юношей. Этот факт представляет конструкт барьерности – реализуемости ценностей в новом свете – как наличие или отсутствие критичности к наличному и выраженности стремления к переменам, причем преобладание барьерности означает радикализм в сочетании с робостью, тогда как преобладание реализуемости – консерватизм и уверенность.

6.4.2. Соотношение с мотивацией достижения успеха или избегания неудачи

Исследование соотношения параметров барьерности – реализуемости ценностей с выраженностью мотивации достижения или избегания неудачи обусловлено некоторыми содержательными параллелями, которые можно провести между ними и тенденциями согласования и рассогласования важности и доступности ценностей. Так, тенденция согласования, когда доступное оценивается как важное, может быть связана со стремлением достичь успеха, тем самым выступать одним из проявлений мотивации достижения. В то же время тенденцию рассогласования, когда человек высоко оценивает важность недоступного, можно поставить в соответствие тенденции избегания неудачи на основе аналогии с исследованиями уровня притязаний, в которых субъекты с мотивацией избегания или ставили себе явно невыполнимые цели, или, наоборот, выбирали самые легкие. Эти соображения обосновывают необходимость проверки того, не является ли реализуемость ценностей одним из проявлений данных мотивационных тенденций.

Организация и методы исследования. Общая выборка исследования составила 82 человека и включала две подгруппы: первая – 42 студентки в возрасте от 18 до 21 года, вторая – 40 человек в возрасте от 35 до 45 лет (20 женщин и 20 мужчин). Тестирование со студентами проводилось в групповой форме, со взрослой выборкой – в индивидуальной.

Применялась стандартная процедура расчета индивидуального индекса реализуемости для каждого испытуемого на основе данных попарного сравнения 12 терминальных ценностей (М. Рокич) по критериям важности и доступности в соответствии с модификацией методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). Для диагностики мотивации достижения использовался опросник А. Мехрибиана в адаптации М.Ш. Магомед-Эминова (1987), измеряющий выраженность мотивации достижения успеха и избегания неудачи.

Для обработки полученных данных применялся коэффициент корреляции Пирсона. Результаты анализировались как в общей выборке, так и отдельно для каждой из групп.

Результаты. Анализ результатов, полученных в совокупной выборке, выявил отсутствие взаимосвязи индивидуального индекса реализуемости как с выраженностью мотивации достижения, так и с выраженностью мотивации избегания неудачи (табл. 6.25).

На основе полученных результатов можно заключить, что параметр барьерности – реализуемости ценностей не связан с выраженностью мотивации достижения или избегания неудачи, что говорит о его независимости от данных мотивационных тенденций личности.

Таблица 6.25

Взаимосвязь индивидуального индекса реализуемости и мотивационных тенденций достижения успеха и избегания неудачи

Группы Параметры	Общая выборка (n=82)	Студенты	Группа 35–45 летних		
		женщины (n=42)	общая (n=40)	мужчины (n=20)	женщины (n=20)
Коэффициент корреляции	0,11	–0,05	0,24	0,33	0,13
Уровень значимости	–	–	–	–	–

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,01$ (**); n – численность выборки.

6.5. Взаимосвязь реализуемости личностных ценностей с психометрическим интеллектом

Становление понятия «интеллект» в психологии проходило в рамках так называемой тестологической парадигмы, которая была заложена А. Бине и Т. Симоном. Основным ее методологическим подходом и инструментом исследования стало измерение коэффициента интеллекта, отражающего уровень умственного развития субъекта. Вопрос о природе интеллекта на сегодняшний день остается открытым, а область его изучения – весьма проблемной. Отражением этой ситуации является отсутствие общего подхода к пониманию интеллекта, использование в большинстве исследований так называемого операционального определения, согласно которому «интеллект есть то, что измеряют тесты интеллекта», невозможность объяснить исходя из существующей парадигмы неоднозначность связей коэффициента интеллекта с успешностью в реальной деятельности. В.Н. Дружинин в ответ на критику тестологической парадигмы пишет, что рассуждения о том, что такое интеллект, нужно вести в рамках операционального, измерительного подхода. Он объясняет это несостоятельностью любых субстанциональных определений интеллекта: «любой психологический конструкт, описывающий психологическое свойство, процесс, состояние, имеет смысл лишь в сочетании с описанием процедуры исследования» [Дружинин, 2007, с. 5].

Уже в самых ранних работах по исследованию интеллекта указывалось на взаимосвязь интеллектуальной и аффективно-мотивационной составляющих психики. Так, интеллект как условие контроля мотивации описывался в ранних работах Л.Л. Терстоуна [см.: Холодная, 2002, с. 69], который рассматривал интеллектуальную регуляцию поведения на разных этапах – от возникновения побуждения до его реа-

лизации с учетом конкретных условий. Максимум интеллектуальной активности связывался при этом с процессом реорганизации потребностно-аффективной сферы, с возможностью трансформации либо нейтрализации потребности, то есть, фактически, с процессами смыслообразования. Р. Стернбергом проблема интеллекта решалась в контексте проблемы ментального самоуправления субъекта [*там же*].

Отечественные психологи понятие «интеллект» использовали реже, более употребительными среди них долгое время были термины «мышление» и «мыслительная деятельность». И потому в отечественной традиции существующие основные линии понимания интеллекта тесно связаны с ними. Так, Л.С. Выготский (1983 б) под интеллектом подразумевал мышление в понятиях, которое интегрирует все прочие познавательные процессы. С.Л. Рубинштейн (1989) употреблял понятие «интеллект» как синоним понятия «умственные способности». Продолжает эту линию В.Ю. Крамаренко (1983), разграничивая интеллект как умственную *способность* и мышление как умственную *активность*. В.Н. Дружинин и Д.В. Ушаков также определяют место понятия «интеллект» в структуре психических явлений, отталкиваясь от понятия "мышление": «Интеллект – это способность к мышлению. Мышление – процесс, в котором реализуется интеллект» [*Когнитивная психология*, 2002, с. 171].

В исследованиях мышления и мыслительной деятельности возникло несколько подходов, раскрывающих разные формы единства интеллектуальной и аффективной, мотивационно-личностной реальностей, в которых реализуется выдвинутый еще Л.С. Выготским (1983 б) принцип «единства аффекта и интеллекта».

Процессы смыслообразования, порождения новой смысловой реальности и ее непрерывных трансформаций как непосредственных составляющих самой мыслительной деятельности рассматриваются в смысловой теории мышления О.К. Тихомирова (1984). Развитие и взаимопроникновение смыслов разного уровня раскрыто в ней как основание развивающегося процесса мышления, протекающего на глубинном уровне и прорывающегося в сознание при определенной трансформации смыслов в новые смысловые образования, преобразующие видение задачи, ее требований и условий. В качестве основных были выделены и изучались процессы целеполагания как результаты превращения мотивов в цели, целеобразования, возникающего в результате соотнесения цели с промежуточными результатами. Описаны операциональные смыслы как специфическое отражение субъектом разных элементов проблемной ситуации на разных этапах решения проблемы, выявлено влияние мотивов и показана роль эмоций как регуляторов интеллектуальной деятельности, выполняющих в ней

функции эвристик, и многое другое. Глубинный схематизм, лежащий в основе данного О.К. Тихомировым очень тонкого и глубокого анализа мышления при решении задачи как творческого, порождающего новое процесса, содержит идеи, представляющие ценность для изучения явлений самого разного масштаба, в том числе и контекстов целостной жизни человека. И хотя последнее не исследовалось ученым экспериментально, тем не менее он отмечал, что среди задач, решаемых посредством мышления, есть задачи, «максимально связанные с самой мыслящей личностью, с ее существованием» (Тихомиров, 1984, с. 202). Обозначая их, он назвал такие, как поиск нового смысла своей жизни, построение связной системы личностных смыслов, поддержание внутренней согласованности и устойчивости «Я», приведение своих целей в соответствие со своими возможностями, преодоление одиночества и т.д.

Развитие данного направления привело к исследованию закономерностей мышления в решении задач, более близких к реальным жизненным, решаемым человеком в профессиональной деятельности и других сферах жизни. Так, И.А. Васильевым (1998) раскрыты психологические механизмы мотивационно-эмоциональной регуляции мыслительной деятельности на разных стадиях её осуществления при взаимодействии человека со сложными системами, в которых многое для него неясно и неопределённо. Представления о личностно-интеллектуальных компонентах и уровнях становления решений человека конкретизированы в концепции функционально-уровневой регуляции принятия решений [Корнилова, 1999]. Тем самым классические лабораторные исследования мышления подошли вплотную к тому, что традиционно изучалось в психологии труда и инженерной психологии как практическое мышление [Корнилов, 2000], неразрывно связанное с преобразовательными действиями в условиях неопределенности, принятием риска и ответственности. Все это создало некоторое общее предметное поле исследований, где мышление изучается в неразрывной связи с личностью.

Реализации личностного подхода в исследовании познавательного отношения человека к миру посвящены работы К.А. Абульхановой-Славской (1991), в которых описаны личностные типы мышления, соединяющие в себе личностные и когнитивные характеристики субъекта деятельности. Отдельным направлением, синтезирующим когнитивные и экзистенциальные аспекты в изучении личности, стали исследования феномена понимания, в которых раскрывается его ценностно-смысловая природа, неразделимость с самим существованием человека в мире и выявляется специфика понимания различных жизненных ситуаций и явлений [Знаков, 2005].

Схождение исследований развития личности и интеллекта в единое научное предметное поле ярко демонстрируют и современные периодизации развития интеллекта. В них фактически стирается различие интеллектуальной и личностной сфер развития во взрослости, поскольку критерием выделения периодов собственно когнитивного развития является тип личностных задач по регуляции собственной жизнедеятельности, решаемых человеком, а оценка эффективности интеллекта определяется гибкостью его использования к качественно различному материалу практических задач собственной жизни, для решения которых в конечном счете он и возникает [Labbouvie-Vief, 1985; Riegel, 1984; Schaie, 1986]. В психологии возникло также понятие "эмоциональный интеллект", само обозначение которого говорит за себя: оно отражает способности к пониманию эмоций собственных и других людей, способности "оперировать" эмоциями [Люсин, 2004].

Разворот исследований мышления к выявлению особенностей его возникновения и регуляции применительно к личностным задачам бытия человека в мире был осуществлен О.М. Краснорядцевой (1996), в исследовании которой показано, что основная функция мышления в данном контексте заключается в выявлении противоречий между образом мира и образом жизни и определении способов их разрешения.

Как видим, рядом исследователей интеллект и мышление рассматриваются в тесной взаимосвязи с явлениями мотивационно-личностного характера. С одной стороны, мышление выступает как регулятор целостного поведения личности в различных жизненных контекстах, участвующий в процессах смыслообразования. С другой стороны, эмоциональные и мотивационные факторы решающим образом структурируют и направляют мыслительную деятельность, влияя и на способ ее осуществления, и на продуктивность.

Необходимая включенность мышления в решение жизненных задач, в том числе и в оценку реализации ценностей, во многом определяется высокой степенью обобщенности смысла жизни и жизненных целей, что обуславливает особую форму их презентации в сознании и задает специфику в оценке осуществления или достижения. В связи с данным обстоятельством возникает необходимость «перевода» смысла жизни с общего языка идеалов на язык конкретных действий и поступков, что требует особого умения проникнуть в содержание смысла жизни и, исходя из него, ставить жизненные цели и задачи, изыскивать средства для их реализации. Такого рода особую внутреннюю деятельность Ф.Е. Василюк (1984) обозначил термином практическое сознание. Осуществление перевода с обобщенно-ценностного языка

на конкретно-ситуативный, соотнесение общего и конкретного, конечно же, опосредуется мышлением и зависит от уровня развития его механизмов, составляющих интеллектуальный потенциал личности.

Можно выделить две стороны в исследовании проблемы участия мышления в процессах личностной регуляции жизнедеятельности. С одной стороны, это исследование собственно самого процесса решения таких задач. Однако экспериментальные исследования мышления в решении жизненных задач имеют свои ограничения, поскольку моделирование реального процесса в лабораторных условиях практически невозможно. Его неуловимость связана и с большим масштабом жизненных контекстов, растянутостью поиска решения во времени, непредсказуемостью, внезапностью проявления в сознании и перехода в вербализованную форму промежуточных и окончательных результатов, что позволяет отнести данные процессы к классу надсознательных [Гиппенрейтер, 1988]. Применение нарративных методов не может в полной мере передать саму картину непосредственно разворачивающегося процесса такого мышления и его специфики.

Другая сторона вопроса связана с проблемой соотношения умственных способностей с успешностью решения личностью задач построения своего жизненного пути, жизнотворчества. Значительное количество различных исследований, в которых сопоставлялась успешность человека в тех или иных сферах с уровнем интеллектуальных способностей, показало отсутствие их однозначной связи. В итоге В.Н. Дружининим (2007) была сформулирована пороговая теория интеллекта, объясняющая нелинейное влияние интеллектуальных способностей человека на успешность решения им задач в разных сферах жизни. Согласно ей, существует определенный, достаточно широкий диапазон уровня интеллектуальных способностей, выход за пределы которого сказывается на успешности человека в жизни, а внутри данного диапазона решающее значение приобретают иные личностные качества.

Тем не менее, исходя из представления о личностных ценностях как аффективно-интеллектуальных образованиях, восприятие реализуемости которых опосредовано процессами категоризации при опознании обобщенного содержания ценности в конкретной ситуации, в которые, несомненно, включаются процессы мышления, необходимо проверить гипотезу о связи параметра барьерности – реализуемости личностных ценностей с продуктивными характеристиками мышления человека.

Опираясь на понимание интеллекта В.Н. Дружининим как «способности решать задачи на основе имеющихся знаний» [Дружинин, 2007, с. 6], мы будем оперировать понятием «психометрический ин-

теллект», отражающим свойство, измеряемое при помощи системы тестовых заданий, и не претендующим на охват всей многогранной феноменологии интеллектуальной деятельности.

Наиболее распространенным и разделяемым большинством психологов является выделение в структуре интеллекта нескольких факторов: вербального интеллекта (смыслового), пространственного и формального (числового, знаково-символического) [*там же*, с. 23]. Конкретизируя те стороны интеллекта, от которых в первую очередь может зависеть параметр барьерности – реализуемости ценностей, мы выделили как наиболее вероятный вербальный интеллект, оперирующий словесным материалом. Поэтому при выборе методик в основном были использованы тесты, определяющие уровень вербального интеллекта, хотя использовались, в несколько меньшем объеме, также и задания, требующие развития пространственных и математических способностей.

Организация и методы исследования. Общая выборка исследования составила 39 аспирантов КГУ в возрасте от 23 до 27 лет (22 мужчины и 17 женщин).

Для сбора эмпирических данных применялись следующие методики:

1. Определение общего уровня интеллекта производилось посредством методики «Краткий отборочный тест» (КОТ), представляющей собой адаптированный русскоязычный вариант теста Вандерлика [см. *Бузин*, 1998]. Тест представляет собой серию из пятидесяти вербальных, математических, пространственных заданий, а также заданий на общую осведомленность и внимание. Показатель успешности выполнения – количество верных ответов, данное за 15 минут, – свидетельствует об уровне развития интеллекта. В соответствии с выделенными авторами методики типами заданий они были разделены на 2 группы: вербальные и невербальные (в основном пространственно-математические). Соответственно, оценивались: интегральный показатель уровня интеллекта, успешность выполнения вербальных заданий, успешность выполнения невербальных пространственно-математических заданий.

2. Вербальные субтесты «Определение общих черт» и «Аналогии» теста структуры интеллекта Амтхауэра [см. *Психологическая диагностика*, 1997]. Субтест «Определение общих черт» (испытуемому предлагают пары слов, нужно указать, что между словами в паре общего) выявляет способность к понятийной абстракции. Субтест «Аналогии» (испытуемому предлагают три слова, между первым и вторым есть определенная связь, необходимо из пяти вариантов выбрать такое слово, чтобы между ним и третьим словом образовалась такая же связь, как и между первыми двумя) направлен на выявление способностей к установлению связей между понятиями и комбинаторных способностей.

Для обработки данных применялся коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты. Анализ результатов показал, что связи индекса реализуемости с показателями тестов интеллекта, отражающими как уровень вербального (субтесты теста Амтхауэра, вербальный показатель методики КОТ), так и невербального, пространственно-математического (по методике КОТ) интеллекта, далеки от уровня статистически значимых (табл. 6.27).

Таблица 6.27

Взаимосвязь индекса реализуемости с показателями шкал тестов интеллекта (n=39)

Параметры		г
тест Амтхауэра	Определение общих черт	0,12
	Аналогии	0,11
КОТ	вербальный	0,03
	пространственно-математический	-0,14
	общий	-0,13

Условные обозначения: n – численность выборки.

Это значит, что реализуемость личностных ценностей и уровень психометрического интеллекта не связаны друг с другом, и выраженность тенденций барьерности и реализуемости не зависит от уровня сформированности умственных способностей, а в особенностях соотношения важности ценностей с их доступностью способности к понятийному мышлению, а также пространственные и математические способности не проявляются.

Отсутствие связей тенденций континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей с психометрическим интеллектом можно рассматривать как отражение его автономности относительно результативных характеристик интеллектуальной деятельности, проявляющихся в ее эффективности, результативности, оптимальности. Полученные данные еще раз подтверждают представление об их динамической, функциональной природе.

Проведенное исследование позволяет сделать следующий **вывод**: выраженность тенденций барьерности и реализуемости личностных ценностей не зависит от уровня сформированности умственных способностей, определяемых уровнем психометрического интеллекта как продуктивной характеристики интеллектуальной деятельности.

* * *

Подводя итог, можно констатировать, что качественно своеобразное сочетание индексов реализуемости и барьерности относитель-

но устойчиво относительно разных по содержанию списков ценностей. Применялись перечни как общечеловеческих, так и специфичных для человека как представителя определенной социальной группы терминальных и инструментальных ценностей, а также индивидуальные, составленные самим человеком. Наибольшая консистентность результатов обнаружена в отношении терминальных (общечеловеческих, групповых и индивидуальных) ценностей. Изменение содержания списка терминальных ценностей практически не изменяло соотношения индивидуальных индексов континуума реализуемости-барьерности. Наибольшие различия выявлены между инструментальными и терминальными ценностями: в отношении первых в большей мере выражена тенденция к реализуемости, а в отношении вторых – к барьерности. Тем не менее показатели реализуемости и барьерности терминальных и инструментальных ценностей тесно коррелируют друг с другом. Это обосновало правомерность рассмотрения параметров реализуемости и барьерности как устойчивой характеристики личности. Стандартная процедура их *психометрического обоснования* показала, что разброс значений индексов барьерности и реализуемости близок к нормальному распределению, показатели асимметрии и эксцесса находятся в пределах допустимых значений. Это означает, в частности, что в их отношении правомерно использование методов корреляционного анализа. В измерении индексов барьерности и реализуемости с двухнедельным интервалом была показана их ретестовая устойчивость.

Проверка *содержательной валидности* индексов континуума барьерности – реализуемости осуществлялась через сравнение их выраженности у людей, попавших в ситуацию жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием, и у здоровых людей, находящихся в обычной жизненной ситуации. Результаты показали наличие у заболевших значительного сдвига индексов в зону проблемности, в отличие от здоровых, результаты которых находились преимущественно в зоне реализуемости. Наибольшая выраженность индекса проблемности была выявлена в группе больных, перенесших инфаркт миокарда, тогда как группы ВИЧ-инфицированных и больных после операции удаления аппендикса продемонстрировали несколько меньшую степень его сдвига в том же направлении. Результаты сравнения разных групп заболевших между собой можно объяснить исходя из представления о субъективной тяжести заболевания как следствия действия двух независимых барьеров: один связан с тяжестью актуального физического состояния, другой определяется ограничениями в отношении жизненных перспектив и реализации жизненного замысла. Исследованные три группы заболевших харак-

теризовались их разным сочетанием: у перенесших инфаркт миокарда присутствовали оба барьера, тогда как в других группах присутствовал лишь один из них.

Эмпирическое соотнесение параметра барьерности – реализуемости с устойчивыми личностными свойствами показало следующее. Во-первых, практически не обнаружилось взаимосвязей с *чертами личности*, определяемыми тестом Р.Кеттелла, за исключением шкалы «Радикализм – Консерватизм», где *консерватизму* соответствовала *реализуемость* ценностей, тогда как увеличение *барьерности* было связано с повышением *радикализма*. Во-вторых, не обнаружилось каких-либо их взаимосвязей с показателями *психометрического интеллекта*. В-третьих, выявлена ортогональность параметра барьерности – реализуемости показателям *мотивации достижения* или *избегания неудачи*, что показало неправомочность его сведения к данным мотивационным переменным. В целом параметр барьерности – реализуемости ценностей оказался мало связан с уровнем инструментальных проявлений личности, хотя немногочисленные взаимосвязи позволили уточнить его содержательное наполнение.

Итак, с одной стороны, в психометрическом понимании параметр барьерности – реализуемости ценностей оказался устойчив, однако, с другой стороны, способен существенно изменяться, отражая возникающие в жизненном пространстве барьеры. Это может означать, что операционализированный в нем конструкт отражает некоторое динамическое качество открытой психологической системы, порождаемое в ходе ее становления и выполняющее определенные функции в этом процессе. Для того чтобы раскрыть их, необходимы сопоставление этих параметров с уже известными в психологии способами структурирования образа мира, а также соотнесение с составляющими стратегии жизни. Следующие главы будут последовательно освещать эти вопросы.

ГЛАВА 7. РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ОБРАЗ МИРА

Как было обнаружено ранее (см. главы 5, 6), феномен барьерности – реализуемости личностных ценностей отражает динамические аспекты функционирования ценностно-смысловой системы личности, репрезентирующие состояние ее основных жизненных отношений и жизнедеятельности в целом. Это проявилось и в специфике ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства в зависимости от возрастных, гендерных факторов, и в существенных изменениях параметров барьерности – реализуемости личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса, вызванного опасным соматическим заболеванием. Все это дает основания считать данный феномен проявлением работы механизма, функционирующего в глубинных амодальных слоях образа мира, на уровне глубинных семантик, релевантных масштабным контекстам целостной жизни человека. Выполнение им регулирующей функции невозможно без сопряженных с его функционированием специфических трансформаций более поверхностных пластов образа мира – перцептивных и семантических, без выявления связи с которыми картина работы самого механизма остается недостаточно проясненной. Обнаружение взаимосвязей и взаимовлияния максимально обобщенных, интегративных процессов восприятия и структурирования человеком образа мира и содержательно иных характеристик процессов восприятия и организации опыта может детальнее раскрыть психологическое содержание механизма барьерности – реализуемости личностных ценностей. Поэтому на следующем этапе была поставлена цель выявить его взаимосвязи с механизмами, действующими на менее обобщенных и более поверхностных пластах образа мира.

Понятие «Образ мира» введено А.Н. Леонтьевым (1979) в одной из его последних, незавершенных статей. В нем воплощен круг теоретических идей, связанных с пониманием образа, в том числе и интегрального образа мира, как функционального органа, который А.А. Ухтомский (1978) определил как всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение. С точки зрения В.П. Зинченко (1998), аналогом функционального органа в теории Л.С. Выготского является психологическая функциональная система. Данное понятие отражает психические новообразования, которые, не будучи морфологическими по своей природе, тем не менее существуют объективно, обладают «отчетливо измеримыми характе-

ристиками» и появляются в результате целостной работы всего индивида как интегрального целого [Зинченко, 1998, с. 213].

Образ мира является *целостным и многомерным*, он не сводится к «совокупности отдельных образов» [Смирнов, 1985, с. 152], что задается особыми свойствами человеческого сознания. Ключевым из них является система значений, образующая пятое «квазиизмерение» образа мира в дополнение к четырем пространственно-временным его измерениям [Леонтьев А.Н., 1979] и отражающая внутрисистемные связи объективного предметного мира. Именно это измерение выводит образ мира за пределы сенсорных модальностей и формирует его амодальные пласты. Кроме значений как общественно выработанных универсалий структурирование образа мира задается и субъективными значениями, «значениями для меня» – личностными смыслами, которые «аффективно стягивают и растягивают пространство и время, расставляя акценты значимости» [Серкин, 2005, с. 78].

Развивая представления А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнов определяет образ мира как интегральное образование познавательной сферы, являющееся формой движения «от субъекта на объект», и пишет о том, что он «строится в отношении важных и значимых для человека событий, которые связаны с деятельностью субъекта и его потребностями» [Смирнов, 2003, с. 28]. Будучи исходным пунктом и результатом любого познавательного акта, образ мира существует как непрерывная генерация гипотез-моделей мира, составляющих целостную систему, а любой конкретный образ мыслится не как «ответ на то или иное внешнее воздействие, а как результат подтверждения или перестройки уже имевшейся гипотезы» [там же, с. 23]. Тем самым понятие образа мира реализует понимание психики как имеющей не только отражательный характер, но и выраженное порождающее начало.

В рамках трехслойной модели образа мира, включающей перцептивный, семантический и деятельностный слои [Смирнов, 2003], механизм барьерности – реализуемости личностных ценностей можно отнести к уровню его ядерного, деятельностного слоя, поскольку он связан со структурированием и организацией жизни человека как целостности и в наиболее обобщенной форме отражает глубинные ценностно-смысловые аспекты отношений личности с миром. В соответствии с этим целостным образом мира, производным от широких, в масштабе всей жизни, контекстов и решаемых жизненных задач, трансформируется восприятие каждой конкретной ситуации. Это неизбежно должно актуализировать определенные механизмы, действующие на более поверхностных слоях образа мира – перцептивном и семантическом. Ввиду целостности и системности образа мира как психического образования [Леонтьев, 1979; Смирнов, 2003] пра-

вомерно ожидать наличия взаимосвязи между механизмами, действующими и структурирующими образ мира на всех его уровнях – от глубинных до самых поверхностных. Поэтому мы предположили, что механизм барьерности – реализуемости личностных ценностей взаимосвязан, во-первых, с устойчивыми механизмами восприятия и структурирования отдельных личностно значимых ситуаций, а во-вторых, с особенностями организации личностно нейтральных семантических содержаний и простого перцептивного опыта.

Одним из наиболее разработанных представлений о механизмах структурирования значимых ситуаций в психологии является понятие **психологических защит личности**, под которыми понимается система регуляторных механизмов, позволяющих трансформировать отдельные содержательные сегменты образа мира с целью устранения или преобразования информации, субъективно оцениваемой как угрожающей. Идея существования устойчивых индивидуальных различий в восприятии и способах работы с информацией, отражающей особенности организации простого перцептивного опыта или личностно нейтрального семантического содержания, зафиксирована в психологии понятием **когнитивных стилей**.

Последующие разделы данной главы посвящены теоретическому обоснованию и эмпирической проверке предположения о взаимосвязи тенденций реализуемости и барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей с защитными механизмами как способами структурирования сложного, личностно значимого опыта (раздел 7.1) и когнитивными стилями как способами структурирования простого перцептивного опыта или личностно нейтральных семантических содержаний (раздел 7.2). В заключительном разделе 7.3 будут обсуждены, сопоставлены друг с другом и обобщены итоги обоих исследований.

7.1. Соотношение реализуемости личностных ценностей и защитных механизмов личности

Понятие защитных механизмов личности возникло и тесно связано с проблемой личностных конфликтов. Конфликт, лежащий в основе функционирования личности, может быть психосоциальным, когда мотивационное ядро личности противостоит требованиям общества, или интрапсихическим, когда мотивы-антагонисты ведут борьбу внутри мотивационного ядра личности [Мадди, 2002].

Хронологически первой теорией, в которой нашли отражение как психосоциальные, так и интрапсихические типы конфликтов, является психоаналитическая теория З. Фрейда (1989), согласно которой основная функция инстанции Я заключается в интеграции инстанций

Оно и Сверх-Я для обеспечения связи с внешним миром. Вместе с тем еще одной функцией инстанции Я является реализация механизма, посредством которого слишком строгое Сверх-Я может быть «обмануто», а удовлетворение влечений достигнуто без чувства вины. Этот механизм З. Фрейд назвал психологической защитой и определил как «стратегию, которую использует индивид для защиты от открытого выражения импульсов инстанции Ид и встречного давления со стороны инстанции Суперэго» [Хьелл, Зиглер, 2003, с. 129]. Она облегчает существование личности, позволяя осознавать лишь часть влечения (или не осознавать его вовсе) и найти для влечения объект, который является социально приемлемым.

В психоаналитической теории описан широкий спектр механизмов психологической защиты. Во-первых, это продуктивные механизмы защиты, к которым относится механизм сублимации, проявляющийся в перенаправлении энергии влечения на реализацию других, социально желательных целей. Во-вторых, непродуктивные механизмы психологической защиты, список которых достаточно широк и включает в себя целый ряд механизмов, обладающих следующими общими характеристиками: они действуют на неосознаваемом уровне; искажают, отрицают или фальсифицируют восприятие реальности, чтобы снизить тревогу, возникающую при выявлении человеком у себя неприемлемых для Суперэго импульсов. Общее количество видов защитных механизмов сильно варьирует, на этот счет нет общего мнения и в некоторых классификациях, как указывают И.М. Никольская и Р.М. Грановская (2000), доходит иногда до тридцати четырех. В приводимом далее описании защит, основанном на понимании их современными авторами [см. Фейдимен, Фрейгер, 1996; Никольская, Грановская, 2000; Хьелл, Зиглер, 2003], присутствуют те из них, которые, во-первых, наиболее часто упоминаются в литературе, и, во-вторых, используются в эмпирической части исследования. Это следующие механизмы.

Вытеснение (репрессия, подавление) представляет собой первичную защиту Эго, являясь «основой для формирования более сложных защитных механизмов» и обеспечивая «наиболее прямой путь ухода от тревоги» [Хьелл, Зиглер, 2003, с. 129]. Это активное выключение из сознания неприемлемого мотива своего поведения, затруднение в том, чтобы вспомнить само событие в целом. Блокировка осуществляется как при переводе информации в память, так и при ее выводе из памяти в сознание.

Отрицание представляет собой попытку не принимать в качестве реальности событие, которое «беспокоит» Эго, несет тревогу, по сути это отказ признать произошедшее. Оно может принимать форму бег-

ства в фантазии, ухода в грезы, в виртуальный мир, где травмирующее событие будто бы не случилось. Такое игнорирование возможно потому, что травмирующая информация блокируется уже на стадии восприятия.

Компенсация подразумевает трансформацию несущего беспокойство импульса, при которой он реализуется в социально приемлемой, «безобидной» форме фантазий, мечтаний, сновидений, творчестве и т.п. И.М. Никольская, Р.М. Грановская (2000) характеризуют ее как отвлечение от основной проблемы с помощью переключения на успехи в других сферах. В некоторых своих проявлениях механизм компенсации смыкается с сублимацией, называемой единственно успешной, продуктивной защитой.

Регресс (регрессия) – это достаточно примитивный путь справиться с тревогой посредством способов поведения, представляющих собой его «детские» модели, которые в ранние годы уменьшали тревожность. Главный недостаток данного способа смягчения тревоги – уход от реальности и действительных источников напряжения.

Рационализация является способом искажения реальности посредством ложной аргументации, самооправдания, главная цель которого – защита самооценки: «...это нахождение приемлемых причин или оснований для неприемлемых мыслей или действий» [Фейдимен, Фрейгер, 1996, с. 34]. Подыскивание разумных объяснений происходит постфактум, для чего неприемлемая часть информации удаляется из сознания, особым образом преобразовывается и после этого осознается в измененном виде. При этом задействуется мышление, благодаря которому «собственное поведение предстает как хорошо контролируемое и не противоречащее объективным обстоятельствам» [Никольская, Грановская, 2000, с. 33].

Замещение являет собой переадресацию инстинктивного и неприемлемого Эго-импульса от более угрожающего объекта к менее угрожающему, «перенос реакции с «недоступного объекта на другой объект – «доступный», или замену действия с неприемлемого на приемлемое» [там же, с. 35], т.е. оно существует в форме замещения объекта и замещения потребности. Здесь важна близость мотивов истинного и замещающего действия, их размещение «на соседних близких уровнях мотивационной системы личности» [там же].

Проекция «представляет собой процесс, посредством которого индивидум приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и поведение другим людям или окружению» [Хьелл, Зиглер, 2003, с. 130] с целью перекладывания ответственности за то, что происходит внутри Я, на окружающий мир, вследствие чего тревога снижается.

Реактивное образование – это защита от запретных импульсов посредством их подавления с последующим проявлением в сознании, поведении и мыслях в форме совершенно противоположных им по содержанию побуждений [*там же*]. Социально одобряемое поведение выглядит при этом преувеличенным и негибким.

Еще З. Фрейдом (1989) были указаны два возможных пути «работы» защитных механизмов: во-первых, устранение несущей тревогу информации из сознания (это так называемые неспецифические защиты – отрицание и вытеснение), во-вторых, трансформация информации, ее искажение (прочие механизмы, представляющие специфические защиты). При этом отмечается, что защитные механизмы отличаются по степени своей когнитивной сложности. Вытеснение и отрицание как процесс удаления из осознания мыслей и чувств, причиняющих страдание, представляют собой наиболее простую и первичную защиту инстанции Я и обеспечивают наиболее прямой путь ухода от тревоги. Регрессия, смягчающая тревогу путем возврата к детским моделям поведения, также является достаточно простым способом защиты. В отличие от них, рационализация требует определенной когнитивной работы, направленной на поиск пусть и ложной, но более или менее обоснованной аргументации своих чувств и действий.

З. Фрейд констатировал также, что человек редко использует какой-либо единственный защитный механизм, в отдельные периоды жизни и в соответствии со своей собственной структурой индивидуальное Я выбирает то один, то другой способ защиты. При этом Я человека, оставаясь одним и тем же, во всех своих конфликтах более или менее постоянно в использовании имеющихся в его распоряжении защитных средств. Вместе с тем, согласно А. Фрейд (1993), одно и то же Я может иметь в своем распоряжении лишь ограниченное количество способов защиты. Соотношение защитных механизмов в индивидуальной эго-защитной стратегии человека может быть различным и выступает как достаточно устойчивая личностная характеристика. При таком способе рассмотрения защитные механизмы с уровня ситуативно действующих «здесь и сейчас» механизмов трансформации образа ситуации обобщаются до уровня внеситуативных личностных особенностей, которые некоторые авторы обозначают как *стиль защиты* [Вассерман и др., 2003]. Под стилем защиты понимается устойчивая во времени и индивидуально своеобразная у каждого человека система внешних и внутренних «психотехнических действий», нацеленных на снятие конфликта в сфере самосознания для обеспечения позитивного отношения к своему Я [Соколова, Николаева, 1995].

В качестве дальнейшего теоретического шага в направлении обобщения представлений о защитных механизмах личности как устойчивых и генерализованных ее свойствах можно рассматривать психоэволюционную теорию эмоций Р. Плутчика [*Plutchik, 1980*]. Его основная идея связана с поиском истоков механизмов психологических защит, которые он связал с базисными эмоциями, являющимися начальными средствами адаптации, на базе которых и возникают защитные механизмы. В результате дальнейшего анализа специфики и роли защитных механизмов в жизнедеятельности субъекта Р. Плутчик и Г. Келлерман (1979) связали их с развитием определенных черт и акцентуаций характера. Они предположили наличие сети взаимосвязей между различными уровнями личности: эмоциями, механизмами защиты и диспозициями, раскрываемыми как наследственная предрасположенность к психическим заболеваниям [*Plutchik, Kellerman, 1979*; см. также *Вассерман и др., 2003*]. Подход к защитным механизмам как устойчивым сквозным способам восприятия и структурирования человеком разнообразных ситуаций и жизненного опыта привел к возникновению их понимания в качестве детерминант *жизненного стиля*. Та или иная комбинация защитных механизмов, используемая конкретным индивидом, может быть рассмотрена как определенный жизненный стиль, позволяющий ему с большей или меньшей эффективностью функционировать в окружающем мире. Это определило направление исследований механизмов психологической защиты в связи с более широкими, чем отдельные конфликтные ситуации, контекстами человеческой жизни, с масштабом жизнедеятельности субъекта в целом. Тем не менее понимание работы каждого отдельного защитного механизма не претерпело в этом подходе значительных изменений: они связываются с определенными конкретными способами восприятия, эмоционального реагирования и поведения в потенциально конфликтных ситуациях.

Можно выделить ряд существенных оснований для проведения содержательных параллелей между механизмами психологической защиты и барьерности – реализуемости личностных ценностей. Так, и те, и другие выступают в качестве устойчивых индивидуальных характеристик личности, оба типа механизмов представляют собой способы трансформации и организации личностно значимого опыта, а также имеют динамическую, функциональную природу, поскольку не связаны с тем или иным конкретным предметным содержанием. Все это свидетельствует о единстве эго-защитных и ценностно-опосредованных механизмов структурирования образа мира, несмотря на то, что они действуют на разных уровнях обобщения человеком его жизненных отношений: ценностная реализуемость характеризует наибо-

лее глобальные и обобщенные их характеристики, а защитные механизмы – более конкретные и частные.

Кроме этого, некоторые конкретные способы функционирования тенденций барьерности и реализуемости содержательно прямо соотносятся со способами действия защитных механизмов личности. Так, одним из возможных способов осуществления тенденции реализуемости является понижение значимости ценности при ее недоступности, что аналогично действию защитного механизма рационализации (А виноград-то зелен!). Компенсаторное повышение важности того, что находится в сфере доступного, можно сопоставить с механизмом замещения. Тенденции барьерности как обесцениванию наличного, доступного, и приданию значимости тому, что оценивается как недоступное, можно поставить в соответствие защитный механизм регресса – как уход от ответственности за «бремя» реализации и поддержания освоенных жизненных отношений в жонглирование желаними, «капризами», требованием невозможного. В этих примерах защитные механизмы выступают как конкретные способы осуществления тенденций реализуемости и барьерности. Мы полагаем также, что между ними могут быть и отношения генетической преемственности. Поскольку защитные механизмы возникают на более ранних этапах онтогенеза, а исследуемые нами тенденции появляются в онтогенезе намного позже в связи с появлением рефлексии человеком всей системы своих отношений с миром, типичные способы совладания с конфликтной информацией могут переноситься им на структурирование более сложных и обобщенных форм опыта, и поэтому возможно влияние корпуса уже имеющихся механизмов защиты на их формирование.

Это не означает, что психологическое содержание тенденций реализуемости и барьерности может быть сведено к работе защитных механизмов, поскольку их регуляторные функции связаны не с конкретными ситуациями и даже их классами, а с масштабом и контекстом целостной жизни, ее планами, сценариями, экзистенциальными ожиданиями – именно на этих уровнях, на наш взгляд, формируются данные обобщенные стратегии смыслообразования, позволяющие человеку ориентироваться в крупномасштабных жизненных контекстах и осуществлять регуляцию хода своей жизни в целом. Функцией же защитных механизмов являются снятие внутреннего конфликта между сознательным и бессознательным [Фрейд З., 1989], оберегающая функция для поддержания нормального психического статуса личности через предотвращение дезорганизации и распада поведения [Фрейд А., 1993], адаптационная, позволяющая личности сохранять психическое равновесие и одновременно, при избыточности защит,

патологическая, препятствующая осознанию объективной ситуации и адекватному и творческому взаимодействию с миром [Никольская, Грановская, 2000].

В обоснование возможной закономерной связанности этих механизмов свидетельствуют и некоторые полученные в современных американских исследованиях данные. Так, в применении к контексту жизненных целей или личностных стремлений исследует взаимодействие защитного механизма вытеснения с уровнем человеческих целей (ценностей) Р. Эммонс (2004). С его точки зрения, цели высокого уровня (абстрактные, рефлексивные) оцениваются человеком как более важные и определяющие Я, чем цели низкого уровня (менее абстрактные, конкретные, поведенческие). Однако, хотя цели высокого уровня исполнены смысла, они в то же время могут быть очень труднодостижимыми из-за присущей им неопределенности (частое отсутствие ясных критериев достижения успеха), что может создать их связь с негативной аффективностью. Тогда цели низкого уровня обобщения могут становиться способом отвлечения: сталкиваясь с психологическим напряжением при осознании своих глубинных стремлений, человек ограничивает процессы переработки этой угрожающей информации и порождает более поверхностные цели. Поэтому ориентация на конкретные цели, в особенности при отсутствии эмоциональной рефлексии, означает склонность к избеганию эмоционально угрожающей информации, что связывается с действием механизма вытеснения. Выявленное соответствие защитных механизмов уровню жизненных целей, которые ставит перед собой человек, свидетельствует в пользу существования сквозных связей в функционировании разноуровневых механизмов регуляции.

Все это позволяет обосновать *гипотезу* о взаимосвязи параметров барьерности и реализуемости личностных ценностей с защитными механизмами личности, которая проверялась в следующем эмпирическом исследовании.

Организация и методы исследования. Выборку исследования общей численностью 186 человек составили три разновозрастных группы: 1) 62 студента психологического, физического и филологического факультетов КГУ (32 девушки и 30 юношей) в возрасте 18–20 лет; 2) 78 аспирантов факультетов КГУ (44 мужчины и 32 женщины) в возрасте 21–27 лет; 3) 46 человек в возрасте от 40 до 50 лет, имеющих высшее образование и занимающихся интеллектуальной научно-исследовательской деятельностью (женщины и мужчины поровну).

Для сбора эмпирических данных применялись следующие методики:

1. Ранжирование личностных ценностей по критериям значимости и субъективно оцениваемой доступности методом их *парного* сравнения между собой. Использовался список терминальных ценностей (М. Рокич), содержащий

12 ценностей в соответствии с модификацией данной методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). Для каждого испытуемого рассчитывался *индекс реализуемости* как корреляционная связь важности и доступности ценностей.

2. Методика «Индивидуальный жизненный стиль», разработанная Р. Плутчиком и Г. Келлерманом и адаптированная Л.И. Вассерманом [*Психологическая диагностика индекса жизненного стиля*, 1998]. Она включает шкалы, определяющие выраженность таких защитных механизмов, как отрицание, компенсация, рационализация, регресс, замещение, проекция, реактивное образование, вытеснение.

Участие в исследовании было добровольным, обеспечение необходимого уровня мотивации осуществлялось за счет предоставления участникам обратной связи по результатам диагностики. В группах обучающихся студентов и аспирантов тестирование проводилось в групповой форме, во взрослой выборке – с каждым участником индивидуально.

Статистический анализ результатов включал методы описательной статистики, необходимые для проверки нормальности распределения величин, и корреляционный анализ по критерию Пирсона. С целью проверки устойчивости взаимосвязей по отношению к возрастным особенностям математическая обработка была проведена как для совокупной выборки всех принявших участие в эксперименте, так и отдельно в каждой группе испытуемых.

Результаты. Значения коэффициентов корреляции между защитными механизмами личности и индексом реализуемости ценностей в совокупной выборке представлены в таблице 7.1.

Таблица 7.1

Показатели взаимосвязи защитных механизмов личности с индексом реализуемости ценностей в совокупной выборке

Параметры	Защитные механизмы личности							
	отриц-е	комп-я	рац-я	регресс	замещ-е	проект-я	реак.обр	вытес-е
Индекс реализуемости	0,04	0,30***	-0,02	-0,28**	-0,24**	-0,06	-0,03	-0,08

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*), $p < 0,01$ (**) и $p < 0,001$ (***)

Как видим, обратные взаимосвязи с данным индексом на высоких уровнях достоверности обнаружили шкалы компенсации ($r = -0,30$, $p < 0,001$), регресса ($r = -0,28$, $p < 0,01$) и замещения ($r = -0,24$, $p < 0,01$). Со всеми остальными шкалами опросника Плутчика–Келлермана взаимосвязи отсутствуют – полученные коэффициенты корреляции близки к нулевым значениям.

При раздельном анализе результатов по отдельным подгруппам экспериментальной выборки выявлено, что практически такое же соотношение взаимосвязей полностью повторяется в каждой из них, все они согласуются между собой и дают практически одну и ту же картину, соответствующую полученной на совокупной выборке.

Следовательно, выдвинутая гипотеза подтвердилась, действительно, существует взаимосвязь в работе защитных механизмов личности и механизма барьерности – реализуемости личностных ценностей, причем характер этой взаимосвязи не зависит ни от возрастных, ни от гендерных особенностей человека. Согласно полученным результатам, с параметром барьерности – реализуемости личностных ценностей связаны такие защитные механизмы, как компенсация, регресс и замещение.

Обсуждение результатов. В ходе осмысления этих результатов необходимо остановиться на следующих двух моментах. Первый связан с необходимостью интерпретации направления полученных связей, того факта, что высокий уровень выраженности защитных механизмов личности связан с полюсом барьерности ценностей, тогда как реализуемость связана с низким уровнем их выраженности. Второй момент, требующий понимания, связан с вопросом, почему именно данный круг защитных механизмов – компенсации, замещения и регресса – оказался связан с параметром барьерности-реализуемости, тогда как остальные с ними не связаны даже в тенденции. Представляется, что для этого необходимо понять, в чем состоит содержательное пересечение этих защитных механизмов между собой.

Корреляционная связь не позволяет говорить о наличии причинно-следственных отношений, но позволяет предполагать наличие влияний в обе стороны или считать, что оба коррелирующих фактора могут быть следствием некоторого третьего. Соответственно, можно дать несколько интерпретаций тому, что чем выше барьерность ценностей, тем больше выражены механизмы компенсации, регресса и замещения, тогда как при росте тенденции реализуемости эти же защитные механизмы выражены меньше.

Одно из объяснений выстраивается с привлечением к анализу результатов предыдущих исследований. Полюс барьерности ценностей, как выяснилось ранее (см. раздел 6.3), преобладает при переживании человеком трудной жизненной ситуации, связанной с необходимостью преодоления существующих жизненных обстоятельств, стремлением к выходу из наличного бытия. Это более напряженное внутрипсихическое состояние может активизировать защитные механизмы с целью снятия внутренней тревоги. Преобладание тенденции к реализуемости ценностей соответствует пребыванию человека в бо-

лее типичной для него ситуации в рамках освоенного им жизненного пространства, где отсутствует необходимость преодоления наличной ситуации. Это более уравновешенное, спокойное состояние, поэтому не возникает необходимость в актуализации защитных механизмов. В такой интерпретации полученных взаимосвязей преобладание барьерности ценностей является причиной актуализации защитных механизмов.

Другое возможное объяснение, логически противоположное первому, связано с представлением о том, что склонность к использованию защитных механизмов компенсации, регресса и замещения является причиной высокой барьерности ценностей. Выраженность механизмов компенсации, регресса и замещения означает, что человек не действует прямо в направлении реализации своих побуждений и устремлений, а подменяет прямые действия другими, суррогатными, или совершает действия с объектами-заместителями. В таком случае его истинные побуждения действительно оказываются нереализованными: то, что освоено и доступно – не тем, к чему, собственно, человек стремился, и потому реально значимые ценности воспринимаются как отдаленные от него преградами и барьерами, в первую очередь своей собственной искаженно направленной активности. Причины такого преобладания замещающей активности могут быть разнообразными. Это и искаженное восприятие своих собственных стремлений вследствие социального конформизма или недостаточной степени самоопределения, несформированной или размытой идентичности, которая не дает четких ориентиров направления активности, соответствующей сущности человека, его личностному центру, самости. Или это страх того, что высокая степень реализации ценностей потребует определенных душевных «вложений», несвободы, ответственности, что вызывает повышение тревоги и побуждает человека переориентироваться и искать новые привлекательные и необременительные цели.

Последнее из логически возможных объяснений можно выстроить, используя следующую логику рассуждения. Сочетание высокой выраженности механизмов защиты с барьерностью ценностей может говорить о специфике «опознания» ценностей в образе мира, когда все то, что достигается и реализуется, не «узнается» как релевантное той или иной ценности: это «не те» действия, это «не те» объекты. Все, что делается человеком в жизни, и то, что получается в результате, воспринимается как не соответствующее его ценностям. Это содержательно соответствует действию тех защитных механизмов, которые оказались связанными с полюсом барьерности ценностей: замещение («не те» объекты), компенсация и регресс («не те» объекты,

и «не те» действия). В случае такого понимания данной взаимосвязи и барьерность, и выраженность данных защитных механизмов являются внешним выражением одной и той же общей причины: например, стратегии достижения позитивного самоотношения и удовлетворенности жизнью через преобладание/отсутствие замещающих способов действий или определенного способа воспринимать и категоризировать объекты. Причина и того, и другого требует отдельного анализа, некоторые предварительные соображения приведены в заключительном параграфе данной главы.

По всей видимости, не стоит воспринимать эти объяснения как взаимоисключающие, каждое из них может соответствовать действительности, для многих психических явлений характерна круговая организация причинно-следственных связей, когда причина, вызвавшая то или иное следствие, усиливается его обратным воздействием на нее. Это можно отнести и к рассматриваемым нами феноменам.

Еще более интересным с точки зрения понимания механизма барьерности – реализуемости личностных ценностей представляется обсуждение второго из отмеченных моментов – почему именно с этими, а не другими защитными механизмами получены корреляционные связи. И здесь необходимо сначала выявить содержательные пересечения, которые существуют между теми защитными механизмами, которые оказались взаимосвязаны с тенденциями барьерности и реализуемости (а это механизмы компенсации, регресса и замещения), и одновременно отличают их от остальных защитных механизмов.

Выделяя то общее, что их объединяет, можно заметить, что для них характерны различные трансформации действия по реализации побуждения: способа его осуществления или объекта, на который оно направлено. Тогда как защитные механизмы, которые не связаны с параметрами барьерности и реализуемости, а именно: механизмы вытеснения, проекции, отрицания, рационализации и реактивных образований, – представляют собой разные способы преобразования образа ситуации или собственного побуждения при отказе от активного действия, реализующего побуждение. Именно по данному критерию активности или пассивности в реализации побуждения, когда в одном случае меняется способ или объект действия, а в другом осуществляется преобразование воспринимаемого образа себя и/или ситуации, и можно разграничить между собой эти эмпирически выделившиеся группы защитных механизмов.

Полученные результаты позволяют несколько по-иному взглянуть на защитные механизмы с точки зрения критерия их классификации на группы по критерию осуществления или неосуществления

действий в направлении реализации побуждения. При этом первая группа механизмов будет содержательно связана с трансформацией (искажением) образа действия (его объекта и способа действия), а вторая – с трансформациями образа себя (своих побуждений) и образа ситуации. Приведенные выше соображения подтверждаются и тем, что сами механизмы компенсации, регресса и замещения оказались связанными (табл. 7.2) и образовали триаду наиболее плотно взаимосвязанных между собой шкал (при $p < 0,001$ и $p < 0,01$).

Таблица 7.2

Коэффициенты интеркорреляций шкал опросника защитных механизмов личности в совокупной выборке

Шкалы	Защитные механизмы личности							
	отриц-е	комп-я	рац-я	регресс	замещ-е	проект-я	реак.обр	вытес-е
Отрицание	1	-	-	-	-	-	-	-
Компенсация	0,24*	1	-	-	-	-	-	-
Рационализация	0,04	0,06	1	-	-	-	-	-
Регресс	0,03	0,45***	-0,09	1	-	-	-	-
Замещение	-0,07	0,27**	0	0,51***	1	-	-	-
Проекция	-0,09	0,14	0,13	0,12	0,12	1	-	-
Реакт. образ-ния	0,02	-0,02	0,22*	-0,01	0,03	0,38***	1	-
Вытеснение	0,02	-0,04	0,06	0,10	0,24*	-0,06	-0,16	1

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*), $p < 0,01$ (**) и $p < 0,001$ (***).

Другие защитные механизмы практически не связаны со шкалами этой триады, за исключением шкал отрицания и вытеснения, которые связаны со шкалами компенсации и замещения, соответственно, но менее плотными связями (при $p < 0,05$). Между собой все остальные, не входящие в обозначенную триаду, шкалы также связаны в гораздо меньшей степени. Мы понимаем, что эти результаты в первую очередь связаны с возможностями и ограничениями самого метода измерения защитных механизмов, и, возможно, в большей степени говорят о его дифференцирующей способности, чем собственно о самих защитных механизмах, сущность которых более глубоко и детально раскрывается в их описании через призму индивидуального клинического случая. Тем не менее они дают предварительные содержательные основания и для такого взгляда на классификацию защитных механизмов.

Среди известных классификаций защитных механизмов подобного основания выделения их видов мы не обнаружили. Кроме уже упоминавшихся разделений защитных механизмов на продуктивные и непродуктивные, неспецифические и специфические, примитивные и опирающиеся на более сложные когнитивные процессы (память, мышление), есть перекликающаяся по содержательным критериям, но не идентичная предлагаемой нами классификация А. Фрейд [см. *Никольская, Грановская, 2000*]. В ней выделены такие виды защитных механизмов, как перцептивные (игнорирование нежелательной информации еще до момента ее восприятия), интеллектуальные (будучи воспринятой, нежелательная информация могла быть забытой или проинтерпретированной удобным для человека образом) и двигательные автоматизмы.

При этом как в рамках самого психоаналитического направления, так и в других направлениях психологии были высказаны некоторые теоретические аргументы, подтверждающие правомерность предложенного основания классификации защитных механизмов. Многие психоаналитики считают замещение не частным защитным механизмом, а способом функционирования бессознательного [Spitz, 1961], а D.R. Miller, G.E. Swanson (1956, 1960) в своей теории психологических защит истолковывают каждую защиту как частный вид замещения.

Теоретическое объяснение взаимосвязи механизмов регрессии и замещения предложено еще К. Левиным (2001), усмотревшим содержательное соответствие между ними. С его точки зрения, когда З. Фрейд в анализе условий возникновения регрессии утверждает, что она своим происхождением обязана неспособности либидо достичь удовлетворения на более зрелом уровне, он тем самым приближается к теории поля, которую можно назвать «теорией регрессии как замещения». В топологическом анализе механизма регрессии, проведенном К. Левиным [*Левин К., 2001, с. 174*], она предстает как частный вид замещения. Необходимо отметить, что в теории К. Левина понятие замещения имеет более широкий теоретический и эмпирический смысл в отличие от более узкого его понимания некоторыми направлениями психоанализа как отдельного защитного механизма. Так, в школе К. Левина изучалась замещающая ценность как объектов, так и действий и деятельности, тогда как в психоанализе замещение означает скорее только замещение одного объекта другим.

Объяснение взаимосвязей между регрессом и компенсацией может опираться на существующее в самой психоаналитической традиции более свободное употребление термина регрессии – не только в классическом понимании его З. Фрейдом как возвращения к первым объектам либидо. Часто регрессией обозначают любой уход от реаль-

ности на уровень фантазии, и содержательно это иногда пересекается с описанием механизма компенсации (см. выше). А. Фрейд (1993) также относил механизмы регрессии и замещения в группу механизмов, которые представляют собой модификацию побуждений. С ее точки зрения, они не зависят в своем появлении от этапов развития Я и функционируют с тех пор, как функционируют и сами побуждения, т.е. с того момента, как начинается конфликт порывов Оно и каких-либо препятствий на пути их удовлетворения. Тем самым она предложила принцип группирования защитных механизмов по принципу модификации побуждения, но компенсацию А. Фрейд рассматривала не в этом ряду, а как незрелую форму рационализации. На наш взгляд, соотношение механизмов компенсации и замещения аналогично соотношению замещения и регресса, только при компенсации степень трансформации действия, реализующего влечение, значительно больше, чем при замещении: трансформируется не только объект, но и способ действия.

В целом, исходя из полученных результатов, можно содержательно уточнить действие механизма барьерности – реализуемости ценностей следующим образом. Характер их связи с защитными механизмами личности подтверждает мысль о том, что они представляют собой разные способы преодоления неопределенности при «опознании» ценностей и соответствующих им предметов или действий в реальности. Пересечение триады механизмов компенсации, регресса и замещения между собой, в отличие от других защитных механизмов обнаруживается в том, что они или трансформируют само действие, направленное на реализацию побуждения, или изменяют объект, на который оно направлено. При этом каждый из них подразумевает активные действия в направлении реализации побуждения, а не отказ от них, что характерно для других защитных механизмов, которые проявляются в трансформации воспринимаемого образа себя и ситуации. Последние оказались не связаны с параметрами барьерности – реализуемости. Характер полученных связей свидетельствует, что барьерность ценностей выражается в использовании замещающих действий или объектов, не прямо соответствующих побуждению, тогда как реализуемость отражает стремление действовать, не подменяя ни способы действий, ни объекты другими, менее соответствующими побуждению.

Таким образом, результаты данного исследования обнаружили, что параметр барьерности – реализуемости личностных ценностей действительно связан с некоторыми защитными механизмами личности. Более выраженную эго-защитную природу демонстрирует тенденция барьерности, которая оказалась прямо связана с выраженно-

стью защитных механизмов компенсации, регресса и замещения. Высокая реализуемость ценностей оказалась связана с низкой выраженностью данных защитных механизмов и не связана с какими-либо другими. Это свидетельствует о тенденции к барьерности как связанной с большим уровнем внутриспсихического напряжения, что актуализирует защитные механизмы личности, проявляясь в тех из них, которые связаны с трансформацией объектов и способов действий в направлении реализации побуждения.

7.2. Когнитивные стили и реализуемость личностных ценностей

Понятие когнитивного стиля отражает идею существования устойчивых индивидуальных различий в восприятии и способах работы с информацией. Термин «когнитивные стили» возник в русле гештальтпсихологии и связан с именем Г. Уиткина, изучавшего явление зависимого и независимого от поля поведения [Witkin, 1950]. Обнаруженные им различия испытуемых по критерию зависимости – независимости от перцептивного поля стали основой для выделения первого когнитивного стиля, известного как «полезависимость – полнезависимость». Современные исследователи выделяют более десяти когнитивных стилей, и список этот постоянно пополняется ввиду чрезвычайной сложности и многогранности явления человеческой индивидуальности. Тем не менее ряд ученых (представители так называемого «унитарного» подхода) сходятся во мнении, что большинство известных когнитивных стилей представляют собой конструкты, одному полюсу которых в пределе соответствует высокая дифференциация и артикулированность опыта, а другому – недифференцированный подход и глобальность восприятия. Не касаясь подробно противоречий, существующих в рамках самого стилевого подхода, – наиболее полный обзор и анализ современных исследований представлен в фундаментальной монографии М.А. Холодной (2004) – отметим, что в настоящее время исследование когнитивных стилей является одной из интенсивно развивающихся и крайне интересных областей психологической науки, связанной с получением неоднозначных данных и разработкой новых моделей.

Изначально в рамках стилевого подхода, как пишет М.А. Холодная (2004), постулируется, что когнитивные стили – это биполярные образования, отражающие устойчивые способы когнитивного поведения субъекта с точки зрения их инструментальной, а не продуктивной составляющей, к которым не применимы оценочные суждения, так как представители обоих полюсов обладают преимуществами в определенных ситуациях.

Традиционно когнитивные стили изучаются как индивидуальные различия в способах структурирования *простой перцептивной стимуляции* (установка стержня вертикально в хрестоматийном тесте Г. Уиткина «рамка и стержень», поиск аналогичного изображения в тесте на импульсивность – рефлексивность) и достаточно *простого семантического вербального материала* (сортировка слов при определении когнитивного стиля «узость – широта диапазона эквивалентности» или подбор синонимов при диагностике узости – широты категории).

Однако существуют основания полагать, что особенности организации опыта, наблюдающиеся в действиях человека с простыми формами перцептивной и вербальной информации, могут быть связаны и с более высокими уровнями взаимодействия человека с миром и проявляться при структурировании более сложных, обобщенных форм опыта. В исследованиях когнитивных стилей имеются данные, показывающие наличие таких взаимосвязей. Например, преобладание полезависимого стиля в восприятии простой перцептивной стимуляции прямо связано с конформностью в социальных отношениях, тогда как полезависимого – с большей независимостью и от социального окружения [Witkin, 1977]. Выявлены взаимосвязи когнитивных стилей с использованием человеком определенных типов психологических защит. Так, полезависимые лица «используют защиты, предполагающие активную переработку познавательного опыта (изоляция, интеллектуализацию, проекцию), тогда как для полезависимых лиц типичным является использование защит, связанных с отвержением эмоциогенного содержания (вытеснения, негативизма)» [Холодная, 2004, с. 267]. Это привело Г. Уиткина к выводу, что полезависимые люди больше способны к контролю своих исполнительных действий и аффективных состояний.

Более того, Д. Уордел и Дж. Ройс [Wardell, Royce, 1978] считают, что когнитивные стили в снятом виде содержат в себе элементы аффективных состояний. В предложенной ими *модели интегрированной индивидуальности* когнитивные стили рассматриваются как высокоорганизованные черты, определяющие способ, которым в индивидуальном поведении связываются когнитивные и эмоциональные свойства личности. Выступая в качестве интегратора когнитивной и аффективной сфер, стилевая система оказывает влияние на такие свойства индивидуальности, как Образ мира, Образ-Я и стиль жизни [Холодная, 2004]. Необходимо отметить, что в модели Д. Уордела и Дж. Ройса на одном уровне находятся стилевая и ценностная системы, последняя включает в себя глубинное и социальное Я. В соответствии с этой моделью обе системы выполняют функцию интеграции

когнитивной и аффективной сфер, но при этом независимы и прямо не влияют друг на друга.

Исходя из разностороннего теоретического и эмпирического анализа данной темы, М.А. Холодная делает вывод, что когнитивные стили – это «метакогнитивные способности, имеющие отношение к интеллектуальной саморегуляции» [Холодная, 2004, с. 246]. Основные функции, которые они выполняют, – это «участие в построении объективированных ментальных репрезентаций происходящего и контроле аффективных состояний в актах познавательного отражения» [там же, с. 254]. Поэтому, в отличие от коэффициента интеллекта, когнитивно-стилевые характеристики более тесно связаны с регуляцией психической жизни человека, они определяют его потенциал в оценках, суждениях, позициях и поступках и оказываются связаны с широким спектром личностных черт и особенностей, влияя «на своеобразие личностной организации человека и характеристики его социального поведения» [там же], что доказывается наличием многочисленных и разнообразных связей стилевых параметров с личностными свойствами. Так, еще в исследованиях феномена полезависимости – полнезависимости у полнезависимых лиц был зафиксирован более высокий уровень моральных суждений и склонность принимать моральные решения [Gibbs, 1986], а у полезависимых – большая потребность в общении и групповых видах деятельности и занятий [Холодная, 2004]. Некоторые авторы даже относят когнитивные стили к разряду личностных свойств [Селиванов, 1989].

Мы видим, что в изучении когнитивных стилей прослеживается тенденция, аналогичная той, которая была зафиксирована в предыдущем параграфе в отношении защитных механизмов личности. Закономерности, действие которых было зафиксировано лишь в отношении частных ситуаций, а именно, в восприятии личностно нейтральной, в основном простой перцептивной информации, обобщаются и рассматриваются в теоретической интерпретации как механизмы, действующие на обобщенных и глобальных уровнях регуляции более широких, жизнедеятельностных контекстов и процессов.

Скорее всего, это является отражением общего направления развития экспериментальной психологии, которая изначально подвергла испытанию некоторые частные психические функции в отдельных ситуациях и на конкретном материале. Постепенно, расширяя и укрупняя масштаб изучаемых явлений, она приступила к исследованиям регуляции поведения человека в целостных жизненных ситуациях, которые ранее описывались в основном теоретическими или идеографическими методами и были богато представлены преимущественно в обобщениях психотерапевтической практики. Вполне есте-

ственно, что наработанные ранее в отношении частных процессов понятия переносятся при этом на новый материал и становятся средствами его познания. Такой перенос обязательно требует как эмпирической верификации прежних представлений, так и теоретического осмысления вновь полученных фактов. И поскольку в других контекстах и на другом материале, представляющем собой иные системные целостности, естественно, действуют свои закономерности, то старые понятия не всегда могут схватить и точно описать новую реальность, требуется разработка новых понятий и моделей для ее адекватного отражения. Тем не менее привлечение уже наработанного корпуса понятий с уже открытыми фактами и закономерностями неизбежно и даже необходимо для продуктивного построения новых моделей, помогая осмыслению вновь открывающейся реальности. Исходя из этих соображений, мы поставили задачу соотнести предложенный нами конструкт барьерности – реализуемости личностных ценностей, который по некоторым существенным основаниям может быть отнесен к стилевой системе, с уже разработанными в психологии стилевыми конструктами. Тем более что в отношении некоторых когнитивных стилей их сопоставление с теми аспектами личности, которые имеют отношение к ее ценностно-смысловым структурам, уже принесло достаточно много результатов.

В первую очередь речь идет о стиле, обозначаемом как когнитивная сложность, который чаще всего соотносят именно с высшими регуляторными структурами личности, в том числе и с ее ценностно-смысловой сферой. Причем прослеживаются как детерминация смысловых структур уровнем когнитивной сложности, так и наоборот – зависимость различных аспектов субъективной системы категорий от ценностных структур личности.

Когнитивную сложность взаимоотношений человека и окружающей действительности в качестве структурного компонента и одного из определяющих критериев уровневой организации системы личностных смыслов рассматривает А.В. Серый (2004). Он считает, что уровень когнитивной сложности «отражает содержание личностных конструктов индивида – смысловых систем, которые человек создает, а затем взаимодействует при их помощи с объективной действительностью» [Серый, 2004, с. 7]. Конкретизируя данную идею, А.В. Серый в предложенной им концепции организации смысловой системы личности каждому ее уровню ставит в соответствие определенный уровень когнитивной сложности. На самом нижележащем уровне биологически обусловленных смыслов он отмечает отсутствие конструктов, на индивидуальном «конструкты представлены либо жесткими стереотипными понятиями, клише, строящимися на смыс-

ловой связи двух (максимум трех) значений, либо понятийной путаницей», на личностном уровне конструируются системы с системным характером, предполагающий способность обобщения, восприимчивость и гибкость, а на смысло-жизненном – отличаются «возрастающей концептуализацией, терпимостью к противоречиям и неопределенности, объективностью» [там же, с. 12].

Связь интегральности/дифференциальности как стиля индивидуальности со своеобразием образа мира человека описывает Г.А. Берулава (2001). Стиль индивидуальности на полюсе интегральности отличается целостным восприятием происходящего, склонностью к выявлению обобщенного смысла «образа мира», при этом качественно различаются между собой интегрально-теоретический, интегрально-деятельностный и интегрально-эмоциональный стили. Преобладание фрагментарного восприятия действительности, конкретности, ситуативности «образа мира» характеризует полюс дифференциальности, который аналогично разделен на дифференциально-теоретический, дифференциально-деятельностный и дифференциально-эмоциональный стили.

В то же время выявлено, что когнитивно-стилевые показатели, взятые сами по себе, малоинформативны [Серегина, 2001]. Так, понятийную дифференцированность и полнезависимость следует рассматривать не как отдельные параметры индивидуальности, а как проявления целостных паттернов личностных черт, внутри которых стили «ведут себя» по-разному. Конкретная деятельность актуализирует разные сочетания когнитивных и характерологических свойств личности, которые влияют на ее успешность. Этим по аналогии объясняются данные о неоднозначных взаимосвязях характеристик категориальных структур межличностного познания и личностных диспозиций.

Дальнейшее исследование взаимодействия когнитивных и ценностно-мотивационных структур в контексте межличностного познания [Лузаков, 2008] показало, что ценностно-мотивационные структуры личности, в свою очередь, выступают одним из факторов, влияющих на субъективную систему категорий, используемую личностью при восприятии других людей и себя. Однако взаимодействие между ценностно-мотивационными и когнитивными структурами личности неоднозначно, обнаруженные связи между ними носят как линейный, так и нелинейный характер. Одни и те же структурные характеристики категориальной системы (например, когнитивная дифференцированность) могут быть проявлением различных по содержанию, но определенных, т.е. варьирующих в известных пределах, личностных ориентаций. Описаны определенные варианты сочетаний структурно-содержательных характеристик семантических пространств лично-

сти, личностных диспозиций и уровня сформированности ее ценностных ориентаций. Выявлено, что ориентированные на личностное развитие субъекты обладают большей по сравнению с социальными прагматиками когнитивной дифференцированностью, для них характерно более тонкое различение социоперцептивных категорий, определяющих в другом человеке грани его переживаний, а также спонтанность и аутентичность, тогда как социальные прагматики характеризуются сцеплением в единый фактор ряда категорий, определяющих силу, активность, адаптивность, самоконтроль и эмоциональную (не)чувствительность к объекту межличностного познания. В качестве фактора, обуславливающего нелинейность связей между когнитивными и ценностно-мотивационными структурами, выступает уровень субъектности личности, определяемый автором через устойчивость ценностных ориентаций, дифференцированное субъективное аксиологическое пространство, внутренний локус контроля, высокий уровень самоактуализации.

В поле современных исследований представлены и такие, в которых прослеживаются отдельные взаимосвязи когнитивной сложности с различными аспектами ценностно-смысловой системы. Так, например, выявлено, что когнитивно-простые юноши и девушки показывают более высокие показатели теста СЖО, имеют стабильный положительный образ Я, эмоционально устойчивы, тогда как когнитивно-сложные оценивают себя и мир более детально и тонко, но уровень осмысленности жизни у них ниже, они менее эмоционально стабильны [Ахметгалеева, 2005].

Как видим, в отношении когнитивной сложности, которая ближе всего к содержательным характеристикам ценностно-смысловой сферы, так как во многом отражает ее размерность, полученные факты свидетельствуют о взаимопроникновении стилевых и ценностно-смысловых структур, хотя получаемые связи и зависимости весьма неоднозначны. Исследования соотношения характеристик ценностно-смысловой сферы личности с другими когнитивными стилями представлены в меньшей степени, и их результаты также неоднозначны [Холодная, 2004].

Таким образом, имеющиеся в психологии разработки свидетельствуют, что стилевые особенности вездесущи, могут затрагивать и уровень ценностно-смысловой регуляции, специфику организации жизненного пространства личности и ее образа мира, но действуют в комплексе с другими структурами личности, обнаруживаясь и в Я-концепции, и в идентичности, поэтому выявляемые взаимосвязи стилевых особенностей с различными свойствами личности неоднозначны.

Поскольку параметры барьерности и реализуемости ценностей отражают функционально-динамические характеристики ценностно-смысловой сферы личности и по некоторым существенным признакам могут быть отнесены к стилевым характеристикам личности, то логично предположить наличие их связи с когнитивными стилями. Наше предположение основывается на сходстве когнитивных стилей и тенденций барьерности и реализуемости ценностей в их существенных чертах. В случае с конструктом реализуемости – барьерности мы имеем дело с биполярным образованием, представленным двумя разнонаправленными тенденциями, которые носят функциональный, динамический характер, демонстрируют определенную устойчивость и не связаны с тем или иным содержанием. Эти же характеристики описывают и когнитивные стили как свободные от содержания, устойчивые формально-структурные характеристики когнитивной сферы, представленные как биполярные образования. Кроме того, саму возможность проявления барьерности – реализуемости и ее содержание мы связываем с ситуацией неопределенности, которая возникает при опознании абстрактно-обобщенного содержания ценности в его соотнесении с предметно-чувственными признаками любого образа конкретной ситуации (см. гл. 3), т.е. особенностями процесса категоризации, что также подразумевает наличие в них когнитивной составляющей. Все это дает основания для предположения о взаимосвязи особенностей восприятия человеком степени реализованности его личностных ценностей в жизни с характерными установками восприятия, определяющими когнитивный стиль.

При выделении когнитивных стилей, которые с большей вероятностью могут быть связаны с параметром барьерности-реализуемости, мы исходили из наших представлений о его психологическом содержании, которое сложилось к началу данной серии исследования.

Один из когнитивных стилей, который, на наш взгляд, наиболее релевантен и близок им по способу структурирования объектов, – это узость или широта диапазона эквивалентности. Данный стиль характеризует индивидуальные различия в особенностях ориентации на признаки сходства или признаки различия объектов и впервые был описан Р. Гарднером с соавторами [*Gardner, 1959*]. Узкий диапазон эквивалентности характеризуется как более детализированная категоризация впечатлений, использование более точных стандартов в оценке различных объектов, а также как проявление понятийной дифференциации – насколько много или мало категорий существует в индивидуальном понятийном опыте человека и в какой мере он склонен опираться на более или менее обобщенные категории при структурировании материала. Причем существенным моментом, опреде-

ляющим узость диапазона эквивалентности, является не столько сама способность замечать различия, сколько чувствительность к ним, а также, по данным В. Колги (1976), жесткость – мягкость субъективных критериев оценочных шкал: у лиц с узким диапазоном критерии жесткие, а у лиц с широким – мягкие и слабо дифференцированные.

Предельная выраженность реализуемости личностных ценностей понималась нами в начале данного исследования как меньшая требовательность к точности соответствия признаков объектов или ситуаций той или иной ценности, стремление и способность усмотреть их в любом явлении, в пределе даже как некоторая неразборчивость, всеядность или стремление «все пустить в дело», лишь бы воспринимать свои замыслы как реализованные в реальности. Поэтому мы предположили, что реализуемость личностных ценностей будет связана с широким диапазоном эквивалентности как ориентацией на нахождение сходства между явлениями и объектами реальности. Соответственно, барьерность в нашем понимании, напротив, означала высокие требования к признакам, свидетельствующим о присутствии ценностей, и нежелании усматривать их в любых, даже отдаленно связанных с ней предметах, об излишней придирчивости, стремлении к точному соответствию своим ожиданиям, т.е. подразумевала большую жесткость критериев. Поэтому барьерность мы предположительно связывали с узким диапазоном эквивалентности как направленностью на поиск различий.

Другой стиль, с которым мы предположительно связали изучаемый нами конструкт барьерности – реализуемости – это когнитивный стиль «полезависимость – полenezависимость», где критерием распределения испытуемых по полюсам является ориентация при структурировании перцептивного поля либо на внешнюю стимуляцию, либо на собственный внутренний опыт. Данный стиль отражает особенности поведения человека в поле, связанные, в первую очередь, с его фигуρο-фоновыми отношениями, с описания которых и начал их изучение Г. Уиткин в 1950 г. В экспериментах он обнаружил, что одни люди с трудом преодолевают влияние окружающего фона при поиске простой детали в сложном изображении, а другие делают это легко и опираются на внутренние критерии. Это было зафиксировано им как «способность преодолевать сложноорганизованный контекст» [Холодная, 2004, с. 51], полюс высокой выраженности которой проявляется в артикулированном подходе к полю – способности разделять его на элементы, организовывать и структурировать ситуацию. Низкая выраженность данной способности, когда индивид следует полю, не реорганизовывая его, была обозначена им как глобальный подход к полю. Исследования данного стиля выявили, что артикулированный

стиль связан «с дифференцированностью образа физического Я, развитым чувством личной идентичности и сформированностью специализированных защит и контролей» [там же]. Большой объем данных получен в результате изучения взаимосвязей данного стиля с особенностями межличностных отношений, опросником личностных черт Кеттелла, клиническим тестом ММРІ, выраженностью психологических защит, тревожностью и рядом других параметров, что позволило лучше проникнуть в его сущность и механизмы функционирования. Выявлены также ситуативные детерминанты данного стиля: под влиянием отрицательных эмоций в интеллектуальной деятельности чаще наблюдаются эффекты, свойственные полезависимому стилю.

Мы предположили, что реализуемость должна быть родственна полезависимости, поскольку человек склонен в имеющемся опознавать должное и требуемое, а значит, ориентирован на поле. В то же время на полюсе барьерности мы предполагали очень точное представление о ценностях, которое не видоизменялось полем, поэтому чаще не соответствовало ему.

Итак, перед эмпирическим исследованием была поставлена задача проверки *гипотезы* о взаимосвязи параметров барьерности и реализуемости личностных ценностей с когнитивными стилями как способами структурирования простого перцептивного, личностно нейтрального опыта (на примере стилей «полезависимость – полenezависимость» и «узость – широта диапазона эквивалентности»). Она конкретизирована в двух следующих предположениях.

1. Преобладание реализуемости личностных ценностей связано с широким диапазоном эквивалентности, тогда как барьерности – с узким.

2. Преобладание реализуемости личностных ценностей связано с полезависимостью, а барьерности – с полenezависимостью.

В пользу такого сочетания обоих предположений относительно указанных стилей говорила и традиционно признаваемая исследователями связь полюса полезависимости с широким, а полenezависимости – с узким диапазоном эквивалентности. Она считается отражением общего свойства, которое пронизывает многие когнитивные стили и лежит в их основе, – глобальности, нерасчлененности восприятия (полезависимость, широкий диапазон эквивалентности) или его дифференцированности, аналитичности (полenezависимость, узкий диапазон эквивалентности) [Холодная, 2004].

Организация и методы исследования. Выборку исследования составили 76 аспирантов КГУ (44 мужчины и 32 женщины) в возрасте от 21 до 27 лет.

Возраст испытуемых представляет собой раннюю взрослость – период, когда происходит осознание себя как субъекта собственной жизни, осуществляется самоопределение, более осознанно по сравнению с юностью строятся жиз-

ненные планы, и в некоторой их части они начинают реализовываться, складывается уникальный жизненный стиль. При этом уже сформированы структуры операционального интеллекта [Пиаже, 1969]. Следовательно, как со стороны уровня развития личностных, так и сложившихся когнитивных структур испытуемые представляют адекватную поставленной исследовательской задаче выборку.

Для сбора эмпирических данных применялись следующие методики.

1. Ранжирование личностных ценностей по критериям значимости и субъективно оцениваемой доступности производилось с помощью процедуры попарного сравнения. Использовался список терминальных ценностей (М. Рокич), содержащий 12 ценностей в соответствии с модификацией данной методики, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). Для каждого испытуемого рассчитывался индивидуальный *индекс реализуемости* как корреляционная связь важности и доступности ценностей.

2. Тест «Включенные фигуры» в его разновидности групповой методики АКТ-70 К.У. Эттриха [см.: Шкуратова, 1983] применялся для диагностики когнитивного стиля «*полезависимость – полenezависимость*». Методика представляет собой задачи на обнаружение простой фигуры в сложном геометрическом изображении. В верхней части бланка со стимульным материалом располагаются пять простых фигур, ниже под чертой – 30 сложных фигур. Задача испытуемого – найти, обвести контур и отметить на бланке для каждой сложной фигуры ту простую фигуру, которая включена в нее в качестве составной части. Время выполнения при этом не ограничивается. Определялись следующие стандартные показатели: точность идентификации фигур по количеству правильных ответов и общее время выполнения всех заданий (показатели полезависимости), а также отношение точности опознания фигур ко времени, затраченному на выполнение теста (интегральный показатель полenezависимости).

3. Методика «Свободная сортировка объектов», разработанная Р. Гарднером с соавторами в модификации В.А. Колги [см. Холодная, 2004], использовалась для диагностики когнитивного стиля «*широта – узость диапазона эквивалентности*». Испытуемому предлагалось разложить 75 карточек, с напечатанными на них различными словами (имена существительные, характеризующие ландшафт и геологические объекты), на группы наиболее удобным, логичным и естественным для них способом. В качестве показателей узости – широты диапазона эквивалентности учитывались стандартные показатели: количество выделенных групп, количество объектов в наибольшей по объему группе, количество групп, состоящих из одного объекта. Большое количество групп и количество групп из одного объекта свидетельствуют об ориентации на различия объектов, т.е. узком диапазоне эквивалентности, тогда как большое количество слов в группе и меньшее количество самих групп – напротив, о широком диапазоне эквивалентности.

4. Методика выделения существенных признаков, модифицированная за счет расширения списка предлагаемых вариантов, использовалась для диагностики когнитивного стиля «широта – узость диапазона эквивалентности». Испытуемым предлагалось из десяти слов выбрать произвольное количество «существенных», по их мнению, признаков некоего понятия. При этом в качестве количественной меры выраженности того или иного полюса стиля стало *общее количество выделенных признаков* (безотносительно их адекватности), которое косвенно свидетельствует о преобладании тенденции включать в категорию большее (широкий диапазон эквивалентности) или меньшее (узкий диапазон эквивалентности) количество объектов. Предварительный анализ данных показал, что как испытуемые, выбирающие много слов, так и испытуемые, выбирающие их небольшое количество, в целом могут отвечать как верно (то есть выделять действительно наиболее существенные признаки понятий), так и неверно. При подобном способе анализа влияние продуктивных характеристик деятельности (в данном случае вербального интеллекта) на результат не учитывается, получается лишь стилевая характеристика.

Для статистической обработки данных использовался анализ средних значений и стандартных отклонений параметров, корреляционный анализ по критерию Пирсона.

Результаты. Проверка взаимосвязи показателей теста «Включенные фигуры» с индексом барьерности – реализуемости ценностей показала, что они действительно связаны (табл. 7.3).

Таблица 7.3

Взаимосвязь параметров теста «Включенные фигуры» с индексом реализуемости ценностей (n=76)

Параметры	Параметры выполнения теста скрытых фигур		
	точность/время	время	точность
Индекс реализуемости	-0,29*	0,13	-0,37**

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,01$ (**); n – численность выборки.

Как видим, наиболее плотные связи с индексом реализуемости образует показатель точности выделения скрытых фигур; интегральный показатель – менее сильные связи; а с параметром времени, отражающим длительность выполнения теста, связи отсутствуют.

Отсутствие связей с длительностью выполнения теста, на наш взгляд, обусловлено групповой формой проведения теста скрытых фигур, где параметр времени выполнения в большей степени может отражать импульсивность, а не время нахождения простой фигуры в сложной. Связано это со спецификой процедуры: невозможно зафиксировать, действительно ли испытуемый увидел фигуру, или ответ

дается импульсивно, «приблизительно». В таком случае скорость выполнения заданий может быть показателем полезависимости – полenezависимости, по-видимому, только при высоких показателях точности. И, значит, наиболее адекватными индикаторами данного когнитивного стиля при групповой процедуре проведения выступают показатели точности идентификации фигур и отношения точности ко времени.

В целом полученные результаты свидетельствуют о подтверждении выдвинутой гипотезы о взаимосвязи параметра барьерности – реализуемости ценностей со стилевыми характеристиками полезависимости – полenezависимости. Причем реализуемость ценностей действительно связана с полюсом полезависимости, то есть с «привязанностью» к полю, сложностью преодоления его влияния, в то время как барьерность – с полюсом полenezависимости, ориентацией на внутренние субъективные критерии. Это значит, что первое предположение подтвердилось: полезависимые люди (использующие глобальный подход к полю) более склонны сблизжать параметры важности и доступности ценностей, т. е. ориентироваться на уже реализованное, имеющееся в «поле». Люди с полenezависимым стилем (демонстрирующие артикулированный подход к полю), напротив, ориентируются скорее на нереализованные ценности и понижают значимость тех, которые оцениваются ими как доступные.

Таблица 7.4

Взаимосвязь показателей «узости – широты диапазона эквивалентности» с индексом реализуемости

Показатели		Индекс реализуемости
Количество выделенных признаков (n=76)		-0,38*
Свободная сортировка объектов (n=93)	Количество групп	0,26*
	Количество объектов в наибольшей группе	-0,11
	Количество групп из одного объекта	0,15

Условные обозначения: звездочками отмечены коэффициенты, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,01$ (**); n – численность выборки.

Проверка взаимосвязи показателей тестов, направленных на выявление узости – широты диапазона эквивалентности, с индексом реализуемости ценностей показала (табл. 7.4), что он связан обратной связью с основным показателем узости – широты диапазона эквивалентности – количеством групп в методике свободной сортировки объектов, и прямой связью – с количеством отмеченных слов в методике выделения существенных признаков понятия. Другие два ис-

пользованных показателя методики свободной сортировки объектов – количество объектов в наибольшей группе и количество групп из одного объекта – оказались с ним не связаны.

Направления полученных связей свидетельствуют о том, что тенденция реализуемости ценностей связана с узким диапазоном эквивалентности, а барьерности – с широким. Наличие связей не со всеми показателями одной из методик и невысокая степень их плотности (на уровне, не превышающем $p < 0,05$) свидетельствуют о нежестком характере полученных закономерностей. Тем не менее в целом полученные результаты скорее подтверждают выдвинутое предположение о связи индекса барьерности – реализуемости личностных ценностей с когнитивным стилем «широта – узость диапазона эквивалентности». Однако выявленные связи имеют направление, диаметрально противоположное тому, которое нами предполагалось изначально. Тенденция реализуемости оказалась связана с узким диапазоном эквивалентности, что проявляется в жестких критериях и предпочтении к поиску различий, а барьерность – с широким диапазоном эквивалентности, т.е. проявляется в более мягких критериях и предпочтении к поиску сходства.

С одной стороны, такое противоречие полученных результатов первоначальным предположениям исследователей о характере взаимосвязи когнитивных стилей и устойчивых индивидуальных и личностных свойств человека в данном научном поле – довольно распространенное явление, что М.А. Холодная (2004) связывает с квадриполярной, в отличие от биполярной, природой самих когнитивных стилей. Мы, однако, склонны связывать это скорее с необходимостью уточнения сущности самого феномена барьерности – реализуемости. Сопоставление всех полученных в этой серии исследования результатов позволяет точнее осмыслить и определить психологическое содержание того, что стоит за данным конструктом.

Прямая связь полюса реализуемости с узким диапазоном эквивалентности означает, что в случае ее выраженности выше требовательность к точному соответствию объекта некоторым исходно ожидаемым свойствам, и те объекты, что точно им не соответствуют, исключаются в качестве релевантных ценности. А прямая связь с полюсом полезависимости отражает связанность человека наличной ситуацией, ориентацию на внешнее поле. Вероятно, людям, для которых характерна высокая реализуемость ценностей, свойственно ограничивать свое жизненное пространство, включать в него только освоенные сферы и отторгать недоступные в настоящем времени ценности. И ориентация на поиск различий, по всей видимости, проявляется именно в том, что человек строго разграничивает «свои» и «не свои»

ценности и сферы жизни и не стремится к расширению своего жизненного пространства, демонстрирует определенный консерватизм. Такая интерпретация соответствует имеющемуся пониманию узости категорий как своего рода концептуального консерватизма.

Связь полюса барьерности с широким диапазоном эквивалентности означает большую «терпимость» к несоответствию объектов некоторым изначально подразумеваемым свойствам, склонность находить их «подходящими», возможно, в силу отсутствия четких критериев. При этом связь барьерности с полнезависимостью, т.е. свободой от наличного поля, означает преимущественную ориентацию на внутренние критерии. И, следовательно, людям с выраженной барьерностью свойственно оценивать нереализованные ценности как высоко значимые и стремиться за пределы освоенного, расширяя (или размывая, может быть) границы своего жизненного пространства. Ориентация на поиск сходства проявляется при этом, очевидно, именно в расширении спектра стремлений, желаний – все они рассматриваются личностью как ее собственные атрибуты, они схожи тем, что все оцениваются как потенциально «свое».

По итогам данной серии исследования можно заключить следующее.

1. Конструкт барьерности – реализуемости личностных ценностей, отражающий целостное состояние жизненных отношений человека, связан с устойчивыми способами структурирования простой, личностно нейтральной перцептивной и семантической информации, проявляющимися в когнитивных стилях.

2. Реализуемость личностных ценностей как тенденция ценить доступное и обесценивать недоступное связана: а) с узким диапазоном эквивалентности, что выражает своего рода требовательность к точному соответствию объектов и действий «моделям должного»; б) полнезависимостью, выражающей ориентацию на наличное поле.

3. Барьерность личностных ценностей как тенденция ценить недоступное и обесценивать доступное связана: а) с широким диапазоном эквивалентности, что означает готовность к принятию более широкого круга объектов и действий в качестве релевантных ценностям; б) с полнезависимостью, выражающей ориентацию на внутренние критерии.

Дальнейшее обсуждение результатов данной серии исследования совместно с результатами предыдущего параграфа осуществлено в следующем разделе, поскольку именно их сопоставление и обобщение дало нам возможность в еще большей степени прояснить психологическую сущность тенденций барьерности и реализуемости.

7.3. Реализуемость личностных ценностей в образе мира и структурировании жизненного пространства

Обобщение совокупности всех результатов, полученных в данном цикле исследований, дает возможность зафиксировать следующие факты, существенные для понимания сущности тенденций барьерности – реализуемости, а также их соотношения с другими механизмами построения образа мира.

Во-первых, при соотнесении параметров барьерности и реализуемости личностных ценностей с устойчивыми механизмами восприятия, осознания и структурирования личностно значимого опыта – *защитными механизмами*, позволяющими трансформировать отдельные сегменты образа мира с целью устранения или преобразования информации, субъективно оцениваемой как угрожающей, – выявлено, что сдвиг в континууме барьерности – реализуемости в направлении полюса *барьерности* прямо связан с высокой выраженностью защитных механизмов *компенсации, регресса и замещения*.

Во-вторых, при соотнесении с *когнитивными стилями* как устойчивыми индивидуальными способами структурирования личностно нейтральных перцептивных и семантических содержаний обнаружено, что высокая выраженность *реализуемости* связана с *полезависимостью* и *узким диапазоном эквивалентности*, а *барьерность* – с *независимостью от поля* и *широким диапазоном эквивалентности*.

Это означает, что тенденции барьерности и реализуемости ценностей действительно связаны с механизмами структурирования опыта, действующими в других слоях образа мира. Причем в совокупности обнаруженные связи подтверждают предположение о том, что данные тенденции представляют собой разные способы преодоления неопределенности при опознании абстрактно-обобщенного содержания ценности в его соотнесении с предметно-чувственными признаками образа конкретной ситуации. Направление связей параметров континуума барьерности – реализуемости ценностей с защитными механизмами личности и когнитивными стилями позволяет также уточнить их действие, а значит, и более точно описать содержание самого конструкта.

Прямая связь реализуемости ценностей с узким диапазоном эквивалентности означает, что в случае ее выраженности выше требовательность к точному соответствию объекта некоторым исходно ожидаемым или подразумеваемым свойствам, и те объекты, что не точно им соответствуют, исключаются в качестве релевантных требуемому. А прямая связь с полюсом полезависимости отражает связанность человека наличной ситуацией, ориентацию на внешнее поле, тогда как

барьерности ценностей соответствует широкий диапазон эквивалентности, который означает большую «терпимость» к несоответствию объектов некоторым изначально подразумеваемым свойствам, склонность находить их «подходящими», возможно, в силу отсутствия жестких и четких критериев ожидаемого или требуемого. При этом сочетание барьерности с полнезависимостью, т. е. свободой от наличного поля, означает большую ориентацию на свои внутренние критерии.

Повышение барьерности личностных ценностей прямо связано с активизацией защитных механизмов личности, что характеризует состояние человека как более напряженное, энергетически заряженное побуждениями. Причем актуализируются те защитные механизмы, которые, во-первых, включают активные действия в направлении реализации побуждения, а во-вторых, связаны со спецификой опознания и категоризации объектов и способов действий, реализующих побуждения, т. е. подразумевают трансформацию самого действия и/или подмену объекта, на который это действие направлено. Это значит, что высокая барьерность ценностей связана с большей вероятностью использования человеком замещающих действий или объектов, не прямо соответствующих побуждению, тогда как высокая реализуемость отражает стремление действовать, не подменяя ни способы действий, ни объекты другими, менее ему соответствующими. И здесь очевидна содержательная параллель между обнаруженной связью реализуемости с узким диапазоном эквивалентности, который также означает жесткость критериев, при которой для оценки объектов как сходных необходимо весьма точное их соответствие друг другу. В обоих случаях реализуемость ценностей соответствует своего рода требовательности к точному соответствию объекта и действий «моделям должного», некоторым исходно заданным или подразумеваемым свойствам, и те объекты или действия, что не точно им соответствуют, исключаются в качестве релевантных ценности.

Несколько сложнее включить в полученную картину связь реализуемости с полюсом полнезависимости. Как известно, полнезависимость, понимаемая как глобальность и неартикулированность опыта, считается теоретиками в области когнитивных стилей близкой по содержанию широкому диапазону эквивалентности. Мы же получили противоречивые с точки зрения данного унитарного подхода результаты: реализуемость связана с артикулированностью в одном когнитивном стиле и неартикулированностью в другом. Эти нетривиальные связи можно объяснить следующим образом. Как помним, при выраженной барьерности, связанной с широким диапазоном эквивалентности, проявляется меньшая требовательность в отношении точ-

ного соответствия объектов, большая «терпимость» к несоответствию объектов некоторым изначально подразумеваемым свойствам и склонность находить их «подходящими», что соответствует по смыслу действию защитных механизмов компенсации, регресса и замещения. При этом связь барьерности с полнезависимостью, т.е. свободой от наличного поля, сигнализирует об ориентации человека на внутренние критерии, что может быть понято как погруженность в себя, свой внутренний мир. В силу этого, по-видимому, и возникает широкое, но неточное отражение более объемных зон жизненного пространства, в связи с чем объекты, обнаруживаемые за границами ближайшего и доступного окружения, в более далеких областях образа мира, кажутся более соответствующими побуждению. Соответственно, связь реализуемости с полнезависимостью можно понять как погруженность человека в наличную актуальную ситуацию, что и отражается в чуткости человека к имеющемуся в наличном «поле», настроенности на него. В связи с вышесказанным возникает предположение о возможной связи тенденций барьерности – реализуемости ценностей с психологическим временем личности. При этом реализуемость, скорее всего, может подразумевать преобладание во временной транспективе настоящего времени, тогда как барьерность скорее будет связана или с устремленностью в будущее, или обращенностью в прошлое.

Вероятно, людям, для которых характерна высокая реализуемость личностных ценностей, свойственно ограничивать свое жизненное пространство, включая в него только ценности освоенных жизненных сфер и отторгая недоступные, нереализуемые в настоящее время. Ориентация на поиск различий, по всей видимости, проявляется именно в том, что человек строго разграничивает «свои» и «не свои» ценности и сферы жизни и не стремится к расширению своего жизненного пространства, демонстрирует определенный консерватизм. Такая интерпретация соответствует и имеющемуся пониманию узости категорий как своего рода концептуального консерватизма, и также обнаруженным ранее взаимосвязям реализуемости с полюсом консерватизма фактора Q1 «Радикализм – консерватизм» в тесте Кеттелла. Людям с выраженной барьерностью, напротив, свойственно оценивать нереализованные ценности как высоко значимые и стремиться за пределы освоенного, расширяя (или размывая, может быть) таким способом границы своего жизненного пространства, включая в него все новые и новые жизненные сферы, деятельности и отношения. Ориентация на поиск сходства проявляется при этом, очевидно, именно в расширении спектра стремлений, желаний – все они рассматриваются личностью как ее потенциальные возможности

и *схожи* тем, что все оцениваются как «свое». В этой связи могут быть весьма перспективны и интересны исследования, направленные на изучение взаимосвязей тенденций реализуемости и барьерности с Я-концепцией и Эго-идентичностью личности.

Как видим, результаты, полученные в обоих исследованиях, логично связываются между собой, так как прослеживается их содержательное соответствие друг другу. Но они требуют существенного изменения нашей первоначальной интерпретации содержания тенденций реализуемости и барьерности. Первую мы связывали со своеобразной всеядностью и неразборчивостью, отсутствием четких ожиданий и требований, а вторую понимали как излишнюю придирчивость к тому, что дается и удастся человеку в жизни, возможно, связанную с нереалистичными или очень конкретными ожиданиями. Необходимость выработки более адекватного понимания обнаруженных тенденций с учетом вновь полученных результатов требует некоторых новых теоретических контекстов для создания более широкой теоретической модели, в рамках которой можно будет обозначить их функции. Путь к ее созданию мы видим как через дальнейшую их разработку в рамках понятий жизненного пространства и образа мира, в отношении которых выявленные нами тенденции можно понимать как способы их организации и структурирования, так и в рассмотрении данных тенденций в контексте развития личности, где они могут выступать в качестве его механизмов.

Если продолжать уже начатую линию построения сущности конструкта барьерности – реализуемости в рамках понятия жизненного пространства, то полученные в этой серии исследований эмпирические данные позволяют дополнить то предварительное гипотетическое описание крайних вариантов организации жизненного пространства в случае полного преобладания в нем лишь одной из тенденций, которое было намечено ранее. Это дополнение касается в большей степени специфики образа мира, связанной с каждым из этих вариантов.

В случае преобладания *реализуемости* человек сосредоточен на локальном и точном отражении того, что находится в пределах актуально реализуемых им жизненных отношений (узкий диапазон эквивалентности, отсутствие компенсаций и замещений), актуально возможного. Его жизненное пространство очерчивается этими рамками. Если провести параллель с предложенным Е.А. Климовым (1995) описанием различных планов в образе мира (дальний, общий, передний, первый, крупный, детальный и оперативный), то при реализуемости будут преобладать крупные и детальные планы образа мира, т. е. основной фигурой будет ближайшее пространство в пределах совокупности осуществляемых деятельностей и их операционально-

смысловых и действенных полей. Здесь внутреннее реализуется вовне и тем самым себя в обретенной предметности растворяет, что обеспечивает погруженность, включенность в свой жизненный мир (полезависимость как чуткость к имеющемуся в поле), в пространственно-временное проживание жизни здесь и сейчас и отсекает все постороннее, т.е. дальние планы жизненного пространства, практически как почти не существующие. Это состояние можно обозначить как *смысловое состояние опредмеченности*.

В случае преобладания *барьерности* структурирование фигуро-фоновых соотношений жизненного пространства диаметрально противоположно: ближайший план становится фоном, а фигурой становятся, с одной стороны, более дальние планы образа мира, а с другой – реальность собственных желаний, чувств, переживаний, того, что традиционно обозначают как внутренний мир. При этом образ мира становится более объемным, в нем в большей степени представлены дальние и общие планы жизненного пространства, зоны потенциально возможных направлений жизни. Преобладание ориентации на более дальние планы жизненного пространства вызвано поиском того, что соответствует себе самому, своим будущим потенциальным возможностям, внутренним побуждениям. Это делает необходимым их «примеривание», соотнесение со своими внутренними критериями (полезависимость), часто не всегда осознаваемыми и существующими в форме неясных предчувствий, ожиданий, поэтому здесь в большей степени выражена ориентация вовнутрь (чувства, желания и пр.), и именно они выступают в качестве фигуры. Усиление роли дальних планов, расширяя жизненное пространство, ведет одновременно с увеличением объемности образа мира к уменьшению степени четкости его отдельных сегментов, которые воспринимаются менее точно, приблизительно, упускаются более детальные характеристики объектов и ситуаций. При таком расплывчатом взгляде многое может казаться подходящим, соответствующим внутренним ожиданиям (широкий диапазон эквивалентности). Данное состояние можно обозначить как *смысловое состояние распредмеченности*.

Описанные выше типы организации жизненного пространства могут являться *внутренним условием решения* качественно разных *жизненных задач*, которые содержательно соответствуют описанным Д.А. Леонтьевым (2005) фазам экзистенциального взаимодействия человека с миром. В контексте рассмотрения предельно широких аспектов взаимодействия человека с миром он выделил две чередующиеся фазы цикла такого взаимодействия: это, во-первых, фаза открытости, расширение спектра потенциальных смыслов, «вбирание» их, раскрытие потенциала свободы; во-вторых, это фаза закрытости,

осуществление выбора и переход к реализации, раскрытие потенциала ответственности [Леонтьев Д.А., 2005, с. 48]. Абсолютизация одной из фаз в отрыве от другой ведет к неполноценной жизненной реализации человека: «Редукция фазы открытости приводит к ригидности и упрощенности жизненного мира, снижению регуляторной роли сознания. Редукция фазы закрытости приводит <...> к бесконечной и безответственной игре смыслами, изъятыми из контекста собственного бытия в мире» [там же, с. 49]. В данном теоретическом контексте преобладание реализуемости ценностей можно поставить в соответствие фазе смысловой закрытости, когда у человека актуализирован потенциал ответственности и реализуются выбранные возможности. Преобладание барьерности будет соответствовать фазе открытости новым смысловым горизонтам, когда человек ориентируется в них для осуществления выбора, что актуализирует потенциал свободы. Результаты наших исследований продолжают конкретизировать содержание данных фаз развития личности взрослого человека, раскрывая более детально механизмы организации и структурирования жизненного пространства и образа мира в соответствии с теми жизненными задачами, которые ставит перед собой развивающаяся личность, создающая «целостное индивидуальное пространство и время творимой ею жизни» [Анцыферова, 2006, с. 220].

* * *

Обобщая результаты исследований, изложенных в данной главе, можно утверждать, что тенденции барьерности и реализуемости ценностей представляют собой разные способы преодоления неопределенности при «опознании» ценностей и соответствующих им предметов или действий в реальности. **Конструкт барьерности-реализуемости** отражает работу **функционального механизма** глубинных амодальных слоев **образа мира**, актуализируя и действуя через соответствующие механизмы его поверхностных слоев, **структурирующего жизненное пространство личности**, обеспечивая адекватные экзистенциальным циклам режимы его настройки и фокусировки, что проявляется в характеристиках «объемности», фигуристо-фоновом рельефе, центрации вовне или вовнутрь.

Все это свидетельствует о том, что перестройка образа мира в сторону его барьерности или реализуемости отражает глубинную настройку личности в решении ею жизненных задач. Поэтому дальнейшее исследование динамических аспектов ценностно-смысловой организации жизненного пространства требуют перехода от изучения структур сознания, образа мира к описанию характеристик бытия человека в мире, сопряженного с ответственностью за себя, других лю-

дей, свою собственную жизнь, а также наделенного свободой выбора, смысло- и целеполагания в процессе собственного жизнетворчества.

Существенным для понимания дальнейших исследовательских задач исследования феномена барьерности-реализуемости является данная Д.А. Леонтьевым в описании фаз экзистенциального взаимодействия человека с миром характеристика их как чередования периодов актуализации потенциалов ответственности и свободы. По своей сути они близки к таким составляющим стратегии жизни, как инициатива и ответственность [Абульханова-Славская, 1991]. Соответственно, мы считаем необходимым кроме типологического понимания параметров барьерности – реализуемости как устойчивых характеристик личности ввести представление о них как выражающих процессы ее развития, а потому изменяющихся в зависимости от той или иной его фазы. Соединение типологического подхода с парадигмой развития может открыть новые подходы в исследовании развития личности в периоды взрослости. Описанию некоторых шагов, предпринятых в данном направлении, будет посвящена следующая глава, в которой раскрывается соотношение конструкта барьерности – реализуемости личностных ценностей с отдельными составляющими стратегии жизни, а также изучается его единство с содержательными аспектами жизненного мира.

ГЛАВА 8. РЕАЛИЗУЕМОСТЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СТРАТЕГИИ ЖИЗНИ

Логическим продолжением развития подхода к личности как творцу своего жизненного мира, теоретико-методологический фундамент которого был заложен в трудах С.Л. Рубинштейна (1997), стало появление представления о личности как субъекте жизни, существенной составляющей которого является понятие стратегии жизни [Абульханова-Славская, 1991, 2005].

Стратегия жизни рассматривается в качестве интегральной характеристики личности как субъекта собственной жизни. По определению К.А. Абульхановой-Славской жизненная стратегия – это «стратегия поиска, обоснования и реализации своей личности в жизни путем соотнесения жизненных требований с личностной активностью, ее ценностями и способом самоутверждения» [Абульханова-Славская, 1991, с. 244]. Основными ее признаками она называет, во-первых, выбор основного направления и способа жизни, во-вторых, создание условий для самореализации через решение противоречий жизни, способы решения и желание их решать, в-третьих, творческий поиск в созидании ценности своей жизни, состоящей в интересе и удовлетворенности ею. В широком понимании стратегия жизни является способностью личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, представляя, с одной стороны, способ структурирования и организации жизни, а с другой – способ ее осмысления и оценивания.

В формировании стратегии жизни человека одним из центральных моментов является формирование ценностных образований, задающих *направленность* личности. Стратегия жизни предполагает способность к *регуляции целостного времени жизни*, поскольку время – ведущий внешний фактор, относительно которого возникают индивидуальные различия способа жизни. В качестве внутреннего личностного фактора в реализации жизненной программы рассматривается *активность*, которая проявляется как способность к балансу между желаемым и необходимым, личным и социальным. Данный баланс как индивидуальный способ реализации активности в осуществлении жизненной стратегии устанавливается «при помощи инициативы и ответственности в соотнесении меры желаемого и необходимого, меры требуемого и достигнутого» [там же, с. 247]. Инициатива и ответственность, представляя разные стороны активности, входят в стратегию жизни, для характеристики которой существенно их распределение во времени и в способе жизни. Если в структуре активности преобладает инициатива, то такой человек ру-

ководствуется в основном только желательным, сам постоянно «создает» противоречия, без оглядки предпринимает новое. Жизненная стратегия в этом случае характеризуется широтой перспектив, постоянным расширением круга жизненных занятий, сфер. Если же в структуре активности преобладает ответственность, то человек стремится к упорядоченности, определенности и размеренности, не имеет далеких перспектив и горизонтов, старается зафиксировать и удержать достигнутое. Люди же, сочетающие инициативу и ответственность, «стремятся к постоянному расширению семантического и жизненного пространства, но могут быстро и уверенно распределять его на необходимое и достаточное, реальное и желаемое» [там же, с. 251].

Описание крайних вариантов стратегии жизни с преобладанием инициативы как стремления к расширению своего жизненного мира или ответственности как стремления к удержанию достигнутого содержательно во многом соответствует данному в разделе 7.3 описанию предельных вариантов организации жизненного пространства, обусловленных преобладанием барьерности или реализуемости ценностей как способов разрешения (или создания!) противоречия «ценно – доступно». Но при этом понятие стратегии жизни в понимании К.А. Абульхановой-Славской фиксирует некоторый сложившийся индивидуальный способ жизни, характеризующий ту или иную личность, тогда как тенденции барьерности и реализуемости ценностей являются скорее динамическими параметрами, связанными с развитием личности в микро- и макро возрастных циклах, чувствительными также к тем изменениям жизненных ситуаций и обстоятельств, которые связаны с перспективой жизни и реализацией жизненного замысла. К.А. Абульханова-Славская (1991) описывает стереотипный способ жизни и творческую, поисковую модель ее организации в качестве отдельных типов стратегии жизни, причем только второй из них связывается с поиском и, возможно, изменениями самих способов жизни. В целом же понятие стратегии жизни, определяемое как поиск и становление способа жизни, фиксирует, тем не менее, нечто постоянное, выделяемое как типы, и пока отсутствуют описания закономерностей и механизмов ее развития.

В аналогичной по содержанию плоскости, задаваемой соотношением инициативы и ответственности при рассмотрении предельно широких аспектов взаимодействия человека с миром, Д.А. Леонтьев (2005) предложил теоретический подход, который изначально рассматривает это соотношение в парадигме развития. Он выделил две чередующиеся фазы цикла взаимодействия человека с миром, уже изложенные ранее в разделе 7.3. Напомним: это, во-первых, фаза от-

крытости и расширения спектра потенциальных смыслов, связанная с раскрытием потенциала *свободы*; и во-вторых, фаза закрытости, осуществление выбора и переход к реализации обретенных смыслов, раскрывающая потенциал *ответственности*.

В качестве эмпирического подтверждения существования двух дополняющих друг друга и функционально противоположных фаз Д.А. Леонтьев приводит исследования мотивации и воли, основанные на «модели Рубикона» [Хекхаузен, 1986]. Эта модель описывает динамику целенаправленного действия как перехода от мотивационного состояния сознания, максимально открытого по отношению к получению новой информации и взвешивающего имеющиеся возможности, к волевому состоянию сознания, когда решение уже принято, действие принимает конкретную направленность и сознание «закрывается» от всего, что может эту направленность поколебать. Аналогичными автору представляются и два качественно разных типа переработки информации – амбиентный и фокальный, экспериментально обнаруженные Б.М. Величковским (2003) в ходе исследований внимания. Первый из них характеризуется открытостью к любой новой информации, а второй, напротив, селекцией и фильтрацией информации, подчиненной текущей задаче. Заметим, что оба типа процессов или фаз естественным образом сменяют друг друга и необходимы как для полноценного протекания целенаправленного действия, так и для работы с информацией.

Корни деления взаимодействия человека с миром на фазы в процессе его развития, причем в отношении не частных функций, а целостной системы психического, на наш взгляд, были заложены еще в открытом Д.Б. Элькониным (1971) законе чередования разных периодов психического развития, в каждом из которых ребенок сензитивен к определенным сторонам действительности. Это выражается в направленности его деятельности либо преимущественно на мотивационно-смысловые ее стороны, в ходе которых главным образом развивается мотивационно-потребностная сфера личности (при ориентации деятельности на мир отношений), либо на овладение операционно-техническими сторонами, реализующими фактически те смыслы, которые были открыты и освоены в предшествующий период (при ориентации на мир предметов). В первом типе деятельности ребенок открыт мотивам и смыслам, а во втором – способам действий. Б.С. Братусь (1980) распространил закон чередования аналогичных по содержанию периодов на развитие личности взрослого человека. Дальнейшая конкретизация их содержания с привлечением экзистенциального подхода к человеку, предложенная Д.А. Леонтьевым (2005), фактически продолжает эту теоретическую линию, а также

вносит в нее представление о горизонтальной плоскости динамики смысловой сферы личности, дополняющее представление о ее смысловой вертикали, введенное Б.С. Братусем (1999). Тем самым в описание жизненного мира вводятся две координатных оси, движение по которым совершается в соответствии со своей логикой. Исследование феноменов и закономерностей, которые, несомненно, возникают и существуют на пересечении этих движений, остается на сегодняшний день перспективной и актуальной задачей исследования жизненного мира человека в его развитии.

Необходимо отметить, что в подходах, рассматривающих личность в парадигме развития, считается, что абсолютизация одной из фаз в отрыве от другой ведет к невозможности полной и полноценной жизненной реализации человека, т. е. эти фазы находятся между собой в отношениях взаимодополнения и чередования, и обе являются необходимой частью процесса жизнеосуществления. Это означает, что каждый человек в ходе своего развития, построения жизненного пути неоднократно проходит через каждую из этих фаз, и, соответственно, в какие-то моменты жизни он характеризуется превалированием ответственности, тогда как в другие – инициативы.

Может показаться, что понимание соотношения инициативы и ответственности сквозь призму развития, на первый взгляд, противоречит типологическому подходу. Однако на сегодняшний день назрела необходимость координации этих подходов, так как, с одной стороны, в них зафиксированы близкие по своим сущностным признакам явления, отражающие закономерности построения человеком собственной жизни, его жизнотворчества. Имеющиеся содержательные пересечения и параллели совершенно прозрачны и очевидны, дальнейшая разработка их в отрыве друг от друга редуцирует содержательные возможности каждого из них. Такая координация вполне возможна, если допустить, что стратегия жизни – не только определенный, уже сложившийся способ жизни, который можно лишь зафиксировать в заданном типологическом пространстве, но и то, что живет и развивается, складывается самим человеком на каждом жизненном повороте, т. е. при ее рассмотрении в живом процессуальном, динамическом, развивающемся пространстве жизни. Исходя из этого, фазы смысловой открытости и закрытости можно интерпретировать как некоторые включенные в стратегию жизни механизмы ее развития. На наш взгляд, это способно существенно обогатить исследования стратегии жизни с точки зрения не только динамики и закономерностей развития, но и описания ее структурных составляющих.

В то же время типологический подход к стратегии жизни способен дополнить изучение механизмов и закономерностей развития

личности. Его продуктивность заключается в возможности выявлять за счет описания индивидуальных вариантов осуществления человеком своей жизни те закономерные синдромы личностных свойств, актуализируемых способностей и других необходимых устойчивых и процессуальных характеристик психики и личности, которые возникают в тот или иной период развития и необходимы для решения человеком его жизненных задач. В процессе развития такие закономерные сочетания динамично возникают и столь же динамично трансформируются, вследствие чего не всегда могут быть зафиксированы эмпирически. Тогда как в описании типов они находятся в более статичной форме, что позволяет найти и раскрыть наиболее важные из них, характеризующие системные качества развивающейся личности. Как совершенно справедливо указывает Э.В. Галажинский (2002), только имея в виду общесистемный характер того или иного механизма, можно говорить о его индивидуальных проявлениях на уровне типов личностей. Поэтому соединение типологического подхода к стратегии жизни личности с парадигмой развития может открыть новые направления в исследовании развития личности в периоды взрослости как в плане теоретических моделей, так и в появлении и накоплении новых эмпирических фактов.

На наш взгляд, понимание механизма барьерности – реализуемости личностных ценностей как функционального также может быть дополнено типологическим подходом, в соответствии с которым разные режимы функционирования механизма при их *фиксации* могут стать индивидуально-типической характеристикой человека. Существование последних дает возможность изучать и описывать сам механизм через выявление его констелляций с другими устойчивыми психологическими образованиями, что, в частности, и было осуществлено в третьей и четвертой главах. Однако мы считаем это лишь вспомогательным средством исследования и предпочитаем подчеркивать в рассмотрении данного механизма универсальную для типологически разных людей функцию в становлении жизненного мира и динамический характер описываемых конструктом полярностей.

Дальнейшие задачи выявления сущности феномена барьерности – реализуемости личностных ценностей возникают в содержательных пересечениях типологического подхода к стратегии жизни и представления о фазах экзистенциального взаимодействия человека с миром, возникших в парадигме развития. *Первая* из задач – сопоставление параметров барьерности-реализуемости как индикаторов закономерно чередующихся фаз смысловой открытости и закрытости, выражающихся в актуализации потенциалов ответственности и свободы, с соответствующими структурными составляющими стратегии

жизни (раздел 8.1). *Вторая* задача связана с зондированием характера связи механизма барьерности – реализуемости ценностей с личностным выбором, представляющим наиболее важные аспекты реализации стратегии жизни (раздел 8.2). Ситуация выбора, заданная обстоятельствами или созданная самим человеком, обычно ярко проявляет существенные характеристики личности, которая в некотором смысле и возникает как «инструмент» выбора и через совершение выборов развивается и формирует стратегию жизни. *Третья* задача состоит в сопоставлении способов организации жизненного мира, задаваемых крайним выражением тенденций барьерности – реализуемости ценностей, взятых в их типологическом понимании, с основными составляющими стратегии жизни – направленностью, психологическим временем, ответственностью, степенью наполненности жизни смыслом – в их взаимопересечении, что позволяет описать данные способы как системные целостности (раздел 8.3).

8.1. Соотношение реализуемости ценностей с ответственностью и субъективной оценкой свободы

Полученные нами ранее факты свидетельствуют о том, что перестройка образа мира в сторону барьерности или реализуемости личностных ценностей отражает глубинную настройку личности в решении жизненных задач (раздел 7.3). Фазе закрытости соответствует тенденция реализуемости смыслообразования в контексте личностных ценностей, тогда как противоположная фаза поиска и открытости смыслам предполагает ориентацию на новые возможности, расширение смыслового горизонта, что более соответствует тенденции барьерности. Поскольку данные чередующиеся фазы цикла взаимодействия человека с миром характеризуются преимущественным преобладанием в них или потенциала ответственности, или раскрытием потенциала свободы [Леонтьев Д.А., 2005], что соотносится и с разными аспектами активности личности, входящими в структуру стратегии жизни, то закономерно предположить, что параметры барьерности и реализуемости личностных ценностей также могут быть связаны с проявлениями ответственности и свободы личности. Предположить направление таких связей однозначно довольно сложно, так как решение каждой из задач – поиска смыслов или их реализации – требует как ответственности, так и свободы, возможно, имеющих разное качество и проявляющихся по-разному.

Однако, исходя из критериев выделения тенденций барьерности и реализуемости ценностей и их описания, можно предположить, что тенденция к реализуемости скорее связана с превалированием ответственности. Действительно, в соответствии с ней человек реализует в

жизни то, что важно для него, используя все внешние и внутренние возможности, и понижает ценность того, что выходит за их пределы в область недоступного. Такая стратегия может свидетельствовать об ответственности не только за свои поступки, но и собственные побуждения, о стремлении человека к большей управляемости ими через ограничение их рамками реально возможного. Это соответствует действию такой инстанции психики, которая характеризует, в терминах Э. Берна (1999), состояние взрослого, характерной основной особенностью которого и является ответственность. Тенденция к барьерности, когда реализованное и доступное обесценивается, а недоступное кажется более ценным и важным, соответствует скорее динамике потребностей, где именно дефицит объектов, способных удовлетворить потребность, повышает их побудительную силу, а удовлетворенная потребность перестает быть актуальной и потому оценка ценности объектов, ее удовлетворяющих, понижается. Преобладание этой тенденции связывается с постоянным недовольством наличным (так как оно обесценивается при достижении) и постоянным стремлением выйти за пределы доступного, к расширению освоенного мира, устремляя человека к тому, что находится вне зоны его контроля. В отношении таких обобщенных и отвлеченных идеальных предметов, как ценности данная стратегия ассоциируется, скорее, с отсутствием контроля над своими побуждениями, что более соответствует функционированию детской и, соответственно, не нагруженной ответственностью инстанции психики.

Соответственно, в отношении ответственности можно предположить, что она связана с большей выраженностью тенденции реализуемости, а преобладание барьерности, в свою очередь, соответствуя фазе открытости новым смысловым горизонтам, когда человек ориентируется в них для осуществления выбора, может быть связано с редукцией ответственности.

Если предположение относительно ответственности прямо опирается на обе исходные теоретические концепции, то относительно параметра свободы, не прямо соответствующего инициативе, предположение можно сформулировать лишь на основе аналогии заданных в них соотношений свободы и ответственности. Возможно, актуализация потенциала свободы, характерная для преобладания барьерности смыслообразования, будет сопровождаться реальным увеличением потенциала свободы, однако будет ли это соответствовать субъективной оценке человеком степени своей свободы, которую можно зафиксировать эмпирически? Возможно, при этом мир может восприниматься как ограниченный барьерами и поэтому порождать ощущение несвободы, скованности. Та же неопределенность возникает и отно-

сительно преобладания реализуемости. С одной стороны, преобладание реализуемости, связывающей человека определенными границами, означает ограничение его свободы, однако как это будет пониматься при оценке свободы из позиции изнутри, в ее субъективной оценке самим человеком, не совсем ясно.

Эмпирической верификации проведенных теоретических параллелей был посвящен ряд исследований, результаты которых излагаются в последующих разделах данного параграфа.

8.1.1. Соотношение реализуемости ценностей и ответственности личности

Понятие ответственности изучается диаметрально противоположными направлениями психологии – от бихевиоризма до экзистенциальной и гуманистической психологии. Современное понимание ответственности в психологии характеризуется наличием двух содержательно противоположных традиций, которые иногда сочетаются в концепции одного автора. В одной из них ответственность понимают как свойство или характеристику личности – тем самым она попадает в ряд ее других свойств и характеристик. Так, в качестве свойства личности называет ответственность автор одной из первых в России книг по психологии ответственности К. Муздыбаев (1983). Он выделяет четыре понимания термина «ответственность», соответствующие направлениям ее развития у личности в ходе онтогенеза. Это, во-первых, развитие от коллективной к индивидуальной ответственности, во-вторых, от внешней к внутренней, осознанной, личностной, в-третьих, от ретроспективной ответственности за прошлое к перспективному ее плану как ответственности за будущее, за преобразовательную активность, в-четвертых, развитие самого субъекта ответственности.

В понимании *ответственности как свойства личности* она довольно обширно изучается эмпирически, поскольку созданы ее операциональные индикаторы и психометрически обоснованные инструменты измерения. Наиболее распространены исследования, связанные с атрибуцией ответственности, т. е. приписыванием какому-то фактору статуса причины происходящих событий. В этом тематическом поле понятие ответственности смыкается с понятием *контроля*: «Степень личной ответственности – это чувство определенной возможности контролировать совершение действия и его исход» [Schwartz, 1973, с. 353]. Р. Мэй (2004) понимает ответственность как компонент, базирующийся на взаимоотношениях самости с ее выбором, связывая ответственность с *самоконтролем*. Д. Роттером разработан конструкт интернальности – экстернальности локуса контроля,

который схватывает очень важный аспект ответственности, описывающий атрибуцию человеком причин всего происходящего с ним внешними или внутренними детерминантами, хотя свести к нему весь пласт того, с чем связывается понятие ответственности, конечно же, невозможно. Интернальность связана с ощущением собственного контроля над значимыми событиями, тогда как экстернальность отражает убеждение человека в том, что все с ним происходящее зависит не от него, а от других людей, случая, судьбы и т. п. Для определения локуса контроля созданы валидные и апробированные методики, адаптированные и широко используемые в русскоязычных версиях [Бажин, Голынкина, Эткинд, 1993; Ксенофонтова, 1999].

В иной традиции принято подчеркивать особый статус *ответственности* как *интегративного психического явления*, которое не может быть описано в одном ряду с другими, более частными, свойствами личности. В этом случае преобладают теоретические подходы к ее анализу, поскольку ответственность не может быть сведена к какому-то одному измеряемому конструкту или их комплексу. Но и в данной традиции существуют разночтения в понимании самой сущности интегральности как характеристики ответственности.

Ответственность как многокомпонентное интегральное свойство субъекта жизнедеятельности, несводимое к его отдельным, частным проявлениям, описывает Л.И. Дементий (2005). Тем не менее в процедурах эмпирического исследования она апеллирует к некоторым косвенным способам ее зондирования через комплекс разных методик, созданных для определения совсем других свойств личности. А потому среди компонентов ответственности называется уровень притязаний, самооценка, степень самостоятельности, характер удовлетворенности, особенности локуса контроля и мотивации достижения. Описаны четыре типа ответственности: оптимальный, избегающий, исполнительский, ситуативный. Оптимальную ответственность Л.И. Дементий, продолжая теоретическую линию К.А. Абульхановой-Славской (1991), определяет как «способность соотносить внешние требования и собственные возможности личностно-оптимальным способом, способность к самостоятельному выбору, самодетерминации, саморазвитию, разрешению противоречий и трудностей жизни, самостоятельному построению жизненного пути» [Дементий, 2005, с. 17]. С ее точки зрения, ответственность может выступать либо как ситуативное отношение к определенной ситуации или их классу, либо как высшее, устойчивое, сквозное динамическое отношение.

Методологически несколько иной подход к ответственности сформулирован Д.А. Леонтьевым (1999). Он считает, что в личности нет структуры, которую можно назвать свобода или ответственность, это не элементы

или подструктуры личности как способности, потребности, роли или отношения. Свобода и ответственность – ядерные механизмы личности высшего уровня, ответственные за критические процессы изменения смысловых ориентаций путем свободного выбора или направленной на себя рефлексивной смыслотехники. Являясь способами и формами существования и самоосуществления личности, которые не имеют своего содержания, они наполняются содержанием смыслового уровня, определяя при этом линии развития смысловой сферы, создавая то силовое поле, в котором развивается личность. Ответственность определяется как осознание способности личности выступать причиной изменений в себе и в мире, а также осознанное управление этой способностью [Леонтьев Д.А., 2005].

Одним из актуальных направлений изучения ответственности в психологии является контекст целостной человеческой жизни. Ответственность как высшее интегральное образование личности эквивалентно самому способу жизни и выступает и как ценность, и как установка по отношению к жизни в целом. Вопрос о личностных механизмах, психологически обеспечивающих образ жизни, был поставлен Л.И. Анциферовой (1978), которая определила ответственность как центральную личностную характеристику. В качестве составляющей стратегии жизни, дающей личности возможности для оптимального решения жизненных противоречий, как уже говорилось, рассматривает ее К.А. Абульханова-Славская (1991). Выявлены зависимости особенностей жизненного пути от типа ответственности. С ответственностью личности связаны такие его характеристики, как прогнозирование будущего, степень целостности и взаимосвязи жизни, сферы значимых жизненных событий, субъективное представление о возможности управления жизнью, смысл жизни и удовлетворенность ею.

Некоторые теоретические параллели конструкта барьерности и реализуемости ценностей с ответственностью были проведены выше. Что касается их эмпирической проверки, то она возможна только относительно таких ее аспектов, которые оснащены методическими средствами, а это, как уже указывалось, конструкт интернальности – экстернальности локуса контроля, введенный Д. Роттером. Поэтому соотношение барьерности и реализуемости ценностей с проявлениями ответственности личности было проверено нами эмпирически именно в отношении локуса контроля.

Конкретизируя выдвинутое ранее предположение на языке операциональных индикаторов, можно ожидать, что индекс реализуемости связан с локусом контроля, причем его высокие значения соответствуют интернальному локусу контроля, а низкие – экстернальному.

Организация и методы исследования. Для проверки данного предположения было проведено исследование, в котором приняли участие несколько различающихся по полу и возрасту групп испытуемых, всего 512 человек. Первая группа – 44 студента КГУ в возрасте от 18 до 20 лет, из них 25 девушек и 19 юношей. Вторая группа – 81 аспирант КГУ, из них 45 мужчин и 36 женщин в возрасте от 22 до 29 лет. Третья группа – 40 работников МВД в возрасте 22 – 32 лет, из них 20 мужчин и 20 женщин. Четвертая – 72 работающих человека в возрасте от 22 до 30 лет, из них 30 мужчин и 42 женщины. Пятая – 60 человек в возрасте 35 – 45 лет (30 мужчин и 30 женщин), часть этой группы (30 человек) являются ВИЧ-инфицированными. Шестая – 50 работающих людей в возрасте от 30 до 40 лет (25 мужчин и 25 женщин). Седьмая группа – 165 человек в возрасте 40 – 50 лет, 45 человек – служащие, 50 человек – научные работники, 75 человек – лидеры сетевого маркетинга (мужчин и женщин приблизительно поровну в каждой из них).

Для сбора эмпирических данных использованы следующие методики.

1) Модификация методики ранжирования терминальных и инструментальных ценностей по критериям их важности и доступности путем попарного сравнения [Фанталова, 1992], на основе которой рассчитывался индивидуальный индекс реализуемости (ИР).

2) Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК) Д.Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (1993).

3) Тест смысловых ориентаций (СЖО) [Леонтьев Д.А., 1992 в], содержащий такие шкалы локуса контроля как локус контроля жизни (ЛК-жизнь) и локус контроля Я (ЛК-Я).

Состав методик в различных группах испытуемых немного варьировал, сохраняя общую целевую направленность.

В группе студентов использовались два перечня терминальных и инструментальных ценностей в полном составе, содержащем 18 ценностей, разработанных М. Рокичем [см. Леонтьев Д.А., 1992 б]. Процедура ранжирования проводилась через их попарное сравнение. Для оценки локуса контроля применялся тест УСК. В одной из групп аспирантов (45 человек) использовались также списки как терминальных, так и инструментальных ценностей. В этой группе для оценки параметра локуса контроля использовался как тест СЖО, так и тест УСК. В другой группе аспирантов (36 человек) использовался только список терминальных ценностей и тест УСК. В группе взрослых в возрастном диапазоне от 22 до 30 были использованы только списки терминальных ценностей и тест СЖО, а в одной из подгрупп (40 человек) еще и тест УСК. В одной из групп взрослых в возрасте от 40 до 50 лет (50 человек) были использованы только списки терминальных ценностей и тесты СЖО и УСК, в другой подгруппе (50 человек) только списки терминальных ценностей и тест СЖО, в третьей подгруппе (75 человек) списки терминальных и инструментальных ценностей в сокращенном до 12 ценностей составе и тест СЖО.

Использование разного набора методик для сбора данных позволило оптимизировать исследование с тем, чтобы охватить разные типы ценностей (как инструментальные, так и терминальные), разные способы измерения локуса контроля (СЖО и УСК) и при этом собрать достаточно представительный по возрастному и гендерному разнообразию выборки материал.

Для обработки собранных данных применялись методы описательной статистики, корреляционный анализ (по формуле Пирсона) и дивергентный анализ значимости различий корреляционных структур.

Результаты. В группе студентов обнаружены положительные корреляции между шкалой общей интернальности и индексами реализуемости как терминальных ($p < 0,05$), так и инструментальных ($p < 0,01$) ценностей (табл. 8.1). Взаимосвязи отдельных шкал УСК носят аналогичный характер за исключением шкал интернальности в сфере семейных отношений и здоровья, связи с которыми отсутствуют. Причем индекс реализуемости инструментальных ценностей демонстрирует гораздо более плотные на уровне $p < 0,001$ связи с показателями шкал УСК, чем полученный для терминальных ценностей, где уровень значимости связей находится в пределах $p < 0,05$ и $p < 0,01$.

Таблица 8.1

Взаимосвязи индекса реализуемости ценностей со шкалами теста УСК в группе студентов 18–20 лет ($n=44$)

Ценности \ Параметры	Шкалы теста УСК						
	О	Д	Н	С	П	М	З
Терминальные	0,38**	0,30*	0,34*	0,10	0,30*	0,30*	0,06
Инструментальные	0,50***	0,41**	0,55***	0,14	0,47***	0,53***	-0,08

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности корреляций: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

При разделении этой выборки на мужскую и женскую подгруппы общая картина взаимосвязей в них осталась прежней, претерпев некоторые несущественные изменения в степени их плотности. Значит, в группе студентов, как и ожидалось, преобладание барьерности в смыслообразовании соответствует экстернальному локусу контроля, реализуемости – интернальному.

В группе аспирантов между шкалами методики УСК и индексами реализуемости обнаружена лишь одна взаимосвязь с общей интернальностью (табл. 8.2). При разделении этой выборки на мужскую и женскую подгруппы прямая связь ($p < 0,05$) общего показателя интернальности с индексом реализуемости осталась только у мужчин, а у

женщин проявилась обратная связь индекса реализуемости с интернальностью в сфере достижений ($p < 0,05$), т.е. ответственности в сфере достижений соответствует преобладание барьерности смыслообразования.

Таблица 8.2

Взаимосвязи шкал теста УСК и индексов реализуемости терминальных и инструментальных ценностей у аспирантов ($n=81$)

Параметры Группы		Шкалы теста УСК							
		О	Д	Н	С	П	М	З	
ценности	терминальн-е	Общая выборка	0,24*	-0,04	0,12	-0,10	0,06	0,07	-0,10
		Женщины ($n=36$)	0,19	-0,34*	0,01	-0,06	0,02	-0,12	-0,07
		Мужчины ($n=45$)	0,33*	0,12	0,23	-0,11	0,14	0,17	-0,22
	инструмент-е	Общая выборка	0,08	0,07	0,08	0,07	0,13	0,08	-0,02
		Женщины ($n=36$)	-0,12	0,23	0,08	-0,27	0,31	0,39*	-0,19
		Мужчины ($n=45$)	0,10	0,07	-0,16	0,05	0,10	-0,03	0,15

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности взаимосвязи * – $p < 0,05$.

Как видим, картина взаимосвязей индекса реализуемости с показателями локуса контроля в выборке аспирантов существенно отличается от таковой в выборке студентов, взаимосвязей в целом меньше, они менее плотные и определенные, имеют гендерное своеобразие. Причем там, где эти связи все-таки обнаружались, оказалось, что преобладание реализуемости может быть связано как с интернальностью, так и с экстернальностью локуса контроля. Мы связываем этот факт с тем, что в начале взрослой жизни осуществляется экспериментирование и поиск жизненной стратегии, важной составляющей которой являются как ответственность, так и способы регуляции жизни в ее основных сферах. Поэтому в данной выборке нарастает вариативность взаимосвязей исследуемых параметров, которая проявляется и в отсутствии закономерных связей, и в появлении их гендерной специфики и зависимости от сферы контроля.

Эта интерпретация подтверждается и сравнением характера связей локуса контроля с индексами реализуемости терминальных и инструментальных ценностей. Как показывают результаты аспирантов, в отношении инструментальных ценностей эти взаимосвязи в общей выборке полностью отсутствуют, проявляются только у женщин относительно ответственности в сфере межличностных отношений, то-

гда как в группе студентов именно они являются наиболее плотными. Значит, речь идет именно о построении стратегии жизни, апробировании своих возможностей в контексте основных жизненных ценностей. У студентов более плотные связи именно с индексами реализуемости инструментальных ценностей свидетельствуют о построении и поиске стратегий ответственности, относящихся к собственным свойствам и качествам (именно они содержательно наполняют список инструментальных ценностей), что соответствует содержанию развития в этом возрасте, когда завершается кризис юношеской идентичности и выстраивается целостная Эго-идентичность [Эриксон, 1996 б]. Между тем в начале взрослой жизни задачи построения идентичности в основном уже решены и встают задачи реализации своих возможностей в жизни, в различных ее сферах, поэтому в отношении терминальных ценностей такие связи все-таки представлены, хотя и очень немногочисленные.

В выборке 22–32-летних работников МВД, которые по возрасту практически соответствуют аспирантам, картина связей индекса реализуемости со шкалами УСК имеет небольшие отличия – отсутствует связь с показателем общей интернальности (табл. 8.3).

Таблица 8.3

Взаимосвязи шкал теста УСК и индекса реализуемости терминальных ценностей в группе 22–32-летних работников МВД

Группы \ Параметры	Шкалы теста УСК						
	О	Д	Н	С	П	М	З
Общая выборка (n=50)	0,08	0,11	0,05	0,0	-0,05	0,17	0,0
Женщины (n=25)	-0,16	-0,22	0,31	-0,04	0,21	-0,04	-0,34
Мужчины (n=25)	0,31	0,40*	0,04	0,11	-0,03	0,44*	0,32

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности корреляций: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

При разделении данной выборки по гендерному признаку появляется некоторое количество достоверных взаимосвязей, которые отличаются в подгруппах мужчин и женщин как содержательно, так и по характеру (прямая или обратная) связи. У мужчин выявлены значимые прямые связи индекса реализуемости с показателями интернальности в сфере достижений, межличностных отношений и здоровья. У женщин статистически значимые связи не обнаружены, но при этом направление имеющихся слабых связей прямо противоположно таковым у мужчин, и, по данным дивергентного анализа, различия

корреляционных структур в отношении связи индекса реализуемости с интернальностью в сфере достижений и здоровья достоверны (на уровне $p < 0,01$), что можно понимать как проявление существенных различий между ними в способах осуществления ответственности в этих сферах. Ответственность мужчин связана с реализацией обретенных смыслов, тогда как у женщин – с их расширением.

Сопоставление с выборкой аспирантов, принадлежащих тому же возрастному диапазону, показывает, что в данных выборках различия взаимосвязи показателей мужчин и женщин имеют как черты сходства, так и различия, которые, возможно, связаны с видом занятости: продолжение обучения и занятия научно-исследовательской деятельностью или работа в органах МВД. В последнем случае различия взаимосвязей несколько более значительны, что, вероятно, объясняется спецификой работы в МВД, поляризующей мужчин и женщин в большей степени, нежели научно-исследовательская деятельность.

Практически аналогичные результаты получены в выборке аспирантов с помощью шкал локуса контроля теста СЖО (табл. 8.4).

Таблица 8.4

Взаимосвязи индексов реализуемости ценностей со шкалами локуса контроля теста СЖО в группе аспирантов

Ценности	Шкалы локуса контроля теста СЖО	Группы		
		Общая (n=45)	Мужчины (n=27)	Женщины (n=19)
терминальные	Локус контроля – Я	0,14	0,27	0,10
	Локус контроля – жизнь	0,32*	0,03	0,31
инструментальные	Локус контроля – Я	0,23	0,38*	-0,12
	Локус контроля – жизнь	0,07	0,19	-0,23

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Представляется закономерным, что реализуемость терминальных ценностей, представляющих разные сферы жизни, связана в общей выборке со шкалой «Локус контроля – жизнь», а инструментальных, представляющих разные качества личности, – со шкалой «Локус контроля – Я», правда только в выборке мужчин.

Результаты несколько другой по роду занятий выборки, также представляющей работающих людей, получающих заочно педагогическое образование, показывают отсутствие связей индекса реализуемости терминальных ценностей с показателями локуса контроля теста СЖО (табл. 8.5).

Таблица 8.5

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей и шкал локуса контроля теста СЖО в группе 22–30-летних работающих (n=72)

Шкалы локуса контроля теста СЖО	Группы		
	Общая (n=72)	Мужчины (n=30)	Женщины (n=42)
Локус контроля – Я	0,02	-0,05	0,07
Локус контроля – жизнь	-0,04	-0,11	0,07

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Представляют интерес результаты, полученные в данной возрастной группе при сравнении здоровых и больных людей (табл. 8.6). В выборке больных людей (ВИЧ-инфицированные) почти все шкалы УСК обнаруживают плотные прямые связи с индексом реализуемости, тогда как в выборке здоровых таких связей нет.

Таблица 8.6

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей со шкалами теста УСК в группе 25–30-летних (n=60)

Параметры		Шкалы теста УСК						
		О	Д	Н	С	П	М	З
Общая выборка		0,22	0,27*	0,23	0,33*	0,06	0,08	0,12
Здоровые (n=30)		-0,12	-0,04	0,04	0,16	-0,25	-0,23	-0,02
ВИЧ+ (n=30)		0,45*	0,47**	0,41*	0,44*	0,27	0,36*	0,15
ВИЧ+	Женщины (n=15)	0,56*	-0,18	-0,57*	-0,12	-0,22	-0,04	0,29
	Мужчины (n=15)	-0,43	0,08	0,06	-0,26	-0,35	0,01	0,21

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности корреляций: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Заметим, что в общей выборке наличие связей теста интернальности с индексом реализуемости происходит за счет той ее части, которая ВИЧ-позитивна. Но наиболее существенное различие корреляционных связей обнаруживается относительно связи индекса реализуемости с интернальностью в сфере межличностных отношений (на уровне $p < 0,01$). Напомним, что именно эта сфера становится одной из самых проблемных зон для людей, обнаруживших ВИЧ-позитивность, и, как показывают, результаты, именно ответственность за

межличностные отношения связана у них с преобладанием тенденции ценить то, что доступно.

Весьма выразительны различия взаимосвязей реализуемости ценностей и общей интернальности и интернальности в области неудач, обнаруживаемые между мужчинами и женщинами, попавшими в кризисную жизненную ситуацию. У женщин, несмотря на немногочисленность выборки, они достигают уровня статистической достоверности и означают, что общая интернальность связана с реализуемостью ценностей, т. е. тенденцией ценить то, что доступно. Тогда как у мужчин – наоборот, ответственность связана с поиском новых смысловых перспектив и недовольством тем, что имеется (хотя эта связь в группе мужчин не достигает уровня достоверности, но, по данным дивергентного анализа, различия в ней у мужчин и женщин статистически достоверны на уровне $p < 0,01$). Менее значимы различия во взаимосвязи с интернальностью в сфере неудач, но если у женщин она достоверна, то у мужчин близка к нулевым значениям. Все это говорит о разных способах преодоления, используемых мужчинами и женщинами в ситуации обнаружения собственного ВИЧ-позитивного статуса.

Аналогичное различие между выборками здоровых и больных обнаруживают взаимосвязи теста СЖО (табл. 8.7). В группе здоровых они отсутствуют, тогда как в группе больных очень плотные прямые с индексом реализуемости взаимосвязи обнаруживает шкала ЛК-жизнь при отсутствии таковых у шкалы ЛК-Я.

Таблица 8.7

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей и шкал локуса контроля теста СЖО в группе 25–30-летних

Шкалы локуса контроля теста СЖО	Группы		
	Общая (n=60)	ВИЧ+ (n=30)	Здоровые (n=30)
Локус контроля – Я	0,10	0,12	0,28
Локус контроля – жизнь	0,45***	0,58***	0,10

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Значит, в ситуации заболевания, создающего серьезную угрозу продолжительности жизни, преобладание барьерности в смыслообразовании соответствует экстернальному локусу контроля, реализуемости – интернальному. Причем эта связь характерна в отношении возможности влиять на различные жизненные сферы и жизнь в целом, но не касается контроля своего Я.

В целом результаты, полученные в данной возрастной группе, свидетельствуют о вариативности способов взятия на себя ответ-

ственности в этом возрасте и их зависимости от жизненной ситуации. Взаимосвязи показателей ответственности с тенденциями согласования и рассогласования проявляются лишь в отдельных сферах жизни, имеют гендерную обусловленность и разнонаправленный характер.

В группе 30–40-летних людей, включающей мужчин и женщин, корреляции индекса реализуемости с локусом контроля преимущественно близки к нулевым значениям (табл. 8.8), и разбиение выборки на мужскую и женскую составляющие общей картины не меняет. Это фактически повторяет картину, полученную в предшествующих, более молодых, выборках.

Таблица 8.8

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей и шкал локуса контроля теста СЖО в группе 30–40-летних работающих (n=50)

Шкалы локуса контроля теста СЖО	Группы		
	Общая (n=50)	Мужчины (n=25)	Женщины (n=25)
Локус контроля – Я	0,12	0,04	0,10
Локус контроля – жизнь	0,01	0,08	-0,03

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Таблица 8.9

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей и шкал локуса контроля (УСК) в группе служащих 40–50 лет

Параметры Группы	Шкалы теста УСК						
	О	Д	Н	С	П	М	З
Общая выборка	-0,24	-0,20	-0,46**	-0,35*	-0,09	-0,23	0
Женщины (n=25)	0,06	-0,17	-0,35	-0,51*	0,13	-0,20	0,36
Мужчины (n=25)	-0,57**	-0,23	-0,65*	-0,23	-0,34	-0,29	-0,44*

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности корреляций: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

В группе 40–50-летних людей выявлены связи индекса реализуемости с такими составляющими локуса контроля, как интернальность в области неудач и в семейной жизни (табл. 8.9). Но характер этих связей абсолютно противоположен таковому в более молодых выборках и тому, который предполагался в гипотезе. Так интернальность в области неудач и семейной жизни связана с индексом реализуемости не прямой, а обратной связью. И большинство полученных коэффи-

циентов корреляции, хотя и не достигших уровня статистической достоверности, имеют отрицательные значения, что свидетельствует о тенденции связывать ответственность в этом возрасте скорее со смысловым поиском нежели с реализацией обретенных смыслов.

Больше связей, чем в других выборках, также обнаружено между индексом реализуемости терминальных ценностей и шкалами локуса контроля теста СЖО.

При разделении данной выборки на мужскую и женскую составляющие и сопоставительном анализе корреляционных матриц посредством дивергентного анализа выявилось, что как общий показатель локуса контроля, так и шкалы локуса контроля методики СЖО демонстрируют существенные и статистически значимые различия взаимосвязей с индексом реализуемости. Поскольку они в мужской и женской группе носят разный, иногда противоположно направленный характер, то именно в силу этого в общей выборке они «аннигилируют», и связи индекса реализуемости с общими показателями локуса контроля по большинству шкал не обнаруживаются. Так, в группе мужчин индекс реализуемости имеет отрицательную взаимосвязь с показателем общей интернальности, тогда как в группе женщин этой взаимосвязи нет. Значит, чем выше уровень субъективного контроля по отношению к своей жизни у мужчин данной группы, тем ниже у них реализуемость ценностей. Ярко выраженные различия выявлены и в отношении интернальности в сфере здоровья: у женщин ответственность за него связана с реализуемостью, а у мужчин – с барьерностью ценностей (по данным дивергентного анализа, различия достоверны на уровне $p < 0,001$).

Анализ отдельных составляющих локуса контроля в различных сферах жизни обнаружил противоположно направленные в группах мужчин и женщин связи локуса контроля в сфере здоровья и семейных взаимоотношений с индексом реализуемости. Так, у женщин интернальность в области здоровья прямо связана с индексом реализуемости, а у мужчин здесь присутствует обратная связь, причем достоверность различий этих взаимосвязей между мужчинами и женщинами, по данным дивергентного анализа, находится на уровне $p < 0,01$. В сфере семейных отношений у женщин характер взаимосвязей противоположен сфере здоровья: показатель интернальности обратно коррелирует с индексом реализуемости. То есть: чем выше ответственность у женщин данной группы за сферу семейной жизни, тем ниже у них реализуемость и выше барьерность смыслообразования в контексте личностных ценностей. У мужчин же в обеих этих сферах связи носят одинаковый характер: интернальный локус контроля обратно связан с индексом реализуемости.

Таблица 8.10

Взаимосвязи индекса реализуемости терминальных ценностей и шкал локуса контроля теста СЖО в группе 40–50-летних научных работников

Шкалы локуса контроля теста СЖО	Группы		
	Общая (n=50)	Мужчины (n=25)	Женщины (n=25)
Локус контроля – Я	0,29*	-0,18	0,60***
Локус контроля – жизнь	0,05	-0,38	0,32

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Такая же разница между женщинами и мужчинами в характере связи индекса реализуемости с локусом контроля характерна и в той выборке, где сопоставление проводилось со шкалами теста СЖО (табл. 8.10). У мужчин индекс реализуемости отрицательно связан со шкалой «Локус контроля – жизнь», а у женщин эта связь носит прямой характер, и достоверность различий, полученная путем дивергентного анализа, находится на уровне $p < 0,01$. Приблизительно так же обстоит дело со шкалой «Локус контроля – Я»: у женщин эта взаимосвязь очень плотная, а у мужчин не достигает значимого уровня, но значимость различий также достоверна на уровне $p < 0,01$. Значит, у мужчин этой возрастной группы ответственность, выраженная в таких параметрах, как «Локус контроля – Я» и «Локус контроля – жизнь», связана с тенденцией барьерности, выхода за пределы доступного и освоенного жизненного пространства, а у женщин – с тенденцией согласия с тем, что есть и доступно, с жизнью в освоенном и обжитом мире. Такой характер различий между мужчинами и женщинами приводит к «нивелированию» взаимосвязей, и в общей выборке они не значимы или даже близки к нулевым значениям.

В целом для этой выборки, в отличие от более молодых людей, характерно то, что происходит инверсия связи индекса реализуемости с показателями локуса контроля: более высокая реализуемость связана с экстернальным локусом, а барьерность – с интернальным. При этом эта инверсия более ярко проявляется у мужчин, связей такого рода со шкалами локуса контроля у них больше, и они плотнее, чем у женщин.

Интересными представляются результаты сравнения взаимосвязи шкал локуса контроля теста СЖО с индексами реализуемости терминальных и инструментальных ценностей, которое было проведено в группе 40–50-летних лидеров сетевого маркетинга (табл. 8.11).

Как видим, шкалы локуса контроля теста СЖО связаны с индексами реализуемости терминальных ценностей, а в отношении инструментальных ценностей эти взаимосвязи полностью отсутствуют,

тогда как в группе студентов именно они были наиболее плотными. Значит, в возрасте 40–50 лет ответственность связывается именно с реализуемостью ценностей различных сфер жизни, но не пространства собственного Я, его свойств и качеств.

Таблица 8.11

Взаимосвязи индекса реализуемости ценностей и шкал локуса контроля теста СЖО в группе 40–50-летних лидеров сетевого маркетинга (n=75)

Ценности \ Параметры	Шкалы локуса контроля теста СЖО	
	Локус контроля – Я	Локус контроля – жизнь
Терминальные	0,41***	0,34**
Инструментальные	-0,09	-0,05

Условные обозначения: уровень достоверности корреляций * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$ и выше.

Итак, обобщение всех полученных результатов позволяет сделать следующие выводы. Предположение о связи тенденций барьерности и реализуемости с ответственностью в целом подтвердилось, однако сам характер этой связи имеет как возрастную, так и гендерную обусловленность, а также зависит от сферы жизни и типа (терминальные или инструментальные) ценностей.

В начале жизненного пути при переходе к взрослости ответственность, как и ожидалось, действительно связана с тенденцией согласования, т. е. реализуемостью ценностей. В период молодости такая прямая однозначная связь разрушается и дифференцируется для различных сфер жизни и во второй половине жизни проявляет ярко выраженную гендерную обусловленность, которая зависит от конкретной сферы жизни. В одних сферах она продолжает оставаться такой же, в других – отсутствует, в третьих – инвертирует, и тогда интернальный локус контроля связывается уже с тенденцией несогласования. Метафорически это можно выразить так: если ответственность в начале взрослой жизни связана с тем, чтобы держать свои устремления «в узде», ориентируясь на реально возможное, то ответственность второй половины жизни чаще связана с тем, чтобы иметь стремления за рамками того, что доступно, изменяя созданную всем ходом собственной жизни реальность в некоторых сферах жизни, выходя за ее пределы, причем в большей степени это верно для мужчин.

В целом же можно утверждать, что ответственность присутствует в обеих тенденциях: и в тенденции согласования, и в тенденции несогласования. Но, по всей видимости, это разная по своим целям и способам осуществления ответственность. В первом случае – это ответственность за реализацию принятых целей и смыслов, во втором – за их изменение, поиск, выстраивание новой смысловой реальности

своей жизни. Выявленные связи индекса реализуемости с параметром ответственности по существу высвечивают зоны жизненной работы человека, в которых локализованы основные жизненные задачи и через которые преимущественно происходит его развитие как субъекта жизни в тот или иной период жизни. Именно поэтому плотные связи получены нами в возрастах, где больше степень сходства таких жизненных задач между разными людьми, обусловленных некоторыми типичными обстоятельствами жизни и ожиданиями общества, социальными сценариями – при переходе к взрослости и в периоде после кризиса середины жизни. В период активного строительства и реализации стратегии жизни вариации становятся значительнее, они определяются теми обстоятельствами, которые создает сам человек, который сам определяет и время, когда будет решать те или иные задачи. Поэтому в этом возрастном периоде закономерные связи возникают только в выборках, поставленных в одинаково трудные жизненные обстоятельства, такие как, например, госпитализация и болезнь, и в силу этого вынужденных решать схожие задачи. Именно поэтому мы считаем, что полученные нами результаты свидетельствуют в целом о том, что можно говорить о двух типах ответственности в соответствии с типом фазы развития, которую проходит человек. Есть ответственность за осуществление и реализацию, есть ответственность за изменение и трансформацию своей жизни. По всей видимости, они нуждаются в несколько разных механизмах для осуществления, опираются на разные ресурсы человека и требуют выстраивания разных способов взаимодействия с миром, с теми более широкими системами, в которые включен человек.

При этом сам конструкт барьерности – реализуемости ценностей, именно в силу того, что по-разному связывается с одним из проявлений ответственности – локусом контроля, не может быть к нему сведен, имеет свою собственную природу, отражающую такой аспект взятия на себя ответственности, который связан с регуляцией общей направленности жизнеосуществления в реализации индивидуальной стратегии жизни. То есть можно утверждать, что он представляет собой самостоятельный механизм, выполняющий определенные функции в развитии человека и его жизненного мира.

Тема ответственности, как в философии, так и в психологии, тесно связана с проблемой свободы. Согласно точке зрения В. Франкла (1990), свобода человека состоит в том, чтобы принять ответственность – в первую очередь за то, какие из его потенциальных возможностей будут реализованы. Очень созвучно этому высказывание С.Л. Рубинштейна: «...человек, подчиняясь необходимости, вместе с тем свободен. Он в принципе может и, значит, должен принять на се-

бя ответственность за все содеянное им и за все им упущенное» [Рубинштейн, 2003, с. 253]. Он пишет об ответственности человека «не только за то, что он делает, но и за то, чем он будет, станет, за самого себя, за то, что он есть» [там же, с. 374].

Как считает Д.А. Леонтьев (2005), свобода постепенно развивается в процессе развития форм активности, через обретение права на собственную активность и ценностного обоснования, ради чего эта активность совершается. Ответственность же развивается в процессе становления форм саморегуляции, постепенного взятия на себя контроля за разные аспекты своей деятельности, своего поведения. Еще не полностью сформировавшиеся свобода и ответственность могут образовывать разные конstellляции: *автономным* назван наиболее продвинутый вариант их интеграции, когда они действительно становятся одним; существуют варианты *импульсивной* квазисвободы в отсутствие ответственности и *симбиотической* квазиответственности за чужие цели и ценности в отсутствие свободы, а также *конформный* вариант, когда отсутствуют и те, и другие механизмы.

Исследованию связи параметров реализуемости ценностей с субъективной оценкой доступности ценности свободы в жизни посвящен следующий раздел.

8.1.2. Соотношение реализуемости ценностей и субъективной оценки свободы личности

В философском обсуждении темы свободы, где она рассматривается как фундаментальный атрибут человека, присутствует несколько пересекающихся плоскостей ее понимания. Они задаются кругом понятийных оппозиций, очерчивающих в то же время основные узлы противоречий, возникающих в познании этого сложного явления. Обозначим коротко данные плоскости рассмотрения свободы, что позволит определить те ее аспекты, которые затронуты в эмпирической части нашего исследования, и показать место в этом предметном поле полученных результатов и их относительность и ограничения.

Первая из понятийных оппозиций задается соотношением понятий **свободы и ответственности**, которые как считают многие авторы, неразрывно связаны между собой [Тульчинский, 1990; Франкл, 1990 и др.]. Г.Л. Тульчинский пишет, что границы ответственности и определяют границы свободы: «... свобода от мира – не что иное, как ответственность за него. Чем шире зона моего «автономного поведения», тем шире зона ответственности. Моя свобода совпадает с моей ответственностью. В той сфере, которую я беру на себя, за которую ответствен, и есть сфера моей свободы» [Тульчинский, 1990, с. 204]. Но механически перенести результаты предыдущего исследования на

понимание соотношения барьерности – реализуемости ценностей со свободой невозможно – вследствие нелинейных отношений между свободой и ответственностью. Так, Г.Л. Тульчинский различает свободу «извне» и «изнутри», отношения между которыми могут быть диаметрально противоположны: «... "извне" человек не свободен – всегда можно найти факторы и обстоятельства, обусловившие его действия; "изнутри" человек всегда свободен – он и никто другой совершает нравственный выбор в своих действиях и их объяснении» [там же, с. 198]. Разворачивая далее логику диалектически противоположных соотношений внешней и внутренней свободы, автор намечает несколько возможных вариантов несовпадения оценок свободы, производимых извне и изнутри: «"качественно свободный" человек внутренне несвободен и поступок он совершает не потому, что ему вдруг захотелось совершить Поступок, а потому, что не может поступать иначе. Внутренне свободный обречен на самозванчество, внутренне несвободный – ответствен» [там же, с. 200]. Значит, реальная свобода вовсе не обязательно совпадает как с ее оценкой извне, так и изнутри. Это непростое соотношение свободы и ответственности сразу задает понимание относительности любых оценок свободы и ограничивает определенными рамками возможности создания измерительных инструментов для ее психологического изучения.

Близко по содержанию к первому различие между собой понятий *свободы* и *воли*, противопоставление свободы и произвола [Левин Г.Д., 2000; Тульчинский, 1990; Франкл, 1990]. Это соотношение рассматривается в широком философском контексте как вопрос о свободе воли и ее возможности. Более узкое и конкретное, увязанное с рядом психологических контекстов понимание данного аспекта свободы связывает ее с исследованием произвольной (из воли) регуляции человеком своих психических функций, действий и поступков [Зинченко, 1998; Леонтьев Д.А., 2000], дающей человеку принципиальную возможность свободы и выбора, освобождающую от жесткой внешней детерминации.

Третья плоскость обсуждения свободы связана с понятием ее границы. Свобода часто определяется через указание границ, причем от близости к границам зависит ее степень: чем ближе к границам, тем меньше свобода [Егоров, 2000]. Однако приближение к границам и стремление выйти за их пределы дает больше шансов на потенциальное расширение границ, а значит, и увеличение свободы. В этом контексте свобода также относительна, поскольку соотносится с разными границами. Вопрос о природе границ зависит от того, что они разделяют: это может быть граница свободы и необходимости, граница условий жизни, граница детерминизма и индетерминизма. Важ-

но то, что граница может существовать как в реальности, так и «в материализованном общественном сознании, и в голове каждого человека» [Егоров, 2000, с. 5].

И, в-четвертых, тема свободы обсуждается в контексте понятия *возможного*, которое противопоставляется *фактически данному*. Многие авторы подчеркивают такой важный аспект проблемы свободы, как преодоление себя как фактической данности, прорыв в сферу возможного [Егоров, 2000; Зинченко, 1998; Кузьмина, 2007; Левин Г.Д., 2000; Леонтьев Д.А., 2000]. Представление о пространстве избыточности разных возможностей, которое свойственно всему живому, является важным в представлении о свободе у В.П. Зинченко, с точки зрения которого живое обречено быть свободным и постоянно редуцировать свои степени свободы [Зинченко, 1998]. Пространство возможностей определяет и саму возможность свободы.

Философско-методологический взгляд на проблему человеческой свободы задает некоторую идеальную теоретическую модель ее познания, и, хотя свобода является фундаментальной характеристикой человека в принципе, это не значит, что на конкретном психологическом уровне исследования человека феномен свободы обязательно будет проявляться в своих предельных идеальных формах. Как указывает К.А. Абульханова (2000), теоретическая модель, дающая идеал развития, отличается от психологической реальности. В применении к теме свободы это можно конкретизировать так: если сущность человека определяется свободой, то это не значит, что все люди в одинаковых отношениях, формах и в равной мере обладают ею.

В психологии проблема свободы человека осваивается через призму разных концептов, описывающих многообразие форм ее проявления и механизмов. Разрабатываются представления об уровнях, аспектах, предпосылках и проявлениях свободы, определяются условия свободы как человека, личности в целом, так и отдельных действий и деятельности [Зинченко, 1998; Леонтьев Д.А., 2000]. Свобода рассматривается и как внешняя, связанная с отсутствием внешних ограничений, и как внутренняя, психологическая или личностная свобода [Балл, 1997]. Причем свобода как «объективно фиксируемое состояние или качество личности» не обязательно однозначно совпадает с «субъективным чувством свободы» [Балл, 1997, с. 11], что уже было отмечено выше в соответствии с введенным Г.Л. Тульчинским различием (1999) свободы «извне» и «изнутри».

Ключевым моментом свободы человека большинство авторов считают процесс осознания им своего поведения, его детерминант и способность совершить выбор [Кузьмина, 2007; Леонтьев Д.А., 2000].

Поэтому не случайно одним из основных способов конкретизации темы свободы в психологии стала проблема самодетерминации личности. Д.А. Леонтьев различает понятие свободы как «феноменологически переживаемого контроля над своим поведением» и понятие самодетерминации как «объяснительное на собственно психологическом уровне рассмотрения «механизмов» свободы» [Леонтьев Д.А., 2000, с. 17]. На последнее проливает свет позиция В. Франкла (1990), согласно которой человек свободен благодаря тому, что его поведение определяется, прежде всего, ценностями и смыслами, локализованными в высшем ноэтическом или духовном измерении. Изучение данных механизмов свободы представляется достаточно непростым для эмпирического исследования и скорее является областью теоретических размышлений и аргументов, тогда как методически более легко свобода берется при ее рассмотрении как субъективного переживания самим человеком. В психологии это зафиксировано в ряде терминов, таких как: *ощущение* свободы по отношению как к силам внешнего окружения, так и к силам внутри личности [Deci, Ryan, 1985]; свобода как *переживание самодетерминации*, связанное с самосознанием [Tageson, 1982]; *феноменологически переживаемый контроль* над своим поведением [Леонтьев Д.А., 2000]; *чувственный аспект* свободы, выражающийся в субъективном *переживании* свободы [Кузьмина, 2007].

Итак, можно зафиксировать множественность различных пониманий свободы, связанную с многомерностью самого феномена, принципиальную относительность свободы и ее зависимость от критериев оценки и позиции восприятия, возможность несовпадения и даже противоречия одних аспектов свободы другим.

Мы полагаем, что конструкт барьерности – реализуемости личностных ценностей связан практически со всеми обозначенными выше аспектами понимания свободы. Это касается и представления о границах жизненного пространства, связанных с преобладанием одного из полюсов континуума, которые задают также и границы свободы. Преобладание реализуемости означает жизнь в границах освоенного и доступного мира, с отрицанием ценности того, что недоступно. Поэтому ее можно интерпретировать как проявление свободы личности, осуществляемой в границах актуально возможного. Как считает Р. Мэй, свобода всегда принципиально имеет дело с возможным, она превращает возможное в действительное благодаря тому, что, принимая в любой данный момент пределы действительного, работает в основном с реалиями возможного» [см. Леонтьев Д.А., 2000]. Это свобода внутри освоенного человеком мира, которая, по всей видимости, и связана с переживанием ощущения свободы, кото-

рое можно сравнить со свободой совершения освоенного движения – человек выполняет его, испытывая ощущение легкости и свободы движений. Данная аналогия показывает и относительность такой свободы, поскольку в хорошо освоенном движении можно усмотреть и противоположность свободе – оно может быть несвободным от привычной схемы его выполнения, сложившегося стереотипа. И поэтому свободу столь же обоснованно можно связать с преобладанием барьерной составляющей смыслообразования, поскольку она проявляется в устремленности человека к тому, что находится вне зоны доступного, к выходу за его пределы и расширению освоенного мира. Это тоже можно рассматривать как проявление свободы, но в другой ее ипостаси – как свободу преодолевать, прорываться через границы, выходить за пределы наличного и реального в область того, что находится на грани возможного. Полагаем, однако, что создаваемый в процессе такого расширения жизненный мир воспринимается человеком как полный барьеров и препятствий и поэтому на уровне внутренних переживаний, скорее, порождает ощущение собственной несвободы и скованности.

Конструкт барьерности – реализуемости ценностей связан и с тем аспектом свободы, который можно обозначить как свободу воли. Преобладание реализуемости ценностей, поскольку оно означает стремление человека к большей управляемости своими побуждениями, их контролю в рамках того, что ему доступно, пожалуй, может означать свободу в отношении побудительной силы личностных ценностей, возможностей ее сознательной произвольной регуляции. Преобладание барьерности, напротив, означает логику «погони за ускользающим», что в меньшей степени ассоциируется с произвольным управлением своими побуждениями.

Приведенные рассуждения показывают, что соотношения параметра барьерности – реализуемости ценностей с разными проявлениями и ипостасями свободы могут быть далеко не однозначны даже на уровне теоретических предположений.

Кроме того, возможности изучения феномена свободы и проверки гипотез эмпирическими методами ограничены как его сложностью и многозначностью, так и отсутствием готовых методических средств. Поэтому в эмпирическом анализе мы решили воспользоваться большим массивом данных, собранных ранее в других исследованиях с помощью методики попарного ранжирования ценностей. Эта методика, включающая в список ранжируемых ценностей и такую, как «Свобода как независимость собственных поступков и суждений», позволила зафиксировать индивидуальные и усредненные оценки меры ее доступности в разных выборках. Данную оценку

можно рассматривать как косвенный показатель переживания свободы человеком. Соответственно, эмпирически мы проверили лишь предположение, касающееся соотношения чувственного аспекта свободы – оценки ее меры самим человеком, с параметром барьерности – реализуемости ценностей. Были проанализированы также их взаимосвязи с мерой важности ценности свободы в каждой выборке и рассогласованием (важность – доступность).

Исходя из вышеизложенного, относительно чувственного аспекта свободы можно предположить, что ощущение собственной свободы, скорее всего, будет связано с преобладанием реализуемости ценностей. Хотя, исходя из данных предыдущего исследования по соотношению данных параметров с ответственностью, можно ожидать, что в каких-то отдельных выборках с переживанием свободы может быть связано и преобладание барьерности ценностей.

Организация и методы исследования. В исследовании были проанализированы данные следующих возрастных групп испытуемых, общей численностью 630 человек. Первая группа – 114 студентов в возрасте от 18 до 20 лет, из них 75 девушек и 39 юношей. Вторая группа – 149 аспирантов КГУ в возрасте от 22 до 29 лет, из них 94 мужчины и 55 женщин. Третья группа – 72 работающих в возрасте 22–30 лет (мужчин и женщин поровну). Четвертая группа – 90 человек в возрасте от 30 до 40 лет (45 мужчин и 45 женщин). Пятая группа – 165 человек в возрасте 40–50 лет (67 мужчин и 98 женщин). В анализ были также включены данные 40 человек 35–45 лет, госпитализированных в связи с внезапным заболеванием (мужчин и женщин поровну). В части студенческой выборки и части группы людей в возрасте от 40 до 50 лет кроме списка терминальных ценностей был использован также список инструментальных.

Анализировались взаимосвязи индивидуальных индексов реализуемости с показателями важности, доступности и разницы (важность–доступность) ценности свободы с помощью корреляционного анализа (по формуле Пирсона) и дивергентного анализа значимости различий полученных корреляций.

Результаты. В некоторых из исследованных выборок обнаружены положительные корреляции между степенью доступности ценности свободы и индексами реализуемости терминальных (табл. 8.12) и инструментальных (табл. 8.13) ценностей, а в некоторых такие связи отсутствуют.

В группе студентов обнаружена положительная корреляция между доступностью свободы и индексами реализуемости терминальных и инструментальных ценностей (при $p < 0,05$ и $p < 0,01$ соответственно).

В группе 40–50-летних людей между индексами реализуемости и доступностью свободы обнаружены аналогичные по характеру и уровню значимости взаимосвязи, что и в группе студентов. Разбиение

данных групп по признаку пола сохраняло ту же общую картину взаимосвязей, привнося лишь вариации в степень их плотности.

Таблица 8.12

Взаимосвязь индивидуального индекса реализуемости терминальных ценностей и параметров ценности свободы

Группы \ Параметры	Д	В	(В-Д)
Студенты (n=44)	0,33*	0,22	-0,09
Студенты (n=70)	0,39**	0,10	-0,18
Аспиранты (n=149)	-0,01	0,13	0,11
22–30-летние (n=78)	-0,11	0,03	0,17
30–40-летние (n=90)	-0,07	0,05	-0,15
40–50-летние (n=50)	0,48**	0,05	-0,40*
40–50-летние (n=40)	0,32*	0,07	-0,22
40–50-летние (n=75)	0,32*	-0,07	-0,35*

Условные обозначения: уровень достоверности взаимосвязи * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$ и выше. В – важность ценности свободы; Д – доступность ценности свободы, (В-Д) – расхождение мер важности и доступности ценности свободы.

Таблица 8.13

Взаимосвязь индивидуального индекса реализуемости инструментальных ценностей и параметров ценности свободы

Группы \ Параметры	Д	В	(В-Д)
Студенты (n=44)	0,45*	0,0	-0,31*
Студенты (n=70)	0,33**	-0,04	-0,30*
40–50-летние (n=75)	0,07	-0,05	-0,09

Условные обозначения: уровень достоверности взаимосвязи * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$ и выше. В – важность ценности свободы; Д – доступность ценности свободы, (В-Д) – расхождение мер важности и доступности ценности свободы

Значит, в группе студентов и взрослых людей 40–50 лет большая степень выраженности реализуемости терминальных ценностей означает и большую доступность ценности свободы, и наоборот, высокая барьерность ценностей – низкую доступность свободы.

В отношении инструментальных ценностей аналогичная закономерность прослеживается только в студенческой группе, тогда как в выборке 40–50-летних связи индекса реализуемости и доступности свободы близки к нулевым значениям.

Иная картина взаимосвязей наблюдается в группе аспирантов и возрастных группах 22–30-летних и 30–40-летних. В данных выборках связи индекса реализуемости терминальных ценностей с показателем доступности свободы незначимы и близки к нулевым значениям. Относительно показателя важности свободы в некоторых выборках при разбиении их на мужскую и женскую составляющие появляются прямые значимые корреляции с индексом реализуемости у мужчин, которые сопровождаются соответственно более слабыми взаимосвязями с рассогласованием (важность – доступность).

Так, разбиение выборки аспирантов на мужскую и женскую составляющие практически никак не меняет картину корреляций индекса реализуемости с параметром доступности свободы, а значит, в целом можно говорить об отсутствии зависимости оценки доступности свободы от степени барьерности – реализуемости ценностей. Однако относительно параметра важности ценности свободы при таком разделении выборок у мужчин и женщин появляются различия: в мужской выборке обнаруживаются значимые ($r=0,23$; $p<0,05$) корреляции меры важности ценности свободы и индекса реализуемости, тогда как в женской части выборки появляются незначимые отрицательные связи данных параметров. И хотя в дивергентном анализе данные различия корреляционных структур немного не дотягивают до уровня статистической достоверности, тем не менее про мужскую часть аспирантов можно утверждать однозначно, что реализуемость личностных ценностей прямо связана у них с важностью ценности свободы: чем важнее свобода, тем выше реализуемость ценностей.

В выборке 30–40-летних разбиение выборки на мужскую и женскую составляющие практически никак не меняет картину корреляций индекса реализуемости как с параметром доступности свободы, так и с двумя другими.

Интересные результаты получились при анализе данных в группе людей в возрасте 35–45 лет, госпитализированных с инфарктом миокарда и аппендицитом, т. е. переживающих трудную жизненную ситуацию. В общей группе связи доступности ценности свободы с индексом реализуемости не выявились (табл. 8.14). Однако при разделении на мужскую и женскую составляющие и сопоставлении корреляционных матриц посредством дивергентного анализа выявились плотные связи доступности свободы с индексом реализуемости, которые в выборке мужчин и женщин противоположно направлены (достоверность различий на уровне $p<0,001$).

В выборке женщин обнаружена инвертированная по отношению к ранее описанным выборкам отрицательная корреляция доступности свободы с индексом реализуемости ($p<0,001$), тогда как у мужчин по-

ложительная и также достоверная ($p < 0,01$). При этом у женщин данной группы появилась значимая прямая связь индекса реализуемости с мерой важности ценности свободы, что также достоверно отличает ее от группы мужчин, у которых эта связь не достигла уровня значимой, но различия корреляционных структур по данным дивергентного анализа между мужчинами и женщинами оказались статистически достоверны ($p < 0,05$).

Таблица 8.14

Взаимосвязь индивидуального индекса реализуемости терминальных ценностей и показателей ценности свободы в группах госпитализированных мужчин и женщин (инфаркт, аппендицит)

Группы	Параметры	Д	В	(В-Д)
Общая группа 35–45 лет (n=40)		-0,09	0,24	0,22
мужчины (n=20)		0,48**	-0,31	-0,49**
женщины (n=20)		-0,72***	0,53**	0,70***

Условные обозначения: В – важность ценности свободы; Д – доступность ценности свободы, (В-Д) – расхождение мер важности и доступности ценности свободы. Уровень достоверности взаимосвязи: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Т. е. в ситуации жизненного кризиса ярко проявляется гендерное своеобразие взаимосвязей важности и доступности ценности свободы с индексом реализуемости. Это может свидетельствовать о разных внутренних стратегиях преодоления кризисных ситуаций мужчинами и женщинами, связанных с разными способами переработки рассогласований важности и доступности ценностей, которые опираются на разные ресурсы. В такой ситуации более высоко оценивают доступность свободы, не оценивая ее при этом как важную ценность, мужчины, склонные ценить то, что доступно, и женщины, склонные, напротив, ценить то, что недоступно, и обесценивать доступное. И более высоко оценивают важность свободы, при этом менее свободно себя ощущая в этой ситуации, мужчины, стремящиеся к малодоступным для себя ценностям, и женщины, ценящие то, что доступно.

Заметим, что картина взаимосвязей рассогласования (важность – доступность) ценности свободы в большинстве выборок фактически повторяет картину взаимосвязи индекса реализуемости с оценкой доступности свободы иногда в несколько ослабленном по плотности связей варианте.

Итак, полученные результаты свидетельствуют, что переживание свободы как доступной для себя ценности по-разному связывается с тенденциями барьерности-реализуемости в разных выборках. Оно может быть, а может и не быть связано с барьерностью-реализуе-

мостью ценностей. Однако в случаях, когда эта связь обнаруживается, с ощущением свободы обычно связан полюс реализуемости за исключением женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Сопоставление результатов с описанными в психологии особенностями возрастных периодов жизни позволяет интерпретировать эти результаты как проявление разных способов организации жизни человеком на качественно разных ее этапах.

В периоды жизни, которые можно назвать *переходными*, ощущение свободы связано с реализуемостью ценностей. Это характеризует и переход к взрослой жизни (студенты), когда необходимо начинать строить основные контуры своей будущей жизни, и, по всей видимости, те, кто уже перешел к реализации основных жизненных проектов, ощущают большую свободу. Возрастной период от 40 до 50 в большинстве периодизаций также характеризуется как переходный. Очень ярко описывает его Дж. Холлис (2008), называя перевалом середины жизни. В этом возрасте способ жизни уже сложился, человек освоил в присутствии ему масштабе пространство своей жизни, но начинает ощущать сильное воздействие самости, ее настойчивый зов, а также некоторые ограничения, которые появляются в жизни в связи с разными причинами. Это может быть связано с сокращением временной перспективы, с изменениями состояния физического здоровья, вызванными возрастными изменениями организма, с необходимостью перестроек отношений в семейной жизни, где часто уход детей из семьи также оставляет пустоту и порождает необходимость создания новой системы отношений в семье. Все это настойчиво требует перестройки всего способа жизни, поиска новых путей и стратегий реализации своей сущности вне привычных социальных ролей и идентификаций, смены оси отношений «Эго – Мир» на ось «Эго – Самость» [Холлис, 2008, с. 169] в поиске путей собственной индивидуализации при отсутствии социально заданных ориентиров, сценариев и опор.

Логично вписывается в такую картину объяснения и появление аналогичных взаимосвязей в выборке людей, переживающих кризисную жизненную ситуацию в связи с заболеванием и госпитализацией, поскольку они также в силу жизненных обстоятельств, связанных с угрозой жизни, попадают в режим перестройки как своих смысловых структур, так и образа жизни.

Несколько иным представляется период ранней взрослости (22–40 лет), когда способ жизни еще только определяется, создается и строятся основные контуры образа жизни, «завоевывается» социальное пространство, т. е. идет процесс реализации основных жизненных планов. В этом периоде однозначные взаимосвязи реализуемости

ценностей с переживанием свободы отсутствуют. Не обнаруживается и гендерная специфика таких зависимостей. Однако появление таких связей в особых жизненных ситуациях говорит о том, что они существуют и связаны с различными внутривозрастными изменениями системы отношений, прохождением через лиминальные периоды жизни [Сапогова, 2008]. Но при сплошном исследовании людей одной возрастной группы, не учитывающем конкретные вариации жизненных ситуаций и обстоятельств, отдельные траектории жизненного пути, они нивелируют друг друга вследствие разнообразия возрастных сроков наступления разнообразных важных событий, ритма смены фаз развития, поэтому не обнаруживаются как закономерные в выборке определенного хронологического возраста, даже и ограниченной рамками десятилетия.

Таким образом, характер связи индексов континуума барьерности – реализуемости с оценкой доступности ценности свободы в основном неоднозначен и имеет возрастную, а в некоторых возрастных группах и гендерную обусловленность. В целом можно утверждать, что свобода в ее чувственном аспекте, так же как и ответственность, может проявляться в обеих тенденциях: и в тенденции согласования, и в тенденции рассогласования, отражая разные источники этого ощущения. Оно может быть, с одной стороны, связано с тенденцией согласования, тогда это свобода жизни в рамках, границах освоенного и доступного мира. С другой стороны, ощущение свободы может быть связано и с тенденцией рассогласования, и тогда это свобода выходить за границы освоенного и доступного мира, свобода поиска новых смыслов и расширения смысловых горизонтов. Надо сказать, что такая свобода реже субъективно так переживается, чаще все-таки преобладание барьерности связывается с отсутствием свободы. Каждая из тенденций в разной мере несет в себе возможность свободы, но достигается она разными способами и может быть проявлением разных стратегий организации пространства своей жизни, которые человек формирует в процессе своего жизнеосуществления.

Данные тенденции отражают такой аспект свободы, который связан с регуляцией сферы собственных побуждений, и представляют собой некоторый самостоятельный механизм в рамках индивидуального способа регуляции жизнедеятельности. При этом на разных возрастных этапах жизни ощущение свободы закономерно связано с одной из тенденций. В переходные этапы жизни ощущение свободы связано только с тенденцией реализуемости, а на этапе активного становления способа жизни наблюдается большая вариативность взаимосвязи ощущения свободы с данными тенденциями, а также ее гендерное своеобразие в трудных жизненных ситуациях.

Однако, касаясь другого понимания свободы – не только как ее ощущения, но и как свободного, сознательного, своего личного, ничем не детерминированного выбора [Балл, 1997; Леонтьев Д.А., 2000; Франкл, 1990], можно сказать, что до тех пор, пока данные тенденции не осознаны самим человеком, он остается несвободным от них, не может занять по отношению к ним свободную личностную позицию с тем, чтобы произвольно управлять ими. В этом смысле само их исследование и описание может быть средством рефлексии, осознания и достижения свободы в том, чтобы, осознав свой привычный способ, делать более осознанные выборы и стать свободнее в данном конкретном отношении. Это может дать еще одну возможность произвольной регуляции силы своих побуждений, проявления свободы воли в отношении самого себя.

* * *

Сопоставляя результаты обоих исследований, необходимо отметить, что свобода как переживание своей независимости и ответственность как локус контроля может проявляться в обеих тенденциях: и в тенденции согласования, и в тенденции рассогласования. Выявлены как ряд совпадающих закономерностей их взаимосвязи с параметром барьерности – реализуемости личностных ценностей, так и отличия. Так, взаимосвязи ответственности и чувственного аспекта свободы имеют одинаковый характер на этапах перехода к взрослости, соответствуя полюсу реализуемости ценностей: те молодые люди, которые перешли к реализации обретенных смыслов, ощущают большую свободу и показывают более высокие значения интернальности, нежели находящиеся в смысловом поиске, т. е. с преобладанием барьерной составляющей смыслообразования. В период ранней взрослости (20–40 лет), когда способ жизни активно создается, начинается реализация основных жизненных планов, однозначные взаимосвязи реализуемости ценностей как с ответственностью, так и с переживанием свободы отсутствуют или крайне малочисленны, возникая лишь в отдельных группах и для отдельных сфер жизни. Но в этом возрасте данные взаимосвязи ярко обозначаются в критических жизненных ситуациях, имея у мужчин и женщин противоположное направление, и кроме того, дифференцируясь в разных сферах жизни. В период средней взрослости (40–50 лет) взаимосвязи ответственности и свободы с параметрами барьерности – реализуемости носят разнонаправленный характер. Так, переживание свободы плотно связывается с полюсом реализуемости ценностей, а взаимосвязи ответственности дифференцируются для разных сфер жизни, опосредуются гендерной принадлежностью человека и могут быть прямо связаны и с полюсом барьерности ценностей. Общий рисунок

выявленных закономерностей говорит, скорее, о наличии координации между собой таких ядерных механизмов личностной регуляции, как свобода и ответственность в периоды взрослости. Однако в отдельные периоды жизни и в зависимости от конкретных индивидуальных или социотипических особенностей человека их взаимосвязь с реализуемостью личностных ценностей может принимать разнонаправленный характер.

8.2. Реализуемость личностных ценностей и профессиональный выбор в период юности

Полученные нами ранее экспериментальные данные позволяют связать преобладание одной из тенденций – согласования или рассогласования важности и доступности ценностей – со степенью *освоенности или неосвоенности социальной ситуации развития* (см. раздел 5.4). Так, показатели реализуемости оказались выше в условиях освоенной социальной общности по сравнению с вхождением в новую и подготовкой к выходу из освоенной социальной общности. В последнем случае они были ниже, несмотря на то, что актуально человек еще находился в освоенной социальной общности, и в повышении барьерной составляющей смысла ценностей проявилась внутренняя настройка на переход в новую социальную ситуацию развития.

В отношении терминальных ценностей, на материале которых и был разработан конструкт барьерности – реализуемости, он отражает освоенность жизненного пространства личности. Если по аналогии применить это к инструментальным ценностям, которые, по сути, представляют собой перечень свойств и качеств личности, тогда можно трактовать данный конструкт как индикатор освоенности человеком пространства собственного Я, своих личностных проявлений. Это позволяет связать его с понятием Эго-идентичности и предположить, что состоянию ее сформированности соответствует более высокая реализуемость инструментальных ценностей, а состоянию незавершенности в ее формировании – их барьерность. Поскольку Эго-идентичность является важным основанием совершения жизненных выборов, то можно ожидать наличия его особенностей в зависимости от преобладания реализуемости или барьерности инструментальных ценностей.

Как известно, юношеский возраст является периодом активного жизненного поиска, апробирования различных ролей и видов деятельности, личностного самоопределения, когда совершаются выборы, определяющие жизненный путь человека, что и является, по сути, началом его становления в качестве субъекта жизни [Рубинштейн, 2003; Абульханова, 1991]. Одной из важных задач периода юности

является выбор образовательного учреждения при переходе на следующую ступень обучения. Выбор обучения в том или ином вузе не сводится только к выбору профессии, он является *жизненным выбором*, определяющим в дальнейшем образ жизни человека, его жизненный путь. Возможность совершения такого выбора обеспечивается завершением первого целостного кризиса Эго-идентичности [Эриксон, 1996 б], формирование которой является главным итогом юности и условием перехода к решению задач следующих возрастных этапов. В качестве важного аспекта формирования Эго-идентичности выступает построение системы личностных ценностей, которая является центральной структурой смысловой сферы личности, в снятой форме отражающей систему жизненных отношений и деятельностей человека [Леонтьев Д.А., 1999]. Именно она создает предметно-смысловое содержание жизненного мира личности, выделяя в нем значимые объекты, явления, отношения, составляющие ее *жизненное пространство*, и становится внутренним основанием для совершения выборов.

Последствия выбора образовательного учреждения в разной степени изменяют как актуальную жизненную ситуацию, так и жизненный мир человека в целом. Это могут быть кардинальные изменения в случае переезда в другой город, когда происходит отрыв от родительской семьи и начинается самостоятельная жизнь, а могут быть частичные, ограничивающиеся только сменой образовательного учреждения. На наш взгляд, освоенность пространства собственного Я является фундаментом психологической готовности к освоению более широкого социального мира, следствием чего может стать стремление к более кардинальным изменениям жизни, расширению ее социального пространства, тогда как его меньшая освоенность будет скорее сдерживать такие стремления, побуждая оставаться в прежних рамках жизни. Все вышесказанное позволяет предположить, что большая реализуемость инструментальных ценностей в ситуации жизненного выбора в юности будет связана с выбором в направлении значительных изменений жизни, а их большая барьерность – с выбором в направлении «оставить все как есть».

Организация и методы исследования*. Для проверки гипотезы было проведено эмпирическое исследование, где в качестве модельной выступила ситуация реального жизненного выбора вуза после окончания школы. В одном случае это был выбор поступления в вуз, связанный с переездом в другой, как правило, большой город, где молодые люди должны жить более самостоятельно, отдельно от родителей, осваивая новую социальную реальность; а в другом

* Сбор и обработка эмпирического материала осуществлялись под нашим руководством студенткой факультета психологии КГУ Г.Р. Закиевой (2006).

случае – выбор в качестве места дальнейшего образования вуза в своем родном небольшом городе, где молодые люди остаются жить вместе с родителями в рамках относительно более освоенного ими социального мира. И в том, и в другом случае осуществленный выбор закончился успешно – поступлением в выбранный вуз.

В исследовании приняли участие 71 человек в возрасте от 17 до 19 лет, из них 19 девушек и 18 юношей, поступившие в вуз в большом городе (назовем их условно «столичные»), и 15 девушек и 19 юношей, продолжающие образование в своем родном городе (назовем их условно «периферийные»). Исследование проводилось через полгода после поступления в вуз.

1) Ранжирование личностных ценностей по критериям значимости и субъективно оцениваемой доступности производилось методом попарного сравнения 12 терминальных ценностей в соответствии с модификацией методики М. Рокича, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). По аналогии был сокращен до 12 названий список инструментальных ценностей, ранжирование которого также проводилось методом попарного сравнения. Для определения смыслового типа ценностей отдельных жизненных сфер для каждой группы и подгруппы студентов рассчитывались индексы барьерности и реализуемости отдельных ценностей. Для каждого студента отдельно рассчитывались индивидуальные *индекс реализуемости* (мера прямой корреляционной связи параметров важности и доступности ценности) и *индекс барьерности* (мера прямой корреляционной связи параметров важности ценности и степени рассогласования важности и доступности) отдельно для терминальных и инструментальных ценностей.

В качестве дополнительного, позволяющего выявить общее состояние удовлетворенности жизнью и степень ее осмысленности, использовался тест смысложизненных ориентаций (СЖО) [Леонтьев Д.А., 1992 в], содержащий стандартные шкалы: цели в жизни; процесс жизни; результативность жизни; локус контроля – Я; локус контроля – жизнь; общий показатель осмысленности жизни.

Для обработки полученных данных применялись математические методы сравнительного и корреляционного анализа. Для каждой группы и подгруппы испытуемых вычислялись средние арифметические значения показателей с последующим их статистическим сравнением по t-критерию Стьюдента для несвязанных выборок. Проводился корреляционный анализ по формуле Пирсона и дивергентный анализ значимости различий структуры корреляционных матриц.

Результаты. Сравнение экспериментальных групп по параметру барьерности – реализуемости смыслообразования в контексте отдельных *инструментальных ценностей* (абсолютные значения индексов приведены в табл. 8.15, процентное соотношение типов смыслообразования – в табл. 8.16) обнаружило, что между ними имеются существенные количественные различия: у «периферийных» гораздо больше ценностей с барьерным (66 %) и проблемно-барьерным (17 %) смысловыми типами по сравнению со «столичными». У по-

следних смысловой тип инструментальных ценностей относится в основном к свободно-реализуемому (25 %) и барьерно-реализуемому (67 %), а барьерные ценности составляют лишь 8 % от общего числа при отсутствии проблемно-барьерных.

Содержательное сопоставление показывает выразительные различия, также подтверждающие гипотезу: в зоне наибольшей реализуемости у «периферийных» находятся ценности честности и чуткости (барьерно-реализуемый тип), тогда как у «столичных» кроме ценности чуткости это ценности ответственности и самоконтроля (свободно-реализуемый тип), что особенно показательно в контексте проблемы освоенности пространства собственного Я.

Таблица 8.15

Показатели индексов реализуемости и барьерности инструментальных ценностей в группах сравнения

Ценности	«периферийные» (n=34)		«столичные» (n=37)	
	ИР	ИБ	ИР	ИБ
Аккуратность	-0,11	0,76	0,44	0,61
Воспитанность	-0,20	0,65	0,52	0,63
Жизнерадостность	-0,03	0,65	0,57	0,60
Исполнительность	0,22	0,68	0,33	0,49
Независимость	-0,09	0,59	0,37	0,56
Ответственность	-0,02	0,76	0,60	0,14
Самоконтроль	0,24	0,42	0,60	0,25
Смелость	-0,16	0,67	0,56	0,61
Терпимость	-0,09	0,66	0,51	0,63
Честность	0,51	0,63	0,29	0,66
Эффективность в делах	-0,06	0,68	0,44	0,61
Чуткость	0,42	0,65	0,71	0,20

Жирным шрифтом выделены достоверные (на уровне $p \leq 0,05$ и более) коэффициенты корреляции.

Относительно *терминальных ценностей* (абсолютные значения индексов приведены в табл. 8.17, процентное соотношение смысловых типов – в табл. 8.16) обнаружены аналогичные различия – большинство ценностей в группе «периферийных» относится к барьерному (50 %) и даже проблемно-барьерному (33 %) смысловому типу, тогда как у «столичных» лишь 42 % ценностей относится к барьерному типу, а 58 % являются барьерно-реализуемыми. Сравнение смыслового типа ценностей конкретных жизненных сфер показывает,

что у «столичных» по сравнению с «периферийными» большая реализуемость наблюдается у ценностей интересной работы, свободы, познания, любви, друзей и счастливой семейной жизни (табл. 8.16). Если у «периферийных» эти ценности являются барьерными (а ценность познания даже проблемно-барьерной), то у столичных все они относятся к барьерно-реализуемым.

Таблица 8.16

Распределение смысловых типов инструментальных и терминальных ценностей в группах сравнения (в %)

Ценности Смысловой тип	инструментальные		терминальные	
	периферийные (n=34)	столичные (n=37)	периферийные (n=34)	столичные (n=37)
Барьерно-реализуемый	17	67	17	58
Барьерный	66	8	50	42
Свободно-реализуемый	0	25	0	0
Барьерно-проблемный	17	0	33	0

Таблица 8.17

Показатели индексов реализуемости и барьерности терминальных ценностей в экспериментальных группах

Ценности	«периферийные» (n=34)		«столичные» (n=37)	
	ИР	ИБ	ИР	ИБ
Активная деятельная жизнь	0,27	0,70	0,27	0,56
Здоровье	0,09	0,82	0,06	0,66
Интересная работа	-0,01	0,73	0,53	0,32
Красота природы и искусства	0,52	0,46	0,40	0,48
Любовь	-0,07	0,70	0,42	0,37
Материально обесп. жизнь	0,05	0,68	0,08	0,83
Наличие хороших друзей	0,24	0,54	0,48	0,52
Уверенность в себе	-0,01	0,68	0,28	0,60
Познание	-0,21	0,80	0,18	0,53
Свобода	0,08	0,75	0,48	0,62
Счастливая семейная жизнь	0,05	0,75	0,53	0,66
Творчество	0,45	0,62	0,48	0,60

Жирным шрифтом выделены достоверные (на уровне $p \leq 0,05$ и более) коэффициенты корреляции.

Различия, выявленные при типологическом подходе к определению смыслообразования в контексте ценностей жизненных сфер, подтверждаются и при сравнении по *t*-критерию Стьюдента средних значений *индивидуальных индексов реализуемости и барьерности*, показывающем статистически достоверный сдвиг у «периферийных» по сравнению со «столичными» в сторону барьерности как инструментальных, так и терминальных ценностей (табл. 8.18).

Таблица 8.18

Сравнение индексов реализуемости инструментальных и терминальных ценностей в экспериментальных группах

Параметры		Индекс реализуемости	
		Инструментальные ценности	Терминальные ценности
Группы			
«периферийные» (n=34)		0,17	0,18
«столичные» (n=37)		0,57	0,40
<i>t</i> -критерий Стьюдента	<i>t</i> -факт.	-5,29	-2,54
	<i>t</i> -крит.	3,21	2,38
Уровень значимости различий		p<0,001	p<0,01

Дополнительное сравнение экспериментальных групп при разделении их по признаку пола показало, что у «периферийных» девушек и юношей нет различий в степени барьерности и реализуемости ценностей, а у «столичных» они есть. Так, и в отношении терминальных, и в отношении инструментальных ценностей в группе «столичных» индекс реализуемости выше у юношей, а индекс барьерности – у девушек (при $p<0,05$ и $p<0,01$, соответственно), что повторяет типичную картину различий мужчин и женщин, встречающуюся и в других выборках (см. раздел 5.3). Однако совокупное сравнение групп, разделенных как по типу выбора, так и по признаку пола, показало, что различия, связанные с типом выбора, намного более значительны и перекрывают по степени выраженности различия, связанные с гендерной принадлежностью.

В целом полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу. Действительно, в группе «периферийных» количество инструментальных ценностей, сдвинутых к полюсу барьерности в континууме барьерности – реализуемости ценностей, значительно выше по сравнению с группой «столичных». При этом в группе «периферийных» такая же высокая степень барьерности наблюдается и в отношении терминальных ценностей, тогда как в группе «столичных» инструментальные ценности показывают большую степень реализуемости по сравнению с терминальными. Преобладание барьерных ти-

пов смыслообразования в контексте терминальных ценностей является типичным для большинства юношеских выборок – у молодых людей действительно преобладает стремление к недоступному, при этом они не склонны ценить имеющееся, уже достигнутое. Это закономерно отражает специфику данного возраста как перехода к решению задач взрослой жизни через постановку жизненных целей, завоевание социального пространства, опредмечивание личности в новых смысловых горизонтах. Однако, как видим, группа «столичных» демонстрирует большую реализуемость и в отношении терминальных ценностей, хотя здесь различия между группами не столь выражены, нежели при сравнении инструментальных ценностей.

Как мы и предполагали, преобладание барьерной составляющей смысла в отношении инструментальных ценностей, когда человек низко оценивает те качества, которые ему доступны, и высоко те, которые считает недоступными для себя, можно интерпретировать как меньшую степень освоенности собственных личностных проявлений и свойств. По всей видимости, это и явилось внутренним препятствием для перехода к освоению более широкого социального мира, и поэтому группа «периферийных» предпочла остаться «дома», в освоенной социальной реальности. У «столичных» же более высокая реализуемость инструментальных ценностей, означающая освоенность собственных личностных проявлений, позволила осуществить выбор в направлении расширения жизненного мира, следствием чего стала и большая степень реализуемости терминальных ценностей – источников основных жизненных смыслов и задач.

В качестве подтверждения того, что недостаточная освоенность собственных личностных проявлений свидетельствует о меньшей степени сформированности Эго-идентичности, можно рассматривать обнаруженные между группами различия в структуре взаимосвязей шкал теста СЖО и параметров важности и доступности ценностей. Анализ этих взаимосвязей позволяет выявить ценности, в наибольшей степени определяющие смысловую наполненность жизни в той или иной группе студентов. Так, в группе «столичных» все шкалы СЖО имеют прямые связи с важностью ценности любви и обратные – с важностью материально обеспеченной жизни, а в группе «периферийных» таких интегрирующих все шкалы СЖО ценностей не обнаружилось. Это говорит о том, что первые, решив задачи построения собственной Эго-идентичности, перешли к решению задач следующего возрастного периода, а именно поиску партнера, формированию отношений интимности и сотрудничества, в связи с этим основные смысложизненные связи и строятся вокруг ценности любви. У «периферийных» отсутствие системообразующих факторов, по всей ви-

димости, связано с разноплановостью решаемых личностных задач внутри данной выборки, что дает большой разброс, и, соответственно, не выявляются общие, закономерные для всей этой группы связи смысложизненных ориентаций с теми или иными ценностями.

Содержательное соотнесение параметра барьерности-реализуемости ценностей с описанными Д.А. Леонтьевым (2005) экзистенциальными циклами взаимодействия человека с миром позволило нам поставить в соответствие преобладание реализуемости ценностей периоду смысловой закрытости, когда растет потенциал ответственности, а барьерности – периоду открытости человека новым смысловым горизонтам и росту потенциала инициативы (см. главу 4). Понимание полученных результатов в этом контексте позволяет утверждать, что у группы «столичных» потенциал инициативы реализован в достаточной мере, и это позволило им приступить к раскрытию потенциала ответственности, реализации своих возможностей в построенной смысловой реальности. Такие студенты, обучаясь в вузе, будут полнее и целенаправленнее реализовывать те возможности профессионального развития, которые им дает образовательный процесс, тогда как у группы «периферийных» потенциал инициативы, по всей видимости, реализовался не в полной мере, поэтому они находятся в состоянии внутреннего поиска, продолжая стремиться к расширению своих смысловых горизонтов, что означает внутреннюю необходимость и готовность к совершению новых жизненных выборов. Это может привести к совершению повторного жизненного выбора в той же сфере, например в форме смены образовательного учреждения и направления профессиональной подготовки, или к кардинальным изменениям жизни в других ее сферах, а также выразиться в состоянии моратория в личностном и профессиональном развитии. Такие студенты менее целенаправленно и эффективно будут использовать те возможности профессионального развития, которые предоставляет им образовательный процесс.

Учитывая, что при закономерной общей выраженности барьерности ценностей в юности у тех, кто характеризуется более высокими показателями реализуемости, обнаруживаются и более высокие показатели осмысленности и удовлетворенности жизнью, что благоприятно с точки зрения общего психического состояния личности, полученные результаты можно использовать для практических рекомендаций. Во-первых, важно включить в задачи психологического сопровождения образовательного процесса в вузе как выявление студентов с высокими показателями барьерности инструментальных ценностей, так и особый вид психологической работы с ними, направленный на освоение пространства собственного Я и заверше-

ние кризиса юношеской Эго-идентичности. Во-вторых, необходимо в программы профессиональной подготовки с самых ранних ступеней включать виды учебно-профессиональной деятельности, в которых бы не только происходило расширение горизонтов, развертывание целевого пространства профессионального развития, но и обеспечивались моменты фиксации реализации своих возможностей при достижении поставленных целей с акцентом на ценности уже достигнутого.

Мы также полагаем, что, кроме учета этих данных в образовательном процессе в вузе – для мониторинга развития личности студентов с целью повышения личностных предпосылок эффективности профессиональной подготовки, их можно экстраполировать на процесс перехода выпускников из образовательного учреждения на место работы. Аналогичные закономерности могут быть обнаружены относительно эффективности реализации выпускниками профессионального потенциала, полученного за годы обучения в вузе. Это требует лишь включения в список свойств, вошедших в перечень инструментальных ценностей, – таких, которые отражают профессионально важные качества личности. Конечно, разработка таких перечней для разных профессий является отдельной задачей прикладного исследования, и при этом можно опираться на фундамент уже имеющихся в психологии труда разработок в области профессионально важных качеств личности. Возможно, применение данного подхода позволит ввести новый критерий личностной готовности выпускника вуза к реализации той или иной профессиональной деятельности, что может рассматриваться как перспективное направление исследований в данной области.

Таким образом, при высоких значениях параметра реализуемости инструментальных ценностей жизненный выбор в юности направлен на изменение социальной ситуации развития, расширение жизненного пространства и связан с более высокой реализуемостью и терминальных ценностей, свидетельствуя в целом о переходе к решению задач взрослости. Следовательно, параметр барьерности – реализуемости инструментальных ценностей можно рассматривать в качестве индикаторов освоенности личностью пространства собственного Я, что, в свою очередь, может быть критерием завершенности формирования целостной Эго-идентичности.

8.3. Специфика жизненного пространства личности в зависимости от барьерности – реализуемости ценностей

В предыдущих параграфах данной главы индивидуальные характеристики барьерности – реализуемости смыслообразования были соотнесены с отдельными составляющими стратегии жизни (*ответ-*

ственность личности, оценкой ею своей свободы), а также личностным выбором. Выявленная обусловленность характера взаимосвязей параметров барьерности и реализуемости смыслообразования и наиболее общих смысловых образований личности возрастными, гендерными особенностями человека, а также их зависимость от сферы жизни, чувствительность к различным жизненным факторам позволяют утверждать, что они отражают работу механизмов регуляции человеком направления своего жизнеосуществления и включаются в реализацию им индивидуальной стратегии жизни [Абульханова-Славская, 1991]. Это подтверждает правомерность их рассмотрения в парадигме развития жизненного мира человека как его функциональных механизмов.

Однако устойчивость индивидуальной выраженности барьерной и реализуемой составляющих типа смыслообразования, которая инвариантна по отношению к содержанию ценностей, а также устойчива в психометрическом ее понимании как ретестовой, позволяет говорить о них как типологических образованиях, характеризующих личность с точки зрения преобладания у нее того или иного способа такой регуляции. Именно в рамках типологического подхода можно предположить, что люди, имеющие разную выраженность данных способов, отражающих динамические стороны функционирования личностных ценностей, должны иметь существенные, сопряженные с ними особенности как других составляющих стратегии жизни, так и содержательных характеристик ценностно-смысловой сферы.

Описание жизненного пространства человека, у которого существует или полностью доминирует только одна из выявленных тенденций, на основе предварительного теоретического моделирования было дано ранее в разделе 5.3. Это описание было уточнено и дополнено в результате соотнесения тенденций барьерности и реализуемости с механизмами структурирования образа мира на его модальном и семантическом уровнях (раздел 7.3). Дальнейшее развертывание исследований особенностей жизненного пространства личности, сопряженных с исследуемыми динамическими его характеристиками, требует целостного охвата разных аспектов. Поскольку содержательные и динамические характеристики жизненного мира составляют единство, можно предположить, что жизненный мир личности с преобладанием барьерности или реализуемости ценностей имеет специфику как в его содержательных, так и темпоральных параметрах.

С целью выявить различия, которые связаны в единый синдром с индивидуальной стратегией смыслообразования, задаваемой степенью барьерности – реализуемости ценностей, или даже обусловлены ею, была поставлена задача провести эмпирическое исследование, в

котором по ряду характеристик, относимых к стратегии жизни, сравнивались между собой люди с преобладанием барьерности или реализуемости ценностей. Возраст участников исследования (от 40 до 50 лет) позволяет считать, что индивидуальный способ и личностный стиль жизни уже сформированы и поэтому могут быть выявлены закономерные связи.

В качестве зависимых переменных мы рассматривали иерархию ценностей, задающую направленность личности, уровень осмысленности жизни, локус контроля, временную транспективу и самооценку личности. Совокупное исследование этих показателей позволяет, на наш взгляд, раскрыть существенные содержательные аспекты жизненного мира человека, поскольку иерархия ценностей раскрывает ценности, наполняющие жизнь смыслом, а общий показатель осмысленности жизни позволяет дать ее количественную оценку. Показатели временной транспективы отражают темпоральные характеристики, связанные со структурированием человеком времени своей жизни, соотношения в нем прошлого, настоящего и будущего. Локус контроля отражает важный аспект взаимодействия человека с миром, связанный с пониманием меры своей ответственности в разных сферах жизни, а самооценка проявляет обобщенный уровень самоотношения, т. е. характеризует полюс Я.

Организация и методы исследования. Исследование проводилось как квазиэкспериментальное сравнение групп, выделенных по признаку преобладания барьерности или реализуемости смыслообразования в контексте личностных ценностей. В нем приняли участие 50 человек (25 мужчин и 25 женщин) в возрасте от 40 до 50 лет.

Для сбора эмпирического материала использовались следующие методики.

1) Модификация методики М. Рокича, предполагающая попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям их важности и доступности [Фанталова, 1992]. Это позволило определить иерархию ценностей и место в ней каждой ценности, а также оценку доступности ценностей и показатель расхождения (важность – доступность) каждой ценности. На ее основе рассчитывался индивидуальный *индекс реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности по всему списку ценностей) каждого участника исследования. Для определения смыслового типа ценностей отдельных жизненных сфер индексы барьерности и реализуемости ценностей рассчитывались для сформированных экспериментальных групп.

2) Методика исследования уровня субъективного контроля (УСК) Д. Роттера в адаптации Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда (1993), включающая шкалы интернальности в области достижений, неудач, в семейных отношениях, в области производственных и межличностных отношений, в сфере здоровья и болезни, а также показатель общей интернальности.

3) Тест смысложизненных ориентаций [Леонтьев Д.А., 1992 в], где определялись следующие стандартные параметры: цели в жизни (Ц) как характеристика ощущения осмысленности будущего; процесс (П), или эмоциональная насыщенность жизни, как характеристика осмысленности жизни в настоящем; результативность (Р), или удовлетворенность самореализацией, отражающая оценку осмысленности прошлого; локус контроля – Я (ЛК-Я), отражающий убеждение в своей способности управлять своей жизнью; локус контроля – жизнь (ЛК-Ж), отражающий убеждение об управляемости жизнью вообще; общая осмысленность жизни (ОЖ) как суммарный показатель по пяти факторам, указывающий на общее сознательное отношение к жизни, стремление сделать ее управляемой и целенаправленной.

4) Методика «Оценивание пятилетних интервалов жизни» [Головаха, Кроник, 1984] позволила определить некоторые характеристики временной трансспективы. Опрашиваемым предлагалось оценить вероятную продолжительность своей жизни, а затем оценить каждый пятилетний интервал своей жизни по степени насыщенности значимыми событиями по десятибалльной шкале. Определялись следующие показатели: а) психологический возраст, который рассчитывался по формуле: $PВ = (R \times ОПЖ) / 100 \%$, где R – реализованность, ОПЖ – ожидаемая продолжительность жизни; б) разница между хронологическим и психологическим возрастом ($XВ - ПВ$); в) общая эмоциональная насыщенность жизни (ОЭН); г) реализованность жизни к настоящему моменту (Р), которая вычислялась как соотношение суммарной оценки эмоциональной насыщенности прожитой жизни к ожидаемой человеком степени эмоциональной насыщенности жизни в целом.

5) общий уровень самооценки личности измерялся с помощью методики С.А. Будасси (1972). Из списка, содержащего 20 слов, обозначающих разные качества личности, опрашиваемым предлагалось выбрать те, которые характерны для идеального человека. Затем из этого же списка качеств надо было выбрать те из них, которые характерны для него самого. Количественный показатель самооценки определялся как отношение второго показателя к первому.

Для обработки данных использовались методы описательной статистики, *t*-критерий Стьюдента для несвязанных выборок, а также корреляционный анализ по формуле Пирсона, статистическое сравнение корреляционных матриц посредством дивергентного анализа.

Деление на экспериментальные группы проводилось по результатам подсчета индивидуального индекса реализуемости каждого участника эксперимента. В первую группу (условное название «реализуемые») вошли те, чей индекс реализуемости превышал его среднее значение по совокупной группе испытуемых, – всего 18 человек. Во вторую группу, также состоящую из 18 человек (условное название «барьерные»), вошли те, у кого индекс реализуемости был ниже его среднего значения. Различия средних показателей индекса реализуемости по *t*-критерию Стьюдента между экспериментальными группами находи-

лось на высоком ($p < 0,001$) уровне статистической достоверности (табл. 8.19). Часть испытуемых (14 человек), имевших показатели индивидуального индекса реализуемости в диапазоне средних значений совокупной группы, не были отнесены ни к одной из сформированных контрастных групп, и в дальнейшем анализе их данные не участвовали.

Таблица 8.19

Показатели индексов реализуемости личностных ценностей и их сравнение в экспериментальных группах

Группа \ Параметры	"реализуемые" (n=18)			"барьерные" (n=18)			t-критерий	
	\bar{a}	σ	m	\bar{a}	σ	m	крит.	факт.
Индекс реализуемости	0,82	0,06	0,81	-0,08	0,37	-0,08	3,92*	-10,26*

Условные обозначения: \bar{a} – среднее значение; σ – стандартное отклонение; m – медиана; * – уровень достоверности различий более $p < 0,001$.

Далее экспериментальные группы сравнивались по всем остальным исследованным показателям. Проводился сопоставительный анализ как количественной выраженности этих параметров через сравнение средних арифметических значений по *t*-критерию Стьюдента, так и структуры корреляционных взаимосвязей между всеми параметрами, оценка достоверности различий которых производилась при помощи дивергентного анализа.

Результаты. Сравнение показателей уровня осмысленности жизни, самооценки, локуса контроля по средним значениям показало, что в экспериментальных группах данные параметры в основном не имеют статистически значимых отличий (табл. 8.19 и 8.20).

Таблица 8.20

Сравнение показателей самооценки (СО) и смысложизненных ориентаций (СЖО) в экспериментальных группах

Группа \ Параметры	СО	Шкалы теста СЖО					
		Ц	П	Р	ЛК-Я	ЛК-ж	ОЖ
«Реализуемые»	70	36	31	28	27	31	152
«Барьерные»	74	34	31	25	26	30	146
<i>t</i> -факт. (<i>t</i> -крит.=2,02)	0,69	-1,29	-0,24	-1,62	-0,83	-0,39	-0,93
Значимость различий	-	-	-	-	-	-	-

Условные обозначения: СО – самооценка по тесту Будасси; шкалы теста СЖО: Ц – цели в жизни; П – процесс; Р – результативность; ЛК-Я – локус контроля-Я; ЛК-ж – локус контроля-жизнь; ОЖ – общая осмысленность жизни.

Это значит, что, независимо от преобладания тенденции реализуемости или тенденции барьерности смыслообразования в контексте личностных ценностей, человек в одинаковой мере оценивает свою

жизнь осмысленной, имеет примерно одинаковый уровень самооценки и уровень контроля над разными сферами жизни. Единственные существенные различия обнаружены в показателях локуса контроля в сфере неудач и сфере семейной жизни: в группе «барьерных» выявлены более высокие показатели интернальности по сравнению с группой «реализуемых» (табл. 8.21).

Таблица 8.21

Средние показатели шкал теста локуса контроля
в экспериментальных группах

Параметры Группы	Шкалы теста УСК						
	О	Д	Н	С	П	М	З
«Реализуемые»	25	6,7	5,9	5,0	5,4	2,6	2,6
«Барьерные»	26	7,4	7,6	6,3	5,4	3,1	2,7
<i>t</i> -факт. (<i>t</i> -крит.=2,02)	1,65	1,25	2,66	2,51	-0,13	1,42	0,40
Значимость различий	-	-	$p < 0,05$	$p < 0,05$	-	-	-

Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях.

Однако, несмотря на количественное сходство вышеуказанных составляющих стратегии жизни, анализ иерархии ценностей и показателей временной транспективы выявил существенные различия между экспериментальными группами. Обнаруженные различия структуры взаимосвязей всех исследованных параметров можно интерпретировать как проявление разных стратегий жизни.

Так, сравнение иерархии ценностей экспериментальных групп показало существенные различия между ними, в первую очередь, относительно ведущих высокоранговых ценностей при почти одинаковом составе и положении в иерархии низкоранговых ценностей (табл. 8.22). Максимальные различия в иерархии ценностей (на 2 и более ранга) выявились относительно ценностей материально обеспеченной жизни, здоровья, наличия хороших друзей и любви. Ценности материально обеспеченной жизни и здоровья расположены выше в иерархии ценностей в группе «реализуемых», тогда как ценности наличия хороших друзей и любви оказались более важны в группе «барьерных». Различия получены как при сопоставлении относительного положения ценностей в иерархии (т. е. при сравнении рангов этих ценностей), так и при сопоставлении их абсолютных величин (при статистическом сравнении средних показателей по *t*-критерию Стьюдента). Ценность интересной работы также занимает положение на два ранга выше в иерархии ценностей в группе «барьерных», но, по результа-

там сравнения средних по критерию Стьюдента, различия не достигли уровня статистической достоверности.

Таблица 8.22

Средние показатели важности (В), доступности (Д) и ранга (Р) ценностей в экспериментальных группах

Ценности	Группа "реализуемые"(n=18)			"барьерные" (n=18)		
	В	Д	Ранг	В	Д	Ранг
Активная деятельная жизнь	4,80	6,32	9	4,00	5,94	9
Здоровье	9,80	5,92	1	7,39	5,17	4
Интересная работа	5,12	4,72	7	5,56	5,06	5
Красота природы, искусства	1,72	3,48	12	1,89	2,33	12
Любовь	6,72	6,52	4	8,39	8,06	2
Материально обесп. жизнь	7,64	4,04	3	4,78	5,28	8
Наличие хороших друзей	6,24	7,52	5	7,83	5,50	3
Уверенность в себе	5,16	6,40	6	5,44	5,94	6
Познание	2,48	3,00	10	3,28	4,94	10
Свобода	4,88	6,64	8	5,06	4,50	7
Счастливая семейная жизнь	9,72	8,40	2	9,89	9,17	1
Творчество	1,84	2,48	11	2,67	3,72	11

Жирным шрифтом выделены значения средних показателей, различия которых между группами находятся на уровне значимости $p < 0,05$ и выше.

Существенные различия между экспериментальными группами проявились в оценке половины всех ценностей по критерию доступности и рассогласованию важности и доступности. Так, ценности наличия хороших друзей, свободы и красоты природы и искусства оказались оценены как более доступные в группе «реализуемых», а ценности любви, познания и творчества оценены как более доступные в группе «барьерных». Максимальные различия по рассогласованию важности и доступности получены относительно ценности материально обеспеченной жизни: в группе «реализуемых» она является самой дефицитной (доступность ниже важности), а в группе «барьерных» – профицитна (доступность выше важности). Обратное соотношение в данных группах обнаружилось относительно ценностей наличия хороших друзей и свободы: в группе «барьерных» они дефицитны, а в группе «реализуемых» – профицитны.

В целом, полученная картина иерархии ценностей по критериям их важности и доступности позволяет определить тех, у кого преобладает барьерная составляющая смыслообразования, как «романтиков», поскольку для них более важны ценности любви, наличия хороших друзей в сочетании с доступностью ценностей любви, познания и творчества. Группа, в которой преобладает реализуемость ценностей, может быть охарактеризована скорее как «прагматики», так как для них более важны ценности материально обеспеченной жизни и здоровья, которые оцениваются и как наиболее недоступные, а ценности наличия хороших друзей, свободы, красоты природы и искусства оцениваются как избыточно доступные и гораздо менее важные.

Данная характеристика обеих групп подтверждается и результатами анализа связи параметров важности и доступности ценностей со шкалами теста СЖО, который позволил определить те ценности, которые связаны со смысловым наполнением жизни.

Шкала «Цели в жизни» в группе «барьерных» связана прямой связью с важностью красоты природы, доступностью друзей и познания, а обратной связью – с доступностью здоровья, свободы и творчества. В группе «реализуемых» эта шкала связана прямо только с доступностью материально обеспеченной жизни и счастливой семейной жизни, и обратной связью – с доступностью ценности красоты природы и искусства и ценности творчества.

Шкала «Процесс», выявляющая степень эмоциональной насыщенности и наполненности настоящего, также по-разному связана с ценностями в экспериментальных группах. В группе «барьерных» она связана прямо с важностью ценности красоты природы и искусства, доступностью наличия хороших друзей, и обратно – с важностью здоровья, важностью и доступностью материально обеспеченной жизни и доступностью свободы. В группе «реализуемых» эта шкала прямо связана с важностью активной деятельной жизни и познания, доступностью счастливой семейной жизни, а обратная связь выявлена с важностью здоровья, доступностью красоты природы.

Связи шкалы «Результативность», выявляющие ценности, от которых зависит удовлетворенность прошлым, также выявили различия в данных группах. В группе «барьерных» выявлена прямая связь этой шкалы с важностью красоты природы и искусства, а обратная – с важностью здоровья и материально обеспеченной жизни, а также с доступностью свободы. В группе «реализуемых» прямая связь выявлена с важностью любви, а обратная связь – с важностью интересной работы и доступностью красоты природы и искусства.

В целом корреляционных связей исследуемых параметров в группе «барьерных» больше, чем в группе «реализуемых», что гово-

рит о ее большей однородности в плане зависимости осмысленности жизни от одних и тех же ценностей, тогда как группа «реализуемых» в данном отношении оказалась более вариативна.

В целом, характеризуя разницу ценностного наполнения осмысленности жизни в данных группах, можно констатировать следующее. Красота природы и искусства, наличие хороших друзей – вот основные ценности, которые связаны с оценкой смысла прошлого, настоящего и будущего в группе «барьерных». Выделить ценности, которые связаны с осмысленностью и прошлого, и настоящего, и будущего, у «реализуемых» практически невозможно: оценка разных составляющих смысложизненных ориентаций связана у них с различными ценностями и их параметрами, за исключением доступности ценности красоты природы и искусства, которая отрицательно коррелирует со всеми составляющими осмысленности жизни. При этом ценность любви определяет удовлетворенность прошлым, настоящее определено ценностями активной деятельной жизни, познания и счастливой семейной жизни, а будущее – ценностями материально обеспеченной и счастливой семейной жизни. Таким образом, реализуемость и барьерность в ценностной сфере отражаются в системе тех ценностей, которые составляют центр смысловой сферы личности и определяют степень ее осмысленности.

Результаты обнаружили также существенные различия экспериментальных групп, проявляющиеся в типе локализации на временной трансспективе (табл. 8.23).

Таблица 8.23

Показатели методики «Оценивание пятилетних интервалов жизни» и их сравнение в экспериментальных группах

Группы	"реализуемые" (n=18)			"барьерные" (n=18)			t-критерий	
	\bar{a}	σ	m	\bar{a}	σ	m	крит.	факт.
Хронологический возраст (ХВ)	45,2	3,6	46	45,9	3,3	45	2,03*	0,67
Психологический возраст (ПВ)	43,1	7,0	42	48,0	8,3	49	2,03*	1,93
Реализованность	64,1	11,3	64	65,1	15,6	60	2,04*	0,21
Общая эмоцион-я насыщ-ть жизни	102,4	29,6	86	103,2	25,0	101	2,03*	0,09
Разница (ХВ-ПВ)	2,11	5,30	3	-2,06	6,17	-1	2,03*	2,17*

Условные обозначения: \bar{a} – среднее значение; σ – стандартное отклонение; m – медиана; * – уровень достоверности различий $p < 0,05$.

В группе «барьерных» показатель психологического возраста выше показателя хронологического более чем на два года (среднее значение разницы хронологического возраста и психологического равно -2,06). В группе «реализуемых», напротив, психологический возраст приблизительно на два года ниже по сравнению с хронологическим (среднее значение разницы хронологического и психологического возраста равно 2,11), достоверность различий подтверждена *t*-критерием Стьюдента ($p < 0,05$). Показатели психологического возраста также обнаружили различие, и хотя значимость достоверности немного не дотягивает до критического уровня, но общая тенденция аналогична.

Сравнение иерархии ценностей уже показало, что ведущие ценности группы «барьерных» можно охарактеризовать скорее как ювенильные, более характерные для периода юности и молодости. Однако, как мы видим, показатели психологического возраста характеризуют их как психологически более старших по сравнению с группой «реализуемых». С одной стороны, это несколько неожиданный результат и объяснение здесь может быть следующим. Поскольку «барьерные» оценивают себя и свою жизнь относительно более ювенильной системы ценностных координат, то они относительно такой точки отсчета, по всей видимости, и ощущают себя психологически старше своего хронологического возраста. В то же время те, кто ориентирован на более «земные» ценности, которые, возможно, и более типичны в исследуемой возрастной группе, ощущают себя моложе своих лет относительно более адекватной собственному возрасту системы ценностных координат.

Еще более выразительные различия получены при сравнении экспериментальных групп по характеру взаимосвязей индексов барьерности и реализуемости и других параметров ценностно-смысловой сферы и временной транспективы личности.

Структура смысловых ориентаций в группе «барьерных» оказалась более интегрирована по сравнению с группой «реализуемых»: у них выявились все теоретически возможные взаимосвязи шкал теста СЖО между собой (10 связей из 10 возможных между шкалами СЖО, причем все связи очень плотные, при $p < 0,001$). В группе «реализуемых» таких связей гораздо меньше (всего 4 связи из 10 возможных между шкалами СЖО), причем отсутствуют связи шкалы «Процесс», оценивающей эмоциональную насыщенность настоящего, со шкалой «Цели», отражающей осмысленность будущего, и со шкалой «Результативность», отражающей удовлетворенность прошлым, тогда как шкалы «Цели» и «Результативность» плотно связаны между собой (при $p < 0,01$). Значит, в данной группе отсутствуют

связи оценок настоящего как с оценкой прошлого, так и с оценкой будущего, что в какой-то мере подтверждает наше предполагаемое описание жизненного пространства «реализуемых» как сопряженного с погружением в жизнь «здесь и сейчас», в границах освоенного и доступного мира.

Экспериментальные группы отличаются также противоположно направленными связями индивидуального индекса реализуемости с оценкой степени реализованности жизни (табл. 8.24). Так, в группе «барьерных» индекс реализуемости обратно связан с оценкой реализованности. В группе «реализуемых» все обстоит совершенно противоположным образом: индекс реализуемости прямо связан с оценкой реализованности жизни (по данным дивергентного анализа, различия достоверны на уровне $p < 0,01$). Значит, в группе «барьерных» более сильная выраженность тенденции рассогласования связана с ощущением большей реализованности собственной жизни, а в группе «реализуемых» с этим параметром связана более яркая выраженность тенденции согласования.

Таблица 8.24

Взаимосвязь индекса реализуемости (ИР) с эмоциональной насыщенностью жизни (ЭН), оценкой ее реализованности (Р) и шкалами теста СЖО в экспериментальных группах

Группы \ Параметры	ЭН	Р	Шкалы методики СЖО					
			Ц	П	Р	ЛК-Я	ЛК-ж	ОЖ
«реализуемые»	-0,51*	0,58*	0,38	0,15	0,13	0,77**	0,43	0,49*
«барьерные»	0,49*	-0,36	-0,07	-0,28	-0,19	-0,18	-0,54*	-0,23

Условные обозначения. Показатели теста СЖО: Ц – цели в жизни; П – процесс; Р – результативность; ЛК-Я – локус контроля-Я; ЛК-ж – локус контроля-жизнь; ОЖ – общая осмысленность жизни. Уровень достоверности взаимосвязи: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$ и выше.

В целом, в каждой из групп более последовательное следование присущему человеку стилю смыслообразования связано с более высокой оценкой реализованности жизни. Следовательно, можно говорить о поляризации взаимосвязей степени реализованности с выраженностью данных тенденций в исследованных группах: чем более привержен человек собственной стратегии, чем последовательнее ее проводит, тем более реализованной он воспринимает свою жизнь. Если же его индивидуальный стиль менее ярко выражен, не столь последователен, то оценка реализованности жизни меньше. Под реализованностью в данном случае понимается количественная оценка человеком всего того, что произошло в его жизни, по отношению к тому, что еще должно произойти, только предстоит, поэтому данный

вывод касается параметра реализованности, как характеристики временной транспективы. Но ни в одной из групп нельзя утверждать о связи индекса реализуемости со шкалой «Результативность», которая оценивает удовлетворенность прошлым в тесте СЖО (табл. 8.24), и хотя общие тенденции направления, пусть и статистически незначимых связей, сходны, но они далеки от уровня достоверных. Значит, выявленная поляризация взаимосвязей не касается степени удовлетворенности собственным прошлым, а отражает только способ структурирования событий своей жизни, восприятие соотношения событийной наполненности прошлого, настоящего и будущего, т. е. временную транспективу личности.

Аналогичная закономерность поляризации взаимосвязей индивидуального индекса реализуемости при их сравнении в исследуемых группах прослеживается и в том, как они связаны с общим уровнем осмысленности жизни, выраженным суммарным баллом теста СЖО. В группе «реализуемых» эта связь прямая, а в группе «барьерных» скорее обратная, и хотя сама по себе она не достигает уровня статистической достоверности, но значимость различий между ними по данным дивергентного анализа находится на уровне $p < 0,05$. Это значит, что в группе «реализуемых» высокие значения именно индекса реализуемости связаны с более высоким уровнем осмысленности жизни, т. е. оценка осмысленности жизни выше у тех, у кого более выражена тенденция согласования. В группе же «барьерных», напротив, именно низкие значения индекса реализуемости связаны с более высокими оценками осмысленности жизни, т. е. оценка осмысленности жизни выше у тех, у кого более выражена тенденция рассогласования. Это говорит о противоположных стратегиях достижения более высоких уровней осмысленности жизни в экспериментальных группах: в каждой из них большая выраженность своего собственного способа смыслообразования связана с более высокой оценкой осмысленности жизни.

Противоположный характер в экспериментальных группах имеет взаимосвязь барьерности – реализуемости смыслообразования с оценкой общей эмоциональной насыщенности жизни в целом (все различия по данным дивергентного анализа на уровне $p < 0,01$). В группе «барьерных» чем выше индекс реализуемости, тем выше оценка общей эмоциональной насыщенности жизни (табл. 8.24). В группе «реализуемых», наоборот, чем выше барьерность ценностей (т. е. ниже индекс реализуемости), тем выше оценка эмоциональной насыщенности жизни. Значит, чем более сильно выражена характерная для каждой из экспериментальных групп стратегия (т. е. барьерная для группы «барьерных» и реализуемая для группы «реализуе-

мых»), тем менее эмоционально насыщенной ими оценивается жизнь. Менее яркая выраженность характерной для себя стратегии, напротив, связана с оценкой жизни как более эмоционально насыщенной.

Обнаружено, что в группах «барьерных» и «реализуемых» существуют связи локуса контроля с индексами барьерности и реализуемости, и эти связи также носят противоположно направленный характер (табл. 8.24). В группе «барьерных» индекс реализуемости отрицательно связан с ЛК-жизнь, а в группе «реализуемых» эта связь носит прямой характер, уровень различий корреляционных связей по результатам дивергентного анализа статистически значим на уровне $p < 0,05$. В группе «реализуемых» более сильная выраженность стратегии согласования также повышает ощущение собственной способности контролировать свою жизнь: у них выявлена плотная связь индекса реализуемости с ЛК-Я, которая отсутствует в группе «барьерных».

При исследовании аналогичных связей индекса реализуемости с показателями локуса контроля, измеренных тестом УСК, результаты получились в чем-то перекликающимися, но далеко не столь однозначными (табл. 8.28).

Таблица 8.25

Коэффициенты корреляции индекса реализуемости (ИР) с локусом контроля и показателем самооценки (СО) в экспериментальных группах

Группы \ Параметры	СО	Шкалы теста УСК						
		О	Д	Н	С	П	М	З
«Реализуемые»	0,06	0,21	0,23	-0,31	0,11	-0,05	0,06	0,54*
«Барьерные»	-0,15	-0,29	-0,25	-0,18	-0,49*	-0,28	-0,19	-0,20

Условные обозначения. Показатели интернальности: О – общая; Д – в достижениях; Н – в неудачах; С – в семейных отношениях; П – в производственных отношениях; З – в отношении здоровья и болезни; М – в межличностных отношениях. Уровень достоверности взаимосвязи: * – $p < 0,05$.

По большинству шкал связи, даже не достигающие значимых величин, имеют такой же противоположно направленный характер, как и при измерении локуса контроля шкалами теста СЖО. Различия достигают уровня достоверности только для интернальности в сфере семейной жизни и здоровья, в сфере достижений и по общей интернальности имеют аналогичное направление, но не достигают уровня статистической значимости. А вот в сфере неудач в обеих группах получено одинаковое направление связей, хотя по своей величине также не достигающее уровня статистической достоверности: чем выше реализуемость ценностей, тем меньше выражена атрибуция неудач самому себе.

В целом, обобщая все данные, все-таки можно констатировать, хотя бы в тенденции, что в группе «реализуемых» оценка как контролируемости жизни, так и своей способности к такому контролю тем выше, чем более выражена у них тенденция согласования и чем менее выражена тенденция рассогласования. А в группе «барьерных» оценка контролируемости жизни выше при более высоких значениях индекса барьерности и низких значениях индекса реализуемости, т. е. связана с более сильной выраженностью тенденции рассогласования. И в данном случае более последовательное следование своей стратегии повышает ощущение контролируемости жизни, что опять-таки свидетельствует о наличии поляризации жизненных стратегий в зависимости от соотношения барьерной и реализуемой составляющих смыслообразования в контексте личностных ценностей.

Отсутствуют взаимосвязи индекса реализуемости с уровнем самооценки (табл. 8.25).

Сопоставление типов смыслообразования ценностей конкретных жизненных сфер выявило ценности, которые в обеих экспериментальных группах относятся к одному смысловому типу: это ценности познания, уверенности в себе и счастливой семейной жизни – они относятся к нейтральному смысловому типу (табл. 8.26).

Таблица 8.26

Значения индексов реализуемости и барьерности ценностей конкретных жизненных сфер в экспериментальных группах

Ценности	Группы		"барьерные" (n=18)	
	"реализуемые"(n=18)		ИР	ИБ
Активная деятельная жизнь	0,72	0,11	0,67	0,62
Здоровье	0,05	0,31	0,05	0,73
Интересная работа	0,34	0,33	0,61	-0,03
Красота природы и искусства	0,17	0,44	0,70	0,00
Любовь	0,66	0,67	0,66	0,40
Материально обесп. жизнь	0,01	0,33	0,75	0,40
Наличие хороших друзей	0,82	-0,54	-0,33	0,49
Уверенность в себе	0,32	-0,02	0,16	0,44
Познание	0,39	0,02	0,32	0,41
Свобода	0,52	0,25	0,16	0,76
Счастливая семейная жизнь	0,38	0,09	0,40	0,43
Творчество	0,43	0,22	0,44	0,52

Жирным шрифтом выделены значения коэффициентов корреляции на уровне значимости $p < 0,05$ и выше.

Наиболее контрастной по смысловому типу в сопоставляемых группах стала ценность наличия хороших друзей: в группе «барьерных» она сдвинута к полюсу барьерности и может быть отнесена к проблемно-барьерному смысловому типу, тогда как в группе «реализуемых» она относится профицитно-реализуемому типу. По результатам дивергентного анализа достоверность различий индексов реализуемости данной ценности в экспериментальных группах находится на уровне $p < 0,001$. Значительные отличия смыслового типа наблюдаются у ценности свободы: в группе «реализуемых» она свободно-реализуемая, а в группе «барьерных» – барьерная. Более важные для группы «реализуемых» ценности здоровья и материально обеспеченной жизни относятся в этой группе к нейтральному смысловому типу, тогда как в группе «барьерных» ценность здоровья относится к барьерному смысловому типу, а ценность материально обеспеченной жизни – к свободно-реализуемому.

Таблица 8.27

Частота встречаемости типов смыслообразования в контексте личностных ценностей в экспериментальных группах

Смысловой тип \ Группа	"реализуемые" (n=18)		"барьерные" (n=18)	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Барьерно-проблемный	0	0	1	8,(3)
Барьерный	1	8,(3)	3	25
Барьерно-реализуемый	1	8,(3)	1	8,(3)
Свободно-реализуемый	1	8,(3)	4	33,(3)
Профицитно-реализуемый	1	8,(3)	0	0
Нейтральный	8	66,(6)	3	25

Количественное соотношение отдельных смысловых типов ценностей в экспериментальных группах (табл. 8.27) показывает, что у «барьерных», в целом, больше ценностей барьерного и проблемно-барьерного типа, довольно много барьерно-реализуемых ценностей. Все эти типы задаются высоким значением индекса барьерности. В группе «реализуемых» наибольший процент относится к нейтральному типу, все остальные, кроме проблемно-барьерного типа, представлены в одинаковой мере. Возможно, большое количество нейтральных по смысловому типу ценностей в данной группе также можно объяснить ее большей вариативностью, что и приводит к отсутствию явных закономерных связей параметров важности и доступности ценностей в конкретных жизненных сферах. В целом же относитель-

но смыслового типа ценностей конкретных жизненных сфер можно утверждать, что группа «барьерных» сдвинута к полюсу барьерности по сравнению с группой «реализуемых».

Таким образом, исследование подтвердило наличие существенных различий между содержательными и темпоральными характеристиками жизненного мира человека в зависимости от соотношения тенденций барьерности и реализуемости личностных ценностей. Данные различия получены, во-первых, в отношении *иерархии ценностей*, определяющей направленность личности; во-вторых, в оценке *доступности определенных ценностей*; в-третьих, в *особенностях временной трансспективы*, связанных с восприятием событийной наполненности прошлого, настоящего и будущего своей жизни и проявляющихся в характеристиках *психологического возраста и реализованности*; в-четвертых, в *оценке эмоциональной насыщенности жизни* в целом. Это значит, что **ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства** личности имеет специфику, связанную с преобладанием в нем **реализуемости** и **барьерности** личностных ценностей. Соотношение данных тенденций, преобладание любой из них не связано с различиями в уровне осмысленности жизни, самооценки или ощущения контроля над жизнью. Выявлена закономерность **поляризации** тенденций **реализуемости** и **барьерности** личностных ценностей **в стратегии жизни**: более последовательное и полное воплощение преобладающей тенденции связано с более высоким уровнем осмысленности жизни, большей оценкой ее событийной реализованности, ощущением большего контроля над ней, и с меньшей оценкой степени эмоциональной насыщенности жизни. Смещение этих тенденций, когда они обе выражены в одинаковой мере, связано с меньшим уровнем осмысленности жизни, меньшей оценкой ее событийной реализованности, ощущением меньшего контроля над ней, но при этом большей степенью эмоциональной насыщенности жизни в целом.

ГЛАВА 9. ПРОФЕССИОНАЛЬНО И СОЦИО-КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНО- СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

Понятие *образа мира* как целостного образования, релевантного жизнедеятельности человека в целом, в современной психологии разрабатывается в тесной связке с понятием *образа жизни*, обобщенно и целостно представляющим собой систему деятельностей человека как интегративную характеристику его активности в специфической конфигурации качественных и количественных соотношений ее разных форм и видов. Фактически проблема соотношения образа мира и образа жизни в их единстве и противопоставлении представляет современный вариант трактовки фундаментальной теоретической проблемы о соотношении сознания и бытия, деятельности и сознания в психологии, которая от уровня изучения отдельных частных и конкретных психических актов пришла к исследованию психологических закономерностей, соотносимых с целостными контекстами человеческой жизни. В целом понимание соотношения образа мира и образа жизни разными авторами на уровне общих теоретических положений за исключением небольших различий в акцентах имеет много общего, что, возможно, вызвано еще недостаточной разработанностью данного поля исследований на конкретно-психологическом уровне.

В соответствии с представлениями теории психологических систем [Клочко, 1998; Клочко, Галажинский, 1999] понятие психологической системы включает субъективную (образ мира), деятельностную (образ жизни) компоненты и саму действительность – жизненный мир человека как онтологическое основание жизни человека, определяющий образ жизни и определяемый им. Под образом жизни здесь понимается совокупность сменяющих друг друга в ходе развития человека деятельностей, в том числе и профессиональных. Образ мира является идеальной конструкцией, отражением в сознании не всей (в себе и для себя) существующей объективной реальности, а только той ее части, которая является носителем системных (субъективных и объективных одновременно) качеств. Самоорганизация человека как сложной открытой психологической системы своим источником имеет противоречие между образом жизни (как живет человек) и образом мира (как он при этом понимает и объясняет для себя свой мир и свою жизнь в нем), и это противоречие постоянно воспроизводится, обуславливая динамику и того, и другого. Причиной изменения образа жизни является открытость человека как психоло-

гической системы. При этом образ жизни «фильтрует» все, что располагается за пределами жизненного мира человека, «пропуская» лишь то, от чего зависит возможность удержания системой собственной упорядоченности и целостности. Изменение образа жизни рассматривается В.Е. Ключко (1999) не как результат адаптации (в ее традиционном смысле) человека к новым условиям жизни – оно происходит одновременно с изменением структуры и содержания всего жизненного мира человека. Понятие жизненного мира включает единство его пространственно-временных характеристик (хронотопа) и системы ценностей человека.

В общеметодологическом плане во многом аналогична вышеописанной позиция В.П. Серкина (2005). В рамках обозначенного тематического поля он поставил задачу разработать схемы совместного описания образа мира и образа жизни в целях определения их индивидуальной и профессиональной специфичности. Трехслойной структуре образа мира было поставлено в соответствие трехуровневое описание образа жизни, включающее уровни внутренней деятельности, коммуникации и практической деятельности. Каждому из уровней образа жизни соответствует свое особое пространство и время: субъективное, конвенциональное и конструируемое. На основе анализа многочисленных исследований были систематизированы описания основных *особенностей профессионально обусловленного образа жизни* и формы их проявления. В эмпирических исследованиях получены разнообразные факты, показывающие *соответствие специфики семантического и перцептивного слоев образа мира профессионально заданному образу жизни*, при этом они *не обнаружены* в его глубинных, *ядерных слоях*. Автор приходит к выводу, что ядерный слой образа мира, определяемый сложившейся иерархией мотивов человека, является наиболее консервативным пластом образа мира, изменения которого происходят лишь через долговременное включение человека в профессионально обусловленный образ жизни и развитие соответствующих ему форм коммуникации и практической деятельности. Ярким примером устойчивости ядерного пласта образа мира в исследованиях стало его соответствие у студентов и их родителей, которое обнаруживается, несмотря на большие отличия, наблюдающиеся между ними в образе жизни, при этом семантический и перцептивный пласты образа мира демонстрируют различия, сопоставимые с разницей в образе жизни. Аналогичные результаты были получены и при исследовании военнослужащих.

На наш взгляд, данные результаты могут объясняться границами тех методов, которые использует психосемантический подход в исследовании ядерных слоев образа мира, и общей сложностью эмпи-

рической фиксации фундаментальных по своим функциям, но мало-рефлексируемых глубинных слоев образа мира. Как пишет В.В.Петухов (1984), без специально организованной рефлексии ядерные структуры, связанные с аффективными переживаниями, названные им «представление мира» в отличие от более конкретных и чувственных «представлений о мире», обнаруживаются только в форме специфических и мало исследованных пока переживаний, таких, как например, чувство внутренней определенности, очевидности или чувство реальности [Вилюнас, 1990].

Исходя из логики общетеоретических положений, мы предполагаем, что не только перцептивный и семантический, но и ядерный слой образа мира, представляющий устойчивые ценностно-смысловые образования личности, может иметь специфику, связанную с профессионально обусловленным образом жизни, которая отразится в особенностях ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности, его содержательных и динамических параметрах.

В еще большей степени, нежели профессионально, образ жизни обусловлен тем социокультурным пространством, в рамках которого человек формируется с детства и выстраивает пространство своей жизни. Различия содержательных аспектов ценностно-смыслового пространства личности в зависимости от культуры показаны в многочисленных кросскультурных исследованиях (именно такие сравнительные исследования В.В.Петухов (1984) считает способом, который создает условия для изучения ядерных структур образа мира). Однако особенности его динамических характеристик, которые изучались бы в единстве с содержательными, еще не становились предметом исследования, хотя есть все основания полагать, что не только устойчивая иерархия ценностей, определяющая направление активности человека в жизни и специфику его образа мира, но и реализуемость личностных ценностей может быть следствием особенностей образа жизни, которые связаны с включенностью человека в ту или иную культуру.

Цели раскрытия профессиональной и социокультурной специфики ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности были посвящены исследования, изложенные в разделах 9.1 и 9.2 данной главы. В первом параграфе описываются особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности, связанные с характером трудовой деятельности (интеллектуальный или физический труд), профессионально сформированных убеждений человека и некоторых профессионально специфичных форм организации трудовой деятельности (предпринимательство или работа в бюджетной организации). Во втором параграфе на материале кросс-

культурного исследования северо-американской и российской выборок раскрывается специфика как содержательных, так и динамических сторон ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства, задаваемая принадлежностью человека к определенной культуре.

9.1. Профессиональная специфика ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности

Широкие комплексные исследования человека на различных этапах его возрастного развития, и особенно в периоды взрослости, проведенные в школе Б.Г. Ананьева [Ананьев, 1977; 1980], показали, что развитие многих психических функций и процессов зависит от специфики трудовой деятельности. Развитие данного научного направления в современной психологии приводит к тому, что многие исследователи, исходя из изучения человека как субъекта труда, закономерно выходят за рамки только профессиональной деятельности и приходят к его рассмотрению в качестве субъекта жизни, характеризующегося профессионально обусловленными образом жизни и образом мира. В исследованиях, развивающих представление о человеке как субъекте жизни [Рубинштейн, 1987; Абульханова, 1991], также учитываются разработанные Б.Г. Ананьевым (1977) представления о человеке как субъекте труда, поскольку профессиональная деятельность – важная сфера развития личности взрослого человека.

В психологии специфика образа мира профессионала целенаправленно изучается не так давно, но при этом изучение его отдельных составляющих имеет достаточно длительную историю и восходит к трудам С.Г. Геллерштейна (1983) и И.Н. Шпильрейна (1983), в которых вместе с описанием требований, предъявляемых к профессионалам, появились элементы описания профессионально обусловленного отношения человека к предметам и средствам профессиональной деятельности. В.В. Серкин (2005) связывает существовавшую в течение довольно длительного периода развития психологии труда фрагментарность таких описаний тем, что не ставилась задача целостного описания субъективного мира профессионала. Более приближенными к ее решению он называет подходы, связанные с описанием профессиональной направленности личности и системным описанием профессиональной деятельности [Иванова, 2003; Климов, 1980, 1995; Стрелков, 1992, 1999 и др.].

Существенный теоретический шаг в создании представлений о субъективном мире профессионала был сделан Н.Ю. Артемьевой (1980, 1999), которая ввела понятие мира профессии для обозначения особого профессионально обусловленного отношения человека к

предметам и средствам профессиональной деятельности, а также применила в целях его изучения методы семантического оценивания. Появление нового продуктивного метода в данном предметном поле инициировало целый ряд исследований, направленных на выявление особенностей семантических пространств и оценивания как профессионально значимых, так и неспецифических для той или иной профессии стимулов и проведенных под руководством Н.Ю. Артемьевой [Артемьева 1980, 1999; Артемьева, Вяткин, 1986; Стрелков, 1992; Урунтаева, 1981 и др.]. В них была показана профессионально обусловленная специфика семантического оценивания стимулов разной модальности и амодальных стимулов, которая свидетельствует о существовании специфики образа мира профессионала. Осмысление основных результатов данного направления исследований и привело к заключению о том, что существует не только мир профессий как профессионально заданное отношение к предметам и средствам профессиональной деятельности, но и специфика всего образа мира, обусловленная профессиональной деятельностью и процессом профессионализации [Климов, 1995; Стрелков, 1999; Серкин, 2005]. Существование профессионально обусловленного образа мира было также показано через анализ текстов о профессиях [Климов, 1995], исследование специфичности и смысловой дифференцированности образа мира у директоров школ [Юсупов, 2003], изучение семантических характеристик профессиональной направленности врачей [Абдуллаева, 1993], пространственно-временных аспектов организации образа мира инспекторов рыбоохраны [Бахтина, 2004] и др. Обобщение исследований профессиональной специфичности семантического и перцептивного слоев образа мира осуществлено В.П. Серкиным [2005], в исследованиях которого показано также, что данная специфика распространяется и на более широкие, выходящие за рамки профессии жизненные контексты, изменяя сначала практическую деятельность и коммуникации человека, а затем и ядерные слои образа мира.

Итак, в многочисленных исследованиях показано, что профессионально обусловленный образ жизни детерминирует специфику образа мира профессионала. Это дает основания полагать, что реализуемость личностных ценностей, отражающая глубинные аспекты образа мира, которые задают ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства личности, также зависит от профессионально обусловленного образа жизни. Соотнесение параметра барьерности – реализуемости личностных ценностей с профессиональной деятельностью человека позволит дополнить уже имеющиеся подходы к исследованию профессиональных миров. В то же время через выявление ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства людей

разных профессий можно на новом материале прозондировать содержательные возможности разрабатываемого конструкта.

Ярко выраженную профессионально обусловленную специфичность ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства закономерно ожидать в те периоды жизни, когда человек уже прошел путь профессионального становления и сформировался как профессионал, а особенности, связанные с характером трудовой деятельности, отложились в различных аспектах функционирования личностных ценностей. Поэтому изучение интересующих нас параметров жизненного пространства в период средней зрелости, который, с точки зрения современных возрастных периодизаций [см. *Крайг, 2002; Психология человека от рождения до смерти, 2002*], приблизительно соответствует временному отрезку жизни человека от 40 до 60 лет, может дать репрезентативный материал.

Данный период жизни человека характеризуется и специфическими возрастными задачами, закономерно встающими перед человеком и требующими определенной рефлексивной деятельности по построению осмысленного отношения к собственному жизненному пути и к сознательно принятой или стихийно сложившейся концепции жизни. К этому времени, как правило, человек уже достигает определенного пика в социальном и профессиональном развитии, что ведет к появлению чувства самоэффективности в важных областях жизни. Вместе с тем будущее уже не представляется неопределенным и не несет в себе таких безграничных возможностей, как ранее. В условиях объективно сокращающейся временной перспективы [*Братусь, 1980*] человек все чаще начинает задумываться о быстром течении времени жизни и о конечности своего бытия, оказывается перед необходимостью нахождения и оправдания смысла своего существования. Многих людей в середине жизни начинают беспокоить вопросы реализации своего творческого потенциала, опасения по поводу профессионального застоя и упущенных возможностей [*Крайг, 2002*].

В этих условиях человек, с точки зрения Э. Эриксона (1996 а), может перейти либо к генеративности, интегрируя работу и семейную жизнь, увеличивая свой культурный потенциал и выполняя профессиональную общественную деятельность, либо пойти по пути поглощения собой и стагнации, оказываясь не в состоянии найти ценность собственной личности, постоянно подвергаясь чувству неудовлетворенности жизнью. В выборе того или иного способа овладения процессом собственной жизни далеко не последнюю роль играет также характер профессиональной деятельности человека. Возможность реализации долгосрочных профессиональных целей, корректировки развития карьеры и решения сложных профессиональных задач, а

также относительная свобода в принятии самостоятельных решений и проявлении инициативы являются факторами, повышающими толерантность человека среднего возраста к негативному влиянию ощущения стремительного хода времени. Следовательно, существенным ресурсом решения задач возрастного развития человека на данном этапе выступает профессиональная деятельность, связанная и с определенным уровнем его образования.

Итак, все вышесказанное обосновывает предположение о наличии профессионально обусловленной специфики образа мира, выражающейся в особенностях ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности в период средней зрелости, определяемых в том числе параметрами барьерности – реализуемости личностных ценностей.

Данное предположение было проверено в следующих двух исследованиях. В первом из них выявляются особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности, связанные со спецификой барьерности и реализуемости ценностей, в зависимости от характера трудовой (умственной или физической) деятельности (раздел 9.1.1). Во втором (раздел 9.1.2) прослеживается связь барьерности и реализуемости ценностей в образе мира с профессионально сформированными убеждениями человека и спецификой формы организации трудовой деятельности (предпринимательство или работа в бюджетной организации).

9.1.1. Особенности ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности в зависимости от характера профессиональной (умственной или физической) деятельности

Как обнаружено в психологии развития человека, решение возрастных задач в период средней и поздней зрелости существенным образом зависит от характера профессиональной деятельности и уровня образования человека [Ананьев, 1980; Крайг, 2002; Психология человека от рождения до смерти, 2002]. Возможность противостоять сокращению временной перспективы выше у тех, кто имеет более высокий уровень образования и занимается такими видами деятельности, масштаб которых позволяет постоянно ставить новые задачи, иногда выходящие за рамки одной человеческой жизни. Это касается в частности научно-исследовательской деятельности и вовлеченных в нее ученых, для которых каждое продвижение в теме обнаруживает новые горизонты познания и дальнейшего движения. В то же время многие другие профессии, связанные с невысоким уровнем образования и имеющие ограниченные зоны карьерного и профессионального роста, не имеют того содержания, которое позволяло бы человеку двигаться в своем развитии и намечать новые профессиональные за-

дачи. К таковым можно отнести, например, некоторые профессии, связанные с физическим трудом. Поэтому можно предположить, что ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства, определяемый сочетанием смыслового типа ценностей конкретных жизненных сфер имеет специфику, задаваемую типом (умственная или физическая) профессиональной деятельности. Причем у работников умственного труда будут в большей степени представлены ценностно-смысловые зоны, характеризующиеся реализуемостью личностных ценностей, тогда как у работников физического труда в большей степени будут встречаться барьерные их типы. Аналогичное предположение можно выдвинуть и в отношении индивидуальных показателей степени барьерности – реализуемости ценностей. Соответственно, для эмпирической проверки можно сформулировать две *гипотезы*.

1) Индивидуальные индексы континуума барьерности – реализуемости личностных ценностей у работников умственного труда по сравнению с работниками физического труда сдвинуты в зону реализуемости.

2) Смысловые типы ценностей конкретных жизненных сфер у работников умственного труда по сравнению с работниками физического труда характеризуются сдвигом в зону реализуемых типов смыслообразования.

Организация и методы исследования*. В исследовании принимали участие 96 человек в возрасте от 40 до 50 лет, из них 46 человек имеют высшее образование и занимаются интеллектуальной деятельностью (женщины и мужчины поровну), а 50 имеют среднее или среднее специальное образование и заняты физическим трудом (женщины и мужчины поровну). Тестирование с каждым участником проводилось индивидуально, участие в нем было добровольным.

Для сбора эмпирических данных применялись следующие методики.

1) Ранжирование личностных ценностей по критериям значимости и субъективно оцениваемой доступности – производилось методом попарного сравнения 12 терминальных ценностей между собой в соответствии с модификацией методики М. Рокича, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). Для определения смыслового типа ценностей отдельных жизненных сфер для каждой группы и подгруппы испытуемых определялись индексы барьерности и реализуемости по каждой ценности. Рассчитывались индивидуальные *индекс реализуемости* (мера прямой корреляционной связи параметров важности и доступности ценности) и *индекс барьерности* (мера прямой корреляционной связи параметров важности ценности и степени рассогласования важности и доступности) для каждого испытуемого.

* Исследование проведено Е.Ю. Лисицыной (2006) в рамках дипломной работы, выполненной под нашим руководством.

2) Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО), адаптированный Д.А. Леонтьевым (1992 в) и содержащий стандартные шкалы: цели в жизни; процесс жизни; результативность жизни; локус контроля–Я; локус контроля–жизнь; общий показатель осмысленности жизни. Эта методика позволила выявить общее состояние удовлетворенности жизнью.

Для обработки полученных данных применялись математические методы сравнительного и корреляционного анализа. Для каждой группы и подгруппы испытуемых вычислялись средние арифметические значения показателей с последующим их статистическим сравнением по t-критерию Стьюдента для несвязанных выборок. Проводился корреляционный анализ по формуле Пирсона и дивергентный анализ значимости различий структуры корреляционных матриц.

Поскольку жизненный путь человека имеет очень важную – в смысле детерминации как жизненных задач, так и способов деятельности и всего образа жизни – гендерную специфику, которая проявилась и в отношении барьерности – реализуемости личностных ценностей (см. гл. 2), то проводилось сопоставление как групп испытуемых, отличающихся по целевым профессиональным признакам, так и разделенных на подгруппы как по гендерному, так и групп, по профессиональному признакам.

Результаты. Сравнительный анализ средних показателей индивидуального индекса реализуемости в группах, отличающихся по характеру трудовой деятельности, показал, что, как и предполагалось, в группе умственного труда индексы реализуемости по сравнению с группой физического труда выше, (табл. 9.1), различия между средними показателями статистически достоверны.

Сравнение средних показателей индивидуального индекса реализуемости в группах, смешанных по профессиональному и отличающихся по гендерному признаку, показало, что индекс реализуемости несколько выше у мужчин (табл. 9.1), но различие не является статистически достоверным.

Таблица 9.1

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах умственного и физического труда и в группах мужчин и женщин.

Группы \ Показатели	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	t-факт.	Достоверность различий
Группа умственного труда (n=50)	0,25 (0,46)	2,23	p<0,05
Группа физического труда (n=46)	0,10 (0,11)		
Женщины (n=48)	0,16 (0,41)	-1,81	-
Мужчины (n=48)	0,21 (0,46)		

t-крит.=2,015 (p<0,05); n – численность выборки.

Итак, гендерные различия оказываются гораздо менее выраженными по сравнению с профессиональными. Это подтверждается и при сравнении средних показателей индивидуальных индексов реализуемости в подгруппах, разделенных по сочетанию двух признаков – характеру трудовой деятельности и гендерной принадлежности. Разделение групп умственного и физического труда на мужские и женские подгруппы показывает отсутствие статистически достоверных различий между ними. Тогда как разделение групп женщин и мужчин на подгруппы по характеру трудовой деятельности показывает ту же картину различий между ними, что и в совокупной выборке (табл. 9.2).

Таблица 9.2

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости личностных ценностей мужчин и женщин с разным характером трудовой деятельности

Группы		Показатели	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	t -факт.	Достоверность различий
Группа умственного труда	женщины (n=25)		0,20 (0,41)	-1,29	-
	мужчины (n=25)		0,30 (0,49)		
Группа физического труда	женщины (n=23)		0,09 (0,41)	-0,31	-
	мужчины (n=23)		0,12 (0,49)		
Женщины	ум. труд (n=25)		0,20 (0,41)	2,27	$p \leq 0,05$
	физ. труд (n=23)		0,09 (0,41)		
Мужчины	ум. труд (n=25)		0,30 (0,49)	2,05	$p \leq 0,05$
	физ. труд (n=23)		0,12 (0,49)		

t -крит.=2,012 ($p < 0,05$); n – численность выборки.

Следовательно, первая гипотеза подтвердилась. В группе работников физического труда индивидуальные показатели континуума барьерности – реализуемости действительно сдвинуты в направлении полюса барьерности по сравнению с группой работников умственного труда.

Подобная картина, по-видимому, объясняется тем, что в условиях снижения в период средней зрелости физиологической активности организма и объективно сокращающейся временной перспективы такие факторы, как высокий уровень образования и интеллектуальная деятельность, позволяют научным работникам противостоять этим изменениям и, опираясь на свой интеллектуальный и образовательный ресурс, выстраивать временную перспективу собственной жизни.

В то же время люди, имеющие среднее образование и занятые деятельностью, требующей именно физической активности, не располагают этими ресурсами и оказываются менее защищенными перед сокращающейся временной перспективой. Это затрудняет поиск возможных сфер собственной реализации, что и приводит к преобладанию барьерной составляющей смыслообразования в контексте ценностей основных жизненных сфер.

Подтверждением данной интерпретации полученных фактов являются результаты сравнения параметров осмысленности жизни в экспериментальных группах, которое выявило существенные различия в уровне осмысленности жизни между работниками, занятыми в разных сферах трудовой деятельности (табл. 9.3), при отсутствии какой-либо гендерной специфики внутри групп занятых в одном и том же виде трудовой деятельности (табл. 9.4).

Таблица 9.3

Сравнение показателей теста смысложизненных ориентаций в группах с различным характером трудовой деятельности

Показатели Группа	Шкалы теста СЖО \bar{a} (σ)					
	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-жизнь	Общий балл
Группа умственного труда (n=50)	34,1 (3,9)	29,8 (7,2)	24,8 (3,4)	21,1 (3,4)	29,7 (8,1)	101,3 (15,9)
Группа физического труда (n=46)	28,5 (5,0)	25,0 (4,9)	23,3 (5,2)	18,4 (3,5)	25,5 (8,9)	88,0 (14,9)
<i>t</i> -критерий	5,80	3,99	2,20	4,80	4,80	4,31
Уровень значимости различий	p<0,001	p<0,001	p<0,05	p<0,001	p<0,001	p<0,001

t-крит.=2,01 (p<0,05), *t*-крит.=3,64 (p<0,001)

В группе работников умственного труда показатели по всем шкалам теста смысложизненных ориентаций находятся в диапазоне средних, приближаясь к высоким значениям. Это значит, что и женщины, и мужчины, занятые умственным трудом, находят свою жизнь осмысленной, имеющей определенную направленность и временную перспективу. Их планы имеют опору в настоящем и подкрепляются личной ответственностью за их реализацию. Сам процесс жизни переживается как достаточно насыщенный и интересный, при этом они чувствуют в себе силы и возможность строить жизнь в соответствии с собственными целями и контролировать ее. В то же время у работников, имеющих среднее или среднее специальное образование и занятых физическим трудом, в этом возрасте наблюдаются существенно более низкие величины всех параметров осмысленности жизни. Для

них характерно обесценивание настоящего в сочетании с чувством некоторой неудовлетворенности уже пройденным этапом своей жизни и отсутствием ясных перспектив в будущем. Это сочетается с их убежденностью в том, что жизнь практически неподвластна сознательному контролю, менее характерно переживание себя хозяином собственной жизни. В совокупности все это дает более низкие оценки общего уровня осмысленности собственной жизни работниками физического труда, что обуславливает их меньшую защищенность перед сокращением временной перспективы жизни.

Таблица 9.4

Сравнение показателей теста СЖО мужчин и женщин внутри групп с различным характером трудовой деятельности

Группы	Группа умственного труда			Группа физического труда		
	женщины (n=25)	мужчины (n=25)	t-факт	женщины (n=23)	мужчины (n=23)	t-факт
Показатели						
Цели в жизни	33,87 (5,15)	34,35 (4,02)	-0,35 -	27,60 (5,57)	29,88 (2,71)	-1,37 -
Процесс жизни	29,26 (5,62)	30,30 (3,64)	-0,75 -	24,76 (4,86)	25,24 (4,01)	-0,99 -
Результативность жизни	24,74 (3,91)	24,87 (2,36)	-0,14 -	22,56 (4,25)	24,04 (2,37)	-1,52 -
Локус контроля-Я	20,70 (3,64)	21,48 (2,15)	-0,89 -	17,72 (3,01)	19,04 (1,81)	-1,88 -
Локус контроля-жизнь	29,09 (5,70)	30,22 (3,52)	-0,41 -	24,48 (4,86)	26,44 (2,80)	-1,84 -
Общий показатель	100,43 (16,18)	102,17 (12,06)	-1,30 -	85,80 (13,26)	89,14 (8,02)	-1,97 -

t-критич.=2,015 (p≤0,05)

Для проверки второй гипотезы проанализируем количественное соотношение смысловых типов ценностей в экспериментальных группах, а для характеристики ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства рассмотрим смысловые типы ценностей конкретных жизненных сфер. Поскольку в предыдущих исследованиях (раздел 5.3) была обнаружена ярко выраженная гендерная специфика типов смыслообразования в контексте ценностей конкретных жизненных сфер, то данный анализ проводился в группах, разделенных как по профессиональному, так и по гендерному признакам, данные которых представлены в табл. 9.5 и 9.6.

Таблица 9.5

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей конкретных жизненных сфер в выборке женщин

№	Ценности	Умственный труд (n=23)		Физический труд (n=25)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,26	0,41	0,01	0,58
2	Здоровье	-0,17	0,68	-0,13	0,76
3	Интересная работа	0,53	0,16	0,47	0,47
4	Красота природы и искусства	0,34	0,42	-0,11	0,50
5	Любовь	0,65	0,24	0,04	0,65
6	Материально обеспеч. жизнь	0,36	0,76	0,48	0,43
7	Наличие хороших друзей	0,62	0,29	0,72	-0,01
8	Уверенность в себе	0,36	0,38	0,12	0,67
9	Познание	0,04	0,67	-0,07	0,73
10	Свобода	0,58	0,37	0,11	0,71
11	Счастливая семейная жизнь	0,41	0,27	0,40	0,04
12	Творчество	0,28	0,51	0,23	0,47

Таблица 9.6

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей конкретных жизненных сфер в выборке мужчин

№	Ценности	Умственный труд (n=23)		Физический труд (n=25)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,34	0,58	0,33	0,69
2	Здоровье	0,01	0,73	0,26	0,36
3	Интересная работа	0,36	0,57	0,17	0,55
4	Красота природы и искусства	0,39	0,47	-0,20	0,67
5	Любовь	0,65	0,22	-0,03	0,50
6	Материально обеспеч. жизнь	0,00	0,87	0,03	0,54
7	Наличие хороших друзей	0,73	0,09	0,44	0,15
8	Уверенность в себе	0,38	0,66	-0,04	0,66
9	Познание	0,51	0,72	0,44	0,30
10	Свобода	0,01	0,69	0,27	0,53
11	Счастливая семейная жизнь	0,79	0,48	0,32	0,33
12	Творчество	0,62	0,54	0,19	0,41

Жирным шрифтом выделены достоверные (на уровне $p \leq 0,05$ и более) коэффициенты корреляции; ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности.

Количественное соотношение смысловых типов ценностей в группе физического труда в целом показывает (табл. 9.7), что наибольший процент ценностей относится к проблемно-барьерному и барьерному типам (более 56 %) и наименьший процент – к свободно-реализуемому, тогда как у группы умственного труда процент ценностей проблемно-барьерного и барьерного смыслового типов значительно меньше, а ценностей барьерно-реализуемого и свободно-реализуемого типов больше (более 65 %).

Таблица 9.7

Частота встречаемости типов смыслообразования в группах мужчин и женщин с различным характером трудовой деятельности (в %)

Тип смыслообразования	Группа умственного труда		Группа физического труда	
	женщины (n=25)	мужчины (n=25)	женщины (n=23)	мужчины (n=23)
Барьерно-проблемный	8,3	0,0	25,0	25
Барьерный	25,0	25	41,6	41,6
Барьерно-реализуемый	33,3	58,3	16,7	25
Свободно-реализуемый	33,3	16,7	16,7	8,3

Следовательно, можно говорить о преобладании барьерных типов смыслообразования в контексте ценностей конкретных жизненных сфер у представителей физического труда, и реализуемых – у работников умственного труда. Значит, вторая гипотеза о сдвиге типов смыслообразования ценностей конкретных жизненных сфер у работников умственного труда в зону большей реализуемости также нашла свое эмпирическое подтверждение.

Для описания ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства, определяемого сочетанием смысловых типов ценностей конкретных жизненных сфер, был проведен их качественный анализ в экспериментальных выборках. Он выявил ценности, которые устойчиво относятся к одному смысловому типу, не имеют гендерной специфики и не зависят от характера трудовой деятельности, как и ценности, имеющие в различных выборках различные смысловые типы.

В зоне барьерного типа смыслообразования во всех группах находится ценность «Здоровье», причем в женских подгруппах это выражено более ярко, поскольку у них она относится к проблемно-барьерному смысловому типу, а в мужских – к барьерному. Кроме уже упоминавшейся ранее распространенной в нашей культуре практики обострения внимания к здоровью именно в периоды нездоровья и не очень большой заботы о нем в периоды хорошего самочувствия,

а также представления о здоровье как о том, что мало зависит от самого человека, этот результат можно соотнести и с закономерными возрастными изменениями организма, придающими смыслу ценности здоровья более напряженный характер. Так, в возрастном периоде средней зрелости (40 – 60 лет) у большинства людей возникают изменения физиологической активности организма, его соматических свойств: обостряются хронические и начинают проявляться новые заболевания, наблюдается спад половой функции. Поскольку эти изменения воспринимаются как «объективные», «возрастные», то соматическое здоровье становится зоной менее освоенного жизненного пространства, что и проявляется в росте барьерной составляющей смысла ценности здоровья. В наименьшей степени это выражено у мужчин группы физического труда, может быть, в силу характерного для мужчин в целом меньшего внимания к своему здоровью и недостаточного для контроля над ним уровня образования.

Свободно-реализуемой для всех исследуемых групп является ценность «Наличие хороших и верных друзей», что отражает преобладание тенденции к согласованию в контексте данной ценности. В отношении мужчин полученные результаты соответствуют результатам наших исследований, проведенным на других возрастных выборках. Что касается женщин, то смысловой тип данной ценности не соответствует результатам, полученным на выборках более молодых женщин (20 – 40 лет), у которых он был барьерным и барьерно-реализуемым (раздел 5.3). Полученные же в данном исследовании результаты, в соответствии с которыми ценность дружбы для женщин является свободно-реализуемой, также можно объяснить возрастными особенностями испытуемых (40 – 50 лет). Если для женщин предыдущего возрастного периода включенность в семейные дела и хозяйственные заботы, как правило, не способствует освобождению временных и душевных ресурсов для дружеских отношений, то после 40 лет часто происходят закономерные изменения образа жизни женщин: взросление и обретение самостоятельности детьми, их психологическое, а в ряде случаев и территориальное отдаление от родительской семьи вызывает у женщин необходимость установления и развития контактов вне семьи. Женщина получает возможность переключиться на себя и больше времени уделять собственному досугу в кругу «старых добрых» подруг и новых приятельниц.

Однако большинство ценностей имеют разный смысловой тип и обнаруживают специфику, обусловленную как особенностями трудовой деятельности, так и гендерными отличиями. Причем в одной группе ценностей выявлена только гендерная специфика, в другой – различия, связанные лишь с характером трудовой деятельности, а в

третьей – наблюдается относительно свободное варьирование смысловых типов ценностей.

В круг ценностей, смысловой тип которых в большей степени *зависит от характера трудовой деятельности* и не демонстрирует гендерную специфику, вошли ценности любви и уверенности в себе, а также красоты природы и искусства.

Наиболее контрастные различия касаются ценности любви: у всех работников, занятых научной деятельностью, она характеризуется свободно-реализуемым смысловым типом, в то время как у работников, занятых физическим трудом, – барьерным. Ценность любви в своей реализации подразумевает взаимодействие со значимым другим, не находится в зоне контроля только одного человека, а зависит от обоих партнеров. Если в юношеском возрасте и молодости любовь во многом зависит, а в ряде случаев даже определяется силой полового влечения, то в средних возрастах на первый план выходит наличие практики близкого, психологически интимного общения, взаимопонимания и взаимоуважения. По всей видимости, более высокий уровень образования и интеллектуальная деятельность связаны с большими ресурсами для регуляции жизни в данной сфере. Возможно также, что у людей умственного труда, имеющих высшее образование, понятие любви имеет другую смысловую интерпретацию, которая в большей степени связывает это понятие с аспектами психологической интимности, нежели с половым влечением.

Столь же значительный сдвиг смыслового типа в направлении полюса барьерности смыслообразования в зависимости от вида трудовой деятельности выявляется и в контексте ценности «Красота природы и искусства». У научных работников ей присущ барьерно-реализуемый смысловой тип, в то время как у людей, занятых физическим трудом, она попадает в зону проблемно-барьерного типа смыслообразования, свидетельствующего о максимальной поляризации мер важности и доступности ценности, что говорит о меньшей освоенности людьми физического труда данной зоны жизненного пространства. По всей видимости, формы организации и характер физического труда дают меньше возможностей соприкосновения с ценностью красоты, чем интеллектуальные занятия. Впрочем, это может зависеть как от разницы в уровне образования, так и в образе жизни исследуемых групп.

Аналогичная, но чуть меньшая разница проявляется относительно ценности «Уверенность в себе»: у работников сферы умственного труда она является барьерно-реализуемой, а физического – барьерной. По всей видимости, наличие высшего образования, а зачастую и ученой степени, занятость в научных исследованиях в большей сте-

пени поддерживают у работников, занятых умственной деятельностью, ощущение уверенности в себе и собственных силах. У представителей же физического труда, получивших среднее или среднее специальное образование около 25 – 30 лет назад, в условиях стремительного развития информационных технологий и постоянного обновления технического оснащения производства, изменения общественных отношений, уверенность в себе становится очень значимой, но менее доступной сферой.

В круг ценностей, смысловой тип которых в большей степени *зависит от гендерной специфики* и не выявляет зависимости от характера трудовой деятельности, вошли такие ценности как «Активная деятельная жизнь», «Материально-обеспеченная жизнь», «Познание» и «Счастливая семейная жизнь».

Реализуемость ценностей «Активная деятельная жизнь» и «Познание» выше в группе мужчин (барьерно-реализуемый смысловой тип), тогда как у женщин они являются барьерными по сравнению с мужчинами. Барьерный характер первой ценности, по всей видимости, можно объяснить снижением общего уровня жизненного тонуса и физической активности в зрелом возрасте, что ярче выражено у женщин. С ценностью познания в нашей культуре обычно ассоциируют расширение своего кругозора и образования и не связывают познание жизни в ее повседневных проявлениях. Вместе с тем, как отмечает ряд исследователей, познавательная потребность становится особенно актуальной для женщины в зрелом возрасте. Переживания, связанные с ощущением сокращающейся временной перспективы собственной жизни, делают женщину уязвимой к признакам увядания, появляются страх перед реальностью и отношение к прошлому как сверхценному. Чтобы избежать обесценивания настоящего и будущего, женщине необходимо овладеть обобщенной концепцией жизни, основанной не на эмоциях, а на рефлексивном, рациональном отношении к ней. Фактически женщина встает перед глобальной задачей использования своего интеллекта для решения задач своего же развития [Крайг, 2002]. В связи с этим многие женщины начинают ощущать в себе недостаток собственного мышления о жизни, в результате чего развитие через познание приобретает для них особую значимость.

Проявился достаточно типичный гендерный рисунок различий относительно ценности «Материально обеспеченная жизнь», который традиционно у мужчин сдвинут в зону барьерного полюса (барьерный смысловой тип), а у женщин в данной выборке, как и во многих других, он является барьерно-реализуемым, т. е. помимо тенденции рассогласования присутствует также тенденция к согласованию меры

важности и доступности ценности. Здесь явно прослеживается действие возрастного фактора в сочетании со сложившимися в нашей стране социокультурными условиями. Традиционно роль главы семьи и ее «кормильца» принадлежит мужчине, женщины же чаще оценивают свой заработок как дополнительный в семейном бюджете, что особенно характерно для более старших поколений. Экономические преобразования, повлекшие за собой нестабильность финансирования науки и многих отраслей экономики в сочетании с желанием стабильности и низкой мобильностью в зрелом возрасте, а также почти полное отсутствие предложений на рынке труда для данной возрастной категории граждан практически исключает возможность значительного улучшения материального положения, в связи с чем материальное благополучие для представителей «сильного пола» становится более напряженной ценностью, что проявляется в большом различии представлений о ее важности и доступности у мужчин и женщин.

Значительное различие смыслового типа между мужчинами и женщинами обнаружилось в отношении ценности «Счастливая семейная жизнь». Занимая высокие (первый или второй) ранги в иерархии ценностей у большинства мужчин и женщин, эта ценность в обеих женских выборках характеризуется как свободно-реализуемая, в то время как в обеих мужских выборках она является барьерно-реализуемой. Это отличает и женщин, и мужчин данной возрастной группы от других возрастных категорий. Как было выявлено ранее (раздел 5.3), у женщин в возрастных категориях от 20 до 30 и от 30 до 40 лет данная ценность обычно является барьерной или барьерно-реализуемой, а у мужчин в эти же периоды она относилась к свободно-реализуемому типу. Вероятно, можно говорить о повышении меры освоенности данной сферы жизни женщинами в период от 40 до 50 лет, тогда как у мужчин обеих исследуемых групп ценность степень освоенности данной сферы жизни уменьшается по сравнению с предыдущим возрастным периодом. По всей видимости, такие изменения смыслового типа данной ценности у тех и других можно связать с теми непростыми жизненными задачами, которые встают перед ними в зрелом возрасте.

Первая связана с изменениями в функционировании организма и обусловлена физиологическими процессами, а вторая – изменениями в структуре семьи. Различные подходы к решению этих задач находят отражение в различных механизмах переработки и осмысления несогласования между важностью и субъективно воспринимаемой степенью реализованности ценности семейной жизни. Одним из главных стрессовых факторов для мужчин этого возраста является закономерное снижение половой активности, что неизбежно приносит нега-

тивные переживания (прежде всего, чувство неуверенности) в восприятие отношений с супругой и может придавать напряжение смыслу данной ценности у мужчин. Физиологическое состояние женщины в меньшей степени проецируется на супружеские отношения, ограничиваясь, как правило, беспокойством относительно своей привлекательности.

Кроме того, в этот период происходит резкое изменение социального и психологического пространства жизни, связанного с тем, что выросшие дети покидают дом, обзаводятся собственными семьями и вместе с их уходом из семьи одновременно в пространстве жизни появляется много «чужих людей» – новых родственников. Эта качественно новая ситуация развития, связанная с принятием на себя новых социальных ролей, как правило, более активно осваивается женщинами, берущими на себя функции помощи молодым семьям в воспитании и заботе о детях, хозяйственном обустройстве. В ориентировку в изменившемся психологическом пространстве своей семьи, определение своего нового места в системе социальных отношений, требующих существенных энергетических и душевных ресурсов, женщины вовлекаются в большей по сравнению с мужчинами степени, что и задает реализуемость важной для них ценности семейной жизни. Мужчины же при решении этой задачи чаще проявляют себя более пассивно: их желание сохранить отношения с членами своей семьи наталкивается на психологическую неготовность впустить в ее пространство «чужих» людей. Это может обусловить ощущение уменьшения своего контроля в этой сфере, что и выражается в появлении у них тенденции к рассогласованию значимости и доступности ценности счастливой семейной жизни. Полученные результаты вполне согласуются с данными о том, что семья, становясь более значимой для мужчин более старших возрастных категорий, не является при этом достаточно освоенной зоной жизненного пространства.

И, наконец, в отношении ценностей «Свобода», «Творчество» и «Интересная работа» не обнаружено устойчивой специфики смысловых типов в зависимости от гендерной или профессиональной специфики. Ценность свободы наиболее реализуема у женщин умственного труда – у них данная ценность является барьерно-реализуемой, а в обеих мужских выборках и в выборке женщин, занятых физическим трудом, является барьерной. Ценность творчества более реализуема в выборке мужчин, работающих в научной сфере (у них данная ценность является барьерно-реализуемой), при этом она является барьерной у всех женщин, а также у мужчин, занятых физическим трудом.

Самой вариативной по смысловому типу в экспериментальных группах является ценность «Интересная работа». Наиболее реализуе-

мой она является в выборке женщин, занятых умственной деятельностью (свободно-реализуемый тип), в выборке мужчин интеллектуального труда и выборке женщин физического труда нарастает степень ее барьерности (барьерно-реализуемый тип), а в выборке мужчин, занятых физическим трудом, степень ее барьерности является наибольшей (барьерный смысловой тип).

Таким образом, наше предположение, конкретизированное в двух гипотезах, нашло свое подтверждение. В группе работников физического труда индивидуальные показатели континуума барьерности – реализуемости сдвинуты в направлении полюса барьерности по сравнению с группой умственного труда. Такие же отличия обнаружены и относительно смысловых типов ценностей конкретных жизненных сфер: в группе физического труда они сдвинуты в направлении полюса барьерности по сравнению с группой умственного труда. Рельеф жизненного пространства, описываемый сочетанием смысловых типов ценностей, выявил зависимость некоторых ценностей от специфики профессиональной деятельности, которая действует в сочетании с гендерной. Вместе с тем часть ценностей имеют более стабильный, не зависящий от характера трудовой деятельности смысловой тип.

9.1.2. Барьерность-реализуемость личностных ценностей в зависимости от средств деятельности и профессионально обусловленных убеждений*

В предыдущем разделе была описана специфика ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства, зависящая от наиболее общих характеристик трудовой деятельности, коими являются умственный или физический характер труда, – крупным планом и в группах, различающихся между собой не только характером трудовой деятельности, но и сопряженными с ним уровнем образования и образом жизни. Однако было бы интересно проследить и более тонкие и дифференцированные содержательные связи смыслового типа ценностей со средствами и способами организации профессиональной деятельности. Попытка их выявить была предпринята в исследовании, где специфика смыслового типа ценностей ведущих сотрудников крупных сетевых компаний выявлялась при их сравнении с работниками более традиционных способов организации трудовой деятельности в бюджетной сфере.

* Раздел основан на анализе материалов, собранных студенткой факультета психологии КГУ П.В. Морозовой (2006) в рамках выполненной под нашим руководством дипломной работы.

Сетевым маркетингом (*Network Marketing*) называют особую систему распространения товаров и услуг, характеризующуюся специфической системой вознаграждения за работу. Она зародилась в 70-х годах прошлого века и называлась Многоуровневый маркетинг (Multi-Level Marketing – МЛМ), и, хотя в 80-х годах сменила свое название, не изменила при этом сути [Дубковский, 2000]. К этому времени она завоевала прочное место в мировой экономике, имея ежегодные обороты в несколько десятков миллиардов долларов и много миллионов участвующих в этом деле людей. В конце 80-х сетевой маркетинг пришел в Россию и пустил уже за первое десятилетие глубокие корни во всех регионах нашей страны. К началу XXI в. в России насчитывалось уже более ста сетевых компаний, объединяющих в своих рядах около 3 миллионов человек.

Характеристика профессиональной деятельности в сфере сетевого маркетинга определяется и особенностями конкретного типа компании. Действующие в настоящее время в России МЛМ-фирмы можно условно разделить на западные и российские [Соловьев, эл. ресурс]. К традиционно западным МЛМ-фирмам относят международную компанию «Vision» (ВИЗ), основателями которой, хоть она и задумывалась для России, являются предприниматели из Франции. Производство выпускаемых товаров находится за пределами России, но разработано с учетом питания российских граждан. Продукты направлены на улучшение здоровья, к ним относят как пищевые добавки и лечебную косметику, так и лечебную одежду. Клиентами компании являются достаточно обеспеченные слои населения. Вход в компанию требует значительных капиталовложений. Обучение проходит чаще на семинарах, а в качестве повышения квалификации сотрудники посещают дорогие мастер-классы, обучаются в частных школах и ездят на авторские семинары. Одним из главных принципов работы является так называемая «накачка эмоциями», как правило, в форме шумных мотивационных мероприятий [Гаврилова, 1999].

К традиционно российским МЛМ-фирмам относят зарегистрированную в 1999 г. компанию «Родник здоровья» (РоЗ). Компания создана россиянами и для россиян с учетом их потребностей и материального достатка и предлагает более 20 оздоровительных программ, основанных на продукции отечественного производства, доступной всем слоям населения. Вход в компанию не требует больших капиталовложений. Способы обучения технологии успешной работы проходят, в основном, в рамках «домашних кружков» – встреч и бесед с заинтересовавшимися людьми в домашней обстановке. Кроме этого, сотрудники компании с медицинским образованием могут повысить свой уровень в академии повышения квалификации. Одним из глав-

ных принципов работы является не «накачка» эмоциями, а стремление передать понимание основных принципов здорового образа жизни и питания, а потом подвести человека к их принятию, лозунгом компании является принцип “Пойми сам и передай понимание другому” [Крайнов, 2004].

Итак, сетевой маркетинг как вид профессиональной деятельности имеет специфику, определяемую как способом организации данного бизнеса в целом, так и особенностями конкретной компании. Приведенные нами характеристики работы в сетевом бизнесе, которые скорее носят рекламный характер для рекрутинга в эту сферу новых людей, чем являются квалифицированным психологическим анализом (который еще ждет своих разработчиков), тем не менее дают основание предполагать наличие специфики ценностно-смыслового мира тех, кто вовлечен в данный вид деятельности и успешно в нем продвигается. А именно этот контингент и был привлечен к участию в исследовании. При этом две вышеописанные сетевые компании, схожие по характеру распространяемой продукции и ее целевому назначению (это в основном биологически активные пищевые добавки), имеют некоторые отличия в способах организации и привлечения в свой бизнес новых работников, а также в способах убеждения клиентов. Поэтому есть основания предполагать, что будут обнаружены особенности смыслового типа некоторых ценностей между ними.

Соответственно, в эмпирическом исследовании проверялись следующие *гипотезы*.

1) Смысловый тип ценностей некоторых жизненных сфер имеет специфику, задаваемую способом организации (сетевой маркетинг или наемный труд в бюджетном учреждении) профессиональной деятельности.

2) Смысловый тип ценностей некоторых жизненных сфер у работников сферы сетевого маркетинга имеет специфику, связанную с особенностями сетевой компании.

Организация и методы исследования. В исследовании приняли участие в общей сложности 83 человека в возрасте от 35 до 55 лет, различающихся по характеру профессиональной деятельности. Экспериментальная группа (43 человека) состояла из преуспевающих менеджеров, являющихся лидерами сетевого маркетинга в двух компаниях, распространяющих товары для здоровья, которые различаются между собой способами организации бизнеса: 22 человека из компании «РоЗ», 21 – из компании «ВИЗ». Критерием их привлечения к участию в эксперименте было наличие определенного стажа работы в компании (не менее трех лет), высокого статуса в ней, связанного с приблизительно одинаковым, достаточно высоким, уровнем доходов. Группу сравнения соста-

вили 40 человек, занятых в качестве служащих среднего звена в различных бюджетных организациях и учреждениях.

Для сбора эмпирических данных был использован следующий методический инструментарий: ранжирование личностных ценностей по критериям значимости и субъективно оцениваемой доступности производилось методом попарного сравнения 12 терминальных ценностей между собой в соответствии с модификацией методики М. Рокича, предложенной Е.Б. Фанталовой (1992). Для определения смыслового типа ценностей отдельных жизненных сфер вычислялись *индексы реализуемости* (корреляция параметров важности и доступности) и *барьерности* (корреляция параметров важности и разницы важность – доступность) для каждой группы, значимость различий между которыми проверялась посредством дивергентного анализа. Необходимо отметить, что в список, в отличие от стандартного набора, включены три ценности, важные с точки зрения идеологии сетевых компаний, поэтому он несколько отличается от списков, использованных в предыдущих исследованиях. Это ценности общественного признания, счастья других и саморазвития, которые, в соответствии с мнением экспертов – менеджеров данных компаний, заменили ценности активной деятельной жизни, красоты природы и искусства и творчества.

Коэффициенты корреляции вычислялись по формуле Пирсона, значимость различий структуры корреляционных матриц определялась посредством дивергентного анализа.

Результаты. Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей отдельных жизненных сфер в группах лидеров сетевого маркетинга компаний «Роз» и «ВИЗ» приводятся в таблице 9.8. Сравнительный анализ показал наличие определенной специфики как группы лидеров сетевого маркетинга в отличие от служащих среднего звена бюджетных организаций, так и внутри экспериментальной группы между представителями разных сетевых компаний. Значения индексов реализуемости и барьерности для тех ценностей, в смысловом типе которых выявились статистически значимые различия между группами, связанные со спецификой профессиональной деятельности представлены в табл. 9.9.

Анализ результатов показал содержательное соответствие смыслового типа отдельных ценностей некоторым специфичным для сетевого бизнеса особенностям. Так, в группе лидеров сетевого маркетинга независимо от типа компании ценность наличия хороших и верных друзей является проблемно-барьерной, хотя в группе работников бюджетных организаций эта ценность относится к свободно-реализуемому типу, что характерно и для многих других выборок, исследованных ранее (см. разделы 5.3, 5.4). Различия индексов реализуемости и индексов барьерности данной ценности между сравнива-

емыми группами по результатам дивергентного анализа достоверны на уровне $p < 0,001$.

Таблица 9.8

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей конкретных жизненных сфер в группах лидеров сетевого маркетинга

№	Ценности	компания РоЗ (n=22)		компания ВИЗ (n=21)	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Общественное признание	0,62	0,76	0,17	0,68
2	Здоровье	0,65	0,73	-0,33	0,63
3	Интересная работа	0,04	0,40	0,13	0,67
4	Счастье других	-0,32	0,84	-0,06	0,60
5	Любовь	0,29	0,50	0,51	0,39
6	Материально обеспеч. жизнь	0,25	0,67	0,27	0,02
7	Наличие хороших друзей	-0,27	0,70	0,01	0,88
8	Уверенность в себе	0,09	0,55	-0,18	0,77
9	Познание	0,52	0,57	0,30	0,55
10	Свобода	0,01	0,74	0,07	0,12
11	Счастливая семейная жизнь	0,29	0,50	0,51	0,39
12	Саморазвитие	0,59	0,59	-0,24	0,79

Жирным шрифтом выделены достоверные (на уровне $p \leq 0,05$ и более) коэффициенты корреляции; ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности.

Таблица 9.9

Показатели барьерности – реализуемости ценностей отдельных жизненных сфер в различных профессиональных группах

Группы		Ценности	Наличие хороших и верных друзей		Здоровье	
			ИР	ИБ	ИР	ИБ
Работники бюджетных организаций			0,73	0,09	0,01	0,73
Лидеры сетевого маркетинга	компания “РоЗ”		-0,27	0,70	0,65	0,73
	компания “ВИЗ”		-0,10	0,88	-0,33	0,63

Жирным шрифтом выделены достоверные (на уровне $p \leq 0,05$ и более) коэффициенты корреляции; ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности.

Выявленную специфику можно объяснить особыми средствами профессиональной деятельности в сетевом маркетинге, часто приводящими к необходимости «эксплуатировать» межличностные отношения в целях бизнеса, как это указывается и в приведенном выше описании В. Дубковского (2000). Вероятно, это приводит к искаже-

нию содержания дружеских отношений и в конечном итоге или к их разрушению, или к трансформации в полностью деловые отношения. В свободном интервью или самоотчетах люди, занимавшиеся или продолжающие заниматься бизнесом в форме сетевого маркетинга, также свидетельствуют о значительном, не всегда позитивном, а иногда и разрушительном, влиянии этого вида бизнеса на сферу близких межличностных отношений. Соответственно, специфика профессиональной деятельности, когда полем и средством ее осуществления является область неформальных дружеских отношений, преобразует смысл ценности наличия хороших и верных друзей.

Второе яркое отличие, обнаруживающее специфику ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства, связанную с особенностями профессиональной деятельности, касается смыслового типа ценности здоровья. В группах лидеров сетевого маркетинга компании «РоЗ» он оказался свободно-реализуемым, компании «ВИЗ» – проблемно-барьерным, а в группе людей, работающих в бюджетных организациях и не занятых в сфере продвижения товаров для здоровья через сетевой маркетинг, – барьерным, что является наиболее типичным и обнаруживается в большинстве различных других выборок. Результаты дивергентного анализа подтвердили достоверность различий индексов континуума барьерности-реализуемости данной ценности между всеми сравниваемыми группами на уровне $p < 0,001$ и $p < 0,01$.

В данном случае полученные различия можно объяснить разницей в стратегии убеждения клиентов, существовавшей на момент исследования в сетевых компаниях. В компании «РоЗ» продвижение товаров для здоровья осуществляется согласно стратегии убеждения клиентов по формуле «Здоровье в твоих руках», а продаваемая продукция и является мощным средством его контроля самим человеком. Эта стратегия подчеркивает внутренние, интернальные факторы детерминации здоровья, что создает представление о нем как освоенной зоне жизненного пространства и выражается в реализуемом смысловом типе ценности здоровья. В компании «ВИЗ» стратегия убеждения клиентов базируется в основном на формуле «В современном мире существует очень много угроз здоровью», а продаваемая продукция является надежным средством защиты от них. Здесь преимущественно акцентируется зависимость здоровья от внешних, экстернальных причин, подчеркивается невозможность полного контроля данной сферы жизни самим человеком. Это и проявляется в барьерном типе смыслообразования, который соответствует ощущению неосвоенности данной зоны жизненного пространства человеком.

Как видим, группа лидеров сетевого маркетинга демонстрирует отклонение от наиболее распространенного варианта смыслообразо-

вания в контексте ценности здоровья, причем характер этого отклонения содержательно прямо соотносится с той стратегией убеждения клиентов, которая взята на вооружение в компании. Как известно, в соответствии с механизмом интериоризации, описанным Л.С. Выготским (1983 а), вращивание тех или иных культурных средств в процессе становления высшей психической функции проходит через этап их использования при воздействии на другого человека. При этом данное культурное средство или норма становятся максимально присвоенными и включенными во внутренние структуры сознания самого использующего их человека. В исследовании Е.В. Субботского (1983) действие этого механизма было показано в отношении формирования у детей честности как способности руководствоваться знаемым принципом в регуляции своего собственного поведения. Наши результаты также показывают, что при убеждении других людей максимальная интериоризация внушаемого содержания в глубинные структуры сознания происходит, в первую очередь, у того, кто убеждает. Именно этим можно объяснить тот факт, что ценность здоровья в исследованных нами группах менеджеров сетевого маркетинга получила смысловой «сдвиг» в направлении, соответствующем интериоризированной ими самими в ходе многократного убеждения клиентов формуле.

О связи системы ценностей человека с убеждениями упоминают многие авторы, в определении ценностей, данном М. Рокичем, они даже определяются как убеждения. На теоретическом уровне связь убеждений, личностных ценностей и образа мира обоснована Д.А. Леонтьевым (1999). Ценности, включаясь в системно-структурную организацию личности, становятся источниками процессов смыслообразования, которые преломляются, в том числе, и через призму убеждений, задавая специфику ее образа мира. Однако конкретных эмпирических фактов, в которых система ценностей сопоставлялась бы с убеждениями человека не так много – вероятно, по причине не слишком большой разработанности в психологии данной темы. В нашем исследовании, независимо от того, понимать ли сами ценности как убеждения или говорить о тесной взаимосвязи между собой ценностных структур личности и системы ее убеждений, мы получили данные, показывающие зависимость смыслового типа ценностей от убеждений. При развитии личности как субъекта профессиональной деятельности специфика образа мира определяется профессионально обусловленными особенностями образа жизни и деятельности, все больше модифицируется профессионально заданными убеждениями, что выражается в определенном векторе трансформации процессов смыслообразования в контексте определенной, свя-

занной с ними, ценности, итогом же становится изменение ее смыслового типа.

Выявленные воздействия профессиональной деятельности на личность человека необходимо учитывать в программах профессиональной ориентации и образования. Необходимо зафиксировать как позитивное, так и возможное негативное влияние профессиональных убеждений и образа мира на другие, непрофессиональные сферы жизни человека, с тем чтобы еще на этапе подготовки профессионала включить в образовательные программы блок, направленный на осведомление будущих специалистов с особенностями профессионально обусловленного образа жизни и его разносторонними последствиями. Это даст человеку возможность еще в начале профессиональной карьеры продумать пути нивелирования неблагоприятных последствий профессиональной деятельности для других сфер его жизни и сформировать психологическую готовность к их коррекции.

Таким образом, результаты данного исследования также подтвердили общую гипотезу о зависимости типа смыслообразования в контексте личностных ценностей от принадлежности человека к той или иной профессиональной группе. Причем выявлена зависимость специфики смыслового типа ценностей как от средств профессиональной деятельности, так и от профессионально обусловленных убеждений личности. Предложенный способ анализа ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности может быть продуктивен в целях описания мира профессии для учета ее особенностей в обеспечении личностной готовности к специфике образа жизни при подготовке будущих профессионалов.

9.2. Социо-культурно обусловленная специфика ценностно-смысловой организации жизненного пространства (на примере сравнения американских и российских студентов)

Формирование личности происходит через присвоение ценностей как составляющей культурно-исторического опыта. Ценности в качестве общественных идеалов – это часть мировоззрения социальных общностей, выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни [Леонтьев Д.А., 1999]. Каждая культура отличается от другой культуры эксклюзивным набором ценностей, обуславливающим своеобразие ее ценностно-нормативных систем. Несомненно, существуют ценности, единые для всех людей, но так как они являются продуктом конкретной культуры, то в разных обществах системы ценностей имеют различия. Ценности, зафиксиро-

ванные в этнокультурных традициях, религиозной культуре, других ее формах, выступают как образцы, где сосредоточены лучшие качества личности, нравственные эталоны, принятые в том или ином обществе. Личностные ценности являются генетически производными от ценностей социальных групп и общностей разного масштаба. Селекция, присвоение и ассимиляция индивидом социальных ценностей происходит в активной деятельности и опосредуется его социальной идентичностью и ценностями референтных для него малых контактных групп. Соответственно, система ценностей личности отражает культурно-исторические идеалы того общества, в котором она формируется.

В кросс-культурных исследованиях получено много разнообразных фактов, показывающих специфику как отдельных психических функций и процессов, так и интегративных личностных образований, которые связываются с особенностями той или иной культуры. Подробный обзор и анализ исследований, проведенный международным коллективом авторов, издан в сборнике под редакцией Дэвида Моцумото [*Психология и культура*, 2003]. Довольно значительное количество таких исследований строится на сравнении западной и восточной культур, американской и восточно-азиатской.

Ряд исследований демонстрирует существенные отличия в психологии человека, принадлежащего к той или иной культуре, которые касаются системы ценностей и, соответственно, ценностно-смысловых структур личности. В этом контексте часто сравниваются представители культур, ориентированных преимущественно на коллективизм или индивидуализм. США представляют собой яркий пример культуры, ориентированной на индивидуализм, Восточная Азия – на коллективизм. Так, в американской культуре самостоятельность и независимость личности ценятся выше, нежели гармония с внешним миром, более важная для представителей восточно-азиатских народов [*Sampson*, 1977, 1988]. Для человека, ориентированного на американскую систему ценностей, характерно стремление к овладению общественными и материальными ресурсами для того, чтобы стать независимым и самодостаточным [*Kim*, 1994; *Triandis*, 1994]. Поэтому, например, в США людей затрагивает реклама, касающаяся личной выгоды и индивидуальных предпочтений, а в азиатских странах – преимуществ группы, гармонии и целостности семьи [*Han & Shavitt*, 1994]. В США ценность власти, определяемой как «активный контроль социального окружения путем самоутверждения» [*Schwartz*, 1994, p. 103], выше, чем в странах Восточной Азии. Выявлены различия поведения американских и японских студентов, вызванные различиями их целевой ориентации в конфликтной ситуации: если американские студенты стремились к восстановлению

справедливости, то японские считали наиболее значимым сохранение позитивных отношений с противной стороной [*Ohbuchi, Fukushima & Tedeschi, 1999*].

Россию исходно чаще относят к культурам, в которых преобладают коллективистские ориентации личности, однако в некоторых аспектах она занимает промежуточное положение, имея черты сходства как с западной, так и с восточной культурами [*Юдина, 1996*]. В последнее время в России появились отдельные интересные кросс-культурные исследования, обнаруживающие специфику именно российской ментальности в отличие от европейской и американской [*Иванов, 1993; Митина, Петренко, 2000* и др.], тем не менее можно говорить лишь о начальной стадии исследования данной области.

Необходимо отметить, что такие исследования часто проводятся именно в студенческих выборках и обнаруживают существенные различия относительно разных сторон психики и личности. Выявление полоролевых стереотипов студентов университетов в зависимости от социально-культурных особенностей общества как одной из характеристик окружения одаренных девушек [*Попова, 1996*] показало, что отношение к социальным ролям женщин у американских студентов характеризуется последовательностью, согласованностью, внутренней непротиворечивостью и отходом от сексистских установок традиционного общественного уклада, тогда как у российских отношение к социальным ролям женщин противоречиво и неустойчиво. Также на примере студенческих выборок были получены данные об особенностях современной российской и американской авторитарной личности [*Дьяконова, 2001*] и выявлено, что взаимосвязь между такими характеристиками личности, как авторитаризм, локус контроля и приверженность традиционным ценностям Востока и Запада, по-разному проявляется в российской и американской культуре.

Наиболее близкое к тематике социо-культурной обусловленности ценностно-смысловых структур личности и их специфики исследование выраженности мотивационных тенденций личности, проведенное среди американских и российских студентов [*Корнилова, Григоренко, 1995*], обнаружило как общие характеристики, так и существенные различия. В обеих выборках наибольшие значения были получены по шкалам мотивации достижения, автономии и склонности к самопознанию. В то же время американские студенты более склонны поддерживать порядок, быть аккуратными в делах, склонны к мысленному планированию своих действий, тогда как российские студенты отличаются от своих американских сверстников недостаточностью мысленного опосредствования своих действий и планирования. По склонности к автономии российские студенты, проявили значимо бо-

лее высокие показатели, а американские – более высокую, чем у российских студентов, склонность к доминированию. У российской выборки оказались значимо выше значения по шкале чувства вины, а у американцев – по склонности к агрессии.

Авторы делают вывод «об особенностях взаимосвязей в самосознании людей, выросших и развивающихся в условиях двух различных культур, разных стремлений, характеризующих как мотивационную сферу и достаточно генерализованные способы поведения, так и готовность личности признавать в себе те тенденции, которые, возможно, еще не освоены на поведенческом уровне, но уже осознаются как личностные ценности» [Корнилова, Григоренко, 1995, с. 113].

Кроме констатации некоторых результатов авторы говорят о необходимости расширения контекстов интерпретации в межкультурных исследованиях, так как одни и те же личностные свойства в рамках разных культур имеют не вполне пересекающееся содержательное наполнение. Так, они указывают на различия в понимании автономии американскими и российскими студентами. Большая зависимость индивида от семьи, высоко оцениваемое чувство причастности к определенной социальной группе и лишь предполагаемая последующая, но не актуальная автономность отдельно взятой личности характеризуют студентов Йельского университета. Автономность же в российской выборке в большей степени ассоциируется с ценностью индивидуальной независимости, а вовсе не с реальными жизненными основаниями для ее осуществления, т. е. возможностью обеспечивать себя, отвечать за себя, рационально организовывать свою учебную деятельность и времяпрепровождение.

Итак, можно с большой уверенностью ожидать различий содержательных сторон ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства между северо-американской и российской выборками. Они, вероятно, подтвердят уже полученные данные о более выраженной индивидуалистической ценностной ориентации американской выборки по сравнению с российской. При этом абсолютно неопределенными являются ожидания по поводу наличия различий в динамических аспектах ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства, определяемых соотношением тенденций барьерности и реализуемости ценностей. Мы предполагаем, что такие различия могут существовать, не конкретизируя предположение в том или иной направлении. Для эмпирической проверки данных общих предположений было проведено следующее кросскультурное исследование.

Организация и методы исследования*. В исследовании принимали участие 46 студентов старших курсов в возрасте 21 – 23 лет: 23 студента Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) и 23 студента Казанского университета (Казань, Россия).

Для сбора эмпирического материала использовалась предложенная Е.Б. Фанталовой модификация методики М. Рокича (процедура предполагает попарное сравнение 12 терминальных ценностей по критериям важности и доступности ценности). Американским студентам был представлен тот же перечень ценностей на английском языке. В каждой группе высчитывался индекс реализуемости (положительная статистически значимая корреляция параметров важности ценности и ее доступности) и индекс барьерности (положительная статистически значимая корреляция параметров важности ценности и рассогласования ее важности и доступности) каждой ценности, в соответствии с соотношением которых определялся ее смысловой тип.

Результаты. Сравнительный анализ *иерархии ценностей* (табл. 9.10 и 9.11) в выборках российских и американских студентов показал, что кроме общих для всех студентов моментов существует и ряд социокультурно обусловленных ее особенностей.

Таблица 9.10

Сравнение показателей важности ценностей в выборках российских и американских студентов

Ценности	Студенты американские \bar{a} (σ)	российские \bar{a} (σ)	t -факт.
Активная деятельная жизнь	8,0 (2,7)	9,0 (2,2)	-1,3
Здоровье	6,6 (2,9)	8,3 (2,7)	-2,0*
Интересная работа	4,3 (1,6)	5,1 (2,1)	-1,4
Красота природы и искусства	1,7 (2,0)	1,2 (1,8)	0,6
Любовь	7,6 (2,5)	7,4 (2,3)	0,1
Материально обеспеч. жизнь	8,8 (2,4)	8,0 (1,8)	1,3
Наличие хороших друзей	3,2 (2,3)	5,9 (2,7)	-3,6***
Уверенность в себе	4,7 (2,3)	5,0 (2,1)	-0,3
Познание	5,0 (2,2)	1,9 (1,6)	5,6***
Свобода	7,7 (2,6)	4,6 (2,0)	4,6***
Счастливая семейная жизнь	6,4 (2,4)	7,1 (2,5)	-0,8
Творчество	2,0 (2,3)	2,6 (2,3)	-0,8

Условные обозначения: звездочками отмечены значения критерия Стьюдента, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,001$ (***) ; n – численность выборки; \bar{a} – среднее значение, σ – разброс.

* Исследование проведено совместно с О.А. Сальниковой (2009) в рамках дипломной работы, выполненной под нашим руководством.

В обеих выборках среди высокоранговых находятся ценности «Активная деятельная жизнь» и «Материально обеспеченная жизнь», хотя последняя все-таки выше в иерархии ценностей американских студентов, занимая в ней первое место, тогда как у российских она находится на третьем месте. Одинаково значимой для обеих групп оказалась ценность «Любовь», а низкоранговыми в обеих группах – ценности «Творчество» и «Красота природы и искусства», на одинаковом восьмом месте в иерархии находится ценность «Уверенность в себе».

Наибольшие отличия между американскими и российскими студентами касаются места в иерархии ценностей свободы, здоровья, познания и наличия хороших и верных друзей. В выборке российских студентов ценность «Здоровье» важнее (второе место в иерархии), нежели в американской, где она находится лишь на пятом месте.

В выборке американских студентов выше оценивается важность свободы (третье против девятого в российской выборке), что можно интерпретировать именно как социокультурно заданную специфику – как известно, США позиционирует себя как «страна свободы», и большинство граждан считают свободу самой важной для себя ценностью [Rokeach, 1973, Макклелланд, 2007]. В России данной ценности не отводится столь же ключевое место, что в Америке. Как видим, и российские студенты не придают ей такого же важного значения, как американские, отдавая предпочтение другим ценностям.

Таблица 9.11

Иерархия ценностей американских и российских студентов

Ранг	Американские студенты	\bar{a}	Российские студенты	\bar{a}
1	Материально обесп. жизнь	8,8	Активная деятельная жизнь	9,0
2	Активная деятельная жизнь	8,0	Здоровье	8,3
3	Свобода	7,7	Материально обесп. жизнь	8,0
4	Любовь	7,6	Любовь	7,4
5	Здоровье	6,6	Счастливая семейная жизнь	7,1
6	Счастливая семейная жизнь	6,4	Наличие хороших друзей	5,9
7	Познание	5,0	Интересная работа	5,1
8	Уверенность в себе	4,7	Уверенность в себе	5,0
9	Интересная работа	4,3	Свобода	4,6
10	Наличие хороших друзей	3,2	Творчество	2,6
11	Творчество	2,0	Познание	1,9
12	Красота природы, искусства	1,7	Красота природы, искусства	1,2

Особый интерес вызывает тот факт, что важность ценности «Познание» оказалась выше в выборке американских студентов, причем, отличия довольно значительные. Если в иерархии ценностей у американских студентов «Познание» находится на седьмом месте, то у российских студентов занимает одно из самых низких – одиннадцатое. Казалось бы, представители обеих выборок являются студентами, для которых познание – один из ведущих видов деятельности на данном этапе их жизни, почему же для одних оно более важно, чем для других? Можно ли объяснить это только тем, что обучение в университетах США стоит в десятки раз дороже, чем в России, поэтому студенты стремятся получить от процесса обучения как можно больше, соответственно, и ценят познание больше? Возможно, сказываются и другие различия в системе образования. Американские студенты сами выбирают предметы, которые будут изучать, каждый студент занимается по своей индивидуальной программе, увязанной с представлениями о своем будущем профессиональном месте, нацеливая на него свою подготовку в вузе. Тогда как у российских студентов представление о возможном приложении своих сил после учебы менее определенное, что связано со спецификой рынка труда в России. Вероятно, поэтому у американских студентов в процессе обучения не возникает вопрос, который часто задают российские студенты: «А зачем мне нужен этот предмет?».

Существенные различия выявились относительно места в иерархии ценности «Наличие хороших и верных друзей», которая более значима для российских студентов (третье место в иерархии против восьмого у американцев), что тоже является очевидным следствием культуральных различий. Российский человек из поколения в поколение воспитывался в духе коллективизма, общинности. В России друг – это почти член семьи, если не больше. В США же на первый план всегда ставились индивидуалистические ценности. Важным фактором может являться и то, что в российских школах и вузах учащиеся на протяжении всего обучения находятся в одном коллективе. Совместный многолетний период жизни оставляет неизгладимый отпечаток на личной истории каждого человека. В Америке нет единой средней школы, она делится на младшую, младшую среднюю и старшую среднюю, так что американские учащиеся постоянно меняют социальное окружение в школе. В американских университетах отсутствуют академические группы, на разных занятиях студент может слушать лекции и выполнять задания в разном составе обучающихся, траектория обучения также определяется каждым индивидуально. Все это в большей степени усиливает индивидуальные ценно-

сти и ослабляет значение групповых и межличностных, что также может объяснить зафиксированные между выборками различия.

Сравнительный анализ **доступности ценностей** (табл. 9.12 и 9.13) также показал как моменты сходства, так и существенные различия между сравниваемыми выборками.

Самыми доступными в обеих выборках оказались ценности «Активная деятельная жизнь» и «Познание». Самыми малодоступными с небольшими вариациями оценены ценности «Материально обеспеченная жизнь», «Творчество» и «Счастливая семейная жизнь». Наиболее значимые различия были выявлены по показателям доступности свободы, интересной работы, наличия верных друзей.

Таблица 9.12

Сравнение показателей доступности ценностей в выборках российских и американских студентов

Ценности	Студенты американские \bar{a} (σ)	российские \bar{a} (σ)	t -крит.
Активная деятельная жизнь	8,9 (2,7)	8,7 (2,2)	0,1
Здоровье	4,7 (1,8)	5,5 (1,7)	-1,6
Интересная работа	6,1 (1,9)	4,8 (2,5)	2,0*
Красота природы и искусства	3,9 (3,2)	5,4 (2,2)	-1,8
Любовь	6,9 (3,0)	7,4 (2,3)	-0,6
Материально обеспеч. жизнь	2,9 (2,3)	2,7 (2,0)	0,2
Наличие хороших друзей	4,6 (2,7)	8,0 (2,5)	-4,5***
Уверенность в себе	5,6 (2,4)	6,1 (2,0)	-0,7
Познание	8,5 (2,1)	9,3 (2,5)	-1,2
Свобода	8,6 (2,0)	3,9 (1,9)	8,3***
Счастливая семейная жизнь	2,5 (3,0)	2,0 (3,1)	0,5
Творчество	2,9 (2,7)	2,1 (2,4)	1,0

Условные обозначения: звездочками отмечены значения t -критерия Стьюдента, достигшие уровней статистической значимости $p < 0,05$ (*) и $p < 0,001$ (***) ; n – численность выборки; \bar{a} – среднее значение, σ – разброс.

Доступность ценности свободы выше в выборке американских студентов. Как уже говорилось, возможно, это специфика культуры, к которой принадлежат представители выборки. Будучи гражданами «страны свободы», они уверены, что данной свободой обладают и она им доступна, а российские студенты, придавая данной ценности меньше значения, и ее доступность оценивают также невысоко.

Доступность ценности «Интересная работа» выше оценивают в выборке американских студентов (на пятом против восьмого у россиян месте), тогда как ее важность выше в выборке российских студентов. Т. е. даже на этапе жизни, когда американские студенты еще только готовятся к профессиональной деятельности, доступность интересной работы они считают выше, но это для них не так важно, как, например, уровень ее оплачиваемости. Российские же студенты считают интересную работу менее доступной, но на два ранга более важной. Данные различия можно объяснить тем, что американские студенты в гораздо большей степени связывают свое обучение с определенным рабочим местом, нацеливая на него и индивидуальную программу своей подготовки, тогда как у российских представление о возможном приложении своих сил после учебы менее определенное, что, вероятно, связано со спецификой рынка труда в России.

Таблица 9.13

Средние значения оценок доступности ценностей американских и российских студентов

Ранг	Американские студенты	\bar{a}	Российские студенты	\bar{a}
1	Активная деятельная жизнь	8,9	Познание	9,3
2	Свобода	8,6	Активная деятельная жизнь	8,7
3	Познание	8,5	Наличие хороших друзей	8,0
4	Любовь	6,9	Любовь	7,4
5	Интересная работа	6,1	Уверенность в себе	6,1
6	Уверенность в себе	5,6	Здоровье	5,5
7	Здоровье	4,7	Красота природы, искусства	5,4
8	Наличие хороших друзей	4,6	Интересная работа	4,8
9	Красота природы, искусства	3,9	Свобода	3,9
10	Творчество	2,9	Материально обеспеч. жизнь	2,7
11	Материально обеспеч. жизнь	2,9	Творчество	2,1
12	Счастливая семейная жизнь	2,5	Счастливая семейная жизнь	2,0

Условные обозначения: \bar{a} – среднее значение.

Относительно доступности ценности «Наличие хороших и верных друзей», которая выше в выборке российских студентов, можно констатировать то же, что и относительно ее важности, – это результат общинно направленного образа жизни россиян и в большей мере индивидуалистического в американском обществе, что даже в студенческом возрасте, для которого широкий круг общения и сфера не-

формальных межличностных отношений являются более типичными, чем для людей более старших возрастов, проявляется в оценках как степени важности дружбы, так и ее доступности.

Сопоставление индивидуальных индексов реализуемости ценностей в выборке российских и американских студентов показало, что реализуемость ценностей значительно выше в выборке американских студентов, тогда как в выборке российских студентов она ниже, а барьерность выше (табл. 9.14).

Таблица 9.14

Сравнение индивидуальных индексов реализуемости в группах американских и российских студентов

Параметры Студенты	Индекс реализуемости \bar{a} (σ)	t -факт.	t -крит.	Достоверность различий
Американские (n=23)	0,37 (0,18)	3,0	2,56 ($p < 0,01$)	$p < 0,01$
Российские (n=23)	0,07 (0,42)			

Условные обозначения: n – численность выборки, \bar{a} – среднее значение, σ – разброс.

Таблица 9.15

Показатели индексов реализуемости и барьерности ценностей жизненных сфер у американских и российских студентов

№	Студенты Ценности	Американские		Российские	
		ИР	ИБ	ИР	ИБ
1	Активная деятельная жизнь	0,74	0,37	0,16	0,64
2	Здоровье	0,45	0,79	0,06	0,84
3	Интересная работа	0,53	0,34	0,27	0,39
4	Красота природы и искусства	0,44	0,22	0,60	0,04
5	Любовь	0,68	0,29	-0,05	0,72
6	Материально обеспеч. жизнь	0,19	0,65	-0,13	0,73
7	Наличие хороших друзей	0,75	0,16	0,57	0,45
8	Уверенность в себе	0,74	0,29	0,29	0,60
9	Познание	0,49	0,52	-0,20	0,65
10	Свобода	0,16	0,74	0,08	0,70
11	Счастливая семейная жизнь	0,03	0,74	0,37	0,41
12	Творчество	0,60	0,30	0,06	0,67

ИР – индекс реализуемости, ИБ – индекс барьерности. Жирным шрифтом выделены статистически значимые показатели корреляции при $p < 0,05$ и выше.

Аналогичные результаты получены и при сравнении смыслового типа ценностей отдельных жизненных сфер, определяемых соотношением индексов барьерности и реализуемости каждой ценности (табл. 9.15). Статистическое сравнение с помощью дивергентного анализа выявило много существенных и статистически достоверных различий в типе смыслообразования в контексте личностных ценностей. Частота их встречаемости в группах сравнения представлена в таблице 9.16.

Таблица 9.16

Частота встречаемости типов смыслообразования в группах американских и российских студентов

Тип смыслообразования	Американские студенты		Российские студенты	
	кол-во	%	кол-во	%
Барьерно-проблемный	0	0	3	25,0
Барьерный	3	25,0	6	50,0
Барьерно-реализуемый	2	16,(6)	1	8,(3)
Свободно-реализуемый	7	58,(3)	1	8,(3)
Нейтральный	0	0	1	8,(3)

Индекс реализуемости большинства ценностей в целом выше в выборке американских студентов, а в выборке российских студентов выше индекс барьерности. Значит, для американских студентов чем выше доступность ценности, тем выше ее значимость и наоборот, тогда как для российских студентов более характерно считать значимым то, что недоступно. В выборке американских студентов преобладает свободно-реализуемый тип смыслообразования и в меньшей степени представлены еще два: барьерный и барьерно-реализуемый. В выборке российских студентов преобладает барьерный тип смыслообразования, обнаруживается также и барьерно-проблемный, все остальные представлены в гораздо меньшем количестве. Следовательно, российские студенты считают наиболее важными ценности, доступность которых для них невысока. Они живут по принципу – лучше журавль в небе, чем синица в руках. Американские же студенты ценят то, что имеют, понижая важность недоступного.

Некоторые ценности одинаковы или близки по типу смыслообразования в выборках российских и американских студентов. Так, к свободно-реализуемому смысловому типу относится ценность «Красота природы и искусства», к барьерному смысловому типу в обеих выборках относятся ценности «Счастливая семейная жизнь» и «Свобода». К барьерному типу в американской выборке и барьерно-

проблемному в российской относится ценность «Материально обеспеченная жизнь», т. е. чем важнее данная ценность, тем больше степень рассогласованности между степенью ее важности и доступности. Эта ценность является одной из самых важных и, в то же время, одной из самых малодоступных в обеих выборках. Это вполне соотносится с возрастными особенностями студенческого периода жизни: незначительные доходы или даже зависимость в материальном плане от родителей при стремлении к более самостоятельному и независимому образу жизни.

Отнесенность ценности «Счастливая семейная жизнь» к барьерному смысловому типу в обеих выборках также, скорее всего, представляет собой результат возрастной специфики: студенты находятся еще только в самом начале своей взрослой жизни, и никто из них не успел обзавестись собственной семьей.

То, что ценность «Свободы» является барьерной в обеих выборках, на первый взгляд, показалось нам довольно странным, ведь в иерархиях ценностей по важности и доступности как в выборке американских студентов, так и в выборке российских показатели степени важности и оценке доступности этой ценности близки. Но подобный тип смыслообразования говорит о том, что в обеих выборках данная ценность оценивается как более значимая при ее недоступности и не так важна, если оценивается как доступная. Т. е. важность свободы у студентов обеих групп обостряется тогда, когда эта свобода ущемляется или по каким-то причинам оценивается как недоступная. В том случае же, когда осуществлению данной ценности ничто не угрожает, ее важность снижается.

Хотя ценность «Интересная работа» существенно отличается в оценках ее важности и доступности в исследуемых выборках, но ее смысловой тип в них также достаточно близок – свободно-реализуемый у американских и нейтральный у российских студентов.

Сравнение двух выборок показывает кардинальное различие типов смыслообразования в отношении такой ценности, как «Любовь». Для американских студентов она является свободно-реализуемой, то есть чем выше ее значимость, тем в большей степени человек в ней реализуется и поэтому выше оценивает ее доступность, и наоборот. Для российских же студентов она оказалась барьерной. Это может быть связано с различиями, которые представители двух групп вкладывают в понятие «любовь». Взгляды на любовь в российской культуре более традиционны и консервативны; в американской же культуре в последнее время пропагандируется так называемая «свободная любовь», не сковывающая партнеров обязательствами друг перед другом. Такая любовь не требует от человека особых затрат ни на по-

иск партнера, ни на развитие и поддержание отношений, вероятно, поэтому она и является свободно-реализуемой.

Похожую ситуацию мы видим в отношении ценности «Наличие хороших и верных друзей». В выборке американских студентов она является свободно-реализуемой, а в выборке российских студентов – барьерно-реализуемой. То есть для российских студентов увеличение меры значимости ценности сопровождается однонаправленным изменением как доступности, так и индекса рассогласования важности и доступности ценности. С одной стороны, повышается оценка реализуемости ценности в жизни человека, но, с другой стороны, мера важности ценности растет быстрее ее доступности, что сохраняет смысл барьерности ценности. Это, на наш взгляд, обусловлено культурными различиями. Для американцев друг – это человек, с которым можно раз в неделю выпить по кружечке пива, сходить на футбольный матч, обсудить новости из шоу-бизнеса. Для россиян же друг – это нечто большее. Это человек, на которого можно положиться, которому можно довериться, найти которого гораздо сложнее, чем просто компаньона для похода по магазинам. С этим и связана большая степень барьерности данной ценности у российских студентов.

Ценность «Здоровье» в выборке американских студентов является барьерно-реализуемой, а в выборке российских студентов – барьерной. Это соотносится с существующей и распространенной в нашей культуре тенденцией обострения внимания к здоровью только в периоды заболеваний и сравнительно небольшой заботой о нем в периоды хорошего самочувствия. В американском обществе данная тенденция, видимо, выражена меньше, в целом они больше внимания уделяют своему здоровью, стараясь поддерживать его на высоком уровне постоянно, что особенно усилилось в последние годы, когда стали заметны последствия малоподвижного образа жизни и питания фастфудом.

Ценность «Познание» в выборке российских студентов относится к барьерному типу смыслообразования, а в выборке американских студентов – к барьерно-реализуемому. Это отразилось в иерархиях ценностей по значимости и доступности. Для российских студентов эта ценность является одной из самых доступных, но, в то же время, одной из самых низкозначимых. Для американских студентов значимость данной ценности выше.

Противоположными по смысловому типу оказались ценности «Активная деятельная жизнь», «Уверенность в себе» и «Творчество»: в выборке российских студентов они являются барьерными, а в выборке американских студентов – свободно-реализуемыми. Что примечательно, показатели этих ценностей в каждой из выборок почти

совпадают между собой как по важности, так и доступности, да и между выборками не обнаруживается больших различий. Ценность «Активная деятельная жизнь» в обеих выборках является очень значимой и доступной, ценность «Творчество» находится в обеих выборках на нижних местах в иерархии как по важности, так и доступности, а ценность «Уверенность в себе» в обеих выборках находится среди среднеранговых. Тем не менее «логика» смыслообразования относительно трех этих ценностей в выборках является диаметрально противоположной: американские студенты ценят их в меру доступности, тогда как российские, наоборот, в меру их недоступности для себя.

Итак, ценностно-смысловые рельефы жизненного пространства американских и российских студентов существенно различаются как по содержательным критериям, отражающим иерархию ценностей, так и по динамическим.

Содержательные различия задаются различиями в степени важности ценностей «Здоровье», «Свобода», «Познание» и «Наличие хороших и верных друзей». При этом ценности «Материально обеспеченная жизнь», «Активная деятельная жизнь», «Любовь», «Счастливая семейная жизнь» являются одинаково высокозначимыми как для американских, так и для российских студентов.

Американским студентам в целом свойственна большая реализуемость ценностей, нежели российским. Это касается как индивидуальных показателей барьерности – реализуемости, так и ценностей конкретных жизненных сфер.

Ценности «Познание», «Здоровье», «Активная деятельная жизнь», «Творчество», «Любовь» и «Наличие хороших и верных друзей» – более реализуемые в выборке американских студентов, что может являться следствием различного смыслового содержания понятий, обозначающих данные ценности в этих двух культурах. Некоторые ценности не обнаруживают различий по типу смыслообразования: это ценности «Материально обеспеченная жизнь» и «Свобода», которые в обеих выборках являются барьерными, а также «Красота природы и искусства», которая относится к свободно-реализуемому смысловому типу.

В большинстве из выявленных отличий легко прослеживается влияние различного образа жизни и ценностных приоритетов российской и американской культур. Некоторые из них потенциально могут стать источником серьезных противоречий при введении новых принципов построения образовательного процесса в российское общество или при осуществлении академической мобильности студентов. Тем не менее, выявлены и общие, объединяющие студентов двух культур особенности ценностно-смысловой сферы.

ГЛАВА 10. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ БАРЬЕРНОСТИ-РЕАЛИЗУЕМОСТИ ЦЕННОСТЕЙ В ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ

На основе обобщения и систематизации основных результатов, полученных в ходе теоретического анализа и эмпирических исследований, в данной главе обосновывается представление о функциональном механизме барьерности-реализуемости личностных ценностей. Исходя из общей картины его взаимосвязей с различными устойчивыми инструментальными свойствами личности, механизмами образа мира и составляющими стратегии жизни строится теоретическая модель его места среди других психических явлений и роли в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности.

10.1. Реализуемость личностных ценностей как динамический аспект ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности

В данном разделе в сокращенной форме изложены основные вехи цикла исследований, отраженные в данной работе, и представлена целостная картина всех полученных результатов. В целях краткости изложения не приводятся ссылки на большинство авторов и конкретные издания, которые имеются в соответствующих разделах монографии.

Понятийные оппозиции описания жизненного мира

В результате теоретического сопоставления ряда понятий, которые в современной психологии продолжают традицию исследования реальности, первоначально зафиксированную в понятиях *жизненного мира* Э. Гуссерля и *жизненного пространства* К. Левина, были эксплицированы *понятийные оппозиции*, отражающие различные размерности описания жизненного мира и задающие поле вариативности подходов к нему (глава 1).

Оппозиция *внешнее – внутреннее*, центральная и сквозная для всех подходов, определяет ось, полюса которой образованы противопоставлением *бытийного* и *экзистенциального пространств*. Первое лежит в зоне экстерииоризации смысловых структур, его элементами выступают предметы, явления, территория, люди, места, идеи, имидж и пр., которые кроме глубинного личностного смысла имеют еще и объективированную форму существования. Второе задает внутренний полюс жизненного мира, представляя область глубинных переживаний человека, соединяющих в единство разные модусы его бытия.

Противоположные *позиции описания* жизненного мира – *изнутри*, с точки зрения самого человека, или *извне*, с позиции внешнего по отношению к нему наблюдателя, – разделяют феноменологический и естественно-научный подходы в психологии. Специфика языка описания, методов исследования, топологии жизненного мира, получаемой в каждой из позиций, затрудняют их координацию друг с другом в исследовании. В преломлении через данную оппозицию трансформируется и предыдущая. Исследования, тяготеющие к описанию *извне*, сфокусированы преимущественно на соотношении внутреннее – внешнее, где основным является критерий *контроля*, который понимается и как возможность управления объектом, и как его более слабая форма – прогнозируемость на основе известности или испытанности. В исследованиях *изнутри* акцент делается на отношении свое – чужое, где основным становится критерий *идентификации*.

Оппозиция *тотальное – ситуативное* возникает в сопоставлении понятий *жизненного мира* и *ситуации*. Первое выступает в качестве предельно масштабной, соотносимой с целостной жизнью и всей системой отношений человека категории, второе связывается лишь с конкретизированным в определенном *месте* и *времени* фрагментом жизненного мира. В противовес бихевиоральной традиции понимания ситуации как объективной совокупности стимулов и условий вновь формируемое ее понятие включает субъекта с его актуальной позицией, мотивами, целями и задачами, действующего в том или ином ситуационном пространстве и выступающего ее организующим началом. К близким понятиям, представляющим ситуативные срезы жизненного мира, относятся *психологическое поле* (К. Левин), *смысловое поле* (Л.С. Выготский, Б.В. Зейгарник), *ценностно-смысловая структура ситуации* (В.Е. Клочко).

Оппозиция *общее – частное* появляется в различении *общих*, универсальных пространств (ментальное, жизненное и т.п.) и целого *веера частных*, связанных с конкретными сферами жизни – профессиональный мир, пространство коммуникации, образовательное пространство и др. Кроме логики родо-видовых отношений их различение может трактоваться и как отношение *целое – часть*, и как *система – подсистема*, если в целостности бытия в мире отдельного человека выделять составляющие его пространства профессии, общения, семьи или *отдельные жизненные миры*, которые задаются через определение пространства и времени, субъекта и *Другого*, предметного наполнения и атмосферы, языка и мифа каждого из них (Ф.Е. Василюк).

Обозначенные понятийные оппозиции и задают координаты теоретического пространства познания жизненного мира в современной психологии.

Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства

Последние три понятийные оппозиции задают континуум различающихся по критерию масштаба жизнедеятельностных контуров, представляющих разноуровневые функциональные единицы организации жизненного пространства, совокупность которых составила его контекстуально-уровневую модель (глава 3). Данная модель создавалась для решения задачи градации континуума, на одном полюсе которого находится жизненный мир во всей его полноте, а на другом – ограниченная рамками места и времени ситуация.

Для определения уровней жизненного пространства, представляющего собой сплав внешнего и внутреннего, были выбраны единицы, в которых субъект и объект выступают в единстве, т. е. имеющие деятельностную природу. В основу их вычленения был положен ряд уровневых моделей смысловой сферы и организации стилей (глава 2), также дающих основание для выделения масштаба контекста в качестве самостоятельного, а в призме смыслового подхода и существенного, критерия, определяющего качественную специфику функционально-структурных единиц жизнедеятельности человека.

Поскольку в рассмотренных уровнях моделях в центре находится уровень деятельности и многие из них сочетают генетический и функциональный принципы выделения уровней, а жизненное пространство соответствует не деятельности, а сложноорганизованной системе деятельностей, поэтому центральный уровень модели был смещен от деятельности к *жизни как целостности*. В центре созданной только по функциональному критерию контекстуально-уровневой модели жизненного пространства находится ***пространство жизни*** человека в единстве ее деятельностной и бытийной сторон. Ниже уровня жизни располагается ***пространство сфер жизни*** как ее подсистем, смысл которых задается в соотношении с уровнем жизни, затем – уровень ***пространства деятельности и общения***, и самым нижним является уровень ***смыслового поля действия***. Выше уровня пространства жизни находится метасистемный уровень, образованный ***пространством со-бытийных общностей***, в соотношении с которыми человеку дан смысл его жизни.

Система уровней открыта как вверх, так и вниз. Вверх уровни могут мультиплицироваться в соответствии с увеличением масштаба и возвышением уровня метасистемы по смысловой вертикали: от наиболее близкого человеку социального окружения до Универсума. Вниз они дифференцируются в зависимости от содержания, наполняющего смысловое поле действия, которое может формироваться на основе разных по составу и сложности гомо- и гетерогенных композиций, включающих и многоступенчатые координации ряда дей-

ствий, и их операциональный состав, и отдельные операции и даже отдельные движения – в случае если они стали предметом осознания и целенаправленного выполнения. Выделенные по критерию *масштаба* уровни позволяют дифференцировать жизненный мир в его *пространственной* развертке, которая в рамках осмысления жизни как бытия также обозначается понятием *горизонта*.

Понятие *ситуации* вошло в противоречие с деятельностной логикой выделения уровней. Являясь функциональной единицей жизненного мира в его *временной* развертке, ситуация возникает как способ фиксации процессов, протекающих как на любом отдельно взятом уровне (жизни в целом, сферы жизни, отдельной деятельности и действия), так и в срезе множества разноуровневых процессов, взятых в определенном временном интервале. Ситуации соответствуют подвижные гетерогенные композиции, динамично организующиеся и включающие разнородные и разномасштабные образования, весьма отличающиеся по своему структурно-содержательному составу (А.В. Карпов). Именно поэтому понятие ситуации и «безразлично» к параметрам уровня, однако объем охваченных при ее фиксации жизнедеятельностных контекстов является ее существенной характеристикой. Причинами выделения ситуации как остановки в сознании потока осуществляемой жизненной активности могут стать несоответствия, противоречия, препятствия и необходимость их преодоления, возникающие в течение процессов внутри того или иного уровня или между ними. Причиной другого рода может быть инициированный самим человеком или заданный, например в контексте коммуникации, выход человека в рефлексивную по отношению к тому или иному жизненному процессу позицию для оценки его направления, эффективности и пр.

Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства является способом сегментации разных по масштабу жизнедеятельностных контуров, каждый из которых представляет собой структурно-функциональную систему со своим составом, механизмами и закономерностями функционирования. Принципиальным является тезис о том, что на каждом уровне разворачиваются процессы как адаптивной, так и наадаптивной природы, что вытекает из методологического принципа самодвижения деятельности человека как ее существенной характеристики и принципа развития.

Каждый уровень можно рассматривать как регуляционный контур, и в этом случае его определяющим звеном является целевое состояние, вокруг которого строится система всех необходимых звеньев регуляции и саморегуляции, обеспечивающих гомеостатический режим функционирования системы.

На каждом уровне осуществляются и процессы самоорганизации, связываемые с открытостью каждого из регуляционных контуров тому содержанию, которое ему соответствует. Модель позволяет систематизировать феномены трансцендирования человека в разных по масштабу видах его активности, которые зафиксированы в явлениях сверхнормативной активности, побочного, преобразующего деятельность продукта, интеллектуальной инициативы, бескорыстного риска и надситуативной активности, инициации мыслительной деятельности в рамках тривиальной, самодеятельности, смысло- и целеполагания, личностного выбора и самоопределения личности, а также в исследованиях человека как субъекта профессиональной деятельности и семейных отношений, субъекта жизни.

Контекстуально-уровневая модель может быть использована для упорядочивания представлений об уровнях функционирования сознания, а именно *непосредственного переживания, сознавания* (осмысления), *рефлексии*. На ее основе возможно построение их уровневых моделей в зависимости от того, в рамках какого из жизнедеятельностных контуров они функционируют. В исследованиях переживания систематизируется его разнородный ряд от мнемических переживаний до сложнейшей работы по поиску новой смысловой перспективы в трудной жизненной ситуации. Для процессов осознания и осмысления появляется возможность задать их градации и исследовать эффекты смены масштаба контекста как средства порождения смысла и бессмыслицы. В изучении рефлексии можно дифференцировать по уровням как ее *предметно-содержательный* ряд (*что и как я делаю*), так и *личностный* (*какой Я, когда я делаю это и таким* способом). Дифференциация уровней может быть применена также с целью исследования специфики и эффективности рефлексии в зависимости от *масштаба контекста рефлексивного выхода*.

Зафиксировано противоречие между реальным богатством фактов и концепций, доказывающих наличие гетеростазических тенденций на каждом уровне организации жизненного пространства, и преобладанием регуляционной парадигмы в психологии. Особенно острым оно становится при изучении наддеятельностных контуров, которые характеризуются высокой степенью открытости жизненных целей, задаваемых скорее своим ценностным стержнем, нежели конкретно-предметным воплощением. Теоретические схемы регуляции не могут раскрыть закономерности процессов, ориентированных на нечеткие размытые целевые состояния и критерии, которые доопределяются и изменяются в ходе жизнеосуществления человека.

Это порождает более частную проблему специфики психологических закономерностей и механизмов осуществления обратной связи в

наддеятельностных контурах – на уровне целостной жизни и ее отдельных сфер, раскрывающих, как человек оценивает реализацию собственных жизненных ценностей и ход своего жизнеосуществления. Если фиксация достижения поставленной цели на уровне действия не вызывает больших вопросов, хотя и здесь возникает необходимость оценки приемлемости некоторых допусков (как в технике) и зазоров, образующихся между планируемым и достигнутым, то в отношении жизненных целей, представленных своим ценностным стержнем, задающим скорее направление, нежели четкие целевые образы, вопрос об их регуляторных возможностях представляет собой научную проблему именно в части психологических механизмов осуществления обратной связи – как отрицательной, так и положительной. Ее решение требует определения основных позиций в решении проблемы *динамических сторон функционирования ценностей*.

Динамические аспекты функционирования ценностей

Вопрос о динамических сторонах функционирования личностных ценностей – возможности их актуализации и дезактуализации, «насыщения», способах реализации в жизни и формах существования обратной связи, фиксирующей это, – обсуждается в связи с более широким вопросом о соотношении потребностей и ценностей (глава 4).

На основе: 1) различия органических потребностей человека от биологических у животных (А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.Г. Асмолов), 2) идеи применения закона развития высших психических функций (Л.С. Выготский) к пониманию процесса развития побудительных сил человеческого поведения (Л.И. Божович, В.К. Вилюнас), 3) идеи существования каждой потребности на разных уровнях взаимоотношений человека с миром (В.А. Иванников) – предложено понимание личностной ценности как высшей психической функции, возникающей при опосредовании натуральной функции, т. е. потребности, ценностями как общественными идеалами. Личностная ценность является двухполюсным смысловым образованием. Содержание потребности встраивается в качестве материала в состав образования более высокого уровня, составляя «чувственную ткань» личностной ценности в противовес ее значению как общественно выработанной идее.

Исходя из этого, а также из представлений об особой природе ценностей как обобщений, о поливалентности большинства инструментальных ценностей, понятии о проникающих ценностных ориентациях, обоснована модель, в соответствии с которой ценности и потребности связаны не только генетической, но и функциональной взаимосвязью. Каждая ценность рассматривается как обобщение отдельных аспектов множества разнообразных предметов потребностей

и способов их удовлетворения, при этом данные классы не разделены между собой: одна и та же потребность одновременно входит в зону действия очень разных ценностей. Ценностное содержание включено в структуру каждой конкретной потребности через ее общественно выработанные предмет и способ удовлетворения, и потому реализация каждой ценности может происходить при удовлетворении широкого спектра потребностей. При этом динамические закономерности – как, например, возникающие на пути удовлетворения потребности барьеры – не создают ценность как таковую, но проявляются в трансформации процессов смыслообразования, источником которых она является.

Функционирование ценностей в жизнедеятельности человека сопряжено с необходимостью опознания содержания ценности в реальной действительности при соотнесении обобщенной идеи с чувственно-конкретными характеристиками реальных ситуаций и объектов. Соответственно, ценности не всегда однозначно и прямо могут быть «обнаружены» в конкретной жизненной ситуации, что обуславливает неопределенность при оценке их присутствия в жизни. Это ставит вопросы о способах и критериях реализации ценностей и о том, *каким образом* реализация ценностей, их воплощение, присутствие в жизни фиксируются самим человеком, *репрезентированы* ему самому.

Способы реализации ценностей рассматриваются в зависимости от их содержания и того, в состав каких макроструктур личности они входят. В качестве составляющих наиболее глубоких пластов личности, ее ядра, эго-идентичности ценности имманентно присущи жизни человека, определяя все его действия и поступки. Однако их реализация требует нахождения человеком способа воплощения ценности в каждой конкретной жизненной ситуации, частном действии и поступке, т. е. эффективной работы практического сознания (Ф.Е. Васильюк). Менее очевидна реализация ценностей, включенных в имплицитные модели «правильного» устройства мира и жизни, образующие неосознаваемые фоновые ожидания человеком того, что должно присутствовать в жизни в качестве ее «естественных» компонент. Их опознание осуществляется в основном при отклонении от некоторой подразумеваемой модели нормативного состояния: при реальной угрозе потери или в столкновении с другими, альтернативными ценностными мирами. Ценности также привносятся человеком в мир без его специфической активности, например, просто направленностью внимания на них, при этом, задавая способ видения мира, они интроспективно не всегда представлены в сознании.

В решении вопроса о способах репрезентации человеку хода реализации ценностей центральным является феномен *переживания*, ко-

торое внутренне связано с ценностями и обеспечивает человеку ощущение их присутствия в мире и его собственной жизни. Закономерности реализационной динамики ценностей зависят от базовых пространственно-временных характеристик человеческого бытия, ограничивающих продолжительность любого переживания во времени, от наличия в жизни разных сфер и линий жизнедеятельности, которые динамично переплетаются и сменяют друг друга, поэтому возможны феномены их временного насыщения и дезактуализации в наличном жизненном пространстве личности, когда, не меняя своего места в иерархии, ценность может уменьшить на определенный период времени свою смысло- и мотивообразующую активность.

Содержание конструкта барьерности – реализуемости личностных ценностей

К *динамическим* аспектам функционирования личностных ценностей относится субъективно воспринимаемая человеком степень их реализации в жизни, в качестве эмпирического индикатора которой выступают параметр *доступности* ценности и мера его расхождения с оценкой ее важности, введенные Е.Б. Фанталовой. В теоретическом понимании данного расхождения в науке существуют противоположные точки зрения (раздел 5.1). В теории преодоления (Р.Х. Шакуров) оно понимается как смыслопорождающее и конституирующее ценность, а автором методического подхода к оценке ценностей по критерию доступности Е.Б. Фанталовой – как внутриличностный конфликт.

Эмпирическое исследование, направленное на выявление психологического смысла расхождения параметров важности и доступности ценностей через его соотнесение с общей осмысленностью жизни и оценкой психического состояния, показало, что его количественная оценка не имеет психологически однозначного толкования. Данное расхождение может иметь различный смысл: оно может придавать ценности дополнительный побуждающий потенциал, но может переживаться и как внутренний конфликт, может быть также и нейтральным, не порождающим никаких дополнительных смыслов.

На основе некоторых положений когнитивных теорий мотивации, представлений о защитных механизмах личности и взаимосвязи субъективного отражения значимости и вероятности событий в индивидуальной картине мира было сделано предположение, что параметры важности, доступности ценности и их расхождения могут быть взаимосвязаны между собой. При его эмпирической проверке (раздел 5.2) было обнаружено несколько типов корреляционных структур, отличающихся специфическим сочетанием взаимосвязей данных параметров. В одних случаях они связывались достоверной прямой или обратной связью, в других – не были взаимосвязаны вовсе.

На основе полученных данных были описаны оппонентные смысловые тенденции, отражающие характер внутренней переработки человеком рассогласований, возникающих при соотношении степени важности ценности и оценки ее реализации в жизни (раздел 5.3).

Первая *тенденция* действует в направлении *согласования* мер важности ценности и ее доступности. Дистанция между ними сокращается или за счет внешних активных действий по реализации ценности, или за счет внутренних, например компенсаторных, действий по типу защитных механизмов, ведущих к понижению важности ценности при ее недоступности. В соответствии с ней человек реализует то, что может реализовать в жизни, ценит то, что имеет, и понижает ценность того, что недоступно («Лучше синица в руках, чем журавль в небе»). *Индекс реализуемости* как положительная корреляция параметров важности и доступности ценности стал ее эмпирическим индикатором.

Вторая *тенденция* действует в направлении *рассогласования* или даже поляризации параметров важности ценности и ее доступности. Они изменяются противонаправленно, повышение одного из параметров ведет к понижению другого: дистанция до ценности еще больше увеличивает ее важность и уменьшает оценку доступности, а высокая доступность понижает оценку важности ценности. В пределе реализуемое и доступное обесценивается, а недоступное кажется более ценным и важным («Хорошо там, где нас нет», «Что имеем – не храним, потерявши – плачем»), а побуждающим фактором является именно недоступность ценности или градиент ее изменения. Ее эмпирическим индикатором стали отрицательные значения индекса реализуемости, обозначенные как *индекс проблемности*.

Кроме прямой или обратной взаимосвязи параметров важности и доступности выявлены прямые взаимосвязи оценки важности ценности с дистанцией между ее важностью и доступностью, которые также служат проявлением тенденции рассогласования в ее более мягком, количественно менее выраженном варианте. Эти связи обозначены как *индекс барьерности* ценности, использование которого позволяет зафиксировать большее количество различных вариаций сочетания тенденций согласования и рассогласования и становится особенно информативным тогда, когда величина основного индекса *реализуемости* находится в зоне нейтральных, близких к нулевым значений.

Данные тенденции проявляют дополнительный, инвариантный по отношению к содержанию ценности смысл, кумулирующий в себе эффект оценки рассогласования между мерой важности и доступности ценности и внутренней переработки этого рассогласования, в результате которой личностная ценность приобретает или не приобре-

тает дополнительную смысловую окраску. О трансформации смысла ценностей в ситуации жизненных потерь пишут многие исследователи. По всей видимости, аналогичные закономерности изменений смысла могут проявляться и при менее значительных преградах и барьерах, возникающих в жизни относительно реализации тех или иных ценностей.

Тенденции согласования и рассогласования параметров важности и доступности ценности противоположны друг другу и в совокупности задают континуум барьерности – реализуемости личностных ценностей.

Реализуемость личностных ценностей в ценностно-смысловом рельефе жизненного пространства

На основе различных сочетаний выраженности тенденций согласования (реализуемости) и рассогласования (барьерности) были выделены **смысловые типы** личностных ценностей: *свободно-реализуемый, барьерно-реализуемый, барьерный, проблемно-барьерный, нейтральный*. Эмпирически было показано, что смысловой тип не является следствием положения ценности в иерархии ценностей: как барьерными, так и свободно-реализуемыми могут быть как высоко-ранговые, так и низкоранговые ценности (раздел 5.4).

Содержательные аспекты жизненного пространства личности определяется составом и иерархией личностных ценностей, а динамические – композицией их смысловых типов. Конфигурация содержательных и динамических параметров задает **ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства**, отражающий возникающие при соотнесении экзистенциальных ожиданий личности и восприятия актуальной жизненной ситуации его **линии напряжения**.

Ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства обнаруживает социокультурно-, возрастно-, гендерно-, профессионально-обусловленную специфику. Зафиксированы преобладание барьерных зон в юности, повышение реализуемости в ранней взрослости и разнонаправленная динамика в период средней взрослости, зависящая от социокультурных и профессионально-деятельностных детерминант (раздел 5.5). Гендерная специфика выражается в преобладании барьерных зон у женщин и реализуемых – у мужчин. *Рельеф жизненного пространства* меняется внутри одного возрастного периода на разных фазах развития *в рамках стабильной социальной общности*: при *вхождении* в новую социальную общность и *подготовке к выходу* из освоенной социальной общности *преобладают барьерные*, а в рамках освоенной социальной общности *реализуемые зоны* (раздел 5.6).

Смысловой тип отдельных ценностей содержательно связан с принадлежностью человека к той или иной *профессиональной группе* (раздел 8.1). В группе лидеров сетевого маркетинга ценность друзей является проблемно-барьерной, хотя в других группах аналогичного возрастного и полового состава она относится к свободно-реализуемому типу. Это объясняется спецификой сетевого бизнеса, часто приводящего к необходимости «эксплуатировать» межличностные отношения в прагматических целях, разрушительному воздействию которых подвергаются в наибольшей степени именно дружеские отношения. Смысловой тип ценности здоровья выявил связь с убеждениями, определяемыми включенностью человека в профессиональную деятельность. В группе менеджеров сетевого маркетинга, распространяющих «товары для здоровья», обнаружено отклонение от наиболее типичного для данной ценности смыслового типа, причем характер этого отклонения содержательно прямо соотносится с той стратегией убеждения клиентов, которая взята на вооружение в той или иной компании. Это показало, что барьерность – реализуемость ценностей зависит от специфики как профессионально обусловленного образа жизни и деятельности, так и профессиональных убеждений.

Ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства имеет социокультурную обусловленность. Сравнение американских и российских студентов обнаружило существенные различия как по содержательным, связанным с иерархией ценностей, так и по динамическим, заданным их смысловым типом, критериям. Российские студенты чаще оценивают как более важные малодоступные для себя ценности, американские же, ориентируясь на реальность, ценят то, что имеют, понижая важность недоступного.

Реализуемость ценностей как устойчивая характеристика личности

Сопоставление индивидуальных индексов реализуемости и барьерности, полученных на разных по содержанию списках ценностей, показало, что их качественно своеобразное сочетание для отдельного человека относительно устойчиво (раздел 6.1). Наибольшая консистентность результатов обнаружена в отношении терминальных (общечеловеческих, групповых и индивидуальных) ценностей. Изменение состава и содержания списка терминальных ценностей практически не изменяет соотношения индивидуальных индексов реализуемости и барьерности. Наибольшие различия выявлены между инструментальными и терминальными ценностями: в отношении первых в большей мере выражена тенденция к реализуемости, а в отношении вторых – тенденция барьерности. Тем не менее индексы реализуемости терминальных и инструментальных ценностей тесно коррелиру-

ют друг с другом. Это обосновало правомерность введения представления о степени *реализуемости ценностей как об устойчивой индивидуальной характеристике личности*, отражающей преобладающий у нее способ внутренней переработки разрыва между мерой важности личностной ценности и субъективно воспринимаемой степенью ее реализации.

Стандартная процедура *психометрического описания* индивидуальных индексов барьерности и реализуемости (раздел 6.2) показала, что они не зависят от пола и возраста и имеют разброс значений, близкий к нормальному распределению, и, значит, в отношении них правомерно использование методов параметрической статистики. В измерении данных индексов с двухнедельным интервалом была показана их ретестовая устойчивость.

Обнаружилось, что индексы барьерности и реализуемости настолько тесно связаны между собой, что для упрощения процедур статистического анализа в случаях, когда нет необходимости в определении индивидуальной конфигурации данных индексов, можно применять только один, более простой в процедуре подсчета *индекс реализуемости*, распространяя результаты и на индекс барьерности.

Реализуемость личностных ценностей в кризисной жизненной ситуации

Задача доказательства содержательной валидности индексов реализуемости и барьерности ценностей решалась за счет сравнения контрастных групп, преобразование образа мира и жизненного пространства которых в сторону субъективного восприятия его как полного барьеров на пути к значимым ценностям является известным фактом (раздел 6.3). Это ситуация жизненного кризиса, обусловленного тяжелым соматическим заболеванием, которая обычно связана с переживанием тупика, ощущением сужения жизненного пространства. При заболевании появляется много объективных барьеров для осуществления как отдельных деятельностей (из-за ограничений операциональных и энергетических возможностей), так и жизнедеятельности в целом (из-за прогнозируемых препятствий в реализации жизненного замысла и изменений перспектив жизни в целом).

Исследование проводилось, во-первых, с больными, перенесшими ситуацию острой опасности для жизни, связанную с интенсивными болевыми ощущениями, и имеющими болевую симптоматику на момент проведения исследования (больные после операции удаления аппендикса и госпитализированные с инфарктом миокарда), во-вторых, с больными, не испытывающими физических страданий, но в недавнем (менее одного года) прошлом узнавших о своей ВИЧ-позитивности.

Сравнение со здоровыми людьми, находящимися в обычной жизненной ситуации, показало, что в ситуации серьезного соматического заболевания, связанного с угрозой для жизни, происходит сдвиг индексов в сторону полюса барьерности как при наличии выраженной соматической симптоматики (аппендицит и инфаркт миокарда), так и в случае ее отсутствия (ВИЧ+). Наибольшая степень барьерности личностных ценностей выявлена у перенесших инфаркт миокарда, у других групп больных (ВИЧ+ и аппендицит) она меньше.

Эти результаты прямо соотносятся с типами барьеров и ограничений жизнедеятельности, определяющими психологические последствия заболевания. Первый тип барьеров обуславливается тяжестью физического состояния и ограничениями жизнедеятельности в настоящем времени. Второй – ограничениями в отношении жизненных перспектив, реализации жизненного замысла, ситуацией неопределенности вследствие вероятности неожиданного развития болезни вплоть до летального исхода. У больных, перенесших инфаркт миокарда, барьерность личностных ценностей наибольшая, поскольку присутствуют оба ограничивающих барьера. В двух других группах присутствует лишь один из них, и хотя они отличаются между собой по характеру заболевания, значения индексов реализуемости ценностей у них совпадают. Это показало, что индекс реализуемости личностных ценностей отражает как актуальные барьеры, возникающие в ходе актуальной жизнедеятельности, так и барьеры, связанные с реализацией жизненного замысла и стратегическими аспектами жизни, а мера его выраженности количественно кумулирует в себе действие и тех, и других.

Соотношение реализуемости личностных ценностей с устойчивыми свойствами личности

С целью дальнейшего содержательного раскрытия феномена *барьерности – реализуемости* личностных ценностей исследовалось их соотношение с *устойчивыми свойствами личности* (раздел 6.5).

Сопоставление с *чертами личности* в соответствии с моделью и тестом Кеттелла не обнаружило каких-либо выраженных даже на уровне тенденции взаимосвязей, за исключением шкалы «Радикализм – консерватизм»: реализуемость оказалась достоверно прямо связана с консерватизмом, а барьерность – с радикализмом.

Соотнесение с выраженностью *мотивации достижения* или *избегания неудачи* показало отсутствие значимых взаимосвязей с ними, и, значит, тенденции согласования и рассогласования параметров важности и доступности ценностей не могут быть сведены к данным мотивационным тенденциям.

Поскольку восприятие реализации личностных ценностей с необходимостью опосредовано процессами категоризации при опознании обобщенного содержания ценности в материале конкретной ситуации, было исследовано соотношение реализуемости ценностей с психометрическим интеллектом как продуктивной характеристикой мышления человека (раздел 6.5). Оказалось, что индекс реализуемости не связан с показателями как вербального, так и невербального, пространственно-математического, интеллекта, и, значит, в особенностях соотнесения важности ценностей с их доступностью способности к понятийному, пространственному и математическому мышлению не проявляются.

Итак, с одной стороны, в психометрическом понимании индексы реализуемости и барьерности ценностей оказались устойчивы, однако, с другой стороны, способны существенно изменяться, будучи чувствительны к возникающим в жизненном пространстве барьерам. В целом, они мало связаны с уровнем инструментальных проявлений личности, поэтому вряд ли их можно осмыслять в одном ряду с ними, хотя некоторые немногочисленные взаимосвязи позволили уточнить их содержательное наполнение. При этом операционализированный в них конструкт представляет динамические аспекты ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности, отражающие работу глубинных механизмов, участвующих в регуляторных процессах на уровне контура целостной жизнедеятельности. Следовательно его работа должна проявляться и в специфике работы механизмов структурирования образа мира, действующих в различных его слоях.

Реализуемость личностных ценностей и образ мира

В понятии образа мира как интегральном образовании познавательной сферы, которое является формой движения от субъекта на объект (А.Н. Леонтьев, С.Д. Смирнов), строящемся в отношении важных и значимых для человека событий, которые связаны с деятельностью субъекта и его потребностями, заложено представление о психике как имеющей не только отражательный характер, но и выраженное порождающее начало. Являясь исходным пунктом и результатом любого познавательного акта, образ мира существует как непрерывная генерация гипотез-моделей мира, образующих целостную систему, а любой конкретный образ мыслится не как ответ на то или иное внешнее воздействие, а как результат подтверждения или перестройки уже имевшейся гипотезы. Привлекая представление об образе мира как системе генерируемых гипотез, можно рассматривать параметры барьерности – реализуемости личностных ценностей как проявление работы механизма, сдвигающего генерирование гипотез в

определенном направлении. Реализуемость способствует обнаружению признаков присутствия ценности в той или иной жизненной ситуации и фокусирует человека на тех моментах, которые ей соответствуют. Барьерность, напротив, фокусирует внимание на несоответствии характеристик наличной ситуации той или иной ценности, инициируя их поиск за ее пределами. Фактически оценка присутствия ценностей в жизни опосредуется работой данного механизма.

В рамках трехслойной модели образа мира, включающей перцептивный, семантический и деятельностный слои, предлагаемые параметры *барьерности и реализуемости* личностных ценностей можно отнести к *механизмам* его наиболее глубинного *деятельностного слоя*, поскольку они представляют собой способы структурирования и организации наиболее обобщенных ценностно-смысловых аспектов динамики жизненного мира личности. В виду целостности и системности образа мира как психического образования вполне закономерно ожидать его связи с механизмами, действующими на других его уровнях – семантическом и перцептивном, к которым можно отнести защитные механизмы личности и когнитивные стили.

Соотношение ценностной реализуемости с защитными механизмами и когнитивно-стилевыми особенностями личности

При соотнесении с *когнитивными стилями* как устойчивыми индивидуальными способами организации личностно нейтральных перцептивных и семантических содержаний обнаружено, что высокая выраженность *реализуемости* связана с *полезависимостью* и *узким диапазоном эквивалентности*, а *барьерность* – с *независимостью от поля* и *широким диапазоном эквивалентности* (раздел 7.2).

В соотнесении с устойчивыми механизмами восприятия и осознания личностно значимой информации – *защитными механизмами*, позволяющими трансформировать отдельные сегменты образа мира с целью устранения или преобразования информации, субъективно оцениваемой как угрожающая, – показано, что сдвиг в континууме барьерности – реализуемости в направлении полюса *барьерности* прямо связан с высокой выраженностью защитных механизмов *компенсации, регресса и замещения* (раздел 7.1). Содержательное пересечение этой триады, в отличие от других защитных механизмов, обнаруживается в том, что они трансформируют или само действие, направленное на реализацию побуждения, или изменяют объект, на который оно направлено. При этом все они подразумевают активные действия в направлении реализации побуждения, тогда как другие защитные механизмы, не связанные с параметром барьерности – реализуемости, действуют в основном через трансформацию воспринимаемого образа ситуации. Значит, выраженность барьерности

связана с большей приемлемостью действий или объектов, не прямо соответствующих побуждению, тогда как реализуемость отражает стремление действовать, не подменяя ни способы действий, ни объекты другими, менее соответствующими ему. В свете этого понятна прямая связь индекса реализуемости с узким диапазоном эквивалентности (для оценки объектов как сходных необходимо весьма точное их соответствие друг другу) и полезависимостью, отражающей чуткость к имеющемуся в наличном «поле». При выраженной барьерности проявляется меньшая требовательность в отношении точного соответствия объектов, что в сочетании с полезависимостью свидетельствует об ориентации на внутренние критерии и широкое, но неточное отражение более объемных зон жизненного пространства.

Реализуемость ценностей и жизненное пространство личности

Собирая полученные данные в единую картину, можно утверждать, что конструкт барьерности – реализуемости отражает работу функционального механизма ценностно-смысловой сферы личности, который, структурируя образ мира, является глубинным способом настройки своего рода внутреннего зрения, определяющего «объемность», фигуру-фоновый рельеф, центрацию жизненного пространства личности вовне или вовнутрь, фокусировку человека на дальних или ближних его зонах, тенденцию к расширению или стабилизации.

Если представить порождаемые предельным выражением каждой из тенденций разные способы «видения» мира, то можно описать соответствующие каждому из них *жизненные пространства*.

В случае *преобладания реализуемости* человек фокусируется на ближних планах, в терминологии Е.А. Климова, жизненного пространства, сосредоточен на локальном и точном отражении того, что находится в пределах актуально реализуемых жизненных отношений и совокупности осуществляемых деятельностей и их операционально-смысловых и действенных полей. В жизненное пространство включается то, что доступно и освоено. То, что недоступно, просто не присутствует в нем или находится на самой его периферии. Здесь внутреннее реализуется вовне и тем самым себя в обретенной предметности растворяет, что обеспечивает погруженность, включенность в свое жизненное пространство, отсекая все постороннее, обеспечивает субъективное ощущение его как просторного и освоенного, человек психологически локализован в его центре, живет «здесь и сейчас». Но при этом оно как будто очерчено невидимой границей, человек не стремится к его расширению, основной «фигурой» являются ближайшие зоны. Поэтому в описании этого жизненного пространства из позиции *извне* можно охарактеризовать его как центростремительное и закрытое.

В случае *преобладания барьерности* структурирование фигуро-фоновых соотношений жизненного пространства диаметрально противоположно. То, что доступно, не замечается и не ценится, при этом человек поглощен тем, что находится вне зоны доступного, ему кажется, что все основное в жизни и в мире находится не там, где находится он сам, а где-то в «прекрасном далеко». Здесь преобладает ориентация на дальние планы жизненного пространства, а ближние становятся фоном. Образ мира при этом становится гораздо более объемным, но отдельные его сегменты воспринимаются менее точно, приблизительно. Поиск новых возможностей именно как своих требует соотнесения с внутренними критериями, поэтому в качестве «фигуры» выступают и собственные чувства, желания, стремления, переживания. Можно говорить о субъективном ощущении жизненного пространства как тесного, замкнутого, пустого, субъективной локализации человека на его периферии, жизни «там и тогда» с ощущением, что «все еще только предстоит» или «все уже было». При описании этого жизненного пространства с позиции *извне* можно говорить о нем как центробежном, направленном на расширение, вовне.

Вышеописанные типы ценностно-смысловой организации жизненного пространства могут являться *внутренним условием решения* качественно разных *жизненных задач*, которые содержательно соответствуют описанным Д.А. Леонтьевым фазам экзистенциального взаимодействия человека с миром, находящимся между собой в отношениях взаимодополнения и чередования. Преобладание реализуемости ценностей в таком случае соответствует состоянию смысловой *опредмеченности* и фазе экзистенциальной закрытости, когда у человека актуализирован потенциал ответственности и реализуются выбранные возможности. Барьерность соответствует состоянию смысловой *распредмеченности* и фазе экзистенциальной открытости новым смысловым горизонтам, когда актуализирован потенциал свободы.

Соотношение реализуемости личностных ценностей с ответственностью и субъективной оценкой свободы

В содержательных пересечениях типологического подхода к стратегии жизни (К.А.Абульханова-Славская) и представлении о фазах экзистенциального взаимодействия человека с миром (Д.А. Леонтьев) исследовалась связь реализуемости ценностей как индикатора закономерно чередующихся фаз смысловой открытости и закрытости с ответственностью как структурной составляющей стратегии жизни и субъективной оценкой человеком своей свободы (раздел 8.1).

Выявлен ряд совпадающих закономерностей их взаимосвязи с параметрами барьерности – реализуемости личностных ценностей, но есть и отличия. Так, взаимосвязи с ответственностью и субъективной

оценкой своей свободы имеют одинаковый характер на этапах перехода к взрослости, соответствуя полюсу реализуемости ценностей: те молодые люди, которые перешли к реализации обретенных смыслов, ощущают большую свободу и показывают более высокие значения интернальности нежели находящиеся в смысловом поиске, т. е. с преобладанием барьерной составляющей смыслообразования. В период ранней взрослости (20–40 лет), когда способ жизни активно создается, начинается реализация основных жизненных планов, однозначные взаимосвязи реализуемости ценностей как с ответственностью, так и с переживанием свободы отсутствуют или крайне малочисленны, возникая лишь в отдельных группах и для отдельных сфер жизни. Так, они ярко проявляются в критических жизненных ситуациях, демонстрируя здесь гендерное своеобразие, что свидетельствует о разных внутренних стратегиях их преодоления мужчинами и женщинами. В период средней взрослости (40–50 лет) взаимосвязи ответственности и свободы с параметрами барьерности – реализуемости носят разнонаправленный характер: переживание свободы плотно связывается с полюсом реализуемости ценностей, а взаимосвязи ответственности дифференцируются для разных сфер жизни, опосредуются гендерной принадлежностью человека и могут быть прямо связаны как с полюсом барьерности, так и реализуемости ценностей.

Согласно результатам, свобода как переживание своей независимости может проявляться в обеих тенденциях, что позволяет говорить о двух ее разных источниках. Первый, связанный с реализуемостью, дает свобода жизни в границах освоенного и доступного мира, второй, связанный с барьерностью, определяется свободой выходить за границы освоенного мира, искать новые смыслы и расширять смысловые горизонты. Но в целом преобладание барьерности чаще связывается все-таки с ощущением несвободы. Ответственность как интернальный локус контроля также присутствует в обеих тенденциях. В первом случае – это ответственность за реализацию обретенных смыслов, во втором – за изменение и трансформацию своей жизни, поиск и выстраивание новой смысловой реальности. Выявленные связи индекса реализуемости с локусом контроля, по существу, высвечивают зоны жизненной работы человека, в которых локализованы его основные жизненные задачи и через которые преимущественно происходит его развитие как субъекта жизни в тот или иной период жизни.

Реализуемость личностных ценностей, освоенность пространства собственного Я и жизненный выбор

Если реализуемость терминальных ценностей отражает освоенность жизненного пространства личности, то реализуемость инстру-

ментальных ценностей, перечень которых содержательно совпадает с обозначениями личностных свойств, можно трактовать как показатель освоенности человеком пространства собственного Я. Поскольку последнее является фундаментом психологической готовности к освоению человеком более широкого социального мира, мы предположили, что выбор в направлении кардинальных изменений жизни, расширения ее социального пространства будет связан с полюсом реализуемости инструментальных ценностей, тогда как полюс их высокой барьерности будет связан со стремлением человека сохранить жизненное пространство стабильным, оставить его в прежних рамках.

В исследовании зависимости типа выбора от преобладания реализуемости или барьерности инструментальных ценностей в качестве модельной выступила реальная ситуация выбора вуза после окончания школы (раздел 8.2). Результаты показали, что в юности выбор в направлении значительных изменений жизни связан с большей реализуемостью ценностей, а выбор в направлении «оставить все как есть» – с их большей барьерностью, причем отличия наиболее выражены именно в отношении инструментальных ценностей.

Обнаружены различия и в ценностях, задающих смысловую наполненность жизни: у тех, кто сделал выбор в направлении расширения и изменения жизненного пространства, смысложизненные связи строятся вокруг ценностей, связанных с задачами следующего возрастного периода – периода поиска партнера, формирования отношений интимности и сотрудничества. Это свидетельствует о большей степени сформированности у них эго-идентичности по сравнению с теми, кто совершил выбор в направлении сохранения жизни в прежних рамках.

Специфика жизненного пространства личности в зависимости от преобладания реализуемости или барьерности ценностей

Целостное сопоставление содержательных, динамических и темпоральных характеристик жизненного пространства, исследованных в группе людей 40-50 лет, показало наличие его специфики в зависимости от преобладания реализуемости или барьерности ценностей (раздел 8.3).

Картина иерархии ценностей и оценок их доступности позволяет определить тех, у кого преобладает барьерность ценностей, как «романтиков» – для них более важны ценности любви и друзей в сочетании с большей доступностью ценностей любви, познания и творчества. Группа «реализуемых» с более важными для них ценностями материально обеспеченной жизни и здоровья и оцениваемыми как избыточно доступными ценностями друзей, свободы и красоты природы может быть охарактеризована как «прагматики».

Темпоральные различия проявляются в субъективной локализации личности на временной трансспективе: «барьерные» ощущают себя старше, а «реализуемые» – моложе своего хронологического возраста.

Поскольку ценности «барьерных» можно охарактеризовать скорее как ювенильные, характерные для периода юности и молодости, они, оценивая себя и свою жизнь относительно этой системы ценностных координат и принадлежа при этом к другой возрастной категории, ощущают себя психологически старше. Тогда как те, кто ориентирован на «земные» ценности, возможно, более характерные для исследуемой возрастной группы, ощущают себя моложе своих лет относительно адекватной собственному возрасту и возможностям системы ценностных координат.

Структура смысловых ориентаций в группе «барьерных» оказалась более взаимосвязана, тогда как у «реализуемых» оценки настоящего не связаны ни с оценкой прошлого, ни с оценкой будущего, что подтверждает предполагаемое описание жизненного пространства «реализуемых» как сопряженного с погружением в жизнь «здесь и сейчас», в границах освоенного и доступного мира.

Выявлена *закономерность поляризации тенденций реализуемости и барьерности* личностных ценностей в стратегии жизни. В каждой из групп более последовательное воплощение характерной для них тенденции связано с более высоким уровнем осмысленности жизни, большей оценкой ее событийной реализованности, ощущением большего контроля над ней, тогда как их смешение приводит к понижению значений этих параметров.

Таким образом, в цикле изложенных исследований предложен и реализован новый подход к динамическим аспектам ценностно-смысловой сферы личности, возникающим в связи с восприятием личностью степени реализации ее ценностей. Способ внутренней переработки разрыва между степенью важности ценности для личности и оценкой ее доступности стал критерием выделения смысловых тенденций барьерности и реализуемости, а их сочетание определяет смысловой тип ценности. Композиция иерархии ценностей и их смысловых типов задает ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства личности, проявляющий социо-, возрастно-, гендерно-, профессионально-обусловленную специфику. Доказана устойчивость индивидуальной выраженности барьерности – реализуемости личностных ценностей в качестве стилевой характеристики личности. Данные о взаимосвязи с чертами личности, когнитивными стилями и защитными механизмами личности позволяют утверждать, что конструкт барьерности – реализуемости ценностей отражает работу

функционального механизма ценностно-смысловой сферы личности, структурирующего образ мира в его ядерном, деятельностном слое. Являясь глубинным способом настройки, определяющим «объемность», фигуру-фоновый рельеф, центрацию, вовне или вовнутрь, жизненного пространства личности, этот механизм в своем функционировании взаимосвязан с механизмами построения образа мира как на уровне восприятия личностно значимой, так и личностно нейтральной простой перцептивной информации. Отражая микродинамические процессы ценностно-смысловой сферы личности, он участвует в регуляции жизнедеятельности и структурировании жизненного пространства личности в соответствии с экзистенциальными фазами взаимодействия человека с миром.

10.2. Роль и место функционального механизма барьерности – реализуемости ценностей в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности

Обобщение теоретических и эмпирических результатов всего цикла исследований позволяет обосновать функционально-динамический подход к механизмам ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности. Он основан на представлении о жизни человека как открытой динамично развивающейся системе, содержащей в себе множество качественно разнородных и разновровневых подсистем и характеризующейся высокой степенью сложности. Главным условием ее существования является постоянный обмен с внешними по отношению к ней системами, которые, развиваясь по своим законам, изменяются в течение жизни человека. Ввиду сложности и открытости системы жизни в целом закономерности ее организации не могут быть описаны в рамках теоретических схем регуляции, подразумевающих ориентацию на конкретные целевые состояния. Если на уровне отдельной деятельности регуляционные схемы могут объяснить многие эмпирические факты, а также стимулировать постановку новых и актуальных теоретических проблем, то применительно к уровню целостной жизнедеятельности они явно недостаточны. Здесь требуется представление о гетеростазических закономерностях, характерных для открытых регуляционных контуров, которые исследованы в гораздо меньшей степени, нежели таковые в теоретических моделях, описывающих функционирование закрытых регуляционных контуров.

Важной составляющей предлагаемого подхода является модель функционирования *открытого (разомкнутого) регуляционного кольца*, осуществляющего процессы регуляции (саморегуляции) и самоорганизации на каждом уровне жизнедеятельности, выделенном в рамках контекстуально-уровневой модели (глава 3). Кроме всех ос-

новых блоков и процессов, включенных в замкнутое регуляторное кольцо, она содержит и дополнительные, характеризующаяся спецификой как своих структурных составляющих, так и закономерностей функционирования в целом.

В работе разомкнутого регуляционного кольца можно выделить два сменяющих друг друга режима. Первый режим – регуляция и саморегуляция в закрытом контуре, действующие на основе отрицательной обратной связи и замкнутые на определенное целевое состояние. Второй – самоорганизация в режиме открытого регуляторного кольца, основанная на положительной обратной связи и определяемая открытостью как целей, доопределяемых в ходе активности, так и средств и способов их достижения. Режим работы в закрытом контуре представляет собой частный случай работы в более полном разомкнутом кольце.

Режимы открытости и закрытости и их смена определяются особым механизмом, оценивающим степень соответствия всех частных промежуточных итогов, получаемых в регуляционном кольце любого уровня, ценностно-смысловому ядру личности, ее глубинным основаниям, обозначаемым в психологии как самость, эго-идентичность.

Основная специфика открытого регуляторного кольца на любом уровне жизнедеятельности задается, в первую очередь, особенностями блока, содержащего модель целевого состояния и выполняющего функцию программатора. Особенности закономерностей функционирования регуляторных контуров на уровне жизни в целом или ее отдельных сфер, в отличие от уровня действия или особенной деятельности, связаны со спецификой именно этого блока. Другими словами, открытость системы жизни определяется открытостью жизненных целей, являющихся формами конкретизации предельно обобщенного смысла жизни.

Как известно, становление личности в качестве субъекта своей жизни связано с формированием жизненных планов [Абульханова, 1991; Головаха, 1988; Знаков, 2003; Карпинский, 2002; Сергиенко, 2007 и др.] или дальних намерений разной степени детализированности и четкости (от приблизительных, смутных до четких и конкретных образов), охватывающих основные сферы жизни. В отличие от целей действия данные образования, задающие целевое состояние, характеризуются множественностью и многовекторностью, вероятностным характером, недостаточной четкостью и ясностью образов будущего вследствие их обобщенности, допускающей различные варианты конкретизации, зависящие в момент их доопределения не только от внутренних интенций человека, но и требований и возможностей внешних систем.

В жизни следующий шаг часто выстраивается от уже полученного результата с учетом изменяющихся обстоятельств и возникающих возможностей. И это глубоко оправдано, так как невозможно заранее спрогнозировать все характеристики и изменения внешних систем, в которых разворачивается жизнь человека, так же как и точно предсказать его собственные изменения в результате совершенных им поступков и жизненных выборов. Не случайно в этом контексте авторы часто используют представление о жизненном замысле, а не цели. При реализации замысла возникают его многочисленные трансформации, которые производятся в соответствии с появляющимися в конкретных условиях жизни не всегда предсказуемыми, динамично изменяющимися переплетениями отношений, деятельностей, обстоятельств. Как живое движение строится каждый раз заново [Зинченко, 1998], живая жизнь тем более не может быть расчерчена на всю ее глубину изначально заданными сознательными целями и сценариями. Любопытен в этой связи тот факт, что понятие смысла в психологии обычно связывается с телеологическим способом детерминации через будущее, но при этом часто указывается, что смысл находится человеком в ходе реконструкции общей линии пути, который им уже проделан. Он отражает то обстоятельство, что фактически поиск смысла жизни происходит параллельно с его реализацией, и на каждом значительном жизненном шаге или повороте он заново выверяется и проверяется на соответствие чувству свойственного себе, своей идентичности, предназначенности, которые его, этот смысл, и определяют.

В целом, специфика презентации в сознании жизненных задач и целей человека связана с тем, что они представлены не столько в чувственно-образной форме, сколько через свое ядерное ценностное содержание, что выражается в следующих их особенностях: 1) обобщенность и целостность, следствием чего является инвариантность по отношению к определенному модальному воплощению и конкретным признакам достижения; 2) вариативность, когда вместо одного образа может существовать целый ряд разнообразных вариантов возможной реализации общего замысла; 3) представленность в форме невербализованных чувств («чувство пути» [Леонтьев Д.А., 2009]). Данная форма презентации человеку его жизненных ориентиров абсолютно необходима в современном мире, позволяя учитывать как изменения, происходящие в человеке в ходе его самоосуществления, так и условия постоянно и быстро изменяющегося мира.

Необходимо отметить, что даже в тех случаях, когда жизненные цели сформулированы очень конкретно, на глубинных уровнях личности они всегда означают нечто гораздо больше того, что в них прямо обозначено: «в сложных формах активности человек действует не

ради достижения самого по себе предмета потребности (или мотива, по А.Н. Леонтьеву), он действует ради целостного образа новой жизни, в которую будет включен этот предмет» [*Братусь*, 1997, с. 10]. Т. е. любая жизненная цель является лишь какой-то частью, возможно, самой существенной, но лишь частью этого целостного образа будущего. Большая же часть его составляющих, часто не менее важных для человека, подразумевается, но не всегда ясно им осознается и точно обозначается как цель. Иногда и сама поставленная жизненная цель на самом деле является лишь инструментом реализации других, более глубинных и сущностных для человека ценностей, которые он может до конца и не осознавать.

При этом не все компоненты, создающие целостный образ будущего, обязательно напрямую связаны с тем, что обозначено в качестве вербально сформулированной и осознанной человеком цели, к достижению которой он прикладывает свои основные усилия. Они могут быть следствиями ее достижения, но чаще всего их наступление не гарантировано и не происходит автоматически после достижения цели, а требует дополнительных усилий, иногда и отдельного направления их приложения. Этим, в частности, также можно объяснить описанный в психологии феномен испытываемого человеком разочарования и пустоты, которые наступают после достижения им особенно значительных целей, потребовавших больших затрат времени и усилий, который обычно связывают с отсутствием развернутой целевой структуры последующей активности. На наш взгляд, это не единственное объяснение и оно может быть дополнено. Так, не менее важным и необходимым для объяснения этого феномена является и указанный выше факт, что после достижения осознанной человеком цели не все те составляющие целостного образа будущего, которые побуждали к ее достижению, обязательно появляются в реальной жизни. Кроме того, к достижению цели приходит несколько другой, изменившийся человек, нежели тот, который ее планировал. В некоторых случаях это уменьшает разочарование, поскольку направление изменений человека и трансформации целевого состояния шли «рука об руку», но в некоторых может и увеличивать его. Специфика процессов регуляции жизнедеятельности в целом связана и с особыми режимами осознанности в осуществлении этой работы. Так, жизненные цели часто не сохраняются в виде длящегося состояния сознания, а переходят из плана актуального субъективного переживания в план метанапряжения [*Виллюнас*, 1990]. Возможно поэтому многие авторы, совершенно по-разному понимая их природу, говорят о них как о неосознаваемых или малоосознаваемых образованиях: предчувствие судьбы, зов самости и т. п. Но в отдельные моменты

они вдруг ясно и четко выступают на арену сознания: «так называемые свободные озарения, или ни с чем, казалось бы, не связанные продуктивные идеи, – это новые пути достижения перешедших в состояние неосознанности целей, намерений и задач личности» [Анцыферова, 1990, с. 11]. Поэтому более точно передающим форму представленности целевых состояний, выполняющих функции программного блока в регуляторном кольце, охватывающем масштаб жизни как целостности, нам представляется понятие *экзистенциальных ожиданий* [Сапогова, 2007 б], нежели понятие цели как «образа потребного будущего». В данном контексте, мы не останавливаемся на обсуждении того, каким путем появились эти образования: запечатленные идеалы, интериоризованные жизненные сценарии, собственные побуждающие к реализации способности и т. п., а также различные сочетания и синтезы подобных источников. Важно то, что они кумулируют в себе наиболее общие жизненные ориентиры и, актуализируясь в соответствующих им периодах жизни или ситуациях, побуждают человека к реализации, выполняя направляющую и корректирующую функции.

Следствием представленности человеку его жизненных ориентиров в форме ценностно-насыщенных, но не имеющих точного и конкретного образа экзистенциальных ожиданий становится специфика осуществления обратной связи, осуществляемой в регуляторном контуре на уровне жизни в целом. Обобщенность целевого состояния порождает связанные с этим трудности фиксации самого факта его достижения в силу расплывчатости и подвижности его критериев. Это с необходимостью ведет к появлению специфических механизмов, определяющих степень соответствия хода осуществляемой активности и достигаемых в ней промежуточных результатов жизненному замыслу, что необходимо для коррекции ее направления, выбора используемых в ней средств и способов. Они не могут работать как в случае более простых предметных целей за счет сличения целевого образа и образа наличной ситуации.

В открытом регуляционном контуре роль цели оказывается противоречивой. Она абсолютно необходима и должна ставиться человеком с той или иной степенью осознанности и проработанности для инициации его активности и определения ее направления. Но человеку гарантировано обнаружение отклонения полученного результата от ожидавшегося изначально образа, поскольку в ходе жизнедеятельности обязательно возникают различные незапланированные трансформации и модификации как целевого состояния, так и условий его достижения. Тот целостный образ жизни, который человек воображал, ставя цель, столь же редко может быть полностью воплощен в

реальности, сколь и «схвачен» в каком-либо вербальном обозначении. Поэтому даже при точном соответствии достигнутого результата сформулированной цели весь целостный образ жизни, полученный в итоге, содержит в себе и то, что не планировалось и не ожидалось, и вовсе не обязательно содержит все то, что предполагалось как следствие достижения поставленной цели и, возможно, придавало ей основной смысл.

В этом контексте возникает проблема определения диапазона конкретизации жизненных целей, в рамках которого она сохраняет еще свою сущность, остается самой собой. Т. е. необходимо определение меры разрыва между изначально подразумеваемым целевым состоянием и реально полученным в жизни результатом, когда человек еще опознает в нем те ядерные ценностные характеристики целевого состояния, к достижению которых он стремился.

Проблема отклонения результата от запланированного целевого состояния не нова, даже в технике существует понятие допуска как диапазона, в рамках которого результат оценивается как соответствующий исходным требованиям. Проблема возникновения отклонений от цели, чувствительности к ним и разных способов ориентации человека в том, происходит ли реализация цели, находятся в фокусе внимания теории мотивационного контроля Д. Хайленда [см. *Дружинин, 2001*]. Но в отношении жизненных целей эти же вопросы исследованы очень мало, а прямой перенос данных от узких по масштабу регуляционных контуров на широкие не всегда оправдан, так как здесь действуют другие закономерности, связанные с иным качеством и степенью сложности процессов.

Сложность осуществления обратной связи на уровне жизнедеятельности в целом обусловлена масштабом данного регуляционного контура – его многоплановостью, связанной с наличием в нем разных сфер жизни, которые частично перекрываются друг с другом и, в свою очередь, включают целые комплексы более частных видов активности, каждый из которых также образует регуляционный контур, обеспечивающий достижение определенного целевого состояния с той или иной степенью отклонения от него.

Большой масштаб пространства регуляции прямо связан и с временной длительностью, растянутостью во времени протекающих в нем процессов. Поэтому возникает вопрос и о том, что запускает процессы подведения промежуточных итогов и фиксации результата, на какие критерии человек ориентируется, определяя момент, когда уже необходимо начинать эту работу. Даже нормативные сценарии жизни, задающие представления о времени наступления важных событий жизни, не дают здесь точных ориентиров, тем более что в со-

временном обществе они весьма разнообразны и довольно быстро изменяются*.

Несомненно, периоды подведения некоторых итогов соответствуют лиминальным периодам жизни и возрастным кризисам. Однако причины, механизмы и время их возникновения, несмотря на ряд появившихся в последнее время работ [Поливанова, 2000; Сапогова, 2008], остаются недостаточно раскрытыми. Особенно это неясно в отношении нормативных возрастных кризисов, возникающих в некоторой внутренней логике процесса развития взрослого человека, толчком к возникновению которых не стали те или иные экстраординарные жизненные обстоятельства. Впрочем, и в отношении детских возрастов проблема механизмов перехода на следующие этапы и фазы возрастного развития остается далеко нерешенной. Так, в рамках концепции Д.Б. Эльконина все еще открытым является вопрос о том, «какова мера дисбаланса между двумя аспектами деятельности, которая приводит к окончанию одного цикла развития и запускает другой» [Нежнов, 2004, с. 81]. Лиминальные периоды, носящие по сравнению с возрастными кризисами менее тотальный характер, также однозначно не задают временных рамок и определяются разномасштабными циклами развития человека в отдельных сферах жизни или деятельности.

В качестве начального периода нормативного возрастного кризиса исследователи отмечают нарастание неудовлетворенности жизнью, которая из первоначально мало осознанных отдельных фрагментарных форм приобретает все более и более осознанные и обобщенные выражения [Братусь, 1980; Поливанова, 2000]. Однако исследования удовлетворенности жизнью, которые имеются в современной психологии, изучая многие влияющие на нее факторы, проводятся безотносительно к процессам и механизмам развития личности.

Большой масштаб и временная продолжительность процессов, протекающих в регуляционном контуре уровня жизни в целом, требуют постоянно осуществляемой сложной интеграции процессов обратной связи, как отрицательной, так и положительной, осуществляемых на разных уровнях, регулирующих столь сложную многоурав-

* Примером может служить представление о нормативном возрасте рождения женщиной первого ребенка. В 70–80-е годы прошлого века впервые рожавших молодых женщин с 25 лет в родильных домах величали «старородками», что отражало не столько биологически благоприятный период для этого события, сколько фиксировало существующую в обществе практику. В последние годы врачи, следуя изменившимся реалиям и в ответ на запросы социума, этот ярлык уже не используют и даже, напротив, обосновывают представление о том, что рожать «никогда не поздно».

невую систему. Осознанное осуществление такой интеграции в постоянном режиме вряд ли возможно, что ставит вопрос о механизмах и той ткани, субстанции психического, которая способна осуществлять эту работу. Представляется, что механизмом ее выполнения, обеспечивающим как перманентную интеграцию, так и начальное проникновение ее результатов в сознание, является *непосредственное переживание* как особый, промежуточный между полной неосознанностью и ясным осознанием режим работы сознания [Васильюк, 2007].

В психологии многие авторы описывают аналогичную функцию переживания, которое «осведомляет его (человека – *Н.С.*) о том, в каком отношении со средой он находится, и в соответствии с этим ориентирует его поведение, побуждая субъекта действовать в направлении, уменьшающем или полностью ликвидирующем возникший разлад» [Божович, 2008, с. 141]. Переживание как особую форму невербального знания, вид обобщения, которому присуща нераздельная сопряженность эмоциональной составляющей со смысловой, рассматривает Б.М. Теплов [см. Ярошевский, 1997]. В аналогичном смысле С.Л. Рубинштейн (1997) говорил об обобщенных жизненных чувствах. Переживание, по мнению А.О. Прохорова (2007), отражает динамическую связь психических состояний субъекта и смысловых структур личности, опосредующих влияние на него ситуаций внешнего мира. В.В. Знаков считает переживание формой, в которой сознанию человека представлено его собственное бытие. Он пишет, что экзистенциальная плоскость анализа выражается в направленности на анализ вариантов порождения опыта, имеющего смысл для субъекта и подразумевает акцент на таких видах активности субъекта как *созерцание и переживание*: «человек не познает объективный мир, а именно переживает» [Знаков, 2005, с. 123].

Некоторые авторы прямо относят переживание к классу рефлексивных процессов [см. Шаров, 2005]. Действительно, переживание осведомляет человека не только о его отношениях с миром, но представляет в сознании всю его психическую жизнь: это и *побуждающие* переживания, «посредством которых на уровне психического отражения получает выражение мотивация» [Вилюнас, 1990, с. 242], к которым относят желания, влечения, стремления; это и *мнемические* переживания, выполняющие важную ориентирующую роль в процессе вспоминания [Еременко, Нуркова, 2007]; и составляющие универсальный фон любого предметного знания *беспредметные переживания*, описанные впервые в вюрцбургской школе психологии, через которые предмет впервые появляется для субъекта в еще неясном, не дифференцированном внешне, но внутренне уже определенном виде [Петухов, 1984], и смысл жизни, который определяется как «более

или менее адекватное переживание интенциональной направленности собственной жизни» [Леонтьев Д.А., 1999, с. 249]. В форме переживания-самоощущения проявляет себя эго-идентичность, неясность и малая осознанность переживания которой являются следствием того, что она представляет собой наиболее глубокий сущностный фундамент личности. Т. е. переживание как составляющая психической жизни, отражающая соответствие смысловых структур реальности жизненных отношений, присутствует постоянно практически на всех уровнях психической активности человека, составляя неразрывно соединенную с личностным смыслом чувственную основу других содержаний сознания. Таким образом, переживание в своем поверхностном проявлении обладает свойством непосредственной данности человеку, и в то же время напрямую связано с глубинным, ядерным содержанием его личности, что и позволяет ему выполнять функцию сопоставления процессов, осуществляемых в различных регуляторных контурах.

В чувственной ткани переживания, благодаря ее целостности и динамичности, способны увязываться между собой совершенно разнородные уровни, проникая друг в друга, суммируясь, взаимодействуя и оказывая взаимовлияние. На слияние переживаний в общее чувство, соответствующее целостной ситуации, которое задействуется в механизмах, обеспечивающих учет обстоятельств, указывал еще В.К. Вилюнас (1990). В переживании одновременно может быть представлена работа множества механизмов регуляции и самоорганизации, действующих в разных по масштабу контекстах, которые в переживании соединяются между собой. Тем самым оно интегрирует в себе множество частных оценок результативности жизни в разнородных контурах регуляции и выполняет функцию механизма оценивания результата, сличения и презентации человеку целостной оценки своей жизни на соответствие ее основным смысловым ориентирам, масштабным планам, производным от ведущих личностных ценностей. Выводя в сознание итог данной работы, переживание способно выполнять функцию обратной связи, как отрицательной, так и положительной, в регуляторном контуре на уровне целостной жизни.

На неосознаваемом уровне эта работа в *фоновом режиме* происходит постоянно, ее итогом становится единое обобщенное интегративное глубинное переживание человеком своей жизненной ситуации и всего контекста жизнедеятельности в целом, суммирующее в себе общее ощущение от хода своей жизни. К внешним его проявлениям можно отнести феномены удовлетворенности жизнью [Аргайл, 2004; Куликов, 2000; Реан, 1988 и др.], субъективного благополучия [Шамионов, 2004], настроения [Куликов, 2008] и пр.

Когда в результате накопления неосознаваемых оценок или вследствие острой жизненной травмы преодолевается пороговая величина неудовлетворенности жизнью и возникает ситуация, требующая особой работы по изменению системы смысловых структур сознания, инициируется другой режим работы переживания, означающий переход данных процессов в еще более осознанную *явную* форму. В этом случае переживание становится отдельной деятельностью, возникающей в критических ситуациях невозможности, которые не решаются посредством предметно-практической или познавательной деятельности [Василюк, 1984]. Суть переживания как деятельности составляет «особого рода работа» по перестройке психологического мира личности и производству смысла, преобразованию психологической ситуации с целью установления смыслового соответствия между бытием и сознанием.

Данная работа осуществляется уже не только в ткани непосредственного переживания, она включает процессы и осознания, и рефлексии, поэтому переживание в качестве деятельности приобретает иные качественные характеристики. Однако непосредственное переживание также играет важную роль в работе по преодолению ситуации невозможности и построению новой смысловой реальности, поскольку именно оно становится носителем основного противоречия и в силу этого обладает потенциалом побуждать и, можно даже сказать, вынуждать к ней человека, поскольку только в итоге данной работы он может избавиться от неприятных и порой мучительных для него чувств. Кроме того, переживание дает ориентиры в осуществлении этой работы, сигнализируя о том, насколько создаваемая смысловая реальность соответствует его внутренней сущности и способна обеспечить дальнейшие перспективы его жизнеосуществления. Именно оно содержит в себе и доносит с той или иной степенью непосредственно данной очевидности тот зов самости или сигналы верности самому себе, которые обеспечивают аутентичность новой смысловой реальности самому человеку. Сознание и рефлексия могут опираться на эти сигналы, использовать их в качестве важной информации, но возникают они и поступают в сознание в форме непосредственно данного переживания.

Переживание не всегда имеет статус деятельности, поскольку в этом нет постоянной необходимости, его функция установления соответствия бытия и сознания, не требующая целенаправленной деятельности по производству смысла, может выполняться и на других, ниже лежащих уровнях его функционирования, составляющих неявный режим работы. Два полярных режима работы переживания – явный и фоновый – составляют континуум, в котором существуют пе-

реходные формы, различающиеся по степени своей развернутости и осознанности.

Следующее, включенное в схему регуляционного кольца звено, а именно механизм *коррекции*, также имеет специфику своего осуществления в открытом регуляционном контуре (рис. 10.1).

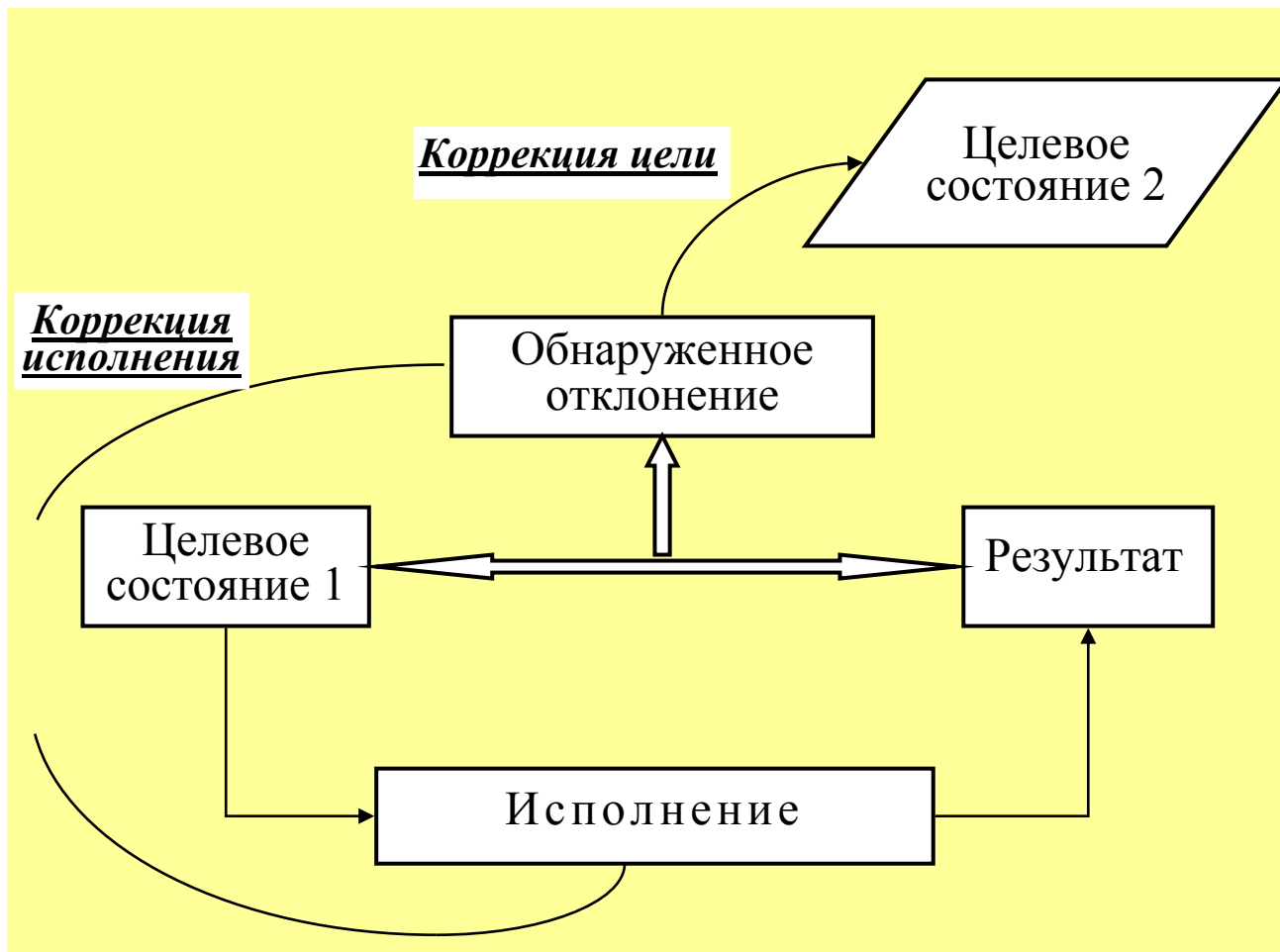

Рис. 10.1. Открытое регуляционное кольцо

Представляется, что коррекция здесь может быть двух видов. В первом случае обнаруженное отклонение может быть отвергнуто, как не соответствующее глубинным ценностно-смысловым структурам личности и общим тенденциям ее развития, уводящее от них в сторону. Тогда вступает в действие *коррекция исполнения*, которая осуществляется в рамках того уровня, к которому относится программирующее целевое состояние блок, что соответствует гомеостатическому варианту регуляции в закрытом регуляционном контуре. Во втором – обнаруженное отклонение может быть принято личностью как соответствующее ее ценностям, сущности и открывающее новые возможности самореализации и развития. Тогда в гетеростатическом режиме открытого регуляционного кольца действует *коррекция цели*,

что требует выхода за рамки данного уровня и обращения к более высоким, соответствующим более масштабным жизненным контекстам уровням, в соотношении с которыми происходит доопределение цели.

Подобные коррекции цели происходят в жизненных контурах разного уровня постоянно. Они не всегда соотносены друг с другом, а потому могут иногда противоречить или препятствовать друг другу хотя бы в силу ограничений времени и ресурсов человека. Принятые человеком отклонения со временем накапливаются, и чем масштабнее регуляционный контур, тем потенциально больше возникает таких незапланированных, не подразумеваемых изначально новых целей и возникающих на пути движения к ним результатов. В итоге на более высоком уровне появляются задачи верификации получаемых в процессе жизнедеятельности достижений и результатов человеком, признания или непризнания их соответствующими себе, глубинным ядерным структурам личности. Целостное переживание актуального момента жизни в единстве всех контекстов жизнедеятельности и несет в себе оценку того, насколько происходящее в жизни человека соответствует или не соответствует перспективам в становлении его эго-идентичности, самореализации и саморазвитии, или, как минимум, его представлениям о модели должного образа жизни. Оно и становится тем глубинным основанием, в ориентации на которое осуществляется оценка возникших в процессе достижения целевого состояния отклонений.

Важно подчеркнуть, что включение отклонения в состав цели, его принятие и признание происходит в случае, если оно не только соответствует глубинным ядерным ценностным структурам личности (самости, эго-идентичности), но и находится в зоне их ближайшего развития, соответствует вновь появляющимся и чутко улавливаемым самим человеком потенциалам его развития и самореализации: «переживание человеком себя как личности обостряется в моменты, когда в созданном им для других или возникшем в нем самом он обнаруживает нечто, превосходящее его сложившуюся идентичность» [Анцыферова, 1990, с. 10). Принятие отклонения может происходить и потому, что достигнутый результат обладает значимостью для человека, поскольку в него вложено его время и усилия, мотивационная роль которых раскрыта в динамической концепции мотивации В.Г. Асеевым (2005). Кроме того, человек может и сам изменяться в соответствующем полученному отклонению направлении, и тогда данный вектор движения становится для него «своим», что также способствует его принятию.

Выявленный феномен барьерности – реализуемости личностных ценностей отражает работу функционального механизма, включенного

Рисунок 10.2. Структурно-функциональная модель работы механизма барьерности – реализуемости личностных ценностей

в осуществление обратной связи в рамках регуляционного контура целостной жизнедеятельности человека и опосредующего работу механизмов по выявлению и принятию решения о принятии/непринятии обнаруженного отклонения от жизненных целей. Общим итогом его работы становится экзистенциальная установка на *стабилизацию* жизненного пространства личности или на его *изменение*, которые модулируют процесс верификации возникающих отклонений на соответствие глубинным ядерным структурам личности, а барьерность и реализуемость ценностей представляют противоположные модусы работы данного механизма, образующие полюса данной установки.

Установка на стабилизацию, соответствующая режиму **реализуемости** в работе данного механизма, действует в случае **соответствия** актуального состояния жизненных отношений и протекающих в разноуровневых регуляционных контурах процессов глубинным ядерным структурам личности. В данном случае в самых разных жизнедеятельностных контурах человек ощущает соответствие своей активности и ее результатов, появляющихся отклонений и тех воз-

возможностей, которые с ними связаны, своему «чувству пути», которое и направляет его жизнь. В результате он настроен на обнаружение признаков, подтверждающих наличие в актуальной жизненной ситуации фактов реализации его личностных ценностей, что и выражается в тенденции согласования параметров их важности и доступности.

В противоположном случае действует *установка на изменение*, тогда и начальная цель, и появившиеся отклонения оцениваются личностью как не соответствующие себе и зоне своего ближайшего развития. Это происходит вследствие исчерпанности потенциала его развития в той или иной смысловой реальности, когда отсутствует приращение, новизна, когда ни коррекция исполнения, ни отклоненный от цели результат не несут в себе новые возможности самореализации и саморазвития. Вследствие чего начинается смысловой поиск, создание и «примеривание» к себе различных ценностно-смысловых содержаний как новых возможностей для дальнейшей самореализации. В данном случае человек обнаруживает, что наличная жизненная ситуация не соответствует его глубинному ценностно-смысловому ядру, что выражается в тенденции рассогласования параметров важности и доступности личностных ценностей и соответствует полюсу ***барьерности*** в работе описанного механизма.

В осуществление работы данного механизма, как это было обнаружено в цикле исследований, включаются механизмы других уровней образа мира (защитные механизмы, когнитивные стили), однако в стороне от нее остаются инструментальные проявления личности. Результаты данной работы, осуществляемой обычно на уровне надсознательных процессов, представленных в основном через ткань переживания, закрепляются в форме перманентных психических состояний, имеющих ту или иную модальность. Общая картина возникающих в работе данного механизма структурно-функциональных связей суммирована и отражена на приведенной схеме (рис. 10.2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение важно обозначить некоторые возможности дальнейших, как теоретических, так и эмпирических, исследований и те проблемы, которые можно поставить в свете полученных результатов.

Тематическое поле, определяющее наиболее общие рамки всего изложенного выше, задано закономерностями ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности. Основной фокус внимания был обращен к его экзистенциальным пластам, существенным признаком которых является, в первую очередь, масштаб рассмотрения жизненного пространства – оно всегда берется в целостности бытия человека в мире, не сводимой к сумме отдельных частных видов его деятельностей или отношений. Напротив, каждый частный вопрос высвечивается сквозь призму горизонта жизни в целом, определяемого наиболее глубинными ценностно-смысловыми отношениями личности. В целях обозначения специфики данного уровня и отделения его от других была создана контекстуально-уровневая модель организации жизненного пространства. Однако ее возможности в качестве инструмента обобщения и постановки новых проблем в данном исследовании далеко не исчерпаны.

Полагаем, что данная модель может стать основой систематизации разнообразных накопленных в психологии данных о закономерностях процессов регуляции, саморегуляции и самоорганизации на разных уровнях активности человека. В настоящее время исследования этих процессов ведутся в разномасштабных жизненных контекстах, но при этом сам критерий масштаба регуляционного контура остается в тени, в связи с чем не раскрывается и не фиксируется обусловленная им специфика, которая, несомненно, существует. В общей психологии и психологии личности образовался разрыв между исследованиями регуляторных процессов на уровне деятельности и действий, с одной стороны, и на уровне жизни в целом – с другой. Промежуточные уровни, образующие более крупные по масштабу единицы жизнедеятельности – сферы жизни, оказались разделены между отраслями психологии: психологией профессиональной деятельности, семейной психологией, психологией управления и пр. – и часто изучаются в отрыве друг от друга.

Контекстуально-уровневая модель, разделяя уровни, полагая их как разные, в то же время объединяет, позволяя в этом интегрированном пространстве поставить две взаимосвязанные задачи: во-первых, задачу выявления общих, характерных для регуляторных процессов всех уровней закономерностей и механизмов, во-вторых, задачу раскрытия специфических, характеризующих тот или иной уровень осо-

бенностей. Представляется, что, проанализировав большой корпус накопленных в психологии данных, полученных в разных областях и направлениях исследований, систематизировав и переосмыслив их в новом ключе, сквозь призму данной модели, а также через представление об открытом регуляционном контуре, можно поставить и продвинуться в решении ряда вопросов, носящих общепсихологический характер. Это вопросы, касающиеся закономерностей межуровневых отношений и взаимосвязей между регуляционными контурами разных уровней в процессе их функционирования. Это также вопросы, связанные с выявлением вертикальной (в зависимости от уровня) и горизонтальной (в зависимости от сферы жизни) специфики регуляционного контура как в структурном аспекте, касающемся состава включенных в него составляющих компонентов и их специфики, так и в функциональном. В первую очередь это касается программного блока и механизмов обратной связи, а также существующих механизмов и форм коррекции как целей, так и исполнения.

Фокус внимания эмпирических исследований был обращен к преимущественному рассмотрению динамических аспектов организации жизненного пространства, связанных с механизмами его развития и изменения. Мы придерживались разделения содержательных и динамических аспектов жизненного пространства, согласно которому *содержание* жизненного пространства задается системой личностных ценностей, а его *динамика* может быть описана двояко: во-первых, через *изменение смысловых и ценностных содержаний* как смена иерархии ценностей, появление новых личностных смыслов и ценностей, утрата прежних; во-вторых – через выявление линий или *зон напряжения жизненного пространства*, возникающих при соотношении экзистенциальных ожиданий личности и реально складывающейся жизненной ситуации. Именно последний вариант понимания стал центральным в данной работе.

В качестве операциональной реализации такого соотношения была использована оценка ценностей не только по критерию их важности, но и по степени доступности, предложенная в методическом подходе Е.Б. Фанталовой (1992). При ответе на вопрос, что важнее, человек ориентируется на идеи, содержащиеся в ценностях, на самого себя, свои внутренние критерии. Вопрос о доступности требует отражения своей жизненной ситуации на данный момент и обращает сознание человека к ее целостному восприятию и интегративной оценке. Соответственно, происходит координация двух систем отсчета: внутренних критериев, «моделей должного», и складывающегося в актуальной жизненной ситуации «положения дел».

Движение к раскрытию именно так понимаемых динамических закономерностей и привело нас к проблеме конкретно-психологического описания способов и форм осуществления обратной связи, характерных для уровня регуляции целостной жизнедеятельности человека. В ее контексте практически важным является направление исследований, раскрывающее способы конкретизации и опознания личностью ценностей в конкретных жизненных ситуациях, закономерности соотношения переживаемого опыта с ценностными категориями, т. е. работу практического сознания.

Первые шаги в этом направлении сделаны в выполненной под нашим руководством диссертации С.А. Купцовой (2010), в которой получены интересные данные о специфике содержательных характеристик репрезентации в сознании барьеров и ресурсов, способствующих и препятствующих реализации ценностей в зависимости от меры выраженности у человека установок барьерности или реализуемости. Преобладание реализуемости оказалось связано с ориентацией человека на собственные возможности, внутренней локализацией ресурсов в реализации личностных ценностей, активной позицией по отношению к ним и их более обобщенной концептуализацией, тогда как преобладание барьерности было сопряжено с внешней локализацией ресурсов, конкретностью их описания и пассивным к ним отношением. Однако при преобладании реализуемости ценностей существующие на пути к реализации ценностей барьеры чаще воспринимались человеком как устойчивые, стабильные, что логично сочеталось с отсутствием направленности на их преодоление. В то же время при преобладании барьерности ценностей отмеченные на пути их реализации барьеры воспринимались как явления временные, имелось понимание необходимости некоторых активных действий, направленных на их устранение. Эти результаты подтвердили представление о полюсах барьерности и реализуемости как наиболее общих экзистенциальных установках на стабилизацию жизненного пространства или на его изменение. При этом были выявлены и конкретизированы разнообразные варианты представлений личности о барьерах, препятствующих реализации ценностей, и ресурсах, ей способствующих.

Следующим перспективным направлением исследований является конкретно-психологическое описание на основе качественного анализа закономерностей и этапов процесса коррекции жизненных целей-ценностей, его механизмов, детерминант и разнообразных индивидуальных вариантов. Вероятно, существуют особенности данных процессов, зависящие от сферы жизни, типа ценностей и пр. В данном направлении продуктивным может стать привлечение нарративных методов исследования, автобиографических описаний, сфокуси-

рованных посредством структурированного интервью в первую очередь на том, как трансформируются в процессе жизнотворчества жизненные цели и как осуществляется их конкретизация в реальных жизненных ситуациях.

В плане развития уже намеченных и частично реализованных линий исследования также возможно их дальнейшее расширение и углубление. Хотя мы старались многие из полученных результатов верифицировать на различающихся по возрастному, социально-статусному и пр. параметрам выборках, поскольку закономерности развития взрослого человека не могут исследоваться на столь частых и привычных для психологических исследований выборках студентов, тем не менее не во всех сериях исследования это удавалось и говорить о том, что данная линия экстенсивного развития исследований исчерпана, еще очень рано. Поэтому представляется продуктивным продолжение исследований через увеличение разнообразия как привлекаемых к нему выборок, так и методических средств. Появление новых, может быть, не совсем совпадающих с уже полученными, данных, несомненно, будет способствовать также обогащению и углублению необходимых для их объяснения теоретических моделей.

В обозначенном направлении интересным может стать дальнейшее описание связи преобладания одной из экзистенциальных установок (барьерности или реализуемости) с содержательными характеристиками ценностно-смысловой сферы. Такие данные нами были получены на примере ограниченной по возрастному составу выборки. Представляется, что в разные возрастные периоды жизни у людей, отличающихся по гендерным, профессиональным и многим другим параметрам, могут быть найдены другие разнообразные варианты закономерных сочетаний содержательных и динамических аспектов жизненного пространства. Отдельным перспективным направлением может стать также развитие исследований феномена барьерности – реализуемости инструментальных ценностей в направлении углубления представлений о его связи с эго-идентичностью.

В целом, наиболее широкая теоретическая рамка проблем, на первых шагах решения которых, как нам представляется, находится представленный в монографии цикл исследований, определяется вопросами о закономерностях внутренней логики развития личности в периоды взрослости, механизмах ее перехода с одного этапа развития на другой, критериях исчерпанности для развития одной смысловой реальности и способах создания ею новых ценностно-смысловых координат своего жизненного пространства. Эти вопросы и задают то научное направление, смысловой потенциал которого для автора еще очень далек от того, чтобы быть исчерпанным.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаева М.М.* Семантические характеристики профессиональной направленности медиков: автореф. дис. ... канд. психол. наук / М.М. Абдуллаева. – М.: МГУ, 1993.
- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни / К.А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1991.
- Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии / К.А. Абульханова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2005. – Т. 2. – № 4. – С. 3-21.
- Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетейя, 2001.
- Алишев Б.С.* Психология формирования демократической культуры студентов ССУЗ / Б.С. Алишев. – Казань: ИСПО РАО, 2001.
- Алишев Б.С.* Психологическая теория ценности (системно-функциональный подход): автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Б.С. Алишев. – Казань: ИСПО РАО, 2002.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания / В.М. Аллахвердов. – СПб.: Речь, 2003.
- Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – М.: Наука, 1977.
- Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды / Б.Г. Ананьев. – М.: Педагогика, 1980. – Т. 1.
- Андреас К., Андреас Т.* Сущностная трансформация / К. Андреас, Т. Андреас. – Воронеж: Модек, 1999.
- Аникина В.Г.* Рефлексивный тренинг как средство разрешения конфликтных ситуаций / В.Г. Аникина // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 72-80.
- Анохин П.К.* Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Медицина, 1968.
- Анцыферова Л.И.* Методологические проблемы психологии развития / Л.И. Анцыферова // Принцип развития в психологии / под ред. Л.И. Анцыферовой. – М.: Наука, 1978.
- Анцыферова Л.И.* Личность с позиций динамического подхода / Л.И. Анцыферова // Психология личности в социалистическом обществе. Личность и ее жизненный путь / отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская. – М.: Наука, 1990. – С. 7-17.
- Анцыферова Л.И.* Новые стадии поздней жизни: время теплой осени или суровой зимы? / Л.И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15. – № 3. – С. 99-105.
- Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии / Л.И. Анцыферова. – М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Аргайл М.* Психология счастья / М. Аргайл. – СПб.: Питер, 2004.
- Аронов Д.М.* Лечение и профилактика атеросклероза / Д.М. Аронов. – М.: Триада-Х, 2000.

- Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева. – М.: МГУ, 1980.
- Артемьева Е.Ю.* Основы психологии субъективной семантики / Е.Ю. Артемьева // под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука, Смысл, 1999.
- Артемьева Е.Ю.* Психосемантические методы описания профессии / Е.Ю. Артемьева, Ю.А. Вяткин // Вопросы психологии. – 1986. – № 3. – С. 127-133.
- Асеев В.Г.* Личностная значимость и вероятность событий / В.Г. Асеев // Проблемы психологии личности: советско-финский симпозиум / отв. ред. Е.В. Шорохова, О.И. Зотова. – М.: Наука, 1982. – С. 236-242.
- Асеев В.Г.* Мотивация поведения и формирования личности / В.Г. Асеев. – М.: Мысль, 1976.
- Асеев В.Г.* Личность и значимость побуждений: монография / В.Г. Асеев. – Минск: Беспринт, 2005.
- Асмолов А.Г.* Деятельность и установка / А.Г. Асмолов. – М.: МГУ, 1979.
- Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, Академия, 2007.
- Асмолов А.Г., Братусь Б.С., Зейгарник Б.В. и др.* О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности / А.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Б.В. Зейгарник и др. // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 35-45.
- Архангельская В.В.* Смысл как «категория жизни» и путь к феноменологической психологии / В.В. Архангельская // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции. – М.: Смысл, 2005. – С. 100-101.
- Ахметгалеева З.М.* Когнитивная сложность в структуре личности юношей и девушек / З.М. Ахметгалеева // Психология способностей: Современное состояние и перспективы исследований: Материалы научной конференции, посвященной памяти В.Н. Дружинина. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 152-156.
- Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М.* Опросник уровня субъективного контроля / Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, А.М. Эткинд. – М.: Смысл, 1993.
- Балл Г.А.* Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие / Г.А. Балл // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18. – № 5. – С. 7-19.
- Балл Г.А.* «Мотив»: Уточнение понятия / Г.А. Балл // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 4. – С. 56-65.
- Барабанщиков В.А.* Принцип системности и современная психология / В.А. Барабанщиков // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 268-285.
- Бахтина Н.Н.* Психологические особенности профессиональной деятельности инспекторов рыбоохраны: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.Н. Бахтина. – М.: МГУ, 2004.
- Беляева В.В., Ручкина Е.В.* Особенности психической деятельности заразившихся ВИЧ после сообщения об инфицированности / В.В. Беляева, Е.В. Ручкина // Независимый психиатрический журнал. – 1995. – № 3. – С.21-23.
- Беляева В.В., Ручкина Е.В., Покровский В.В.* Состояния тревоги у лиц, инфицированных вирусом иммунодефицита человека, после обнаружения серопозитив-

- ности / В.В. Беляева, Е.В. Ручкина, В.В. Покровский // Терапевтический архив. – 1994. – № 11. – С.41-42.
- Беляева В.В., Ручкина Е.В., Покровский В.В.* Суицидальное поведение лиц, инфицированных вирусом иммунодефицита человека / В.В. Беляева, Е.В. Ручкина, В.В. Покровский // Терапевтический архив. – 1996. – № 4. – С. 71-73.
- Бендас Т.В.* Гендерная психология / Т.В. Бендас. – СПб.: Питер, 2005.
- Берн Ш.* Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Берн Э.* Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн / перевод А.А. Грузберга. – Екатеринбург: ЛИТУР, 1999.
- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности / Н.А. Бернштейн. – М.: Медицина, 1966.
- Берулава Г.А.* Стиль индивидуальности: Теория и практика / Г.А. Берулава. – М.: Педагогическое общество России, 2001.
- Бест Д., Уильямс Дж.* Гендер и культура / Д. Бест, Дж. Уильямс // Психология и культура / под ред. Д. Мацумото. – СПб.: Питер, 2003. – С. 316-355.
- Биренбаум Г.В., Зейгарник Б.В.* К динамическому анализу расстройств мышления / Г.В. Биренбаум, Б.В. Зейгарник // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. – 1935. – Т. IV. – Вып. 6. – С. 81–98.
- Богоявленская Д.Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества / Д.Б. Богоявленская. – Ростов: РГУ, 1983.
- Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М.: Просвещение, 1968; СПб: Питер, 2008.
- Божович Л.И.* Проблема развития мотивационной сферы ребенка / Л.И. Божович // Изучение мотивации поведения детей и подростков / под ред. Л.И. Божович. – М.: Педагогика, 1972. – С. 7-44.
- Божович Л.И.* К развитию аффективно-потребностной сферы человека / Л.И. Божович // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. – М., 1978. – С.168-179.
- Братусь Б.С.* К проблеме развития личности в зрелом возрасте / Б.С. Братусь // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1980. – № 2. – С.44-55.
- Братусь Б.С.* Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988.
- Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии / Б.С. Братусь // Вопросы психологии. – 1997. – № 5. – С. 3-19.
- Братусь Б.С.* Смысловая вертикаль сознания личности / Б.С. Братусь // Вопросы философии. – 1999. – № 11. – С.45-54.
- Братусь Б.С.* Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания / Б.С. Братусь // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. – М.: Смысл, 1999. – С. 284-298.
- Будасси С.А.* Самооценка личности // Практические занятия по психологии: Учеб. пособие / под ред. А.В. Петровского. – М.: Просвещение, 1972. – С. 30-32.
- Бузин В.Н.* Краткий отборочный тест / В.Н. Бузин. – М.: Смысл, 1998.
- Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю.* Психология жизненных ситуаций. Учеб. пособие / Л.Ф. Бурлачук, Е.Ю. Коржова. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998.

- Бурлачук Л.Ф., Михайлова Н.Б.* К психологической теории ситуации / Л.Ф. Бурлачук, Н.Б. Михайлова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 1. – С. 5-17.
- Валлон А.* Психическое развитие ребенка / А. Валлон. – М.: Просвещение, 1968.
- Васильев И.А.* Мотивационно-эмоциональная регуляция мыслительной деятельности: дис. ... д-ра психол. наук / И.А. Васильев. – М., 1998.
- Васильев И.А., Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация и контроль за действием / И.А. Васильев, М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: МГУ, 1991.
- Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К.* Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. – М.: МГУ, 1980.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: МГУ, 1984.
- Василюк Ф.Е.* Уровни построения переживания и методы психологической помощи / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1988. – № 5. – С. 27-37.
- Василюк Ф.Е.* Структура образа / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 5-19.
- Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995 а. – Т. 16. – № 3. – С. 90–101.
- Василюк Ф.Е.* Типология переживания различных критических ситуаций / Ф.Е. Василюк // Психологический журнал. – 1995 б. – Т. 16. – № 5. – С. 35–48.
- Василюк Ф.Е.* Понимающая психотерапия как психотехническая система: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Ф.Е. Василюк. – М., 2007.
- Вассерман Л.И., Дьяконов И.Ф., Ильина М.Н.* Клиническая психология и психофизиология / Л.И. Вассерман, И.Ф. Дьяконов, М.Н. Ильина. – СПб.: Элби-СПб, 2003.
- Веккер Л.М.* Психические процессы: в 3 т. / Л.М. Веккер. – Л.: ЛГУ, 1974. – Т. 1.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность. Единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М.: Смысл, Per Se, 1998.
- Величковский Б.М.* Успехи когнитивных наук: технологии, внимательные к вниманию человека / Б.М. Величковский // В мире науки. – 2003. – № 12. – С. 87-93.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б.М. Величковский. – М.: Смысл, Академия, 2006. – Т. 2.
- Вилюнас В.К.* Психологические механизмы мотивации человека / В.К. Вилюнас. – М.: МГУ, 1990.
- Выготский Л.С.* История развития высших психических функций / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983 а. – Т. 3. – С. 5-328.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1983 б. – Т.2. – С. 5-361.
- Выготский Л.С.* Вопросы детской (возрастной) психологии / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М.: Педагогика. 1984. – Т. 4. – С. 243-385.
- Гаврилова Е.* Моя семья «ВИЖИОН». Обзор средств массовой информации / Е. Гаврилова. – М.: Никалекс, 1999.
- Галажинский Э.В.* Системная детерминация самореализации личности: дис. ... д-ра психол. наук / Э.В. Галажинский. – Барнаул, 2002.

- Гальперин П.Я.* Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П.Я. Гальперин // Исследования мышления в советской психологии. – М.: Наука, 1966. – С. 244-256.
- Гальперин П.Я.* К вопросу об инстинктах у человека / П.Я. Гальперин // Вопросы психологии. – 1976. – № 1. – С. 34-41.
- Геллерштейн С.Г.* Проблема переноса упражнения / С.Г. Геллерштейн // История советской психологии труда / под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. – М.: МГУ, 1983. – С. 157-165.
- Гиппенрейтер Ю.Б.* Введение в общую психологию. Курс лекций / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: МГУ, 1989.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – Киев: Наукова думка, 1984.
- Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи / Е.И. Головаха. – Киев: Наукова думка, 1988.
- Голубева Э.Л.* Типологический и измерительный подходы к изучению индивидуальности: от Освальда и Павлова к современным исследованиям / Э.Л. Голубева // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 64-74.
- Гордеева О.В.* Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия / автор-составитель О.В. Гордеева. – СПб.: Питер, 2009.
- Гордеева Т.О.* Мотивация достижения: теории, исследования, проблемы / Т.О. Гордеева // Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – С. 47-102.
- Граф В., Ильясов И.И., Ляудис В.Я.* Основы самоорганизации учебной деятельности и самостоятельной работы студентов / В. Граф, И.И. Ильясов, В.Я. Ляудис. – М.: МГУ, 1981.
- Громыко Ю.В.* Выготскианство за рамками концепции Л.С. Выготского: К идее мыследеятельностной антропологии / Ю.В. Громыко. – М.: Пайдея, 1996.
- Гуссерль Э.* Избранные работы / Э. Гуссерль. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
- Давыдов В.В.* Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального исследования / В.В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986.
- Деева Н.А.* Рефлексивные механизмы изменения внутреннего мира человека при переживании жизненного кризиса / Н.А. Деева // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. – Самара: Научно-технический центр, 2007. – С. 291-293.
- Дементий Л.И.* Ответственность личности как свойство субъекта жизнедеятельности: дис. ... д-ра психол. наук / Л.И. Дементий. – Москва, 2005.
- Дилигенский Г.Г.* Проблемы теории человеческих потребностей / Г.Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1976. – № 9. – С. 30-44.
- Дилигенский Г.Г.* Проблемы теории человеческих потребностей / Г.Г. Дилигенский // Вопросы философии. – 1977. – № 2. – С. 111-123.
- Дильтей В.* Категории жизни / В. Дильтей // Вопросы философии. – 1995. – № 10. – С. 129-144.
- Додонов Б.И.* Эмоция как ценность / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978.

- Дорфман Л.Я.* Детерминированность и свобода человека / Л.Я. Дорфман // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1997а. – С. 145-155.
- Дорфман Л.Я.* Полисистемная организация метаиндивидуального мира / Л.Я. Дорфман // Психологический журнал. – 1997б. – Т. 18. – № 2. – С. 3-17.
- Дорфман Л.Я.* Стили активности – методологические и теоретические предпосылки интегрального подхода / Л.Я. Дорфман // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 34-51.
- Дорфман Л.Я.* Концепция метаиндивидуального мира: современное состояние / Л.Я. Дорфман // Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3. – № 3. – С. 3-34.
- Дружинин В.Н.* Психология. Учебник для гуманитарных вузов / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2001. – 656 с.
- Дружинин В.Н.* Психология общих способностей / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2007.
- Дубковский В.* Блестящий шанс, серия «Школа мастеров Владимира Дубковского» / В. Дубковский. – С-Пб., 2000.
- Дьяконова Н.А.* Особенности авторитаризма и его взаимосвязь с ценностными ориентациями и локусом контроля у российских и американских студентов: дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Дьяконова. – Москва, 2001.
- Егоров И.А.* Принцип свободы как основание общей теории регуляции // Вопросы философии. – 2000. – . – С. 3-21.
- Егорова Т.А.* Психологические основы формирования организованности студентов (будущих учителей): дис. ... канд. психол. наук / Т.А. Егорова. – М., 1994.
- Еременко В.И., Нуркова В.В.* Мнемические переживания как основа сознательной регуляции в процессе обращения к памяти / В.И. Еременко, В.В. Нуркова // Психология сознания: современное состояние и перспективы. Материалы I Всероссийской конференции. – Самара: Научно-технический центр, 2007. – С. 295-297.
- Жуков Ю.М.* Ценности как детерминанты принятия решения (социально–психологический подход к проблеме) / Ю.М. Жуков // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. – М.: Наука, 1976. – С. 254-277.
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Социально-психологическое пространство самоопределяющегося субъекта: понимание, характеристики, виды / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Вестник практической психологии образования. – 2007. – № 2 (11). – С. 7-13.
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Подход к изучению психологического пространства в связи с современными тенденциями исследований психологии человека / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Социальные представления и самоопределение молодежи в изменяющемся мире: Материалы междунар. науч. конференции. – Саратов: Приволжское изд-во, 2009. – С. 9-14.
- Зайцев В.П.* Вопросы психологической реабилитации больных инфарктом миокарда: автореф. дис. ... д-ра мед. наук / В.П. Зайцев. – М., 1975.
- Зарецкий В.К.* Творчество. Рефлексия. Самоопределение / В.К. Зарецкий // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной

- психологии: Материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – С. 32-40.
- Зарецкий В.К., Холмогорова А.Б.* Смысловая регуляция решения творческих задач / В.К. Зарецкий, А.Б. Холмогорова // Исследования проблем психологии творчества / под ред. Я.А. Пономарева. – М., 1983. – С. 62-101.
- Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности / А.Г. Здравомыслов. – М.: Политиздат, 1986.
- Зейгарник Б.В.* Патопсихология / Б.В. Зейгарник. – М.: МГУ, 1986.
- Зейгарник Б.В., Биренбаум Г.В.* К проблеме смыслового восприятия / Б.В. Зейгарник, Г.В. Биренбаум // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. – 1935. – Т. IV. – Вып. 6. – С. 73-80.
- Зинченко В.П.* Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Живое знание / В.П. Зинченко. – Самара: Самарский дом печати, 1998. – Часть I.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Проблема объективного метода в психологии / В.П. Зинченко, М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 1977. – № 7. – С. 107-119.
- Знаков В.В.* Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 2. – С. 95-105.
- Знаков В.В.* Психология понимания: Проблемы и перспективы / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2005.
- Знаков В.В.* От психологии субъекта к психологии человеческого бытия / В.В. Знаков // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 330-351.
- Иванников В.А.* Потребности как жизненные задачи / В.А. Иванников // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1997. – № 1. – С. 14-20.
- Иванов А.В.* Запад – Россия – Восток. Сравнительно-типологический анализ познавательных стратегий и ценностных ориентаций / А.В. Иванов. – М.: МГУ, 1993.
- Иванова Е.М.* Психологическая системная профессиография / Е.М. Иванова. – М.: ПЕР СЭ, 2003.
- Иванченко Г.В.* Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве / Г.В. Иванченко. – Таганрог: ТРТУ, 1999.
- Ильин Е.П.* Сущность и структура мотива / Е.П. Ильин // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 2. – С. 27-41.
- Имедадзе В.С.* Проблема полимотивации поведения / В.С. Имедадзе // Вопросы психологии. – 1984. – № 6. – С. 87-94.
- Иосебадзе Т.Т., Иосебадзе Т.Ш.* Проблема бессознательного и теория установки школы Узнадзе / Т.Т. Иосебадзе, Т.Ш. Иосебадзе // Бессознательное: природа, функции. – Тбилиси, 1985. – Т. 4. – С. 36-37.
- Ишков А.Д.* Связь компонентов самоорганизации и личностных качеств студентов с успешностью в учебной деятельности: дис. ... канд. психол. н. / А.Д. Ишков. – М.: МГУ, 2004.
- Кабанов М.М., Личко А.Е., Смирнов В.М.* Методы психологической диагностики и коррекции в клинике / М.М. Кабанов, А.Е. Личко, В.М. Смирнов. – Л.: Медицина, 1983.

- Кабрин В.И.* Транскомуникативные основания анализа ценностного мира человека / В.И. Кабрин // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 94-122.
- Канеман Д., Тверски А.* Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 3. – С. 22-31.
- Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб.: Речь, 2004 – 70 с.
- Карпинский К.В.* Психология жизненного пути личности: Учеб. пособие / К.В. Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2002.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности / А.В. Карпов. – М.: Институт психологии РАН, 2004.
- Карпов А.В.* Предпосылки и перспективы метасистемного подхода в психологических исследованиях / А.В. Карпов // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 313-329.
- Карпов А.В., Скитяева И.М.* Экспериментальное изучение рефлексивных стратегий / А.В. Карпов, И.М. Скитяева // Ярославский психологический вестник. Вып. 3. – Москва-Ярославль: Российское психологическое общество, 2000. – С. 28-37.
- Климов Е.А.* Общечеловеческие ценности глазами психолога-профессиеведа / Е.А. Климов // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 4. – С. 130-136.
- Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях / Е.А. Климов. – М.: МГУ, 1995.
- Клочко В.Е.* Инициация мыслительной деятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / В.Е. Клочко. – М., 1991.
- Клочко В. Е.* Предмет современной психологии: человекообразование и психологическое обеспечение смысловой педагогики / В.Е. Клочко // Образование и социальное развитие региона. – 1995. – № 3–4. – С. 104-113.
- Клочко В.Е.* Становление многомерного мира человека как сущность онтогенеза / В.Е. Клочко // Сибирский психологический журнал. – Томск: Томский гос. ун-т, 1998. – Вып. 8–9. – С. 7-15.
- Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ) / В.Е. Клочко. – Томск: Томский гос. ун-т, 2005.
- Клочко В.Е. Галажинский Э.В.* Самоорганизация личности: системный взгляд / В.Е. Клочко, Э.В. Галажинский. – Томск: Томский гос. ун-т, 1999.
- Когнитивная психология. Учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Колга В.А.* Возможные миры когнитивных стилей / В.А. Колга // Когнитивные стили / под ред В.А. Колги. – Таллинн, 1986. – С. 32-37.
- Кон И.С.* Введение в сексологию / И.С. Кон. – М.: Медицина, 1988.
- Кондратова Н.А.* Я-среда как результат активности субъекта / Н.А. Кондратова // Вестник НовГУ. Серия «Педагогика. Психология. Социология». – 1997. – № 6. – С.84-88.

- Кондратова Н.А.* Субъективная репрезентация жизненного пространства личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Кондратова. – М.: МГУ, 2009.
- Конопкин О.А.* Психологические механизмы регуляции деятельности / О.А. Конопкин. – М.: Наука, 1980.
- Конопкин О.А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) / О.А. Конопкин // Вопросы психологии. – 1995. – № 1. – С. 5-12.
- Копейна Н.С.* Самоорганизация в становлении индивидуальности / Н.С. Копейна // Интегральное исследование индивидуальности: теоретические и педагогические аспекты. Межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь: ПГПИ, 1988. – С. 50-59.
- Корнилов Ю.К.* Как ситуация становится проблемной / Ю.К. Корнилов // Практическое мышление и опыт: ситуативность и инструментальность обобщений: Сб. статей / под ред. Ю.К. Корнилова. – Ярославль: ЯрГУ, 2000 а. – С. 3-14.
- Корнилов Ю.К.* Психология практического мышления / Ю.К. Корнилов. – Ярославль, 2000 б.
- Корнилова Т.В.* Психологическая регуляция принятия интеллектуальных решений: дис. ... д-ра психол. наук / Т.В. Корнилова. – М., 1999.
- Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений: Учебное пособие для вузов / Т.В. Корнилова. – М.: Аспект Пресс, 2003.
- Корнилова Т.В., Григоренко Е.Л.* Сравнение личностных особенностей российских и американских студентов (по опроснику А. Эдвардса) / Т.В. Корнилова, Е.Л. Григоренко // Вопросы психологии. – 1995. – № 5. – С. 108–115.
- Котик М.А.* Психология и безопасность / М.А. Котик. – Таллин: Валгус, 1981.
- Коффка К.* Основы психического развития / К. Коффка // Гештальтпсихология. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – С. 348-657.
- Крайг Г.* Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Питер, 2002.
- Крайнов А.Н.* Азбука лидера компании «РоЗ». Лаборатория мастерства / А.Н. Крайнов. – М.: 2004.
- Крамаренко В.Ю.* Интеллект и уровни его развития: дис. ... канд. филос. наук / В.Ю. Крамаренко– М.: МГУ, 1983.
- Краснорядцева О.М.* Психологические особенности возникновения и регуляции мышления в реальной жизнедеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / О.М. Краснорядцева. – М., 1996.
- Крюгер Ф.* Сущность эмоционального переживания / Ф. Крюгер // Психология эмоций: Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М: МГУ, 1984. – С. 108-119.
- Ксенофонтова Е.Г.* Исследование локализации контроля личности – новая версия методики «Уровень субъективного контроля» / Е.Г. Ксенофонтова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 2. – С. 103-114.
- Кузьмина Е.И.* Психология свободы: теория и практика / Е.И. Кузьмина. – СПб.: Питер, 2007.
- Куликов Л.В.* Детерминанты удовлетворенности жизнью / Л.В. Куликов // Общество и политика. – СПб, 2000. – С. 476-510.
- Куликов Л.В.* Чувства как детерминанты психических состояний / Л.В. Куликов // Психология психических состояний: теория и практика / Материалы Первой

- Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Новое знание, 2008. – Часть I. – С. 524-528.
- Купцова С.А.* Когнитивные аспекты реализуемости личностных ценностей: автореф. дис. ... канд. психол. наук / С.А. Купцова. – Казань: КГУ, 2010.
- Левин Г.Д.* Свобода воли. Современный взгляд / Г.Д. Левин // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 71-86.
- Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды / К. Левин. – М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы, эмоции / А.Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1971.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: МГУ, 1972.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев А.Н.* Психология образа / А.Н. Леонтьев // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1979. – № 2. – С.3-13.
- Леонтьев Д.А.* Жизненный мир человека и проблема потребностей / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 1992 а. – Т. 13. – № 2. – С. 107-117.
- Леонтьев Д.А.* Методика изучения ценностных ориентаций / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992 в.
- Леонтьев Д.А.* Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО) / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1992 б.
- Леонтьев Д.А.* Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д.А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15-26.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев Д.А.* Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2000. – Т. 21. – № 1. – С. 15-25.
- Леонтьев Д.А.* К типологии жизненных миров / Д.А. Леонтьев // Вторая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – С.114-116.
- Леонтьев Д.А.* Новые горизонты проблемы смысла в психологии / Д.А. Леонтьев // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции. – М.: Смысл, 2005. – С. 36-49.
- Леонтьев Д.А.* Феномен ответственности: между недержанием и гиперконтролем / Д.А. Леонтьев // Экзистенциальное измерение в консультировании и психотерапии. – Бирштонас; Вильнюс: ВЕАЭТ, 2005. – Т. 2. – С. 7-22.
- Леонтьев Д.А.* К психологии поступка / Д.А. Леонтьев // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2006. – № 2 (9). – С. 153-158.
- Леонтьев Д.А.* Стереометрия жизни / Д.А. Леонтьев // Человек – наука – гуманизм: К 80-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Наука, 2009. – С. 668-676.
- Либин А.В.* Единая концепция стиля человека: метафора или реальность? / А.В. Либин // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 109-124.

- Лидерс А.Г., Фролов Ю.И.* Формирование психических процессов как метод исследования в психологии / А.Г. Лидерс, Ю.И. Фролов. – М.: МГУ, 1991.
- Лобок А.М.* Антропология мифа / А.М. Лобок. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.
- Логинова Н.А.* Жизненный путь человека как проблема психологии / Н.А. Логинова // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 103-109.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984.
- Лосский Н.О.* Ценность и бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей / Н.О. Лосский. – Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 2000.
- Лузаков А.А.* Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур: дис. ... д-ра психол. наук / А.А. Лузаков. – Краснодар, 2008.
- Лэнгле Л.* Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности / Л.Лэнгле // Вопросы психологии. – 2004. – № 4. – С. 3-21.
- Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29-36.
- Магнуссон Д.* Ситуационный анализ: Эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций / Д. Магнуссон // Психологический журнал. – 1983. – Т. 4. – № 2. – С. 15-26.
- Мадди С.Р.* Теории личности: сравнительный анализ / С.Р. Мадди. – СПб.: Речь, 2002.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация достижения: структура и механизмы: дис. ... канд. психол. наук / М.Ш. Магомед-Эминов. – М., 1987.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности / М.Ш. Магомед-Эминов. – М., 1998.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: в 2-х т. / М.Ш. Магомед-Эминов. – М.: Психоаналитическая ассоциация Российской Федерации, 2007. – Т. 1.
- Магомед-Эминов М.Ш.* Деятельностно-смысловой подход к психологической трансформации личности: автореф. дис. ... д-ра психол. н. / М.Ш. Магомед-Эминов. – М., 2009.
- Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности / В.С. Магун. – Л.: Наука, 1983.
- Магун В.С.* Понятие потребности и его теоретико-психологический контекст / В.С. Магун // Вопросы психологии. – 1985. – № 2. – С. 118-126.
- Макклелланд Д.* Мотивация человека / Д. Макклелланд. – СПб.: Питер, 2007.
- Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. – М.: Смысл, 1999.
- Митина О.В., Петренко В.Ф.* Кросс-культурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) / О.В. Митина, В.Ф. Петренко // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 68-86.
- Моросанова В.И.* Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23. – № 6. – С. 35-47.

- Муздыбаев К.* Психология ответственности / К. Муздыбаев. – Л.: Наука, 1983.
- Мэй Р.* Открытие Бытия / Р. Мэй. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2004.
- Нартова-Бочавер С.К.* Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение / С.К. Нартова-Бочавер // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 6. – С. 37-48.
- Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии / С.К. Нартова-Бочавер. – СПб.: Питер, 2008.
- Насибуллов К.И.* Особенности смысловой сферы личности при разрушении ценности собственной жизни: дис. ... канд. психол. наук / К.И. Насибуллов. – Казань, 2002.
- Нежнов П.Г.* От идей Л.С.Выготского к теории онтогенеза / П.Г. Нежнов // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 2004. – № 3. – С. 72-89.
- Некрасова Е.В.* Пространственно-временная организация жизненного мира человека: дис. ... д-ра психол. наук / Е.В. Некрасова. – Барнаул, 2005.
- Никольская И.М., Грановская Р.М.* Психологическая защита у детей / И.М. Никольская, Р.М. Грановская. – СПб.: Речь, 2000.
- Носов Н.А.* Виртуальная психология / Н.А. Носов. – М.: Аграф, 2000.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004.
- Патяева Е.Ю.* Ситуативное развитие и уровни мотивации / Е.Ю. Патяева // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1983. – № 4. – С. 23-33.
- Патяева Е.Ю.* Культурно-исторический анализ развития мотивации личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Ю. Патяева. – М.: МГУ, 2010.
- Пейсахов Н.М., Шевцов М.Н.* Практическая психология (научные основы): Учеб. пособие / Н.М. Пейсахов, М.Н. Шевцов. – Казань: КГУ, 1991.
- Петренко В.Ф.* Психосемантические аспекты картины мира субъекта / В.Ф. Петренко // Психология. Журнал ВШЭ. – 2005. – Т. 2. – № 2. – С. 3-23.
- Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности / В.А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
- Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления / В.А. Петровский // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1984. – № 4. – С. 13-21.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М.: Прогресс, 1969.
- Плигин А.А.* Психология познавательных стратегий школьников в индивидуализации образования: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / А.А. Плигин. – М.: 2009.
- Поддьяков А.Н.* Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт / А.Н. Поддьяков. – М.: Эребус, 2006.
- Покровский В.В., Ермак Т.Н., Беляева В.В.* ВИЧ-инфекция: клиника, диагностика, лечение / В.В. Покровский, Т.Н. Ермак, В.В. Беляева. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2003.
- Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / К.Н. Поливанова. – М.: Академия, 2000.
- Полуянскене А.К.* Психологическая реабилитация в условиях поликлиники в системе вторичной профилактики больных, перенесших инфаркт миокарда: дис. ... канд. мед. н. / А.К. Полуянскене. – Каунас, 1986.

- Пономарев Я.А.* Психология творчества и педагогика / Я.А. Пономарев. – М.: Педагогика, 1976.
- Попов Л.М.* Психология самодеятельности: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Л.М. Попов. – М., 1992.
- Попова Л.В.* Отношение к социальным ролям женщин: кросс-культурное исследование / Л.В. Попова // Гендерные аспекты социальной трансформации. – М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 1996. – С. 161-174.
- Попова Н.П.* Формирование умений самоорганизации учителя в педагогической деятельности в процессе повышения квалификации: дис. ... канд. пед. наук / Н.П. Попова – Великий Новгород, 1999.
- Попогребский А.П.* Влияние инфаркта миокарда на смысловую сферу человека / А.П. Попогребский // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 5. – С. 113-118.
- Практикум по психологии состояний: Учебное пособие / под ред. А.О. Прохорова. – СПб: Речь, 2004. – С. 160-163.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс / общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова – М.: Прогресс, 1986.
- Прохоров А.О.* Смысловая детерминация психических состояний / А.О. Прохоров. – М.: Институт психологии РАН, 2009.
- Прохоров А.О.* Психические состояния и их функции. – Казань: Казанский педагогический институт, 1994.
- Прохоров А.О.* Психология неравновесных состояний / А.О. Прохоров. – М.: Институт психологии РАН, 1998.
- Прохоров А.О.* Смысловая детерминация психических состояний / А.О. Прохоров // Психология психических состояний: сб-к статей. Вып.5 / под ред. проф. А.О. Прохорова. – Казань: ЦИТ, 2004. – С.11-28.
- Психологическая диагностика индекса жизненного стиля (пособие для врачей и психологов) / под ред. Л.И. Вассермана. – СПб.: ПНИ, 1998.
- Психологическая диагностика: Учебное пособие / под ред. К.М. Гуревич, Е.М. Борисовой. – М.: УРАО, 1997.
- Психология и культура / под ред. Д. Мацумото.– СПб.: Питер, 2003.
- Психология личности: Учебное пособие / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007.
- Психология развивающейся личности / под ред. А.В. Петровского. – М.: Педагогика, 1987.
- Психология человека от рождения до смерти / под ред. А.А. Реана. – СПб.: ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Реан А.А.* Психологический анализ проблемы удовлетворенности избранной профессией / А.А. Реан // Вопросы психологии. – 1988. – № 1. – С. 83–88.
- Рогачева Т.В.* Смысловая реальность болеющей личности: структурно-функциональный анализ (на материале болезней и нарушений системы кровообращения): дис. ... д-ра психол. наук / Т.В. Рогачева. – Томск, 2004.

- Рогов М.Г.* Мотивация учебной и коммерческой деятельности студентов: Социально-психологический аспект / М.Г. Рогов. – Казань: КГТУ, 1998.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т.2.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003.
- Рябикина З.И.* Личность как субъект формирования бытийных пространств / З.И. Рябикина // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М.: Институт психологии РАН, 2005. – С. 45-58.
- Рябикина З.И.* Личность как субъект бытия и со-бытия / З.И. Рябикина // Психология личности: Учебное пособие / под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. – М.: Эксмо, 2007. – С. 132-167.
- Салихова А.Ж.* Переживание экзистенциального центра личности / А.Ж. Салихова // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2007. – С. 100-103.
- Салихова Н.Р.* Взаимосвязь психических состояний с характеристиками ценностно-смысловой сферы личности // Психология психических состояний: Сб-к статей. Вып. 5 / под ред. А.О. Прохорова. – Казань: Центр инновационных технологий, 2004. – С. 141-156.
- Салихова Н.Р.* Психические состояния в анализе содержательных и динамических особенностей ценностно-смыслового мира личности // Психология психических состояний: Сб-к статей. Вып. 6 / под ред. А.О. Прохорова. – Казань: КГУ, 2006. – С. 136-150.
- Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 1979.
- Самухин Н.В., Биренбаум Г.В., Выготский Л.С.* К вопросу о деменции при болезни Пика / Н.В. Самухин, Г.В. Биренбаум, Л.С. Выготский // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. – 1934. – Т. III. – Вып. 6. – С. 97–135.
- Сапогова Е.Е.* Взгляд на взрослость изнутри: психологический дивертисмент / Е.Е. Сапогова // Психология зрелости и старения. – 2001. – № 1 (13). – С. 5-27.
- Сапогова Е.Е.* К определению понятия «гендерный концепт сознания» / Е.Е. Сапогова // Известия ТулГУ. Серия Психология. Вып. 4 / под ред. Е.Е. Сапоговой. – Тула: ТулГУ, 2004. – С. 163-179.
- Сапогова Е.Е.* Типы экзистенциальных ожиданий в Ego-trip нарративах / Е.Е. Сапогова // Вызовы эпохи в аспекте психологической и психотерапевтической науки и практики. Материалы Второй Всероссийской научной конференции (Казань, КГУ). – Казань: Новое знание, 2006. – С. 42-46.
- Сапогова Е.Е.* «Обитель души»: экзистенциальное пространство субъекта / Е.Е. Сапогова // Третья Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: материалы сообщений / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2007 а. – С.106-111.
- Сапогова Е.Е.* Экзистенциальные ожидания как фактор развития во взрослости и старости / Е.Е. Сапогова // Психология социального развития: Человек в совре-

- менном мире / под науч. ред. Ю.Н. Карандашева, В.Н. Шашок. – Минск: БГУ, 2007 б. – С. 99-111.
- Сапогова Е.Е.* Экзистенциальный контекст переживания лиминальных состояний / Е.Е. Сапогова // Человек в современном социуме: культура, этнос, гендер. Материалы Международной научной конференции / под ред. Е.Е. Сапоговой. – Тула: ТулГУ, 2008. – С. 17-23.
- Сарджвеладзе Н.И.* Динамическая структура личности и социогенные потребности / Н.И. Сарджвеладзе // Проблемы формирования социогенных потребностей / под ред. Ш.Н. Чхартишвили, В.Л. Какабадзе, Н.И. Сарджвеладзе. – Тбилиси, 1981. – С. 191–201.
- Селиванов В.В.* Когнитивный стиль в процессе мышления / В.В. Селиванов // Психологический журнал. – 1989. – Т. 10. – № 4. – С. 104-112.
- Семенов И.Н.* Типология, периодизация и организация рефлексивного подхода в психологии и социально-гуманитарных науках / И.Н. Семенов. – М.: Ярославль, 2004.
- Семенова Л.Э.* Гендерный анализ стратегии и тактики притязаний у детей старшего дошкольного возраста / Л.Э. Семенова // Вопросы психологии. – 2002. – № 6. – С. 23-31.
- Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд / Е.А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2006.
- Сергиенко Е.А.* От когнитивной психологии к психологии субъекта / Е.А. Сергиенко // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 1. – С. 17-27.
- Серегина Т.Н.* Черты личности и когнитивный стиль: взаимодействие и роль в успешности обучения: дис. ... канд. психол. наук / Т.Н. Серегина. – Краснодар, 2001.
- Серкин В.П.* Неврозы отложенной жизни (НОЖ) / В.П. Серкин // Человек. Власть. Общество. Научные труды III Азиатско-Тихоокеанского Международного конгресса психологов. – Хабаровск: Дальневосточный центр «Психология», МАПН, 2004. – С. 234-237.
- Серкин В.П.* Структура и функции образа мира в практической деятельности: дис. ... д-ра психол. наук / В.П. Серкин. – Москва, 2005.
- Серый А.В.* Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А.В. Серый // науч. ред. М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
- Сеченов И.М.* Рефлексы головного мозга (Попытка ввести физиологические основы в психические процессы) / И.М. Сеченов. – М.: АМН СССР, 1952.
- Синергетика: перспективы, проблемы, трудности (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 14-22.
- Синергетическая парадигма / под ред В.И. Аршинова. – М.: Мысль, 2000.
- Скарабис М., Шеффер Б., Шледер Б.* Социально-психологическая модель восприятия чужого: идентичность, знание, амбивалентность / М. Скарабис, Б. Шеффер, Б. Шледер // Психология. – 2004. – № 1. – С. 24-51.
- Слободчиков В.И., Исаев И.И.* Психология человека / В.И. Слободчиков, И.И. Исаев. – М.: Смысл, 1998.

- Слободчиков В.И., Цукерман Е.А.* Интегральная периодизация общего психического развития / В.И. Слободчиков, Е.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 38-50.
- Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения / С.Д. Смирнов. – М., 1985.
- Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира как парадигмы психологического мышления / С.Д. Смирнов // Мир психологии. – 2003. – № 4 (36). – С.18-31.
- Смирнов С.Д.* Образ мира как объект психологического исследования // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 157-173.
- Смолко А.В., Зяблов Д.В., Бейдер И.Н.* Уровень тревоги и инфаркт миокарда / А.В. Смолко, Д.В. Зяблов, И.Н. Бейдер // Физиология и патология органов дыхания и кровообращения. – Симферополь: Крымский медицинский институт, 1987. – С. 91-94.
- Смулевич А.Б.* Депрессии в общемедицинской практике / Л.Б. Смулевич. – М: Берег, 2000.
- Соколов Е.И., Заев А.П., Фомина В.М. и др.* Психологический тип личности как фактор риска в патогенезе ишемической болезни сердца / Е.И. Соколов, А.П. Заев, В.М. Фомина и др.// Кардиология. – 1991. – Т. 31. – № 7. – С. 102–105.
- Соколова Е.Е.* Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии / Е.Е. Соколова // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева) // под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 1999. – С. 80-117.
- Соколова Е.Е.* Методологическое единство contra плюрализм: Школа А.Н. Леонтьева против современной дихотомизации психологии / Е.Е. Соколова // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. – М.: Институт психологии РАН, 2007. – С. 286-312.
- Соколова Е.Т., Николаева В.В.* Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях / Е.Т. Соколова, В.В. Николаева. – М.: SvR-Аргус, 1995.
- Соловьев И.Н.* MLM и закон. Мнение чиновника. По материалам журнала «Налоговый Вестник России» / И.Н. Соловьев. – URL: <http://www.mlmgoodnews.ru>.
- Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Степин В.С.* Проблемы описания развивающихся систем / В.С. Степин // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 11-24.
- Стеценко А.П.* К вопросу о психологической классификации значений / А.П. Стеценко // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. – 1983. – № 1. – С. 22–30.
- Стрелков Ю.К.* Психологическое содержание штурманского труда в авиации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Ю.К. Стрелков. – М.: 1992.
- Стрелков Ю.К.* Психологическое содержание операторского труда / Ю.К. Стрелков. – М.: Российское психологическое общество, 1999.
- Субботский Е.В.* Проблемы генезиса личности. Депонированная рукопись / Е.В. Субботский. – М.: ВИНТИ, 1983. – Часть I-III. – № 6632-83 Деп.
- Теплов Б.М.* Избранные труды: В 2-х т. / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 1985. – Т. 2.

- Тихомиров О.К.* Психология мышления / О.К. Тихомиров. – М.: МГУ, 1984.
- Тополянский В.Д., М.В.Струковская* Психосоматические расстройства / В.Д. Тополянский, М.В. Струковская. – М.: Медицина, 1986.
- Трифонова С.А.* Субъективная ситуация: содержание, формирование, способы построения: дис.... канд. психол. наук / С.А. Трифонова. – Ярославль, 1999.
- Трофимова И.А.* Самоорганизация как фактор успешности деятельности аспирантов: дис. ... канд. психол. наук / И.А. Трофимова. – Л., 1983.
- Трунов Д.Г.* Виды рефлексии: феноменологическое обоснование / Д.Г. Трунов // Вестник Пермского университета. Серия «Психология». – 2009. – Вып. 2 (28). – С. 47-58.
- Тульчинский Г.Л.* Разум, воля, успех: О философии поступка / Г.Л. Тульчинский. – Л.: ЛГУ, 1990.
- Тульчинский Г.Л.* Смысл и гуманитарное знание / Г.Л. Тульчинский // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла). Материалы международной конференции. – М.: Смысл, 2005. – С. 7-26.
- Тхостов А.Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / А.Ш. Тхостов // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. – 1994. – № 2. – С. 3-13.
- Тхостов А.Ш.* Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) / А.Ш. Тхостов // Там же. – № 3. – С. 3-12.
- Узнадзе Д.Н.* Impersonalia / Д.Н. Узнадзе // Чвени мецниереба. – 1923. – № 1. – С. 1-27.
- Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования / Д.Н. Узнадзе. – М.: Наука, 1966.
- Улановский А.М.* Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А.М. Улановский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 130-150.
- Улюкин И.М.* Механизмы психологической защиты при ВИЧ-инфекции в зависимости от получения антиретровирусной терапии / И.М. Улюкин // Terra Medica nova. – 2004. – №4. – С. 21-24.
- Урунтаева Г.А.* Индивидуально-типологические особенности семантизации визуальных стимулов: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Г.А. Урунтаева. – М.: МГУ, 1981.
- Устинова Я.О.* Формирование умений самоорганизации и самоконтроля учебной деятельности у студентов вузов: дис. ... канд. пед. наук / Я.О. Устинова. – Челябинск, 2000.
- Ухтомский А.А.* Избранные труды / А.А. Ухтомский. – Л.: Наука, 1978.
- Фанталова Е.Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов / Е.Б. Фанталова. // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 1. – С. 107-117.
- Фанталова Е.Б.* Диагностика и психотерапия внутреннего конфликта / Е.Б. Фанталова. – Самара: БАХРАХ, 2001.
- Фахрутдинова Л.Р.* Теория переживания / Л.Р. Фахрутдинова. – Казань: КГУ, 2009.
- Фейдимен Дж., Фрейгер Р.* Теория и практика личностно-ориентированной психологии: в 2 т. / Дж. Фейдимен, Р. Фрейгер. – М.: Три Л, 1996. – Т. 1.
- Фестингер Л.* Когнитивный диссонанс / Л. Фестингер. – СПб.: Ювента, 1999.

- Филиппов А.В., Ковалев С.В.* Ситуация как элемент психологического тезауруса / А.В. Филиппов, С.В. Ковалев // Психологический журнал. – 1986. – Т. 7. – № 1. – С. 14-21.
- Филоненко В.А.* Формирование умений профессиональной самоорганизации у студентов педагогического колледжа: дис. ... канд. пед. наук / В.А. Филоненко. – Армавир: КубГУ, 2008.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990.
- Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы: пер. с англ. / А. Фрейд. – М.: Педагогика, 1993.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989.
- Хакен Г.* Информация и самоорганизация. Макроскопический подход к сложным явлениям / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991.
- Хащенко В.А.* Ценностные ориентации различных социальных групп в условиях разных форм собственности / В.А. Хащенко // Социальная психология экономического поведения / под ред. А.Л. Журавлева, Е.В. Шороховой – М.: Наука, 1999. – С. 56–67.
- Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: в 2 т. / Х. Хекхаузен / под ред. Б.М. Величковского. – М.: Педагогика, 1986. – Т. 1.
- Хелл Д.* Ландшафт депрессии / Д. Хелл. – М.: Алетейа, 1999.
- Херсонский Б.Г.* Чувство смысла / Б.Г. Херсонский // Вне ограды. – М.: Наука, 2008. – С. 351-369.
- Холлис Дж.* Перевал в середине пути: Как преодолеть кризис среднего возраста и найти новый смысл жизни: пер. с англ. / Дж. Холлис. – М.: Когито-Центр, 2008.
- Холмогорова А.Б.* Нарушения рефлексивной регуляции познавательной деятельности (при шизофрении): дис. ... канд. психол. наук / А.Б. Холмогорова. – М., 1983.
- Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума / М.А. Холодная. – М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Хусаинова Н.Р.* Личностная обусловленность типов смыслообразования при решении мыслительной задачи: дис. ... канд. психол. наук / Н.Р. Хусаинова. – М., 1989.
- Хухлаев О.Е.* Психология переживания в контексте культурно-исторической типологии / О.Е. Хухлаев // Вопросы психологии. – 2005. – № 5. – С.19-27.
- Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2003.
- Чавчавадзе Н.З.* Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси, 1984.
- Четошников Е.В.* Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Четошников – Томск, 2008.
- Чудновский В.Э.* К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии / В.Э. Чудновский // Психологический журнал. – 1993. – Т. 14. – № 5. – С. 3-12.
- Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции / под ред. Ш.Н. Чхартишвили, Н.И. Сарджвеладзе. – Тбилиси, 1974.*
- Шадриков В.Д.* Деятельность и способности / В.Д. Шадриков. – М.: Логос, 1994.

- Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека / В.Д. Шадриков. – М.: Университетская книга, Логос, 2006.
- Шакуров Р.Х.* Личность: психогенез и воспитание / Р.Х. Шакуров. – Казань: Центр инновационных технологий, 2003 а.
- Шакуров Р.Х.* Психология смыслов: теория преодоления / Р.Х. Шакуров // Вопросы психологии. – 2003 б. – №5. – С. 18-33.
- Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности / Р.М Шамионов. – Саратов, 2004.
- Шаров А.С.* Система ценностных ориентаций как психологический механизм регуляции жизнедеятельности человека: дис. ... д-ра психол. наук / А.С. Шаров. – Новосибирск, 2000.
- Шаров А.С.* К познанию эмоциональной сферы человека (в развитие обсуждаемых проблем) / А.С. Шаров // Мир психологии. – 2004. – № 1. – С. 214-226.
- Шаров А.С.* Жизненный кризис в развитии личности / А.С. Шаров. – Омск: ОмГТУ, 2005.
- Шкуратова И.П.* Исследование особенностей общения в связи с когнитивным стилем личности: дис. ... канд. психол. наук / И.П. Шкуратова. – Л.: ЛГУ, 1983.
- Шкуратова И.П.* Исследование стиля в психологии: оппозиция или консолидация. Комментарии / И.П. Шкуратова // Стиль человека: психологический анализ / под ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – С. 13-33, 125-162.
- Шпильрейн И.Н.* Трудовой метод изучения профессии / И.Н. Шпильрейн // История советской психологии труда / под ред. В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, О.Г. Носковой. – М.: МГУ, 1983. – С. 133-138.
- Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 38-50.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности: пер. с англ. / Р. Эммонс / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004.
- Эриксон Э.* Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: Ленато, АСТ, 1996.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / Э. Эриксон / общ. ред. А.В. Толстых. – М.: Прогресс, 1996.
- Юдина В.И.* Проблема Восток-Запад в истории отечественной культурологии: дис. ... канд. филос. наук / В.И. Юдина. – М., 1996.
- Юнг К.Г.* Архетип и символ / К.Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991.
- Юсупов П.Р.* Психологические особенности профессионального образа мира личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук / П.Р. Юсупов – Барнаул, 2003.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / В.А. Ядов. – М.: Наука, 1975. – С.114-196.
- Ярошевский М.Г.* Идеи Б.М. Теплова о переживании как феномене культуры / М.Г. Ярошевский // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 5-16.
- Ярушкин Н.Н.* Саморегуляция и самоорганизация социального поведения личности: дис. ... д-ра психол. наук / Н.Н. Ярушкин. – СПб., 1998.
- Best D.L., Williams I.E.* Cross-cultural viewpoint / D.L. Best, I.E. Williams // Perspectives on the psychology of gender / A.E. Beall, R.J. Sternberg (Eds.). – New York: Guilford Press, 1993. – P. 215-248.

- Brunstein J.* Personal goals and subjective well-being: A longitudinal study / J. Brunstein // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1993. – V. 65. – P. 1006-1019.
- Buhler Ch.* Der menschliche Lebenslauf als psychologisches problem / Ch. Buhler. – Leipzig: Hirzel, 1933.
- Buhler Ch., Allen M.* Introduction into Humanistic Psychology / Ch. Buhler, M. Allen. – Belmont: Brooks/Cole, 1972.
- Cantor N.* From thought to behaviour: «Having» and «doing» in the study of personality and cognition / N. Cantor // *American Psychologist*. – 1990. – Vol. 45. – P. 735-750.
- Carver C.S., Scheier M.F.* On the self-regulation of behaviour / C.S. Carver, M.F. Scheier. – New York: Cambridge University Press, 1998.
- Csikszentmihalyi M.* Flow: The Psychology of Optimal Experience / M. Csikszentmihalyi. – New York: Harper and Row, 1990.
- Deci E., Ryan R.* Intrinsic motivation and self-determination in human behavior / E. Deci, R. Ryan. – N.Y.: Plenum, 1985.
- Dilts R., Grinder J., Bandler R., DeLozier J.* Neuro-Linguistic Programming: The Study of the Structure of Subjective Experience. Volume I / R. Dilts, J. Grinder, R. Bandler, J. DeLozier. – Capitola, California: Meta Publications, 1980.
- Gibbs J.C.* Relations between moral judgment, moral courage and field independence / J.C. Gibbs // *Child Development*. – 1986. – V. 57 (1). – P. 185-193.
- Guilford J.P.* Cognitive styles: What are they? / J.P. Guilford // *Educational and Psychological Measurement*. – 1980. – V. 40 (3). – P. 715-735.
- Han S. & Shavitt S.* Persuasion and culture: Advertising appeals in individualistic and collectivistic societies / S. Han, S. Shavitt // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1994. – V. 30. – P. 326-350.
- Kim U.* Individualism and collectivism: Conceptual clarification and elaboration / U. Kim // *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* / U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi & G. Yoon (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. – P. 19-40.
- Klinger E.* Meaning and void: Inner experience and the incentives in people's life / E. Klinger. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1977.
- Labouvie-Vief G.* Intelligence and cognition / G. Labouvie-Vief // *Handbook of the psychology of aging* / J. Birren & K. Schaie (Eds.). – New York: Van Nostrand Reinhold, 1985. – P. 500-530.
- Levinson D.* A conception of adult development / D. Levinson // *American Psychologist*. – 1986. – № 41. – P. 3-13.
- Little B.R.* Human suffering in comparative perspective / B.R. Little // *They shall not hurt: Human suffering and human caring* / R.L. Taylor, J. Watson (Eds.). – Boulder, CO: Colorado Associated University Press, 1989. – P. 53-72.
- Magnusson D.* A psychology of situations / D. Magnusson // *Towards a psychology of situations. An interactional perspective*. – Hillsdale (N.J.): Erlbaum, 1981. – P. 9-32.
- May R.* Psychology and the human dilemma / R. May. – Princeton: VanNostrand, 1967.
- Nuttin J.* Motivation, planning and action: a relation theory of behavior dynamics / J. Nuttin. – Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

- Ohbuchi K., Fukushima O. & Tedeschi J.T.* Cultural values in conflict management: Goal orientation, goal attainment, and tactical decision / K. Ohbuchi, O. Fukushima & J.T. Tedeschi // *Journal of Cross-cultural Psychology*. – 1999. – V. 30. – P. 51-71.
- Plutchik R.* A general psychoevolutionary theory of emotions / R. Plutchik // *Emotion: Theory, research and experience: Vol. 1* / R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.). – New York, Academic Press, 1980. – P. 3-33.
- Plutchik R., Kellerman H., Conte H.R.* A structural theory of ego defenses and emotions / R. Plutchik, H. Kellerman, H.R. Conte // *Emotions in Personality and psychopathology* / C.E. Izard (Ed.). – New York, plenum, 1979.
- Riegel K.F.* Beyond formal operations / K.F. Riegel // *Late adolescence and adult cognitive development* / M.L. Commons, F.A. Richards, & C. Armon (Eds.). – New York: Praeger, 1984.
- Rogers C.R.* Toward a modern approach to values: The valuing process in the mature person / C.R. Rogers // *Journal of Abnormal and social Psychology*. – 1964. – V. 68. – P. 197-205.
- Rogers C.R.* *The Nature of Human Values* / C.R. Rogers. – New York: The Free Press, 1973.
- Sampson E.E.* Psychology and the American ideal / E.E. Sampson // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1977. – V. 35. – P. 767-782.
- Sampson E.E.* The debate on individualism: Indigenous psychologies of the individual and their role in personal and societal functioning / E.E. Sampson // *American Psychologist*. – 1988. – V. 43. – P. 15-22.
- Schaie K.W.* Beyond calendar definition of age, period and cohort: The general developmental model revisited / K.W. Schaie // *Developmental Review*. – 1986. – № 6. – P. 252-277.
- Schaefer J.A., Moos R.H.* Life crises and personal growth / J.A. Schaefer, R.H. Moos // *Personal coping: Theory, research, and application* / B.N. Carpenter (Ed.). – Westport, CT: Praeger, 1992. – P. 149-170.
- Schott E.* *Psychologie der Situation* / E. Schott. – Heidelberg, 1991.
- Schwartz S.H.* Normative evaluations of helping behavior. A critique, proposal, and empirical test / S.H. Schwartz // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 1973. – № 9. – P. 349-364.
- Schwartz S.H.* Beyond individualism and collectivism: New cultural dimensions of values / S.H. Schwartz // *Individualism and collectivism: Theory, method, and applications* / U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi & G. Yoon (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. – P. 85-119.
- Schäfer, B. & Schlöder, B.* Identität und Fremdheit. Sozialpsychologische Aspekte der Eingliederung und Ausgliederung des Fremden / B. Schäfer, Schlöder // *Jahrbuch für Christliche Sozialwissenschaft*. – 1994. – Vol. 35. – P. 69-87.
- Sternberg R.J.* Thinking styles theory and assessment at the interface between intelligence and personality / R.J. Sternberg. – New York, 1994.
- Tageson W.* *Humanistic psychology: a synthesis* / W. Tageson. – Homewood (Ill.): The Dorsey Press, 1982.

- Tedeschi R.G., Park C.L., Calhoun L.G.* Posttraumatic growth: Positive changes in the aftermath of crisis / R.G. Tedeschi, C.L. Park, L.G. Calhoun. – Mahwah, NJ: Erlbaum, 1998.
- Thomae H.* Das Individuum und seine Welt / H. Thomae. – Gottingen, 1996.
- Triandis H.C.* Theoretical and methodological approaches to the study of collectivism and individualism / H.C. Triandis // Individualism and collectivism: Theory, method, and applications / U. Kim, H.C. Triandis, C. Kagitcibasi, S.C. Choi & G. Yoon (Eds.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. – P. 41-51.
- Wardell D.M., Royce J.R.* Toward a multi-factor theory of styles and their relationships to cognition and affect / D.M. Wardell, J.R. Royce // Journal of Personality. – 1978. – № 3. – V. 46. – P. 474-505.
- Witkin H.A.* Individual differences in ease of perception of embedded figures / H.A. Witkin // J. of Personality. – 1950. – V. 19. – P. 1-15.
- Witkin H.A.* Field dependence and interpersonal behavior / H.A. Witkin // Psychol. Bulletin. – 1977. – V. 84. – P. 661-689.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
ЧАСТЬ I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ ...	9
Глава 1. Жизненный мир человека и понятийные оппозиции его описания в психологии	12
Глава 2. Ценности как содержательные составляющие жизненного пространства личности	43
Глава 3. Контекстуально-уровневая модель жизненного пространства личности	62
Глава 4. Проблема динамических аспектов функционирования личностных ценностей	113
ЧАСТЬ II. ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ	139
Глава 5. Ценностно-смысловой рельеф жизненного пространства личности	139
2.1. Смысл рассогласования важности и доступности личностных ценностей: конфликт или побуждение?	139
2.2. Динамические критерии типов смыслообразования в контексте личностных ценностей	161
2.3. Гендерные и возрастные особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства личности	180
2.4. Особенности ценностно-смыслового рельефа жизненного пространства в зависимости от внутривозрастных изменений социальной ситуации развития	188
Глава 6. Реализуемость личностных ценностей как устойчивая характеристика личности	203
3.1. Устойчивость индексов барьерности и реализуемости относительно ценностей разного содержания	204
3.2. Психометрические параметры индивидуальных индексов барьерности и реализуемости	216
3.3. Реализуемость личностных ценностей в ситуации жизненного кризиса	219
3.4. Соотношение реализуемости личностных ценностей с устойчивыми свойствами личности	241

3.5. Взаимосвязь реализуемости личностных ценностей с психометрическим интеллектом	246
Глава 7. Реализуемость личностных ценностей и образ мира	255
4.1. Соотношение реализуемости личностных ценностей и защитных механизмов личности	257
4.2. Когнитивные стили и реализуемость личностных ценностей	271
4.3. Реализуемость личностных ценностей в образе мира и структурировании жизненного пространства	285
Глава 8. Реализуемость личностных ценностей в стратегии жизни	292
5.1 Соотношение реализуемости личностных ценностей с ответственностью и субъективной оценкой свободы	297
5.2. Реализуемость личностных ценностей и профессиональный выбор в период юности	326
5.3. Специфика жизненного пространства личности в зависимости от барьерности – реализуемости ценностей	334
Глава 9. Профессионально и социокультурно обусловленные особенности ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности	350
6.1. Профессиональная специфика ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности	353
6.2. Социо-культурно обусловленные особенности ценностно-смысловой организации жизненного пространства (на примере сравнения американских и российских студентов)	377
Глава 10. Функциональный механизм барьерности-реализуемости ценностей в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности	390
10.1. Реализуемость личностных ценностей как динамический аспект ценностно-смысловой организации жизненного пространства	390
10.2. Роль и место функционального механизма барьерности-реализуемости ценностей в ценностно-смысловой организации жизненного пространства личности	410
Заключение	424
Литература	428
Содержание	450

Салихова Наиля Рустамовна

**ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА ЛИЧНОСТИ**

Редактор *Н.А. Холстинина*

Дизайн обложки *Н.С. Корсаковой*

Подписано в печать 27.08.10.

Бумага офсетная. Печать ризографическая.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл.печ.л. 26,27

Уч.-изд.л. 27,17. Тираж 500 экз. Заказ 6/6

Казанский государственный университет

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 292-65-60